

ДИАЛОГ ГОРОДСКОЙ И СТЕПНОЙ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Историческая география
Золотой Орды

Материалы Седьмой международной конференции,
посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова

**DIALOGUE OF URBAN AND STEPPE
CULTURES ON EURASIAN TERRITORY**
Historical Geography of the Golden Horde

VII International Conference in Memory of German Fyodorov-Davydov

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

**«Диалог городской и степной культур
на Евразийском пространстве.
Историческая география Золотой Орды»**

**Материалы Седьмой Международной конференции,
посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова**

*Под редакцией
С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова*

КАЗАНЬ • ЯЛТА • КИШИНЁВ
2016

TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES
A. KH. KHALIKOV INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE CRIMEA

KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY

MARI STATE UNIVERSITY

M. V. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
CHAIR OF ARCHAEOLOGY

***Dialogue of Urban and Steppe Cultures
in the Eurasian Space.
Historical Geography of the Golden Horde***

***Proceedings of the VII International Scientific Conference
in memoriam German Fyodorov-Davydov***

*Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov*

KAZAN • YALTA • KISHINEV
2016

902/904(4+5)(082)
Д 44

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
и Академии наук Республики Татарстан
Проект: 16-46-161058 р_г

Составители и ответственные редакторы:

С. Г. Бочаров и А. Г. Ситдииков

Печатается по решению Учёных советов:

Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Института археологии Крыма РАН

Научные рецензенты:

доктор исторических наук И. К. Загидуллин,
заведующий отделом Новой истории Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

доктор исторических наук В. В. Трепавлов,
руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений,
главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук

доктор исторических наук Р. М. Шукуров,
доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

***Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве.
Историческая география Золотой Орды
Материалы Седьмой Международной конференции,
посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова***

e-ISBN 978-9975-3148-4-8.

© С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков

© Stratum plus. P. P.

© Обложка: Д. А. Топал

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина, О. В. Димо

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: Г. В. Засыпкина

Редакционная коллегия

- канд. ист. наук **Бочаров Сергей Геннадиевич**, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (сопредседатель редакционной коллегии)
- д-р. ист. наук **Ситдилов Айрат Габитович**, директор Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (сопредседатель редакционной коллегии)
- д-р. ист. наук **Зеленев Юрий Анатольевич**, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра Марийского государственного университета
- д-р. ист. наук, профессор **Канторович Анатолий Робертович**, зав. кафедрой археологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- канд. ист. наук **Коваль Владимир Юрьевич**, зав. отделом средневековой археологии Института археологии РАН
- канд. ист. наук **Масловский Андрей Николаевич**, зав. отделом археологии Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника
- канд. ист. наук **Мыц Виктор Леонидович**, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа
- д-р. ист. наук, профессор **Тишкин Алексей Алексеевич**, зав. кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета
- канд. ист. наук **Яворская Лилия Вячеславовна**, научный сотрудник Института археологии РАН

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

"Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды", международная конференция (7 ; 2016 ; Казань ; Ялта ; Кишинев). "Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды" = "Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde" : Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / под ред.: С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдилова. – Казань ; Ялта ; Кишинев : Stratum Plus, 2016 (Ф.Е.-Р. "Tipografia Centrală"). – 310 p. – (Археологические источники Восточной Европы = Archeological Records of Eastern Europe, ISBN 978-9975-4272-6-5).

Antetit.: Ин-т археологии им. А. Х. Халикова акад. наук Респ. Татарстан, Ин-т археологии Крыма Российской акад. наук, Казанский (Приволжский) федеральный ун-т [и др.]. –Tit. paral.: lb. engl., rusă. – Texte : lb. engl., rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art. – Изд. при фин. поддержке Российского фонда фундаментальных исслед. и Акад. наук Респ. Татарстан. – 300 ex.

1 disc optic electronic (CD-ROM) : sd., col.; în container, 15×15 cm.

Cerințe de sistem: Windows 98/2000/XP, 64 Mb hard, Acrobat Reader

ISBN 978-9975-3148-4-8.

902/904(4+5)(082)

Д 44

Сборник материалов Седьмой международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды», посвящённой памяти выдающегося деятеля отечественной науки, археолога, историка и нумизмата, основателя золотоордынской археологии, профессора МГУ Г. А. Фёдорова-Давыдова, освещает вопросы, связанные с изучением истории, археологии, исторической географии регионов Золотой Орды и других образованных монголами государств, а также территорий, сопредельных с ними, определить их роль и место в средневековом мире. Важное место в рамках данного научного издания занимают материалы, связанные с междисциплинарным подходом и естественнонаучными методами исследований археологических памятников, предоставляющие новые возможности для изучения путей и основных товарных потоков через территорию Золотой Орды, степени распространения собственной ремесленной и сельскохозяйственной продукции этого государства, систем жизнеобеспечения огромных средневековых городов, соучастия степной кочевой субкультуры во всех упомянутых процессах.

Сборник материалов предназначен для историков, археологов, этнографов, музееведов, специалистов по истории культурного наследия и имеет большую познавательную ценность для широкого круга читателей.

902/904(4+5)(082)

Д 44

The Conference is supported by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
and the Russian Foundation for Basic Research
(project 16-46-161058 p_r)

Compilers and responsible editors:

Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Printed by decision of the following Academic Councils:

A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences
Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences

Scientific reviewers:

Doctor of Historical Sciences Ildus Zagidullin,
Head of Modern History Department, Shigabuddin Mardzhani History Institute,
Tatarstan Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences Vadim Trepavlov,
Head of the Center of History of Peoples of Russia and Interethnic Relations,
Leading Research Fellow of the Institute for the Russian History, Russian Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences Rustam Shukurov,
Associate Professor of the Medieval History Chair, History Department,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Dialogue of Urban and Steppe Culture in the Eurasian Space.

Historical Geography of the Golden Horde

***Proceedings of the VII International Scientific Conference
in memoriam German Fyodorov-Davydov***

Editorial Board

- Candidate of Historical Sciences **Sergei G. Bocharov**, Senior Research Fellow, Institute of Archaeology of Crimea of RAS
- Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**, Head of Tatarstan History, Archaeology and Ethnology Department, Kazan (Volga Region) Federal University, Director of A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences
- Doctor of Historical Sciences **Yuriy A. Zeleneev**, Head of Education & Science Archaeological and Ethnological Center, Mari State University
- Doctor of Historical Sciences, Professor **Anatoly A. Kantorovich**, Head of Archaeology Department, M.V. Lomonosov Moscow State University
- Candidate of Historical Sciences **Vladimir V. Koval**, Head of Medieval Archaeology Section, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
- Candidate of Historical Sciences **Andrey N. Maslovski**, Head of Archaeology Section, Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve
- Candidate of Historical Sciences **Victor L. Mytz**, Leading Research Fellow of the State Hermitage Museum
- Doctor of Historical Sciences, Professor **Aleksey A. Tishkin**, Head of Archaeology, Ethnography and Museology Department, Altai State University
- Candidate of Historical Sciences **Liliya V. Yavorskaya**, Research Fellow of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences

This collection of proceedings of the VII International Scientific Conference ‘Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde’ is dedicated to the memory of G.A. Fyodorov-Davydov, an outstanding researcher, archaeologist, historian and numismatist, founder of the Golden Horde archaeology and Professor of Moscow State University. The aim is to elucidate studies of history, archaeology, historical geography of various regions of the Golden Horde and other Mongol states and adjacent lands, and define their role and place in the medieval world. Most of the contributions included here use interdisciplinary approach and natural scientific methods in studying archaeological sites to identify the itineraries and main trade flows through the territory of the Golden Horde, the extent of its own manufactured and agricultural products, livelihood systems of large medieval cities and involvement of the steppe nomadic subculture in these processes.

These conference proceedings are meant for historians, archaeologists, ethnographers, museum experts and specialists in cultural heritage; as well, they can be instructive and interesting for wider groups of readers.

Памяти
Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова
(1931—2000)

In memory of
German Fyodorov-Davydov
(1931—2000)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	19
Foreword	21

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Н. Г. Артемьева (<i>Владивосток, Россия</i>). Дворцовая архитектура чжурчжэньских городов Приморья	25
О. В. Дьякова, В. В. Шевченко (<i>Владивосток, Россия</i>). Тунгусо-маньчжуры и дауры Приамурья: этнокультурное пограничье (по материалам фортификации)	28
Н. А. Ключев, И. В. Гридасова, М. А. Якупов (<i>Владивосток, Россия</i>). Новые открытия в средневековой археологии Приморья: городище Кокшаровка-1	31
Н. А. Ключев, И. Ю. Слепцов, А. Л. Ивлиев (<i>Владивосток, Россия</i>). Кокшаровка-8 — уникальный погребальный комплекс эпохи средневековья в Приморье	35
Н. Н. Крадин (<i>Владивосток, Россия</i>). Об изучении городов Монгольской империи в Монголии и Забайкалье	39

СИБИРЬ И ЗАБАЙКАЛЬЕ

Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева (<i>Владивосток, Россия</i>), Е. В. Ковычев (<i>Чита, Россия</i>), А. В. Харинский (<i>Иркутск, Россия</i>). Усадьба Алестуй монгольского времени в Забайкалье	45
И. Л. Кызласов (<i>Москва, Россия</i>). Археологические признаки административных границ южносибирского средневековья (по трудам Л. Р. Кызласова)	49
П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка (<i>Красноярск, Россия</i>). Приенисейская Сибирь — северная периферия Монгольской империи	54
С. Ф. Татауров (<i>Омск, Россия</i>). Тюрко-татарские города Западной Сибири в XIV—XVI вв. в археологических и исторических исследованиях	58
С. С. Тихонов (<i>Омск, Россия</i>). Гибель Сибирского ханства: этапы исторического процесса на северо-восточной окраине татарского мира	62
А. В. Харинский (<i>Иркутск, Россия</i>), Е. В. Ковычев (<i>Чита, Россия</i>), Н. Н. Крадин (<i>Владивосток, Россия</i>). Могильник Окошки I в юго-восточном Забайкалье и некоторые аспекты идентичности монголов в XIII—XIV вв.	65

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

А. А. Бисембаев (<i>Актобе, Казахстан</i>). Западный Казахстан в XIII—XIV вв.	71
А. А. Бисембаев (<i>Актобе, Казахстан</i>), Г. А. Ахатов (<i>Алматы, Казахстан</i>). Городища эпохи Золотой Орды на территории Западного Казахстана	74
Э. Д. Зиливинская (<i>Москва, Россия</i>). Золотоордынские памятники Западного Казахстана: новые исследования	77
О.-Ш. Кдырниязов (<i>Нукус, Узбекистан</i>). Мечеть и караван-сарай Пульжая (памятники Золотой Орды в северном Каракалпакстане)	81
О.-Ш. Кдырниязов, М.-Ш. Кдырниязов (<i>Нукус, Узбекистан</i>). Крымско-золотоордынские параллели в культуре городов Южного Приаралья	84
А. И. Торгоев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), В. А. Кольченко (<i>Бишкек, Кыргызстан</i>), Я. В. Френкель (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Пожар городища Красная Речка: след монгольского нашествия в Притяньшанье?	87

М. К. Хабдулина (Астана, Казахстан). Раннемусульманские погребения некрополя городища Бозок	94
--	-----------

СРЕДНЯЯ ВОЛГА

Х. М. Абдуллин (Казань, Россия). География и особенности кладов и случайных находок периода Золотой Орды и Казанского ханства на территории Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам отчетов о находках казанским губернаторам)	99
Д. Ю. Бадеев (Москва, Россия). Динамика развития городской территории средневекового Болгара	102
Д. Ю. Бадеев (Москва, Россия), Р. Р. Валиев (Казань, Россия). Усадьбы золотоордынского Болгара к юго-западу от Соборной мечети	105
В. С. Баранов (Казань, Россия). К вопросу о границе между ранним и поздним горизонтами золотоордынского слоя Болгарского городища	108
А. М. Губайдуллин (Казань, Россия). О строительстве оборонительных сооружений Болгарского городища в золотоордынский период	111
И. Л. Измайлов (Казань, Россия). Болгарский улус во второй половине XIII — середине XIV вв.: историко-археологический анализ	113
В. Ю. Коваль, П. Е. Русаков (Москва, Россия). О фортификации Болгарского городища в XIV в.	118
Д. Г. Мухаметшин (Болгар, Россия). К вопросу о социально-исторической топографии Великого Болгара в XIII—XIV вв.	121
И. Д. Мухаметшин (Болгар, Россия). Топография поселений округа золотоордынского Болгара	124
Т. Б. Никитина (Казань, Россия), Е. Е. Воробьева (Йошкар-Ола, Россия). К исторической топографии средневековых могильников Марийско-Чувашского Поволжья	127
К. А. Руденко (Казань, Россия). Булгарский улус Золотой Орды: историческая география	131
А. Г. Ситдииков (Казань, Россия). Историческая география Среднего Поволжья: вторая половина XIV — первая половина XV в.	135
О. В. Степанов (Казань, Россия). Клад джучидских монет второй четверти XV в. из Алексеевского района Татарстана. К вопросу о монетных дворах Болгарского улуса в XV в.	141
З. Г. Шакиров, Ф. Ш. Хузин (Казань, Россия). Проблемы изучения памятников золотоордынского времени на территории Билярского городища и в его округе	145

НИЖНЯЯ ВОЛГА

Д. В. Васильев (Астрахань, Россия). Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте)	153
И. В. Волков (Москва, Россия). Изображение бассейна Волги и Каспия на европейских картах XIV—XVI вв.	156
З. В. Доде (Ростов-на-Дону, Россия). Об одном половецком погребении и интерпретациях на тему ртути	161

А. Ю. Зеленева, Ю. А. Зеленева (Йошкар-Ола, Россия). Мордва Нижнего Поволжья в золотоордынское время164
А. Ф. Кочкина (Самара, Россия). К характеристике пространственной организации системы расселения в правобережье Самарского Поволжья в золотоордынский период166
Д. А. Кубанкин (Саратов, Россия). К вопросу о хронологии Укека и памятников его округа170
И. Ю. Лапшина (Волгоград, Россия). Вопрос о границе между Мамаевой и Волжской Ордой174
И. В. Матюшко, Л. А. Краева, Л. В. Купцова (Оренбург, Россия). Серебряные дирхемы Золотой Орды в степном Приуралье177
М. В. Моисеев (Москва, Россия). Западные рубежи Ногайской Орды. К истории ногайско-крымских и ногайско-астраханских отношений XVI века180
Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов (Казань, Россия). Топография и застройка Багаевского селища183
Е. М. Пигарёв (Казань, Россия). Дельта Волги в золотоордынский период187
Б. Р. Рахимзянов (Казань, Россия). Стратификация игроков политической сцены Дешт-и Кипчака в начале XV века: случай приезда сыновей Тохтамыша в «земли Руси»191
Р. Ю. Рева (Казань, Россия). О наименовании некоторых городов на караванном пути Хорезм — Сарай в конце XIII — начале XIV вв.195
Д. А. Сташенков (Самара, Россия). Кузькинский мордовский могильник конца XIII—XIV в.: новые материалы о населении Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды201
Л. В. Яворская, Е. Е. Антипина (Москва, Россия). География и особенности жизнеобеспечения городов Золотой Орды по археозоологическим данным204

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ

В. А. Бабенко (Ставрополь, Россия). Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье211
И. А. Дружинина (Москва, Россия). Нижнее Закубанье в XIII—XIV вв.: на границе культур и природных зон215
Ю. В. Зеленский (Краснодар, Россия). Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья219
В. П. Мокрушин, Е. И. Нарожный, П. В. Соков (Краснодар, Россия). О внутренней топографии поселения XIII—XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края): предварительные наблюдения221
Е. И. Нарожный (Краснодар, Россия). О локализации «Трехстенного городка» на Нижнем Тереке: некоторые вопросы исторической географии XIII—XVII вв.225
Е. И. Нарожный, П. В. Соков (Краснодар, Россия). География события 1222 года на Северном Кавказе232
Л. М. Носкова (Москва, Россия). Адыгская керамика золотоордынского времени в фондах Государственного музея Востока238

Ю. Д. Обухов (<i>Прасковья, Россия</i>). Город Золотой Орды Маджар по письменным и картографическим источникам242
С. Н. Савенко (<i>Пятигорск, Россия</i>). К исторической топографии Нижнего и Верхнего Джулатов золотоордынского времени (историографические аспекты)246
Е. Л. Соснина (<i>Пятигорск, Россия</i>). Франкоязычные путешественники прошлого о памятниках золотоордынской эпохи на Кавказе (городище Маджары)254

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КРЫМ

L. Bejenaru (<i>Yassi, Romania</i>), L. Vasumenco-Pîrnău (<i>Kishinev, Moldova</i>). Animals for Food in the Golden Horde City of Old Orhei (Republic of Moldova): Topography and Archaeozoological Data259
С. Г. Бочаров (<i>Симферополь, Крым</i>). Историческая география Генуэзской Газарии 1275—1475 гг.263
А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев (<i>Симферополь, Крым</i>). К исторической топографии Кырк-Ера: мнимая гробница Айдар-хана269
А. Г. Герцен, В. Е. Науменко (<i>Симферополь, Крым</i>). О золотоордынском периоде в истории Мангупского городища: к постановке научной проблемы272
С. В. Дьячков (<i>Харьков, Украина</i>). «Новые» объекты на топографической карте генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам раскопок 1999—2013 гг.)275
В. П. Кирилко (<i>Симферополь, Крым</i>). Крымский контекст золотоордынской архитектуры в научных трудах современных исследователей279
С. А. Кравченко (<i>Азов, Россия</i>). Топография гончарного производства Азака284
Э. Е. Кравченко (<i>Донецк, Украина</i>). Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII—XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории)287
А. Н. Масловский (<i>Азов, Россия</i>). Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку290
В. Л. Мыц (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Симболон — Чембало — Балаклава: семантика топонимов и особенности топографии средневекового города294
М. В. Цыбин (<i>Воронеж, Россия</i>). Некоторые вопросы исторической географии Среднего Подонья в эпоху Золотой Орды299
В. Н. Чхаидзе (<i>Москва, Россия</i>). Военная организация кочевников Крыма в XII—XIV веках302
Н. И. Юдин, А. П. Минаев (<i>Азов, Россия</i>). Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья305
Список сокращений307

CONTENTS

Foreword	21
--------------------	----

THE FAR EAST

N. G. Artemieva (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). The Palace Architecture of the Jurchen Towns in Primorye	25
O. V. Diakova, V. V. Shevchenko (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). The Manchu-Tungus and the Daur of the Amur area: An ethno-cultural borderland (according to fortification materials)	28
N. A. Kluyev, I. V. Gridasova, M. A. Yakupov (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). New Discoveries in the Medieval Archaeology of Primorye: Koksharovka-1 Hillfort	31
N. A. Kluyev, I. Yu. Sleptsov, A. L. Ivliev (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). Koksharovka-8 — a Unique Medieval Burial Complex in Primorye	35
N. N. Kradin (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). On the Study of the Cities of the Mongol Empire in Mongolia and the Trans-Baikal Region	39

SIBERIA AND TRANSBAIKALIA

N. N. Kradin, S. E. Baksheeva (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>), E. V. Kovychev (<i>Chita, Russian Federation</i>), A. V. Kharinskii (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>). The Alestuy Homestead Site of the Mongol Period in the East Baikal Region	45
I. L. Kyzlasov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Archaeological Features of Administrative Borders in Medieval South Siberia (after the works by L. R. Kyzlasov)	49
P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). The Yenisei Siberia Region as the Northern Periphery of the Mongol Empire	54
S. F. Tataurov (<i>Omsk, Russian Federation</i>). The Turkic-Tatar Cities of Western Siberia in the 14th—16th Centuries in Archaeological and Historical Researches	58
S. S. Tikhonov (<i>Omsk, Russian Federation</i>). The Collapse of the Siberian Khanate: the stages of the historical process in the north-eastern outskirts of the Tatar World	62
A. V. Kharinskii (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>), E. V. Kovychev (<i>Chita, Russian Federation</i>), N. N. Kradin (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). The Okoshki 1 Burial Mound Site in South-Eastern Transbaikalia and Some Aspects of the Mongol Identity in the 13th and 14th Centuries	65

CENTRAL ASIA

A. A. Bissembaev (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>). Western Kazakhstan in the 13th—14th Centuries	71
A. A. Bissembaev (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>), G. A. Akhatov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>). Golden Horde Hillforts in Western Kazakhstan	74
E. D. Zilivinskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Golden Horde Sites of Western Kazakhstan. New studies	77
O.-Sh. Kdirniazob (<i>Nukus, Uzbekistan</i>). A Mosque and a Caravanserai from Puljay: Golden Horde Sites in Northern Karakalpakstan	81
O.-Sh. Kdirniazob, M.-Sh. Kdirniazob (<i>Nukus, Uzbekistan</i>). Crimean and Golden Horde Parallels in the Culture of the Southern Aral Region Cities	84

A. I. Torgoev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), V. A. Kolchenko (<i>Bishkek, Kyrgyzstan</i>), Ia. V. Frenkel (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Fire at Krasnaya Rechka Hillfort: Traces of the Mongol Invasion in Tian-Shan Region?	87
M. K. Khabdulina (<i>Astana, Kazakhstan</i>). Early Muslim Burials in the Necropolis of Bozok Hillfort	94

MIDDLE VOLGA

Kh. M. Abdullin (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Geography and Peculiarities of Hoards and Stray Finds of the Golden Horde and the Kazan Khanate Period in the Territory of Kazan Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (after reports to the governors of Kazan)	99
D. Yu. Badeev (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Dynamics of Medieval Bolgar Urban Development	102
D. Yu. Badeev (<i>Moscow, Russian Federation</i>), R. R. Valiev (<i>Kazan, Russian Federation</i>). The Homesteads of the Bulgar during the Golden Horde Period to the South-West of the Cathedral Mosque	105
V. S. Baranov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). On the Problem of the Boundary between the Early and the Late Horizons of the Golden-Horde Stratum of the Bolgar Hillfort	108
A. M. Gubaidullin (<i>Kazan, Russian Federation</i>). On the Defensive Structures of the Bolgar Hillfort in the Golden Horde Period	111
I. L. Izmailov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Bolgar Ulus in the Second Half of the 13th to Mid-14th Centuries: an historical and archaeological analysis	113
V. Yu. Koval, P. Ye. Rusakov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). On Fortification of the Bolgar Hillfort in the 14th Century	118
Dj. G. Muhametshin (<i>Bolgar, Russian Federation</i>). On the Problem of Great Bolgar Socio-Historical Topography in the 13th—15th Centuries	121
I. Dj. Muhametshin (<i>Bolgar, Russian Federation</i>). Topography of Settlements in the Vicinity of the Golden-Horde Bolgar	124
T. B. Nikitina (<i>Kazan, Russian Federation</i>), E. E. Vorobeva (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>). On the Historical Topography of Medieval Burial Complexes in the Volga Mari-Chuvash Region	127
K. A. Rudenko (<i>Kazan, Russian Federation</i>). The Bolgar Ulus of the Golden Horde: Historical Geography	131
A. G. Sitdikov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Historical Geography of the Middle Volga Region in the Second Half of 14th — First Half of 15th Centuries	135
O. V. Stepanov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). The Hoard of Juchid Coins (Second Quarter of the 15th Century) from Alexeyevsky District of Tatarstan: to the problem of the 15th-century Bolgar Ulus mints	141
Z. G. Shakirov, F. Sh. Khuzin (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Problems of Studies of the Golden-Horde Period Sites in the Territory of the Bilyar Hillfort Site and Its Environs	145

LOWER VOLGA

D. V. Vasiliev (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>). The Volga Estuary in the 13th Century (based on the materials of the Samosdelka hillfort site and newly-found sites in the area)	153
--	-----

I. V. Volkov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Representation of the Volga Basin and the Caspian Sea on 14-16th-century European Maps156
Z. V. Dode (<i>Rostov-on-Don, Russian Federation</i>). On a Polovtsian Burial: Interpretations of Mercury Presence161
A. Yu. Zeleneev, Yu. A. Zeleneev (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>). The Mordvinians of the Lower Volga Region under the Golden Horde164
A. F. Kochkina (<i>Samara, Russian Federation</i>). On Spatial Organization Characteristics of the Settlement System in the Right-Bank Volga Samara Region During the Golden Horde Period166
D. A. Kubankin (<i>Saratov, Russian Federation</i>). To the Problem of Ukek Chronology and Sites in Its Environs170
I. Yu. Lapshina (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). About the Border between the Mamai and the Volga Hordes174
I. V. Matyushko, L. A. Kraeva, L. V. Kuptsova (<i>Orenburg, Russian Federation</i>). Golden Horde Silver Dirhams on the Area of the Ural Steppe177
M. V. Moiseev (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Nogai Horde Western Boundaries. On the History of Nogai Relations with Astrakhan and the Crimea in the 16th Century . .	.180
L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Topography and Development of Bagaevka Settlement183
E. M. Pigarev (<i>Kazan, Russian Federation</i>). The Estuary of the Volga River in the Golden Horde Period187
B. R. Rakhimzianov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Stratification of Political Actors of the Desht-i-Qipchaq in the Beginning of the Fifteenth Century: the Case of the Arrival of Tokhtamysh's Sons to Muscovy191
R. Yu. Reva (<i>Kazan, Russian Federation</i>). On the Names of Some Towns along the Caravan Route from Khorezm to Saray in the Late 13th — Early 14th Century195
D. A. Stashenkov (<i>Samara, Russian Federation</i>). The Mordovian Kuzkinsky Burial Ground of the Late 13th — 14th Centuries: new materials about the population of the left-bank Volga Samara area in the Golden Horde era201
L. V. Yavorskaya, E. Ye. Antipina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Geography and Peculiarities of the Life-Support System of the Golden Horde Towns (based upon archaeozoological data)204

THE NORTHERN CAUCASUS AND TRANSCAUCASIA

V. A. Babenko (<i>Stavropol, Russian Federation</i>). Localization of the Gashun-Usta Stow Complex (Stavropol Province, 1890) and Distinction of the Golden Horde Possessions in Central Ciscaucasia211
I. A. Druzhinina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Lower Trans-Kuban in the 13th—14th Centuries: on the border of cultures and natural zones215
Yu. V. Zelenskiy (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Findings of Polovtsian Stone Sculptures as a Source for the Study of the Geography of Polovtsian Encampments in the Kuban Steppes219
V. P. Mokrushin, E. I. Narozhny, P. V. Sokov (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). On the Internal Topography of the 13th—15th-Century Settlement “Zheleznodorozhnoye-1” (Krymsk District, Krasnodar Krai): preliminary observations221

E. I. Narozhny (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). On Localization of the “Trekhsenny Gorodok” site on the Lower Terek: issues of 13 th —17 th -century historical geography225
E. I. Narozhny, P. V. Sokov (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). The Geography of 1222 Events in the North Caucasus232
L. M. Noskova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Adygeyan Pottery of the Golden Horde Period from the Collections of the State Museum of Oriental Art (Moscow)238
Yu. D. Obukhov (<i>Praskoveya, Russian Federation</i>). Madjar, a City of the Golden Horde, by Written, Cartographic and Visual Sources242
S. N. Savenko (<i>Pyatigorsk, Russian Federation</i>). Historical topography of the Lower and Upper Djulat Cities in the Golden Horde time (aspects of historiography)246
E. L. Sosnina (<i>Pyatigorsk, Russian Federation</i>). French-speaking Travelers of the Past about the Golden Horde Sites in the Caucasus (Madjary Hillfort)254

NORTH BLACK SEA REGION AND THE CRIMEA

L. Bejenaru (<i>Yassi, Romania</i>), L. Bacumenco-Pîrnău (<i>Kishinev, Moldova</i>). Animals for Food in the Golden Horde City of Old Orhei (Republic of Moldova): Topography and Archaeozoological Data259
S. G. Bocharov (<i>Simferopol, Crimea</i>). The Historical Geography of the Genoese Gazaria 1275—1475263
A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarychev (<i>Simferopol, Crimea</i>). On Historical Topography of Qırq Yer: a delusory tomb of Hayder Khan269
A. G. Gertsen, V. E. Naumenko (<i>Simferopol, Crimea</i>). On the Golden Horde Period in the History of Mangup Settlement: the Formulation of a Scientific Problem272
S. V. Dyachkov (<i>Kharkov, Ukraine</i>). “New” Objects on the Topographic Map of the Genoese Fortress Cembalo, 14 th —15 th Centuries (by materials of the digs in 1999—2013)275
V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). The Crimean Context of Golden Horde Architecture in Scientific Works by Modern Researchers279
S. A. Kravchenko (<i>Azov, Russian Federation</i>). Topography of Azak Pottery Production284
E. E. Kravchenko (<i>Donetsk, Украина</i>). North-Eastern Azov Sea Region and Middle Reaches of the Seversky Donets River in the 13—14 th Centuries (the impact of natural and geographical factors on the peopling of the territory)287
A. N. Maslovski (<i>Azov, Russian Federation</i>). The Topography of Burial Grounds of Golden Horde Azak and their Impact on the Urban Planning290
V. L. Mytz (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Symbolon — Cembalo — Balaklava: Toponymy Semantics and Peculiarities of the Medieval Town Topography294
M. V. Tcybin (<i>Voronezh, Russian Federation</i>). Some Questions of Historical Geography of the Middle Don Region in the Era of the Golden Horde299
V. N. Chkhaidze (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Military Organization of the Nomads of the Crimea in 12 th — 14 th Centuries302
N. I. Yudin, A. P. Minaev (<i>Azov, Russian Federation</i>). New Data on the Historical Geography of the Golden Horde Settlements in the Lower Don and North-Eastern Azov Regions305
Abbreviations307

Введение

С 8 по 12 ноября в городе Ялта пройдёт Седьмая международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды», посвящённая памяти выдающегося деятеля отечественной науки, археолога, историка и нумизмата, основателя золотоордынской археологии, профессора МГУ Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова.

Конференция проводится с 2001 года, её организаторами в разные годы становились различные организации, с которыми сотрудничал Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов или где трудятся его ученики и соратники: в 2001 г. — в Нижнем Новгороде (Нижегородский государственный педагогический университет), в 2003 г. — в Казани и Яльчике (Марийский государственный университет), в 2006 г. — в Москве (Государственный исторический музей), в 2008 г. — в г. Азов Ростовской области (Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник), в 2011 г. — в с. Селитренном Астраханской области (Астраханский государственный университет), в 2013 г. — в г. Болгар Спасского района Республики Татарстан в Болгарском историко-археологическом музее-заповеднике (Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан). Цель этих международных конференций — скоординировать работы отечественных и зарубежных исследователей разных специализаций в изучении проблем истории Золотой Орды и широкого международного влияния монгольских государств в средневековом мире.

Для проведения седьмой по счёту конференции Крымский полуостров выбран не слу-

чайно. В сфере научных интересов Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова и в общей золотоордынской проблематике территория полуострова занимает одно из ключевых мест как перекрёсток Запада и Востока, Севера и Юга, с его огромным количеством мультикультурных памятников эпохи Золотой Орды и Крымского ханства.

Организаторами Седьмой международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды», посвящённой памяти Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова, выступили: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, Институт археологии Крыма РАН, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Марийский государственный университет, Кафедра археологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, при поддержке Академии наук Республики Татарстан и Российского фонда фундаментальных исследований.

В работе Седьмой международной конференции примут участие 95 исследователей из 6 стран с докладами, охватывающими всю территорию Монгольской империи от Тихого океана до Дуная. Семь секций научного форума — Дальний Восток; Сибирь и Забайкалье; Средняя Азия; Средняя Волга; Нижняя Волга; Северный Кавказ и Закавказье; Северное Причерноморье и Крым — скомплектованы по географическому принципу и призваны наглядно проиллюстрировать продвижение Монгольского государства с востока на запад и многообразие археологического изучения Золотой Орды.

Рубрикация представляемого Вашему вниманию сборника материалов Седьмой международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды», посвящённой памяти Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова, полностью соответствует секционному формату форума. Этот сборник материалов освещает вопросы, связанные с изучением исторической географии регионов Золотой Орды и других образованных монголами государств, а также территорий, сопредельных с ними, их роль и место в средневековом мире. Важное место в рамках данного научного издания занимают материалы, связанные с междисциплинарным подходом и естественнонаучными методами исследований археологических памятников, предоставляющие новые возможности для изучения путей и основных товарных пото-

ков через территорию Золотой Орды, степени распространения собственной ремесленной и сельскохозяйственной продукции этого государства, систем жизнеобеспечения огромных средневековых городов, соучастия степной кочевой субкультуры во всех упомянутых процессах. В соответствии с этими задачами вводятся в научный оборот материалы по исторической топографии отдельных археологических памятников в исследуемых территориальных и хронологических рамках.

Редакторы сборника и организационный комитет Седьмой международной конференции надеются, что данные материалы создадут качественную основу для плодотворной дискуссии на нашем форуме, а в дальнейшем будут полезны коллегам в их ежедневных научных изысканиях, продолжение которых станет лучшим проявлением нашего уважения памяти Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова.

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдинов

Foreword

On November 8—12, the city of Yalta will host the VII International Scientific Conference “Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde”, dedicated to the memory of an outstanding figure of the Russian science: an archaeologist, historian and numismatist, founder of the Golden Horde archaeology, Moscow State University Professor German Alekseevich Fyodorov-Davydov.

The conference has been repeatedly held since 2001; in different years, its organizers were various organizations that collaborated with German A. Fyodorov-Davydov, or his students and colleagues. In 2001, it was conducted in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod State Pedagogical University); in 2003 — in Kazan and Yalchik (Mari State University); in 2006 — in Moscow (State Historical Museum); in 2008 — in the city of Azov, Rostov Oblast (Azov Historical, Archeological and Paleontological Museum Reserve); in 2011 — in Selitrennoye village, Astrakhan Oblast (Astrakhan State University), and in 2013 — in Bolgar city, Spassky District, Republic of Tatarstan (Bolgar Museum Reserve under the auspices of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences). The purpose of these international conferences is to coordinate the work of national and foreign researchers specialized in various aspects of history of the Golden Horde and the Mongol States’ wide international influence in the medieval world.

It was not by chance that the Crimean Peninsula was chosen as a venue for the VII Conference. In the sphere of G.A. Fyodorov-Davydov’s scientific interests and in the framework of the general prob-

lems related to the Golden Horde, the territory of the Peninsula occupies a key place at the crossroads of East and West, North and South, with its impressive number of multicultural sites dating back to the Golden Horde and the Crimean Khanate epoch.

The organizers of the VII International Scientific Conference on “Dialogue of Urban and Steppe Cultures on the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde”, dedicated to the memory of German A. Fyodorov-Davydov are: A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences; the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences; the Kazan (Volga Region) Federal University; Mari State University; Department of Archaeology of M. V. Lomonosov Moscow State University, with support from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and the Russian Foundation for Fundamental Research.

The VII International Conference will be attended by 95 researchers from 6 countries with reports covering the entire territory of the Mongol Empire from the Pacific Ocean to the Danube. The seven panels of the scientific forum — the Far East; Siberia and the Trans-Baikal area; Central Asia; the Middle Volga; the Lower Volga; North Caucasus and Transcaucasia; the Northern Black Sea area, and the Crimea — are based on the geographical principle, so as to clearly illustrate the extension of the Mongol Empire from East to West, as well as the diversity of archaeological studies of the Golden Horde.

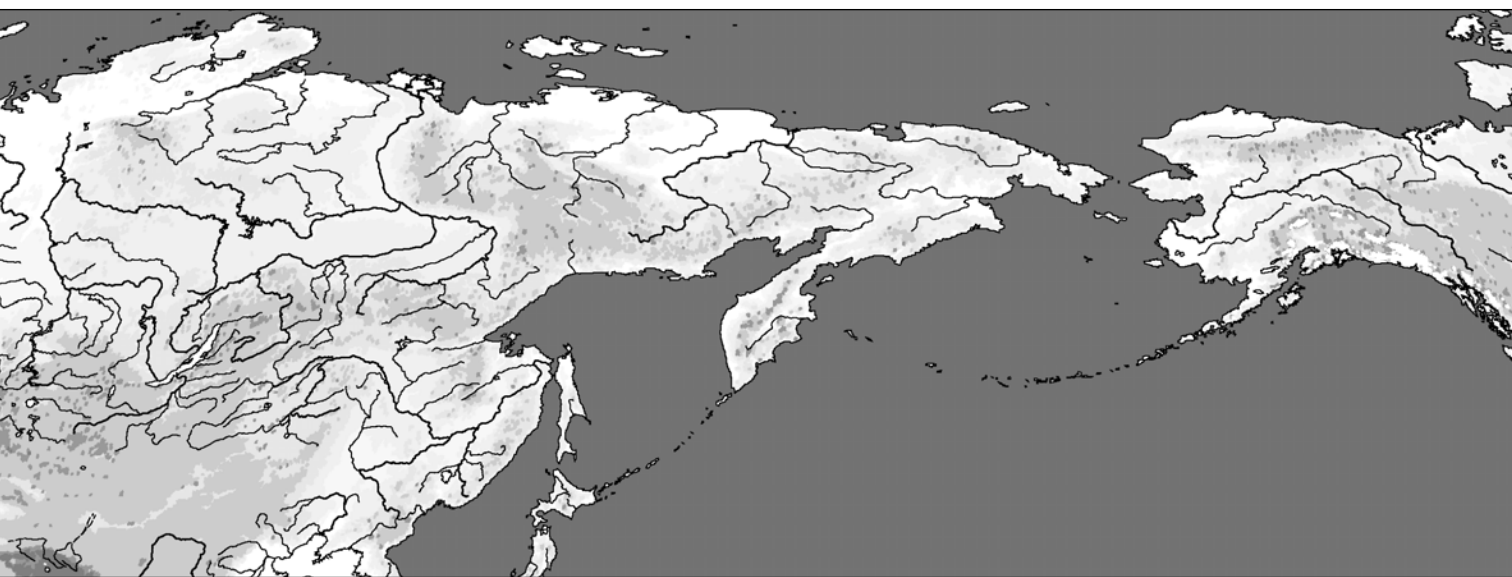
The subject division of the present collection of the materials contributed to the VII International Scientific Conference fully complies with the panels of the forum. The proposed publication is

aimed at elucidating the issues related to the study of historical geography of the regions dominated by the Golden Horde and other states formed by the Mongols, and territories adjacent to them, as well as their role and place in the medieval world. An important role in the framework of this scientific publication is played by the materials associated with the multidisciplinary approach and scientific methods of archaeological research in order to determine major trade routes and commodity flows through the Golden Horde territory, the extent of home handicraft and agricultural products distribution, life support systems within the huge medieval cities, and involvement of the steppe nomadic sub-

culture in the processes mentioned above. In line with these objectives, materials on historical topography of separate archaeological sites in the territorial and chronological framework under study are offered for a scientific discussion.

The editors of the present collection and the Organizing Committee of the VII International Conference hope that the published materials will serve as a good basis for fruitful discussions at the forum, and that they will be useful to the colleagues in their further daily scientific research, the progress of our studies being the most vivid manifestation of our respect to the memory of German Alekseevich Fyodorov-Davydov.

Sergei G. Bocharov, Ayrat G. Sitdikov

Дальний Восток

Н. Г. Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук*

Дворцовая архитектура чжурчжэньских городов Приморья

Ключевые слова: Дальний Восток, средние века, чжурчжэни, империя Цзинь, государство Восточное Ся, дворцовая архитектура, Николаевское и Красноярское городища, колонны, черепица, история, археология.

На территории Приморского края уже около пятидесяти лет ведутся исследования городищ, которые датируются временем существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215—1233 гг.). Огромный археологический материал, накопленный за это время, позволяет начать углубленные исследования довольно конкретных тем, дающих характеристику культуры населения Дальнего Востока в XIII в. К таким направлениям относятся исследования дворцовой архитектуры.

Раскопанных к настоящему времени жилых, хозяйственных, административных и дворцовых построек более пятисот. При этом доказано, что чжурчжэни при строительстве использовали три конструктивных приема — каркасно-столбовой, свайный и колоннадный, которые могут служить критерием для выделения определенного типа строений. При строительстве жилищ всегда использовалась каркасно-столбовая система, которая хорошо прослеживается по ямкам, расположенным по периметру стен жилищ. Рядом с жилищами располагались хозяйственные постройки в виде амбаров, при строительстве которых применялся свайный строительный прием.

К постройкам, возведенным колоннадным способом, относятся дворцовые сооружения, здания общественно-административного характера и культовые постройки. Все они строились на прямоугольных площадках с цоколем и без него. Колонны, располагающиеся в определенном порядке, поддерживали тяжелую черепичную крышу и опирались на каменные базы. В тех случаях, когда пол здания был недостаточно плотным, базы устанавливались поверх ям с забутовкой, служивших фундаментом. В таких постройках колонны играли и конструктивную, и композиционную роль. В кон-

структивном плане они, соединенные в верхней части системой кронштейнов с вышележащими балками, держали черепичную крышу. Крайние колонны служили для соединения стен здания. В композиционном смысле колонны придавали зданию вид павильона. По высоте колонны могли быть неодинаковыми. Их высота уменьшалась от центра к краям сооружения, создавая так называемый «взлет». По внутренней планировке здание не расчленялось, хотя колонны не мешали свободной планировке интерьера.

До недавнего времени все здания колоннадного типа с черепичной крышей были отнесены к дворцовым сооружениям. Отмечалось, что эти постройки не имеют системы отопления, а обнаруженная на них черепица однотипная, состоит из нижних черепиц без орнаментальных отливов. Необходимо подчеркнуть, что постройки колоннадного типа встречаются в социально значимых районах, где сосредоточена администрация города. Размеры зданий — от 90 до 350 кв. м. Количество баз зависело от площади зданий. По расположению баз можно судить, что все здания в плане прямоугольной формы. Поперечные ряды имели от 3 до 5 баз, а продольные — 6, 8, 9, 10, 15, 22. Расстояние между базами — от 0,8 до 3 м. При исследовании этих зданий встречались однотипные находки, что дало основание предположить, что они использовались как государственные хранилища — склады.

С такой же архитектурой обнаружены здания и административного характера. Ярким примером этому служит исследованный комплекс Шаофуцзянь на Красноярском городище (Верхней столицы государства Восточное Ся), которое относилось к внутреннему управлению императорского двора. Внутренняя территория комплекса архитектурно была разбита

на три части: два здания колоннадного типа и жилое помещение. Все эти сооружения выстроены П-образно. Главное здание находилось в северной части и продольной стороной располагалось по линии восток — запад. С западной стороны от него было сооружено второе здание, а с восточной — жилое помещение. Южнее этого ведомства были раскопаны палаты делопроизводителей — четыре здания колоннадного типа, рядом с которыми находились жилые помещения.

На Николаевском и Красноярском городищах были исследованы дворцовые сооружения, которые также относятся к зданиям колоннадной конструкции, но их отличительная черта — богато украшенная черепичная крыша. В этих дворцовых комплексах выделены дворцы и жилые дворцовые сооружения.

На Николаевском (долинном) городище дворцовый комплекс располагался во Внутреннем городе, в северо-восточной части памятника. Центральное здание было построено на платформе, облицованной кирпичом на высоту в 5 кирпичей (0,4 м). С внешней стороны платформы по периметру зафиксированы ямы от больших столбов, которыми оформлялся открытый проход — галерея. Дворец представлял собой здание колоннадной конструкции под черепичной крышей. Стенами оно ориентировано по сторонам света, в плане прямоугольное, площадью 360 кв. м (20 × 18 м). Крыша здания поддерживалась 30 колоннами (по шесть колонн в пяти рядах). Она украшена орнаментированными отливами и декорирована зооморфными концевыми дисками. Скаты крыши здания оформлены художественной терракотой в виде голов драконов, фениксов, бодхисатв. Вход находился в центре северной стенки и оформлен аркой, края которой также украшены головами драконов.

В дворцовом комплексе, кроме центрального дворца, исследования проводились на северной и западной платформах, облицованных кирпичом. На них обнаружены восемь печей-очагов, аналогии которым пока не найдены. Судя по их конструкции, они должны были находиться в зданиях открытого павильонного типа с черепичной крышей. Здесь видно, что планировка дворцового ансамбля свободная. Прослеживаются отклонения от строгого осевого размещения отдельных зданий. Здания построены на высоких платформах и массивных цоколях.

На Красноярском городище — Верхней столицы государства Восточное Ся, на территории императорской ставки, которая располагалась в центральной части Запретного

города, исследовались жилые дворцы. Они построены на террасовидных площадках, идущих по склону сопки друг за другом. Архитектура этих зданий отличается от ранее раскопанных зданий колоннадного типа. Две противоположные стены оформлены колоннами, опирающимися на каменные базы. Две другие стены опирались на каркас. Ямки от каркаса также прослеживались между колоннами. Площадь зданий 132 кв. м (11 × 12 м) и 70 кв. м (7 × 10 м). В плане они прямоугольные, входом ориентированы на юг. Двускатные крыши дворцов покрывались черепицей. Конек оформлялся керамической плитой (шуби) с головами драконов. Края скатов крыши заканчивались также керамическими барельефами драконов.

Внутри дворцов находились больших размеров отопительные системы — каналы, сделанные из кирпича и камня, с оригинальными трубами и предпочажными ямами.

Севернее дворцов располагалась искусственная террасовидная площадка длиной 25 м, шириной 10 м, на которой находился павильон открытого типа с системой водоемов (колодцев). Его площадь около 40 кв. м. Крыша поддерживалась на восьми колоннах (четыре базы в двух рядах). Керамической черепицы рядом обнаружено не было, что дает основание предположить, что крыша покрывалась гонтом — деревянной черепицей в виде пластин (кровельная дранка).

Перед дворцами находились большие незастроенные площади, которые создавали открытую объемно-пространственную композицию. По планировке дворцового комплекса Верхней столицы государства Восточное Ся видно, что здесь большое значение имело правило «фэншуй», согласно которому постройки располагались в определенном порядке с соответствующей ориентацией по сторонам света. Здания выстроены по оси север-юг с обращением главного фасада на юг. В связи с тем, что чжурчжэням приходилось вписываться в ландшафт местности, они использовали прием террасирования склона. Главное по значимости здание — дворец императора — находилось на верхней террасе. В объемно-пространственной системе города, так же, как и в планировке, хорошо видно зонирование города по высоте, регламентация в зависимости от функционального назначения здания или социального положения его владельца.

У чжурчжэней времени существования государства Восточное Ся уже сложились собственные каноны в возведении дворцовых комплексов. Планировка дворцовых ансамблей отклонялась от строгого осевого размещения

отдельных зданий, хотя симметрия прослеживалась. Особенности чжурчжэньских дворцовых сооружений заключались в том, что светские здания строились на высокой платформе и массивном цоколе, а жилые дворцы — на искусственных террасовидных площадках. Отход от канонов замечается в декоративной части. На коньках крыши появляются глиняные изображения драконов, на скатах — фениксы, бод-

хисатвы. Но, несмотря на это, чжурчжэньская архитектура развивалась в общем русле дальневосточной архитектуры, образовав в ней своеобразное направление. Аутентичность цзиньской дворцовой архитектуры сейчас можно проследить только на памятниках в Приморье, т.к. они обладают чистотой культурного содержания и ярко выраженными локальными особенностями.

Nadejda G. Artemieva. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: artemieva_tg@list.ru

The Palace Architecture of the Jurchen Towns in Primorye. The archaeological studies of the hillforts that are dated to the period of the Eastern Xia State existence (1215—1233) have been conducted in Primorye (Russia) for about fifty years. The study of the Nikolaevskoye and Krasnoyarskoye hillforts made it possible to reveal certain typical features of the Jurchen style of palace architecture that developed within the general course of the Far Eastern architecture, forming its own original canons.

Keywords: Far East, Middle Ages, palace architecture, Jurchens, Jin Empire, Eastern Xia State, palace architecture, Nikolaevskoe and Krasnoyarskoe hillforts, columns, tiles.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

О. В. Дьякова, В. В. Шевченко

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук

Тунгусо-маньчжуры и дауры Приамурья: этнокультурное пограничье (по материалам фортификации)

Ключевые слова: Приамурье, средние века, чжурчжэни, дауры, монголы, городища, классификация, династия Юань, история, археология.

Разгром монголами в 1234 году чжурчжэньской империи Цзинь (1115—1234) значительно изменил этнокультурную картину всего Дальнего Востока и Приамурья в частности. Письменные источники практически не сохранили (или не зафиксировали) сведения о подобных «тектонических» сдвигах, позволяющих восстановить события тех далеких дней и получить достоверные факты о времени и местах перемещения (или миграции) тунгусо-маньчжурских племен и переселения в Приамурье монголоязычных дауров. Раскрыть эту проблему в определенной мере могут археологические источники, в данном случае, фортификационные сооружения, свидетельствующие о характере взаимоотношения этих разноэтничных племен. Проблему отягощает то, что памятники этого периода стационарно мало изучены, исследования в большинстве случаев носили разведочно-рекогносцировочный характер, далеко не всегда позволяющий устанавливать культурную атрибутику памятников. Однако типовой состав фортификационных сооружений, который мы намерены предложить далее, позволяет приступить к решению данной проблемы. Естественно, многое из далее предложенного со временем и с поступлением новых материалов потребует корректировки и уточнений, но, главное, важно приступить к обсуждению этой сложной и многотрудной темы.

Классификация фортификационных сооружений. В Среднем Приамурье (Амурская область), о котором пойдет речь, А. Я. Гуровым, Г. С. Новиковым-Даурским, Б. С. Сапуновым, В. И. Дьяковым, Н. Н. Зайцевым, Д. П. Волко-

вым обследовано более ста укреплений (Зайцев 2008: 129).

Амурскими археологами была предложена топографическая классификация фортификационных объектов: 1) малые равнинные; 2) большие равнинные; 3) малые мысовые; 4) большие мысовые. В целом данная классификация верна, но требует определенной корректировки и перестройки, которая далее и предлагается авторами. Согласно основополагающему топографическому признаку — месту возведения — данные городища делятся на два типа: I — равнинный (долинный); II — мысовый. В свою очередь, долинный тип по форме делится на два вида: вид 1 — квадратные городища; вид 2 — неправильные (ломаные) геометрические. Виды по размерам делятся на два подвида (разновидности): подвид 1 — малые (54 городища), подвид 2 — большие (14 городищ). Мысовый тип городищ по форме делится на два вида: вид 1 — круглые; вид 2 — дугообразные. Виды по размерам делятся на два подвида (разновидности): подвид 1 — малые (6 городищ), подвид 2 — большие (8 городищ).

Тип I. Равнинные (долинные) городища. Городища равнинного (долинного) типа располагаются вблизи речных протоков, но не на самом берегу, а в 100—150 м от него. Вблизи равнинных (долинных) городищ, как правило, фиксируются поселения и могильники. Городища строились не на самых высоких местах, а в складках местности, на невысоких рёльках. Грунт для возведения валов брался на месте строительства при рытье рвов (Сапунов 1993: 48).

■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-01-00131 «Дальний Восток России в XIII—XVII вв. (по археологическим и письменным источникам)».

Малые равнинные (тип I, вид 1). Городища первого вида «представляют собой небольшие площадки правильной прямоугольной и подпрямоугольной формы размером стороны от 20 до 50—60 метров, защищенной с внешней стороны системой валов и рвов в количестве от 1 до 3. Городища имели чётко выраженные угловые башни, насыпная часть которых даже в настоящее время несколько возвышается над гребнем земляных валов. Количество ворот в городищах такого типа различно, но чаще всего 1—2» (Сапунов 1993: 47—48).

В совместной статье Б.С. Сапунова и Н.Н. Зайцева «Средневековые городища Амурской области» (1993 г.) к малым равнинным городищам были отнесены: Бибиновское, Прядчинское, Великокнязевское, Сергеевское. Всего таких городищ 54. Археологи считали, что такой тип городищ мог играть роль цитадели — усадьбы знати, в которой могли укрываться жители ближайших поселений. Г.С. Новиков-Даурский относил равнинные городища квадратной формы и малых размеров к «городищам даурского типа» (Новиков-Даурский 1953: 11). Исследователь предполагал, что городища данного типа использовались даурским народом, который мог проживать на Верхнем Амуре с середины XIII века.

Большие равнинные (тип I, вид 2). Городища располагаются обычно на берегу реки или протоки, на невысокой рёлке. Одна из сторон, как правило, прикрыта естественным препятствием (рекой, протокой, иногда болотом). Площадь городищ может достигать значительных размеров и составлять от 1 до 15—20 га. Городища второго вида имеют квадратную или трапециевидную форму.

Защитные сооружения состоят из одного вала и рва. Башни у сравнительно небольших городищ располагаются по углам. Городища значительных размеров, помимо угловых, защищены фронтальными башнями, расположенными на расстоянии 50—100 м друг от друга.

Внутренняя поверхность больших городищ может быть разделена валами на несколько изолированных друг от друга площадей, вход в которые у части городищ возможен только с напольной стороны. Количество входов внутрь городища различно и может колебаться от 1 до 4. Входы, как правило, прикрыты земляными валами, иногда очень сложной архитектуры (Зайцев 2008: 136).

Ко второму виду городищ относятся: городище у с. Марково (Кучугуры), Гродековское и Новопетровское городища. Всего таких городищ насчитывается 14. Г.С. Новиков-Даурский,

описывая остатки укреплений, в своих работах использовал такое понятие, как городище «даурского типа». Вот как он описывал эти укрепления: «это четырёхугольные площадки размером от 800 до 1200 кв. м, ограждённые валами и рвами, часто двойными, а иногда даже тройными, с замысловато устроенными входами, большей частью с южной, реже — с восточной или северной стороны. По углам площадки возвышаются холмики с ямами наверху» (Новиков-Даурский 1961: 67).

Тип II. Мысовые городища. Эти городища располагаются на вершине мыса. Отгораживающий мыс перешеек защищался одним или двумя валами и рвами. Поверхность городищ, как правило, ровная, с небольшим уклоном в сторону водного потока. Мысовые городища, как и равнинные, дополнительно разделяют по площади на малые и большие. К **малым мысовым** относят Михайловское городище (на реке Завитой) круглой формы, площадью около 1 га, датированное ранним средневековьем. К **большим мысовым** относятся городища, площадь которых превышает 1 га: это Хинганское и Белогорское городища, также датированные эпохой раннего средневековья.

Выводы. Как видим, в количественном отношении доминируют малые равнинные городища прямоугольной формы, за которыми закрепилось определение «даурские». Городища второго вида — большие равнинные прямоугольной или неправильной геометрической формы, по особенностям фортификационных сооружений, можно отнести к чжурчжэнским эпохи развитого и позднего средневековья. Это подтверждается материалом, собранным на Гродековском городище, где встречается сероглиняная круговая керамика, аналогичная гончарной посуде амурских чжурчжэней. Расположение Новопетровского городища на местности, конфигурация основного вала и его размеры, а также наличие фронтальных башен сближает его с цзиньскими равнинными городищами XII—XIII веков в Приморье.

Мысовые городища не имеют отношения к юаньскому времени.

Таким образом, для позднего средневековья характерен один тип укреплений — долинный. Квадратные городища малых размеров, видимо, принадлежали переселенным сюда монголоязычным даурам. Большие укрепления неправильной геометрической формы, вероятнее всего, принадлежали чжурчжэням, контролировавшим свои племенные угодья. Квадратные большие укрепления со сложными фортификационными сооружениями являлись

военно-административными центрами монголов, контролировавших территорию и собиравших дань. Хотя управленцами на такие места, по свидетельству письменных источников, часто назначали вождей из аборигенного населения.

Какой-либо четкой границы между ними не прослежено, но важно, что долинские городища двух видов и трех разновидностей функционировали одновременно на одной территории, и каждая фортификационная разновидность выполняла свою функцию.

Новиков-Даурский Г. С. 1961. *Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания*. Благовещенск: Амурское книжное издательство.

Дьяков В. И. 1994. *Археологические работы в Приморском крае и Амурской области в 1993 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 18197.

Зайцев Н. Н. 2005. *Отчет об археологической разведке в Благовещенском, Тамбовском, Октябрьском, Бурейском, Серышевском, Мазановском, Констан-*

тиновском, Архаринском районах Амурской области в 2004 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 24476.

Сапунов Б. С., Зайцев Н. Н. 1993. Средневековые городища Амурской области. В: Ивлиев А. Л. (ред.). *Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий*. Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука.

Olga V. Diakova. Doctor of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: ovdovd49@yahoo.com

Vladislav V. Shevchenko. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: shevchenkohist@mail.ru

The Manchu-Tungus and the Daur of the Amur area: An ethno-cultural borderland (according to fortification materials). The authors offer a classification and analysis of the fortifications of the Middle Amur area, which were built in the Mongol Yuan dynasty period. It is established that the period was characterized by a single type of fortifications – the valley ones, subdivided into two varieties as to the rampart plane geometry: square and irregular (broken) ones. It seems that the smaller square hillforts belonged to the Mongol-speaking Daur relocated in this region. Larger irregular-shaped fortifications, most likely, remained in the possession of the Jurchens, who controlled their tribal lands. The large square hillforts with complex fortifications apparently served as military and administrative centers of the Mongols, who controlled the territory and collected tribute. No clear distinctions between them have been tracked, but it is important that the valley hillforts belonging to two varieties simultaneously functioned on the same territory and each type of fortification fulfilled its own function.

Keywords: Amur area, Jurchens, Daur, Mongols, hillforts, classification, Yuan dynasty.

■ The work was carried out with support from the Russian Foundation for the Humanities, The Russian Far East in the 13th—17th cc. project (according to archaeological and written sources)", grant no. 15-01-00131.

References

Novikov-Daurskii, G. S. 1961. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Stat'i. Vospominaniia (Historical and Archaeological Sketches; Articles; Memories)*. Blagoveshchensk: "Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

D'iakov, V. I. 1994. *Arkheologicheskie raboty v Primorskom krae i Amurskoi oblasti v 1993 g. (Archaeological Investigations in the Primorsky Krai and the Amur Oblast in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 18197 (in Russian).

Zaitsev, N. N. 2005. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Blagoveshchenskom, Tambovskom, Oktiabr'skom, Bureiskom, Seryshevskom, Mazanovskom, Konstantinovskom,*

Arkharinskom raionakh Amurskoi oblasti v 2004 godu (Report on the Field Survey in the Blagoveshchensky, Tambovsky, Oktyabrsky, Bureysky, Seryshevsky, Mazanovsky, Konstantinovskiy, and Arkharinsky Districts of the Amur Oblast in 2004). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 24476 (in Russian).

Sapunov, B. S., Zaitsev, N. N. 1993. In Ivliev, A. L. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territorii (New Materials on the Archaeology of the Russian Far East and Adjacent Territories)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Н. А. Ключев, И. В. Гридасова, М. А. Якупов

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук*

Новые открытия в средневековой археологии Приморья: городище Кокшаровка-1

Ключевые слова: Приморье, эпоха раннего средневековья, государство Бохай, городище Кокшаровка-1, архитектурный комплекс, история, археология.

В средневековой археологии Приморья 2000-е гг. характеризуются расширением географии и хронологии исследований, активным применением в работах методов естественных наук, реализацией целого ряда международных научных проектов. Все это не могло не сказаться на результативности археологических изысканий, приведших к появлению совершенно новых знаний по эпохе средневековья региона. Одним из таких примеров являются итоги исследований городища Кокшаровка-1 (рис. 1). Памятник обследовался на протяжении 7 полевых сезонов (2008—2014 гг.). Работы носили комплексный характер. В них участвовали как археологи (из России и Республики Корея), так и специалисты естественнонаучного профиля. На городище под руководством Е. А. Бессоновой были проведены одни из первых для археологии Приморья крупномасштабные геофизические исследования (электро- и магниторазведка, георадиолокация). Эти неразрушающие методы позволили выделить три этапа застройки памятника, структурные элементы и объекты планировки городища. Полученные знания существенно облегчили непосредственную работу археологов и дали возможность целенаправленно исследовать уникальный для региона средневековый архитектурный комплекс.

Городище Кокшаровка-1 расположено в центральном Приморье в 3 км к северо-востоку от с. Кокшаровки. Представляет собой укреп-

ленное валом и рвом поселение площадью 16 га. С северной и западной сторон городище имеет двое ворот, оборудованных Г-образными траверсами.

На поверхности городища фиксируется несколько прямоугольных каменно-земляных платформ. На одной из них, размерами 60×100 м, расположенной в северной части памятника, и были проведены раскопки. В результате была вскрыта часть ранее не встречавшегося в приморской археологии объекта — архитектурного комплекса, состоящего из 7 зданий, огороженного каменной стеной, с большим внутренним двором и хозяйственными постройками (рис. 2: 1). Общая площадь раскопок составила 3675 м².

Все 7 зданий имеют схожую конструкцию, отличаясь лишь по размерам, и расположены по оси запад-восток в северной части платформы, занимая площадь в 1133 м². Комплекс зданий погиб от пожара и после этого больше не восстанавливался. Сохранились только фундаменты построек, сложенные из отдельных камней, скрепленных между собой глиняным раствором. Здания представляют собой прямоугольные в плане помещения, ориентированные по сторонам света, состоящие из двух половин. Северную половину каждого из них занимает П-образный кан с двумя очагами и двухканальным дымоходом. Секции кана расположены вдоль стен помещения. Дымоходные каналы через разрыв в северной

■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

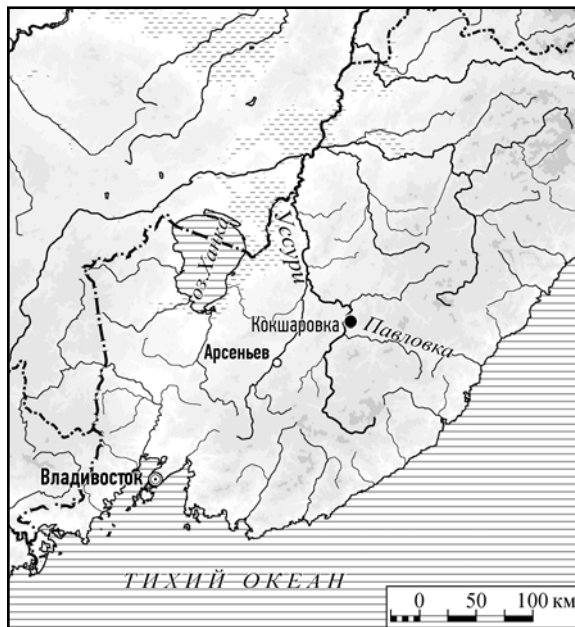

Рис. 1. Местоположение городища Кокшаровка.

Fig. 1. Location of the Koksharovka-1 hillfort.

части фундамента стены выходят в трубу, расположенную в 1,5—3 м к северу от помещения. Квадратное в плане основание труб сложено из камня в виде колодца. Вход в каждое здание располагался с южной стороны и был шириной до 2 м. Все помещения разделены между собой узкими коридорами шириной от 0,6 до 2 м. Коридоры, судя по всему, имели технический характер и могли быть использованы для хранения утвари.

Площадь зданий варьирует от 87 до 139 м², самым крупным по размеру является центральное здание №4. Фасады всех построек располагались на одной линии. По всей видимости, здания составляли единый комплекс с крышами, примыкающими друг к другу и образующими своеобразные ярусы. Фундаменты выявленных построек и детали конструкций позволяют предположить, что здания были каркасно-столбовыми. На глинобитной платформе устанавливались каменные плоские базы, на них ставились деревянные столбы, на которых крепились продольные поперечные балки, а на них — крыша. Стены были обмазаны глиной, смешанной с травой, и покрыты штукатуркой белого, розового и желтого цветов. Крыши зданий, вероятно, были покрыты соломой.

Раскопками также была вскрыта восточная часть внутреннего двора, где находились хозяйственные постройки и бронзолитейная

мастерская. От комплекса из семи зданий их отделяет протянувшаяся с востока на запад мостовая.

Весь комплекс построек, расположенный на платформе, ограждает расположенная по периметру каменная стена. Она была вскрыта на протяжении более 200 м. Ширина кладки в основании стены составила от 1,2—1,4 до 2—2,5 м, высота в современном состоянии от 20—25 см до 60—80 см. Раскопаны два входа на платформу — центральный и запасной. Центральные ворота располагаются в средней части южной стены ограды и представляют собой разрыв в стене шириной 5,5 м и длиной около 7 м. Проход вымощен крупными плоскими гранитными плитами. Сама конструкция ворот имела 6 опорных столбов, располагающихся по 3 с восточной и западной сторон. Запасные ворота — небольшие, располагаются в северо-восточном углу каменной стены и сохранились в виде вымостки из плоских камней размерами 3,7×2 м.

Археологический материал, найденный на городище, довольно разнообразен. Керамическая посуда представлена горшками, пароварками, корчагами, чашками, мисками, вазовидными сосудами и т.д. Вся она имеет все основные признаки, характерные для бохайского гончарства. В коллекции также имеется керамика с орнаментами, близкими покровской культуре. Из изделий на городище найдены тигли, фрагменты тушечниц, костяные изделия, железные наконечники стрел, ножи, бронзовые и каменные украшения, берестяные коробка и др. Особо выделяются обнаруженные впервые на этом памятнике оригинальные керамические подставки, выполненные в форме пагоды (рис. 2: 2). Большая их часть находилась в простенке между зданиями №3 и №4. По всей видимости, эти сосуды использовались в ритуальных целях, поскольку аналогичные им были обнаружены при раскопках погребального комплекса в 0,6 км к северо-западу от городища.

Весь комплекс зданий на прямоугольной платформе, окруженной каменной стеной, по характеру застройки соответствует принципам традиционного китайского градостроительства (Кузьмин 2014: 176). Планировка городища, расположение административного комплекса в северной его части соответствует планировке столичных городов Китая в VII—XIII вв., а также государства Бохай (698—926 гг.). Сам архитектурный ансамбль по своим размерам и наличию в зданиях канов сопоставим с дворцовыми сооружениями бо-

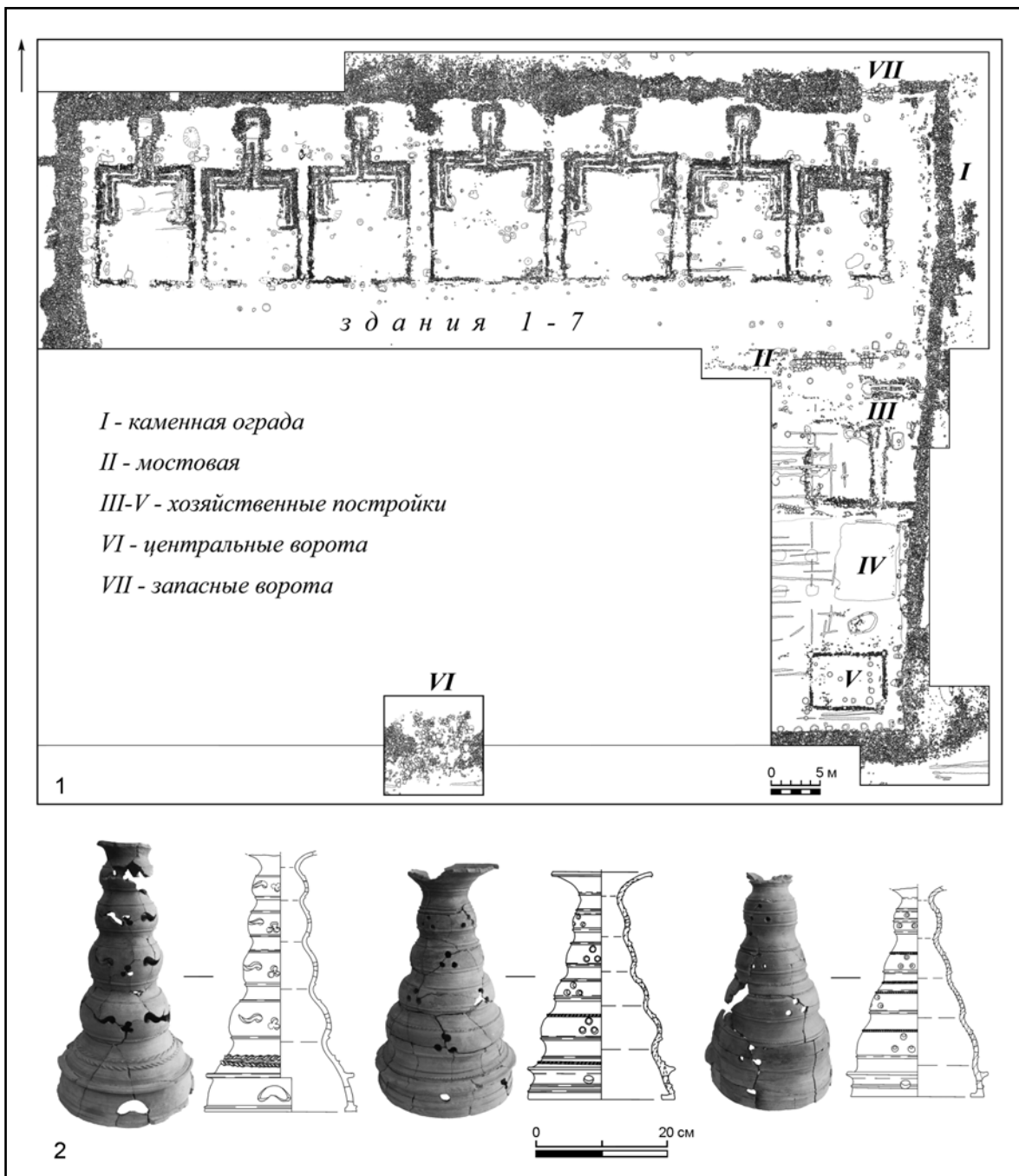

Рис. 2. Городище Кокшаровка-1. 1 — план архитектурного комплекса; 2 — керамические подставки в форме пагоды.

Fig. 2. Koksharovka-1 hillfort. 1 — plan of architectural complex; 2 — ceramic pagoda-shaped stands.

хайских столиц. Существует также и ряд отличий кокшаровского комплекса от дворцов бохайских столиц, главные из них — отсутствие черепичной кровли, колоннадной конструкции, а также собственной платформы у зданий (Клюев, Ивлиев 2013: 114—116).

Имеющийся археологический материал, сочетающий в себе традиции бохайского гончар-

ства и некоторые черты покровской культуры, может свидетельствовать о существовании городища как крупного административного центра в позднебохайское, а затем в постбохайское время. Это подтверждают и полученные радиоуглеродные даты, которые укладываются во временной промежуток начала IX — конца X вв. (Клюев и др. 2012: 167).

- Клюев и др. 2012: Клюев Н.А., Чой Менг Сик, Юн Кван Джин, Хон Хён У, Ким Дон Хун, Артёмова А.В., Бессонова Е.А., Бондаренко О.В., Гельман Е.И., Гладченков А.А., Гридасова И.В., Дорофеева Н.А., Емельянова Т.А., Залищак В.Б., Зверев С.А., Ивлиев А.Л., Им Ну Ри, Ким Кён Э, Коптев А.А., Ли Гю Хун, Ли Ву Соп, Ли Чже Ён, Малков С.С., Морева О.Л., Николаева Н.А., Сергушева Е.А., Син Юн Чжун, Слепцов И.Ю., Сокарев А.Н., Якупов М.А., Якупова А.А. 2012. *Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008—2011 годах*. Т. 1. Тэджон: Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея.
- Клюев Н.А., Ивлиев А.Л. 2013. Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье. *Россия и АТР* (3), 104—116.
- Кузьмин А.С. 2014. Сыхэюань как архетип китайской архитектуры. В: Лучкова В.И. (отв. ред.). *Новые идеи нового века*. Материалы международной научной конференции. Т. 1. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 173—177.

Nikolay A. Kluyev. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: lab039@mail.ru

Irina V. Gridasova. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: lab039@mail.ru

Maxim A. Yakupov. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: lab039@mail.ru

New Discoveries in the Medieval Archaeology of Primorye: Koksharovka-1 Hillfort. This report analyzes results of excavations at Koksharovka-1 medieval hillfort in Primorye jointly conducted by Russian and Korean archaeologists in 2008—2014. Their main result is the study of an architectural complex consisting of seven buildings that is unique for the archaeology of Primorye. On the one hand, the architectural complex of Koksharovka-1 hillfort site has some analogies with the famous Bohai palaces (the layout, the presence of kang, etc.); on the other hand, there are some differences (the absence of the tiled roofs and pillared constructions). Multiple artifacts, including original ceramic pagoda-shaped stands were found in excavations. The authors conclude that the architectural complex was probably built in the 10th c. AD. The obtained data allow assuming that the Koksharovka I hillfort was a large administrative centre in this period.

Keywords: Primorye, Early Middle Ages, Balhae state, Koksharovka-1 hillfort, architectural complex.

■ The work was carried out with support from the Russian Scientific Foundation, Towns of Medieval Empires of the Far East Project, grant no. 14-18-01165.

References

- Kluyev, N.A., Choi Maeng Sik, Ioon Kwangjin, Hong Hyungwoo, Kim Donhun, Artemova, A.V., Bessonova, E.A., Bondarenko, O.V., Gel'man, E.I., Gladchenkov, A.A., Gridasova, I.V., Dorofeeva, N.A., Emel'ianova, T.A., Zalishchak, V.B., Zverev, S.A., Ivliev, A.L., Yim Nuri, Kim Kyoungae, Koptev, A.A., Lee Kyuhoon, Lee Wooseop, Lee Jiyeon, Malkov, S.S., Moreva, O.L., Nikolaeva, N.A., Sergusheva, E.A., Sin Yoonjung, Sleptsov, I. Yu., Sokarev, A.N., Yakupov, M.A., Yakupova, A.A. 2012. *Gorodishche Koksharovka-1 v Primor'e: itogi raskopok rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2008—2011 godakh (Koksharovka-1 Fortified Site in Primorsky Krai: Russian-Korean Expedition Excavations Results in 2008—2011)* 1. Daejeon: National research institute of cultural heritage of Korea (in Russian).
- Kluyev, N.A., Ivliev, A.L. 2013. In *Rossia i ATR (Russia and the Pacific)* (3), 104—116 (in Russian).
- Kuz'min, A.S. 2014. In Luchkova, V.I. (ed.). *Novye idei novogo veka (New Ideas of the New Century)* 1. Khabarovsk: Pacific National University, 173—177 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Н. А. Ключев, И. Ю. Слепцов, А. Л. Ивлиев

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук*

Кокшаровка-8 — уникальный погребальный комплекс эпохи средневековья в Приморье

Ключевые слова: Приморье, эпоха раннего средневековья, государство Бохай, погребальный комплекс Кокшаровка-8, погребальный инвентарь, история, археология.

Долгое время в средневековой археологии Приморья основными объектами изучения были городища. Гораздо меньше внимания уделялось раскопкам селищ. Практически не были известны могильники. Ситуация стала меняться только в 1990-е — 2000-е гг., в связи с долгожданным открытием и началом изучения погребальных комплексов (Чернятинский и Краскинский могильники, могильник у с. Новицкого). К числу таких памятников относится и Кокшаровка-8 — погребальный комплекс, расположенный в 0,6 км от известного городища Кокшаровка-1.

Памятник исследовался в 2012—2015 гг. Он расположен на одной из пойменных возвышенностей правого берега р. Уссури, в 4 км на северо-северо-восток от с. Кокшаровка. Внешне выделялся на местности в виде кургана овальной формы высотой 1,1—1,35 м. Размеры его основания — 20×22 м. Площадь кургана составляет около 380 кв. м.

Исследования кургана после снятия его земляной насыпи выявили оригинальное каменное сооружение, не имеющее аналогий в средневековой археологии Приморья. Сооружение представляет собой прямоугольную платформу размером 15,2×16,2 м, ориентированную практически по сторонам света, сложенную из гранитных плит с остатками возвышающейся квадратной надстройки в центре. Западная, северная и восточная стенки платформы вертикальные. Южная часть платформы, в отличие от них, представляет собой своеобразную пологую и широкую ступень.

На платформе сохранились остатки каменной ограды, которой с востока, севера и запада была обнесена центральная квадратная надстройка.

Несмотря на то, что погребальный комплекс получил большие повреждения еще в эпоху средневековья из-за действий грабителей, в ходе исследований удалось установить последовательность его сооружения.

Изначально сооружение представляло собой своеобразную прямоугольную конструкцию размером 9,2×8,2 м, возведенную над местом погребения, с незначительно возвышающейся по периметру надстройкой, ширина стен которой составляла около 1 м. Высота сооружения над древней дневной поверхностью не превышала 0,65 м.

Собственно погребение было осуществлено в углублении в толще аллювия. «Классической» погребальной камеры обнаружено не было. Ложем погребения служила подпрямоугольная плита, покрывавшая дно углубления. На плите сохранились остатки тлена и пятна охры. Стенами «погребальной» камеры служили плиты нижнего дополнительного ряда, который присутствует только под центральной частью сооружения вокруг места погребения. Эти же плиты служили опорой для массивной крышки. Над крышкой погребения была уложена еще одна плита в виде многоугольника, совпадавшая по глубине залегания с рядом плит, слагающих подошву погребального комплекса.

Вторым этапом строительства этого комплекса явилось обустройство внешнего пояса

■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

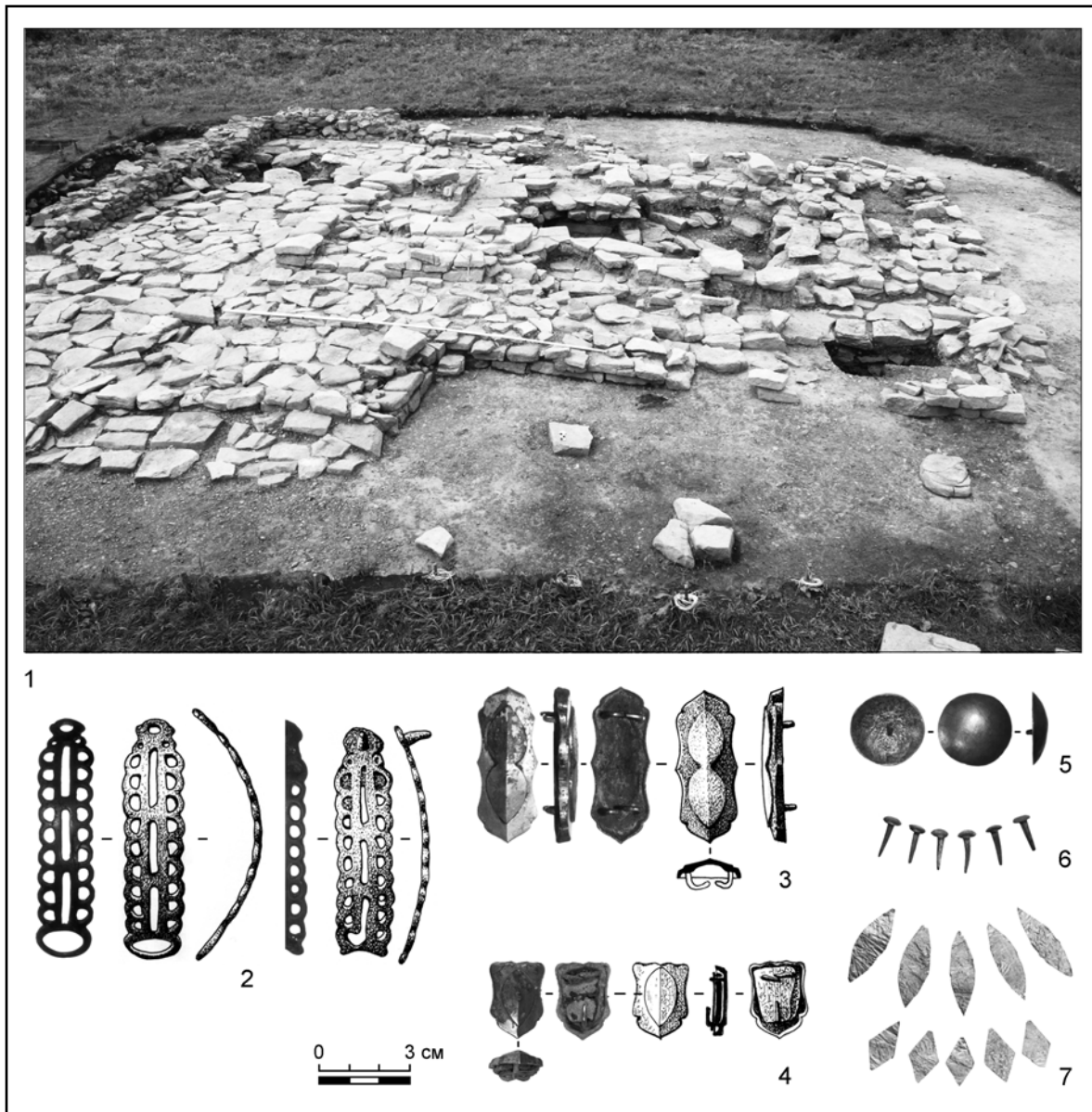

Рис. 1. Погребальный комплекс Кокшаровка-8. 1 — внешний вид погребального комплекса; 2—8 — находки из него: 2 — бронзовый браслет; 3—5 — серебряные сбруйные накладки; 6 — серебряные гвозди; 7 — золотые лепестки из фольги

Fig. 1. Koksharovka-8 funerary complex site. 1 — exterior view of the funerary complex; 2—8 — finds from it: 2 — bronze bracelet; 3—5 — silver harness decorative plates; 6 — silver nails; 7 — gold foil petals.

из гранитных плит, увеличившего периметр конструкции до размеров 12,2×16,2 м.

«Пояс» пристраивался вокруг центральной конструкции. Одновременно с его строительством была перестроена и видоизменена возвышающаяся надстройка. Ширина ее стен была увеличена до 1,74 м, а их высота — до 0,5 м. Надстройка стала занимать центральное положение в обновленной конструкции.

Стоит отметить, что на этом этапе у южного края сооружения, очевидно, стоял ряд колон, о чем свидетельствуют сохранившиеся базы и углистые остатки древесины. Позже к южной

границе сооружения была пристроена пологая каменная ступень шириной до 2,8 м, увеличившая общую ширину сооружения до 15,2 м.

Следующим этапом достройки погребального комплекса стало возведение каменной ограды, обрамляющей с трех сторон центральную надстройку. Ограда имела черепичную крышу.

После постройки каменной ограды над погребальным сооружением, очевидно, и была возведена земляная насыпь. Вероятно, что первоначально она не полностью перекрывала конструкцию, оставляя открытыми верхнюю часть

ограды, квадратную камеру в центре, а также каменную ступень с юга.

Выявленное погребальное сооружение по своей конструкции не имеет аналогий в археологии Приморья. Ближайшие параллели ему были найдены на территории КНР на относящихся к Бохаю (698—926) могильнике Людиншань, где были захоронены члены царского рода, и могильнике Хунцзуньюйчан (Клюев и др. 2015: 370).

При раскопках погребального комплекса Кокшаровка-8 был найден археологический материал, включающий керамику, в том числе глазурованную, черепицу, изделия из цветных и черных металлов, камня, а также драгоценных металлов — золота и серебра. Большая его часть имеет прямые аналогии на других памятниках Приморья, и прежде всего, на городище Кокшаровка-1, расположенном рядом с этим археологическим объектом. Но также есть и оригинальные артефакты, которым пока не найдено аналогий. К последним относится бронзовый браслет, состоящий из двух деталей, представляющих собой узкие дугообразно загнутые пластины с волнистыми краями. Каждому гребню волны соответствует сквозное полукруглое отверстие в пластине. На каждой пластине таких отверстий по 9 в ряду вдоль края (рис. 1: 2).

Более определенно можно сказать о других изделиях из металла — двух серебряных сбруйных накладках. Одна из них представляет собой относительно узкую пластину, две длинные и две узкие стороны которой имеют форму фигурных скобок, либо лепестков цветка мальвы (рис. 1: 3). Вторая накладка с аналогичным декором относится к этому же набору украшения сбруи. Отличается от первой накладки тем, что представляет собой только половину ее с одним выпуклым листом на состоящей из двух смежных граней лицевой поверхности (рис. 1: 4).

Время бытования сбруйных блях с контуром в виде цветка мальвы и наклонными гранями на лицевой поверхности относится к IX—XI вв. (Клюев и др. 2015: 372).

При раскопках было найдено также 26 серебряных гвоздиков с полусферическими шляпками (рис. 1: 6) и полусферическая накладка (рис. 1: 5). Подобной формы накладки неоднократно встречались при раскопках памятников государства Бохай (898—926 гг.).

Изделия из золота представлены пластинками в форме древесных листьев, вырезанными из золотой фольги толщиной значительно менее 0,1 мм. Всего найдено 44 целых и фрагментов таких листьев. По форме они образуют две большие группы: иволистные (23 экз.) и ромбические (17 экз.) пластинки (рис. 1: 7).

Наиболее вероятное назначение пластинок в форме листьев из золотой фольги — детали короны в виде дерева, либо рогов, судя по аналогиям из ряда средневековых памятников, расположенных на территории КНР и Республики Корея.

Интересно отметить, что проведенный химический анализ двух экземпляров листиков показал, что они выполнены из золота 802—806-й пробы, источником которого могли служить россыпные месторождения Фадеевского рудного узла на западе Приморья (Попов и др. 2015: 44).

Подводя некоторые итоги анализа артефактов, найденных в ходе раскопок погребального комплекса Кокшаровка-8, и его конструктивных особенностей можно датировать этот памятник X—XI вв. Несомненно, что это было местом погребения персоны, имеющей весьма высокий социальный статус. Это, в свою очередь, подтверждает вывод о том, что городище Кокшаровка-1, с которым связан погребальный комплекс, было крупным административным центром в эпоху раннего средневековья Приморья.

Клюев и др. 2015: Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Ивлиев А.Л. 2015. Культурно-исторические связи средневекового населения Приморья (по материалам погребального комплекса Кокшаровка-8). В: Базаров Б.В. (отв. ред.). *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии*. Материалы международной научной конференции. Иркутск:

Оттиск, 367—374.

Попов и др. 2015: Попов В.К., Клюев Н.А., Ноздрачев Е.А., Слепцов И.Ю. 2015. Химический состав изделий из золота, серебра и меди в кургане Кокшаровка-8 (Приморье, X в.) и их возможные источники. *Известия ИргУ. Серия: Геoархеология. Этнология. Антропология* 12, 37—46.

Nikolay A. Kluyev. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: lab039@mail.ru

Igor Yu. Sleptsov. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: lab039@mail.ru

Alexander L. Ivliev. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690600, Russian Federation. E-mail: ivliev@mail.primorye.ru

Koksharovka-8 — a Unique Medieval Burial Complex in Primorye. In 2012—2015, the Koksharovka-8 burial complex site having no analogy in Primorye medieval archeology was investigated. The remains of a monumental building of rectangular shape, 15 × 16 m built of stone slabs were studied. The design features of the structure and stages of its construction were identified. The studies have shown that a high-ranking nobleman was probably buried there. This is evidenced by both the monumental character of the structure and the nature of the grave goods, including items made of precious metals, most of which were looted by robbers as early as in the Middle Ages. The monument is directly related to the Koksharovka-1 hill fort site, where similar ceramic material has been discovered. Based on the study of the artifacts and radiocarbon analysis data, the burial complex may be tentatively dated to the 10th—11th cc.

Keywords: Primorye, Early Middle Ages, Balhae state, Koksharovka-8 funerary complex site, grave goods.

■ The work was carried out with support from the Russian Scientific Foundation, Towns of Medieval Empires of the Far East Project, grant no. 14-18-01165.

References

Kluyev, N.A., Sleptsov, I.Yu., Ivliev, A.L. 2015. In Bazarov, B.V. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii* (Topical Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia). Irkutsk: "Ottisk" Publ., 367—374 (in Russian).

Popov, V.K., Kluyev, N.A., Nozdrachev, E.A., Sleptsov, I.Yu.

2015. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* (Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series) (12). 37—46 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Н. Н. Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук*

Об изучении городов Монгольской империи в Монголии и Забайкалье

Ключевые слова: Монголия, Забайкалье, эпоха Монгольской империи, городская архитектура, Каракорум, Хирхиринское городище, история, археология.

На территории Монголии имеется более двух десятков городищ, относящихся ко времени Монгольской империи, не считая оседлых поселений, не имевших фортификационных сооружений. Далеко не все из них могут считаться городами в полном смысле слова. Городами, например, нельзя считать расположенные отдельно от поселений дворцовые (Дойтын толгой балгас, Кондуй) или усадебные комплексы (Алестуй, Нарсатуй). В настоящей работе рассматриваются только те памятники, протогородской или городской статус которых очевиден.

Возможно, один из наиболее ранних подобных объектов — поселение Аврага, расположенное в излучине Керулена. В этом месте расположены следы примерно трех десятков подквадратных насыпей, вытянутых в линию с запада на восток примерно на 1200 м. Возможно, это следы фундаментов жилых усадеб, ремесленных мастерских и иных конструкций. Примерно по центру расположено главное сооружение — платформа (?), на которой ставилась ханская юрта. Среди находок — большое количество костей лошадей, овец, коз, керамика, обломки чугунных котлов, втулки ступиц колеса, железные гвозди, пробои, костяные накладки на лук, бронзовые монеты и украшения, осколки фарфоровых изделий (некоторые фрагменты датируются серединой XV в.) и т. д. Японские археологи полагают, что здесь располагалась ранняя ставка Чингисхана (Shiraishi, Tsogtbaatar 2009).

В 1220 г. было принято решение о строительстве столичного города в историческом центре Монголии — долине Орхона. Однако реальное

строительство Каракорума (монг. Хархорин) началось в 1235 г., когда были воздвигнуты ханский дворец, городские стены и начато строительство других дворцов и жилищ для представителей монгольской элиты. Местоположение будущей столицы было обусловлено, в первую очередь, геополитическими преимуществами. Из долины Орхона гораздо удобнее контролировать и Китай, и торговые пути через Ганьсу, и совершать походы на Джунгарию и Восточный Туркестан.

Город имел форму, близкую к прямоугольнику (в южной части — к равнобедренной трапеции). Длинные стороны (около 2,5 км) были ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. С северной стороны длина вала равнялась 1,6 км, с южной стороны — около 1,3 км. Из описания Г. Рубрука (1957: 165) следует, что город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и хаганский дворец, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, церкви и кумирни различных конфессий.

В 1948—1949 гг. там проводил раскопки выдающийся советский археолог С. В. Киселев (1965). В конце XX в. японские археологи сняли новый более точный план Каракорума, уточнили территорию заселения в различные периоды существования города (Kato 1997). Начиная с 1999 г. город исследовался совместной германо-монгольской экспедицией (Bemmann, Erdenebat, Pohl 2010). Исследования велись двумя отрядами. Один отряд под руководством

■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

Х.-Г. Хюттеля занимался изучением дворца, раскопанного С.В. Киселевым. Хюттель пришел к выводу, что данное сооружение было храмом, а не дворцом Угедей-хагана. Дворец, по его мнению, должен был располагаться в районе современного монастыря Эрдэнидзуу. Там при исследовании культурных отложений в районе стены храма были обнаружены остатки стены средневекового времени (Hüttel 2009). Кроме того, неподалеку от раскопок С.В. Киселева были обнаружены гончарные печи (Franken 2005). Другой отряд под руководством Э. Поля проводил исследования в районе перекрестка главных улиц. Была уточнена стратиграфия, обнаружены жилища с канами, большое количество самых разнообразных находок, которые свидетельствовали о смешении различных культурных стилей и традиций (Bemmann, Erdenebat, Pohl 2010).

Площадь столицы Монгольской империи города Каракорума (только огороженной валом территории) составляла 375 га — но это только окруженная стенами часть города, даже без ханского дворца, не считая внешнего посада. В долине р. Орхон, помимо Каракорума, существовали другие городища, отдельно стоящие дворцовые комплексы и загородные усадьбы. Точное количество их неизвестно. В настоящее время немецкими археологами в долине Орхона проводится тотальное обследование территории с целью выявления всех подобных археологических объектов (Pohl et al. 2012). Кроме того, на территории Монголии известны неукрепленные поселения монгольского времени, которые по своим размерам и функциональной принадлежности, несомненно, являлись городами (Тахилын Ус — 150 га, Дуудий Тээгийн — 24 га).

Каракорум оставался столицей до 1260 г. Однако даже после переноса Хубилаем столицы на территорию Китая значение Каракорума как важного центра торговых коммуникаций центра не упало полностью. Об этом, в частности, свидетельствуют раскопанный неподалеку от северного вала городища могильник с мусульманскими захоронениями этого времени, а также находки серебряных золотоордынских монет 1340-х годов (Войтов 1990: 133, 140, 146).

В Бурятии и Забайкалье также изучались города монгольского времени. Самый известный памятник — Хирхиринское городище — находится на юге Забайкальского края. Он расположен на низкой надпойменной террасе между двумя высохшими ручьями (в сезон дождей такие русла быстро превращаются в бурные, непроходимые реки). Это целый комплекс

больших усадеб (более 30) и отдельных жилищ (не менее 100), протянувшийся по линии запад-восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север-юг. В 350 м к западу от края террасы располагалась большая цитадель (110—100 м), которая была окружена валом и рвом. Внутри находилось здание дворцового типа (15×30 м) и несколько других строений. Поскольку юг считался сакральным, и в этом направлении перед ханским дворцом нельзя было возводить новые постройки, город расширялся в западном направлении.

Широкомасштабные раскопки на памятнике провел С.В. Киселев (1965) в конце 1950-х гг. Он раскопал половину цитадели с дворцом, исследовал ее фортификацию, большую усадьбу в восточной части памятника, жилище на северо-восточной окраине, которое было интерпретировано как кузнечная мастерская. Позднее городище исследовалось А.Р. Артемьевым, который раскопал несколько усадебных комплексов с канами (2005). Нашей экспедицией были исследованы остатки платформы. Результаты показали, что здесь было расположено здание с колоннадой. При раскопках найдены остатки канов, кости домашних и диких животных, стеклянные бусины, фарфор, глазурированная керамика, фрагменты тарных сосудов, гвозди, фрагмент ножа и др. Кроме того, в нижних горизонтах найдены артефакты предшествующих эпох — киданьская керамика, изделия из камня.

Считается, что городище было ставкой Исунке — сына Хасара, родного брата Чингисхана. Основанием для этого является надпись на найденном неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. Один из переводов гласит: «Когда Чингисхан после нашествия на народ Сартаул (хивинцев) возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Чучиге, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских» (Банзаров 1997: 113). Надпись датируется примерно 1225 г.

Что касается самого Хасара, то с его деятельностью связывается другой археологический памятник — городище Хэйшаньтоу, которое расположено уже за пределами Приаргунья на приграничной территории Внутренней Монголии. Городище близкой к квадрату формы и ориентировано по сторонам света. Город окружен валом и рвом. Длина каждого из валов примерно 600 м. Высота основного вала до 4 м снаружи, около 2 м изнутри. На городище имеются четверо ворот, которые расположены по центру каждой из стен, а также фронтальные и угловые башни. Внутри находится так назы-

ваемый «внутренний город» прямоугольной формы. Внутренний город расположен примерно по центру городища с некоторым смещением к востоку. Высота валов около 2 м. Глубина рва около метра. По центру каждого из валов имеются ворота. В центральной части внутреннего города находится платформа с каменными базами. На его территории найдены глазурованная черепица, глазурованная посуда, концевые диски с драконами. Помимо этого, имеется еще одно внутреннее укрепление округлой формы.

Оно расположено к западу от главного внутреннего города, ближе к западному валу, примерно напротив западных ворот. С южной стороны находится пандус через ров.

В целом, к настоящему времени по городам Монгольской империи на территории Монголии и Забайкалья сформирована большая источниковедческая база, которая позволяет ставить и решать важные обобщающие проблемы истории и археологии средневековых кочевников Евразии.

- Артемьев А. Р. 2005. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья. *Вестник ДВО РАН* (2), 3—18.
- Банзаров Д. 1997. *Собрание сочинений*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Войтов В. Е. 1990. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976—1981 гг.). В: Деревянко А. П., Нацагдорж Ш. (отв. ред.). *Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии*. Новосибирск: Наука, 132—149.
- Киселев С. В. (отв. ред.). 1965. *Древнемонгольские города*. Москва: Наука.
- Рубрук Г. 1957. Путешествие в Восточные страны. В: Шастина Н. П. (ред.). *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Москва: Географгиз, 87—270.
- Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). 2010. *Mongolian-German Karakorum-Expedition*. Vol. 1. *Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road*. Forschungen zur Archäologie Außereuropäischer Kulturen 8. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Franken C. 2005. Die Brennöfen im Palastbezirk von Karakorum. In: Frings J., Müller C., Pleiger H. (eds.). *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. München: Hirmer Verlag, 147—149.
- Hüttel H.-G. 2009. Royal Palace or Buddhist Temple? On Search for the Karakorum Palace. In: Bemmann J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 355—548.
- Kato S. (ed.) 1997. *Ancient City of Karakorum*. Beijing: Beijing New World Press.
- Pohl E., Mönkhbayar L., Ahrens B., Frank K., Linzen S., Osinska A., Schüler T., Schneider M. 2012. Production Sites in Karakorum and Its Environment: A New Archaeological Project in the Orkhon Valley, Mongolia. *Silk Road* 10, 49—65.
- Shiraishi N., Tsogtbaatar B. 2009. A Preliminary Report on the Japanese-Mongolian Joint Archaeological Excavation at Avraga Site: The Great Ordu of Chinggis Khan. In: Bemmann J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 549—562.

Nikolay N. Kradin. Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation. E-mail: kradin@mail.ru

On the Study of the Cities of the Mongol Empire in Mongolia and the Trans-Baikal Region. The results of the research of hillforts on the territory of Mongolia and the Trans-Baikal (Zabaikalye) region dating back to the time of the Mongol Empire have shown that not all of them can be considered cities. Some of them are palace or manor complexes detached from the settlements. The paper focuses exclusively on sites with undoubted proto-urban or urban status. Among these, first of all, the Karakorum in Mongolia and the Khirkhirin hillfort in the Trans-Baikal region. The history of their research, the features of the sites' location and layout of urban development, as well as general characteristics of the finds from the cultural layer are reviewed. On the whole, to-date, a large source base about the cities of the Mongol Empire in Mongolia and the Trans-Baikal region has been formed, which allows solving important general problems related to the history and culture of the medieval nomads of Eurasia.

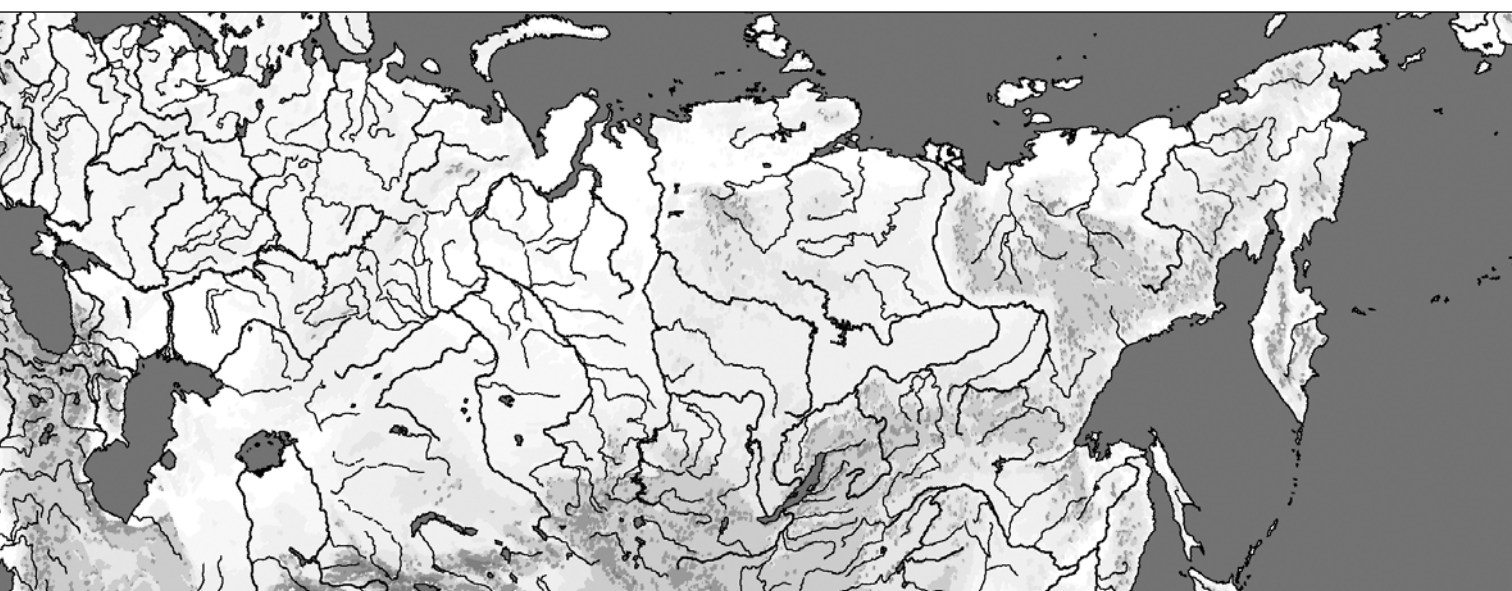
Keywords: Mongolia, Transbaikalia, epoch of the Mongol Empire, urban architecture, Karakorum, Khirkhirinsky hillfort.

■ The paper was carried out with support from the Russian Scientific Foundation, Towns of Medieval Empires of the Far East Project, grant no. 14-18-01165.

References

- Artem'ev, A.R. 2005. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia RAN (Bulletin of the Far East Branch, Russian Academy of Sciences)* (2), 3—18 (in Russian).
- Banzarov, D. 1997. *Sobranie sochinenii (Collected Works)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Voitov, V.E. 1990. In Derevianko, A.P., Natsagdorzh, Sh. (eds.). *Arkheologicheskie, etnograficheskie i antropologicheskie issledovaniia v Mongolii (Archaeological, Ethnographical and Anthropological Studies in Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 132—149 (in Russian).
- Kiselev, S.V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rubruk, G. 1957. In Shastina, N.P. (ed.). *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ., 87—270 (in Russian).
- Bemmann, J., Erdenebat, U., Pohl, E. (eds.). 2010. *Mongolian-German Karakorum-Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road*. Forschungen zur Archäologie Außereuropäischer Kulturen 8. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Franken, C. 2005. Die Brenöfen im Palastbezirk von Karakorum. In Frings, J., Müller, C., Pleiger, H. (eds.). *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen*. München: Hirmer Verlag, 147—149.
- Hüttel, H.-G. 2009. Royal Palace or Buddhist Temple? On Search for the Karakorum Palace. In Bemmann, J., Parzinger, H., Pohl, E., Tseveendorzh, D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 355—548.
- Kato, S. (ed.). 1997. *Ancient City of Karakorum*. Beijing: Beijing New World Press.
- Pohl, E., Mönkhbayar, L., Ahrens, B., Frank, K., Linzen, S., Osinska, A., Schüler, T., Schneider, M. 2012. Production Sites in Karakorum and Its Environment: A New Archaeological Project in the Orkhon Valley, Mongolia. *The Silk Road* 10, 49—65.
- Shiraishi, N., Tsogtbaatar, B. 2009. A Preliminary Report on the Japanese-Mongolian Joint Archaeological Excavation at Avraga Site: The Great Ordu of Chinggis Khan. In Bemmann, J., Parzinger, H., Pohl, E., Tseveendorzh, D. (eds.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 549—562.

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2016 г.

Сибирь и Забайкалье

Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева, Е. В. Ковычев, А. В. Харинский

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук,
Дальневосточный федеральный университет,
Забайкальский государственный университет
Иркутский национальный исследовательский технический университет*

Усадьба Алестуй монгольского времени в Забайкалье

Ключевые слова: Забайкалье, средневековье, монголы, усадьба, постройки, конструкции жилищ, черепица, история, археология.

В течение четырёх лет, в 2009—2012 гг. совместной археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Иркутского государственного технического университета, Забайкальского государственного университета проведены стационарные исследования центрального сооружения средневековой монгольской усадьбы в пади Алестуй, в 9 км к северо-востоку от Хирхирина городского округа Забайкальского края.

Памятник представляет собой остатки нескольких строений. Центральная, самая большая из построек сохранилась в виде насыпной платформы размерами 17×28—32 м, вытянутой по линии север-юг. С южной стороны платформы визуально прослеживается пологий спуск — пандус. Ориентировка на юг — типичная для монгольских жилищ. Юрта всегда ставится выходом на юг. Точно так же ориентированы дворцы в Каракоруме, Кондуе, Аварге, на Хирхире. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0,3 м) близкой к квадрату формы, размером примерно 71×71 м. К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямоугольной формы размером примерно 64×33 м (рис. 1).

В результате раскопок были исследованы западная и северная части главного здания, которое располагалось в центре усадьбы. Общая раскопанная площадь составила 418 кв. м. Удалось выяснить, что для возведения здания первоначально была сделана искусственная насыпная платформа. Затем были выбраны столбовые ямы и на их дно уложены большие плоские камни — основания для деревянных столбов. На камни были поставлены деревянные колон-

ны. Некоторые из них отчасти сохранились. Согласно анатомическому анализу отобранных образцов древесины, удалось установить, что они были изготовлены из стволов лиственницы даурской (*Larix gmelinii* Rupr.). Далее в секторе 100 был сооружен очаг и несколько (семь?) дымоходных каналов кана, один из которых имел дополнительный боковой канал. Конструкция позволяла отапливать помещение горячим воздухом. Очаг по уровню был расположен ниже каналов кана, поскольку такое его положение позволяло значительно повысить тягу. Поверх каналы кана частично были покрыты большими каменными плитами. В какой-то период существования здания кан в центральной части здания был полностью разрушен: покрытие из плит разобрано, каналы и очаг полностью забутованы битым кирпичом и черепицей.

В северной части постройки был возведен еще один кан. К сожалению, сохранность его каналов была не везде одинаково хорошей, однако, как нам удалось проследить, кан был трехканальный. Часть его располагалась в секторе 86; затем он имел продолжение в секторе 85 и далее в 100-м. В секторе 100 также была обнаружена небольшая печь, сложенная из больших камней, поставленных «на полах» и кирпича, которая относилась к северному кану. Кан был покрыт большими плоскими каменными плитами. Большое количество находок было обнаружено при исследовании северного кана.

Крыша здания была покрыта черепицей. Вероятно, со временем она начала проваливаться, о чем свидетельствуют находки черепицы в нижних пластах; для ее поддержки в центральной части постройки были поставлены, возможно, три дополнительные колонны, ка-

■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

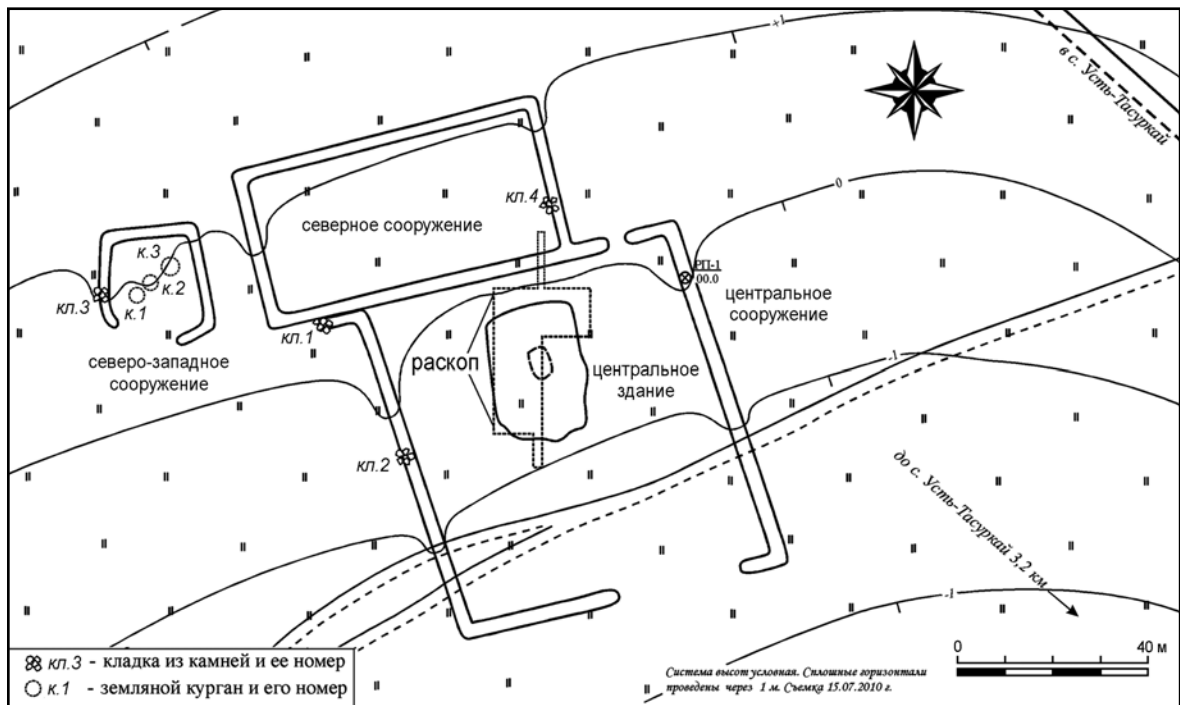

Рис. 1. Усадьба Алестуй. План.

Fig. 1. Homestead Alestuy. Plan.

менные базы которых, как было установлено, находились по уровню выше остальных.

При исследовании постройки были зафиксированы остатки двух стенок из обожженного кирпича, располагавшихся параллельно друг другу. Каждая из них сохранилась в длину в один кирпич и на высоту в четыре кирпича, сложенных «в тычок». Стенка, находящаяся в северной части постройки, предположительно, являлась внешней частью стены. Стенка в центральной части, возможно, была перегородкой, разделявшей внутреннюю часть помещения на части. Угол внешней стены был зафиксирован в южной части раскопа. Как удалось установить, вход в помещение располагался с юго-юго-востока.

После завершения своего существования усадьба неоднократно подвергалась разрушению.

Было собрано чуть более 600 костей животных. Около половины из них удалось определить. Судя по большим скоплениям костей, которые, надо отметить, находились, в основном, в северной части и на заднем дворе, здание являлось жилым. Состав животных представлен, в основном, домашней фауной, а именно: крупным рогатым скотом (корова), мелким рогатым скотом (овца), двугорбым верблюдом; были найдены кости лошади. Также диких: птиц, косулей, лосей. Среди костей много рубленых

трубчатых конечностей, а также с погрызами домашних собак. Скорее всего, в пищу были использованы взрослые особи домашних животных. С другой стороны, очевидно, что обитатели усадьбы занимались охотой. Любопытно, что в раскопе были найдены разрозненные кости человека (пл. 2, 3 и 5).

В целом, находки не слишком разнообразны и, как правило, фрагментированы. О том, что постройка была жилой, свидетельствуют обломки нескольких видов чугунных котлов, предназначавшихся для приготовления пищи. Другие находки, обнаруженные при исследовании здания, также можно отнести к разряду бытовых — железные ножи и фрагмент пилы, костяная шпилька, бронзовые предметы, очевидно, обкладка какого-либо изделия, заклепка со штырьком (пуговицы?), фрагмент изделия с гвоздиком, дырочкой и заклепкой, бронзовая гарда ножа, наконечники стрел, большое количество бесформенных железных предметов и гвоздей различных размеров (всего 163 шт.). 117 из них сконцентрированы в секторе 100. Интересными находками являются фрагменты двух, очевидно, пружинных навесных замков разных видов — монгольского и чжурчжэньского. Металлические предметы корродированы. Кроме этого, было встречено большое количество шлаков, костяные альчики, игральные фишки из стенок черепахи.

На уровне пластов 2/3 сектора 100 зафиксирована кирпичная конструкция размером 2×2,5 м, высотой в 1—2 кирпича. Рядом, в черепичном завале, была обнаружена бронзовая китайская монета Чжи-дао-юань бао (995—997 гг.), относящаяся ко времени Северной Сун. Находок керамики мало. Найдены лишь фрагмент поливного сосуда и фрагмент бутылки с глазурью зелёно-коричневого цвета.

Из массовых находок следует также отметить большое количество керамических строительных материалов, которые имели одинаковые стандартные размеры. Найдено 16 целых кирпичей и около 3 тыс. обломков разной величины. Целые кирпичи имеют прямоугольную форму и близкие параметры: длину 28,5—30 см, ширину 12—15 см, толщину 4,6—6 см.

Наиболее массовым материалом, обнаруженным при исследовании усадьбы, является керамическая черепица. В процессе исследования памятника было собрано около 24 тыс. фрагментов. Внешняя поверхность ее, как правило, гладкая, а внутренняя всегда имеет отгибки ткани; по форме поперечного сечения она плоская, имеет вид широкого жёлоба.

Черепица здания по оформлению конструктивных деталей представлена тремя типами.

Тип 1. Плоская (простая) черепица является самой распространенной на памятнике. Она укладывалась непосредственно на обрешетку крыши, начиная от карниза вверх до конька, вразбежку, перекрывая своими широкими концами одна другую таким образом, чтобы вышележащая черепица смещалась по сравнению с нижележащей на половину или на треть ее длины. Черепица этого типа составляла основу любой кровли.

Черепицы, найденные на памятнике, имеют длину 28—29,7 см, ширину широкого края 17—21 см, узкого — 14,3—18,5 см. Толщина черепицы составила 0,9—2,3 см.

Тип 2. Плоская черепица с отпечатками прямых и волнистых линий на внешней поверхности. По форме выглядит как плоская (простая), но имеет на своей внешней поверхности вдавленные прямые и волнистые линии. Соотношение изделий этого типа в общей массе изделий невелико — менее 1%. Обнаружена только одна черепица с полностью сохранившимися параметрами: длиной 28 см, шириной широкого края 19 см, узкого — 16,3 см. Толщина черепицы 1,1—1,6 см.

Тип 3. Плоская черепица с отливом. Находки ее также немногочисленны (менее 1%). По форме черепица также аналогична плоской (простой), однако имеет на своем нижнем широком конце отлив — отгиб широкого края, распо-

ложенный под углом по отношению к самой черепице. Длина черепиц этого типа 28—28,5 см. Ширина широкого края изделий составила 15,5—16 см, толщина 1—2,3 см. Ширина отлива 4,3—5,8 см, толщина 1,6—2 см. Лицевая поверхность и бортик отлива черепицы этого типа орнаментированы. На лицевой поверхности отлива зафиксировано несколько довольно примитивных, однообразных типов декора.

В изломе черепица серого и серо-голубого цвета. Черепок пористый, довольно рыхлый, часто замыт. Визуально определяется, что изделия изготовлены из запесоченной глины; размер видимых включений в тесте достаточно крупный, как правило, белого цвета, и варьирует от 0,2 до 1,3 см.

На гладких поверхностях и в изломе черепицы отмечено присутствие мелких частиц биотита. Еще одной специфической особенностью черепицы памятника являются многочисленные отпечатки растительных включений, оставшихся после выгорания в виде крупных палочек, которые, возможно, применялись в качестве отщипателя к глиняному тесту. Анализ черепицы на водопоглощение черепка горячим способом показал средние результаты 17,3%.

Черепица сформована на специальном шаблоне, предположительно ленточным способом, хотя размер, направление и форма лент определяются крайне редко. Определенно удалось зафиксировать два способа изготовления отлива.

Особенностью применения черепицы на крыше центрального здания усадьбы Алестуй является ее довольно немногочисленный видовой ассортимент: не найдена полуцилиндрическая черепица, нет концевых дисков, отсутствуют плоские узкие черепицы и т.д. Возможно, что черепица этих типов могла быть, например, изъята при перестройках, которым было подвергнуто здание усадьбы.

Применение черепицы второго типа также является характерной чертой. Учитывая немногочисленность таких находок, можно выдвинуть предположение о большой вероятности применения ее в качестве гребневой, покрывавшей конёк и боковые коньковые скаты. Существенной деталью является то, что некоторые изделия, в особенности это касается плоской черепицы с отливом, имеют на своей поверхности довольно толстый слой белой краски, предположительно извести, что свидетельствует в пользу того, что карниз крыши, а также, возможно, стены постройки были окрашены в белый цвет. Характерно, что черепица с прочерченными линиями на внешней поверхности очень редко имеет следы окраски.

Общее количество найденной черепицы позволяет выдвинуть гипотезу, что крыша постройки была одноярусной, а угол отгиба отлива черепицы — сделать вывод относительно величины взлета крыши. Скорее всего, крыша центрального здания усадьбы не имела крутых скатов.

Тем не менее, количество черепицы явно не соответствует реальным объемам, необходимым для покрытия крыши центрального здания. По словам местных краеведов, старожилы рассказывали им, что во времена освоения данной территории русские крестьяне приезжали сюда и собирали здесь кирпичи и черепицу для сооружения фундаментов своих домов. Точно так же строилась церковь Рождества Богородицы и Святых Мучеников Кирика и Улиты в с. Кондуй, для стен которой были использованы каменные базы и драконы Кондуйского дворца.

При сопоставлении черепицы усадьбы с материалами из других средневековых памятников выяснилось, что размерный стандарт изделий полностью совпадает с размерами черепицы из Хирхиринского городища, а также другой средневековой усадьбы — Нарсатуй в Бурятии, и с одним из стандартов черепицы городища Дён-Терек в Туве, Кондуйского городка, а также городища Аварга в Монголии. Вместе с этим, изделия очень схожи по своим внешним характеристикам, что дает возможность предположить одновременность их существования.

Таким образом, исходя из особенностей найденной на памятнике черепицы, период его возведения можно отнести ко второй половине XIII в. Такая датировка не противоречит данным радиоуглеродного анализа. По костным макроостаткам, отобранным из пл. 4, была получена некалиброванная дата 645 ± 45 ^{14}C л. н. (COAH-8265).

Nikolay N. Kradin. Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation. E-mail: kradin@mail.ru

Svetlana E. Baksheeva. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation. E-mail: sarantceva@mail.ru

Evgeny V. Kovychev. Candidate of Historical Sciences. Transbaikal State University. Address: Aleksandro-Zavodskaya St., 30, Chita, 672039, Russian Federation. E-mail: kovychevEvgeniy@mail.ru; kovychevEvgeniy@mail.ru

Artur V. Kharinsky. Doctor of Historical Sciences. Irkutsk National Research State University. Address: Lermontov St., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation. E-mail: kharinsky@mail.ru

The Alestuy Homestead Site of the Mongol Period in the East Baikal Region. The Alestuy homestead site is located nine kilometers north-east from the Khirkhira Mongolian medieval town in East Baikal region. It consisted of a 1.5 m high filled-up platform with dimensions 17×28—32 m extended along the north-south line. The platform was surrounded by a low rectangular bank (0.3 m) with dimensions 71×71 m. The bank was oriented almost by the cardinal points. We have conventionally marked it as the main yard. Another 64×33 m rectangular banked area was annexed to the northern bank. We studied the northern and western parts of the homestead and the neighboring territory of the yard up to the bank. The total excavation area was 400 sq. m. Among the finds there were a large number of iron nails of various sizes, fragments of different iron and bronze goods, a flat arrowhead, a stone smoother, a fragment of a plowshare, bits of slag, fragments of a crucible, an iron lock, wheel hub liners, the rim and pieces of the walls of iron cauldrons, birch bark fragments with holes, dice made from tiles and some items made from rectangular tiles with holes. We also found 16 whole bricks. The most commonly spread material was the roof tiles. Typologically the tiles from the Alestuy homestead were compatible to the tiles from the Khirkhira town, Konduisky town, and had many features in common with the Narsatuy homestead from Buryatia and Den-Terek town from Tuva and Avarga from Mongolia.

Keywords: Transbaikalia, Middle Ages, Mongols, homestead, structures, structural design of dwellings, tile.

■ The paper was carried out with support from the Russian Scientific Foundation, project No. 14-18-01165 ("Medieval Empires Town of the Far East").

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Археологические признаки административных границ южносибирского средневековья (по трудам Л. Р. Кызласова)

Ключевые слова: Уйгурский каганат, Древнехакасское государство, Монгольская империя, границы владений, археологические памятники, крепости, курганы, тамги, рунические надписи, история, археология.

Не все коллеги признают существование административных границ у древних и средневековых государств степной Евразии. Такое мнение обычно строится на данных нового времени. Скажем, на сезонных перекочевках казахов и джунгар на востоке или казахов, туркмен и башкир на западе, не соблюдавших этнополитических рубежей даже в благоприятные природные годы.

Не стану приводить иных указаний древних и средневековых источников, напомнив, например, о терпеливости Модэ-шаньюя в отношении подстрекателей-дунху в конце III в. до н. э. По первым требованиям отдавший противнику лучшего коня и красавицу-жену, правитель гуннов начал войну из-за приграничной пустоши: «Земля есть основание государства; как можно отдавать ее?» (Бичурин 1950: 47).

Следует показать археологические признаки административных границ, существовавших в средневековье в Южной Сибири. Они находят соответствия в письменных памятниках, но имеют самостоятельное значение для тех земель и периодов, для которых нет описаний. Для этого удобно применить исследования Л. Р. Кызласова трех разных по культуре государств, сменявшихся в Туве, и до работ Леонида Романовича практически не освоенных археологами.

I. Обследование Тувинской котловины, лежащей в верхнем течении Енисея, обнаружило 17 однотипных глинобитных квадратных крепостей и соединявшей часть их сплошной глинобитной стены, протяженностью в 230 км. Впервые получившие твердую датировку и культурную принадлежность, эти памятники широкой дугой направлены к южным склонам гор Западного Саяна. Крепости и стена оказались укрепленной северной границей

Уйгурского каганата сер. VIII — первой четверти IX в. (Кызласов 1969: 59—63; 1979: 145—158; 1981а: 53, 101, 142, рис. 31: Е, 1—13, 15—17, 19, 21) (рис. 1). Тут стали понятны слова уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (Баян-чора, Моюнчура), в 758 г. высеченные орхонскими рунами на так называемом Селенгинском камне (строка 20): «...там я заставил построить крепостные стены», как и его призывы, запечатленные на другой, несколько более ранней Терхинской стеле (строка 5): «По ... <такому-то хребту> южную границу, по Алтунской черни (совр. Алтай) западную границу, по Кёгмену (совр. Западный Саян) северную границу защищай» (Малов 1959: 32, 36, 40; Кляшторный 1980: 90, 92). Северная граница тогдашней Уйгурии проходила по хребтам Западного Саяна. Остальными границами страны, согласно камнерезному тексту, также являлись цепи гор.

Судя по каменным крепостям, отличавшим древнехакасские традиции и перекрывавшим на перевалах конные тропы через Саянский хребет (Кызласов 1981а: 101, рис. 31: Е, 18, 20, 22, 23) (рис. 1), основной враг уйгуров в то время также считал горные цепи границами своих земель.

II. Древнехакасское государство, для защиты от «летучих отрядов» которого, согласно руническим строкам, и строились крепостные стены, в упорной борьбе 820—840 гг. уничтожило Уйгурский каганат, расширило свои границы и целиком поглотило Туву. На ее землях появились новые для тех мест енисейские рунические надписи и вырезанные возле них своеобразные древнехакасские тамговые знаки. Сбор этого материала и его систематизация завершились к 1960-му году. Геральдические символы оказались лично-семейными и, видоизменяясь по поколениям, выстроили типоло-

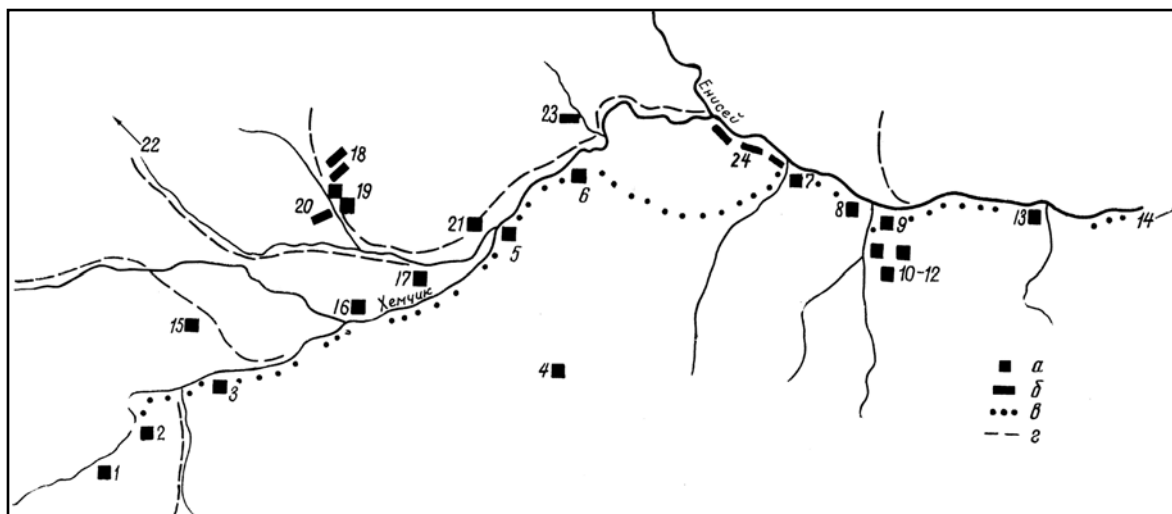

Рис. 1. Уйгурские крепости (а) и Долгая стена (в) на северной границе Уйгурского каганата, горные крепости на юге Древнехакасского государства (б) и тропы через хребты (г): Западносаянский (на север), Шапшальский (на запад) и Цаган-Шибету (на юг). Середина VIII — начало IX вв. (по Кызласов 1981а: рис. 31). 1 — Бай-Тал; 2 — Тээли; 3 — Эльдек-Кежик; 4 — I Бажын-Алак; 5 — Баян-Тал; 6 — Ийме; 7 — II Бажын-Алак; 8 — V Шагонарское; 9 — I Шагонарское; 10 — II Шагонарское; 11 — III Шагонарское; 12 — IV Шагонарское; 13 — Барык; 14 — Усть-Элегестское; 15 — Эдегейское; 16 — Алдан-Маадыр; 17 — Бора-Тайга; 18 — I Манчурек; 19 — II Манчурек; 20 — III Манчурек; 21 — устье Ак-Суга; 22 — Верховье Ак-Суга; 23 — Ишкин; 24 — Мугур-Саргол.

Fig. 1. The Uyghur fortresses (a) and the Long wall (b) on the Uyghur Khaganate northern border, the ancient Khakas mountain fortresses on the southern border of the Early Khakassian state (b) and tracks through ridges (r): West Sayany (to the north), Shapshalski (to the west) and to Tsagan-Shibet (to the south). The middle of the 8th — the beginning of the early 9th centuries (after Кызласов 1981а: рис. 31). 1 — Bai Tala; 2 — Teeli; 3 — Eldek-Kezhik; 4 — the I Bazhyn-Alak; 5 — Bayan-Tal; 6 — to Iyma; 7 — the II Bazhyn-Alak; 8 — the V Shagonarskoye; 9 — the I Shagonarskoye; 10 — the II Shagonarskoye; 11 — the III Shagonarskoye; 12 — the IV Shagonarskoye; 13 — Baryk; 14 — Ust-Elegestskoye; 15 — Edegeyskoye; 16 — Aldan-Maadyr; 17 — Bora-Taiga; 18 — the I Manchurek; 19 — the II Manchurek; 20 — the III Manchurek; 21 — the Low Ak-Sug; 22 — the Mouth of Ak-Sug; 23 — Ishkin; 24 — Mugur-Sargol.

гические ряды, принципиально сопоставимые с хорошо известными нашей науке знаками Рюриковичей: каждый потомок сохранял облик тамги отца, добавляя к нему свой штрих-отпятныш (Кызласов 1960а: рис. 7—9; 1965а: рис. 1—5). Выложив ареалы этих тамг на карту Тувы, удалось получить границы уделов шести аристократических семей на протяжении 6—7 их поколений (рис. 2). Так выявился институт крупного наследственного землевладения, свойственный данному обществу и не описанный в письменных источниках, а также получили объяснения упоминания в рунических надписях Тувы IX—X вв. «народа шести подразделений (алты баг бодун)» и «шестиудельной (страны) Кешдим», которыми оказались феодальные надель (Е 1, стк. 2; Е 5, стк. 2; Е 24/7; Е 49, стк. 4) (Малов 1952: 11, 21, 44, 45, 98; Древнетюркский словарь 1969: 39; Кызласов 1960а: 103—114, 117; 1960 б: 63—67; 1969: 123, 124; 1984: 132—134; Кызласов И.Л. 1994: 194). Одновременно обнаружилась одна интересная для нашей темы особенность: реки, даже крупные, не были границами внутренних земель страны — фа-

мильные владельческие знаки III, V и VI групп из поколения в поколение располагались на разных берегах Енисея, Уюка и Бий-Хема, Элегеста (рис. 2) (Кызласов 1960а: рис. 16, 17). Через много лет та же особенность прослежена по средневековым тамгам и для коренных земель Древнехакасского государства — на левобережье Среднего Енисея. Вероятно, той же закономерности подчинено размещение в Хакасии и княжеских могильников VI — первой половины IX в., так называемых чаатасов.

III. Иная картина возникает с захоронениями последующей тюркской культуры, совпадающими с экспансией Древнехакасского государства в Южной и Западной Сибири и в Центральной Азии в середине IX—X вв. Полученный Л.Р. Кызласовым массовый, хорошо датированный материал позволил выделить на широкой территории резко отличающиеся от прочих курганные захоронения, их специфический обряд (включая установку стел с енисейскими эпитафиями и тамгами), характерный состав и своеобразные особенности погребального инвентаря (Кызласов 1960б: 62—63; 1969: 97—108, 114—116,

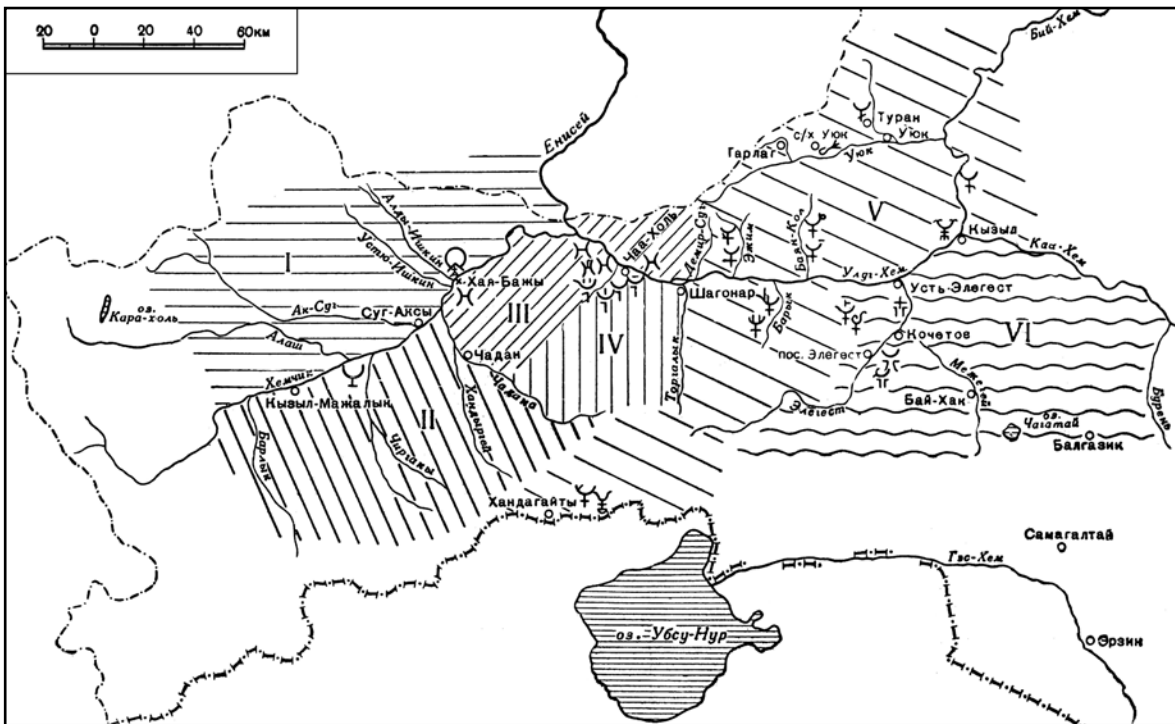

Рис. 2. Примерные границы шести уделов-багов, выявленные по распространению древнехакасских фамильно-личных тамговых знаков середины IX — середины X в. (по Кызласов 1960а: рис. 16).

Fig. 2. Approximate borders of six counties-bag revealed on the basis of distribution the ancient Khakas family and personal the tamga signs of the middle of 9th — the middle of the 10th centuries (after Кызласов 1960а: рис. 16).

рис. 42, 47, 48). Вытянувшиеся вдоль правого берега Верхнего и Среднего Иртыша типичные тюхтятские воинские курганы, нередко размещенные на могильниках местных племен (Зевакино, Камышенка, Ново-Камышенка, Боброво), указали расположение гарнизонов, обозначив тем самым западную границу Древнехакасского государства, которой послужила река (Кызласов 1981б: рис. 32: а). Тем самым, археологические данные конкретизировали рубежи тюхтятского ареала с одной из сторон света, в остальной части совпадающие с более общими данными письменных источников. Учитывая прочий курганный материал, следует считать северным и восточным рубежом страны Ангару и Селенгу (Кызласов 1981б: 58, рис. 32) (рис. 3).

IV. Третьим государством, сменившим в Туве Уйгурский и Древнехакасский каганаты, была Монгольская империя. Ее памятники — два поселения и 6 городов XIII—XIV в. (Дён-Терек, Оймак, Межегей, Могой, Элегест, Эртине-Булак) — были выявлены целевыми разведками и раскопками (Кызласов 1959; 1963; 1964: 84—92; 1965б; 1969: 11, 12, 130—171; 1975). Города не имели укреплений, постройки были наземными, выделялись всхолмлениями развалов стен или насыпных платформ. Жилища, подчиненные общему канону каркасного стро-

ительства и снабженные канами, оказались эталонными — позднее исследования открыли такие дома от Молдавии до Восточной Сибири. Этим опровергнуто расхожее мнение, что города монголам ставили не свои, а чужеземные строители. На городище Дён-Терек (первая половина XIII в.) раскопаны богатые двухкамерные жилища, дом с металлургической мастерской, административное и дворцовое здания. На сменившем его Межегейском городище — буддийский храм, при въезде на памятник уцелела буддийская ступа. На городище Оймак изучено казенное здание, найдены части буддийских скульптур, указавшие на бывший здесь религиозный центр, и постамент в виде черепахи для стелы с официальным указом — свидетельство высокого социального статуса города. В обоих случаях открыты грунтовые городские кладбища с аллеями погребальной скульптуры (урочища Базырт-Даш и Чурумал). Расположение правительственных и религиозных центров Тувы двумя скоплениями было сопоставлено Л.Р. Кызласовым с указанным в источниках устройством этих земель при монголах, учредивших два округа: Кяньчжоу (Енисейский округ) и Иланьчжоу (Змеиный округ). Центром одного оказался город в урочище Оймак, второго — в местности Дён-Терек, а затем город, ставший Межегейским городищем.

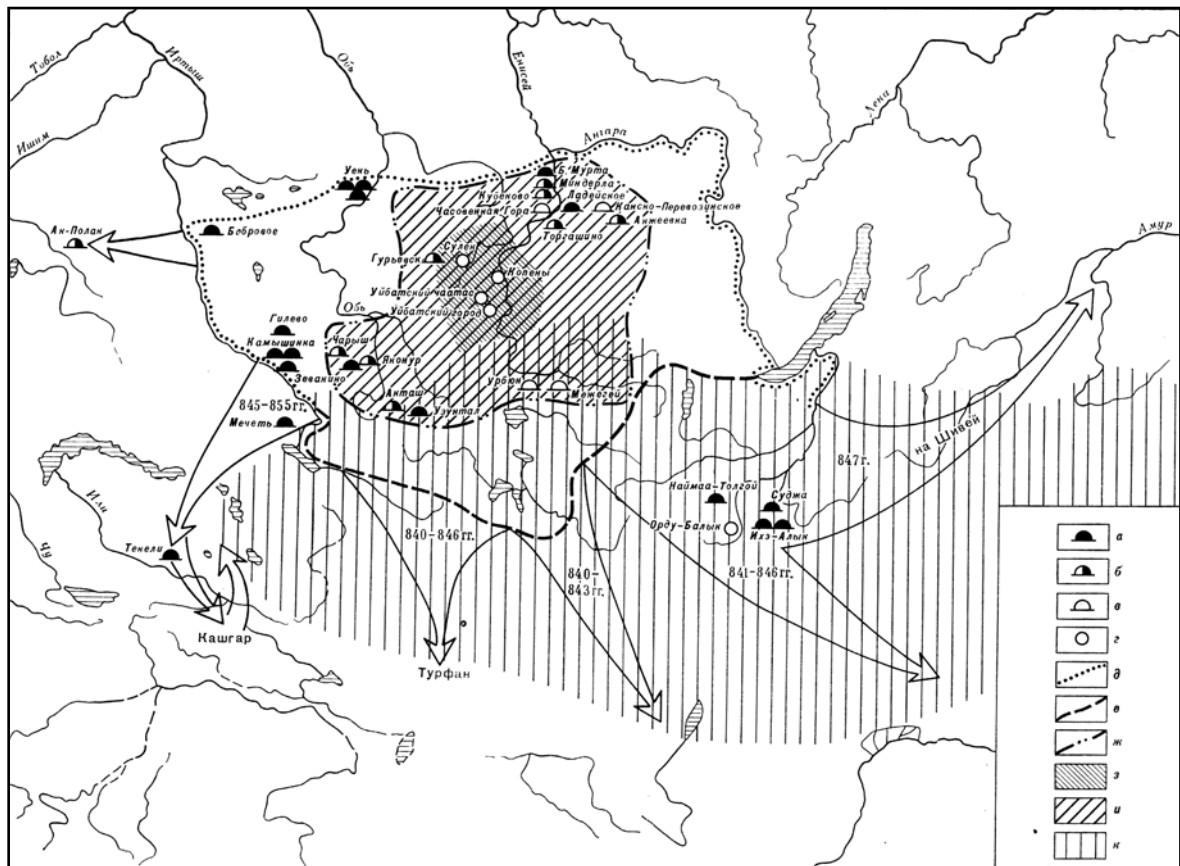

Рис. 3. Распространение окраинных курганов и границы Древнехакасского государства: а — IX—X вв.; б — XI—XII вв.; в — XIII—XIV вв.; г — основные памятники; д — рубежи 840—890-е гг.; е — юго-восточная граница начала X в.; ж — XI—XII вв.; территории государства: з — VI—IX вв. (культура чаатас); и — XI—XII вв. (аскизская культура); к — земли Уйгурского каганата; стрелками обозначены военные походы (по Кызласов 1981б: рис. 33). Данные конца 1970-х гг.

Fig. 3. Distribution of borderland barrows and boundaries of the Ancient Khakas state: а — 9th—10th centuries; б — 11th—12th centuries; в — the 13th—14th centuries; г — the main sites; д — turn of 840s—890s; е — south-east border of the beginning of the early 10th century; ж — the 11th—12th centuries; state territories: з — the 6th—9th centuries (the Chaatas culture); и — the 11th—12th centuries (the Askiz culture); к — the lands of the Uigur khaganate; shooters designated military campaigns (after Кызласов 1981b: рис. 33). Data of the end of the 1970s.

Бичурин Н. Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
 Надеяев и др. 1969. Надеяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. (ред.). 1969. *Древнетюркский словарь*. Ленинград: Наука.
 Кляшторный С. Г. 1980. Терхинская надпись. *Советская тюркология* (3), 82—95.
 Кызласов И. Л. 1994. *Рунические письменности евразийских степей*. Москва: Наука.
 Кызласов Л. Р. 1959. Средневековые города Тувы. *СА* (3), 66—80.
 Кызласов Л. Р. 1960а. Новая датировка памятников енисейской письменности. *СА* (3), 93—120.
 Кызласов Л. Р. 1960б. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. *Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ VIII*. Абакан: Хакасское книжное издательство, 56—77.
 Кызласов Л. Р. 1963. Памятник мусульманского средневековья в Туве. *СА* (2), 203—210.
 Кызласов Л. Р. 1964. Этапы средневековой истории Тувы

(в кратком изложении). *Вестник Московского университета. Серия IX: История* (4), 66—89.
 Кызласов Л. Р. 1965а. О датировке памятников енисейской письменности. *СА* (3), 38—49.
 Кызласов Л. Р. 1965б. Городище Дён-Терек. В: Киселёв С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашёва В. П. *Древнемонгольские города*. Москва: Наука, 59—119.
 Кызласов Л. Р. 1969. *История Тувы в средние века*. Москва: МГУ.
 Кызласов Л. Р. 1975. Городище Оймак на Улуг-Хеме. В: Окладников А. П., Деревянко А. П. (отв. ред.). *Археология Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 178—191.
 Кызласов Л. Р. 1979. *Древняя Тува. От палеолита до IX в.* Москва: МГУ.
 Кызласов Л. Р. 1981а. Культура древних уйгур (VIII—IX вв.). В: Плетнёва С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 53—54, 100—101, 140—142.
 Кызласов Л. Р. 1981б. Туютская культура древних хака-

- сов (IX—X вв.). В: Плетнёва С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 54—59, 101, 143—146.
- Кызласов Л. Р. 1984. *История Южной Сибири в средние века*. Москва: Высшая школа.
- Малов С. Е. 1959. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Igor L. Kyzlasov. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Archaeological Features of Administrative Borders in Medieval South Siberia (after the works by L. R. Kyzlasov). The study of archaeological and epigraphic monuments of the Middle Ages in South Siberia makes it possible to identify external (state) and internal (administrative) borders of the 8—14th-century state formations of the region. Thus, the northern boundary of the Uyghur Khaganate in the mid-8th — first quarter of the 9th century is determined by a succession of 17 similar fortresses in the mountains of Western Sayan. In the territory of the 9th—10th-century Ancient Khakassian State, the analysis of the tamga marks distribution makes it possible to fix the boundaries of the fiefdoms of six nobility clans. These data find confirmation in runic inscriptions. The expansion of the Ancient Khakassian State in the mid-9th to 10th centuries is marked by the distribution of mounds with specific rites. In the era of the Mongol Empire, urban settlements with elements of administrative and cult centers were located in the territory of Tuva within two clusters, which correspond to the two districts established by the Mongols on these lands, as confirmed by written sources.

Keywords: Uyghur Khaganate, Early Khakassian state, Mongol Empire, borders of possession, archaeological sites, fortresses, barrows, tamga, runic inscriptions.

References

- Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Corpus of Data on Peoples Living in Central Asia in Antiquity) 1*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Nadeliaev V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (eds.). 1969. *Drevnetiurkskii slovar' (Ancient Turkic Dictionary)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kliashtornyi, S. G. 1980. Terkhinskaia nadpis'. *Sovetskaia tiurkologiya (Soviet Turkic Studies) (3)*, 82—95 (in Russian).
- Kyzlasov, I. L. 1994. *Runicheskie pis'mennosti evraziiskikh stepei (Runic Inscriptions of Eurasian Steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (3)*, 66—80 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (3)*, 93—120 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1960. In *Uchenye zapiski Khakasskogo NIIYaLI (Scientific Notes of the Khakassian Research Institute for Language, Literature and History) VIII*. Abakan: "Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 56—77 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (2)*, 203—210 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1964. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya IX: istoriia (Bulletin of the Moscow University: History Series) (4)*, 66—89 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (3)*, 38—49 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1965. In Kiselev, S. V., Evtiukhova, L. A., Kyzlasov, L. R., Merpert, N. Ya., Levasheva, V. P. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 59—119 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriia Tuvy v srednie veka (Medieval History of Tuva)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1975. In Okladnikov, A. P., Derevyanko, A. P. (eds.). *Arkheologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii (Archaeology of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 178—191 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1979. *Drevniaia Tuva. Ot paleolit do IX v. (Ancient Tuva: from Palaeolithic to 9th Century AD)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1981. In Pletneva, S. A. (manag. ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 53—54, 100—101, 140—142 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1981. In Pletneva, S. A. (manag. ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 54—59, 101, 143—146 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1984. *Istoriia Iuzhnoi Sibiri v srednie veka (History of Southern Siberia in the Middle Ages)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).
- Malov, S. E. 1959. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii (Monuments of the Ancient Turkic Written Language in Mongolia and Kyrgyzstan)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Статья поступила в редакцию 14 мая 2016 г.

П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет

Приенисейская Сибирь — северная периферия Монгольской империи

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь, средневековье, монголы, культурное влияние, поясные наборы, история, археология.

В ходе сложения Монгольской империи многие народы были вовлечены в орбиту влияния общеимперской культуры. Одни из них прямо включались в систему Монгольского государства, другие — опосредовано.

Историческая канва вхождения Приенисейской Сибири в состав Монгольской империи хорошо известна. Формально енисейские кыргызы, населявшие Хакаско-Минусинскую котловину и Туву, были покорены монголами в 1207 г., но фактически они были разбиты в 1218 г. после карательного похода Джучи через Саяны. Вместе с кыргызами монголам были покорены и многочисленные лесные народы. Джучи увел с собой в ставку кыргызских тысячников и темников, а также князьков лесных народов. В 1227 г. юг Приенисейской Сибири и примыкавшие северные земли отошли к улусу Великого хана и стали управляться младшим сыном Чингисхана Тулуем. После его смерти в 1233 г. они отошли к его вдове Сурхуктани, правившей до 1252 г. (Бартольд 1963: 507, 508). После завершения борьбы за власть двух сыновей Тулуя — Хубилая и Ариг-Буги, Алтае-Саянская горная страна вошла в состав Юаньской империи (Тишкин 2009: 6). В 1293 г. енисейские кыргызы, участвовавшие в междоусобице Хубилая и Хайду, были окончательно побеждены полководцем Тутухой, и на завоеванных землях были размещены 700 семей военных поселенцев (Савинов 1990: 129).

Археологические материалы, отражающие вхождение Приенисейской Сибири в состав Монгольской державы, достаточно многочисленны, но представлены в разрозненных публикациях и не обобщены (рис. 1: I). Решающим фактором для оценки степени «вовлеченности» населения отдельных районов Приенисейской Сибири в государственную структуру Монгольского государства выступают находки вещей, относящихся к властным атрибутам

кочевой империи (пайцзы, поясные наборы, боктаг, халаты с государственными символами, посуда из драгоценных металлов и др.). Эти изделия отражали политическую иерархию, чье функционирование было невозможно без понятной всему разнотническому населению системы кодов (Юрченко 2013: 87, 159).

Присутствие монголов в Туве прямо описано в исторических источниках. Именно через ее территорию Джучи совершил свой знаменитый поход 1218 года. Улуг-Хемский и Чаа-Хольский районы Тувы образовывали в XIII—XIV вв. округ Кяньчжоу («Енисейский округ»), входивший в состав империи Юань. Тува была освоена монголами, здесь постоянно проживал высокопоставленный юаньский наместник. В верхнем бассейне Енисея известно шесть монгольских городов и два поселения, а также городские кладбища, украшенные каменными статуями монгольских чиновников, львов и баранов. В это время среди населения Тувы распространяется буддизм (Кызласов 1969: 140, 160—164). На многих погребальных памятниках Верхнего Енисея встречаются престижные монгольские вещи. На могильнике Урбюн I в погребении по обряду кремации были найдены серебряные поясные накладки и серебряный кубок (Савинов 1990: 119—120). На могильнике Сарыг-Хая в женском погребении по обряду трупоположения сохранился боктаг (Длужневская, Савинов 2007: 164). На могильнике Амырлаг I в погребении подростка отмечены позолоченные бронзовые детали поясного набора с бляхами-обоймами с изображением дракона (там же: 162). По мнению Д. Г. Савинова, эти комплексы относятся к начальному периоду освоения Тувы монголами (там же: 168).

Несмотря на то, что напряженные отношения между енисейскими кыргызами и монголами довольно детально описаны в письменных источниках, археологических свидетельств при-

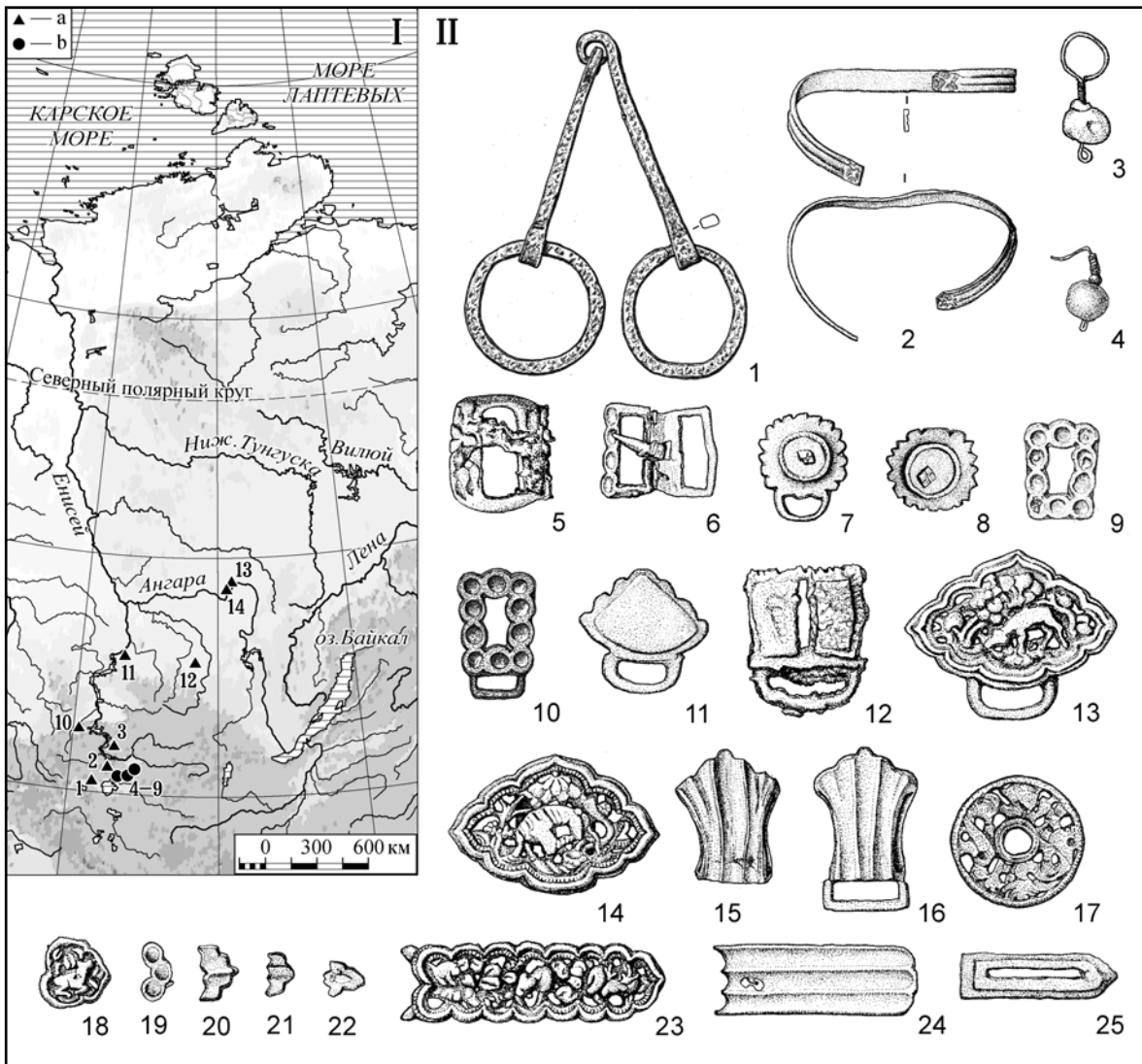

Рис. 1. Находки монгольского облика из Приенисейской Сибири.

I — карта-схема размещения памятников с находками предметов монгольского облика Приенисейской Сибири: 1 — Амырлаг I; 2 — Урбюн I; 3 — Сарыг-Хая; 4—9 — Дён-Терек, Могой, Межегейское, Элегестское, Оймак, Эртине-Булак; 10 — Койбалы I; 11 — Часовенная Гора; 12 — Рябчиков Ключ-1; 13 — Проспихинская Шивера-IV; 14 — Чадобец. Условные обозначения: а — могильники; б — городища.

II — находки монгольского облика из могильника Проспихинская Шивера-IV, Нижнее Приангарье: 1 — удила; 2 — браслет; 3, 4 — серьги; 5—6 — пряжки; 7—16 — поясные бляхи-обоймы; 17 — монетовидный амулет; 18—22 — ременные накладки; 23—25 — ременные наконечники. Масштабы разные.

Fig. 1. Mongol finds from the Yenisei Siberia.

I — The distribution map of the sites with Mongol finds in the Yenisei Siberia: 1 — Amyr-lag I; 2 — Urbyun I; 3 — Saryg-Naya; 4—9 — Dyon-Terek, Mogoy, Mezhegeyskoe, Elegests-koe, Oimak, Ertine-Bulak; 10 — Koibaly I; 11 — Chasovennaya Gora; 12 — Ryabchikov Klyuch 1; 13 — Prospikhinskaya Shivera IV; 14 — Chadobets. Legend: a — burial grounds; b — hillforts.

II — Mongolian finds from the Prospikhinskaya Shivera-IV burial ground site, the Lower Angara region: 1 — bit; 2 — bracelet; 3, 4 — earrings; 5—6 — buckles; 7—16 — waistbelt ring plates; 17 — coin amulet; 18—22 — belt plates; 23—25 — belt tips. The scale is different.

сутствия монголов в Хакасско-Минусинской котловине крайне мало. Здесь известны единичные случайные находки деталей поясных наборов с бляхами-обоймами, а также из погребения по обряду трупосожжения на могильнике Койбалы I отмечены поясные накладки

из нефрита, имеющие аналогии в материалах империи Юань (Скобелев 2001). Отметим, что погребения по традиционному монгольскому обряду (трупоположения на спине, в колоде или в гробу) с характерным для монголов инвентарем в Хакасии неизвестны.

В лесостепных районах Приенисейской Сибири присутствуют несколько погребальных комплексов, содержащих предметы, сопоставимые с культурой Монгольской империи. Все эти погребения выполнены по обряду трупоположения, совершены в грунтовых ямах с деревянными и/или берестяными внутримогильными конструкциями. В районе г. Красноярск известна группа из трех подобных погребений на Часовенной горе. Среди многочисленного инвентаря выделяется группа предметов, указывающая на высокий социальный статус их владельцев: поясной набор из агальматолита, серебряные серьги, кубок, ковш, обкладки седла, сбруйные пластины с позолотой (Савинов 1990: 117—118). В Канской лесостепи единственной находкой, которая может быть отнесена к такой же группе, является монетовидный амулет с изображениями драконов из погребения со стоянки Рябчиков Ключ-1 (Выборнов и др. 2015: 570).

Из более северных районов находки монгольских изделий известны в нижнем течении р. Ангары. Здесь в погребениях XIII—XIV вв. могильников Проспихинская Шивера-IV и Чадобец найдены серьги в виде знака вопроса, плоские широкие наконечники стрел, стеклянные, каменные и фарфоровые бусы китайского производства, двусоставные удила с кольчатymi псалиями, пластинчатые браслеты, монетовидный амулет с изображением драконов и поясные наборы с бляхами-обоймами (рис. 1: II). В нижнеангарских погребениях найдено семь поясов с бляхами-обоймами. Элементы поясов отливались из сложной латуни и оловянно-свинцовой бронзы. Пояса попадали на Ангару целыми изделиями, а не разрозненными деталями (Сенотрусова, Мандрька, Тишкин 2014: 122, 123). Эти поясные наборы являлись социально престижными изделиями. Их отличает высокое качество исполнения, сложность композиционного решения. В большей мере это относится к поясу с изображением лани под раскидистым деревом. Находки таких поясов на территории Евразии редки и являются важным маркером проникновения отдельных компонентов монгольской культуры в те или иные регионы. Пояса с подобными изображениями относятся исследователями к категории парадных охотничьих поясов (Крамаровский 2001: 56).

Говорить о прямом проникновении в южно-таежные районы Приенисейской Сибири пред-

ставителей монгольских племен нельзя. Для этой территории на протяжении XI—XIV вв. характерны единообразный погребальный обряд трупосожжения на стороне, устойчивый набор предметов сопроводительного инвентаря. Присутствие здесь находок «престижных» поясных наборов может свидетельствовать о включении представителей местных элит в общеимперскую структуру.

Таким образом, влияние культуры Монгольской империи распространялось не только на южные районы Приенисейской Сибири, но и далеко на север. Наиболее полно в имперскую структуру была инкорпорирована территория Тувы: она представляла собой один из отдаленных северных округов, где монголы создавали города, развивали земледелие и ремесла. Естественно, что в этом районе постоянно проживали представители имперской администрации и военные.

Вопрос о постоянном проживании монголов в Хакасско-Минусинской котловине нельзя решить однозначно. Слишком отрывочны письменные свидетельства, а немногочисленные археологические материалы не дают возможности зафиксировать присутствие монголов в Минусе. Пока можно лишь отметить включение представителей местного населения (кыргызов?) в систему государственного управления Монгольского государства и империи Юань. Но какие должности они занимали, и насколько монголы вмешивались в дела енисейских кыргызов, не известно. То же самое можно сказать и о взаимоотношениях монголов с населением лесостепных и южнотаежных районов Приенисейской Сибири.

В природно-географическом отношении эти районы не соответствовали хозяйственным запросам монголов, хотя могли опосредованно входить в сферу интересов Монгольской империи, как источник пушнины. В таежных погребениях, где отмечены изделия «монгольского облика», зафиксировано большое количество предметов местных форм, не известных в более южных районах. Представители лесных народов получали дорогие пояса за службу, но их погребальный обряд и образ жизни оставались неизменными. Возможно, монголы стремились упрочить политическое положение элиты таежных племен в противовес енисейским кыргызам, которые на протяжении всего XIII века доставляли немало хлопот Монгольской империи.

- Бартольд В.В. 1963. Киргизы. Исторический очерк. В: Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. II. Ч. 1. *Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 471—543.
- Выборнов и др. 2015: Выборнов А.В., Грачев И.А., Зольников И.Д., Картозия А.А., Марковский Г.И., Славинский В.С., Слепченко С.М., Цыбанков А.А. 2015. Спасательные археологические раскопки на местонахождении Рябчиков Ключ-1 под городом Канском в 2015 году. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* XXI, 567—570.
- Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. 2007. *Памятники древности на дне Тувинского моря*. Санкт-Петербург: ИИМК; СПбГУ.
- Крамаровский М.Г. 2001. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII — первой половины XIII вв. (историко-ведческие аспекты). В: Усманов М.А. (отв. ред.). *Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани*. Казань: ИИ АН РТ, 43—75.
- Кызласов Л.Р. 1969. *История Тувы в средние века*. Москва: МГУ.
- Савинов Д.Г. 1990. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов. В: Худяков Ю.С. (отв. ред.). *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 114—131.
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. 2015. Металлическая гарнитура монгольского времени в ангарской тайге. *АЭАЕ* (2), 116—125.
- Скобелев С.Г. 2001. *Кыргызы Среднего Енисея под властью монголов (по археологическим свидетельствам)*. URL: <http://zaimka.ru/skobelev-kyrgyz/> (дата обращения 18.02.2016).
- Тишкин А.А. 2009. *Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников)*. Барнаул: Азбука.
- Юрченко А.Г. 2013. *Элита Монгольской империи: время праздников, время казней*. Санкт-Петербург: Евразия.

Polina O. Senotrusova. Candidate of Historical Sciences. Siberian Federal University. Address: Svobodny Ave., 79, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: Pollina1987@rambler.ru

Pavel V. Mandryka. Candidate of Historical Sciences. Siberian Federal University. Address: Svobodny Ave., 79, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: pmandryka@yandex.ru

The Yenisei Siberia Region as the Northern Periphery of the Mongol Empire. In the early 13th century, the territory of Yenisei Siberia was gradually conquered and subjugated by the Mongol Empire, the process starting from the southern regions. The archaeological evidence of the process is fragmentary. In the territory of Tuva, Mongolian cities, settlements, burials and Buddhist monuments are known, which indicate its direct settling by the Mongols. In the Minusinsk-Khakassia depression and the Krasnoyarsk forest-steppe, individual Mongolian items are known by separate burials and by casual collecting. The population of the southern taiga of the Yenisei Siberia region had also been incorporated in the structure of the Mongol Empire, which is demonstrated by the finds of ceremonial hunting belt sets, Chinese beads and other imported items.

Keywords: Yenisei Siberia region, Middle Age, Mongols, cultural contacts, belt sets.

References

- Bartol'd, V.V. 1963. In Bartol'd, V.V. *Sochineniia (Works)*. Vol. 2. Part 1. *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 471—543 (in Russian).
- Vybornov, A.V., Grachev, I.A., Zol'nikov, I.D., Kartozia, A.A., Markovskii, G.I., Slavinskii, V.S., Slepchenko, S.M., Tsybankov, A.A. 2015. In Derevianko, A.P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* XXI, 567—570 (in Russian).
- Dluzhnevskaiia, G.V., Savinov, D.G. 2007. *Pamiatniki drevnosti na dne Tuvinskogo moria (Ancient Times Sites in the Bottom of the Tuva Sea)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg State University (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2001. In Usmanov, M.A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ord). Ot Kalki do Astrakhani. 1223—1556 (Source Study of the Jochid Ulus (Golden Horde) History: from Kalka to Astrakhan. 1223—1556)*. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 43—75 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1969. *Istoriia Tuvy v srednie veka (Medieval History of Tuva)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Savinov, D.G. 1990. In Khudiakov, Yu.S. (ed.). *Pamiatniki kyrgyzskoi kul'tury v Severnoi i Tsentral'noi Azii (Sites of the Kyrgyz Culture in Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 114—131 (in Russian).
- Senotrusova, P.O., Mandryka, P.V., Tishkin, A.A. 2015. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (2), 116—125 (in Russian).
- Skobelev, S.G. 2001. *Kyrgyzy Srednego Eniseia pod vlast'iu mongolov (po arkheologicheskim svidetel'stvam) (The Middle Yenisei Kyrgyzs under the Mongols Rule: the Archaeological Evidences)*. Available at: <http://zaimka.ru/skobelev-kyrgyz/> (accessed 18.02.2016) (in Russian).
- Tishkin, A.A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Time: on the Materials of Archaeological Sites)*. Barnaul: "Azбука" Publ. (in Russian).
- Yurchenko, A.G. 2013. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: the Time for Holidays, the Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Тюрко-татарские города Западной Сибири в XIV—XVI вв. в археологических и исторических исследованиях

Ключевые слова: Западная Сибирь, средневековье, татары, города, статус, социально-экономическая характеристика, письменные и археологические источники, история, археология.

Одной из самых интересных загадок в средневековой истории Западной Сибири является характеристика тюрко-татарских городов сибирских ханств — время их основания и гибели, численность населения, статус, облик, специфика развития и т.д. До настоящего времени мы не можем предоставить реконструкции планиграфии сибирских городов этого времени, особенностей их архитектурных комплексов, устройства фортификационных систем. Вместе с тем, археологические раскопки Искера — столицы Сибирского ханства, начались еще в начале 80-х годов XIX в. и продолжают с перерывами фактически до последних лет. Достаточно масштабные изыскания осуществлялись и на других городах сибирских ханств — Тон-Туре, Кизыл-Туре, Тояновом городке. В исторических публикациях существуют полярные мнения о сибирских городах, в том числе и столичных: от того, что это достаточно серьезные города с мощными укреплениями, каменными мечетями, дворцами и т.д. и до того, что это небольшие площадки, как место расположения ханской резиденции в определенное время года. Проблема воссоздания истории существования этих комплексов и их облика кроется, на мой взгляд, в отсутствии социально-экономической характеристики ханств. Это делает невозможным формирование определенной концепции основания городов и экономических основ их функционирования. Выход из создавшейся ситуации видится в более масштабном привлечении археологических источников, поиска материалов, которые могут связать по определенным параметрам все городские комплексы Западной Сибири. Такой

подход даст возможность выделить основные критерии в характеристике сибирских средневековых городов, определить возможность их изучения.

Тюрко-татарские средневековые города Западной Сибири в исторической литературе, опирающейся на письменные источники, имеют градацию по своему политическому положению: столичные (центры ханств) — Чимги-Тура, Искер (Кашлык), Кизыл-Тура, центры провинций или улусов этих государственных образований — Тон-Тура, Явлу-Тура, Тоянов городок, и по принадлежности к ханской элите — Карачин городок, Бегишев городок и т.д. В этих работах, как правило, указывается местоположение комплекса, приводятся данные по имевшимся в этих городах зданиям — мечетям, дворцам, даются краткие описания фортификационной системы. Для некоторых имеются сведения о населении и его хозяйственных занятиях. В основном сведения для описания городов привлекались из сибирских летописей. Но мы полностью согласны с В.Н. Пигнатти в том, что «Ни в одной из сибирских летописей, при самом внимательном их обозрении, нет рассказа о том, каков был при Кучуме Искер, и что с ним сделалось после падения: представлял ли он из себя военную лишь крепость, населенную лишь ратными людьми, или это был город в обычном смысле слова — человеческое поселение. Не только внутреннего содержания поселения, кто жил и как жили, — но и чисто внешнего описания остатков разгромленного города в летописях нет» (Пигнатти 2010: 186).

Практическое описание сибирских городов путешественниками и учеными XVII—

■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии». Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук.

XVIII вв. можно свести к описанию Искера Г.Ф. Миллером: «Развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, по-видимому, было оно прежде, вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор. ...представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в диаметре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некоторой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища. Если это так, то они были сделаны из дерева, на манер татарских построек в Сибири, или, по бухарскому обыкновению, построены из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов» (Миллер 1999: 227—228). Все позднейшие описания сибирских тюрко-татарских городов, так или иначе, берут за основу слова этого ученого.

Попытки сравнить сибирские города с подобными комплексами татарских государств Поволжья или Средней Азии если и имели место, то только самое общее или по очень частным аспектам. Например, Хади Атласи, основываясь на описаниях Искера Г.Ф. Миллера, отмечает, что Искер нельзя сравнивать с другими городами. «Площадь, занимаемая городом, имела круглую форму, вдоль и поперек не более 50 сажений, а потому домов там было немного. Искер нельзя было причислить к большим городам, каким был, например, Булгар. Кроме двух названий, известных в истории, город имел еще и третье — Кышлык. В тюркских языках слово это означает место зимовки. Так называют также деревни, принадлежащие какому-нибудь племени. Очевидно, название соответствовало назначению города» (Атласи 2005: 61).

Следует признать, что возможности для сравнения материалов, полученных при раскопках тюрко-татарских городских комплексов с подобными объектами, располагающимися на сопредельных территориях, у ученых не так много. Мы уже писали о том, что, несмотря на многочисленные археологические исследования Искера, Тоянова городка, коллекции этих раскопок в полном виде так никогда и не будут изданы, так как разбросаны по музеям Российской Федерации и зарубежья. Более того, бессистемные, недокументированные,

почти хищнические раскопки конца XIX — начала XX вв. нанесли непоправимый урон этим комплексам, в результате чего большой массив информации навсегда утерян. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность выделить некоторые моменты, которые позволяют связать эти города в определенную систему, которая легла в основу формирования сибирских тюрко-татарских государственных образований.

Все известные нам города расположены по одной схеме — они приурочены к долине большой реки на определенном расстоянии от устья впадающего в нее большого притока. Связано это с тем, что именно вдоль основных рек Западной Сибири — по Оби, Иртышу, Тоболу и Ишиму проходили основные транзитные меридиональные торговые пути, и в местах впадения в них крупных притоков они пересекались с широтными торговыми потоками (Матвеев, Татауров 2011: 96—98). Это мы наблюдаем по расположению Чимги-Туры, Искера, Кизыл-Туры, Тоянова городка и т.д. Расположение на торговых путях подтверждает и большое количество среднеазиатского и европейского импорта в коллекциях раскопок этих комплексов, в том числе монет. Именно большое количество импортных вещей позволила В.А. Могильникову утверждать, что городище «Голая сопка» является Кизыл-Турой, а не Красноярское городище, на чем настаивает Д.М. Данченко (Могильников 2001: 260). Такое расположение городов было продиктовано несколькими причинами, на первом месте из которых стоит то, что доходы от торговых отношений были основным источником существования государственных институтов сибирских ханств. Малочисленность населения и слабость ремесленного производства вынуждали сибирских ханов ориентироваться на среднеазиатские ремесленные центры, продукция которых шла на обслуживание армии и ханского двора. Расположение на торговых путях облегчало передвижение ханов и их приближенных по своим традиционным путям кочевков — от зимников на берегах Сырдарьи до летних ставок на Туре или Иртыше.

Объединяют тюрко-татарские города Западной Сибири их системы укреплений. Если для поселений сибирских татар оборонительные системы (при их наличии) выполняли скорее статусную роль, подчеркивая положение правителя этих земель, и не играли какой-то значимой защитной роли, а достались от более ранних археологических памятников (имеются случаи, когда жилищно-хозяйственные комплексы располагаются частично на этих укреп-

лениях — рвах и валах), то для городов характерна собственная фортификационная система, которая позволяла на определенное время сдерживать налет неприятеля. При всей ограниченности данных следует признать, что система укреплений Искера, которую реконструировал А. П. Зыков на основании своих раскопок 1988 и 1993 гг., существенно отличается от других оборонительных комплексов Западной Сибири (Зыков 2010: 112—114). То же мы можем сказать и о фортификации Тунусского городка на р. Таре в Прииртышье (Татауров 2005: 212). Сложность деревянных оборонительных конструкций, применение сырцового кирпича и возведение неизвестных в Западной Сибири фортификационных объектов (предместных укреплений) свидетельствует о привлечении иностранных специалистов для строительства городских укреплений.

Есть общие черты и в собранных в ходе раскопок этих комплексов коллекциях. Значительную часть в вещевом комплексе занимают оружие и предметы роскоши, причем и те, и другие — импортного происхождения. На их фоне совершенно недостаточно для проживания постоянного городского населения выглядят коллекции бытовых предметов (керамической посуды, утвари и т. д.) и производственного инвентаря. Имеющиеся инструменты свидетельствуют скорее о полупоходном ремесленном производстве, нежели о наличии стационарных ремесленных центров. Еще одним интересным объединяющим моментом являются остеологические материалы. Наиболее показательны они для Тунусского городка, где доля костей лошади достигает 90%, для раскопок Тон-Туры (Воскресенского городища) В. П. Левашевой лошадь занимает более половины всего материала (Левашева 1928: 90). Это свидетельствует о привозном характере снабжения населения

городов, а не об опоре на местное сельскохозяйственное производство.

Исходя из археологических материалов, можно сделать вывод о том, что тюрко-татарские города Западной Сибири не были ни ремесленными, ни религиозными, ни военными центрами сибирских ханств. Нельзя полностью согласиться и с тем, что они были «центрами политической жизни Сибирского юрта» (Маслюженко и др. 2014: 142). В отличие от европейских столиц, судьба Чимги-Туры, Кизыл-Туры и самого Искера показывает, что правители тюрко-татарских государственных образований не ставили перед собой цель развития и укрепления своих столиц, а скорее наоборот — в случае возникновения неблагоприятной ситуации разрушали или просто бросали свои города. Наиболее правильно считать сибирские города временными ханскими ставками, во время пребывания в которых хан укреплял свою политическую власть, осуществлял сбор налогов, проверял охрану границ и т. д., то есть осуществлял функции государственного правителя. В его отсутствие в этих городах проживало сравнительно небольшое количество жителей и такой же небольшой гарнизон.

Сибирские тюрко-татарские города, несмотря на их неразвитость в качестве ремесленных центров, малочисленность и непостоянное нахождение правителей, являлись определенной чертой, которая отделяла аморфные полукочевые образования от государств с соответствующими институтами — границами, армией, административным делением и т. д. Именно города являются базовыми памятниками при археологическом изучении сибирских ханств, дают нам недостающие материалы по хронологии их существования, маркеры государственности и т. д.

Атласи Х. 2005. *История Сибири*. Казань: Татарское книжное издательство.
 Зыков А. П. 2010. Городище Искер — остатки города Сибирь. В: Исхаков Д. М. (науч. ред.). *Искер — столица Сибирского ханства*. Казань: ИИ АН РТ, 112—122.
 Левашева В. П. 1928. Вознесенское городище Барабинского округа, Спасского р., на левом берегу р. Оми. *Известия Государственного Западно-Сибирского музея* 1, 87—98.
 Маслюженко Д. Н., Рябина Е. А. 2014. Почему Кучум не стал защищать Искер. *Присоединение Сибири к России: новые данные*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень: Тюменский государственный университет, 139—144.
 Матвеев А. В., Татауров С. Ф. 2011. Пути сообщения

Сибирских ханств. *Вестник Омского университета* (3), 95—101.
 Миллер Г. Ф. 1999. *История Сибири*. 2-е изд. Москва: Восточная литература.
 Могильников В. А. 2001. О локализации Кизил-Туры. *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея*. Тюмень: Тюмень, 258—261.
 Пигнатти В. Н. 2010. Искер (Кучумово городище). В: Исхаков Д. М. (науч. ред.). *Искер — столица Сибирского ханства*. Казань: ИИ АН РТ, 186—226.
 Татауров С. Ф. 2005. Тунус — последний город Сибирского ханства. *Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных сообществ Западной Сибири и сопредельных территорий*. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: ТГУ, 210—212.

Sergei F. Tataurov. Candidate of Historical Sciences. Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Karl Marx Ave. 15, Omsk, 644024, Russian Federation. E-mail: TatSF2008@rambler.ru

The Turkic-Tatar Cities of Western Siberia in the 14th—16th Centuries in Archaeological and Historical Researches. The author analyzes currently available publications referring to the Turkic Tatar cities and identifies issues that require priority attention in further studies of the Siberian cities. The necessity of broader attraction of archaeological materials is indicated. The specificity of urban settlements location, their fortification systems and internal planigraphy is characterized. Special attention is paid to the collections from the excavations of these sites, the imported items, and the osteological materials. On the basis of the research conducted, a conclusion is made as to the commercial and political importance of the cities as provisional headquarters of the Turkic Tatar rulers.

Keywords: Western Siberia, Middle Ages, Tatars, towns, status, socio-economic characteristics, written and archaeological sources.

■ Research is supported by the Russian Science Foundation, project no.14-50-00036 "Multidisciplinary researches in archeology and ethnography of Northern and Central Asia"; Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science.

References

- Atlasi, Kh. 2005. *Istoriia Sibiri (History of Siberia)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Zykov, A.P. 2010. In Iskhakov D.M. (ed.). *Isker — stolitsa Sibirskogo khanstva (Isker, the Capital of the Siberian Khanate)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 112—122 (in Russian).
- Levasheva, V.P. 1928. In *Izvestiia Gosudarstvennogo Zapadno-Sibirskogo muzeia (Bulletin of the Western Siberian State Museum)* 1, 87—98 (in Russian).
- Masliuzhenko, D.N., Riabinina, E.A. 2014. In *Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye (Accession of Siberia to Russia: New Data)*. Tyumen: Tyumen State University, 139—144 (in Russian).
- Matveev, A.V., Tataurov, S.F. 2011. In *Vestnik Omskogo universiteta (Bulletin of the Omsk University)* (3), 95—101 (in Russian).
- Müller, G.F. 1999. *Istoriia Sibiri (History of Siberia)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Mogil'nikov, V.A. 2001. In *Ezhegodnik Tiimenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore)*. Tyumen: "Tyumen" Publ., 258—261 (in Russian).
- Pignatti, V.N. 2010. In Iskhakov D.M. (ed.). *Isker — stolitsa Sibirskogo khanstva (Isker, the Capital of the Siberian Khanate)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 186—226 (in Russian).
- Tataurov, S.F. 2005. In *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia drevnikh i traditsionnykh soobshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of the Historical and Cultural Evolution of Ancient and Traditional Communities in Western Siberia and Adjacent Territories)*. Tomsk: Tomsk State University, 210—212 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2016 г.

Гибель Сибирского ханства: этапы исторического процесса на северо-восточной окраине татарского мира

Ключевые слова: Золотая Орда, Сибирское ханство, Русское государство, Кучум, Ермак, этапы завоевания, история, археология.

Судьба государственных образований, сложившихся в середине — второй половине XV века на территории Золотой Орды после ее распада (Большая Орда, Ногайская орда, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, Узбекское ханства и другие), была примерно одинаковой: все они в разное время и разными способами были включены в состав Русского царства/Российской империи. Вероятно, не будет ошибкой считать, что в описании и анализе этих процессов есть лакуны, традиционные или преобладающие точки зрения, неточности и т. д., что, по мнению автора, совершенно естественно, поскольку наши знания о прошлом исторически постоянно уточняются и корректируются.

В данной работе сделана попытка рассмотреть начальную стадию присоединения Сибири к Русскому царству и связанные с этим процессом этапы гибели Сибирского ханства Кучума. В кратком классическом изложении она такова: после похода Ермака и разгрома хана Кучума начинается мощный процесс переселения русских в Сибирь и включение ее в сферу влияния Русского государства (Бояршинова, Шунков 1968: 27—32).

Вероятно, есть смысл для более полного понимания этих событий выделить три этапа в разгроме хана Кучума и присоединении Западной Сибири.

Первый (1582—1585 годы) — это, безусловно, поход Ермака (Скрынников 1982: 142—221). Его основные события: перевалив через Уральские горы, атаман с дружиной дошел до устья Тобола, по пути одержав победу в нескольких боях. После сражения на Чувашском мысу осенью 1582 года Ермак вошел в Кашлык — столицу хана Кучума, а сам хан ушел на юг. Безусловно, этот крупный успех похода позволил Ермаку создать базу для дальнейших действий. В Москву

с победной реляцией был послан Иван Кольцо. Иван Грозный благосклонно принял из рук казаков новые земли, простил им преступления и немного осыпал милостями. Помощь же, которую он оказал русским в Сибири, оказалась неэффективной. Воевода князь Семен Дмитриевич Болховский привел в Кашлык в ноябре 1583 года небольшое войско из 300 стрельцов, которое не оказало существенного влияния на события в Сибири. Зимой 1583—1584 года из-за сильного голода в Кашлыке умерли многие казаки и присланные стрельцы, а также приведший их князь. Затем в засаду попал и был убит Иван Брязга, при штурме городка погиб Никита Пан. В ходе боевых действий нашли смерть Иван Кольцо и Яков Михайлов. Фактически, у Ермака к весне 1585 года осталось мало войска, и практически не осталось атаманов. Сам он погиб в ночном бою на устье Вагая в августе 1585 года. Вскоре после этого остатки отряда Ермака с атаманом Матвеем Мещеряком покинули Сибирь. Пришедший в Сибирь в сентябре 1585 года с отрядом в 700 человек воевода Иван Алексеевич Мансуров, опасаясь татар, не решился войти в Кашлык. Он ушел далеко на север, где на Оби близ устья Иртыша зимовал в построенном им Обском городке, а весной 1586 года покинул Сибирь.

В итоге хан Кучум справился с первым натиском русских, используя обычную для степных войск тактику: засады, при возможности — осада противника, избегание крупных военных столкновений (единственное исключение — бой под Чувашским мысом). Однако после ухода русских Кучум не смог вернуться в Кашлык, поскольку тот был уже занят ханом Сейдяком, и стал кочевать в западно-сибирской лесостепи.

Второй этап проникновения русских в Сибирь (1586—1593 гг.) можно назвать «обо-

значение русского присутствия». Начинается он с прихода в Сибирь в 1586 году отряда под командой думного дворянина Василия Борисовича Сукина, которому помогали выборный дворянин письменный голова Иван Никитич Мясной и письменный голова Данила Григорьевич Чулков. Они не решились идти вглубь сибирских земель, и в конце июля на реке Туре близ татарского городка Чинги-Тура основали русский город Тюмень. На следующий год Д.Г. Чулков строит новый русский город Тобольск на Иртыше близ устья Тобола. Отметим, что, во-первых, снижается ранг посланных в Сибирь воевод — не князя, а дворяне. Д.Г. Чулков же, хоть и был из рязанских бояр, но, вероятно, не из первых, поскольку имел невысокий чин, и в походе подчинился Василию Сукину. Во-вторых, они прибывают в Сибирь с небольшим войском.

Фактически, присутствие русских на Туре в Тюмени и на Иртыше в Тобольске только обозначено. Построенные несколько позже Лозьвинский городок (1590) и Пелым (1591) были лишь транзитными городами на пути в Сибирь, а Березов (1593), построенный в низовьях Оби, был небольшим центром для сбора ясака. Можно предположить, что во второй половине 1580-х — первой половине 1590-х годов внимание русского царя (с марта 1584 года правил Федор I Иоаннович Блаженный), не было приковано к Сибири. Может быть, у него были другие задачи, кроме оказания помощи небольшому отряду русских, а возможно, что он и не представлял, зачем ему была нужна Сибирь.

В целом, ни русские, ни татары активных военных действий не вели. Кучум делал небольшие набеги (в район Тобольска, на Каурдакскую и Салымскую волости), отбивая скот и забирая пленных. Русские отвечали походами, забирали скот, по возможности отбивали пленных, и пленяли татар. Известен поход князя Владимира Васильевича Кольцова-Масальского в 1591 г., когда он напал на стойбище Кучума на оз. Чиликуль, взял добычу и пленных, в том числе и двух жен Кучума, что не слишком снизило боеспособность хана.

По какой-то причине Кучум не вел активной борьбы с русскими, предпочитая кочевать по лесостепи. Не воспользовался он и ошибкой Д.Г. Чулкова, который хитростью взял в плен кучумова недруга Сейдяка, тем самым ослабив «антикучумовские» силы. Не действовали активно и русские.

Третий этап — присоединение таежной и северной лесостепной части Западной Сибири к Русскому государству и разгром

хана Кучума — начинается в 1594 году. С 1594 по 1604 годы в результате продуманных и слаженных действий русских хан Кучум сошел с исторической сцены, а большая часть западносибирских татар, самодийцев и угров перешла в российское подданство.

Все начинается в 1594 году с похода князя Андрея Васильевича Елецкого, построившего город Тару в Среднем Прииртышье. Воистину, цели миссии князя были просто грандиозными: предполагалось, если говорить прямо, уничтожение ханства Кучума — восточного соседа Русского государства. Причем приемлемо было как изъявление Кучумом покорности, так и его изгнание за пределы присоединяемых земель или физическое уничтожение. В поход под руку князя Андрея Елецкого собрали 347 пеших и 1194 конных воинов, что явно указывает на подвижный характер планируемых военных действий.

Задачи похода были выполнены рьяно. Уже в декабре 1594 года на юг от нового г. Тары был послан Гриша Ясырь с отрядом, который на Вузюковом озере нашел татар, ушедших с Кучумом. Были получены сведения о месте пребывания хана Кучума. Громить Черный городок — ставку хана — был послан письменный голова Борис Доможиров. Городок был взят с боем и сожжен. В плен попали кучумовские есаулы Мамык и Сеиткул, князьки Илгулой и Темсенек и их люди. За сумевшими убежать татарами была послана погоня, которая перебила бежавших. В марте 1595 года Борис Доможиров и Своитин Русопов ходили воевать татарские волости Чангулу, Лугуй, Любу, Келему, Тураш, Барабу, Кирпики, Лугуй и Тунус в Барабинской лесостепи. По пути они осадили и сожгли городок Тунус на р. Тара. Самый сильный удар по Кучуму нанес тарский воевода князь Андрей Княж Матвеев, сын Воейков. 4 августа 1598 года он с войском пошел в поход на Кучума. 20 августа воевода нагнал хана и в битве разбил. Дети, челядь и воины Кучума были взяты в плен и отправлены в Москву. Вторая волна русской экспансии шла по Оби. В течение нескольких лет на этой реке были построены города Сургут (1594), Нарым (1598), Кетск (1602). Здесь процесс присоединения земель шел намного спокойнее, а князец Тоян вообще добровольно присоединился к Русскому государству, попросив построить русский город на его землях, что и было сделано в 1604 году, когда был заложен Томск (Миллер 1999: 347—361).

После гибели Кучума где-то в степях претензии его наследников никто не принимал всерьез. Так сошло с исторической сцены Сибирское ханство.

Итак, мы полагаем, что процесс присоединения Западной Сибири состоит из трех фаз — похода Ермака, обозначения русского присутствия в Сибири, разгрома хана Кучума и создания сети городов в ключевых пунктах для защиты новых земель и сбора ясака. В целом же, к 1604 году

русские стали контролировать огромные территории Западной Сибири. В организации этого процесса необходимо детально рассмотреть роль царского шурина и впоследствии русского царя Бориса Годунова, а также исполнителей его воли — первых русских воевод в Сибири.

Бояршинова З.Я., Шунков В.И. 1968. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству и ее заселение. В: Копылов А.Н. (отв. ред.). *История Сибири*. Т. 2. *Сибирь в составе феодальной России*. Ленинград: Наука, Ленинградское

отделение, 25—41.

Миллер Г.Ф. 1999. *История Сибири*. Т. 1. Москва: Восточная литература РАН.

Скрынников Р.Г. 1982. *Сибирская экспедиция Ермака*. Новосибирск: Наука.

Sergey S. Tikhonov. Candidate of Historical Sciences. Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Marks Ave., 15, Omsk, 644024, Russian Federation. E-mail: st-57@mail.ru

The Collapse of the Siberian Khanate: the stages of the historical process in the north-eastern outskirts of the Tatar World. The destinies of the states which had developed on the basis of the Golden Horde were similar (all of them were incorporated into the Russian State), but differed in details (ways by which they were absorbed). One of such states is the Siberian Khanate of Kuchum: its history needs a more complete description. Thus, attention is paid to the collapse of the khanate as a result of the Russian expansion. Three stages are distinguished: Yermak's campaign, inactive presence of the Russians in Siberia, systematic actions aimed to destroy the Khanate. It is suggested that the future tsar Boris Godunov played an important role in the organizations of a major campaign led by Prince Yeletsky.

Keywords: Golden Horde, Siberian Khanate, Russian State, Kuchum, Yermak, conquering stages.

References

Boiarshinova, Z. Ya., Shunkov, V.I. 1968. In Kopylov, A.N. (ed.). *Istoriia Sibiri (History of Siberia) 2. Sibir' v sostave feodal'noi Rossii (Siberia as Part of Feudal Russia)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 25—41 (in Russian).

Müller, G.F. 1999. *Istoriia Sibiri (History of Siberia) 1*. Moscow:

"Vostochnaia Literatura" Publ. Russian Academy of Sciences (in Russian).

Skrynnikov, R.G. 1982. *Sibirskaiia ekspeditsiia Ermaka (The Siberian Expedition of Yermak)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

А. В. Харинский, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Забайкальский государственный университет,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук*

Могильник Окошки I в юго-восточном Забайкалье и некоторые аспекты идентичности монголов в XIII—XIV вв.

Ключевые слова: Забайкалье, монгольский период, монголы, погребальный ритуал, могильная яма, надмогильная кладка, гроб, кости барана, история, археология.

Могильник Окошки располагается на вершине горы под названием Окошки (Тартельгуй), в 8 км к северо-западу от поселка Юбилейный, в Приаргунском районе Забайкальского края. К северо-востоку от горы протекает река Кир-Кира (Хир-Хира), впадающая в 5 км к востоку от некрополя в реку Урулюнгуй.

Могильник открыт в середине XIX в. А. Павлуцким. Им раскопаны одна большая и одна малая могилы. В малой найдены только кости животных и человека, зато в большой могиле, вместе с костями животных, обнаружены два железных наконечника стрел, медная монета и небольшой обломок тонкой костяной пластинки с изображениями «различных, как бы геометрических фигур» (Павлуцкий 1867: 502). Раскопки на могильнике Окошки были продолжены в 1959 г. Монгольской археологической экспедицией под руководством С. В. Киселева. Был вскрыт самый большой курган некрополя — №1. Под ним обнаружены три ограбленных погребения, в которых найдены фрагменты шелковых узорчатых тканей, лаковые изделия. Четвертое погребение уцелело полностью. Сохранился дощатый, окованный железными полосами гроб, на котором лежали седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В гробу уцелели останки мальчика примерно 6 лет, в шелковой шапочке, крытой шелком шубе, шелковой рубашке, в штанишках и сапожках (Киселев 1965: 57).

В 2008—2011, 2013 гг. исследования на могильнике проводились студентами и аспирантами Забайкальского государственного университета под руководством А. В. Харинского, Е. В. Ковычева и Н. Н. Крадина. На памятнике зафиксировано 49 искусственных каменных

и земляных сооружений, которые напоминали надмогильные насыпи. По конструктивным особенностям они разделяются на 3 группы:

1) земляные курганы диаметром 11—14 м и высотой 0,7—1,2 м (4 кургана);

2) каменные курганы диаметром 4,7—6,0 м и высотой 0,3—0,4 м (5 курганов);

3) плоские каменные кладки диаметром 2—8 м (40 кладок).

На некрополе наблюдается определенная закономерность в расположении надмогильных конструкций, вероятно, отражающих социальный статус погребенных под ними людей. Плоские кладки находятся в центральной, юго-восточной и северо-восточной частях памятника. Все земляные курганы тяготеют к его юго-западной части. Каменные курганы локализованы в юго-западной части могильника, вокруг земляных курганов. Судя по расположению надмогильных конструкций, захоронения, в которых были погребены люди с более высоким социальным статусом, располагались в юго-западной части некрополя. Погребения рядовых членов общества находились в центре и восточной части могильника (Харинский и др. 2012).

С 2009 г. на могильнике было вскрыто 18 комплексов, обозначенных на поверхности земли искусственными каменными кладками. Два из них (№12 и 23) относятся к эпохе бронзы и располагаются в северо-восточной части могильника. Еще два из раскопанных на могильнике погребений (№8 и 9) датируются XVI—XVII вв. и могут быть соотносены с проживавшими на территории юго-восточного Забайкалья конными тунгусами. Оба захоронения были подхоронены к более ран-

■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

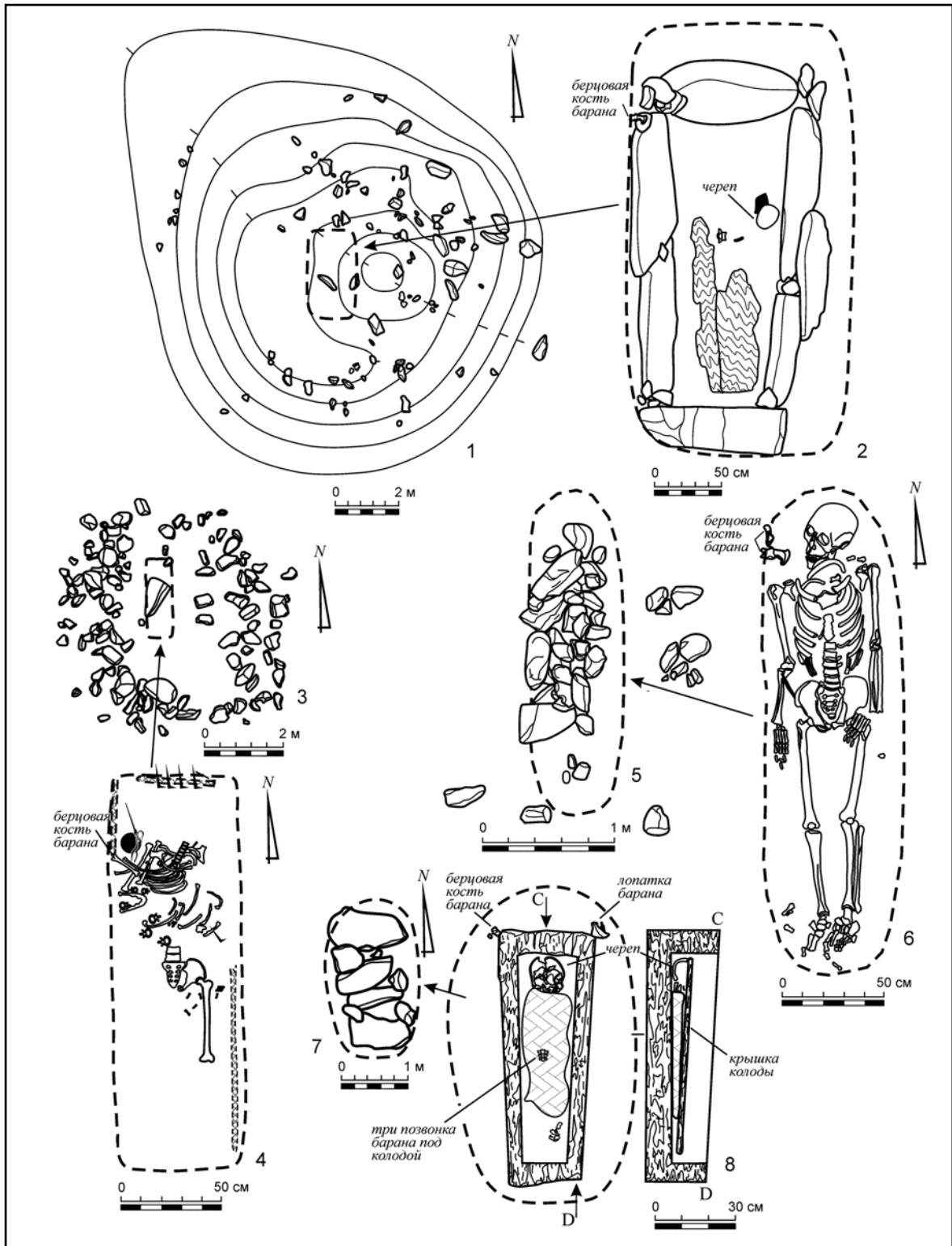

Рис. 1. Могильник Окошки I. 1, 2 — погребение 1; 3, 4 — погребение 5; 5, 6 — погребение 20; 7, 8 — погребение 49.

Fig. 1. Okoshki I necropolis. 1, 2 — grave 1; 3, 4 — grave 5; 5, 6 — grave 20; 7, 8 — grave 49.

ним погребениям. Под остальными четырнадцатью надмогильными конструкциями, вскрытыми на могильнике, располагались захоронения XIII—XIV вв. Три из них находились под каменными курганами (№3, 5 и 17),

одно под земляным курганом (№2), десять под каменными кладками (№10, 13, 20, 24, 25, 29, 46—49).

Земляные курганы — самые крупные погребальные конструкции могильника. Диаметр

вскрытого в 2011 г. кургана №2 — 14 м, высота 1,3 м (рис. 1: 1). Верхняя часть курганной насыпи состоит из земли и крупных камней. В курганной насыпи обнаружены кости животных, серьги, колокольчик и украшение конской сбруи, возможно, выброшенные из могилы. Под насыпью располагалась конструкция из крупных камней в виде каменного ящика размером 2,0×2,9 м, сооруженного на древней поверхности земли. В центре ящика находилась могильная яма, перекрытая сверху камнями. Размер ямы 1,7×2,8 м. На дне могилы зафиксирован четырехугольный ящик из установленных вдоль стенок ямы каменных плит, ориентированный по линии север-юг. Внутри него обнаружены остатки деревянной погребальной конструкции, череп женщины, позвонок барана и железный гвоздь. Остальные человеческие кости отсутствовали. У северо-западного угла ящика зафиксированы кости голени барана, сохранившие вертикальное положение.

На некрополе вскрыто три захоронения под каменными курганами. Под одним из них (№3) найдены останки женщины и ребенка, под другим (№5) — останки женщины, под третьим (№17) — останки мужчины. Все захоронения ограблены. Кладка погребения №3 овальной кольцевой формы размером 4,3×5,0 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Глубина могильной ямы 1,3 м, а ее размеры в придонной части составляли 0,6×2,0 м. Кроме железных гвоздей, скреплявших деревянный гроб, и костей животных, там больше ничего не обнаружено.

Сверху погребение №5 перекрывалось крупной кольцевой кладкой диаметром 6 м (рис. 1: 3). Могильная яма заполнена камнями. Ее глубина 2 м. Умершая похоронена в деревянном четырехугольном ящике, вытянуто на спине, головой на север (рис. 1: 4). В северной части могилы найдены железные ножницы, утюжок, игла, бронзовое зеркало и фрагмент медной сунской монеты. В северо-западной части могильной ямы обнаружены берцовая кость, астрагал и пяточная кость барана. По костям захоронения получена радиоуглеродная дата 690±70 л.н. (СОАН-7956), соответствующая с учетом калибровки¹ второй половине XIII — первой половине XIV вв.

Погребение №17 сверху перекрывала каменная кладка кольцевой формы диаметром около 5 м. Глубина могильной ямы 1,6 м. Погребенный лежал в деревянном гробу. Кости не сохрани-

ли анатомический порядок. Вероятно, первоначально умерший располагался вытянуто на спине головой на север. У северо-западного угла гроба находилась вертикально установленная берцовая кость барана. В гробу найдены остатки деревянной чаши, покрытой лаком, у юго-восточного угла гроба обнаружена селадонная чаша.

У самой большой группы погребений — под каменными кладками, надмогильные конструкции овальной формы. Самые крупные из них достигают размера 3,5×5,0 м. Практически во всех захоронениях имеются остатки деревянных гробов или колод, составные части которых скреплялись при помощи гвоздей. Глубина могильной ямы составляла от 25 до 110 см и, возможно, зависела от того, в какое время года, производилось захоронение. Умершего укладывали вытянуто на спину, головой на север. Находки из погребений с кладками представлены серьгами (погребения №10, 47 и 48), бронзовым зеркалом (погребение №25), железными наконечниками стрел с длинными черешками (погребение №24) и ножницами (погребение №48). По этой группе захоронений получено 3 радиоуглеродных даты: погребение №20 — 710±35 л.н. (СОАН-8264), погребение №47 — 720±40 (СОАН-8833), погребение №48 — 690±35 (СОАН-8832). С учетом калибровки первая из них соответствует второй половине XIII в., вторая — второй половине XIII в., третья — концу XIII — первой половине XIV в. Из 10 захоронений с плоскими каменными кладками только два оказались ненарушенными. Одно из них (№20) принадлежит взрослому мужчине, другое (№49) — ребенку.

Каменная кладка захоронения №20 овальной формы размером 0,6×1,7 м. (рис. 1: 5). Глубина ямы 0,6 м. В отличие от других захоронений могильника, в этом погребении не найдены остатки деревянной внутримогильной конструкции. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на север, лицо слегка повернуто направо (рис. 1: 6). С правой стороны от его головы располагались кости голени барана, сохранившие вертикальное положение. Между тазовыми костями и правой лучевой костью находился железный черешковый нож.

У захоронения №49 размер кладки 50×90 см (рис. 1: 7). Под ней располагалась яма овальной формы глубиной 0,8 м. На дне могильной ямы обнаружена колода, сделанная из ствола лиственницы, опиленного с двух сторон. Внутри колоды находились останки ребенка, накрытого шелковой тканью (рис. 1: 8). Умерший был похоронен вытянуто на спине, головой на север, лицо обращено вверх. Сверху колода за-

¹ Калибровочные значения получены с использованием программы CalPal (Danzeglocke, Joris, Weninger 2011).

крывалась крышкой — доской толщиной 1 см, прибитой железными гвоздями. В могильной яме, у северо-западного угла колоды, вертикально располагалась берцовая кость барана. У северо-восточного угла колоды найдены вертикально стоящие лопатка барана и железный нож. Под колодой располагалось три позвонка барана.

Из трех групп погребальных конструкций, раскопанных на могильнике Окошки I, первая — захоронения под земляными курганами — не была зафиксирована на других могильниках XIII—XIV вв. на территории Монголии и Южной Сибири. Вероятно, она отражает влияние иных погребальных практик, возможно, имеющих китайское происхождение. Захоронения под невысокими каменными курганами и плоскими каменными кладками являются преобладающими среди монгольских захоронений имперского периода. Вместе с остальными компонентами погребального ритуала, встреченными в этих группах захоронений, они могут выступать как элементы, идентифицирующие монгольскую культуру этого времени.

На основании данных с могильника Окошки I и других захоронений Байкальского региона (Харинский 2015) охарактеризуем погребальный ритуал монголов имперского периода. Ему присущи элементы первого, второго и третьего порядков. К числу первых относятся те, которые зафиксированы во всех захоронениях: а) сооружение вертикальной могильной ямы; б) наличие каменной конструкции (плоские овальные кладки, круглые курганообразные насыпи), перекрывающей могильную яму; в) захоронения индивидуальные — в могильной яме один погребенный, под каменной конструкцией одна могильная яма; г) труположение вытянутое на спине, руки вдоль туловища. К элементам второго порядка, отмеченным в более чем 80% захоронений, следует отнести: а) наличие деревянной внутримогильной конструкции (колода, ящик, рама); б) ориентировка погребенных на север или северо-восток. Наличие в погребениях костей барана (кости голени, лопатка, позвонки) отмечено почти в 50% захоронений (Харинский 2015), что позволяет считать этот элемент погребального ритуала третьестепенным.

Киселев С.В. 1965. Город на реке Хирхира. В: Киселев С.В. (ред.). *Древнемонгольские города*. Москва: Наука, 3—58.

Харинский А.В. 2015. Кости барана в забайкаль-

ских погребениях X—XV вв. В: Базаров Б.В. (отв. ред.). *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии*. Материалы международной научной конференции. Иркутск: Оттиск, 407—415.

Artur V. Kharinskii. Doctor of Historical Sciences. Irkutsk National Research Technical University. Address: Lermontov St., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation. E-mail: kharinsky@mail.ru

Evgeny V. Kovychev. Candidate of Historical Sciences. Transbaikalian State University. Address: Aleksandro-Zavodskaya St., 30, Chita, 672039, Russian Federation. E-mail: kovychevevgeniy@mail.ru; kovychevEvgenei@mail.ru

Nikolay N. Kradin. Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: Pushkinskaya street 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation. E-mail: kradin@mail.ru

The Okoshki 1 Burial Mound Site in South-Eastern Transbaikalia and Some Aspects of the Mongol Identity in the 13th and 14th Centuries. The funerary ritual of 14 graves from the Okoshki 1 burial mound site in South-Eastern Transbaikalia is analyzed. The data from the Okoshki 1 burial mound and other funerary sites of the Baykal region are used in order to define elements of the Mongols' funerary ritual in the 13th—14th centuries. Basic elements of the funerary ritual are: a) vertical grave pit; b) stone grave mound; c) a single skeleton in a grave; d) dead body lying on the back (supine skeleton). Additional elements of the funerary ritual include: a) wooden chamber; b) north or north-east orientation of the dead; c) presence of sheep bones in the grave (tibia, scapula, and lumbar vertebrae).

Keywords: Trans-Baikal region, Mongolian period, Mongols, funerary ritual, grave pit, grave mound, coffin, sheep bones.

■ The paper was carried out with support from the Russian Scientific Foundation, Towns of Medieval Empires of the Far East Project, grant no. 14-18-01165.

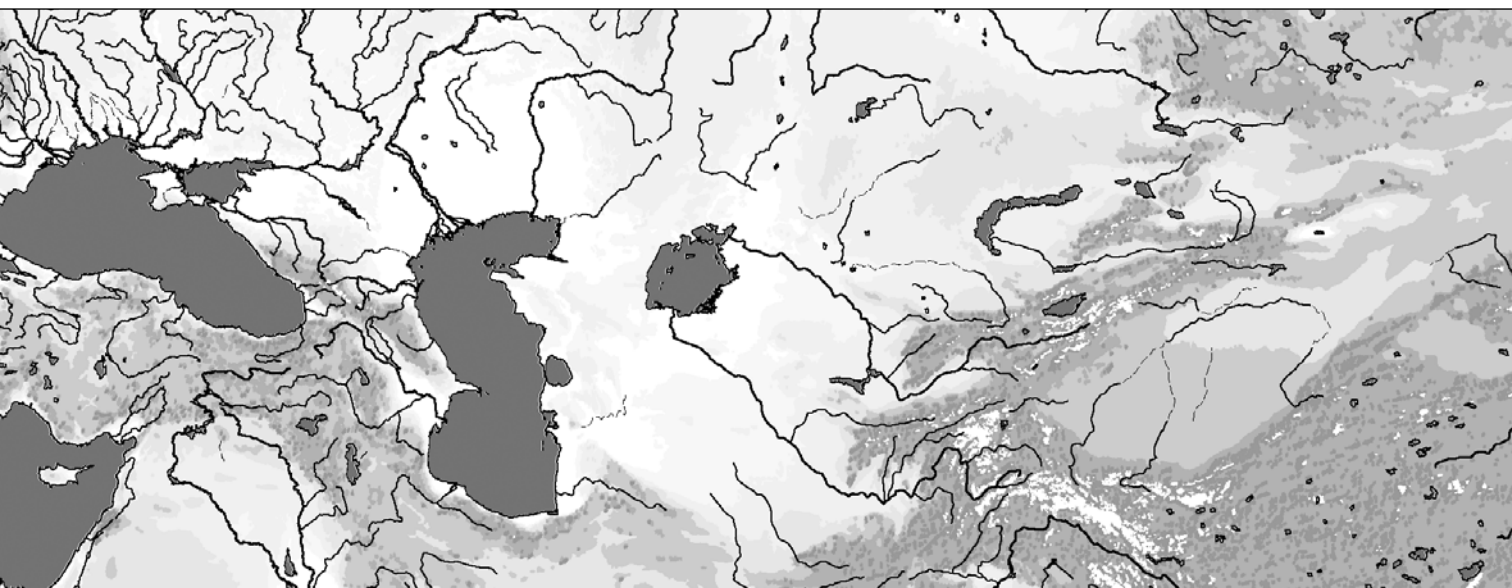
References

Kiselev, S.V. 1965. In Kiselev, S.V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda* (Early Mongol Towns). Moscow: "Nauka" Publ., 23—58 (in Russian).

Kharinskii, A.V. 2015. In Bazarov, B.V. (ed.). *Aktual'nye vo-*

prosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii (Topical Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia). Irkutsk: "Ottisk" Publ., 407—415 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 12 марта 2016 г.

Средняя Азия

А. А. Бисембаев

Актюбинский областной историко-краеведческий музей

Западный Казахстан в XIII—XIV вв.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Золотая Орда, могильники, Салтак, Уркач, Булак, погребальный обряд, исламизация, язычество, история, археология.

Территория Западного Казахстана представляет собой обширный регион в средней части Евразийского пояса степей, приуроченный к гидросистеме Урала с его притоками, тянувшийся с востока на запад от Тургайского прогиба до Волго-Уральского междуречья. С севера на юг до Приаралья наблюдается последовательная смена природно-географических зон от лесостепной до пустынной. Разнообразие условий и комфортность экониши в развитии аспектов кочевого хозяйства являются фактором, обусловившим многочисленность памятников времени Золотой Орды, дополненным к тому же административным регулированием расселения верхушкой этого государства.

Период, предшествующий рассматриваемому — предмонгольский половецко-кыпчакский, середина XI — начало XIII вв., отличается малочисленностью погребальных памятников, имеющих в это время единичный характер и не образующих могильники (Бисембаев и др. 2006: 409—411). То есть, археологическая ситуация подтверждает данные письменных источников о присутствии самых активных и многочисленных групп кочевников у границ своих земледельческих соседей — Киевской Руси и Хорезма, что объясняет определенное «запустение» Западного Казахстана в предмонгольский период.

В первой трети XIII в. в истории кочевников степной полосы Евразии произошли коренные изменения, связанные с монгольским завоеванием. Стремительное движение монголов, достигших пределов Центральной Европы, в какой-то мере походило на гуннское нашествие IV—V вв., проходившее по тем же маршрутам. Сходство в данном случае выразилось еще и в том, что монголы при своем движении на запад вовлекали в орбиту

нашествия племена кочевого круга, разбитые и покоренные. Необходимо отметить, что в археологическом плане монголы не выделяются в какую-либо специфическую группу, хотя определенные изменения прослеживаются. Резко увеличивается число погребений с северным сектором ориентировки, что отражает продвижение племен с востока. В составе инвентаря появляются берестяные трубки и вырезанные из листа металла фигурки человечков — онгоны. Если фигурки человечков распространены компактно, в основном в районе Поволжья, то «бокка» — предмет весьма характерный для женских погребений XIII—XIV вв. Эту распространенность можно объяснить как влияние «моды» в кочевом обществе, так же, как и распространение в это время орнаментированных костяных накладок на колчаны, не несущих существенных функций, кроме эстетической.

Характерная черта этого периода заключается в сосредоточении погребений с общими чертами на одном могильнике. Самым крупным является Мокринский I. У всех погребенных на этом могильнике южная ориентировка. К особенной черте можно отнести заливку глиной или речным илом площади под насыпью (Кушаев 1993: 109—111). Однотипность присутствия и меньшим по количеству могильникам: Жаман Карагала I, Целинный I, Шалкар, Новая База, Алебастрово и др. (Бисембаев 2010: 154—159).

Количество памятников эпохи Золотой Орды в Западном Казахстане значительно увеличивается по сравнению с предыдущим периодом, что связано с политическим оформлением этого государства и складывающейся системой улусного деления. Деление памятников на две группы: золотоордынскую языческую, в пределах середины XIII — первой

■ Работа выполнена при поддержке Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона», грант № 2985/ГФ4.

трети XIV вв., и золотоордынскую мусульманскую — вторая треть XIV — XV вв., предложенное В.А. Ивановым и В.А. Кригером, вполне оправдано и имеет подтверждение в нарастании элементов ислама и связанной с этим смене обрядовых черт в погребальной практике населения региона (Иванов, Кригер 1988: 28). Отправной точкой в данном случае служит время правления Узбека.

Однако, переселение больших групп южно-казахстанского и среднеазиатского населения, обеспечивавшего функционирование ремесленного производства и постройку городов и поселений в Золотой Орде, вероятно, отражалось в несколько более раннем появлении погребений с сырцовыми оградами и сложенными из кирпича внутримогильными склепами.

Золотоордынский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в исчезновении восточной ориентировки и замене на западную и северную, упрощении формы могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилы костей лошади — вместо этого наблюдается его «символизация», выраженная в сопровождении покойника предметами конской сбруи (Шалкар IV, к. 4, 5). Ярким подтверждением служат погребения из могильников Уркач I и Булак I. Мужское впускное захоронение в Уркаче имело северную ориентировку, богатый погребальный инвентарь: золотые поясные бляшки, серьгу, нашивки на одежду, вооружение, две золотые чаши. Женское захоронение могильника Булак сопровождалось золотыми пластинками, украшавшими головной убор и нарубленными из предмета явно трофейного характера, золотую чашку с ручкой. Объединяют эти погребения брошенные в ногах покойных седла со стременами и остатками полной сбруи (Бисембаев 2010: 129—130).

Данный период характеризуется миграциями, идущими не только в западном, но и в восточном направлении, вызванными, вероятнее всего, не причинами природно-географического порядка, а насильственным переселением племен, проводимым монголами. Вновь появляются погребения, характерные для огузо-печенежского времени, сосредоточенные большей частью на Нижней Волге (Шайдштейн 1987: 68—81). Эта часть населения продолжает традицию помещения в могилы костей коня, но ритуал переживает деградацию, выраженную в размещении только копыт в ногах покойного (Мамбеталы, к. 6, Базар Тобе I, к. 8).

Деградация и исчезновение обряда помещения лошади в могилу, возможно, является прямым следствием монгольского нашествия, в значительной мере подорвавшего экономическую базу местного населения.

В период XIII—XIV вв. в различных регионах появляются погребения, эволюционно восходящие к датируемым несколько более ранним временем из Южной Сибири — Кула-Айгыр, Сарытау II, Салтак I (Бисембаев, Гуцалов 1998: 152—155). Женское погребение из могильника Салтак I сопровождала каменная квадратная конструкция, выложенная на погребенной почве, и жертвоприношение ребенка над могильной ямой. Комплект инвентаря стандартный для этого периода — бронзовая чаша, шарнирные ножницы, посеребренное зеркало. Мужское захоронение Сарытау II имело каменный ящик, устроенный в могиле, выложенное каменное кольцо на погребенной почве, каменную наброску в насыпи и массивную каменную стелу в ногах погребенного, с восточной стороны. В обоих случаях каменные конструкции не являются характерными для Западного Казахстана признаками и отражают присутствие пришлого населения.

Рассматриваемый хронологический отрезок дает самый массовый материал, причем, явным признаком, обособляющим комплексы, является наличие или отсутствие признаков ислама. Погребения могильника Целинный I имеют ограды из сырцовых кирпичей под насыпью кургана. Как пережиток прежних погребальных ритуалов в могильные ямы помещаются вещи личного обихода.

Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности все более отчетливо проступают черты исламизации кочевого общества. Часть населения, особенно локализовавшаяся около городских центров, начинает хоронить своих покойников, максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря. При этом по погребениям прослеживается половозрастная дифференциация — женские и детские захоронения совершаются по упрощенному обряду. Другая часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжает хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, но ориентируя тела по прежним направлениям и продолжая укладывать в могилы инвентарь.

- Бисембаев А. А., Гуцалов С. Ю. 1998. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахского Приуралья. *Уфимский археологический вестник* 1. Уфа: Гилем, 152—161.
- Бисембаев А. А., Усманова Э. Р., Боталов С. Г. 2006. Памятники кыпчак-половецкого этапа (XI — начало XIII века). В: Боталов С. Г. и др. (ред. колл.). *Археология Южного Урала. Степь (Проблемы культурогенеза)*. Челябинск: Рифей, 409—413.
- Бисембаев А. А. 2010. *Кочевники средневековья Западного Казахстана*. 2-е изд. Актобе: ИП Жанадилов.
- Кушаев Г. А. 1993. *Этюды древней истории Степного Приуралья*. Уральск: Диалог.
- Шнайдинштейн Е. В. 1987. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XII—XIV вв. *Археологические исследования Калмыкии*. Элиста, 68—81.

Arman A. Bissembaev. Candidate of Historical Sciences. Aktope Regional Historical Museum. Address: Altynsarin St., 14, Aktope, 030006, Kazakhstan. E-mail: abissembaev@mail.ru

Western Kazakhstan in the 13th—14th Centuries. In the Golden Horde period, the vast territory of Western Kazakhstan was one of the ulus centers. The dynamics of political processes in the modern history period related to aspects of ethnic formation was directly inherited from the medieval Mongol states period. A considerable variety and variability in funerary sites of the mid-13th to the early 14th centuries is observed, which is a consequence of migration flows and resettlements initiated by the Mongols. By the mid-14th century, Islamization of population had started, which was reflected in the accretion of pagan and Muslim ritual features and a lengthy existence of this type of syncretic ceremony.

Keywords: Western Kazakhstan, Golden Horde, necropolises, Saltak, Urkach, Bulak, funerary rite, Islamization, paganism.

■ Research is supported by Institute of Archeology named after A.H. Margulan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project “The dynamics of the formation of cultures and migrations of the early Iron Age and the Middle Ages of the Aral-Mugalzharian region”, grant no. 2985/ГФ4.

References

- Bissembaev, A.A., Gutsalov, S.Yu. 1998. In *Ufimskii arkhologicheski vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 1. Ufa: “Gilem” Publ., 152—161 (in Russian).
- Bissembaev, A.A., Usmanova, E.R., Botalov, S.G. 2006. In Botalov S.G. et al. (eds.). *Arkheologiya iuzhnogo Urala. Step’ (problemy kul’turogeneza) (Archaeology of the Southern Ural. The Steppe (Problems of Cultural Genesis))*. Chelyabinsk: “Rifei” Publ., 409—413 (in Russian).
- Bissembaev, A.A. 2010. *Kochevniki srednevekov’ia Zapadnogo Kazakhstana (Medieval Nomads of Western Kazakhstan)*. Aktope: “Zhanadilov” Publ. (in Russian).
- Kushaev, G.A. 1993. *Etiudy drevnei istorii stepnogo Priural’ia (Studies in Early History of the Steppe Ural Region)*. Uralsk: “Dialog” Publ. (in Russian).
- Shnaidstein, E.V. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniia Kalmykii (Archaeological Investigations in Kalmykia)*. Elista, 68—81 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2016 г.

А. А. Бисембаев, Г. А. Ахатов

*Актюбинский областной историко-краеведческий музей,
Институт археологии им. А. Х. Маргулана*

Городища эпохи Золотой Орды на территории Западного Казахстана

Ключевые слова: Западный Казахстан, Золотая Орда, городища, Жайық, Сарыозен, Жалпактал, Абат Байтак, городская культура, история, археология.

Политические и экономические события начала XIII века, происходившие на территории Казахстана, связаны с деструктивными изменениями, вызванными монгольским нашествием, и преодолением его разрушительных последствий. Если для юга Казахстана движение монгольских войск нанесло сильнейший урон градостроительной традиции, имеющей многовековой период развития, то для Западного Казахстана, как это ни парадоксально, период XIII—XIV вв. — это время существования городов и поселений, возникших в результате административной и переселенческой политики потомков Чингисхана. Эпоха Золотой Орды — время активизации этнических процессов, связанных как с миграциями, так и с принудительным переселением значительных групп населения, а также с формированием позднесредневековых государственных образований.

В предшествующий период IX—XII вв., связанный со временем существования огузского государства, а затем с распространением кыпчакского союза по территории Западного Казахстана, сведений, подтверждающих наличие оседло-земледельческих центров весьма мало. С. Г. Агаджанов, подробно проанализировавший сообщения восточных авторов и сопоставивший упоминаемые топонимы с реальными географическими объектами, пришел к выводу о существовании в Мугуджарских горах укрепленных ставок огузов (Агаджанов 1969: 49—61). Однако, на данный момент археологического подтверждения существования укрепленных поселений в восточных или западных склонах Мугуджар, оставленных огузами, пока не выявлено, хотя вдоль этого хребта

в последнее десятилетие ведутся интенсивные исследования.

Общий анализ локализации поселений и городищ эпохи Золотой Орды на территории Западного Казахстана на основании информации письменных источников и археологических материалов выполнен В. А. Егоровым. В его работе сведения о памятниках оседло-земледельческого населения золотоордынского времени рассматриваются регионально, по двум районам — междуречью Урала и Волги и Северному Казахстану (Егоров 2009: 123—128). Указанные им в Северном Казахстане «Мавлибердинское» и «Байтакское» городища к северу Республики Казахстан отношения не имеют. Территориально это Западный Казахстан, географически — степное Приуралье, замкнутое в единое пространство левобережной частью р. Урал, оконтуривающей этот район своим течением с востока на запад и далее на юг. Река Урал, как основная гидромагистраль Западного Казахстана, в своем среднем и нижнем течении является основным районом развития городов и поселений эпохи Золотой Орды, что обусловлено комфортностью экологической ниши для проживания оседлого населения, перемещенного из Южного Казахстана и Средней Азии, направлением караванных путей, и соответственно, основных переправ. Хорошо изученным памятником является городище Сарайчик, расположенное на правом берегу Урала в нижнем течении. Археологические исследования, проводившиеся на памятнике во второй половине 90-х годов XX века, выявили хрестоматийные элементы городской культуры, аналогичные южноказахстанским — двух-

■ Работа выполнена при поддержке Института археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона», грант № 2985/ГФ4.

и трехкомнатные дома, дворцовая постройка в центре, остатки хамамов, следы керамического производства. Локализация Сарайчика, его связь с упоминаниями в нарративных сочинениях, на данный момент проанализирована весьма подробно, археологические аспекты и результаты исследований введены в научный оборот (Тасмагамбетов, Самашев 2001; Самашев и др. 2008).

Остатки крупного поселения, с присущими городской культуре чертами, в низовьях Урала исследовал А.К. Афанасьев, определивший его как город Лаэти, обозначенный на карте Пицигани XIV в. Керамический комплекс и находки монет определяют время активного функционирования городища Актобе эпохой Золотой Орды (Галкин и др. 2013). Небольшое городище Ушкан располагается в 20 км к югу от поселка Мунайлы Эмбинского района Атырауской (бывш. Гурьевской) области. Культурный слой относится к эпохе средневековья. Подъемный материал представлен фрагментами красноглиняной и кашинной керамики, золотоордынской медной монетой. Восточнее поселения расположены остатки кирпичеобжигательных печей.

В начале 2001 г. в результате земляных работ было обнаружено городище Жайык на правом берегу в окрестностях Уральска — при прокладке траншеи строители вскрыли кирпичеобжигательную печь, и практически сразу начались исследования по площади этого городища. Полевые исследования в течение нескольких лет с момента обнаружения позволили за короткие сроки получить необходимый объем информации и обобщить ее в итоговом издании (Байпаков и др. 2005). Полномасштабные исследования, связанные с изучением городища Жайык, позволили расчистить неподалеку остатки двух мавзолеев, сложенных из квадратных кирпичей и облицованных на момент существования этих построек полихромной глазурованной плиткой в традиционных сине-бело-голубых тонах (Байпаков и др. 2002: 168—184). Исследования на городище Жайык показали, что здесь располагался довольно развитый город золотоордынского периода. Таким образом, сложилась устойчивая связь «городище — кирпичеобжигательное производство — кирпичный мавзолей», позволившая в последующие годы, исходя из наличия погребальных сооружений, построенных из обожженных кирпичей, обнаружить в непосредственной близости следы поселений и городищ.

Г.А. Кушаевым во второй половине 70-х годов XX века исследовался могильник золотоордынского времени Мокринский I, содержащий погребения с наземными сырцовыми

конструкциями, южной ориентировкой покойных и большим количеством предметов, свидетельствующих о сохранении на начальном этапе исламизации языческих пережитков — украшений, амулетов, остатков обуви и одежды, керамики. Среди находок есть несомненные факты, говорящие о присутствии оседлого населения — керамические сосуды водоподъемного механизма, чигиря (Кушаев 1993). В 2003 году недалеко от этого могильника в месте максимального сближения Большого и Малого Узеней авторами были обнаружены остатки мавзолеев, идентичные исследованным на Жайыке, а затем остатки небольшого поселения, получившего название Сарыюзен. Раскопными работами выявлены остатки средневековой постройки, сложенной из сырцовых кирпичей. В ходе раскопок обнаружены фрагменты керамики, среди них развалы чигирных сосудов, точильные камни, астрагалы. Фрагменты керамики представлены тонкостенной, неполивной красноглиняной и сероглиняной посудой, изготовленной на гончарном круге. Керамика была представлена несколькими формами — кувшинами, горшкообразными сосудами, чигирными сосудами. Данная коллекция керамического материала аналогична неполивной посуде из средневековых городищ региона, золотоордынских городов Поволжья. Географически поселение Сарыюзен расположено в междуречье Волги и Урала, что позволяет предполагать его важную коммуникативную функцию. В условиях слабозаселенной полупустыни, с деградирующей гидросетью, он имел стратегическое значение, располагаясь на одном из ветвей Урало-Поволжского участка Великого Шелкового пути.

Активные исследования Д.В. Марыксина в последнее десятилетие в этом районе привели к обнаружению более крупного памятника — городища, получившего название Жалпактал, и нескольких групп погребальных сооружений по соседству (Марыксин 2012: 178—191).

Еще один район оседло-земледельческой культуры был выявлен исходя из наличия погребальных сооружений из обожженного кирпича золотоордынского стандарта. На берегу левобережного притока р. Илек Сары-Кобды в Актюбинской области находится мавзолей Абат Байтак. Археологические исследования на мавзолее и в его округе в середине первого десятилетия текущего столетия показали наличие в бассейне Сары-Кобды остатков крупных поселений периода XIII—XIV вв. и последующего времени.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) на территории Западного Казахстана отчетливо прослеживаются районы сосредоточения оседлой культуры золотоордынского времени — бассейн среднего и нижнего течения Урала, Большого и Малого Узеней, Уило-Кобдинский бассейн. Несколько особняком стоит территория Устюрта и Мангистау (Мангышлак) со своими памятниками рассматриваемого периода и имеющими иное происхождение, связанное с предыдущим хро-

нологическим периодом (Самашев и др. 2007: 315—326); 2) именно период Золотой Орды для Западного Казахстана стал периодом градостроительства, основанного не на эволюционном развитии, а на административной политике правителей; 3) часть указанных памятников эксплуатировалась в последующий период Ногайского улуса, часть прекратила существование в связи со вторым походом Тимура в конце XIV века.

- Агаджанов С.Г. 1969. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.* Ашхабад: Ылым.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. 2002. Некрополь Уральского городища. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* (1), 168—184.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. 2005. *Средневековое городище Жайык*. Алматы: Credo.
- Галкин Л.Л., Касенов М.С., Афанасьев В.К. 2013. *Средневековое городище Актобе-Лаэти (XIII—XIV вв.)*. Атырау: АГУ им. Х. Досмухамедова.
- Егоров В.Л. 2009. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* 2-е изд. Москва: Либроком.
- Кушаев Г.А. 1993. *Этюды древней истории Степного*

- Приуралья*. Уральск: Диалог.
- Марьксин Д.В. 2012. Городище Жалпактал и его округа (предварительные результаты работ). В: Сдыков М.Н. (ред.). *Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал*. Уральск: Полиграфсервис, 178—193.
- Самашев З.С., Кузнецова О.В., Плахов В. 2008. *Керамика Сарайчика*. Алматы: ZURadvertising.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. 2007. *Сокровища Устюрта и Мангыштау*. Алматы: Элчиди.
- Тасмагамбетов И., Самашев З. 2001. *Сарайчик*. Алматы: Берел.

Arman A. Bissembaev. Candidate of Historical Sciences. Aktobe Regional Historical Museum. Address: Altynsarin St., 14, Aktobe, 030006, Kazakhstan. E-mail: abissembaev@mail.ru

Gaziz A. Akhatov. Magister in Archaeology and Ethnography. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Address: Dostyk Ave., 44, Almaty, 050010, Kazakhstan. E-mail: g_akhatov@mail.ru

Golden Horde Hillforts in Western Kazakhstan. The authors examine sites left by the settled population in Western Kazakhstan. These sites existed for a short-time during the Golden Horde and are connected with the Mongol khans' administrative policy. A study of excavations conducted here from the second half of the 20th century makes it possible to reveal the principal distribution areas of the sites related to the settled agricultural population in the Middle and Lower Ural River, the basin of the Bolshoi and Malyi Uzen Rivers and the region between the Uil and Khobda Rivers. The remains of mausoleums built from burned bricks of "the Golden Horde size standards" uncovered in the region allow revealing traces of large settlements and hillforts in their vicinity.

Keywords: Western Kazakhstan, Golden Horde, hillforts, Zhaiyk, Saryozen, Zhalpaktal, Abat Baytak, urban culture.

■ Research is supported by Institute of archeology named after A.H. Margulan, project "The dynamics of the formation of cultures and migrations of the early Iron Age and the Middle Ages of the Aral-Mugalzharian region", grant no. 2985/ГФ4.

References

- Agadzhanov, S.G. 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX—XIII vv. (Essays on the History of Oguz Turks and Turkmens in Central Asia in 9th—13th Centuries)*. Ashkhabad: "Ilim" Publ. (in Russian).
- Baipakov, K.M., Smagulov, E.A., Akhatov, G.A. 2002. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (1), 168—184 (in Russian).
- Baipakov, K.M., Smagulov, E.A., Akhatov, G.A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhaiyk)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
- Galkin, L.L., Kasenov, M.S., Afanas'ev, V.K. 2013. *Srednevekovoe gorodishche Aktobe-Laeti (XIII—XIV vv.) (Medieval Fortified Site of Aktobe-Laeti: 13th—14th Centuries)*. Atyrau: Atyrau State University named after Kh. Dosmukhamedov (in Russian).
- Egorov, V.L. 2009. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordv v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
- Kushaev, G.A. 1993. *Etiudy drevnei istorii stepnogo Priural'ia (Studies in Early History of the Steppe Ural Region)*. Uralsk: "Dialog" Publ. (in Russian).
- Maryksin, D.V. 2012. In Sdykov, M.N. (ed.). *Srednevekovaia gorodskaiia kul'tura i kочеваia tsivilizatsiia basseina reki Ural (The Medieval Urban Culture and the Nomadic Civilisation in the Ural River Basin)*. Uralsk: "Poligrafservis" Publ., 178—193 (in Russian).
- Samashev, Z.S., Kuznetsova, O.V., Plakhov V. 2008. *Keramika Saraičhika (Saraychik Pottery)*. Almaty: "ZURadvertising" Publ. (in Russian).
- Samashev, Z., Kuserbaev, K., Amanshaev, E., Astaf'ev, A. 2007. *Sokrovishcha Ustiuarta i Mankystau (Treasures of Ustyurt Plateau and Mangyshlak Peninsula)*. Almaty: "Elchidi" Publ. (in Russian).
- Tasmagambetov, I., Samashev, Z. 2001. *Saraičhik (Saraychik)*. Almaty: "Berel" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2016 г.

Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук

Золотоордынские памятники Западного Казахстана: новые исследования

Ключевые слова: Западный Казахстан, золотоордынский период, средневековые поселения, Жайык, культовый комплекс, история, археология.

Западный Казахстан является не самым урбанизированным регионом Золотой Орды. В.Л. Егоров характеризует Волго-Уральское междуречье как полупустынное и степное пространство, более пригодное для ведения хозяйства кочевого типа. В этой части государства было немного оседлого населения, и оно было сосредоточено исключительно на окраинах междуречья вдоль русел рек — Волги и Урала (Егоров, 1985: 123). На карте 1985 г. исследователь отмечает только два городища в нижнем течении Урала (Жайыка) — Тендыжское и Сарайчик. Такие представления о заселении Западного Казахстана в золотоордынский период сохранялись до начала 2000-х годов. В 2001 г. была организована совместная Уральская археологическая экспедиция, которая включала в себя специалистов Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Областного историко-краеведческого музея, а затем — созданного в 2002 г. Западно-Казахстанского областного Центра археологии и истории.

В результате работ экспедиции было найдено крупное средневековое городище Жайык, расположенное недалеко от г. Уральска. Анализ картографических материалов XIV—XV вв. показал, что на некоторых картах на месте городища изображен населенный пункт. Так, на карте братьев Пицигани 1367 г. обозначен город Лайэти, расположенный на берегу Каспийского моря в устье р. Урала, а выше по течению еще два безымянных города. В настоящее время Лайэти отождествляется с городищем Актобе, лежащем восточнее г. Атырау. Выше по течению, в 50 км от Атырау, находится городище Сарайчик. Второй безымянный город к северу от Сарайчика, на правом берегу р. Урал, может быть соотнесен с городищем Жайык (Байпаков и др. 2012: 118).

Возможно, Жайык изображен на известной карте 1562 г. капитана Антония Дженкинсона, в основе которой лежит более ранняя карта 1497 г. (Рыбаков 1974: 23—24). На ней выше Сарайчика на правом берегу р. Яик мелким значком обозначен г. Шакафни (Шакашик). Его также можно связать с городищем Жайык (Байпаков и др. 2012: 118).

Городище Жайык находится в 12 км к югу от г. Уральска в речной пойме. С юга и востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон — естественные овраги. Площадь, на которой прослежены остатки сооружений, составляет около 8 га. В начале 2000-х гг. были проведены широкомасштабные раскопки в различных частях городища. Результаты исследований Жайыка были опубликованы в виде монографии (Байпаков и др. 2005).

Город состоял из отдельных усадеб. Главные дома четырех усадеб были раскопаны полностью или частично. Все они были построены из сырцового кирпича и имели различную планировку. Прямоугольное в плане здание «Малой усадьбы» состояло из двух секций, в каждой из которых было три комнаты. В северной части находились прихожие, далее располагались жилые комнаты с суфами, канами и печкам, самыми южными в ряду были небольшие комнаты, служившие кладовками. Помещения в секциях соединялись скользящими проходами вдоль центральной стены, разделяющей здание. Здание явно построено по единому плану, секции зеркально симметричны, некоторые различия наблюдаются только в интерьере комнат. «Большая усадьба» состояла из трех комнат, примыкавших друг к другу в меридиональном направлении. Дом усадьбы №3 представлял собой сильно вытянутую в широтном направ-

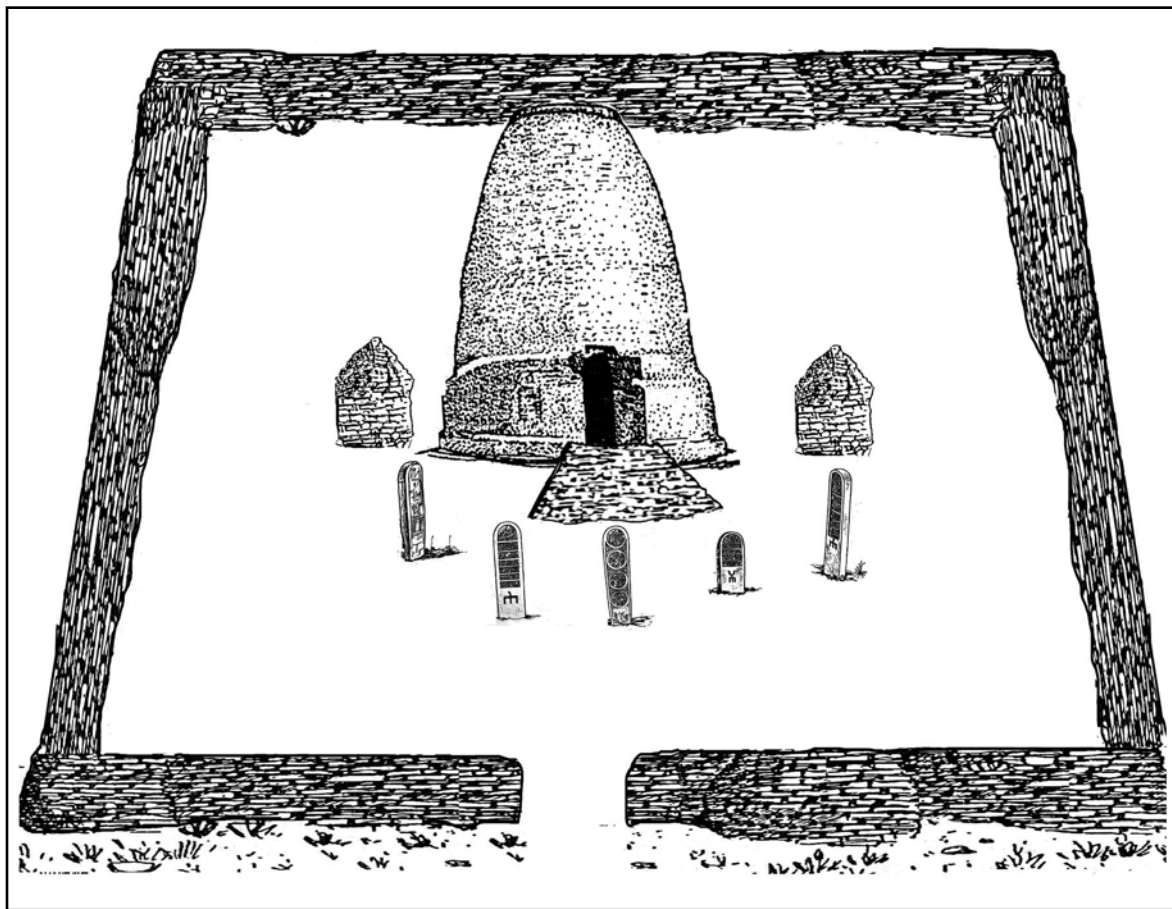

Рис. 1. Культурный комплекс на городище Жайык (реконструкция автора).

Fig. 1. Cult complex on the Zhaiyk hillfort (reconstruction by the author).

лении постройки. Она раскопана частично, поэтому планировку ее можно определить только в общих чертах. В ней выделяются два блока помещений, симметричных относительно меридиональной оси. Между ними находится обширный внутренний двор, в котором, возможно, несколько позже, была отделена восточная часть, и были устроены хозяйственные помещения. Усадьба №4 (ЖГ4) представляла собой обширный (30×30 м) комплекс, состоящий из 13 помещений, которые относятся к двум или более строительным периодам. Структура всего здания в целом достаточно произвольна, однако отдельные его части имеют вполне четкий законченный план (Байпаков и др. 2005: 72—85). Исследование этих усадеб позволяет сделать заключение, что Жайык являлся типичным золотоордынским городом с усадебной планировкой.

Среди общественных сооружений была исследована большая баня-хаммам с подземным отоплением. Баня имела крестообразную

планировку, что свидетельствует о том, что она предназначена для жилищных слоев населения. В восточной части городища раскопаны печи для обжига кирпича и отжига извести. На некрополе были вскрыты два крупных мавзолея из обожженного кирпича, декорированных поливными изразцами (Байпаков и др. 2005: 92—111).

В 2013 году на городище Жайык был исследован интересный культурный погребальный комплекс (рис. 1). В центре его находился круглый башенный мавзолей. Такие мавзолеи известны в Иране, Азербайджане и Малой Азии. Широкое распространение они получили в средние века и новое время на территории Казахстана. С двух сторон от мавзолея в Жайыке находились две маленьких постройки, а перед входом вкопаны каменные стелы (купылтасы). Пространство вокруг комплекса было окружено оградой. Данный погребальный комплекс, расположенный в городском некрополе, несет в себе черты тесной связи с коче-

вой средой. Прежде всего, сама форма башенного мавзолея с шатровым куполом восходит к кочевническим курганообразным погребальным сооружениям (Пугаченкова 1949: 74). В дальнейшем сырцовые башенные, конические и пирамидальные мавзолеи продолжают оставаться наиболее распространенным типом погребальных построек в степной зоне, населенной полукочевыми и кочевыми народами. Стелы-купылтасы также указывают на связь с кочевой средой. Как убедительно показал С.Е. Ажигали, этот тип надмогильных памятников возникает у кипчакских и огузских народов в результате трансформации деревянной резной коновязи в каменную резную стелу. Стела-купылтас, установленная на некрополе, олицетворяет характерную для большинства кочевых народов космическую жертву коня (Ажигали 2002: 421—423).

Еще одним новым памятником является городище Жалпактал, расположенное на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области. Площадь его составляет 68 га. В центральной части городища наблюдаются несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м, на остальной части — несколько десятков всхолмлений меньшего размера. Планиграфия выявленных на городище объектов отражает характерную для Золотой Орды усадебную застройку. На данный момент можно с уверенностью сказать, что на памятнике отсутствует уличная застройка: он представляет собой скопление усадеб. Скорее всего, Жалпактал является остатками не города, а сельского поселения.

Работы на памятнике ведутся экспедицией Западно-Казахстанского центра истории и археологии под руководством Д.В. Марыксина. В 2014 г. были начаты раскопки крупной усадьбы. В настоящее время здание усадьбы вскрыто частично: здесь расчищено 5 помещений усадебного здания и две полуземлян-

ки. Здание построено из крупноформатного сырцового кирпича, толщина стен составляет 75—80 см. Интерьеры помещений типичны для любого золотоордынского дома и состоят из суф и канов с тандырами. Дом неоднократно перестраивался. Всего на раскопе выявлено 4 строительных горизонта, что свидетельствует о длительном существовании усадьбы. К самому раннему строительному горизонту относятся полуземлянки.

Также на городище была исследована мечеть. Здание было почти квадратным в плане, размерами 12×11 м. Стены сложены из большеформатных сырцов, пол был земляным. Плоскую крышу здания поддерживали деревянные столбы различного диаметра, расположенные в 4 ряда. Рядность опор соблюдалась весьма приблизительно. Крыша была покрыта камышом и, вероятно, обмазана глиной. Вход в здание был сделан в северной стене. Узкий проход был скользящим вдоль восточной стены. По центру южной стены находилась невысокая ниша михраба с полукруглым завершением. Отличительной особенностью мечети Жалпактала является наличие в углах помещения очагов-каминов в виде ниш, слегка заглубленных в стены.

К северо-восточному углу здания сделана квадратная пристройка размерами 5×5 м с толстыми (более 1 м) стенами. В небольшое помещение пристройки вели два прохода — с улицы и из помещения мечети. Пристройка, вероятнее всего, является основанием минарета. Здание в Жалпактале является пока единственной мечетью золотоордынского времени в Западном Казахстане. Кроме того, все известные к настоящему времени мечети в Золотой Орде являются монументальными городскими постройками. Здесь мы имеем редкий пример небольшой сельской мечети.

В настоящее время исследования городища Жалпактал продолжаются.

Ажигали С.Е. 2002. *Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона)*. Алматы: Гылым.
 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. 2005. *Средневековое городище Жайык*. Алматы: Credo.
 Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Иночкин В.А., Кривобокова С.С., Сдыков М.Н. 2012. *Уральск: древний и современный. Очерки истории*. Уральск: Полиграф-

сервис.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
 Пугаченкова Г.А. 1949. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана. *Материалы ЮТАКЭ* 1, 57—75.
 Рыбаков Б.А. 1974. *Русские карты Московии XV — начала XVI века*. Москва: Наука.

Emma D. Zilivinskaya. Doctor of Historical Sciences. N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Address: Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation. E-mail: eziliv@mail.ru.

Golden Horde Sites of Western Kazakhstan. New studies. The large Zhaiyk hillfort site recently discovered in the Lower Ural River area is one of the few Golden Horde urban settlements known in Western Kazakhstan. The urban development of Zhaiyk is characteristic of the Golden Horde cities; it consisted of homesteads with structures from adobe bricks and irregular layout. A large hammam bath with a cruciform layout was discovered. Two major mausoleums of baked bricks decorated with glazed tiles were investigated on the necropolis. A cult funerary complex consisting of a tower-shaped mausoleum with hip roof and stone stelae in front was studied. Another new site in this region is the Zhalpaktal hillfort, also with farmstead buildings. There is a mosque, which currently is the only known mosque of the Golden Horde period in Western Kazakhstan, and it was uncovered and studied.

Keywords: Western Kazakhstan, Golden Horde period, medieval settlements, Zhaiyk, religious complex.

References

- Azhigali, S.E. 2002. *Arkhitektura kochevnikov. Fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamiatniki Aralo-Kaspiiskogo regiona) (Architecture of Nomads: Phenomenon of History and Culture of Eurasia. Sites of the Aral and Caspian Seas Area)*. Almaty: "Gilm" Publ. (in Russian).
- Baipakov, K.M., Smagulov, E.A., Akhatov, G.A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhayyk)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
- Baipakov, K.M., Erofeeva, I.V., Inochkin, V.A., Krivobokova, S.S., Sdykov, M.N. 2012. *Ural'sk: drevnii i sovremennyi. Ocherki istorii (Uralsk, Ancient and Modern Town: Historical Sketches)*. Uralsk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordyy XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pugachenkova, G.A. 1949. In *Materialy luzhno-Turkmenistanskoj arheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition)* 1, 57—75 (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1974. *Russkie karty Moskovii XV — nachala XVI veka (Russian Maps of Muscovy, 15th — Early 16th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Мечеть и караван-сарай Пульжая (памятники Золотой Орды в северном Каракалпакстане)

Ключевые слова: Южное Приаралье, Золотая Орда, городище Пульжай, мечеть, караван-сарай, история, археология.

Археологический комплекс Пульжай находится в Кунградском районе Республики Каракалпакстан. Памятник состоит из трех частей: крепость домонгольского времени, неукрепленное поселение (XIII—XIV вв.) и некрополь города. К настоящему времени на территории памятника заложены десять раскопов (Қдырниязов и др. 2013: 81—88).

В 2014 г. в юго-восточной части неукрепленного поселения была раскопана мечеть, размером 7,50×8,10 м. Стены здания в основаниях сооружены из обработанных с трех сторон каменных плит и жженных кирпичей размером 23×23×5; 25×25×5 см. Толщина стен постройки—0,45 м, высота стен сохранилась до 0,50 м. В середине южной стены выявлена полуразрушенная михрабная ниша. Пол здания покрыт жженным кирпичом размером 23×23×5 см. Связывающим веществом для скрепления кирпичей служил алебастр. Некоторые участки пола были также обмазаны алебастром. Внутри помещения в трех местах сохранились остатки базы колонн, сооруженные из жженных и сырцовых кирпичей. Кирпичные базы служили опорой для колонн, на которых покоилось куполообразное перекрытие. Об этом свидетельствуют детали алебастровой панджары. Такие оконные панджары ранее, в 2012 г., были обнаружены в караван-сараяе Пульжая (Қдырниязов и др. 2013: 85, рис. 10). К северу от зимнего зала мечети были расчищены контуры большого полукрытого айвана (9,80×13 м), конструкция которого полностью определяется. Разделяющая стена между мечетью и айваном сохранилась только в нижней части, его толщина 0,23 м, имеет толстую прослойку алебастровой штукатурки. В этом участке также выявлены основания базы колонны

и погребение в «каменном ящике». Постройка имеет два входа. Один в северо-западном углу, это вход в зимний зал. Другой проход, в юго-западном углу, ведет в айван. В ходе раскопок обнаружено, что большая площадь айвана разделяется стеной из жженого кирпича на два отдельных участка. Длина внутренней, разделяющей стены — 7,10 м, ширина — 0,45 м, она возведена из жженого кирпича размерами 23×23×5; 25×25×5 см. Основания базы колонны размером 0,55×0,47×0,15 м сложены также из жженого кирпича. Здесь отметим, что айван (летний зал) мечети имел плоское перекрытие, опирающееся на колоннаду. В ходе археологических работ на внешней стороне зимнего зала, ближе к западному углу айвана мечети, было обнаружено погребение в «каменном ящике». Могильный ящик сооружен из каменных плит размерами от 0,40×0,50×0,25 до 0,75×0,45×0,27 м. В качестве перекрытия каменного гроба использованы также плиты из песчаника. Внутри «ящика» костяк лежал на правом боку с согнутыми ногами и руками, ориентирован головой на запад с поворотом лица на юг. Погребения в каменных ящиках в этом регионе характерны для кочевнических памятников, для огузского (IX—XI вв.) и кыпчакского времени (XIII—XIV вв.). В целом, мечеть Пульжая имеет два помещения: внешняя — зиаратхана и внутренняя, собственно мечеть. Здесь сочетается замкнутый объем мечети (зал) с полуоткрытым навесом айвана (рис. 1). Такая конструктивная планировка характерна для некоторых квартальных мечетей Средней Азии. Однокамерные купольные мечети с айваном, выполняющие роль зиаратханы с захоронением являются: Таш-мечеть (Бешкент), Гумбаз (Кашкадарья), Боло-хауз и Бозори-джой (Бухара) (Маньковская 1980: 107—108).

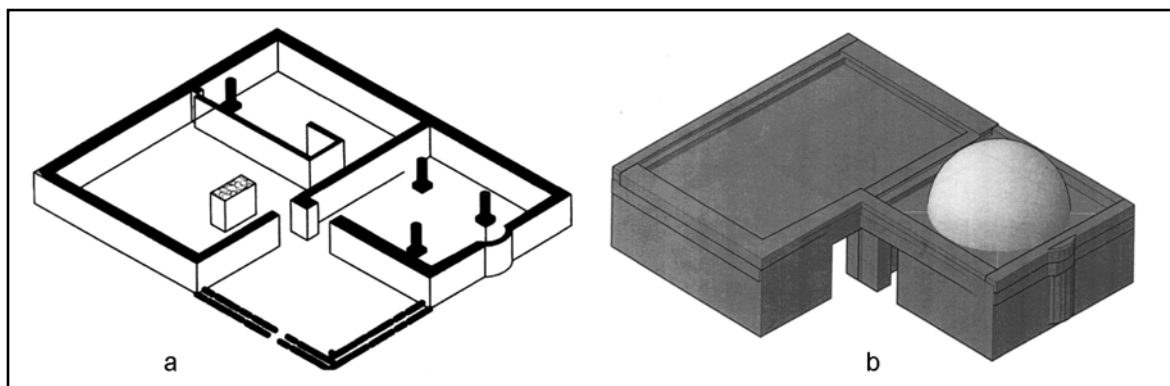

Рис. 1. Мечеть Пульжая: а — аксонометрия мечети по чертежу; б — реконструкция мечети Пульжая.

Fig. 1. Mosque of Puljay: a — axonometry of the mosque after the plan; b — reconstruction of the mosque of Pulzhay.

Общественное здание Пульжая относится к типу двухчастной мечети с купольным залом и айваном. В южноприаральском регионе, как и в других провинциях Золотой Орды, известны двухзальные мечети, подобно пульжайским. Это мечети Кедера X в. на Средней Сырдарье и мечеть XII — нач. XIII вв. на городище Каваткала в Южном Каракалпакстане (Хмельницкий 1992: 70—71; 1996: 84—85). По мнению Л. Ю. Маньковской, «этот типологический признак имеет множество видовых проявлений в зависимости от конструкций (монументальные, легкие и их сочетания) и положения айвана». Мечеть Пульжая имеет некоторые признаки, характерные также и для других поминальных памятников Средней Азии. Такие мечети на территории центрально-азиатского региона относятся к разряду «поминальных мечетей-киосков с айваном», при этом в них имелись захоронения. Подобные формы айванов при мечетях известны в архитектурных сооружениях Средней Азии и в Хорезме. В Хорезмской области таковыми являются квартальная мечеть Сеид-ата и мечеть Богбонлы (Маньковская и др. 1978: 70). Аналогичные мечети в последние годы были открыты в низовьях Сырдарьи, на городище Дженде (Байпаков и др. 2010: 106). В них, как и в мечети Пульжая, присутствует замкнутый объем с полуоткрытым навесом айвана. В до- и золотоордынское время местом обитания тюркских народностей являлись периферийные города Южного Приаралья. Эти города региона в XIII—XIV вв. способствовали исламизации кочевого мира Арало-Каспийского региона. Для этого в окраинных городах были построены мечети. В последние годы, кроме Пульжая, они открыты в Топрак-кала (Кунградская) и Бограхан (Торебеков и др. 2002: 156).

В 2012 и 2015 гг. на территории неукрепленной части памятника, ближе к берегу сухого русла, идущего с востока на запад в соленое

озеро Караумбет, заложен раскоп IV на месте здания караван-сарая. Здесь хорошо прослеживается планировка постройки четырехугольной формы, размером $33,75 \times 16,80$ м. Сооружение возведено из обработанных плит белого известняка размерами от $0,32 \times 0,38 \times 0,20$ до $0,78 \times 0,45 \times 0,20$ м. Плиты с трех сторон (выходящие на фасады стен и боковые стыки) тщательно обработаны и обмазаны толстым слоем алебастрового раствора. Раскопки открыли в западной и северо-восточной части основание угловых башен округлой формы (башня-гульдаста), диаметр которой 1,50 м, высота — 0,50—0,60 м. Она выступает из линии стен постройки на 0,80 м. Башни построены из белых известняковых плит лекальной формы. Промежуточное пространство между плитами заполнено фрагментами жженого кирпича и каменных плит. Башни возводились одновременно со стенами постройки, имеют связи с общей стеной объекта. В отличие от этих башен, восточные и южные угловые башни имеют четырехугольную форму. Размер восточной башни $1,50 \times 2$ м, а южной башни — $1,30 \times 1,30$ м. Их сохранившаяся высота — от 0,60 м до 0,70 м. Надо отметить, что они возводились после сооружения основных стен постройки, приставлялись к ним. В средней части имеется въезд в постройки. Здесь из основных стен выступают два основания портал-пештака прямоугольной формы, сооруженные из каменных плит. Между ними — пространство шириной 2,20 м, в середине которого расположен проход в сооружение шириной 1,50 м. Пол въезда облицован каменными плитами. Эти выступы служили фундаментами стен пилона, украшавшего вход в портал-пештак. Его очертания легко восстанавливаются по аналогиям из других архитектурных сооружений Хорезма — портал «караван-сарая» Куния-Ургенча (Федоров-Давыдов 1958: 513) и Устюрта — караван-сарай Чурук

и Белеули (Маньлов 1982: 102). Здесь надо отметить, что планировочное решение этого объемного сооружения находит близкие аналогии и в караван сараях Мангышлака — Бельдеули и Коскудук. Все они датируются XIII—XIV вв. (Астафьев 2010: 99, 107). Дальнейшая расчистка на месте сооружения открыла основание девяти помещений. Среди них зал и вестибюль с каменными базами, помещение с кан-очагом

и зернохранилище. Характер археологических материалов — наличие золотоордынских вещей, новые пристроенные помещения, небрежность кладки стен, изменение первоначальной планировки — свидетельствует, что памятник использовался в качестве караван-сарая. Об этом свидетельствует и основание пилона, характерное для гражданской архитектуры золотоордынской эпохи.

- Астафьев А.Е. 2010. *Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела*. Алматы.
- Байпаков и др. 2010: Байпаков К.М., Воякин Д.А., Умарходжиев А.А. 2010. Исследование городища Джэнд. *Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан* (1). Алматы, 100—122.
- Кдырниязов и др. 2013: Кдырниязов М.-Ш, Саипов С.Т., Кдырниязов О.-Ш. 2013. Археологические работы на городище Пульжай. *Археологические исследования в Узбекистане 2012 г.* 9. Самарканд, 81—88.
- Маньлов Ю.П. 1982. Археологические исследования караван-сарая центрального Устурта. *Археология Приаралья I*. Ташкент: Фан, 93—121.
- Маньковская Л.Ю. 1980. *Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.)*. Ташкент: Фан.

- Маньковская Л.Ю., Булатова В.А. 1978. *Памятники зодчества Хорезма*. Ташкент: Издательство им. Гафура Гуляма.
- Торебеков и др. 2002: Торебеков М.Т., Хакимниязов Ж., Утепбергенов Ф. 2002. Работы Кунградского отряда. *Археологические исследования в Узбекистане 2001 г.* Ташкент, 156—157.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1958. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Ташкала в Ургенче. *Труды Хорезмской археологической экспедиции II*. Москва: Наука, 505—528.
- Хмельницкий С. 1992. *Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX—X вв.* Берлин; Рига: Continent.
- Хмельницкий С. 1996. *Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв.* Ч. I. Берлин; Рига: Gamajun.

Omar-Sharip Kdimiazob. Karakalpak State University named after Berdakh. Address: Abdirov St., 1, Nukus, 742000, Karakalpakstan Republic, Uzbekistan. E-mail: m_sharif@mail.ru

A Mosque and a Caravanserai from Puljay: Golden Horde Sites in Northern Karakalpakstan. Archaeological studies are used to examine architectural and constructive design features of a mosque and a caravanserai at the Puljai hillfort site. In the context of available analogies from the Central Asian region, the mosque can be attributed to the category of pray kiosk-mosques with aivans (terraces). The peshtak portal, residential and household structures are typical of the caravanserai. These structures were used in the Golden Horde era.

Keywords: Southern Aral, Golden Horde, Puljay hillfort, mosque, caravan-seray.

■ Research is supported by Karakalpak State University named after Berdakh, Department of Archeology, project F.1-78 “History of Khorezm civilization” (2012—2016).

References

- Astaf'ev, A.E. 2010. *Puti torgovykh soobshchenii epokhi srednevekov'ia na territorii Aralo-Kaspiiskogo vodorazdela (Medieval Trade Ways in the Aral and Caspian Seas Watershed)*. Almaty (in Russian).
- Baipakov, K.M., Voiakin, D.A., Umarkhodzhiev, A.A. 2010. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* (1). Almaty, 100—122 (in Russian).
- Kdyrniiazov M.-Sh, Saipov, S.T., Kdyrniiazov O.-Sh. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Uzbekistane 2012 g. (Archaeological Research in Uzbekistan in 2012)* 9. Samarkand, 81—88 (in Russian).
- Manylov, Yu.P. 1982. In *Arkheologiiia Priaral'ia (Aral Sea Region Archaeology) I*. Tashkent: “Fan” Publ., 93—121 (in Russian).
- Mankovskaia, L.Yu. 1980. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii. IX — nachalo XX v. (Typological Basics of Central Asia Architecture: 9th — Early 20th Centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
- Mankovskaia, L. Yu., Bulatova, V.A. 1978. *Pamiatniki zodchestva Khorezma (Monuments of the Khwarazm Architecture)*. Tashkent: “Gafur Gulyam” Publ. (in Russian).
- Torebekov, M.T., Khakimniiazov Zh., Utepbergenov F. 2002. *Raboty Kungradskogo otriada. Arkheologicheskie issledovaniia v Uzbekistane 2001 g. (Archaeological Research in Uzbekistan in 2001)*. Tashkent, 156—157 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1958. In *Trudy Khorezmskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological Expedition) II*. Moscow: “Nauka” Publ., 505—528 (in Russian).
- Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdou arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX—X v. (Between Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th—10th Centuries)*. Berlin; Riga: “Continent” Publ. (in Russian).
- Khmel'nitskii, S. 1996. *Mezhdou Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI — nachala XIII v. (Between Samanids and Mongols: Architecture of Central Asia in 11th — Early 13th Centuries) I*. Berlin; Riga: “Gamajun” Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2016 г.

Крымско-золотоордынские параллели в культуре городов Южного Приаралья

Ключевые слова: Крым, Южное Приаралье, Золотая Орда, керамика, исторический фольклор, торговые и культурные контакты, история, археология.

Территории Золотой Орды охватывали оседло-земледельческие районы и степные зоны Евразии. Доминирующую роль в культурной и экономической жизни кочевого государства играли такие оседлые области, как Волжская Булгария, Северный Кавказ, Крым и Хорезм в Южном Приаралье. Эти регионы имели крупные домонгольские городские центры культуры, ремесла и торговли. Автохтонное население этих территории внесло определенный вклад в формирование синкретической культуры Золотой Орды. В Южном Приаралье, после краткого кризиса в ходе завоевательных войн монголов, вновь возрождается культурная жизнь. Созидательный труд коренных жителей региона привел к подъему городской культуры. Поэтому средневековые восточные и западноевропейские авторы в своих трудах описывают этот регион как культурный оазис в XIII—XIV вв. Они же свидетельствуют об интеграционных процессах между народами Средней Азии и Крыма в золотоордынское время. На основании письменных источников и археологических данных мы попытаемся систематизировать отрывочные, разрозненные сведения об артефактах, имеющих параллели в городах Крыма и Южно-Приаральского региона.

Северная ветвь караванной дороги с Востока на Запад шла через просторы Приаралья. На этой торговой трассе наиболее крупными торгово-ремесленными городами были Гургандж, Кят, Миздахкан, Хива, Шемаха кала и Пульжай. Каждый город занимал свое место в международной и межрегиональной торговле. Во время археологических изысканий в городах Южного Приаралья обнаружены образцы глазурованной полихромной кашинной

посуды и неглазурованной, высокого качества сероглиняной штампованной керамики. Среди них кашинная керамика «куня-ургенчского» образца и китайский селадон. Они обнаружены в Каффе, Азаке, Тане (Чиперис 1971: 28; Масловский 2008: 98). В хорезмской поливной керамике из Крыма (Кафы) преобладают мотивы украшения полихромной росписью, покрытой глазурью синего цвета. Подобные виды глазурованных изделий больше представлены в материалах городищ, расположенных на торговой трассе из Хорезма в Восточную Европу. Селадонная посуда высоко ценилась, поэтому представляла большую редкость, была доступна лишь зажиточным слоям городского населения. В XIII—XV вв. через хорезмские города в Московское княжество ввозился высококачественный китайский селадон. Исследователи Московского Кремля, проанализировав его находки, считают, что «поступали они на Русь через Хорезм» (Панова 1986: 228; Авдусина и др. 1989: 94). Возможно, города Южного Приаралья, являясь торгово-ремесленными центрами Золотой Орды, способствовали распространению привозных китайских сосудов и в Крым. В XIV в. селадон попытались изготавливать хорезмские гончары — он получил название «псевдоселадон» (Қдырниязов 2015: 185). Этим изделиям свойственны тонкий, светлый ангоб и глазурь сероватого цвета, имеется цек, как следствие подражания голубым и серозеленым селадонам. В золотоордынские города Крыма в результате целенаправленного экспорта попадали сероглиняно-чернолощеная и штампованная керамика Хорезма. Среди них сероглиняная фляга и кувшин из Хорезма. Они найдены во время раскопок Азова (Панина, Волков 2000: 91, рис. 1: 1—3). Из Азака происходят

■ Работа выполнена при поддержке Каракалпакского государственного университета им. Бердаха, кафедра археологии, проект Ф.1-78 «История цивилизации Хорезма» (2012—2016 гг.).

десятки фрагментов штампованных сероглиняных кувшинов и крышек (Бойко 1990: 5). Для них кроме геометрических узоров, характерны орнаментальные мотивы «ряды танцующих рыб», они «изготовлены при помощи несрабатанных калпыов» (Масловский 2008: 98). Таким образом, аналогия и взаимовстречаемость керамических материалов Крыма и городов Южного Приаралья свидетельствует о некоторых параллелях в материальной культуре этих двух урбанизированных регионов Джучиева улуса. Исторические параллели в памятниках Крыма и Южно-приаральского региона подтверждаются и другими артефактами. В горах Султануиздаг (Каратау, Каракалпакстан) развивался горный промысел. Изделия местных каменотесов, специализировавшихся на изготовлении каменных сосудов, найдены во многих средневековых памятниках Приаралья и за его пределами. Материалом служил талькохлорит Каратау, о котором писал арабский автор Шахаб аддин ал-Омари (1301—1349): «находится там каменоломня, из нее добываются камни, из которых делаются котлы, держится такой котел 60 лет, не портясь» (Тизенгаузен 1884: 241). В золотоордынских городах Поволжья Бальжемен, Сарай ал-Джедид, Астрахань, Шагреновый бугор найдены образцы каменных котлов из этого региона (Федоров-Давыдов 1968: 122; 1984: 213). Такие привозные талькохлоритовые сосуды обнаружены в Киеве (Архипова 2005: 87—95) и Старом Орхее (Рябой 1988: рис. 2; 3). Монета, выпущенная от имени Токтамышша в Азаке, найдена в караван-сараях Белеули (Каракалпакия) (Маньолов 1982: 111). По свидетельству Ф. Б. Пеголотти, каффские купцы через столичные города Золотой Орды добирались в Хорезм и оттуда направлялись в Китай (Pegolotti 1939: 21—22). Хорезмийцы не только занимались торговыми делами, но и являлись дипломатами, распространителями общественно-политических идей. При Узбек-хане (1312—1342) хорезмиец Мухаммед Ходжа ал-Хорезми был эмиром Азака (Тизенгаузен 1884: 284, 307).

Огромное значение для изучения крымско-золотоордынских параллелей в южно-

приаральском регионе имеет исторический фольклор. В одном из преданий, записанном в 1946 г. каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, рассказывается о том, что каракалпаки жили в Южном Приаралье до монгольского нашествия. «Каракалпаки и до Туркестана (XVI в.) жили в низовьях Амударьи, потом эти места завоевал Шангиз (Чингис хан) и каракалпаки были вынуждены откочевать отсюда, они ушли в Крым» (Андрианов 1958: 48). Есть и другие предания о проживании предков каракалпаков на побережьях Черного моря, Волги и Урала. Они отражены в записях и исследованиях этнографов: А. А. Соколова, Ю. В. Кнорозова, А. С. Морозовой и Л. С. Толстой (Толстова 1984: 89). По устной историологии, у каракалпаков в Крыму (возможно, степная часть) был предводитель Есим хан, он же переселил сородичей из Крыма в Едил-Жаик (Волга, Урал). Далекие отголоски связей населения Арало-Каспийского региона и Крыма можно найти и в произведениях народных поэтов. Сведения об отдельных группах каракалпаков, проживавших в Крыму, имеются в произведениях классика каракалпакской литературы Жиен жырау (XVIII в.) и в народных песнях. Казахский сказитель, выходец из Мангистау, Мурын жырау (XIX — нач. XX вв.), в своем эпическом творении «Сорок богатыров Крыма» упоминает, о некоторых событиях в городах Южного Приаралья, Крыма и Казани относящихся к XIV—XV вв.

Формирование тюркоязычных народов Арало-Каспия тесно связано с историей Золотой Орды и Ногайского объединения. Это способствовало возникновению общей для народов Арало-Каспия устной истории, где отражена информация о связях между Крымско-золотоордынским и Южноприаральским регионами в XIII—XV вв. Наблюдаемые в отдаленных друг от друга регионах параллели в материальной культуре являются не только результатом торговых связей, но результатом общности культурных достижений народов Золотой Орды.

Авдусина и др. 1989: Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. 1989. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974—1982). СА (3), 87—95.
 Андрианов Б. В. 1958. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII—XIX вв.). ТХАЭЭ III. Москва, 7—132.
 Архипова Е. И. 2005. О происхождении средневекового каменного котла из Киева. РА (2), 132—135.
 Бойко А. Л. 1990. Спасательные раскопки в Азове в 1989 г.

Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 4—5.
 Кдырниязов М. III. 2015. Культура Хорезма в XIII—XIV вв. Самарканд: Zarafshon.
 Маньолов Ю. П. 1982. Археологические исследования караван-сараяв Центрального Устюрта. АП I. Ташкент: Фан, 93—121.
 Масловский А. Н. 2008. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака. В: Евглевский А. В. (ред.). Степи Европы в эпоху сред-

- невековья. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 93—124.
- Панина Э.Л., Волков В. 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов. В: Иневаткина О.Н. (ред.). *Средняя Азия. Археология. История. Культура*. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. Москва: Пересвет, 91—92.
- Панова Т.Д. 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле. *СА* (1), 222—230.
- Рябой Т.Ф. 1988. К вопросу о «больших» домах из Старого Орхезя. В: Бырня П.П. (отв. ред.). *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 112—121.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящиеся к истории Золотой Орды*. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Толстова Л.С. 1984. *Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона*. Москва: Наука.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1968. *Курганы, идолы, монеты*. Москва: Наука.
- Федоров-Давыдов Г.А. 2001. *Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт*. Москва: МГУ.
- Чиперис А.М. 1971. Среднеазиатская поливная керамика в Крыму? *ПТ* 11 (1), 26—28.
- Pegolotti F.P. 1936. *La pratica della mercatura*. Cambridge, Massachusetts, 21—27.

Omar-Sharip Kdirniyazob. Karakalpak State University named after Berdakh. Address: Abdirov St., 1, Nukus, 742000, Karakalpakstan Republic, Uzbekistan. E-mail: m_sharif@mail.ru

Mukhammed-Sharip Kdirniyazob. Doctor of Historical Sciences. Karakalpak State University named after Berdakh. Address: Abdirov St., 1, Nukus, 742000, Karakalpakstan Republic, Uzbekistan. E-mail: m_sharif@mail.ru

Crimean and Golden Horde Parallels in the Culture of the Southern Aral Region Cities. The article systematizes the fragmentary information about the material culture traits, which find parallels in the cities of the Crimea and the Southern Aral region, on the basis of written sources and archeological data. Certain samples of glazed and unglazed pottery have analogies in other Golden Horde sites. The parallels in material culture observed in remote areas are a result of commonalities in cultural achievements of the Golden Horde peoples, rather than just trade relations. In order to study the Crimean-Golden Horde parallels in the Southern Aral region, the evidence of oral historiography was attracted as well.

Keywords: the Crimea, Southern Aral, Golden Horde, ceramics, historical folklore, trade and cultural contacts.

■ Research is supported by Karakalpak State University named after Berdakh, Department of Archeology, project F.1-78 “History of Khorezm civilization” (2012—2016).

References

- Avdusina, T.D., Vladimirskaya, N.S., Panova, T.D. 1989. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 87—95 (in Russian).
- Andrianov, B.V. 1958. In *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition)* III. Moscow, 7—132 (in Russian).
- Arkipova, E.I. 2005. In *Rossiiskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 132—135 (in Russian).
- Boiko, A.L. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1989)*. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 4—5 (in Russian).
- Kdymiyazov M.-Sh. 2015. *Kul'tura Khorezma v XIII—XIV vv. (Culture of Khwarezm in 13th — 14th Centuries)*. Samarkand: “Zarafshon” Publ. (in Russian).
- Manylov, Yu.P. 1982. In *Arkheologiya Priaral'ia (Aral Sea Region Archaeology)* 1. Tashkent: “Fan” Publ., 93—121 (in Russian).
- Maslovskii, A.N. 2008. In Evglevskii, A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Zolotoordynskoe vremia (European Steppes in the Middle Ages: Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 93—124 (in Russian).
- Panina, E.L., Volkov V. 2000. In Inevatkina, O.N. (ed.). *Sredniaia Aziia. Arkheologiya. Istorii. Kul'tura (Central Asia: Archaeology, History, and Culture)*. Moscow: “Peresvet” Publ., 91—92 (in Russian).
- Panova, T.D. 1986. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 222—231 (in Russian).
- Riaboi, T.F. 1988. In Bärnea, P.P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia*. Kishinev: “Știința” Publ., 112—121 (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, odnosiaschikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)*. Vol. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: “Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Tolstova, L.S. 1984. *Istoricheskie predaniia luzhnogo Priaral'ia. K istorii rannikh etnokul'turnykh svyazei narodov Aralo-Kaspiiskogo regiona (Historical Legends of the Southern Aral Sea Region: on History of Early Ethnic and Cultural Relations of the Aral and Caspian Seas Region Residents)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 1968. *Kurgany, idoly, monety (Barrows, Idols, Coins)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, torgovlia, byt (Golden Horde Towns in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Chiperis, A.M. 1971. In *Pamiatniki Turkmenistana (Sites of Turkmenistan)* 11 (1), 26—28.
- Pegolotti, F.P. 1936. *La pratica della mercatura*. Cambridge, Massachusetts, 21—27.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2016 г.

А. И. Торгоев, В. А. Кольченко, Я. В. Френкель

*Государственный Эрмитаж,
Институт истории и культурного наследия
Национальной Академии наук Кыргызской Республики*

Пожар городища Красная Речка: след монгольского нашествия в Притяньшанье?

Ключевые слова: Чуйская долина, начало XIII в., городище Красная Речка, глазурованная керамика, фарфор, монгольское нашествие, слой пожара, история, археология.

С 2007 г. главным объектом совместной экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории и культурного наследия Национальной Академии наук Кыргызской Республики является городище Красная Речка — самый крупный из средневековых памятников Чуйской долины и Тянь-Шаня (Горячева 1988; Кольченко, Торгоев 2015).

В 2008—2011 гг. экспедиция проводила масштабные исследования верхних слоев городища Красная Речка на всех его структурных частях. Раскопы были заложены на центральном четырехугольнике (шахристан I) и большом пятиугольнике (шахристан II), а также в западной и южной пристройках (Торгоев 2014).

В результате исследований выявилась картина одновременного прекращения жизни на разных структурных частях города.

Раскоп на большом пятиугольном шахристане, заложенный у южной крепостной стены, выявил остатки нескольких частных домов. Керамический комплекс верхнего строительного периода и медно-свинцовые монеты караханидов дали основание к датировке его в пределах второй половины XI в. (во всяком случае до начала XII вв.). Слоев более позднего времени в этой части пока выделить не удалось. Во всяком случае, материалы прежних раскопок А. Н. Бернштама и В. Д. Горячевой возле городской цитадели также могут быть датированы в рамках второй половины XI в. Ко второй половине XI в. также относится и большой клад медно-свинцовых монет, найденный в верхнем слое внутри большого пятиугольного шахристана в 1998 г.

На западной пристройке был исследован слой свалки второй половины XI, возможно, первой половины XII вв., который перекрывал

верхний уровень погребений городского кладбища.

Расположенные в южной пристройке руины большого буддийского монастыря обживались уже со второй половины XI в. но лишь спорадически, никаких архитектурных сооружений, перекрывающих руины, пока обнаружено не было.

Иная ситуация оказалась внутри центрального четырехугольника. Здесь в 2008 г. в месте, примыкающем к пролому западной крепостной стены, был заложен Раскоп 15 (P-15). Пролом в стене был сделан бульдозером для удобства заезда сельхозтехники в конце 70-х гг. XX в. когда площадь городища использовалась под богару. В результате устройства этого въезда была прорезана вся примыкающая к стене 4-метровая свита наслоений. Целью исследований на этом раскопе, помимо изучения стратиграфии, было изучение как раз верхнего строительного горизонта. В борту траншеи пролома еще до раскопок были отчетливо видны следы пожара и остатки стен из сырцового кирпича. В результате были исследованы остатки одного домовладения, примыкающего к крепостной стене с западной стороны.

Строительные остатки верхнего горизонта представлены несколькими помещениями, группирующимися вокруг двора (условно пом. 4) (рис. 1: а, б). Их стены, сложенные из сырцового кирпича, сохранились местами в высоту до 0,8 м. Они были тщательно оштукатурены, и есть основания полагать, побелены. С запада часть из них примыкает к подрубленной вертикальной плоскости крепостной стены. Наибольшее помещение 1 имело длину 7,2 м, сохранившаяся его ширина 4,8 м. Всю западную половину помещения занимала большая

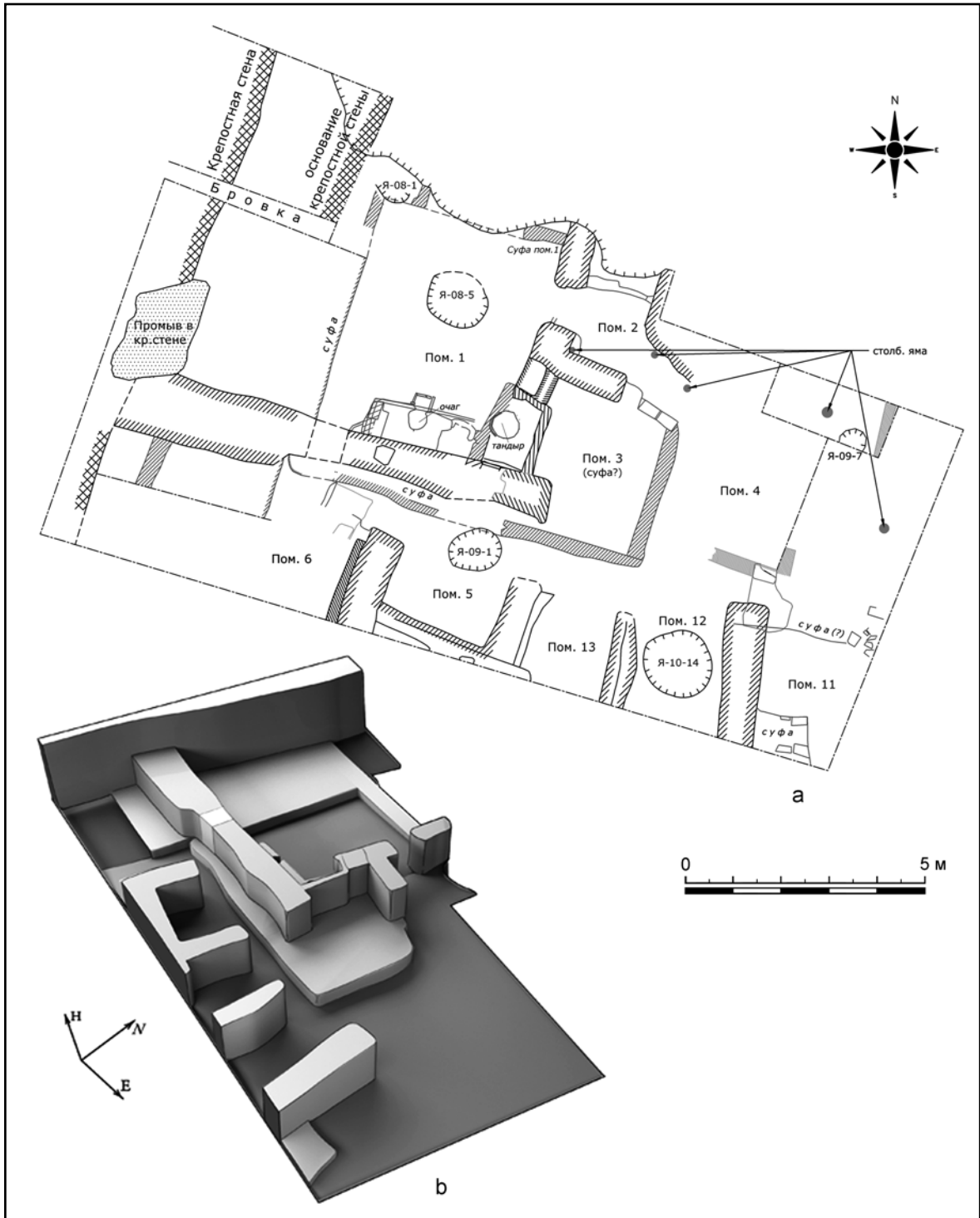

Рис. 1. а — план верхнего строительного периода домовладения, исследованного на центральном четырехугольнике городища Красная Речка (Р-15); б — аксонометрия домовладения по верхнему строительному периоду (с элементами реконструкции).

Fig. 1. a — plan of the upper construction period of the household investigated in the central quadrangle of the Krasnaya Rechka hillfort (P-15); b — axonometric view of a household by the upper construction period (with elements of reconstruction).

суфа высотой 0,6 м. У южной стены находил-ся кухонный блок с очагом и крупный тандыр. В помещение вели как минимум два прохода.

С запада к внешнему фасаду восточной стены пом. 1 примыкала суфа (первоначально приня-тая за помещение 3), находящаяся уже во дворе.

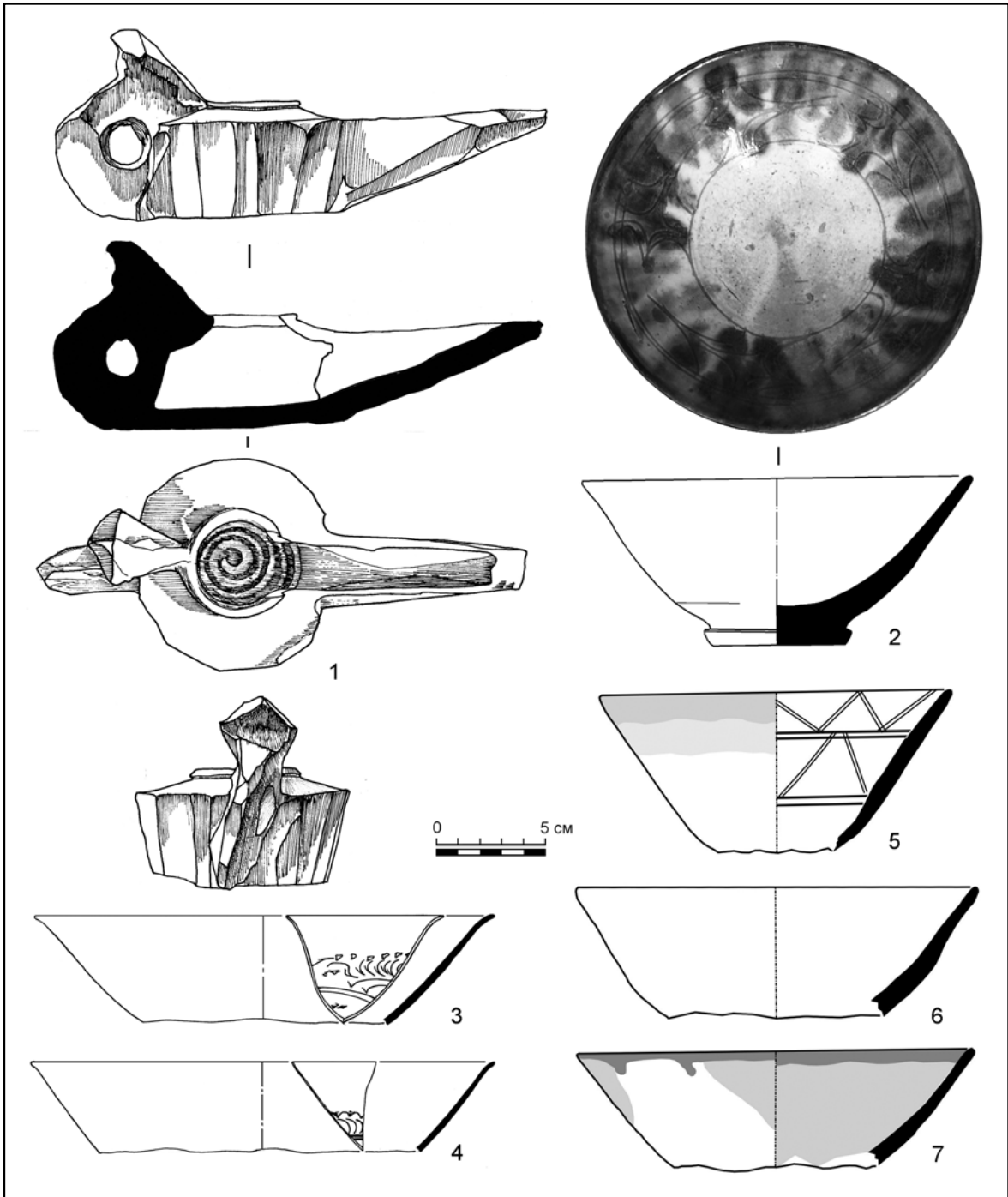

Рис. 2. Глазурованная керамика (1, 2, 5—7) и фарфор (3, 4) из слоя пожара и заполнения помещений верхнего строительного периода городища Красная Речка.

Fig. 2. Glazed ceramics (1, 2, 5—7) and porcelain (3, 4) from the fire layer and the filling of the premises of the upper construction period of the Krasnaya Rechka hillfort site.

Столбовые ямы около этой суфы свидетельствуют о том, что над ней находился навес. Маленькие помещения в южной части раскопа, по всей видимости, носили хозяйственное назначение.

На полах ряда помещений уничтоженных пожаром зафиксированы обгорелые деревян-

ные брёвнышки и жерди перекрытия. На поверхности очажного блока в помещении 1 найдено скопление железных петель от шарниров крепления крышки сундука. В слое пожара были обнаружены целый замок, подкова, железный кол для привязывания домашнего скота, обрывок кольчуги, ножка бронзового трипода,

крупная подвеска из бирюзы. Из слоя пожара происходит значительный комплекс местной неглазурованной станковой керамики, среди которого выделяются крупные водоносные кувшины. На одном из них тушью нанесена арабографическая надпись, сделанная, вероятнее всего, на тюркском языке, на другом сохранилось сделанное также тушью изображение тамги в виде двузубца.

Аналогичная картина гибели верхнего строительного горизонта в большом пожаре отмечена П. Н. Кожемяко в раскопе III 1961—1963 гг., находящемся практически в середине центрального четырехугольника (Кожемяко 1989: 10—11). Можно говорить, что вся эта структурная часть городища погибла одновременно. П. Н. Кожемяко датировал слой пожара достаточно широко — X—XII вв. (там же: 16).

Однако в настоящий момент дата этого пожара может быть скорректирована благодаря наличию в исследованном нами домовладении глазурованной керамики, которая имеет гораздо больший ареал распространения, нежели местная неполивная, и обладает лучшими датирующими свойствами.

Комплекс глазурованной керамики включает найденные на полу помещения 1 в слое пожара целую чашу с коническим корпусом, покрытую поливой с пятнами желтого, коричневого и зеленого цвета с подглазурным процарапанным орнаментом (рис. 2: 2), а также целый большой светильник *чираг* с гранёным резервуаром и пятиугольной пяткой ручки, покрытый плотной зеленой глазурью (рис. 2: 1). И светильник, и чаша имеют надежные аналогии в комплексах глазурованной керамики в Фергане, средневековых памятниках Средней Сырдарьи, где уверенно датируются в рамках XII — начала XIII вв. (Брусенко 1986: 60—65; табл. 31: 5, 7, 8; Анарбаев 2013: 461—462). Крайне важны находки двух фрагментов китайского фарфора (рис. 2: 3, 4), из которых меньший был найден втоптаным в пол помещения 1. Фрагменты фарфоровой посуды встречены в закрытом комплексе на городищах Семиречья впервые, и в силу крайней редкости находки об этих фрагментах следует сказать отдельно.

В обоих случаях это фрагменты открытых сосудов — крупных (максимальный диаметр около 18 см) усечено-конусовидных чаш на сравнительно небольших поддонах. Чаши тонкостенные (в одном случае толщина стенок 3 мм, во втором 2,5 мм), толщина стенок значительно уменьшается возле чуть отогнутых венчиков. Фарфоровая масса в изломах имеет чистый снежно-белый цвет. При этом структура

фарфора не высокого качества, скорее — мелкозернистая, заметны сравнительно крупные поры.

С двух сторон черепки покрыты тонкой прозрачной глазурью. Глазурь бесцветная, но при этом белая фарфоровая поверхность сосудов под глазурью приобретает чуть заметный оттенок: в одном случае голубоватый, во втором — зеленоватый. Тонкие венчики полностью покрыты глазурью, «красный рот» отсутствует.

По внутренней поверхности черепков, ниже венчиков (на расстоянии в одном случае 2,7 см, во втором — 3 см) расположен декор. Орнамент идентичный на обоих черепках, нанесен в технике неглубокой гравировки и образован сочетанием дуг, линий и легких подтреугольных вдавлений. Общая схема сложного декора на черепках читается плохо, на более крупном фрагменте сохранившийся элемент декора несколько напоминает горизонтально расположенное птичье перо. Глазурь, затекшая в нанесенные на поверхность чаш неглубокие бороздки и впадинки декора, приобрела несколько более интенсивную окраску, что и создает собственно рисунок. При этом декор «не кричащий», деликатный, на меньшем фрагменте он едва заметен. Это, несомненно, стилистический прием — чуть заметный рисунок на намеренно слабо окрашенной внутренней поверхности сосуда.

Особенности керамической массы и глазури, формы и декора позволили отнести обнаруженные фрагменты чаш к китайским средневековым фарфоровым изделиям «цинбай» (*qingbai, ch'ig-pai*) южносунского времени (Medley 1980; Kharl 1986; 1994). Изделия «цинбай» производились преимущественно в сунское и юаньское время, при этом юаньские сосуды, как будто, выделяются большей толщиной. Лучшие изделия «цинбай» изготавливались вблизи южнокитайского керамического центра Цзиндэчжень (базовые печи Нанфенг), однако известны и другие южнокитайские мастерские, изготавливавшие подобные сосуды. Преимущественный цвет глазури сосудов «цинбай» — нежно-голубой (другое их название — *yingqing* — означает «голубая тень»). В литературе при характеристике глазури сосудов «цинбай» иногда отмечается ее «нефритовый оттенок». Изделия «цинбай» в большом количестве экспортировались за пределы Китая, достигая в сунское время даже филиппинских островов (Ritaching Tam 1994).

В лаборатории научно-технической экспертизы Эрмитажа по отработанной методике (Френкель 2007; Френкель, Хаврин 2012) нами был произведен рентгено-флуоресцентный

анализ двух данных черепков¹. Судя по полученным результатам, глазурь зольная известково-щелочная, цвет оттенка глазури обеспечивается железом. Это полностью соответствует литературным данным. Незначительные изменения температуры в ходе обжига неизбежно должны привести к тому, что оттенок глазури иногда будет не голубоватый, а зеленоватый (Галибин 2001). Именно это обнаруживается на меньшем из рассмотренных черепков. Такая особенность глазури изделий «цинбай» также отмечена в литературе (Ritaching Tam 1994). Фарфоровая масса рассмотренных изделий не отличается по своему составу от традиционного двусоставного китайского фарфора, изготовленного из каолина и фарфорового камня (серечитового песчаника) (Августинник 1957, 229). Таким образом, данные два черепка являются импортом из южного Китая позднесунского времени.

В нескольких помещениях слой пожара был перекрыт крайне плохо читающимися обрывками стен, не выстраивающихся в какую-то логическую систему. В большинстве помещений этот слой отсутствовал, а керамика из заполнения помещений была совершенно аналогична керамике с полов, причем иногда фрагменты из верхнего заполнения склеивались с фрагментами, обнаруженными на полу. С горизонтом спорадического обживания, как будто, могут быть связаны находки нескольких крупных фрагментов глазурованных чаш с коническим корпусом (рис. 2: 5—7). Глазурь этих чаш мутная, зеленого цвета, в одном случае дающая бирюзовый оттенок. Внутренняя поверхность внутри одной чаши разлинована на три пояса; два верхних наклонными отрезками членятся на треугольники. Такая керамика встречена в верхнем слое городища Каратобе Сауранское, где уверенно датируется монетами в рамках первой половины XIII в. (Смагулов 2011: рис. 71; 72). Таким образом, краткое спорадическое обживание развалин имело место через какое-то непродолжительное время после пожара.

Дата большого пожара, уничтожившего поселение, дает импульс к обращению к письменным источникам по истории Семиречья в начале XIII в., корпус которых был полностью известен еще В. В. Бартольду, и, как будто, еще не пополнился новыми.

Здесь необходимо отметить, что Невакет — так, вероятнее всего, назывался город на ме-

сте городища Красная Речка в источниках VIII—X вв. — последний раз упоминается в XII в. как резиденция епископа, но более об этом населенном пункте ничего не известно. Во второй половине XII в., т. е. к финалу его истории, жизнь на поселении продолжалась, видимо, только в пределах центрального четырехугольника, и оно уже явно не могло расцениваться как город. В источниках о событиях начала XIII в., связанных с военной активностью монголов, упоминаются преимущественно столичные города, селения же упоминаются редко, главным образом в связи с какими-либо значимыми событиями, в них происходившими. Городище Красная Речка расположено на расстоянии чуть менее 40 км к западу от Баласагуна — столицы Караханидов и государства Западное Ляо, которая уверенно отождествляется с городищем Бурана около Токмака². Близость расположения дает основание предполагать, что селение на месте городища Красная Речка могло входить в его округ.

Первым событием, как будто более претендующем на причину гибели селения, можно назвать события 1210 г., когда после битвы войск хорезмшаха Мухаммеда и кара-китаев на Иламыше около Тараза произошел бунт мусульманского населения Баласагуна, который был направлен против господства неверных кара-китаев. Восставшие закрыли перед возвращающимися в свои владения кара-китаями ворота и ждали подмоги со стороны хорезмшаха. После осады Баласагун был взят и разграблен. В. В. Бартольд, основываясь на данных источников, пишет, что в результате расправы после бунта было истреблено до 47000 мусульман (Бартольд 1963: 54). Очевидно, что такие большие потери не могли быть даже в столичном Баласагуне, и в этом конкретном случае Баласагун может расцениваться как округ или даже область, а не как конкретный город.

Вторым, менее вероятным событием, положившим конец истории поселения на месте нынешнего городища Красная Речка, мог быть поход Чингисхана 1218 г. Отсутствие в источниках сведений о кровопролитных столкновениях косвенно говорит о том, что население Семиречья по каким-то причинам не оказывало сопротивление монголам. Единственное,

² Мнение У. Х. Шалекенова об отождествлении Баласагуна с городищем Ак-тобе Степнинское в низовьях р. Чу не может быть учтено, как не имеющее никаких сколько-нибудь доказательных аргументов.

¹ Благодарим С. В. Хаврина за помощь и содействие.

что мы точно знаем из источника, — это то, что Баласагун получил название Гобалык — хороший город, так монголы называли города, сдавшиеся без боя (Бартольд 1963: 56). Видимо, в это время население Чуйской долины, сильно уменьшившееся после резни 1210 г., еще не восстановилось и не могло давать отпор новым завоевателям.

Как бы то ни было, нельзя пока с уверенностью сказать, какое из этих событий первой четверти XIII в. привело к окончательной гибели селения, но совершенно очевидно, что оно имело катастрофический характер для жителей. Поселение, к моменту пожара имевшие уже почти полутысячелетнюю историю, перестало существовать.

- Августиник А.И. 1957. *Керамика*. Москва: Стройиздат.
- Анарбаев А.А. 2013. *Ахикет — столица древней Ферганы*. Ташкент: Тафаккур.
- Бартольд В.В. 1963. Очерк истории Семиречья. В: Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 1. *Общие работы по истории Средней Азии: Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 23—106.
- Брусенко Л.Г. 1986. *Глазуванная керамика Чача IX—XII веков*. Ташкент: Фан.
- Горячева В.Д. 1988. *Город золотого верблюда: Красно-реченское городище*. Фрунзе: Илим.
- Галибин В.А. 2001. *Состав стекла как археологический источник*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Кожемяко П.Н. 1989. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. В: Лившиц В.А. и др. (ред. колл.). *Красная речка и Бурана. Материалы и исследования Кыргызской археологической экспедиции*. Фрунзе: Илим, 8—24.
- Кольченко В.А., Торгоев А.И. 2015. Слои караханидского времени на городище Красная Речка (по итогам исследования Раскопа-15 в 2008—2015 гг.). В: *Кыргызский и Караханидский каганаты: Благодатное знание и государство*. Сб. материалов IV МНПК, посвященной 1000-летию Ж. Баласагына. Бишкек: Махprint, 344—346.
- Смагулов Е.А. 2011. *Древний Сауран*. Алматы: ABDI.
- Торгоев А.И. 2014. Тянь-Шанская археологическая экспедиция: основные итоги работ 2007—2013 годов. В: *Экспедиции. Археология в Эрмитаже*. Санкт-Петербург: Славия, 311—330.
- Френкель Я.В. 2007. Опыт атрибуции археологического фарфора XVIII века (предварительные результаты и методические замечания). В: *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы LII семинара, посвященного памяти профессора А.Р. Артемьева. Псков, 353—361.
- Френкель Я.В., Хаврин С.В. 2012. Опыт культурно-хронологической атрибуции китайского фарфора рентгенофлюоресцентным методом. В: *Керамика и фарфор Дальнего Востока: Проблемы стиля и взаимовлияний*. ТГЭ 59. Санкт-Петербург, 160—169.
- Krahl R. 1986. *Chinese Ceramics in the Topkapı Sarayı Museum, Istanbul. A complete Catalogue*. Vol. II. *Yuan and Ming Dynasty Porcelain*. Hampshire; Tokyo: Philip Wilson Publishers Ltd.
- Krahl R. 1994. *Chinese Ceramics from the Meiyintang Collection*. Vol. I. London: Art Books International.
- Medley M. 1980. *The Chinese Potter: a practical history of Chinese ceramics*. Oxford: Phaidon.
- Ritaching Tam 1994. *Song Wares Found in the Philippines. International Symposium on Ancient Chinese Trade Ceramics*. Collected papers. Taipei: Guoli lishi bowuguan, 317—343.

Asan I. Torgoev. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum. Address: Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation. E-mail: torgoevasan@mail.ru

Valeriy A. Kolchenko. Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Address: Chuy Ave., 265a, Bishkek, 720071, Kyrgyzstan. E-mail: archak@gmail.com

Iakov V. Frenkel. State Hermitage Museum. Address: Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation.

Fire at Krasnaya Rechka Hillfort: Traces of the Mongol Invasion in Tian-Shan Region? The Krasnaya Rechka hillfort site, the largest medieval site in Semirechye and the Tien Shan region, was investigated in 2008—2011. In general, the studied complexes are dated back to the second half of the 11th and the 12th centuries. In the upper construction horizon, traces of a strong fire have been recorded. This layer is dated to the early 13th century on the basis of the finds of imported glazed ceramics and Chinese porcelain of the Late Song period. The written accounts make it possible to identify the Krasnaya Rechka hillfort site with Nevaket city and link its collapse to either the destruction by the Kara-Kitai army of Balasagun city (together with its surroundings, to which Krasnaya Rechka hillfort probably belonged) in 1210, or with Genghis Khan's 1218 campaign.

Keywords: Chuy Valley, early 13th century, Krasnaya Rechka hillfort, glazed pottery, porcelain, Mongol Conquest, fire layer.

References

- Avgustinik, A.I. 1957. *Keramika (Ceramics)*. Moscow: "Stroizdat" Publ. (in Russian).
- Anarbaev, A.A. 2013. *Akhsiket — stolitsa drevnei Fergany (Ahsiket, a Capital of Ancient Fergana)*. Tashkent: "Tafakkur" Publ. (in Russian).
- Bartold, V.V. 1963. In Bartold, V.V. *Sochineniia (Works)*. Vol. 2. Part 1. *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii: Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 23—106 (in Russian).
- Brusenko, L. G. 1986. *Glazurovannaia keramika Chacha IX—XII vekov (Glazed Pottery of Chach of 9th—12th Centuries)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Goriacheva, V.D. 1988. *Gorod zolotogo verbliuda: Krasnorechenskoe gorodishche (The Golden Camel Town: Krasnaya Rechka Hillfort)*. Frunze: "Ilim" Publ. (in Russian).
- Galibin, V.A. 2001. *Sostav stekla kak arkhelogicheskii istochnik (Composition of Glass as Archaeological Source)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Kozhemiako, P.N. 1989. In Livshits, V.A., et al. (eds.). *Krasnaia rechka i Burana. Materialy i issledovaniia Kirgizskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Krasnaya Rechka and Burana: Proceedings and Studies of the Kyrgyz Archaeological Expedition)*. Frunze: "Ilim" Publ., 8—24 (in Russian).
- Kol'chenko, V.A., Torgoev, A.I. 2015. In *Kyrgyzskii i karakhanidskii kaganaty: Blagodatnoe znanie i gosudarstvo (Kyrgyz and Karakhanid Khaganates: Graceful Wisdom and State)*. Bishkek: "Maxprint" Publ., 344—346 (in Russian).
- Smagulov, E.A. 2011. *Drevnii Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: "ABDI" Publ. (in Russian).
- Torgoev, A.I. 2014. In *Ekspeditsii. Arkheologiia v Ermitazhe (Expeditions: Archaeology in the State Hermitage Museum)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 311—330 (in Russian).
- Frenkel, Ya. V. 2007. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)*. Pskov, 353—361 (in Russian).
- Frenkel, Ya. V., Khavrin, S. V. 2012. In *Keramika ifarfor Dal'nego Vostoka: Problemy stilia i vzaimovliiani (Ceramics and Porcelain of the Far East: Problem of Style and Mutual Influences)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum) 59. Saint Petersburg, 160—169 (in Russian).
- Krahl, R. 1986. *Chinese Ceramics in the Topkapi Saray Museum, Istanbul. A complete Catalogue*. Vol. II. Yuan and Ming Dynasty Porcelain. Hampshire; Tokyo: Philip Wilson Publishers Ltd.
- Krahl, R. 1994. *Chinese Ceramics from the Meiyintang Collection*. Vol. I. London: Art Books International.
- Medley, M. 1980. *The Chinese Potter: a practical history of Chinese ceramics*. Oxford: Phaidon.
- Ritaching Tam. 1994. *Song Wares Found in the Philippines. International Symposium on Ancient Chinese Trade Ceramics*. Collected papers. Taipei: Guoli lishi bowuguan, 317—343.

Статья поступила в редакцию 21 марта 2016 г.

Раннемусульманские погребения некрополя городища Бозок

Ключевые слова: Центральный Казахстан, городище Бозок, мусульманский некрополь, мавзолеи, оградки-хазиры, история, археология

Природно-ландшафтная неоднородность территории Казахстана, включающего степь, пустыню, полупустыню, предгорные равнины Тянь-Шаня, определяет основное содержание протекавших здесь историко-культурных процессов. Эти процессы, обусловленные взаимодействием, контактами и взаимовлиянием мира степных кочевых культур и оседлых земледельческих оазисов. Поэтому традиционным направлением казахстанской археологии является параллельное изучение кочевой и оседлой культур. Два мира рассматриваются как части единой системы, дополняющие друг друга.

Археология средневековой городской культуры оформилась в ведущий раздел археологии Казахстана во второй половине XX века. В результате крупномасштабных планомерных археологических работ открыты и исследованы многочисленные города Великого шелкового пути. В настоящее время можно сказать, что средневековая археология юга Казахстана и Семиречья является одной из наиболее изученных в регионе Центральной Азии.

В отличие от достижений средневековой городской археологии земледельческих оазисов, изучение оседлой культуры степного Казахстана заметно отстает. Первая систематизация средневековых материалов Центрального Казахстана была сделана А. Х. Маргуланом еще в середине XX в. (Маргулан 1950). В последние десятилетия начались целенаправленные поиски и раскопки оседлых памятников Восточного Дашт-и Кипчака. К числу новых памятников относится городище Жайык, расположенное в Западном Казахстане, на р. Урал. Материалы раскопок датируют город XIII—XIV вв. (Байпаков и др. 2005). Этот памятник подтверждает сведения письменных источников о росте численности городов в золотоордынское время.

Появились первые сведения о средневековых городах — ставках, открытых в Восточном Казахстане. Опубликованы материалы раскопок средневекового памятника, известного с XVIII в. под названием «Калбасунская башня» (Смагулов 2012). Раскопки археологического комплекса Калбасунская башня проводились в 2001—2005 гг. Памятник датирован XIV—XV вв. К этому же времени относится комплекс Аулиеколь в Казахском Прииртышье, состоящий из поселения, некрополя и примыкающей к ним ирригационной системы (Смагулов 2012: 113).

На всех этих объектах открыты и исследуются жилища, усадьбы, мусульманские погребения, мавзолеи из жженого кирпича. В декоре фасадов и надгробий использованы поливные плитки, майолики с растительным и геометрическим узором. По строительно-архитектурным приемам и композиции мавзолеи датируются XIV—XV вв. К этому времени относится расцвет культового зодчества в Степи.

Одним из масштабно исследованных средневековых объектов является городище Бозок, расположенное на окраине современной столицы Казахстана — г. Астаны. Бозок находится в левой пойменной долине р. Ишим. Площадь памятника с примыкающей агроирригационной планировкой составляет 40 га. Городище Бозок состоит из разновременных объектов: оборонных, жилых, производственных, культовых, возникших в период VIII—XV (XVI) вв. До X—XII вв. эта территория использовалась как поселение-ставка, культовый центр древнетюркской эпохи (Хабдулина 2010).

В золотоордынский период XIII—XIV вв. на заброшенных руинах строений предшествующего времени формируется мусульманский некрополь, строятся мавзолеи, кирпичеобжигательные печи.

■ Работа выполнена при поддержке Министерства науки и образования Республики Казахстан, грант №0882 ГФ4-15, проект «Бозокский археологический микрорайон: особенности и этапы формирования социально-пространственной структуры».

Всего на городище Бозок открыто 70 погребений. По погребальному обряду они делятся на две группы: первая (8) — языческие с вещами, датируются XIII—XIV вв.; вторая — мусульманские погребения (62). Среди них есть захоронения с вещами и ритуальной пищей, но преобладают погребения, совершенные по требованиям ислама (Халикова 1986: 44).

Мусульманские погребения (62) топографически локализируются в трех местах городища Бозок: на центральной межквартальной площадке (раскоп I), на западном валу северного квартала (раскоп II) и возле руин крупного мавзолея, расположенного в 80 м южнее трех градообразующих кварталов (раскоп III). Единично детские погребения (2) и одно взрослое обнаружены в валу восточной стороны северного квартала. Отдельно от всех построена прямоугольная ограда из сырцового кирпича, содержащая 4 могилы. Ограда расположена на раскопе IV рядом с руинами жилищ-землянок.

Наиболее элитарной и ранней территорией мусульманских погребений является центральная межквартальная площадка, специально подсыпанная и поднятая в высоту на 2 м. На ее поверхности (60 × 14 м) визуальнo фиксируются основания двух кирпичных мавзолеев, 7 погребальных сооружений в виде круглых и овальных ровиков, ограждающих пространство вокруг могильных ям. Кроме погребений с наземными конструкциями обнаружены грунтовые могилы, ничем на поверхности не обозначенные. Рядом с мавзолеями исследована кирпичеобжигательная печь. Всего на центральной площадке раскопано 17 могил, 4 из них — детские.

Мусульманские захоронения представлены простыми грунтовыми могилами и конструкциями, имеющими наземную часть. Наземная архитектура двух типов: бескупольные сооружения (оградки-*хазирьы*) и мавзолей. К бескупольным мемориалам отнесены могилы, окруженные ровиками. Внешние размеры ровиков от 4,5 × 3,7 до 7,5 × 5,3 м. Первоначальная конструкция наземной части этих погребальных сооружений не сохранилась. Можно сказать, что зафиксированы только фундаменты наземных строений в виде ровиков шириной 0,4—0,5 м, глубиной от 0,2 до 0,67 м.

Ровики заполнены фрагментами жженных и сырцовых кирпичей, некоторые содержали однородный илистый грунт, похожий на специальную заливку. Наземная часть этих сооружений имела, вероятно, вид оградок, которые в мусульманском погребальном обряде назывались *хазира* (Маньковская 1990: 115). По мнению исследователей, они появляются в начальный период формирования мусульманской погреб-

альной практики и принадлежат особому течению ислама, сторонники которого придерживались запрета на строительство мавзолеев. Оградки (*хазирьы*) сохранились до настоящего времени у казахов в виде надмогильных сооружений «*тортқулақов*».

Оградки городища Бозок сконцентрированы на центральной межквартальной площадке с которой, видимо, и началось формирование мусульманского некрополя в конце XIII — начале XIV вв. По планировке наземных конструкций центральной площадки видно, что погребальные сооружения пристраивались в течение длительного времени. Часть из них оказалась перекрыта более поздними оградками, следовательно, их наземные конструкции уже не были видны.

Погребения в оградках выдержаны в рамках требований мусульманского обряда, характеризуются разнообразием внутримогильных конструкций: подбой, заплечики, деревянные накаты на уровне дневной поверхности, двускатные своды из трех рядов прямоугольных сырцовых кирпичей в придонной части могилы. Общим признаком является обращение лица на юг, в сторону Мекки. В то же время сохраняются и языческие традиции. В двух погребениях обнаружены фрагменты ткани от одежды, в одном неполный скелет овцы, обломок чугунового котла.

Как известно, формирование мусульманских некрополей зачастую связано с местом погребения «родоначальника» или особого духовного лица, много сделавшего для утверждения ислама и получившего статус «святого». Среди культовых памятников некрополя Бозок тщательностью постройки, использованием резной терракоты выделяется мавзолей №1. Он стоит в центре межквартальной площадки. Возможно, мавзолей принадлежит особой личности, сыгравшей значительную роль в распространении ислама в этом регионе. И с этого мавзолея начинается история мусульманского некрополя городища Бозок. Человек, погребенный в нем, был сопровожден предметами вооружения и конской узды. Для постройки мавзолея была сооружена кирпичеобжигательная печь, расположенная в 7 м западнее.

О том, что эта площадка была самой ранней, свидетельствуют несколько косвенных данных: 1) расположение только здесь наземных конструкций, от стен которых остались ровики; 2) «заселение» площадки продолжалось в течение длительного отрезка времени. Об этом свидетельствуют факты взаимоналожения могил и их наземных конструкций; 3) еще один довод в пользу возможной постройки мавзолея

№1 в конце XIII в. — это использование жженого кирпича в интерьере жилищ, в обкладке стенок суфы, в конструкции печи. Установлено, что жилища к концу XIII в. были уже заброшены. Из этого следует, что кирпичный мавзолей в XIII в. был уже возведен.

Некрополь городища Бозок — первый средневековый культовый объект степной зоны Казахстана, позволяющий на конкретном археологическом материале проследить особенности и масштабы исламизации глубинных степных регионов Восточного Дагшта и Кипчака.

- Байпаков и др. 2005: Байпаков К.М., Смагулов Е., Ахатов Г. 2005. *Средневековое городище Жайык*. Алматы: Кредо.
- Маньковская Л.Ю. 1990. Хазира — комплексы Средней Азии. В: Литвинский Б.А. (ред.). *Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье*. Москва: Наука, 115—124.
- Маргулан А.Х. 1950. *Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана*. Алма-Ата: АН КазССР.

- Смагулов Т.Н. 2012. *Калбасунская башня*. Алматы: Хикари.
- Хабдулина М.К. 2010. Бозок как древнетюркский культовый центр на реке Ишим. В: Кумекоев Б.Е. (ред.). *Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие*. Алматы: Археологическая экспертиза, 177—189.
- Халикова Е.А. 1986. *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в.* Казань: Казанский государственный университет.

Maral K. Khabdulina. Candidate of Historical Sciences. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Address: Satpaev St., 2, Astana, 010008, Kazakhstan. E-mail: m_habdulina@rambler.ru

Early Muslim Burials in the Necropolis of Bozok Hillfort. The author briefly defines history of Kazakhstan medieval urban culture studies and describes early Muslim burial structures studied in the Bozok hillfort site. The method of relative stratigraphy has been instrumental in substantiating the start of the Muslim necropolis formation by the late 13th to early 14th century. The Muslim funerary rite of the Bozok hillfort site reflects peculiarities of the spread of Islam in the peripheral regions of the Ulus of Jochi.

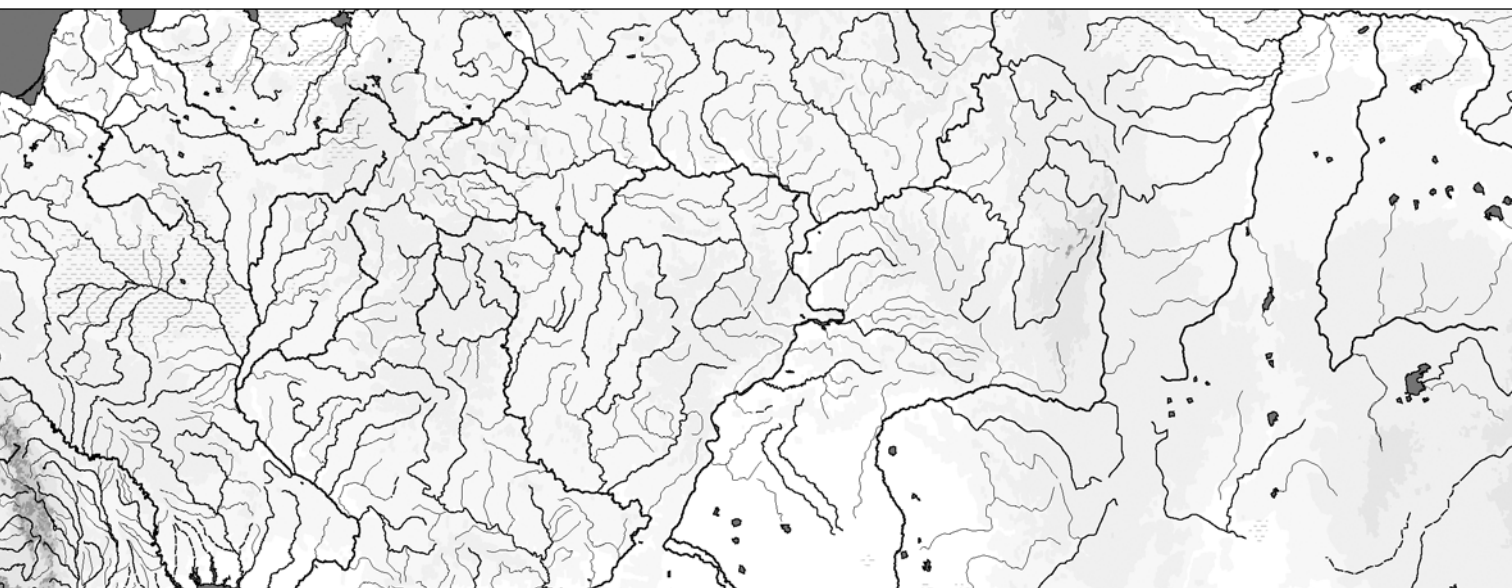
Keywords: Central Kazakhstan, Bozok settlement, Muslim necropolis, mausoleums, khazir-fences.

■ Research is supported by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, grant no.0882 GF 4-15, project “The Bozok Archaeological Micro-region: Peculiarities and Formation Phases of the Socio-spatial Structure”.

References

- Baipakov, K.M., Smagulov E., Akhatov G. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhayyk (Medieval Fortified Site of Zhayyk)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
- Man'kovskaya, L. Yu. 1990. In Litvinskii, B.A. (ed.). *Kul'turnye svyazi narodov Srednei Azii i Kavkaza. Drevnost' i srednevekov'e (Cultural Relations of the Peoples of Central Asia and the Caucasus: Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 115—124 (in Russian).
- Margulan, A. Kh. 1950. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana (From the History and Architecture of Ancient Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).
- Smagulov, T.N. 2012. *Kalbasunskaya bashnia (The Kalbasun Tower)*. Almaty: “Khikari” Publ. (in Russian).
- Khabdulina, M.K. 2010. In Kumekov, B.E. (ed.). *Kazakhstan i Evraziya skvoz' veka: istoriya, arkhologiiya, kul'turnoe nasledie (Kazakhstan and Eurasia Through Ages: History, Archaeology, Cultural Heritage)*. Almaty: “Arkheologicheskaya ekspertiza” Publ., 177—189.
- Khalikova, E.A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Средняя Волга

Х. М. Абдуллин

Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

География и особенности кладов и случайных находок периода Золотой Орды и Казанского ханства на территории Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам отчетов о находках казанским губернаторам)

Ключевые слова: Золотая Орда, Казанское ханство, Казанская губерния, случайные находки, клады, отчеты, вторая половина XIX — начало XX вв., история, археология.

Находки кладов и предметов материальной культуры во все времена привлекали внимание государственных органов. В России еще в 1834 г. в правилах, разработанных для Керченского музея, закрепились нормы, гласящая, что «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древности на землях казенных и общественных» (ПСЗРИ 1857: 82). В 1837 г. законодательно закрепляется порядок представления и рассмотрения найденных кладов старинных монет и прочих древностей, а также обязательная норма о вознаграждении находчиков по весу и стоимости металла найденных предметов (ПСЗРИ 1857: 468). С 1869 г. через уездных исправников находки переправляются в канцелярию губернаторов, а оттуда в Императорскую археологическую комиссию.

Всего в фонде казанского губернатора Национального архива Республики Татарстан отложилась 61 единица хранения документов о находках древностей на территории губернии. Данные дела хронологически охватывают период с 1869 по 1915 гг. Характер находок, согласно этим делам, разнообразен: монетные клады, захоронения с вещами, серебряные слитки, ювелирные предметы и посуда. Большинство монетных кладов было легко датировано еще во второй половине XIX — начале XX вв., но предметные клады в своем большинстве оставались не атрибутированными, и отнести их к какому-либо периоду на основании скудных описаний затруднительно. Исключением являются только совместные клады монет и предметов. Всего удалось обнаружить 19 таких сообщений о кладах периода Золотой Орды и Казанского ханства. Из них наибольшее количество находок было сделано в Спасском

уезде — 8, далее в Чистопольском — 5, городе Казани и уезде — 3, по одному в Лаишевском, Мамадышском и Тетюшском уездах. Из территорий, входящих ныне в Республику Татарстан, находки, отвечающие поставленным требованиям, в этот период не зафиксированы только в Свияжском уезде.

Приведем несколько примеров для каждого из уездов.

В 1873 г. крестьянин деревни Измери Спасского уезда, распахивая землю в трех верстах от данного населенного пункта, вырыл сохой медный полуистлевший кувшин, заполненный серебряными монетами. Находка, высланная в Императорскую археологическую комиссию, была определена как клад, который «заключал в себе обрезанные, и за малыми исключениями, совершенно негодные монеты джучидских ханов Узбека, Джанибека, Бирдибека, Хызра, Науруза, Хайр Пулада, цельные монеты Тохтамышша, Тимур-Кутлу, Шадибека и Пулад-Хана. Кроме того джагатайские монеты Сююргатмышша, Махмуда, Тимура и Саида и подражания татарским монетам» (НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3088. Л. 1—1 об., 3—3 об.).

В 1887 г. крестьянами села Балахчина Лаишевского уезда Василием Борисовым и Василием Мешкачевым при рытье могилы на кладбище были вырыты 350 татарских старинных монет. В Археологической комиссии определили, что клад содержал «золотоордынские серебряные монеты, весом 1 фунт 26 золотников 90 долей» (НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7100. Л. 16, 28—28 об.).

В 1892 г. крестьянка Пелагея Титова и солдатка Кокордия Яшкова, собирая грибы в лесу, близ деревни Николаевки Чистопольского

уезда «нашли в земле в посудине старинного серебра весом двадцать фунтов и одна осьмая, в том числе один золотой и одна палочка» (НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8729. Л. 1—1 об.). В Археологической комиссии данный клад был описан следующим образом: «Медный кувшин содержавший 1 золотую монету патанскую, и 19 фунтов 81 золотник 90 долей серебра монет золотоордынских, синеордынских, хулагуидских и османских XII—XIV вв.». Из этих предметов кувшин был передан на хранение в Музей ОАИЭ, 25 серебряных монет — в Эрмитаж, а остальные сплавлены (Отчет за 1892: 96, 160—161).

В 1893 г. во время земляных работ около Кизической дамбы за рекой Казанкой в городе Казани крестьянами Романом Клешиниковым, Даниилом Клешиниковым и Семеном Баевым были найдены 597 серебряных монет малого формата (НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9133. Л. 2.). В Археологической комиссии монеты были определены как «джучидские и гиреевские монеты 805—867 (1402—1462) гг., чеканенных в Болгаре, Хаджи-Терхани, Орду-Базаре, Бек-Базаре и Крыме». Монеты были распределены по следующим музеям: Императорский Эрмитаж, Азиатский музей Академии наук и Казанский университет (Отчет за 1893: 41, 112—113).

В 1895 г. крестьянин деревни Большой Шикши-Олуяз Мамадышского уезда Гилязетдин Галиакберов во время посева озимого хлеба в поле нашел 325 серебряных монет с надписями на татарском языке (НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9756. Л. 1). Позже клад был пожертвован Императорской археологической комиссией в Музей ОАИЭ. При приеме этих монет на хранение в Музей было составлено их описание: «2 экз. Девлет-бирди, чеканенные в Хаджи-тархане (древней Астрахани) 831 г. гиджры — 1427/8; 116 экз. Мухаммеда б. Тимура, чеканенные в Хаджи-тархане, Бек-базаре и Орду-базаре; 17 экз. Мухаммед-хана, чеканенные в Орду-базаре; 102 экз. Махмуда, чеканенные в Хаджи-

тархане, Укеке и Орду-базаре; 46 экз. Мустафы, чеканенные в Хаджи-тархане; 42 экз. Сейид-Ахмеда, чеканенные в Орду-базаре. На многих монетах года и места чекана стерты или не обозначены. Монеты эти относятся к 831—884 годам гиджры — 1427—1479 гг. по Р. Хр.» (ИОАИЭ 1895: 239).

В 1907 г. канцелярским служителем тетюшского уездного казначейства Владимиром Тенилиным и крестьянином первого общества, Пролейкашинской волости Тетюшского уезда Михаилом Зубрилиным в двух-трех верстах выше города Тетюш были найдены зарытыми в земле, приблизительно на один аршин глубины, серебряные старинные мусульманские монеты, всего в количестве 1476 шт. (НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2878. Л. 11.). В археологической комиссии присланный клад был определен как «клад из 1476 экз. монет XIV в., преимущественно татарских, а также восточных и русских. Большинство монет принадлежит чекану Тохтамышша (1263 экз.), остальные джагатаидам (1383 и 1388 гг.), нефендиарам, джелараидам, османидам и джучидам (от Узбека до Шадибека). В том же кладе находилось: 16 подражаний джучидам с русскими надчеканами и 2 неизданные удельные монеты (рязанская и городецкая)». В итоге 198 экземпляров монет из этого клада были переданы на хранение в Эрмитаж, а остальные приобретены частным лицом (Отчет за 1907: 119, 137).

Таким образом, представленные материалы о случайных находках и кладах во второй половине XIX — начале XX вв. свидетельствуют о широком распространении на территории Казанской губернии в границах современного Татарстана, за исключением Свияжского уезда, материальных свидетельств периода Золотой Орды и Казанского ханства. Также представленные данные показывают механизм фиксации, анализа и распределения находок, представляющих исторические ценности по научным и музейным учреждениям Российской империи.

ИОАИЭ 1895: *Известия Общества археологии, истории и этнографии*. 1895. Т. XIII. Вып. 3. Казань: Типография Императорского университета.

НАРТ: Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3088; Д. 7100; Д. 8729; Д. 9133; Д. 9756; Оп. 4. Д. 2878. Казань.

Отчет за 1892: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 г.* 1894. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

Отчет за 1893: *Отчет Императорской археологической*

комиссии за 1893 г. 1895. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

Отчет за 1907: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1907 г.* 1910. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.

ПСЗРИ 1857: *Полное собрание законов Российской империи*. Т. 10. Ч. 1. Кн. II. *О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще*. 1857. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии.

Khalim M. Abdullin. Candidate of Historical Sciences. Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: xalimabd@mail.ru

Geography and Peculiarities of Hoards and Stray Finds of the Golden Horde and the Kazan Khanate Period in the Territory of Kazan Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (after reports to the governors of Kazan). The article addresses problems related to state regulation of accidental discoveries and hoards in the 19th century and offers an analysis of archival sources about the findings in the territory of Kazan province. Geographic distribution of finds referring to the Golden Horde and the Kazan Khanate period in the territory of Kazan province is determined. The author characterizes all cases of such findings, their content and geography; whenever possible, he provides information on their further storage. At the end, there is a summary of the main results of the study.

Keywords: Golden Horde, Khanate of Kazan, Kazan Governorate, stray finds, hoards, reports, second half of 19th — early 20th centuries.

References

- Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)*. 1895. Vol. XIII, issue 3. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).
- National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 1. Inv. 3. Dossier 3088; Dossier 7100; Dossier 8729; Dossier 9133; Dossier 9756; Inv. 4. Dossier 2878 (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi arkhologicheskoi komissii za 1892 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1892)*. 1894. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi arkhologicheskoi komissii za 1893 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1893)*. 1895. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi arkhologicheskoi komissii za 1907 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1907)*. 1910. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (Complete Code of Laws of the Russian Empire)*. Vol. 10. Part 1. Book II. *O poryadke priobretenia i ukreplenia prav na imushchestva vobshche (General Notes on Acquisition and Entitlement to Assets)*. 1857. Saint Petersburg: Typography of the Second Unit of His Royal Majesty's Chancellery (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Д. Ю. Бадеев

Институт археологии Российской академии наук

Динамика развития городской территории средневекового Болгара

Ключевые слова: Волжская Болгария, Золотая Орда, средневековый город, историческая топография, планировка, строительные горизонты, геоинформационные системы (ГИС), история, археология.

По материалам многолетних археологических исследований 30—80 гг. XX в. на территории средневекового Болгара, была разработана стратиграфическая шкала¹, которая позволяет связать любой его участок с определенным периодом в истории города. Опираясь на распространение и содержание слоев, были представлены первые сведения по динамике развития городской территории (Смирнов 1974: 5, рис. 1; Хлебникова 1987: 48, рис. 3). Археологические раскопки на Болгарском городище в 2010—2015 гг. предоставили новые материалы для оценки динамики развития территории средневекового города. Исследованиями оказались охвачены как центральные районы городища, так и периферийные, особенно южная часть памятника, которая до последних лет оставалась мало изучена. Именно периферийные районы южной части городища продемонстрировали наиболее динамичную картину изменений характера городской застройки. Хотя культурный слой как таковой здесь был полностью уничтожен в процессе распахки в XX в., наблюдения за заглубленными объектами и выявленными погребальными сооружениями позволил зафиксировать следующую ситуацию. Уже в конце XIII в. кратковременное существование жилой усадебной застройки сменяется, а на определенных участках и существует (раскоп ССIII — руководители И. В. Волков, О. В. Лопан, А. Г. Ситдииков), об-

ширными могилами и связанными с ними погребальными сооружениями — мавзолеями (раскопы CLXXIV, ССI, ССII, ССXIV — руководители И. В. Волков, О. В. Лопан, А. Г. Ситдииков и И. И. Ёлкина). Данные объекты тяготеют к наиболее возвышенным участкам местности. Важные результаты были получены для датировки внешних оборонительных сооружений города. Благодаря находкам монет Узбек-хана и Джанибек-хана удалось установить, что возведение вала и рва произошло не ранее 40-х годов XIV в. (раскопы ССVI и ССXV — руководитель А. М. Губайдуллин). В 150—200 м к юго-западу от Соборной мечети (раскопы CLXXIX, СХСII) было изучено монументальное здание городского базара, которое датируется серединой XIV в. (Коваль, Бадеев 2015), а также выявлены производственные объекты (металлургические горны и остатки медеплавильного производства), новые элементы городской планировки (улицы, усадьбы) относящиеся к IV-позднему золотоордынскому слою (Бадеев 2015) и к домонгольскому этапу существования города. Для слоев золотоордынского периода на данном участке исследований на основе производственных объектов и строительных этапов были выделены отдельные горизонты, позволяющие уточнить динамику социальной топографии Болгара.

Информация, полученная в ходе археологических исследований за весь период изучения Болгара (265 раскопов) была включена в разработанную сотрудниками К(П)ФУ историко-культурную геоинформационную систему Болгарского городища на основе программного обеспечения ArcGIS (Чернова и др. 2012). Применение ГИС-технологии при изучении средневековых городов позволяет анализи-

¹ Согласно данной стратиграфической шкале, для средневекового Болгара выделяется 5 слоев: домонгольские — сл. VI (X—XI вв.), сл. V (XI в. — 1236 г.), ордынские — сл. IV ранний (1236 г. — начало XIV в.), сл. IV поздний (30-е гг. XIV — середина XV вв.), Казанского ханства — сл. III (XV—XVI вв.).

■ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X—XVI вв.).»

ровать планировку памятника в целом, его структуру и динамику развития, при этом исключается субъективность исследования. Использование ГИС-методов показано в работах по исследованию динамики развития средневекового Новгорода (Петров, Тарабардина 2012; Петров 2015). В состав проекта ГИС Болгарского городища вошли 5 тематических блока: 1) географический (слои «рельеф», «гидрография», «современные объекты», «дороги», а кроме того, создана цифровая модель рельефа, которая необходима для более точного и полного представления поверхности и горизонтальной структуры площадки городища; 2) исторический (исторические планы и карты Болгарского городища XVIII — н. XX вв.); 3) данные дистанционного зондирования (аэрофотосъемка); 4) архивный (материалы отчетов и публикации); 5) археологический. В археологический блок вошли слои: раскопы (включая наличие стратиграфических слоев), монументальные сооружения, элементы городской планировки (улицы, площади и т.п.), остатки наземных жилых и хозяйственных построек, остатки заглубленных жилых и хозяйственных построек, объекты фортификации, производственные и сельскохозяйственные объекты (горны, остатки пашни), могильники, гидротехнические сооружения, хронотопография находок. На основе данных из археологического блока были составлены картограммы распределения слоев и объектов, а также элементов городской планировки.

По материалам картограммы элементов городской системы была произведена реконструкция улицы 20—70-х гг. XIV в., которая соединяла подгорную часть города с ее восточным районом (Бадеев, Валиев 2015: 132—133, рис. 3).

При совмещении картограмм (слоев) можно отметить следующие результаты исследований по динамике развития территории средневекового Болгара. В домонгольский период город существовал как аграрно-ремесленная агло-

мерация с административным центром в рамках городских укреплений (площадью около 82 000 кв.м), при этом осваивались как прилегающие с запада к укреплениям территории, где зона сплошного распространения слоя VI достигает 38 000 кв.м, так и участки, располагающиеся на значительном удалении (у Малого и Большого Иерусалимского оврагов, к западу и юго-востоку от мысовой укрепленной части). К 1237 г. площадь укрепленной части города достигает 284 500 кв.м, осваиваются подгорный и заречный районы, где появляются кузнечные и гончарные мастерские. Захват Болгара монголами значительно не сказался на темпах роста его территории; к концу XIII в. возводятся первые монументальные сооружения, причем как в центральной части города, так и на его окраинах. К началу XIV в. изменяется статус городских усадеб к западу и юго-западу от возведенной соборной мечети, располагавшийся здесь ремесленный район перемещается еще юго-восточнее, в сторону Голланкина озера, в юго-восточной части города за Большим Иерусалимским оврагом изменяется характер жилой застройки (появляются объекты с системой отопления типа канов) и увеличивается плотность застройки. В первой половине XIV в. город достигает максимального размера, активно развивается уличная сеть, которая связывает различные районы города. К середине XIV в. происходит стагнация роста городских территорий, которые фиксируется в рамках внешних оборонительных сооружений, дошедшие до наших дней. В начале 60-х гг. XIV в. происходит заметное сокращение площади жилой застройки города (приближаясь к границам домонгольского поселения начала XIII в.), периферийные районы города покрывают обширные могильники. К началу XV в. (слой III) немногочисленные постройки и остатки слоя концентрируются вокруг Соборной мечети, отдельные монетные находки были зафиксированы и к юго-востоку от нее (раскоп СХСІХ).

- Бадеев Д.Ю. 2015. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30—70-х гг. XIV в. *КСИА* 237, 200—210.
- Бадеев Д.Ю., Валиев Р.В. 2015. Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования. *Поволжская археология* 14 (4), 127—136.
- Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. 2015. Исследования центрального базара Болгара в 2012—2013 гг. *КСИА* 237, 189—199.
- Петров М.И. 2015. ГИС «Средневековый Новгород»: состав, методы, результаты исследований. *Историческая информатика* 1—2, 42—49.
- Петров М.И., Тарабардина О.А. 2012. Новгород X—XIV вв.: динамика изменений городской территории.

АИППЗ 57, 139—147.

- Смирнов А.П. 1974. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 4—13.
- Хлебникова Т.А. 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 32—88.
- Чернова, Старовойтов и др. 2012: Чернова И.Ю., Старовойтов А.В., Лунева О.В. 2012. Создание историко-культурной геоинформационной системы Болгарского городища. *ArcReview* 62 (2), 5—6.

Denis Yu. Badeev. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: denisbadeev@mail.ru

The Dynamics of Medieval Bolgar Urban Development. The author discusses the possibility to apply methods of geographic information systems to study development dynamics of a medieval city and uses Bolgar as a case study. The archaeological components allowing reconstructing the dynamics of the urban area are characterized. These components include: the cultural stratum with good stratigraphy, chronological topography of the finds, and distribution of archaeological urban structures. Among the latter, the following items are identified: monumental buildings, urban planning elements (streets, squares, etc.), remains of aboveground dwellings and household structures, remains of dugout dwellings and household structures, fortification objects, industrial and agricultural facilities (furnaces, traces of arable land), burial grounds and hydraulic structures. The research involved drawing of cartograms to represent Bolgar historical and social topography.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde, medieval town, historical topography, layout, construction horizons, geographic information systems (GIS).

■ The study was carried out under the Grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation no. HШ -7170.2016.6. "The processes of urbanization and urban development in the Volga region (10th — 16th centuries)".

References:

- Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 200—210 (in Russian).
- Badeev, D. Yu., Valiev, R.V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 127—136 (in Russian).
- Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 189—199 (in Russian).
- Petrov, M.I. 2015. In *Istoricheskaia informatika (Historical Information Science)* (1—2), 42—49 (in Russian).
- Petrov, M.I., Tarabardina, O.A. 2012. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 57, 139—147 (in Russian).
- Smirnov, A.P. 1974. In Smirnov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 4—13 (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32—88 (in Russian).
- Chernova, I. Yu., Starovoitov, A.V., Luneva, O.V. 2012. In *ArcReview* 62 (2), 5—6 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Д. Ю. Бадеев, Р. Р. Валиев

*Институт археологии Российской академии наук,
Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан*

Усадьбы золотоордынского Болгара к юго-западу от Соборной мечети

Ключевые слова: Волжская Болгария, золотоордынский период, средневековый город, планировка, усадьба, история, археология.

Актуальной проблемой в археологии болгарских городов как домонгольского, так и золотоордынского времени остается изучение такой важной категории городской планировки, как «усадьба (двор)». В большей степени на основе характера находок сохранившихся сооружений мы имеем представление о социальном статусе владельца, выявленные производственные комплексы позволяют судить о роде деятельности обитателей усадьбы, однако информация о размерах и внутренней планировке усадеб средневожских городов практически отсутствует.

Новую информацию об усадебной застройке золотоордынского Болгара представляют многолетние археологические работы в центральной части городища в 100—160 м к юго-западу от Соборной мечети, где к 2015 г. общая площадь исследований составила 1912 кв. м. Важным результатом работ стало разделение позднезолотоордынского горизонта IV слоя (по общеполитарской стратиграфической шкале) на 3 субгоризонта, каждый из которых соотносится с определенным строительным горизонтом (Коваль, Бадеев 2014: 193). Если верхний из выделенных субгоризонтов связан со строительством, бытованием и разрушением существовавшего здесь монументального сооружения городского базара (датируется 50—70 гг. XIV в.), то залегающие ниже субгоризонты 2, 3 (датируются 20—40 гг. XIV в.) соотносятся с магистральной улицей, протянувшейся с северо-запада на юго-восток, и с усадьбами, которые размещались по сторонам этой улицы (Бадеев 2014: 205, 206). Объекты данных субгоризонтов были представлены как заглубленными постройками — подвалами (погребями), располагавшимися, скорее всего, под жилыми домами, так и остатками наземных построек — это, прежде всего, ограды (дувалы) из сырцово-

го кирпича, легкие наземные фундаменты (отмостки), сложенные из белокаменного щебня, костей животных, в некоторых случаях с включениями битого кирпича, а также деревянный настил дома (?) с развалом глинобитной бытовой печи.

Ограды из сырцовых кирпичей, зафиксированные в раскопах CLXXVI (2012 г.), CLXXIX (2012—2013 г.) и СХСII (2014, 2015 гг.), являются основным признаком для выделения границ усадеб. Кладки из сырцовых кирпичей располагались как вдоль улицы (раскопы CLXXVI 2012 г., CLXXIX 2012—2013 г.) и были соответственно ориентированы по оси северо-запад — юго-восток, так и между усадеб (раскоп СХСII 2014, 2015 гг.) с ориентировкой северо-восток — юго-запад. Максимально зафиксированная протяженность сооружения из сырцового кирпича вдоль северо-восточного края улицы составила 29 м, при этом концы его уходили в борта раскопов. Ширина кладки на всех участках ее фиксации не превышала 80 см (до 3 кирпичей). Высота сохранившейся кладки в большинстве случаев составляла не более 14—20 см (2—3 ряда), исключение составлял лишь участок ограды, располагавшийся на участке Д раскопа СХСII (2015 г.), где из-за просадки в нижележащую яму кладка сохранилась на высоту до 50 см (до 7 рядов). Перевязка кирпичей в кладке осуществлялась благодаря различиям в их размерах. Прослойки, связанные с возведением оград, собственно, и образуют 3 субгоризонт IV-позднего слоя, который по немногочисленным монетным находкам датируется временем не позднее 1330-х гг. (Коваль, Бадеев 2014: 193).

Исходя из стратиграфического расположения (нижняя часть IV-позднего слоя — субгоризонт 3), с сырцовыми оградями связаны фраг-

■ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X—XVI вв.).»

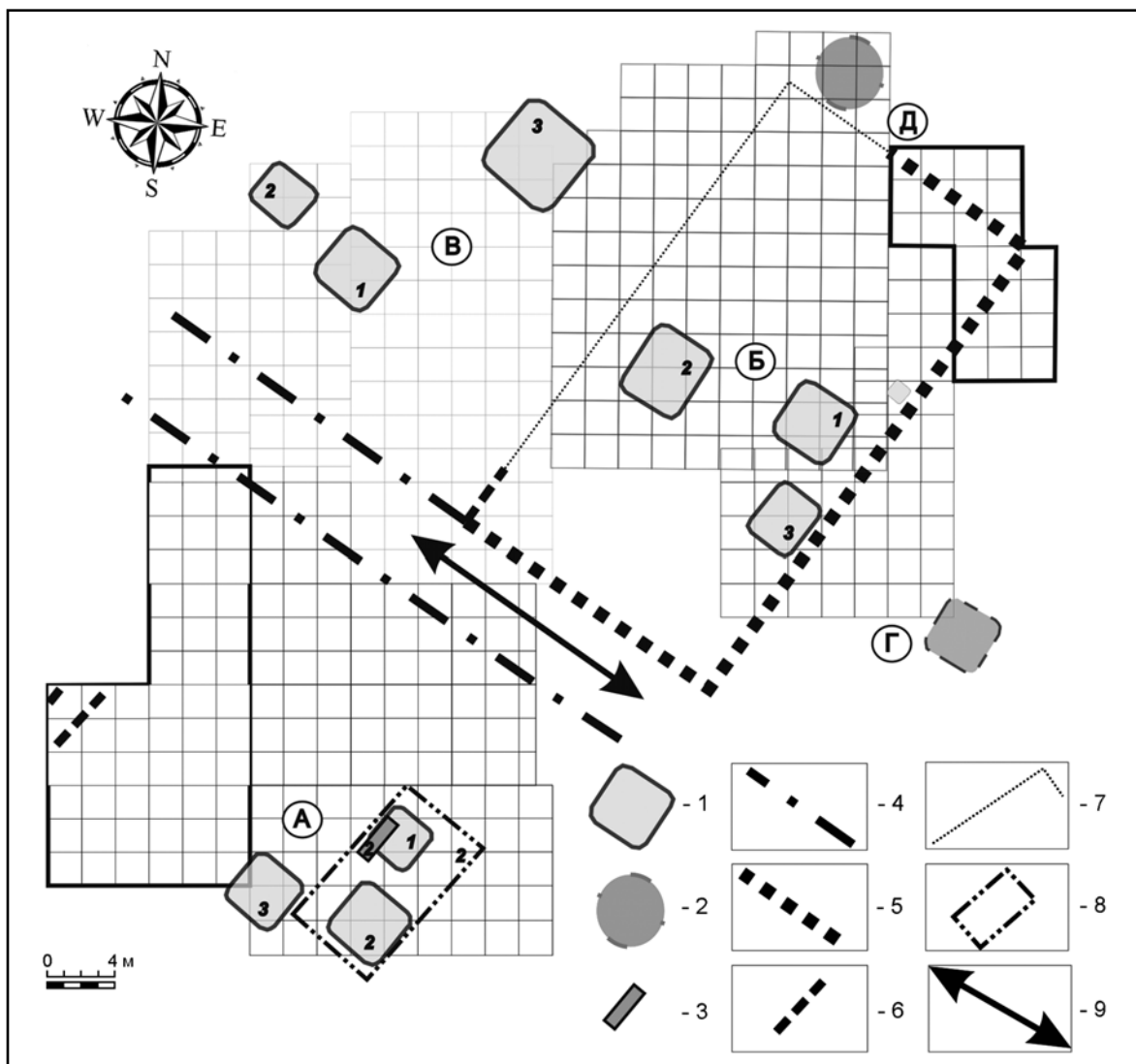

Рис. 1. Схема расположения усадеб Болгара первой половины XIV в. Условные обозначения: 1 — заглубленные объекты (подвалы); 2 — горны для стеклообработки; 3 — печь глинобитная; 4 — фрагменты стен из сырцовых кирпичей (зеленый суглинок); 5 — фрагменты стен из сырцовых кирпичей (рыжий суглинок); 6 — фрагменты легких фундаментов (белокаменный щебень, кирпичная крошка, кости животных); 7 — предполагаемая северо-западная граница усадьбы Б; 8 — расположение наземной постройки с деревянным настилом и глинобитной печью; 9 — трассировка улицы первой половины XIV в.

Fig 1. Scheme of location of Bolgar estates in the first half of the 14th century. Legend: 1 — buried structures (cellars); 2 — furnaces for glass processing; 3 — pise furnace; 4 — fragments of walls of adobe bricks (green loam); 5 — fragments of walls of adobe bricks (red loam); 6 — fragments of substructure (white stone chippings, broken brick, animal bones); 7 — presumed northwestern boundary of homestead "B"; 8 — location of a surface structure with wooden floors and pise furnace; 9 — street tracing of the first half of the 14th century.

менты отмосток из щебня и костей животных, которые могли выступать в качестве легких фундаментов для дувалов. Так, в раскопе CLXXIX (2012 г) подобный «фундамент» примыкал под прямым углом к сырцовой стене, причем ровно в том месте, где происходил стык кладки из разных по составу сырцовых кирпичей (Бадеев 2014: 205, 206), а в раскопе CLXXIX (2015 г.) схожий объект был перекрыт развалом сырцовых кирпичей из зеленоватого суглинка. Кроме того, в качестве основания под кладку из сыр-

цовых кирпичей на некоторых участках использовались деревянные доски (раскоп CLXXIX 2012 г., кв. 13, 14).

Обращает на себя внимание расположение в плане заглубленных объектов 2 суб-горизонта IV — позднего слоя (подвалов¹):

¹ Под «подвалом» мы понимаем заглубленное сооружение подквадратной формы, значительное по площади и глубине. Стенки подобных ям отвесные, дно плоское. Часто на дне ям фиксируются остатки дополнительных

они распределяются на три группы по три одновременных объекта (судя по характеру заполнения последних), что позволяет выделить 3 этапа перепланировки внутри усадебного пространства. На усадьбе А (рис. 1) с одним из заглубленных объектов (№2) соотносятся остатки наземной конструкции (жилого дома), которые были представлены деревянным настилом и развалом бытовой глинобитной печи. Постройка была ориентирована по оси северо-восток — юго-запад, зафиксированные размеры составили 10×6 м. Объектов, связанных с производственной (ремесленной) деятельностью, на территории данных усадеб зафиксировано не было. Исключение составляет усадьба Д (рис. 1), где были локализованы остатки горнов, предположительно относящихся к стеклообрабатывающей мастерской, специализировавшейся на производстве

различных бус и перстней (Полубояринова 2006).

Планиграфическое расположение объектов из субгоризонтов 2, 3 дает возможность предположить существование на исследованной территории как минимум 5 усадеб первой половины XIV в. (рис. 1), одна из которых практически полностью попала в зону исследований (усадьба Б). Она была ориентирована по оси СВ-ЮЗ, имела размеры 32×20 м и площадь 640 кв. м. Если соотнести установленные размеры с размерами усадеб средневекового Новгорода, где наиболее изучен вопрос соотношения размеров городских дворов с социальным статусом их владельцев, то они будут близки к нижним границам размеров «средних и крупных» усадеб (Петров, Сорокин 1997), что подтверждает достаточно высокий социальный уровень населения, проживавшего на данных усадьбах в Болгаре.

Бадеев Д. Ю. 2015. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30—70-х гг. XIV в. *КСИА* 237, 200—210.

Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю. 2015. Исследования центрального базара Болгара в 2012—2013 гг. *КСИА* 237, 189—199.

Полубояринова М. Д. 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в Болгаре. *РА* (4), 152—158.

Петров М. И., Сорокин А. Н. 1997. О размерах усадеб Древнего Новгорода. В: Янин В. Л. (отв. ред). *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 11. Новгород, 54—63.

Denis Yu. Badeev. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: denisbadeev@mail.ru

Renat R. Valiev. Institut of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Address: Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan. E-mail: vrr80@yandex.ru

The Homesteads of the Bulgar during the Golden Horde Period to the South-West of the Cathedral Mosque. A study of aboveground and dugout structures in the excavations territory (100-160 meters to the south-west of the Cathedral Mosque) enabled an attempt to single out urban homestead plots dating to the first half of the 14th century. A complex study of a large area (1912 sq. m), distinction of additional construction horizons within the clearly dated stratigraphic scale of the Bolgar hillfort, identification of the main street, as well as the location of certain dugout structures (cellars) and the study of their content made it possible to produce a spatial organization picture of Bolgar homesteads in the area and to determine the dimensions and space of at least one homestead plot.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde period, medieval town, layout, homestead.

■ The study was carried out under the Grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation no. HШ -71 70.2016.6. “The processes of urbanization and urban development in the Volga region (10th — 16th centuries)”.

References

Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 200—210 (in Russian).

Koval, V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 189—199 (in Russian).

Poluboyarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 152—158 (in Russian).

Petrov, M. I., Sorokin, A. N. 1997. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 11, 54—63 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

объектов — столбовые ямы и (или) канавки. В заполнении некоторых ям выделяется засыпка «пазухов котлована», которая имеет вертикальное расположение и остатки деревянных (срубных или иных) конструкций для укрепления стен.

К вопросу о границе между ранним и поздним горизонтами золотоордынского слоя Болгарского городища

Ключевые слова: Болгарское городище, Золотая Орда, стратиграфия, периодизация, культурный слой, история, археология.

Стратиграфическая шкала культурного слоя Болгарского городища разработана в результате многолетних систематических археологических работ на его территории. Задача разработки этой шкалы была поставлена уже в 1938—1940 гг. А. П. Смирновым, который стремился сопоставить синхронные напластования разных раскопов между собой и создать на этой основе, учитывая опыт исторической периодизации Волжской Болгарии и Восточной Европы, единую схему формирования культурного слоя памятника. Интенсивно стратиграфическая шкала Болгарского городища разрабатывалась в 40—50-е гг. XX в., дополняясь и получая углубленное толкование в 50—60-е гг. XX в., когда IV золотоордынский слой был разделен на два (ранний и поздний), а на склоне террасы — на три горизонта (Смирнов 1951: 173—174). В целом, общая схема, последовательность и датировка слоев твердо доказана многолетними исследованиями, что констатировала Т. А. Хлебникова в итоговой работе, посвященной анализу истории изучения городища, его стратиграфии и топографии, где даны подробные характеристики хронологических рамок, состава и распространения горизонтов культурного слоя памятника (Хлебникова 1987: 46—47).

В настоящее время стратиграфическая шкала городища разделена на семь основных напластований, отражающих время бытования памятника от периода, предшествующего возникновению города до настоящих дней. В изложении Т. А. Хлебниковой эта шкала выглядит следующим образом:

I — слой жизни села XX в.;

II — слой периода русской истории конца XVI — XIX вв.;

III — слой времени Казанского ханства середины XV — XVI вв.;

IV — слой золотоордынского периода истории города второй половины XIII — начала

XV вв. Этот слой подразделяется на слои IVп — позднезолотоордынский середины XIV — начала XV вв., и IVр — раннезолотоордынский середины XIII — начала XIV вв.;

V—VI — слои домонгольского периода истории города, причем слой V датируется второй половиной периода, а начало его образования — XI в.; слой VI — первой половиной периода, рубежом IX—X вв. и частью XI в.;

VII — слой доболгарских поселений середины — второй половины I тысячелетия н. э. (Хлебникова 1987: 45).

Разделение золотоордынского слоя на два горизонта (IV поздний и IV ранний) визуальное оформлено различным характером их наполнения. Ранний горизонт, супесчаный по своей природе, «характеризуется суглинистыми, песчаными и древесными включениями и прослойками, окрашивающими его в желтоватый и буроватый цвет. Также в нем наблюдается большое содержание суглинка как следствие интенсивных земляных работ, сгнившей древесины от построек». На участках, связанных со строительством монументальных каменных зданий, он имеет включения известняковой крошки. Участки слоя, связанные с застройкой в районе домонгольских рвов, содержат не переработанные массивы суглинка от срытого вала или жилищного строительства (Хлебникова 1987: 64).

Поздний горизонт «почти повсеместно представляет собой серую рыхлую супесь с мелкими углистыми и суглинистыми включениями, строительными остатками в виде кирпичной, известковой и гипсовой крошки, обожженной и необожженной глины, сырца, обугленной и сгнившей древесины» (Хлебникова 1987: 69). При определенной степени индивидуальности на каждом отдельно взятом раскопе Болгара, отложения позднего горизонта золотоордынского слоя, в сравнении с ранним, отличает их большая измельченность

и однородность, что определяет возможность визуальной дифференциации этих горизонтов.

Смысловая оценка раннего горизонта золотоордынского слоя в толковании Т. А. Хлебниковой заключается в следующем. Период его формирования — вторая половина XIII — начало XIV вв. — определяется как время восстановления экономики Болгара, начало чеканки джучидских монет и строительство первых монументальных каменных зданий городского центра: Соборной мечети, Восточного и Северного мавзолеев, а также Восточной палаты и т. н. «Дома с башнями». В конце раннезолотоордынского периода завершилось строительство Соборной мечети и оформление центра с площадью, сооружение каменной вымостки которой относятся к периоду вскоре после 30-х годов XIV в. Горизонт IV поздний стал отражением расцвета Болгара, потрясений 60-х гг. XIV в. и упадка города во второй половине XIV — первой трети XV в. Нумизматический материал, который залегает на грани IVр и IVп и в основании IVп, напластованиях засыпи и разрушения самых поздних сооружений IVр, представлен монетами 1310—1334 гг. Таким образом, верхняя грань IV раннего датирована первыми десятилетиями XIV в., с серединой XIV в. связана нижняя грань позднего горизонта (Хлебникова 1987: 68—69). Граница IVр и IVп горизонтов таким образом уместается в диапазон между этими значениями. К сожалению, в этот временной промежуток, который можно охарактеризовать, как диапазон хронологической неопределенности, фактически попадает период, связанный с экономическим и культурным расцветом города, что для периодизации Болгарского городища имеет отрицательное значение, т. к. создает как методическую путаницу при определении границы между горизонтами, так и затрудняет распределение археологических материалов внутри таковых.

К числу материалов, характеризующих IV ранний горизонт, исследователи относят джучидские монеты 1250, 1260—1280, 1280—1300 гг. (в верхней части слоя), 1310—1334 гг. (на границе с IVп), отдельные находки привозной посуды на кашине (иранской XIII в., среднеазиатской) (Хлебникова 1987: 68). Можно предположить, что материалы, попадающие в диапазон от первой трети XV в. до времени не ранее 1340-х гг. могут быть отнесены к позднезолотоордынскому горизонту.

Таким образом, предполагаемое время границы между ранним и поздним горизонтами золотоордынского слоя — 40-е гг. XIV в. Это время характеризуется началом преобладания после 740 г. х. в медном денежном обращении Болгара пулов с названием монетных дворов Сарай и Сарай ал-Джадид, что, вероятно, после административной реформы хана Узбека стало выражением дальнейшей интеграции Болгарского улуса в экономическую систему Золотой Орды и распространения на его территории реформы денежного обращения начала XIV в. (Бугарчѳв, Петров 2013: 228—229).

Изменяется облик позднезолотоордынских напластований по сравнению с раннезолотоордынскими. При сохранении основных составляющих (супесчаность, наличие суглинистых, песчаных, древесных, угольных, зольных включений) в IVп наблюдается распространение строительных остатков в виде кирпичной, известковой и гипсовой крошки, обожженной и необожженной глины, сырца, обугленной и сгнившей древесины. Следует отметить доминирующую измельченность этих фракций, которая может быть связана с переработкой отложений IVр горизонта.

В какой-то степени облик позднеордынского горизонта следует связывать с изменением в общей парадигме городской застройки, связанной с появлением и распространением домов из сырцового и жженого кирпича, характерных для золотоордынских городов на Нижней Волге (Хлебникова 1987: 71). Постройка этих домов не требовала в большинстве своем глубоких фундаментов и не предполагала наличия заглубленных в материк подполий, требовавших выборки значительных объемов материкового грунта. Вероятно, с этим можно связывать отсутствие в составе IVп крупных не переработанных массивов материкового песка и глины. Напротив, использование такого материала, как кирпич, требовало выравнивания строительной площадки путем планировки просадок над засыпанными объектами и, возможно, при наличии отрицательного склона, подвоза дополнительного грунта.

Распространение нижеволжского домостроительства в Болгаре может быть связано как с общими тенденциями унификации городской культуры в Золотой Орде, так и с группами населения в составе жителей города, являющимися носителями данных традиций (Яблонский 1987: 138).

Бугарчѳв А.И., Петров П.Н. 2013. Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате (вторая половина XIII — первая треть XIV вв.) *Поволжская археология* (3), 216—231.

Смирнов А.П. 1951. *Волжские булгары*. Труды ГИМ XIX.

Хлебникова Т.А. 1987. История археологического изуче-

ния Булгарского городища. Стратиграфия. Топография. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар*. Москва: Наука, 32—88.

Яблонский Л.Т. 1987. Некрополи Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар*. Москва: Наука, 124—142.

Vyacheslav S. Baranov. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St. 30, Kazan, 420012, Russian Federation. E-mail: sl.baranov@mail.ru

On the Problem of the Boundary between the Early and the Late Horizons of the Golden-Horde Stratum of the Bolgar Hillfort. The peculiarities of the Golden-Horde bedding of the Bolgar hillfort in the 10th — 15th centuries are analyzed. It is proposed to consider the 1340s as the boundary between the early and the late horizons of the Golden-Horde stratum, when the administrative and financial reforms of the first decades of the 14th century resulted in further integration of the Bolgar Ulus territory in the economic system of the Golden Horde.

Keywords: Bolgar hillfort, Golden Horde, stratigraphy, periodization, cultural layer.

References

Bugarchev, A.I., Petrov, P.N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 216—231 (in Russian).

Smirnov, A.P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow (in Russian).

Khlebnikova, T.A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod*

Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 32—88 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 1987. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124—142 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

О строительстве оборонительных сооружений Болгарского городища в золотоордынский период

Ключевые слова: Среднее Поволжье, золотоордынский период, Болгарское городище, фортификация, вал, ров, история, археология.

В эпоху Золотой Орды площадь Болгарского городища увеличивается до 400 га. С запада, юга и востока городище окружается валом и рвом. Высота вала с южной и юго-восточной сторон памятника достигает 4 м, а ширина 12 м. Глубина рва — около 2 м, ширина около 10 м. Размеры укреплений в западной и восточной частях несколько меньше. Здесь высота оборонительных насыпей около 2 м при ширине до 12 м. Глубина рва около 2 м, а ширина 8—10 м. Подобные различия не случайны, т.к. с восточной и западной сторон городища еще до недавнего времени располагались небольшие озера и заболоченные территории. Все это входит в так называемую «естественную фортификацию», что позволяло в древности использовать их защитную функцию. С других же направлений природных преград не было, и поэтому болгарские строители вынуждены были возводить там более солидные укрепления.

Археологические исследования основной защитной линии городища проводились в разное время и на разных ее участках. В основном, их изучение связано с именами О. С. Хованской (Хованская 1958), Ю. А. Краснова (Краснов 1987) и Н. Д. Аксеновой (Аксенова 1970). Все они выявили примерно одинаковую структуру земляных оборонительных насыпей, которые возводились, в основном, из трех-четырех слоев почвы. Ядро их составляло тулово вала куполообразной формы из серой супеси и песка, взятых при рытье рва. Кроме того, вдоль поверхности насыпи фиксировались и следы от надземных конструкций.

Наши исследования «Восточного проезда», расположенного в восточной части Болгарского городища, выявили примечательную систему въезда на территорию памятника. В данном месте укрепления городища, идущие

с северо-запада, имели два излома и поворачивали на юго-запад, где и завершались проездом.

Современная высота крепостного вала в этом месте составляет 1,8 м от прилегающей поверхности земли. Его насыпь состояла из слоя желтой рыхлой супеси в верхней части, а основное тулово представляло собой утрамбованный грунт из светло-желтой супеси с суглинком и серой плотной супеси. Его подстилал культурный слой городища с редкими находками болгарской керамики золотоордынского облика и костями животных. Верхняя часть вала несколько уплощена и вместе с внутренней отлогостью имела вид трапеции, что характерно для первоначального облика многих оборонительных насыпей. Вдоль гребня ее внутреннего и внешнего склонов были зафиксированы ямки от столбов. Расстояние между ними составляло 1,5 м. По-видимому, это следы от каких-то надвальных конструкций, частично заглубленных в насыпь. Исходя из характера этих остатков, не исключено, что они представляли собой тыновую ограду с внутренним помостом для боевого хода или вариант столбовой конструкции.

Наличия в данном месте такой стены было достаточно и оправдано, т.к. с этой стороны город вряд ли нуждался в более мощной крепостной ограде — прилегающая обширная территория была в древности значительно заболочена, а также покрыта небольшими озерами, от которых до сих пор остались следы. В качестве примеров можно привести озеро Подорлово и так называемые «Копцево болото» и «Тигулево болото».

В юго-западной части памятника нами двумя раскопами исследовались крепостной ров и напольная сторона — эспланада. Прослеженный оборонительный ров XIV века имел треуголь-

■ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X—XVI вв.)».

ную форму, а судя по его типу и характеру грунта, он никогда не заполнялся водой и был в древности сухим. Это еще раз подтверждает мысль о том, что ров Болгарского городища XIV века представлял собой «классическое» оборонительное препятствие, при создании которого учитывались прилегающая местность и характер грунта. Следов каких-либо деревянных конструкций обнаружено не было. Подобное же отсутствие остатков деревянных оборонительных сооружений выявлено и с напольной стороны. Это, по-видимому, явилось следствием строительства насыпи дороги, проходящей рядом.

Недавнее изучение валов и рвов города в западной и восточной частях памятника также позволило определить способы их возведения. Перед началом строительства была проведена трассировка будущей линии укреплений. Ее следы выявлены в виде полосы шириной около 50 см, проведенной, по-видимому, при помощи лемеха. Крепостные сооружения строились одновременно, в течение нескольких месяцев (весна-лето). Были выявлены и следы от вертикальных и горизонтальных бревен, шедших вдоль гребня вала, а также надолбов с напольной стороны. Благодаря находкам монет в ниж-

ней части оборонительной насыпи, удалось датировать ее возведение 40-ми годами XIV века, т.е. временем правления Джанибек-хана.

В целом, картина военно-инженерных построек Болгарского городища XIV века очень интересна. Комплекс оборонительных сооружений этого времени по сравнению с домонгольским гораздо более сложен. Он состоит из целой системы взаимодополняющих и заменяющих друг друга типов фортификационных построек: надолбы с напольной стороны и во рву, ломаная линия обороны, крепостные башни (установленные, по-видимому, с наиболее угрожающих сторон) и стены в виде тарас (наиболее передовой тип стен в то время), а также сложная система проездов.

Прослеживаются и отдельные технологические приемы в создании оборонительных конструкций, берущие свое начало еще в домонгольский период. Это, например, тип стен в виде столбовых конструкций, но только более усложненная их модель в XIV веке. Также наблюдается и некоторая асимметрия заложения склонов рва. В золотоордынское время контрэскарп имеет большую крутизну, чем эскарп, что видно и в типе рвов предмонгольского времени.

Аксенова Н. Д. 1970. *Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году*. Архив ИА РАН. Р-1. № 3921.

Краснов Ю. А. 1987. Оборонительные сооружения города Болгара. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город*

Болгар. Очерки истории и культуры. Москва: Наука, 99—123.

Хованская О. С. 1958. Оборонительная система города Болгара. *МИА* 61, 316—329.

Airat M. Gubaidullin. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St, 30, Kazan, 420012, Russian Federation. E-mail: airg_g@mail.ru

On the Defensive Structures of the Bolgar Hillfort in the Golden Horde Period. The article addresses data on the Bolgar city fortifications in the Golden Horde period. On the basis of archaeological materials, the reconstruction of the defensive structures original appearance is provided. They consisted of wooden walls made up of horizontal and vertical poles, which were installed on an earth rampart. On its external side, there was a ditch, triangular in cross-section. This is the most important evidence that it had not been intended for filling with water being kept always dry. Along the counter-escarp, rows of vertical logs serving as dragon's teeth have also been revealed. The finds of coins in the base of the defensive rampart date back to its construction during the reign of Jani Beg khan. The material obtained allows offering a new interpretation of the construction period and operation mode of the fortifications in the Golden Horde era.

Keywords: Central Volga area, Golden Horde period, Bolgar hillfort, fortification, rampart, moat.

■ The study was carried out under the Grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation no. НШ -7170.2016.6. "The processes of urbanization and urban development in the Volga region (10th—16th centuries)".

References:

Aksenova, N. D. 1970. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1969 godu (Report on the Fieldworks on Bolgar Hillfort in 1969)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 3921 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1987. In *Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). Gorod Bolgar.*

Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 99—123 (in Russian).

Khovanskaia, O. S. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61, 316—329 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2016 г.

Болгарский улус во второй половине XIII — середине XIV вв.: историко-археологический анализ

Ключевые слова: Золотая Орда, Болгарский улус, письменные источники, городская застройка, торговля, расцвет, кризис, история, археология.

В период после монгольского завоевания и становления могущества Улуса Джучи город Болгар пережил время быстрого расцвета, выдвинувшись уже в середине XIII в. в качестве ведущего экономического и политического центра новой державы. Почти двести лет Болгар был главным городом, политической и торгово-ремесленной столицей не только Булгарского вилайата, но и всего Волго-Уральского региона. В этот отрезок времени о нем оставили сведения многочисленные авторы сочинений самого разного характера — от путешественников до дипломатов и торговцев. Здесь прежде всего следует выделить восточных, прежде всего арабских авторов из Египта, который, в силу целого ряда политических обстоятельств, имел активные дипломатические, религиозные и торговые связи с Золотой Ордой (Закиров 1986). Эти контакты оставили целый корпус нарративных источников от правил составления дипломатических документов до описаний путешествий в «страну северного ислама». Значительная часть из них выявлена, собрана и неоднократно издана, что позволяет не описывать их подробно. В целом можно сказать, что все они упоминают город Болгар лишь кратко и в основном в общих описаниях. Некоторая часть описаний Болгара и земель «седьмого климата» имеет истоки в более ранней географической традиции.

Наиболее важные и систематизированные по годам сведения по истории Золотой Орды и истории золотоордынского Болгара содержат русские летописи. При всей краткости и иногда противоречивости они являются незаменимым, а порой и единственным источником сведений. Ценность летописи как источника информации определяется близостью ее по времени к описываемому событию. Конечно, современность источника не гарантирует его достоверности. Нередки случаи, когда автор, писавший спустя несколько лет после события, мог быть

даже менее тенденциозен или более осведомлен, чем ближайший современник. Сложность анализа и использования летописных сведений состоит в изучении состава различных сводов, времени их появления и содержащихся в них статей (см.: Лурье 1985: 61—68). История, текстология и источниковедение русского летописания XIII—XV вв. довольно широко и хорошо изучена трудами нескольких поколений историков и текстологов (важнейшие из них см.: Шахматов 1938; Лурье 1976; 1985; Лихачев 1983; Клосс 1980; Муравьева 1983; 1991; 1998; Приселков 1996). Основательно изучение и сопоставление летописных сводов позволило источникововедам не только создать общую картину развития летописания, но и выявить степень достоверности тех или иных сведений, относящихся, в частности, к истории города Болгара.

Изучение источников позволило создать общую историю города Болгара в золотоордынский период, историю его расцвета и упадка в период военно-политических катаклизмов, постигших Улус Джучи в конце XIV — начале XV вв.

Монгольское завоевание не нанесло городу Болгару, в отличие от ряда других болгарских городов, катастрофического ущерба. Выгодное географическое положение Болгара в центре богатой земледельческой округи, близ слияния рек Волги и Камы, способствовало его быстрому восстановлению, но уже в качестве места пребывания хана и его администрации. О том, что Болгар уже к середине XIII в. имел особый столичный статус, свидетельствует Марко Поло: «Берке владел татарами и жил в Болгаре и Сарая» (Книга Марко Поло 1990: 39). В 40-х годах XIII в. именно в Болгаре начинается чеканка золотоордынских монет, на 30 лет раньше, чем начал чеканить деньги Сарай (Мухамадиев 1983: 43; Сингатуллина 2003: 16). Это свидетельствует о роли Болгара в середине XIII в. как экономического и политического центра госу-

дарства Джучидов. Первые монеты несли имя уже умершего багдадского халифа ан-Насир лид-Дина, следующие монеты с 1250-х годов выпускались с именами монгольских каанов Менгу и Ариг-Буги. С 1260-х годов в Болгаре чеканились монеты анонимные и с именами золотоордынских ханов. Болгар чеканил монету до 30-х годов XIV в. (Сингатуллина 2003: 16).

Подтверждают это и некоторые поздние письменные источники. По персидскому сочинению «Ферхег-намэ» город Болгар известен как место «Золотого трона» («Алтын тахт») ханов Улуса Джучи. Ф.И. Эрдман и С.М. Шпилевский считали, что это сообщение отражает реалии XIII в., и связывал его со сведениями западноевропейского путешественника Рубрука (XIII в.) о летней кочевке Батгя далеко на север, т.е., как предполагают исследователи, в пределах Болгарии (Шпилевский 1877: 31, 163).

К середине XIV в., судя по имеющимся у нас данным, Болгар не только сохранял свое значение как один из важнейших регионов Улуса Джучи, но и укрепил его. В арабских источниках область Болгар неизменно фигурирует среди основных территорий ханства. В арабо-персидских источниках XIII—XV вв., сообщающих об областях и городах в составе Золотой Орды описываемого периода, название «Болгар» встречается довольно часто. Например, у ал-Калкашанди она одна из десяти областей Улуса Джучи (Григорьев, Фролова 2002: 288—290). Ал-Омари — арабский автор первой половины XIV в., описывая территорию Улуса Джучи, писал: «Границы этого государства со стороны Джейхуна: Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Сибир и Ибир, Башгырд и Чулыман» (Тизенгаузен 1884: 236).

Во второй половине XIII — начале XIV вв. Болгар переживает самые яркие страницы своей истории. Он поднимается из пепелища. Площадь его на верхней террасе городища в этот период расширяется до 900 тыс. кв.м. К городу прилегали пригородные поселки, в это же время заселяется низменная часть города — за р. Меленкой, где мощность раннезолотоордынских слоев достигает 20—80 см. Слой в центральной части города насыщен щепой и древесным тленом, что говорит о развернувшейся застройке традиционными деревянными домами.

Со второй половины XIII в. начинает заселяться район, находившейся к востоку от окраины домонгольского города, а также заречная часть, где появляется много землянок и полуземлянок, в которых жили ремесленники

и, вероятно, строители. Восстанавливаются на своих местах ремесленные мастерские, существовавшие в домонгольское время: железоплавильные, медеплавильные, ювелирные, и появляются новые — кузнечная, косторезная и каменотесная (Хлебникова 1987: 64—65). Здесь, в заречной части, видимо, издавна селились гончары, изготавливавшие посуду, дымогарные и водопроводные трубы и т.д. Судя по археологическим раскопкам, в ямах около домов хранили глину, а в другие сбрасывали бракованные изделия. Появляются и новые мастерские на территории города.

В это же время в центре города закладывается белокаменная Джамия-мечеть (Соборная), ее строительство было закончено в начале XIV в. Она выполняла роль главной столичной мечети Болгара, а может быть, и всего региона. По архитектуре она была похожа на восточные, прежде всего сельджукские зальные мечети с многорядными опорами. Джамия-мечеть представляла собой подквадратное здание с 20 внутренними восьмигранными колоннами, поддерживающими деревянную кровлю. С южной стороны, напротив входа, был устроен михраб, обрамленный богатой орнаментированной резьбой по камню. К северному фасаду примыкал минарет. Внутри его к обходной галерее вела винтовая лестница. На средней высоте минарета была высечено изречение из Корана. В 30-е гг. XIV в. мечеть реконструируется. Ставятся дополнительные опорные столбы, по западному и восточному фасаду добавляются декоративные ниши (подробнее см.: Фёдоров-Давыдов 2001).

В конце XIII в. рядом были возведены два мавзолея для каких-то знатных лиц — один напротив северного фасада, другой перед восточным. По типу они относятся к мусульманским мавзолеям, широко распространенным в Средней Азии, Ближнем и Переднем Востоке. Внутренние помещения были полусферическими. В верхней части в стены были вмурованы керамические сосуды-голосники, создававшие акустический эффект. Археологические раскопки внутри восточного мавзолея выявили семь склепов в виде прямоугольных камер, обложенных бутовым камнем, скрепленным известковым раствором, внутри которых находились, очевидно, деревянные гробы. Хотя погребения были разрушены в XVII в., судя по ориентировке склепов, все умершие были погребены по мусульманскому обряду.

К югу от Джамии-мечети в середине XIV в. возводится еще одно каменное здание. Это была двухэтажная постройка, окруженная подсобными помещениями. Второй этаж

представлял собой купольный зал с оштукатуренными и богато орнаментированными стенами. По некоторым предположениям, это было здание суда и тюрьма-зندان, обычные капитальные постройки для мусульманских городов. Обычно в них находились и фискально-административные органы власти.

Залогом этого стал поступательный рост сельского хозяйства, развитие ремесел и расширение торговли. По данным некоторых арабских авторов, доход от болгарской торговли мог достигать 200—300%. Соответственно, происходил подъем городов, расширялась их территория, появлялись новые торгово-ремесленные слободы и т.д. Примером роста благосостояния городов и усиления их политического влияния являлось перестройка в это время в Болгаре Джамии-мечети, которая украшается по углам своеобразными «бастионами».

Некоторые авторы, побывавшие в Поволжье, оставили традиционные сведения о Болгаре, как северной части «седьмого климата». Среди них выделяется сведение Ибн Батуты (в 1333 г. побывавшем в Сарае в ставке хана Узбека): «Я наслышался о городе Болгаре и захотел отправиться туда, чтобы взглянуть на то, что говорится про чрезвычайную краткость ночи в нем, а также про кратковременность дня в противоположное время года. Между ним и ставкой султана был десяток (дней) пути. Также короток день в нем (Булгаре) в период краткости его (зимой). Пробыл я там три дня» (Тизенгаузен 1884: 296—297). У историков есть разное понимание вопроса о реальности путешествия Ибн Батуты в Болгар, но важность этого центра для политики и экономики Золотой Орды несомненна.

Болгар был богатым и цветущим городом. В условиях политической стабильности это было благом для горожан, но в период смуты и междоусобиц стало их проклятьем. Особенно усилилась военная опасность в условиях политической нестабильности в Улусе Джучи во второй половине XIV в. Горожане должны были позаботиться о своей защите. С этой целью возводится целая система укреплений (см.: Краснов 1987: 99—123). Она проходила от крутой речной террасы на юг, поворачиваясь на северо-восток, а затем на севере к берегу реки, образуя форму неправильного треугольника; протяжённость валов и рвов составляла 8 км, окружая площадь около 4 млн. кв.м. Строители максимально стремились использовать естественные препятствия — овраги и озера. Там, где их не было, укрепления усиливались. Рвы в сочетании с валами, по гребню которых тянулась высокая деревянная стена из срубов толщиной до двух

метров, которая в ключевых пунктах обороны усиливалась башнями (всего их по периметру стены насчитывалось 17), являлись основными элементами в обороне города. Во рвах, часто заполненных водой, и перед ними были вбиты заостренные колья, препятствующие передвижению осадной техники.

В город можно было попасть через трое ворот — в южной, восточной и западной стенах. Проезды были укреплены фортами из целой системы коленчатых валов и башни с проездными воротами. Укрепленная часть города защищала богатые торгово-ремесленные кварталы и дома аристократии, а также сакральную и общественную часть города — Джамии-мечеть, кладбища с мавзолеями, квартальные мечети и бани. Все это показывает, что город, как и вся страна, вступили в период нестабильности.

В конце 40-х гг. XIV в. Улус Джучи испытывал несколько серьезных кризисов, которые подорвали стабильность развития этого государства. Одним из составляющих этого кризиса стала пандемия чумы, которая с 1346 г. обрушилась на многие области этого государства: «бысть мор велик на люди ... в Орде и в Орначи и в Сарай и в Бездеже ... и на Бесермены и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкассы, и на прочая человеки, тамо живущая в них» (Приселков 1950: 368; Симеоновская летопись 2007: 95). Судя по данному сообщению, в 1346 г. пандемия лишь затронула Болгарский улус. Однако она возвращалась неоднократно в течение нескольких десятилетий, например в 1364 г., когда от Нижнего Поволжья пришел мор, убивая в русских верхневолжских городах до 100 человек в день (Симеоновская летопись 2007: 102—103). Поэтому можно предположить, что Среднее Поволжье в середине XIV в. в полной мере испытало ужас «Черной смерти» (Шамильоглу 2009: 686—690).

Тяжело ударило по Болгарскому улусу сокращение торговли и упадок Великого шелкового пути. Разразившийся кризис привел в действие социально-политические механизмы дестабилизации обстановки в империи Джучидов, когда начались династийные распри и межклановые столкновения (Измайлов 2009б: 682—686, 691—694). Война за власть между различными группировками татарской аристократии Ак-Орды, в которую вмешались ханы Кок-Орды шла, то разгораясь, то временно затухая почти 20 лет (Измайлов 2009в: 695—705). В этих условиях не только усилился сепаратизм различных регионов, но и начались вооруженные столкновения между областями и начали совершаться набеги пиратские ватаги и разбойные отряды.

Болгарский улус не только не избежал общей участи, но и в силу своего положения оказался слишком близко от эпицентра разрушительных импульсов. С этого времени, очевидно, начинается период серьезных внутренних трансформаций внутренней

жизни улуса, изменение состава правящих кланов и их расположения. Перераспределение улусов, скорее всего, в будущем привело к падению политической и торгово-экономической значимости Болгара и возвышения Казани.

- Григорьев А. П., Фролова О. Б. 2002. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. *Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие*. Москва: Восточная литература, 288—290.
- Закиров С. З. 1986. *Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.)*. Москва: Наука.
- Измайлов И. Л. 2009а. Экологические катаклизмы. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 682—686.
- Измайлов И. Л. 2009б. Экономический и социально-политический кризисы. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 691—694.
- Измайлов И. Л. 2009в. Великая зямтяня. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 695—705.
- Клосс Б. М. 1980. *Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.* Москва: Наука.
- Лихачев Д. С. 1983. *Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков*. 2-е изд. Ленинград: Наука.
- Лурье Я. С. 1976. *Общерусские летописи XIV—XV вв.* Ленинград: Наука.
- Лурье Я. С. 1985. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси». *Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР* 40, 190—205.
- Лурье Я. С. 1985а. О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников). *Вопросы истории* (5), 61—68.
- Муравьева Л. Л. 1983. *Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века*. Москва: Наука.
- Муравьева Л. Л. 1991. *Московское летописание второй половины XIV — начала XV века*. Москва: Наука.
- Муравьева Л. Л. 1998. *Рогожский летописец XV века*. Москва: Наука.
- Мухамадиев А. Г. 1983. *Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв.* Москва: Наука.
- Насонов А. Н. 1969. *История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования*. Москва: Наука.
- Поло М. 1990. *Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р. X*. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. Алма-Ата: Наука.
- Приселков М. Д. 1950. *Троицкая летопись: Реконструкция текста*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Приселков М. Д. 1996. *История русского летописания XI—XV вв.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Симеоновская летопись*. 2007. Полное собрание русских летописей 18. Москва: Языки русской культуры.
- Сингатуллина А. З. 2003. *Джучидские монеты поволжских городов XIII века*. Казань: Заман.
- Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). 2001. *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука.
- Хлебникова Т. А. 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 32—88.
- Шамильоглу Ю. 2009. Черная смерть и ее последствия. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 686—690.
- Шахматов А. А. 1938. *Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Шпилевский С. М. 1877. *Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии*. Казань: Типография Казанского Императорского университета.

Iskander L. Izmailov. Doctor of Historical Sciences. Institute of archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: ismail@inbox.ru

Bolgar Ulus in the Second Half of the 13th to Mid-14th Centuries: an historical and archaeological analysis. The article addresses the flourishing period of the city of Bolgar after the Mongol conquest, as one of the leading economic and political centers of the Jochi Ulus. Numerous written records by Arabic and European authors and Russian chroniclers allow highlighting the general history of Bolgar in the Golden Horde period. Advantageous geographical position contributed to the rapid restoration of the city and the attainment of its capital status, as well as the further development of handicrafts and trade. Bolgar became one of the first centers of minting Golden Horde coins. According to archaeological data, the features of urban development were recovered. In the 14th century, the Cathedral mosque, administrative buildings, and mausoleums for distinguished persons were built in Bolgar. The decline of Bolgar in the second half of the 14th century was connected with the onset of the general political instability in the Jochi Ulus, the plague and the reduction of trade along the Great Silk road.

Keywords: Golden Horde, Bolgar Ulus, written sources, urban layout, trade, heyday, crisis.

References

- Grigor'ev, A. P., Frolova, O. B. 2002. In *Tiurkologicheskii sbornik 2001: Zolotaia Orda i ee nasledie (Collected Papers on Turkic Studies 2001: Golden Horde and its Heritage)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 288—290 (in Russian).
- Zakirov, S. Z. 1986. *Diplomaticheskie otnosheniia Zolotoi Ordy s Egiptom (XIII—XIV vv.) (Diplomatic Relations of the Golden Horde with Egypt: 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 682—686 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 691—694 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 695—705 (in Russian).
- Kloss, B. M. 1980. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI—XVII vv. (The Nikon Chronicle and the Russian Annals of 16th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Likhachev, D. S. 1983. *Tekstologija: Na materiale russkoi literatury X—XVII vekov (Textology: by the Russian Literature of 10th—17th Centuries)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Lurye, Ya. S. 1976. *Obshcherusskie letopisi XIV—XV vv. (Obshcherusskie Chronicles of 14th—15th Centuries)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Lurye, Ya. S. 1985. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury AN SSSR (Proceedings of the Department for Russian Literature, Institute of Russian Literature, Academy of Sciences of the USSR)* 40, 190—205; (in Russian).
- Lurye, Ya. S. 1985. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (5), 61—68 (in Russian).
- Murav'eva, L. L. 1983. *Letopisanie severo-vostochnoi Rusi kontsa XIII — nachala XV veka (Annalistic of North-Eastern Russia in Late 13th — Early 15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Murav'eva, L. L. 1991. *Moskovskoe letopisanie vtoroi poloviny XIV — nachala XV veka (Moscow Chronicles in the Second Half of 14th — Early 15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Murav'eva, L. L. 1998. *Rogozhskii letopiset XV veka (Rogozhskoe Chronicle of 15th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII—XV vv. (Bulgarian and Tatar Coinage in the 12th — 15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nasonov, A. N. 1969. *Istoriia russkogo letopisaniia XI — nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniia (History of the Russian Chronicles in 11th — Early 18th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Polo, M. 1990. *Kniga Marko Polo o raznoobrazii mira, zapisannaia pizantsem Rustikano v 1298 g. ot R. Kh. (Book of the Marvels of the World by Marco Polo)*. Series: Puteshestviia. Otkrytiia. Priklucheniia (Travels, Discoveries, Adventures). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Priselkov, M. D. 1950. *Troitskaia letopis': Rekonstruktsiia teksta (Chronicle of the Trinity Lavra: Reconstruction of the Text)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Priselkov, M. D. 1996. *Istoriia russkogo letopisaniia XI—XV vv. (History of the Russian Chronicles in 11th — 15th Centuries)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Simeonovskaia letopis' (Simeonov Chronicle). 2007. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 18. Moscow: "lazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, odnosiaschchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). 2001. *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khlebnikova, T. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32—88 (in Russian).
- Shamil'oglu, Yu. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 686—690 (in Russian).
- Shakhmatov, A. A. 1938. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV—XV vv. (Review of the Russian Corpora of Chronicles of 14th—15th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoi gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2016 г.

О фортификации Болгарского городища в XIV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Болгар, фортификация, земляная насыпь, методика раскопок валов, история, археология.

Фортификация Болгарского городища не раз привлекала внимание исследователей. Наиболее полный по хронологическому охвату материала обзор принадлежит перу О. С. Хованской (1958), рассмотревшей оборону Болгара и происходившие в ней существенные изменения, начиная с основания города в IX в. и вплоть до его гибели в XV в. В дальнейшем той же проблематике была посвящена статья Ю. А. Краснова (1987). Изучал фортификацию Болгарского городища и А. М. Губайдуллин (1998: 197; 2002: 87—91; 2015: 130, 131), однако его обзоры на эту тему отличались краткостью и упором на реконструкцию гипотетического внешнего вида оборонительных сооружений. Проведенные в 2014—2015 гг. Институтом археологии РАН и Институтом археологии АН Татарстана исследования вала Болгарского городища позволяют существенно скорректировать выводы, полученные нашими предшественниками.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что речь пойдет о тех остатках фортификации, которые неплохо сохранились до сих пор и представляют собой сегодня выраженные в рельефе вал и ров. У исследователей никогда не было сомнений в том, что эта линия обороны являлась наиболее поздней в истории города Болгара, дискутировалась лишь дата ее возведения в рамках XIV в. Надо также отметить, что О. С. Хованская и Ю. А. Краснов опирались в своих выводах скорее на интуицию, чем на конкретные знания и опыт в изучении фортификации иных памятников. В качестве источника они располагали материалами прорезки вала, проведенной в 1946 г. в северо-западной части городища (раскопки А. П. Смирнова, начальник раскопа О. С. Хованская) и частичных расчисток вершины вала, проводившихся О. С. Хованской в 1953 г. (в северо-восточном углу городища) и Ю. А. Красновым в 1967 г. (в южной его части). Разрезы валов тогда получены не были, во всяком случае, среди отчетных материалов, хранящихся в Институте археологии РАН (Москва) и Болгарском историко-архитектурном музее-заповеднике, они отсутствуют. Таким об-

разом, от всех предыдущих работ по изучению позднесредневековой фортификации Болгара сохранились только 1 разрез вала 1946 года и 5 планов поверхности гребней насыпей на раскопах №9 (1946 г.), 1 и 1а (1953 г.), XX и XXV (1967 г.). Из них 2 плана сохранились только в публикации О. С. Хованской (1958: рис. 4, 5). На единственном имеющемся профиле разреза вала и рва представлена крайне схематичная картина, лишенная каких бы то ни было деталей, согласно которой вал состоял из 2 горизонтов — нижнего суглинистого и верхнего супесчаного. Планы же демонстрируют наличие на гребне насыпи во всех раскопах многочисленных столбовых ям и углистых или же «гумусовых пятен, содержавших мелкие кусочки перегнившего дерева» (Хованская 1958: 320). Столбовые ямы имели глубину от 5 до 70 см, однако ни в одном из отчетов не приведено ни одного разреза таких ям, поэтому доверять данным, приведенным в публикациях, невозможно — они не задокументированы и могли быть указаны приблизительно, «на глаз». Пятна столбовых (?) ям размещаются на гребнях валов в целом бессистемно, хотя в ряде случаев можно предполагать наличие регулярных интервалов в 4—6 м.

На основании таких планов О. С. Хованская и Ю. А. Краснов реконструировали фортификацию Болгара XIV века в виде «деревянных стен», однако внятного описания этих гипотетических стен не приведено. На графической реконструкции Д. И. Архангельского, помещенной в публикации О. С. Хованской (1958: рис. 3), показана стена типа намета, т. е. из горизонтальных бревен, вставленных в пазы вертикальных столбов. Однако в тексте статьи говорится о стене из «тарас», т. е. срубных секций, заполненных землей. При этом тут же делается допущение того, что стена имела более легкую конструкцию — в виде частокола, укрепленного изнутри врубленными в вертикальные столбы горизонтальными подпорными стенками (Хованская 1958: рис. 6). Совершенно очевидно, что все предложенные реконструкции никак

не соотносятся с зафиксированными раскопками реалиями. Вероятно, автор реконструкции произвольно подбирал варианты из набора фортификационных средств XVII—XVIII вв., не озаботившись тем, как их увязать с выявленными следами столбовых конструкций.

Не лучше обстоит дело с реконструкцией «башни»: на основании выявленного скопления из 29 столбовых ям на площади около 30 кв. м сделан вывод о размещении тут башни «столбовой конструкции» (Хованская 1958: 323, рис. 5). Однако аналогии для такой башни приведены не были, а бессистемность и различная глубина столбовых ям не позволяют принять подобную реконструкцию. Наличие деревянных башен в составе линейных городских фортификаций лесной зоны Восточной Европы (за исключением единичных каменных проездных башен) до массового распространения каменного крепостного строительства вообще не доказано. Кроме того, О.С. Хованской и Ю.А. Красновым не сделано даже слабой попытки обосновать смысл возведения полых башен столбовой (да и всякой иной) конструкции. Напомним, что в данном случае речь может идти только о полых башнях, поскольку никаких следов заполнения башен грунтом нигде на городище не прослежено.

Ю.А. Краснов реконструировал фортификацию Болгара в том же ключе, что и О.С. Хованская — в виде деревянных стен «столбовой конструкции», но — в виде 2 параллельных стенок, столбы в которых размещались с неравными интервалами (от 2 до 4 м). Кроме того, ему принадлежит странная гипотеза о многоугольных башнях «столбовой конструкции», которые выступали за линию обороны, но не во внешнюю, а во внутреннюю сторону, что противоречит правилам какой бы то ни было фортификации. Кроме того, ему же принадлежит идея об «укреплении насыпи вала» сваями, для обоснования которой приведены действительно имеющие место факты использования свай под фундаментами каменных построек. Отсутствие всякой связи между этими приемами не смутило исследователя. Излишне напоминать о том, что для всех перечисленных реконструкций не были приведены хоть какие-то аналогии из древней фортификации или даже фортификации Нового времени (эпохи огнестрельного оружия). Их попросту не существовало в природе.

Все эти домыслы, не имеющие никакой опоры в источниках, не позволяют доверять всем выводам исследователей фортификации Болгара. Более того, они подрывали веру и в вывод указанных авторов об отсутствии

в валах XIV в. следов деревянных конструкций (городней), которые в древнерусской фортификации маркируют следы древо-земляных стен, руинами которых и являются «валы» русских крепостей XI—XV вв.

В 2014—2015 гг. Институтом археологии РАН (в составе Болгарской экспедиции Института археологии АН РТ) были сделаны 2 прорезки в южной части вала Болгарского городища, где он сохранился в наилучшей степени и имел высоту до 3—4 м. В 2015 г. раскоп был заложен на южном углу вала, где он делал поворот под углом 130°, т.е. именно там, где по правилам позднесредневековой (каменной и деревянной) фортификации должна была располагаться угловая башня.

Методика работ предусматривала вскрытие вала пластами толщиной 10 см в траншеях шириной 6—8 м, причем, кроме поперечных профилей, снимался также профиль по линии гребня вала. Полученная документация (несколько десятков планов и 5 полных поперечных разрезов вала, в т.ч. 2 — вместе со рвом) позволяют констатировать следующее:

1) Никакой башни на поворотной точке вала никогда не существовало.

2) Сам вал полностью лишен каких-либо внутренних конструкций из материалов, отличающихся от грунта (дерево, камень, глина и т.п.). Таким образом, вал Болгара XIV в. не являлся остатками древо-земляной стены, а представлял собой полностью законченную насыпь.

3) Сохранность насыпи можно оценить как «очень хорошую», в ров сползло минимальное количество грунта — толщина прослойки на дне рва не превышала 40—50 см, на его склонах — около 30 см.

4) На поверхности насыпи отсутствовали следы каких-либо деревянных фортификационных сооружений, в т.ч. столбовой конструкции. Выявленные же столбовые ямы имели небольшую глубину (как правило, 10—30 см) и располагались бессистемно, в т.ч. на склонах вала. На гребне вала размещались лишь несколько неглубоких ямок, интервал между которыми составлял 6—10 м. Такие ямы могли принадлежать лишь очень легкой ораде типа «забора».

Таким образом, установлено, что в XIV в. город Болгар был окружен насыпным валом высотой до 4 м и протяженностью не менее 6 км, грунт для которого полностью выбирался из рва, выкопанного перед ним. В южной части вала на его гребне не сохранилось никаких следов вертикальных преград, которые можно было бы расценивать как оборонительные

сооружения из иного материала, нежели земля. Что касается более северных участков вала, то на них вполне могли размещаться какие-то деревянные конструкции, опиравшиеся на вкопанные в вершину вала столбы, однако детали этих конструкций неясны. В любом случае такие конструкции могли выполнять лишь функции легкого забора, за которым защитники могли укрыться от стрел противника, но которые не были рассчитаны на стенобитные орудия. Ограды такого рода исключают возможность возведения каких бы то ни было «башен».

Фортификация Болгара XIV в. демонстрирует яркое и резкое отличие от древнерусской

фортификации. Использование вала вокруг города (даже в случае наличия легких деревянных оград по его вершине) предполагало лишь организацию обороны от внезапных набегов небольших конных отрядов, для которых вал со рвом представляли труднопреодолимое препятствие. Для противодействия регулярным войскам, обученным штурму и даже простой осаде крепостей, подобная фортификация не пригодна. Ответ на вопрос о происхождении подобной оборонительной системы следует искать в традициях домонгольской фортификации городов Волжской Булгарии и, прежде всего — Биляра.

- Губайдуллин А.М. 2015. Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X—XVI веков Среднего Поволжья. *Поволжская археология* (3). Казань, 125—143.
- Губайдуллин А.М. 2002. *Фортификация городищ Волжской Булгарии*. Казань: ИИ АН РТ.
- Губайдуллин А.М. 1998. Фортификационные сооружения Болгарского городища. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Военная археология. Оружие и военное дело в исто-*

- рической и социальной перспективе*. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 197—198.
- Краснов Ю.А. 1987. Оборонительные сооружения города Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 99—123.
- Хованская О.С. 1958. Оборонительная система города Болгара. *МИА* 61, 316—329.

Vladimir Yu. Koval. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: kovaloka@mail.ru

Pavel Ye. Rusakov. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: rusakovsha@mail.ru

On Fortification of the Bolgar Hillfort in the 14th Century. The authors consider views of the researchers who have studied the fortification of the Bolgar city (the capital of Volga Bulgaria in the 9th to 15th cc.) in the second half of the 20th century. Their conclusions about the “pillar structure” towers above the 14th-century rampart and the wooden walls of similar design are refuted by the data of the excavations conducted by them. The new excavation data revealed that the rampart around Bolgar represented an embankment with the crest lacking any traces of additional defensive structures. It is supposed that their absence is due to the loss of fortification traditions during the rule of the Golden Horde (13th and 14th centuries).

Keywords: Golden Horde, Bolgar city, fortification, earthen embankments, rampart excavation technique.

References

- Gubaidullin, A.M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3). Kazan, 125—143 (in Russian).
- Gubaidullin, A.M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of Forts in the Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Gubaidullin, A.M. 1998. In Masson, V.M. (ed.). *Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Warfare from Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 197—198 (in Russian).
- Krasnov, Yu.A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 99—123 (in Russian).
- Khovanskaia, O.S. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61. Moscow: “Nauka” Publ., 316—329 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2016 г.

Д. Г. Мухаметшин

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

К вопросу о социально-исторической топографии Великого Болгара в XIII—XIV вв.

Ключевые слова: Волжская Болгария, Золотая Орда, город Болгар, письменные источники, археологические исследования, монеты, монетный двор, история, археология.

О местонахождении города Болгара существуют различные точки зрения. Большинство исследователей считает, что городу Болгару соответствует современное Болгарское городище, расположенное в Спасском районе Республики Татарстан. А. Х. Халиков и Ф. Ш. Хузин связывают город Болгар X—XII вв. с Билярским городищем (Алексеевский район Республики Татарстан). В качестве доказательства приводят, в частности, монеты волжских болгар (Хузин 2001: 145). Делались попытки привязать некоторые типы и штампельные варианты золотоордынских монет с указанием места чеканки «Болгар» к монетному двору Биляра (Бурковский, Киреев 2009: 12).

В письменных источниках наиболее раннее упоминание о городе Болгаре имеется у Ал-Балхи (920—921 гг.). «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 тысяч человек» (Хвольсон 1869: 82). Город Болгар в дальнейшем не раз упоминается как в восточных источниках, так и в русских летописях. Ибн Хаукал отмечает, что «Болгар известен же он был потому, что был гаванью этих государств» (Гаркави 1870: 218—219).

Имя города Болгара упоминается и на эпиграфических памятниках золотоордынского времени. На 19 памятниках мемориальной эпиграфики выявлена нисба «Болгари», из них 14 происходят с Болгарского городища. На отдельных памятниках — Болгар №1, 51, 104 (по Каталогу эпитафий Болгара) данная нисба относится к четвертому поколению погребенных. Если учитывать средний возраст одного поколения в 25—30 лет, то выходит, что владелец нисбы жил в Болгаре в 1170—1190 годы.

Поскольку другие этнопонимы передаются в сочетании с именем существительным или именем прилагательным, например, «Биляр иле», «Сувар иле», «мухшу ал-мумнин», то нужно считать, что в «Болгаре» мемориальных памятников подразумевается именно город Болгар (Мухаметшин 1997: 60).

По нумизматическим источникам известно, что в 30-е гг. X в. на болгарских монетах появляется имя города «Болгар» (Янина 1962: 191).

Таким образом, по источникам, начиная с 20 гг. X в. город Болгар представляется как административный и торговый центр, чеканивший свою собственную монету и имеющий пристань. По мнению ряда исследователей, Болгар был крупным торговым пунктом на Волге. Болгар состоял из Верхнего города, Заречья и Ага-Базара (торговая пристань). Белокаменное строительство в Болгаре началось после превращения города в ставку Бату хана, и интенсивное строительство шло в конце XIII — в первой половине XIV вв. Об этом говорят материалы эпиграфики. Самые ранние эпиграфические памятники Болгара относятся к 1270 г., позднейший к 1348/49 г. Расцвет резьбы по камню в Болгаре приходится на 1290—1320 гг. (Мухаметшин 2008: 110, гистограмма 2). Поскольку болгарские эпитафии и архитектурные памятники сделаны одними теми мастерами, нужно полагать, что архитектурные памятники Болгара построены в это же время.

После безмонетного периода в XI—XII вв. в городе Болгаре началась чеканка серебряных и медных монет от имени халифа Насир ад-Дин Аллаха. Эти монеты выпущены с указанием места чекана «Болгар» и без указания места чекана. Вплоть до 40-х гг. XIV века в Болгаре прослеживается регулярный чекан серебряных и медных монет. В дальнейшем, до начала XV века, имя Болгара на монетах не упоминается. Однако во второй половине XIV столетия в Болгаре производилась массовая надчеканка

на монетах. В начале XV в. в Болгаре монеты чеканил Шадибек-хан.

До последнего времени не было оснований по установлению местонахождения монетных дворов Болгара. Раскопки 2012—2015 гг. на центральной части Болгарского городища выявили монументальную постройку городского базара. На месте базара и прилегающей территории было обнаружено около 3000 монет, в том числе пять кладов монет и слитков серебра. Подавляющее большинство монет датируется второй половиной XIII — первой половиной XIV вв. и относится к чекану Болгара. В 2014 г. там же был обнаружен железный штампель для чеканки болгарских серебряных монет второй половины XIII в. (Коваль, Бадеев 2014: 12). К тому же на раскопе было выявлено сооружение, связанное с бронзолитейным производством, датируемое последней четвертью XIII в. (Бадеев, Коваль 2015: 8).

Кроме монет болгарского чекана, на раскопе были обнаружены монеты Крыма, Хорезма, Мохши, Азака, Орды, Барджина, Уека. Надо отметить, что монеты, чеканенные в XIII в. в Крыму, в Болгаре встречаются впервые.

Нами была высказана мысль о чеканке в Болгаре монет Али-Дервиша и надчеканок (Мухаметшин 2006: 363). В этом плане интересные материалы дал раскоп СХСІХ 2014 г. (авторы раскопок С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов). Здесь были обнаружены монеты от Насир ад-Дин Аллаха до Мюрида, с большей долей монет болгарского чекана (24%).

Обращает на себя внимание наличие большого количества монет времени Токтамышша чекана Сарая, Сарай-ал-Джадида, Орды и без указания монетного двора (11,34%), а также монет Али-Дервиша (7,38%) и надчеканенных пулов (22,50%). В то же время в других трех раскопах 2014 г., где обнаружены всего 972 монеты, их единицы. Монеты времени Токтамышша на этой площадке оказались не случайно, а с целью их надчеканивания штампелем с «лировидной тамгой».

Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю. 2016. Раскопки CLXXIX (участки О–У) и СХСІІ (участки Д, Е). В: Ситдигов А. Г., Валиев Р. Р., Старков А. С. (авт.-сост.). *Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск*. Казань: Казанская недвижимость, 7—12.

Бурковский С. А., Киреев Ю. Д. 2009. Поштампельный анализ пулов болгарского чекана типа «тамга в треугольнике» — кутлуг булсун». В: Бурковский С. А. *Частные вопросы медного джучидского чекана*. Нумизматика Золотой Орды 1. Донецк: АИР.

Гаркави А. Я. 1870. *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с конца VII века до конца X века)*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Таблица 1.

№ п/п	Надчеканки	Количество	%
1	Лировидная тамга	103	78,62
2	Зафар	12	9,15
3	Адель + зафар	4	3,05
4	Хан	2	1,52
5	Адель	2	1,52
6	Полумесяц	2	1,52
7	Гусиная лапа	1	0,76
8	Треугольники	1	0,76
9	Азиз + зафар	1	0,76
10	Дважды «Азиз хан»	1	0,76
11	Неясная надчеканка	1	0,76
Итого		131	100

В таблице 1 приведены распределение надчеканок по типам, где надчеканка «лировидная тамга» составляет более 78%. Судя по исходному материалу, надчеканивались «лировидной тамгой» пулы времени Токтамышша. Из известных на сегодня 21 вида надчеканок из Болгара в раскопе СХСІХ представлено 10. В других трех раскопах 2014 г. выявлена только 1 монета с надчеканкой «лировидная тамга».

В раскопе СХСІХ было обнаружено большое количество монет Али-Дервиша (43 шт.).

На основании вышесказанного можно говорить, что на площадке современного раскопа СХСІХ находился монетный двор Болгара второй половины XIV — начала XV вв., производящий маркировку меди и чеканку монет от имени Али-Дервиша. Возможно, чеканка монет производилась в ювелирной мастерской выявленной на раскопе (Ситдигов и др. 2015: 18). Необходимо отметить, что на раскопе обнаружено культурное напластование времени Казанского ханства. Археологические и нумизматические материалы, выявленные на раскопе СХСІХ, опровергают мнение о том, что в последней четверти XIV — начале XV вв. город Болгар теряет свое значение.

Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю. 2015. Раскопки CLXXIX (участки Л, М, Н) и СХСІІ (участки Б, В, Г). В: Ситдигов А. Г., Валиев Р. Р., Старков А. С. (авт.-сост.). *Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск*. Казань: Казанская недвижимость.

Мухаметшин Д. Г. 1997. Топонимы Биляр и Сувар на материалах нумизматики и эпиграфики. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников*. Тезисы научной конференции. Билярск, сентябрь 1997 г. Казань: Фест, 59—61.

Мухаметшин Д. Г. 2006. Нумизматические материалы второй половины XIV — начала XVI вв. К вопросу о казанской чеканке. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Историко-*

- археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. Казань: Школа, 359—375.
- Мухаметшин Д. Г. 2008. *Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты*. Археология евразийских степей 6. Казань: ИИ АН РТ.
- Мухаметшин Д. Г. 2015. О локализации Болгарского монетного двора рубежа XIII—XV в. *Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция*. Москва, Коломна 20—25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений. Москва: Триумф принт, 83—85.
- Ситдииков и др. 2015: Ситдииков А. Г., Бочаров С. Г., Масыута Д. А., Иожица Д. В., Куликов А. В., Лесная Е. С., Яворская Л. В. 2015. Раскоп СХСІХ. В: Ситдииков А. Г., Валиев Р. Р., Старков А. С. (авт.-сост.). *Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск*. Казань: Казанская недвижимость, 16—18.
- Хвольсон Д. А. 1869. *Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Хлебникова Т. А. 2013. *Историческая топография Болгара. Великий Болгар*. Москва; Казань: Феория.
- Хузин Ф. Ш. 2001. *Булгарский город в X — начале XIII вв.* Казань: Мастер-Лайн.
- Янина С. А. 1962. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. *Труды Куйбышевской археологической экспедиции IV*. Москва: АН СССР, 179—204.

Djamil G. Muhametshin. Candidate of Historical Sciences. Bolgar State Historical and Architectural Reserve. Address: Nazarov St. 67, Bolgar, Republic of Tatarstan, 422840, Russian Federation. E-mail: jamil78@list.ru

On the Problem of Great Bolgar Socio-Historical Topography in the 13th—15th Centuries. The city of Bolgar (Bolgar) has been known since the 10th century. In the 10th — first third of 13th cc. it was the largest city of the Volga Bulgaria, and in the 13th — first third of 15th cc. it became the center of the Golden Horde Bolgar Ulus. On the basis of written sources, materials of numismatics and epigraphics, it is established that the name of the city of Bolgar corresponds to the Bolgar hillfort. Despite transfer of the capital of the Bolgar Ulus to Kazan in the last quarter of the 14th — early 15th cc., Bolgar was a big city and minted its own coins.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde, Bolgar city, written sources, archaeological excavation, coins, mint.

References

- Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publishing House, 7—12 (in Russian).
- Burkovskii, S. A., Kireev, Yu. D. 2009. In Burkovskii, S. A. *Chastnye voprosy mednogo dzhuchidskogo chekana (Incidental Issues of the Jochid Copper Coinage)*. Series: Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 1. Donetsk: "AIR" Publ. (in Russian).
- Garkavi, A. Ya. 1870. *Skazaniia musul'manskikh pisatelei o Slavianakh i Russkikh (s poloviny VII v. do kontsa X v. po R. Kh.) (Stories by Muslim Writers on the Slavs and Russians (from the mid 7th to the late 10th century AD))*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Koval V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publishing House (in Russian).
- Mukhametshin, D. G. 1997. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 59—61 (in Russian).
- Mukhametshin, D. G. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala: materialy III Khalikovskikh chtenii (Historical and Archaeological Studies in the Volga Region and Urals: Proceedings of III Khalikov Readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 359—375 (in Russian).
- Mukhametshin, D. G. 2008. *Tatarskie epigraficheskie pamiatniki. Regionalnye osobennosti i etnokul'turnye varianty (Tatar Epigraphic Monuments: Regional Peculiarities and Ethnic-Cultural Variants)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 6. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Mukhametshin, D. G. 2015. In *Vosemnadtsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii (18th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: "Triumf print" Publ., 85—85.
- Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta D. A., Iozhitsa D. V., Kulikov A. V., Lesnaya E. S., Yavorskaya L. V. 2015. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publishing House, 16—18 (in Russian).
- Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatel'ia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta, Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Khlebnikova, T. A. 2013. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ.
- Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X — nachale XIII vv. (Bolgar City in 10th — Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Lain" Publ. (in Russian).
- Yanina, S. A. 1962. In *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) IV*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 179—204 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

Топография поселений округа золотоордынского Болгара

Ключевые слова: Среднее Поволжье, город Болгар и его округа, переправа, монгольское нашествие, монеты, история, археология.

Исследуя средневековые города, ученые обычно не рассматривают город вне окружающих его поселений. К укрепленной части города всегда примыкал посад, иногда окружая его тесным кольцом. Роль посада для города может быть различной, но она всегда связана с обеспечением города предметами первой необходимости, продуктами питания. Город со своим посадом находился в окружении многочисленных поселений, имел с ними разносторонние связи экономического, культурного, социально-политического характера. Создавая с ними единый товарно-денежный рынок, город являлся для округа не только административным центром, но в самых крупных из них, таких как Болгар, Биляр, Джукетау, генерировались все этнокультурные процессы.

Каждый обращающийся к этому вопросу исследователь вложил в термин «округа» свой смысл. А. П. Смирнов увязывал его с находками вещей, изготовленных в одних и тех же мастерских. Большая часть такого рода предметов встречается в радиусе 50 км вокруг Болгара и Биляра (Смирнов 1940: 122). По Е. П. Казакову, «археологической проекцией некоторых "княжеств" могут быть «кусты археологических памятников» (Казаков 1991: 12).

Н. Г. Набиуллин выделил два подхода к определению понятия округа: 1) округа включает непосредственно примыкающие к городу территории и в этом смысле она близка к понятию «окрестность города»; 2) округа охватывает более значительные территории и близка к понятию «княжество». В обоих случаях подразумевается, что город и его округа составляют связанный комплекс (Набиуллин 2000: 20).

Округа Болгара — компактное скопление средневековых населенных пунктов, объединенных в сложную многокомпонентную систему с интенсивными производственными, торговыми, транспортными и культурными связями. Поскольку река Волга в средние века являлась связующим территории фактором, часть правобережья Волги мы также включаем в систему

округа Болгара. В районе города Болгар известны переправы через Волгу и через р. Кама, связующие предкамские и предволжские территории Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды с центральной территорией Болгара (Мухаметшин 2015: 41).

Округа Болгара в домонгольский период включала в себя 13 городищ и 83 селища, золотоордынским периодом датируются только 4 городища и 39 селищ. Уменьшение количества памятников, несомненно, связано с монгольским нашествием 1236 г.

В 40-е годы XIII в. Болгар становится столицей складывающегося государства Золотой Орды, и сохранившиеся поселения его округа начинают стабильно развиваться. Из городищ, кроме Болгара, Тетюшское I и II и Сюкеевское имеют золотоордынские культурные напластования. Многие крупные домонгольские города, в том числе Биляр, Нохрат, Кокрять и др. были заброшены, а золотоордынские поселения возникли рядом. Только для Болгара, главного города Болгарского улуса, наступил период второго расцвета. Он становится центром международной торговли. Об этом говорят большое количество монет, предметы украшений, клады монет и вещей, предметы импорта, выявленные в раскопах на центральной части Болгарского городища (Бадеев, Коваль 2016: 9—11; Ситдииков, Бочаров и др. 2015: 14). В 40-х гг. XIV в. вокруг города были возведены новые оборонительные сооружения (Губайдуллин 2016: 22).

Расцвет Болгара не мог не отражаться и на поселениях, находящихся в непосредственной близости от города: такие поселения XIII—XIV вв., как Ага-Базарское, Степноозерское, Комаровское, Подгорное и др. со временем превратились в пригород Болгара. На многих селищах округа Танкеевское, Вшивоозерское, Лебяжье, Грибовское и др. обнаружены золотоордынские монеты, что показывает включение их в товарно-денежные отношения Болгара. Затухание жизни на этих селищах, возможно, связано с переносом административной

столицы на север, а не разорением Булгарии в 1395—1396 гг. войсками Тимура. В.Л. Егоров пишет «Из городов остались нетронутыми населенные пункты бывшей Волжской Булгарии, Сарайчук на Яике и первая столица — Сарай» (Егоров 1985: 223).

Показательным памятником Болгарской округи в этом плане является Старорытвинское III селище. Старорытвинское (Трощаное) селище расположено на левом берегу реки Старая Рытвина (Ясачка) в 5 км к востоку от Болгар. Селище было обнаружено Р.Г. Фахрутдиновым (Фахрутдинов 1975: 124), а в 2001—2003 гг. исследовалось экспедицией Болгарского заповедника.

Подъемный материал селища представлен керамикой с примесью песка, толченой раковины и шмота. Керамика имеет аналогии с 3 группой керамики по классификации Т.А. Хлебниковой и датируется X—XI вв. (Хлебникова 1988: 18). На селище обнаружены грушевидные подвески, лировидная пряжка, ромбовидные наконечники стрел, фрагмент перстня, свинцовые гирьки и монеты. Обнаружен фрагмент кашинной керамики (Мухаметшин 2008: 23).

В шурфе, заложенном на северо-восточном краю озера в 1,5 м от края террасы у проселочной дороги выявлен культурный слой толщиной до 85 см. Керамический материал шурфа характерен для болгарской и золотоордынской культуры XII—XIV вв. — красная с лощени-

ем керамика, кости животных (там же). Более 75% монет относятся 1330—1360 гг. Судя по обнаруженному фрагменту саманидского дирхема, селище основано в X в. и продолжает свое существование в золотоордынский период. Монетное обращение селища в золотоордынский период по составу аналогично монетному обращению Болгара. Селище в течение XIII—XIV вв. составляло с Болгаром единый социально-экономический комплекс. Затухание жизни на селище относится к 80—90 гг. XIV в. и обусловлено падением экономического и политического значения города Болгара. Монеты конца XIV — начала XV вв. (Али-Дервиша, надчеканка «лировидная тамга», Шадибека) на Старорытвинское III селище отсутствуют, хотя ими хорошо представлен город Болгар.

Исследование памятников XIII—XIV вв. округи Болгара показывает быстрое восстановление поселений разрушенных в 1236 г. Это видно по широкому распространению на территории поселений монет Насир ад-Дин Аллаха, Мунке, Ариг-Буги, чеканенных в Болгаре в 40—50 гг. XIII в.

Расцвет селищ округи, как и города Болгар, падает на вторую половину XIII — первой половины XIV вв.

Отсутствие материала, в том числе монет конца XIV — начала XV вв., во всех селищах округи демонстрирует затухание жизни вокруг Болгара в 80—90 гг. XIV в.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. 2016. Раскопы CLXXIX (участок О-У) и СХСII (участки Д, Е). В: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. (авт.-сост.). *Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск*. Казань: Казанская недвижимость, 7—12.

Губайдуллин А.М. 2016. Археологические исследования оборонительных сооружений Болгарского городища золотоордынского периода. В: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. (авт.-сост.). *Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск*. Казань: Казанская недвижимость, 21—22.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Казаков Е.П. 1991. *Болгарское село X—XIII веков низовий Камы*. Казань: Татарское книжное издательство.

Мухаметшин И.Д. 2008. Нумизматические находки из Старорытвинского (Трощаного) селища в фондах Болгарского музея-заповедника. В: *Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков*. Труды международной нумизматической конференции. IV МНК — Болгар, 2005; V МНК — Волгоград, 2006. Москва: Нумизматическая литература, 23—25.

Мухаметшин И.Д. 2015. Переправа как элемент форми-

рования экономических и территориальных связей. В: *Болгарский музей-заповедник — хранитель культурного наследия*. Материалы научно-практического семинара, посвященного пятилетию создания Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Болгар, декабрь 2015.

Набиуллин Н.Г. 2000. *Город Джукетау X—XIV вв. по археологическим данным*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.

Ситдииков, Бочаров и др. 2015: Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Валиев Р.Р., Масюта Д.А., Иोजица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. 2015. Раскоп СХСVI. В: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. (авт.-сост.). *Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск*. Казань: ИА РТ, 13—15.

Смирнов А.П. 1940. Очерки по истории волжских болгар. *Труды ГИМ*. Москва, 55—137.

Фахрутдинов Р.Г. 1975. *Археологическая памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория*. Казань: Татарское книжное издательство.

Хлебникова Т.А. 1988. Неполиванная керамика Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука.

Ilishat Dj. Muhametshin. Bolgar State Historical and Architectural Reserve. Address: Nazarov St., 67, Bolgar, Republic of Tatarstan, 422840, Russian Federation. E-mail: jamil78@list.ru

Topography of Settlements in the Vicinity of the Golden-Horde Bolgar. The city of Bolgar situated 50 km south from the Kama river mouth occupied an advantageous geographical position. Starting from 10th century, the territory, which had been closely connected with Bolgar throughout the entire period of its existence up to the early 15th c., began to develop around the city. This territory occupied both the left and the right bank of the Volga. After the Mongol invasion, the number of settlements in the area considerably reduced. The remaining ones, closely connected with Bolgar, gained further development and actively participated in the commodity-money relations of the Golden Horde Bulgar ulus.

Keywords: Middle Volga region, Bolgar city and its environs, river crossing, Mongol invasion, coins.

References

- Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2016. In Sitdikov, A.G., Valiev, R.R., Starkov, A.S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publishing House, 7—12 (in Russian).
- Gubaidullin, A.M. 2016. In Sitdikov, A.G., Valiev, R.R., Starkov, A.S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publishing House, 21—22 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordyy XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th — 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Mukhametshin, I.D. 2008. In *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th—15th Centuries)*. Moscow: "Numizmaticheskaia Literatura" Publ., 23—25 (in Russian).
- Mukhametshin, I.D. 2015. In *Bolgarskii muzei-zapovednik — khranitel' kul'turnogo nasledia (Bolgar Museum-Reserve as Keeper of Cultural Heritage)*. Proceedings of Scientific-Practical Workshop Dedicated to the Fifth Anniversary from Establishment of the Republican Fund for Rehabilitation of Tatarstan's Historical and Cultural Sites. Bolgar, December 2015 (in Russian).
- Nabiullin, N.G. 2000. *Gorod Dzhuketau X—XIV vv. po arkheologicheskim dannym (Juketau Town in 10th—14th Centuries by the Archaeological Data)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
- Sitdikov, A.G., Bocharov, S.G., Valiev, R.R., Masiuta, D.A., Iozhitsa, D.V., Kulikov, A.V., Lesnaia, E.S., Yavorskaya, L.V. 2015. In Sitdikov, A.G., Valiev, R.R., Starkov, A.S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: Institute of Archaeology of the Republic of Tatarstan, 13—15 (in Russian).
- Smirnov, A.P. 1940. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XI*. Moscow, 55—136 (in Russian).
- Fakhrutdinov, R.G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Т.Б. Никитина, Е.Е. Воробьева

*Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
Марийский государственный университет*

К исторической топографии средневековых могильников Марийско-Чувашского Поволжья

Ключевые слова: Марийско-Чувашское Поволжье, ландшафт, топография, группы захоронений, марийская культура, славянизированные финны, тип хозяйства, история, археология.

Термин «Марийско-Чувашское Поволжье» условный, используется археологами уже на протяжении более 50 лет и относится к территории расположенной по обеим сторонам реки Волги: на участке от восточной окраины г. Волжска до впадения в р. Волгу правого притока р. Суры и левого притока р. Ветлуги в пределах современных Ядринского, Моргаушского, Чебоксарского, Мари-Посадского, Козловского районов Чувашии и Горномарийского, Волжского, Звениговского, южной части Килемарского и Юринского районов Марий Эл (рис. 1).

Объектом исследования могильники выбраны по двум причинам: а) городища и особенно селища до настоящего времени остаются в основной массе малоизученными; б) погребальные комплексы содержат многочисленный инвентарь, позволяющий производить датировку с определенной точностью.

IX—XI вв. Левобережье р. Волги представлено Дубовским, Нижняя Стрелка, Выжумским могильниками, которые располагаются в поймах рек на дюнных песчаных возвышениях по берегам стариц или малых речек. Дюны, на которых расположены могильники, удалены от берега на некотором расстоянии. Около Дубовского могильника обнаружены разрушенные селища, которые также располагались на дюнных всхолмлениях в пойме.

Расположение погребальных и жилых памятников в поймах отражает тип хозяйства местного населения, связанный, в первую очередь, с охотой, рыболовством, скотоводством. Анализ антропологического материала костяков с использованием метода атомной абсорбции из могильника Нижняя Стрелка показал, что население употребляло в пищу продукты животного происхождения и значительное количество рыбы (Пузаткина, Никитина 2014: 237).

На правобережье р. Волги располагаются два могильника этого периода: Анаткасинский (Воробьева 2013) и Девлетгильдинский (устное сообщение Н.С. Мясникова). Оба памятника занимают мысы высоких коренных террас небольших речек. Культурная принадлежность Анаткасинского могильника аналогична памятникам левобережья; могильник возможно рассматривать в рамках марийской культуры. Оба памятника расположены на территориях, более благоприятных для занятия земледелием. Не исключено, что население правобережной стороны усвоило земледельческие навыки значительно раньше, чем на левобережье. Топография Анаткасинского могильника аналогична Русенихинскому марийскому могильнику на правом берегу р. Ветлуги, в инвентаре которого заметно влияние славянизированных финнов (Никитина, Ефремова, Бездудный 2013). Анаткасинский и Русенихинский могильники представлены только захоронениями с ингумацией. Кремаций, характерных для других памятников этого региона в период с IX по XI вв., в обоих могильниках не обнаружено.

Все могильники занимают один из южных склонов. Дубовский могильник располагается на двух возвышенностях, разделенных ложбиной. Основная часть погребений X—XI вв. занимала мысовую часть одной из дюн: инвентарь и погребальный обряд типичен для марийской культуры этого периода. Группа, расположенная северо-западнее, содержала более поздние погребения: 15—23, 32—35 (Никитина 2012: рис. 225—231; 238, 239). Инвентарь этих комплексов представлен овальными или шестиугольными кресалами, браслетами со звериноголовыми концами, бусинными височными кольцами, витыми браслетами. Аналогии большинству вещей встречены в древностях Руси и славянизированных финнов второй половины XI в. и рубежа XI—XII вв. Аналогичная

Рис. 1. Карта расположения средневековых могильников Марийско-Чувашского Поволжья. 1 — Нижняя Стрелка; 2 — Выжумский III; 3 — Дубовский; 4 — Нижние Шалаболки; 5 — Починковский; 6 — Руткинский; 7 — Выжумский II; 8 — Выжумский; 9 — Горношумецкий; 10 — Юльяльский; 11 — Мари-Луговской; 12 — Анаткасинский; 13 — Девлетгильдинский; 14 — Русенихинский.

Fig. 1. Location of medieval necropolises of the Mari-Chuvash Volga region. 1 — Nizhnyaya Strelka; 2 — Vyzhumsky III; 3 — Dubovsky; 4 — Nizhnie Shalabolki; 5 — Pochinkovsky; 6 — Rutkinsky; 7 — Vyzhumsky II; 8 — Vyzhumsky; 9 — Gomoshumetsky; 10 — Yulyalsky; 11 — Mari-Lugovskoy; 12 — Anatkasinsky; 13 — Devletgildinsky; 14 — Rusenikhinsky.

картина наблюдается на Русенихинском могильнике. Территория могильника разделена ложбиной, которая в настоящее время заметна очень слабо. Раскопки показали, что ложбина была более выраженной. Южная группа погребений, удаленная от реки, представлена комплексами X—XI вв. с классическим инвентарем марийской культуры. Северная группа погребений занимает край мыса, выходящего к реке, инвентарь датируется второй половиной XI в. и имеет много вещей, находящих аналогии в древнерусских древностях: витые браслеты, браслеты со звериноголовыми концами и т.д.

Аналогично устроен и Выжумский археологический комплекс, который представляет единое сакральное пространство, объединяющее несколько могильников (рис. 2): Выжумский — X—XI вв.; Выжумский III — от рубежа XI—XII вв. по XIII вв. включительно; Выжумский II — XII—XIII вв., Выжумский I — XVI—XVII вв. Каждый из перечисленных могильников располагается на самостоятельной дюне и отделен небольшими низинами. Погребальные памятники Выжумский X—XI вв.; Выжумский III — рубеж XI—XII вв. — XIII вв. занимали две соседние возвышенности через ложбину, что соответствует расположению разновременных групп захоронений на Русенихинском и Дубовском могильнике. Состав инвентаря в погребениях Выжумского могильника содержит маркирующие изделия и признаки погребальной

обрядности марийской культуры X—XI вв., а погребальный инвентарь из комплексов Выжумского III могильника имеет наибольшие аналогии в Костромских курганах и др. памятниках славянизированных финнов.

На Анаткасинском могильнике не наблюдается четкого выделения групп. Однако, погребения 6—8 с заимствованными (болгарскими) вещами располагаются обособленно на северной окраине некрополя.

Таким образом, в топографии рассмотренных погребальных памятников этого периода достаточно четко отразились этнокультурные процессы, происходящие в регионе.

Эта тенденция продолжает развиваться и в последующий период XII—XIII вв., представленный Выжумским II и III, Руткинским и Починковским могильниками. Памятники, за исключением Починковского могильника, занимают в соответствии с традициями предшествующего периода возвышающиеся дюны в поймах рек и достаточно надежно спрятаны относительно основного русла реки. Починковский могильник расположен на мысу, образованном коренной террасой левого берега р. Волги и оврагом. Особенности Починковского могильника уже отмечались одним из авторов данной статьи. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в составе погребальных комплексов Починковского могильника нет украшений, отражающих преемственность с предшествующим периодом

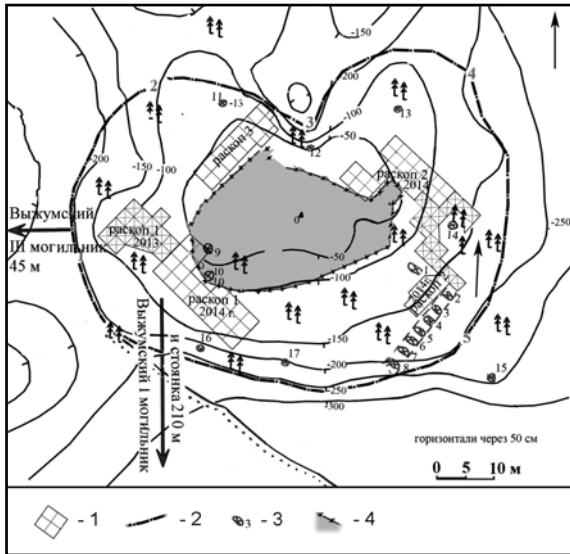

Рис. 2. План Выжумского археологического комплекса (инструментальная съемка А.Н. Акилбаева, 2014 г.). Условные обозначения: 1— раскопы; 2 — граница могильника; 3 — крупные кладоискательские ямы; 4 — зона активного разрушения могильника кладоискателями.

Fig. 2. Plan of Vyzhumsky archaeological complex (instrumental survey by A.N. Akilbaev, 2014). Legend: 1— digs; 2 — border of the cemetery; 3 — large treasure-hunter pits; 4 — the active zone of destruction of the cemetery by treasure hunters.

и являющихся определяющими признаками марийской культуры, таких, как головные цепочки, браслетообразные височные кольца, наконечники, умбовидные и каплевидные шумящие подвески; в составе шумящих украшений не используются колоколовидные привески. В то же время в инвентаре присутствуют разнообразные категории украшений мерянского круга (двуглавые наборные коньки, рамчатые

треугольные подвески и подвески из колец, спянных в форме пирамидки, плоские застежки-скольгамы со спянными концами), а также изделия, характерные для славянизированных костромских финно-угров (монетовидные подвески, лунницы, обмотанные гривны с плоскими загнутыми концами) (Никитина 2002: 210).

XIV—XV вв. В XIV в. по обоим берегам р. Волги появляются могильники (Нижние Шелаболки, Юльяльский, Горношумецкой и Мари-Луговской), значительно отличающиеся по погребальному обряду: почти без инвентаря, головой на СЗ, З. Топографически они привязаны совершенно к другим природно-ландшафтным условиям. Нижние Шелаболки, Юльяльский и Мари-Луговской могильники располагаются на коренных высоких террасах рек. Мари-Луговской могильник В.П. Алексеев связывал с одной из тюркоязычных групп, переселившихся из южных областей Золотой Орды (Алексеев 1967). Культурная принадлежность могильников у д. Юльялы и Нижние Шелаболки требует уточнения.

Исключение составляет Горно-Шумецкой могильник, который по своим топографическим особенностям сохраняет прежнюю традицию, занимая донное всхолмление в пойме р. Волги. Мужские черепа из Горношумецкого могильника близки мужским черепам из окрестностей г. Казани. В целом Горношумецкая серия антропологического материала имеет истоки среди местного финно-угорского населения Волго-Камья (Газимзянов 2004: 131).

Таким образом, топография погребальных памятников позволяет проследить динамику заполняемости некрополей в зависимости от хронологии или внешних культурных воздействий.

Алексеев В.П. 1967. Золотоордынский форпост на марийской земле. *Вопросы антропологии* 26, 158—166.
 Воробьева Е.Е. 2013. Отчет «Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Анаткасинский могильник» в Мариинско-Посадском районе Чувашской республики в 2012 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 34215.
 Газимзянов И.Р. 2004. Палеоантропологический материал из Горно-Шумецкого могильника. В: Никитина Т.Б., Соловьев Б.С. (науч. ред.). *Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 129—133.
 Михеев А.В. 2000. Горношумецкой могильник (предварительное сообщение). В: Большов С.В. (ред.). *Новые археологические открытия в Среднем Поволжье*. Йошкар-Ола: МарНИИ, 47—48.

Никитина Т.Б. 2002. *Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам)*. Йошкар-Ола: МарНИИ.
 Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., Бездудный В.Г. 2013. Особенности планиграфии Русенихинского могильника. В: Черных Е.Н. (ред.). *Историко-культурное наследие — ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения)*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 188—194.
 Пузаткина Е.А., Никитина Т.Б. 2014. Использование данных о минеральном составе костных материалов по волжским финнам эпохи средневековья в палеоэкологических исследованиях. В: Дубова Н.А. (отв. ред.). *Этнос и среда обитания*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 233—241.

Tat'yana B. Nikitina. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: tshikaeva@yandex.ru

Elena E. Vorobeva. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Address: Lenin Sq., 1, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation. E-mail: veer47@mail.ru

On the Historical Topography of Medieval Burial Complexes in the Volga Mari-Chuvash Region. Materials of burial complexes help distinguishing peculiarities of burial grounds location in specific landscape conditions. Within the cemeteries, groups of burials have been selected, which make it possible to trace the dynamics of necropolis occupancy depending on the chronology or external cultural influences.

Keywords: Mari-Chuvash of the Volga region, landscape, topography, a group of burials, Mari culture, Slavicized Finns, type of economy.

References

- Alekseev, V.P. 1967. In *Voprosy antropologii (Questions of Anthropology)* 26, 158—166 (in Russian).
- Vorob'eva, E.E. 2013. *Otchet «Arkheologicheskie polevye raboty na territorii vyavlennogo ob'ekta arkheologicheskogo naslediya «Anatkasinskii mogil'nik» v Mariinsko-Posadskom raione Chuvashskoi respubliky v 2012 g. (Report on the Archaeological Fieldworks on the Territory of the Detected Object of the Archaeological Heritage "Anatkasy Burial Ground" in the Mariinsko-Posadsky District, Chuvash Republic, in 2012)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F-1. R-1. No. 34215 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2004. In Nikitina, T.B., Solov'ev, B.S. (eds.). *Vzaimodeistvie kul'tur v Srednem Povolzh'e v drevnosti i srednevekove (Cultural Interactions in the Middle Volga Area in Antiquity and Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 129—133 (in Russian).
- Mikheev, A.V. 2000. In Bolshov, S.V. (ed.). *Novye arkheologicheskie otkrytiia v Srednem Povolzh'e (New Archaeological Discoveries in the Middle Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 47—48 (in Russian).
- Nikitina, T.B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute (in Russian).
- Nikitina, T.B., Efremova, D. Yu., Bezdudnyi, V.G. 2013. In Chernykh, E.N. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie — resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV-e Baderovskie chteniia) (Historical and Cultural Heritage as a Resource for Building of Social and Historical Memory of the Civil Society)*. Izhevsk: Udmurt State University, 188—194 (in Russian).
- Puzatkina, E.A., Nikitina, T.B. 2014. In Dubova, N.A. (ed.). *Etnos i sreda obitaniia (Ethnos and Environment)*. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 233—241 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 4 марта 2016 г.

Булгарский улус Золотой Орды: историческая география

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Волжская Булгария, золотоордынские памятники, историческая география, административное деление, городища, история, археология.

Изменения, произошедшие в Поволжье в первой-второй трети XIII в., сильнейшим образом изменили этнополитическую карту этого региона. Даже в тех областях, которые сохранили в какой-то мере поселенческую структуру, — это прежде всего касается Волжской Булгарии, — полностью трансформировалась ее организационно-административная и экономическая составляющие. Это сопровождалось перераспределением территориальных владений, последовавших за внедрением новых этнических и социальных групп в булгарское общество.

К вопросу об исторической географии Булгарского улуса Золотой Орды обращались Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов, В. Л. Егоров, Р. Г. Фахрутдинов и А. Х. Халиков. Суть концепции, которая была сформулирована на протяжении XX в., заключалась в следующем. Булгарское государство сохранялось после монгольского нашествия примерно в тех же границах, что и в домонгольский период, однако во второй половине XIII в. произошел отток населения из разоренных земель Закамья в Предкамье, в бассейн Казанки, за счет чего в дальнейшем здесь сформировалось ядро территории Казанского ханства. Большинство исследователей считало, что монгольское нашествие принципиально не изменило суть этнических, культурных и экономических процессов у булгар, продолжилось формирование и развитие единой булгарской народности (А. Х. Халиков), а сама территория проживания булгар существовала на правах автономии, управляясь на таких же условиях, как это было в Древней Руси, то есть булгарские правители получали ярлыки на владение своими землями. Кочевой элемент в данном контексте большинство исследователей считало минимальным или вообще отсутствующим. Разница была больше в деталях, чем в общих положениях и выводах. К середине 2000-х гг. наметились новые тенденции в оценке как булгарского периода истории

Среднего Поволжья, так и золотоордынского времени.

Границы Булгарского улуса Золотой Орды, как правило, рассматриваются в рамках пределов домонгольского государства: с севера территория Булгарии ограничивалась бассейном р. Казанка, с востока — Вятки и Шешмы; с запада — р. Свияга, с юга — р. Сок и бассейном Большого Черемшана. С юга за пределы границы выходили немногочисленные поселения (междуречье Большого Черемшана и Сока) (Руденко 2011: 155—163). Из городов, существовавших в домонгольский период, продолжали свое существование лишь несколько (Руденко 2015: 258—309). Это Булгар, Джукетау, Казань. Проблемным остается вопрос о городе Кашане. Сувар, по раскопкам А. П. Смирнова, был датирован как домонгольским, так и золотоордынским временем. В эпоху Золотой Орды население проживало как на городище, так и на прилегающих селищах, об интенсивности жизни на которых судить можно пока только по подъемному материалу. Город Джукетау связывается с Донауровским археологическим комплексом у г. Чистополя. Его существование в ордынский период подтверждено материалами раскопок Т. А. Хлебниковой и Н. Г. Набиуллина. Город Кирменчук, который соотносится с Кирменским городищем в Мамадышском районе Татарстана. А. З. Нигамаев, исследовавший этот археологический памятник, опубликовав материалы раскопок, продемонстрировал практически полное отсутствие золотоордынских находок, за исключением предметов широкого диапазона бытования. Археологический материал, к сожалению, немногочисленный, с Верхне-Никиткинского городища в Новошешминском районе РТ пока не позволяет утверждать, что это булгарский город Тубулгатау. Из археологически определенных городов, отнесенных к эпохе Золотой Орды, Барское-Енарусскинское городище с надгробиями ордынского времени (Егоров 2010: 97), стоящими непосредственно на валах,

вряд ли можно датировать этим временем, что подтверждается и археологическим подъемным материалом, собранным на прилегающих селищах.

Не известно название Сюкеевского городища. На месте современного г. Тетюши располагалось городище (I Тетюшское) золотоордынского времени, сейчас полностью застроенное. Исследования его стационарно не проводились. Пока не подтвердились сведения о городе Шунгате у с. Большие Атряси, хотя здесь были найдены очень крупные клады золотоордынских монет (Руденко, Бугарчев 2015: 156—175). Не упоминается в письменных источниках ордынской поры Арское городище. Раскопки показали, что находки этого периода здесь хотя и имеют место, но не многочисленны. Аналогичная ситуация и с Чаллыным городищем. Неопределимы по времени возникновения и существования городища без культурного слоя или не подвергавшиеся раскопкам. К таким можно отнести большие по размерам Красноключинское и Кашанское I городища и очень небольшое — Ежевичная Стрелка. К городам без фортификации можно отнести Муранский археологический комплекс на Самарской Луке, исследующийся в настоящее время Д. А. Сташенковым и А. Ф. Кочкиной.

Таким образом, в Предволжье из достоверно существовавших в XIII—XIV вв. городищ можно отметить Большетоябинское, Хулаш (бассейн Свияги), Тетюшское I (берег Волги) городища. В Предкамье — Казанский кремль, Камаевское, Арское, Чаллыное. В Западном Закамье — Булгарское городище; в Центральном Закамье — Билярское; в Восточном Закамье — Джукетауское. На Самарской Луке — Муранский археологический комплекс. Отметим, что деление по географическому признаку не отражает истинной административной структуры Булгарского улуса. Кама не была преградой и естественной административной границей. Так, скорее всего, восточная часть Предкамья имела прямое отношение к городищу Джукетау. К последнему относились и земли к востоку от города и до устья Шешмы, а также территория до р. Толкишки, левого притока Шешмы. Границы Джукетауской области с юга вероятно ограничивались водоразделом Малого Черемшана. С запада — р. Актай, которая была условной границей области Булгар. Область Булгар с севера ограничивалась волжской поймой, с запада — бассейном Свияги в Предволжье. Южная граница — бассейн р. Утка (область Суvara, вероятно,

сохранившая свои административные прерогативы) и нижнее течение Малого Черемшана, затем узкая полоса волжского левобережья до Самарской Луки. К западу от территории Джукетау в Предкамье была область Чаллов, севернее, по долине Казанки, земли каким-то образом делились между правителями Старой Казани и Казани.

Особая область (Татарская Земля) — первоначально территория сезонных перекочевков монголо-кипчакских группировок и кланов, традиционно с юга на север. Часть этих кланов к середине XIV в. осела здесь. Во второй половине XIV — начале XV в. тут находились две группировки населения с непостоянной оседлостью: Курналинская и Бальмерская (Руденко 2013: 189—211). Вторая была больше связана с городом Булгаром. Первая была достаточно автономным анклавом, не привязанным к какому-то конкретному городскому центру. Территория его в последней трети XIV в. занимала приустьевую часть р. Меша и Брысса на северо-западе, вплоть до устья р. Шумбут на северо-востоке. Южными пределами ее была прибрежная полоса камской поймы в районе современных сел Мокрые Курнали, Алексеевское, Лебедино. Крайним восточным пределом были высокие гривы в пойме Камы у с. Саконы, ближе к переправе через Каму. С юго-запада — приустьевая часть Камы, скорее всего, в районе с. Измери.

Исходя из вышесказанного, можно выделить условные территориально-административные единицы Булгарского улуса. Это административное деление улуса установилось не сразу. Можно предположить, что после нашествия в пользу завоевателей были отчуждены земли в пойме крупных рек и удобные для кочевания территории, например, Билярская котловина. Косвенно это подтверждает факт запустения или резкого сокращения числа селищ в этих областях. Меньше всего изменения коснулись Предкамья, бассейна Казанки и более северных территорий. Учитывая роль города Булгара на первых стадиях формирования улуса, с особым вниманием к нему монгольских правителей, особенно Берке, то, скорее всего, до 70-х — 80-х гг. XIII в. большая часть бывшего булгарского государства административно подчинялась ему. Соответственно был один административно-территориальный округ. Второй округ выделился в 80-х гг. XIII в. с центром в Биляре. Однако просуществовал он недолго и уже в последнем десятилетии соединился с Булгарским. Об этом свидетельствует билярский чекан анонимных серебряных

монет с тамгой дома Бату и названием места чеканки — Биляр.

В 90-х гг. XIII в. отдельный административный статус приобрел Казанский район, судя по новой практике установки каменных надгробных памятников на могилах знати; самые ранние из них, найденные в Казани и Иски Казани, относятся к этому времени. Таким образом, к началу XIV в. территория Булгарского улуса была подчинена золотоордынской администрации представители которой располагались в трех местах: в Булгаре, Казани и в кочевой ставке в районе Биляра-Джукетау, с общим центром в Булгаре. Такое деление можно сопоставить с булгарским округом распространения надгробий второй половины — конца XIII в. (Мухаметшин 2008: 24—25).

В первой половине XIV в., при хане Узбеке, происходит укрупнение административных единиц внутри Булгарского улуса. В Булгарскую область входят земли в правобережье Волги — Тетюши и его округа, возможно, административно Булгару подчинялись и западные территории, где в этот период активно проходит

процесс создания крупных сельскохозяйственно-скотоводческих хозяйств, экономически самодостаточных и ориентированных на внутренний рынок улуса. Их расположение можно определить по сопутствующим поселениям кладбищам с каменными надгробиями (например, Большеатряское). Приобретает административную самостоятельность Джукетау, к которому были отнесены и земли по правому берегу Камы — по рекам Омарка и Кирменка. Отдельными административными единицами были Елабуга с землями низовой Вятки, а также Арск с округой. Казанский округ включал, кроме двух крупных центров, земли до правого берега Камы с юга, район Чалынского городища с востока, где проходила административная граница с Джукетаусским и Арскими округами. С запада границы Казанского округа проходили примерно по левому берегу Волги, возможно, частично захватывая и правобережье. Сохраняла свою специфику и зона кочевания, а затем и расселения кочевников в пойме Камы и Волги; изначально она в административном отношении была единым пространством.

- Егоров В.Л. 2010. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* 3-е изд. Москва: Красанд.
- Руденко К.А. 2011. Булгарский Улус Золотой Орды: к постановке проблемы. В: Васильев Д.В. (отв. ред.). *Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды.* Сборник научных статей, посвященный памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский университет, 155—163.
- Руденко К.А. 2013. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии). *Поволжская археология* (2), 189—211.
- Руденко К.А. 2015. Памятники эпохи Золотой Орды

на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) В: Бочаров С.Г.; Ситдиков А.Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum plus, 255—364.

- Руденко К.А., Бугарчев А.И. 2015. Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ). *Поволжская археология* (3), 156—175.
- Мухаметшин Д.Г. 2008. *Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты.* Археология евразийских степей 6. Казань: ИИ АН РТ.

Konstantin A. Rudenko. Doctor of Historical Sciences. Kazan State Institute of Culture. Address: Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: murziha@mail.ru

The Bolgar Ulus of the Golden Horde: Historical Geography. The development dynamics of archaeological monuments (hillforts, unfortified settlements and necropolises) of the Golden Horde period in the Volga Bulgaria territory is analyzed. The history of historical geography studies of the Golden-Horde Bolgar Ulus is examined. The archaeological research of the area revealed not less than 330 settlements, both fortified and unfortified. These data made it possible to determine the territory of the Bolgar Ulus, the topography of individual sites, and the historical context of their emergence and development. Particular attention is given to the necropolises of the nomads who had inhabited the Bolgar Ulus. The necropolises and the permanent settlements founded by this population helped to define the territory of their residence. A hypothesis of administrative division of the Bolgar Ulus territory in the period from the Mongol conquest and prior to the early 15th century is considered. It is argued that there had been a few administrative areas centered on major cities — Bolgar, Juketau, and Kazan. Besides, there had been a special territory inhabited by the nomadic population.

Keywords: Middle Volga Region, Volga Bulgaria, Golden Horde sites, historical geography, administrative division, hillforts.

References

- Egorov, V.L. 2010. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Krasand" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2011. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Voprosy istorii i arkheologii srednekovykh kočevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of History and Archaeology of Medieval Nomads and Golden Horde)*. Astrakhan: Astrakhan University Publ. House, 155—163 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189—211 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaja Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum plus, 255—364 (in Russian).
- Rudenko, K.A., Bugarchev, A.I. 2015. *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 156—175 (in Russian).
- Mukhametshin, D.G. 2008. *Tatarskie epigraficheskie pamiatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty (Tatar Epigraphic Monuments: Regional Peculiarities and Ethnic-Cultural Variants)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 6. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

А. Г. Ситдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

Историческая география Среднего Поволжья: вторая половина XIV — первая половина XV в.

Ключевые слова: Средневожский регион, Золотая Орда, административное деление, городские центры, природно-климатические зоны, история, археология.

Неотъемлемой частью исторической географии Золотой Орды являются области-улусы, имеющие свою географию административных границ, отличные друг от друга природно-климатические условия. Изменения в политике и экономике Золотой Орды также значительно преобразовали их поселенческую и хозяйственную структуру.

Средневожский регион еще с домонгольской эпохи Волжской Болгарии исторически сформировался, как хорошо интегрированная социально-политическая и экономическая область. В период Золотой Орды сохранялась специфика Среднего Поволжья с устойчивой внутренней хозяйственной и административной структурой. В обширной историографии вопроса имеются оценки причин протекавших изменений и своеобразия размещения поселений, проанализирована материальная культура и ее трансформация на различных этапах.

К сожалению, крайне слабо изученным остается период развития этого региона во второй половине XIV — первой половине XV в. Это время характеризуется началом упадка Золотой Орды и развитием регионально-сепаратизма, приведшего в последующем к сложению на ее территории нескольких государств. Сложность исследования затруднена рядом объективных источниковедческих проблем, связанных с ограниченностью исследований археологических памятников этого времени на Средней Волге и скудностью письменных материалов.

Археологические материалы по этому региону второй половины XIV — первой половины XV в. представлены в публикациях фрагментарно. Данные раскопок памятников

этого времени в Среднем Поволжье пока малочисленны (Фахрутдинов 2004; Кокорина 2006; Очертин 1994; Грибов 2007; Валиулина 2009; Ситдинов 2009). Исследования последних лет в округе Касимова, Курмыш, Наровчат, Мурзиц, Билярска и др. (Очертин 1994; Грибов 2007; Валиулина 2009; Ситдинов 2009), а также материалы более ранних исследований дают возможность реконструировать поселенческую структуру и материальную культуру региона.

Среднее Поволжье географически расположено в трех природно-климатических зонах. На юге располагается степная зона со специфичной растительностью и климатом, определяющим хозяйственный уклад и своеобразие материальной культуры. Для этой территории характерны как крупные городские поселения, так и многочисленное кочевое население. Специфика географии лесостепной и лесной зон, оказывает также свое влияние на характеристику проживающих здесь оседлых земледельческих и промысловых сообществ. Природно-климатические отличия в Среднем Поволжье в каждой из трех зон оказали свое влияние и на организацию хозяйственного уклада. Специфика хозяйственной жизни имеет глубокие устойчивые исторические традиции, формировавшиеся несколько столетий. Своеобразие выразилось в сложении отдельных народов (этносов), чья стратегия жизнеобеспечения ориентирована на освоение традиционными способами природных ресурсов в разных экологических зонах на основе многовековой хозяйственной практики. Существование этих сообществ диктовало естественные экономические и культурные контакты.

■ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X—XVI вв.)».

Ландшафт Среднего Поволжья, характеризующийся относительно ровным рельефом и отсутствием непреодолимых естественных препятствий, также способствует тесным связям населения. Фактором, усаливающим интеграцию, являются полноводные русла многочисленных крупных и мелких рек, выполняющие роль естественных и доступных трасс в передвижении населения и товаров. Ряд из них имеет относительно друг друга противоположное широтное течение, что также способствует перемещению по ним с юга на север и обратно.

Хозяйственный уклад отдельных природных зон в Среднем Поволжье, связанных с природно-климатическим своеобразием, обусловлен почвенными особенностями, видовым разнообразием флоры и фауны. Лесостепная и часть степной зоны с эпохи средневековья традиционно были земледельческими. Наиболее интенсивный период развития земледелия связан с Волжской Болгарией домонгольской и золотоордынской эпохи. Степная зона являлась регионом животноводства и поставщиком в города Поволжья мясной продукции. В степной зоне функционировали крупные города с развитым ремеслом. Народы, проживающие в лесной зоне, занимались активной промысловой деятельностью. Это обеспечивало в результате товарообмена с региональными ремесленными центрами поступление на внешние рынки хорошо известной в средневековом мире пушнины и других видов промысловой продукции.

Русла р. Волги и р. Камы географически делят регион на три больших района: Предволжье — территории, расположенные на равнинном правобережье Волги с лесной и лесостепной зоной; Предкамье — земли левобережья Камы и Волги с равнинным ландшафтом лесостепной зоны и предгорьями западного Урала на востоке; Закамье — правобережье Камы и левобережье Волги севернее устья Камы с равнинной лесной зоной. Характерные природно-климатические и географические отличия также отразились на специфике хозяйственного уклада этих районов и структуре поселений.

Первая половина XIV в., предшествующая рассматриваемому периоду, характеризуется подъемом экономики Золотой Орды. Этот процесс отразился и на Среднем Поволжье, где происходит количественный рост поселений на ранее освоенных территориях и появление многочисленных новых в степной зоне. Об этом свидетельствуют материалы археологических исследований не только Среднего

Поволжья, но и соседних областей лесной и лесостепной полосы (Цыбин 2004: 317—319). Изменения отмечаются и в золотоордынских городах Нижнего Поволжья степной зоны. Увеличивается их население. В материальной культуре появляются изделия, характерные для жителей северных районов (Грибов 2008; Тропин 2006; Недашковский 2010). Отмечается и обратное движение. Ассортимент изделий золотоордынского городского ремесленного производства фиксируется в пограничных сельских поселениях лесной зоны. Происходит интенсивная мусульманизация и христианизация языческого населения региона. Отмечается приток в пограничные лесостепные районы волжских и прикамских финнов, что находит отражение в материалах золотоордынских городов (Болгар, Наровчат, Курмыш, Джукетау, Биляр-Торецкое и др.).

К середине XIV в. в Среднем Поволжье переживают подъем крупные города (Наровчат, Болгар, Биляр, Джукетау, Нижний Новгород, Казань и др.), во второй XIV в. появляются новые поселения, в том числе и укрепленные (Курмыш, Мурзицы, Сундырь и др.) (Фахрутдинов 1975; Очертин 1994; Грибов 2007; Валиулина 2009; Ситдииков 2009; Федулов 2009; Никитина 2009).

В южных лесостепных и даже степных районах, в том числе и соседних регионах, в середине XIV в. возрастает количество число сел, в том числе крупных, занимающих площади до 5—6 га (Тропин 2006). На них найдены специфичные для городов Поволжья и степной зоны Золотой Орды предметы ремесленной продукции: чугунные котлы, поливная и красноглиняная керамика (Ситдииков 2009; Цыбин 2004). Появление новых для населения лесной полосы изделий показывает изменения ассортимента внутреннего импорта. Материалы демонстрируют динамичное развитие и устойчивое социально-экономическое взаимодействие между различными улусами Золотой Орды к середине XIV в.

В последующем наметились значительные изменения. Многие трансформации второй половины XIV в. были обусловлены объективными природными, политическими и экономическими изменениями. В развитии традиционных укладов обозначился упадок, а в ряде случаев, в частности, в городской жизни, произошла полная деградация.

Ситуация изменяется во второй половине XIV в. с началом эпохи «большой замятни». Происходит рост военных столкновений и отток населения на север в лесную зону. Происходит затухание поселенческой жизни и связанных

с ней отраслей экономики в степной и лесостепной зоне Среднего Поволжья. Оседло население региона покидало ранее освоенные территории в поисках более безопасных мест, переселялось в малопригодную для земледелия лесную зону. Об этом свидетельствуют и русские летописи, описывающие не только запустение волжских городов и поселений, но и переход на службу к русским князьям служилых татар и заселение ими нетрадиционной для их хозяйственной жизни лесной зоны. Обстоятельства, вероятно, усугублялись ухудшением положения населения региона с изменениями природно-климатических условий и гибелью значительной части людей в связи с эпидемией чумы, известных по письменным источникам и данным современных палеопатогенных исследований.

Формирование новых поселений в Среднем Поволжье в конце XIV — первой половине XV в. происходит в результате притока служилого ордынского населения, поволжских финнов и русских. К этому времени относится возникновение предпосылок к появлению самостоятельных государств в Волжском бассейне — Касимовского и Казанского ханств. Кроме них, в первой половине XV в. возникают самостоятельные удельные татарские княжества — бейляки, расположенные на границе лесной и лесостепной зоны. К сожалению, территории формирования бейляков остаются не изученными, и памятники этого времени не выявлены. Перспективным является исследование археологическими методами поселений, связанных с их административными центрами (Темников, Кадом, Кузнецк и др.), и их поселенческой округи.

Изменение структуры заселения и увеличение конфликтов находит свое отражение и в размещении кладов в Среднем Поволжье. В период XIII—XV вв. основная доля зарытых кладов, например, на территории Татарстана, падает на вторую половину XIV — XV вв. (более 70%). На этой же территории большая их часть (около 80%) локализуется в Западном Закамье. Обращает на себя внимание и состав монет в кладах с преобладанием местной монетной чеканки. Показательным является и то, что для периода Казанского ханства характерно резкое сокращение монет ордынской чеканки и полное доминирование русского монетного обращения на территории ханства. Это показатель является, вероятно, важным и при определении и датировании памятников эпохи Казанского ханства.

Благодаря исследованиям последнего десятилетия в Волго-Камье удалось получить но-

вые материалы из культурных напластований памятников Золотой Орды, существовавших во второй половине XIV в. и позднее: Казань, Лаишево, Камаево, Русский Урмат, Свияжск, Алабуга, Арск, Билярск (Торецкое) и др. Большинство этих поселений имеет преемственный характер развития с домонгольского времени. Формирование городской культуры этого времени было тесно связано с болгаро-татарскими ремесленными традициями и включало элементы материальной культуры поволжско-финского и русского населения.

К числу изученных памятников второй половины XIV в. на территории Закамья относятся: Казанский кремль и три объекта на прилегающей территории, Камаевское городище и Русско-Урматское селище, городища Елабуга, Арск, Алемнер а также материалы из селищ Васильбужа, Чурилино, Лаишев и др. Эти поселения привязаны к крупным рекам Казанка и Меша, впадающим в Волгу и Каму. Долины рек с оседлым населением, вероятно, являлись и административно-экономической единицей. Территория Закамья, например, формировала область известную по более поздним письменным источникам как Арская дорога.

В материальной культуре этих памятников относительно неплохо изучено керамическое производство. По материалам раскопок оно развивалось на основе предшествующих традиций, но было под сильным влиянием поволжско-финского и русского гончарства этого времени. Новации в традициях находят отражение в изменении форм, в свойствах формовочной массы и способах изготовления, технике орнаментации поверхности и др. (Кокорина 1995; 1999; Кокорина, Фахрутдинов 1999). Особо выделяется среди массовых находок большая доля керамики, выполненной в поволжско-финских традициях. Количество подобной посуды увеличивается на памятниках, расположенных западнее Казани.

Среди керамических изделий на всех памятниках выделяется поливная посуда. Она имеет красноглиняную или белоглиняную керамическую основу. Преобладающими цветами глазури были зеленый и коричневый. По мнению ряда авторов, производство поливной керамики было наложено местными мастерами.

Особое место в средневековой истории Волго-Камского региона занимает г. Арск, расположенный в 60 км северо-восточнее от Казани на правом берегу р. Казанка в центре современного города, возникший не позднее начала XIII в. Средневековое городище занимает площадь около 2,5 га. Мощностъ культурного слоя достигает 1,5 м, с ним связано боль-

шое количество построек XV—XVI вв. Среди предметов преобладают изделия, характерные предшествующей болгарской традиции.

Обращает на себя внимание расположение средневековых памятников в бассейне р. Казанки между Казанью и Арском. Они вместе с Арском формировали систему населенных пунктов на р. Казанке. Город являлся крайним северо-восточным укрепленным поселением. Восточнее памятников, близких по материальной культуре, не известно. В 3 км западнее от города располагается значительное по своим размерам Бужинское селище и несколько дальше Чурилинское, вероятно, формировавшее округу Арска. Оба памятника характеризуются культурным слоем с обилием находок. Экономическим, а возможно, и административным центром бассейна р. Казанки с домонгольского времени и до середины XV в. являлись расположенные рядом Русско-Урматское селище и Камаевское городище.

Важно отметить, что территории Закамья к середине XV в. были особенно густозаселенными, относительно других районов Среднего Поволжья. Большая концентрация населения приходилась на бассейны рек Казанки и Меши, на что указывают не только многочисленные поселения, но и обилие кладов, и большое количество некрополей этого времени с надгробиями. Ситуация резко отличалась от предшествующих периодов, когда наиболее интенсивно освоенной территориями были земли Предкамья. Например, к середине XVI в. в Закамье насчитывалось более 500 поселений, что составляло около 80% всех населенных пунктов Среднего Поволжья.

На территории Предволжья, включающей в себя бассейны рек Свияга и Сура, впадающих в Волгу, локализуются более 10 известных памятников этого времени. К числу археологически изученных относятся: Курмыш, Свияжск, Тетюши, Чебоксары. На них зафиксированы напластования рассматриваемого периода. К сожалению, имеющийся материал представлен только сборами. Исключением является Курмыш, где были проведены планомерные археологические исследования в течение нескольких лет.

Материальная культура памятника иллюстрирует присутствие предметного ряда, характерного для разных этнокультурных групп этого региона. Появление поселения на левом берегу р. Суры во второй половине XIV в. является закономерным развитием укрепленных поселений этого времени. Его основание городскими князьями также указывает на административный характер закрепления за ними

важного маршрута в юго-восточном направлении и отражает рост влияния русских княжеств в южных и восточных регионах.

Другие памятники представляют собой небольшие крепости или промысловые поселения. Материальная культура иллюстрирует их вовлеченность в культурное пространство Золотой Орды. Об этом свидетельствуют предметы внутреннего импорта в виде поливных изделий, монет, чугунных котлов и др. Крайняя незначительность материала определяется плохой исследованностью и неразработанностью хронологии многочисленных памятников региона с широкой датой от XI до XV вв.

Обширные территории Предкамья этого времени сохраняют в начальный период потенциал развития, заложенный еще в домонгольское время. Во второй половине XIV в. сохраняются крупные городские поселения: Болгар, Биляр, Джукетау, Кокрять и др.

Наиболее длительное планомерное исследование Болгара представило обширный материал, иллюстрирующий процесс генезиса города в это время, что согласуется с синхронными памятниками Предкамья и имеет близкие черты с другими поселениями региона. Показательным является сохранение значительного экономического потенциала к началу рассматриваемого периода. В последующий период наблюдается процесс сворачивания городской жизни. Не завершается во второй половине XIV в. строительство многих начатых ранее крупных архитектурных объектов (Малый городок, фортификация и др.). Сокращается площадь поселения с 400 до 20 га. Оно концентрируется в центральной части городища у Соборной мечети. На остальной части городища отмечается строительство мавзолеев и формирование обширных некрополей. Материалы последних лет исследований указывают, что поселение продолжало, вероятно, функционировать и во второй половине XV в., но уже не имело значения крупного ремесленного городского центра.

Аналогичная картина наблюдается и с двумя другими крупными поселениями предшествующего времени в этом районе — Джукетау и Биляр. Оба города, возникшие еще в домонгольское время, во второй половине XIV — первой половине XV вв. сохраняют исключительно важную роль, как самые крупные торгово-ремесленные и административные центры.

По мнению исследователей, оба города могли рассматриваться современниками как один

политический центр. Они обращают внимание на то, что в восточных источниках XIV в. и позднее нет известий о Джукетау. Этот район Предкамья рассматривается как область Биляр. О существовании Биляра мы знаем и по нумизматике этого времени. Аналогично восточным источникам, где нет Джукетау, в русских источниках в это время отсутствует Биляр. В них упоминается город Жукотин и князья жукотинские. Возможно, в Предкамье в это время была одна административная область, название которой приезжие увязывали относительно города, с которым они контактировали, и не разделяли их между собой. Этим, вероятно, объясняются отличия восточных и русских источников XIV—XV вв.

Исследования на территории Джукетау показали, что наиболее поздние находки, свидетельствующие о его существовании, датируются первой третью XV в. Развитие Биляра во второй половине XIV в. связано с поселением, получившим в археологии название «Торецкое». Вероятно, это поселение, переживающее к середине XV в. упадок, во второй половине XV в. переходит под власть Ногайской орды. На это указывают и мавзолеи на Балынгусе рядом с остатками Биляра, аналогичные тем, которые появляются в других местах расселения ногайцев.

Большинство поселений в Восточном Предкамье в первой четверти XV в. прекращает свое существование. К середине XVI в. из более 1000 поселений середины XIV в. здесь останется всего 5 населенных пунктов. Начало нового освоения Предкамья оседлым земледельческим населением начнется только во второй половине XVII в.

Несмотря на значительные политические, экономические и социальные потрясения, многие поселения лесной полосы Среднего Поволжья во второй половине XIV — XV вв. продолжили свое существование, в отличие от поселений Предкамья и Предволжья. Здесь сохранились устойчивая социально-экономическая структура и система расселения, сложившаяся еще в предшествующий период.

В последние годы накоплен новый археологический материал, имеются публикации ранее неизвестных письменных источников, но проблемы, обозначенные вокруг этого вопроса, требуют продолжения целенаправленных изысканий с привлечением широкого круга специалистов. Исследования этнокультурного взаимодействия в Среднем Поволжье решают вопросы исторической географии на значительной территории средневековой Восточной Европы.

- Валиулина С.И. 2009. Миграционные процессы в лесостепной зоне Западного Закамья в XIII—XIV вв. (на примере памятников округи Билярского городища). В: *Форум «Идель-Алтай»*. Тезисы докладов. Казань: ИИ АН РТ, 58—60.
- Грибов Н.Н. 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р.Оки). В: *Нижегородские исследования по краеведению и археологии* 10. Нижний Новгород: ННГУ, 62—91.
- Грибов Н.Н. 2007. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII—XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода. В: Шполянский С.В. (сост.). *Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара* 1. Москва: ИА РАН, 58—67.
- Каховский В.Ф. 1980. О западных пределах Волжской Болгарии. В: Прохорова В.А., Каховский В.Ф., Егоров Н.Е. (ред.). *Вопросы древней и средневековой истории Чувашии*. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 35—50.
- Михеева А.И. 2006. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII—XV веков. В: Никитин В.В. (отв. ред.). *Влияние природной среды на развитие древних сообществ*. Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ, 311—324.
- Никитина Т.Б., Михеева А.И. 2006. *Аламнэр: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа)*. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат.
- Очеретин И.А. 1994. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года). В: Куприяшина Т.Б. (ред.). *Уваровские чтения* II. Москва: ИВФ Антал, 102—104.
- Ситдинов А.Г., Ахметгалин Ф.А. 2009. Материальная культура населения Волго-Окского междуречья в эпоху средневековья. В: *Фаизхановские чтения* 6. Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции. Москва; Нижний Новгород: Медина, 142—144.
- Тропин Н.А. 2006. *Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII—XV вв.* Елец: ЕГУ.
- Хлебникова Т.А. 1967. Археологические памятники XIII—XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР. В: *Происхождение марийского народа*. Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ, 85—92.
- Фахрутдинов Р.Г. 1975. *Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Федулов М.И. 2009. Средневековые памятники Чувашского Присурья. В: Михайлов Е.П. (ред.-сост.). *Научно-педагогическое наследие В.Ф.Каховского и проблемы истории и археологии*. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 104—114.
- Цыбин М.В. 2004. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья*. Волгоград: ВолГУ, 315—319.

Ayrat G. Sitdikov. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Addresses: Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: sitdikov_a@mail.ru

Historical Geography of the Middle Volga Region in the Second Half of 14th — First Half of 15th Centuries. The author discusses features of the Middle Volga region historical development in the second half of the 14th to first half of 15th c., in the Golden Horde decline period. The specificity of the three climatic zones of the Middle Volga region, which determined the economic structure and the originality of the population's material culture, is taken into account. Following the economic boom and the growing number of urban and rural settlements in the first half of the 14th century, a decline and urban life degradation are traced later, as well as the population migration to the north due to military conflicts and climatic changes. On the other hand, new settlements, cities included, emerged in the Middle Volga in the late 14th to first half of the 15th century as a result of the influx of the Golden Horde servicemen, the Volga Finns and the Russians. In the first half of the 15th century, independent Tatar fiefdoms, or *beilyaks* are established here, and simultaneously prerequisites for the emergence of independent states — Kasimov and Kazan Khanates — are formed.

Keywords: Middle Volga region, Golden Horde, administrative division, urban centers, climatic zones.

■ The study was carried out under the Grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation no. HШ -7170.2016.6. "The processes of urbanization and urban development in the Volga region (10th—16th centuries)".

References

- Valiulina, S.I. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Conference)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 13. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 58—60 (in Russian).
- Gribov, N.N. 2006. In *Nizhgorodskie issledovaniia po kraevedeni- iu i arkhologii (Nizhny Novgorod Studies on Local Lore and Archaeology)* 10. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 62—91 (in Russian).
- Gribov, N.N. 2007. In Shpolianskii, S.V. (comp.). *Arkhologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli. (Materialy nauchnogo seminara) (Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land: Materials of the Seminar)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 58—67 (in Russian).
- Kakhovskii, V.F. 1980. In Prokhorova, V.A., Kakhovskii, V.F., Egorov, N.E. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii Chuvashii (Issues of the Ancient and Medieval History of Chuvashia)*. Cheboksary: Chuvash Scientific and Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 35—50 (in Russian).
- Mikheeva, A.I. 2006. In Nikitin, V.V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat" Publ., 311—324 (in Russian).
- Nikitina, T.B., Mikheeva, A.I. 2006. *Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat" Publ. (in Russian).
- Ocheretin, I.A. 1994. In *Uvarovskie chteniia (Uvarov Readings)* II. Moscow: "IVF Antal" Publ., 102—104 (in Russian).
- Sitdikov, A.G., Akhmetgalin, F.A. 2009. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov' Readings)* 6. Moscow; Nizhny Novgorod: "Medina" Publ., 142—144 (in Russian).
- Tropin, N.A. 2006. *Iuzhnye territorii Chernigovo-Riazanskogo porubezh'ia v XII—XV vv. (Southern Territories of the Chernigov and Ryazan Principalities Frontier in 12th—15th Centuries)*. Yelets: Yelets State University (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1967. In *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda (Origins of the Mari People)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 75—92 (in Russian).
- Fakhrutdinov, R.G. 1975. *Arkhologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Fedulov, M.I. 2009. In Mikhailov, E.P. (ed.). *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie V.F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkhologii (Scientific and Pedagogical Heritage of V.F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 104—114 (in Russian).
- Tsybin, M.V. 2004. In Skripkin, A.S. (ed.). *Problemy arkhologii Nizhnego Povolzh'ia (Problems of Archaeology of Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University, 315—319 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2016 г.

Клад джучидских монет второй четверти XV в. из Алексеевского района Татарстана. К вопросу о монетных дворах Булгарского улуса в XV в.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, XV век, Булгарский вилайат, Биляр, джучидская нумизматика, клад, история, археология.

К концу XIV в., вследствие политических кризисов и экономических неурядиц, ситуация в Булгарском улусе кардинально изменилась. Население таких традиционных крупных центров, как Болгар и Джукетау, стало покидать обжитые места и расселяться в более безопасные районы. Одним из таких регионов стала округа Биляра. В начале XV в. на Торцеком поселении возник новый центр экономической жизни. Об этом свидетельствуют многочисленные находки монет с данного археологического объекта. В результате многолетних археологических исследований здесь было найдено 401 монета. Этот нумизматический комплекс был исследован и издан научным сотрудником Булгарского музея-заповедника Д. Г. Мухаметшиным (Мухаметшин 2011). По его информации, в состав комплекса входили серебряные, медные и медные посеребренные монеты, из них всего 36 экземпляров относятся к XIV в., остальные были выпущены в первой половине XV в.

Кроме находок на Торцеком поселении, известен клад из окрестностей современного Билярска (Бугарчѐв, Степанов 2013). Этот клад состоял из 42 монет. По предположению авторов, клад был сокрыт в первой половине 30-х гг. XV в. (там же: 96).

В 2014 г. в окрестностях с. Шама, находящегося в 4 км к западу от Билярска, был найден ещё один клад булгарских монет XV в. Состав клада приводится в таблице 1.

Всего в кладе было 36 монет, из них с именем Мухаммада Барака — 3 экз., с именем Махмуд-Хаджи — 1 экз., с именем Мухаммада — 9 экз., с непрочитанным или непротивленным именем эмитента — 23 экз. Кому принадлежит имя «Мухаммад» — пока сказать невозможно. Это мог быть и Улу-Мухаммад, и Мухаммад Барак и Кичи-Мухаммад.

Монетный двор (далее — МД) Булгара был определён у 26 экземпляров, с «трёхной» тамгой вместо МД было 2 монеты, с неопределённым МД — 8 экземпляров.

Таблица 1.

Состав клада монет из окрестностей с. Шама (Алексеевский район РТ)

№	Эмитент	Монетный двор	Вес, г	Примечание
1	Мухаммад	Не определяется	0,46	
2	Не определяется	[Булгар]	0,40	Л.с. как №2 (Бугарчѐв, Степанов 2013: 95)
3	Не определяется	Булгар	0,48	
4	Не определяется	Булгар	0,46	«Султан»
5	Мухаммад	Булгар	0,58	
6	Не определяется	Булгар	0,59	«Султан»
7	Махмуд Ходжа	Не определяется	0,51	Полностью медная монета, надломана. Ср. №17 (Бугарчѐв, Степанов 2011: 86)
8	Не определяется	Булгар	0,40	«Султан аzzам»
9	Мухаммад Барак	Булгар	0,46	Рева* 2015: 82, №16
10	Не определяется	Булгар	0,47	«азам»
11	Мухаммад Барак?	Булгар	0,48	Как (Рева 2015: 82, №7)
12	Не определяется	Булгар	0,46	«Булгар» — зеркально
13	Не определяется	Не определяется	0,76	Южный МД?
14	Мухаммад?	Булгар	0,48	

Таблица 1 (продолжение).

15	Мухаммад	Булгар	0,58	
16	Мухаммад	Не определяется	0,58	
17	Не определяется	3-ногая тамга	0,54	«Султан ал-аззам»
18	Не определяется	Не определяется	0,43	
19	Мухаммад	Булгар	0,53	
20	Мухаммад Барак	Булгар	0,48	Рева 2015: 82, №9, 10
21	Не определяется	Не определяется	0,46	
22	Мухаммад?	Булгар	0,48	
23	Не определяется	Булгар	0,35	«Султан». Обломана
24	Не определяется	3-ногая тамга	0,55	«Султан»
25	Не определяется	Не определяется	0,48	
26	Не определяется	Булгар	0,49	«Султан»
27	Не определяется	Булгар	0,40	
28	Мухаммад	Булгар	0,53	Как №19
29	Не определяется	Булгар	0,45	
30	Не определяется	Булгар	0,38	«аззам»
31	Не определяется	Булгар	0,41	«хан»
32	Не определяется	Не определяется	0,41	«ал-а[ззам]»
33	Мухаммад	Булгар	0,47	Имя — зеркально
34	Не определяется	Булгар	0,43	
35	Не определяется	Булгар	0,50	
36	Не определяется	Булгар	0,55	«Султан»

* Монеты определены по статье Р.Ю. Ревы «Мухаммад-Барак и его время» (Рева 2015).

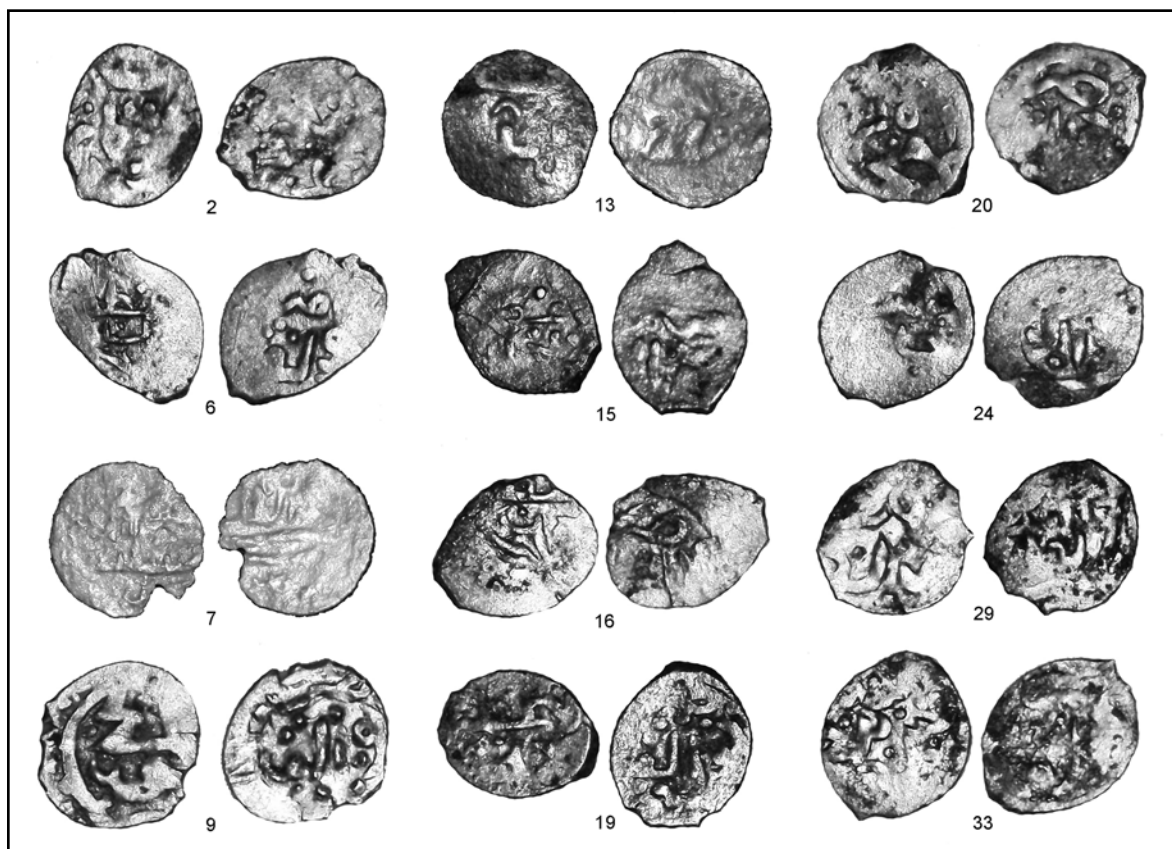

Рис. 1. Монеты из Шамского клада (Татарстан). Номера монет соответствуют номерам в таблице 1.

Fig. 1. Coins from the Shamsky hoard (Tatarstan). Coin numbers correspond to those in Table 1.

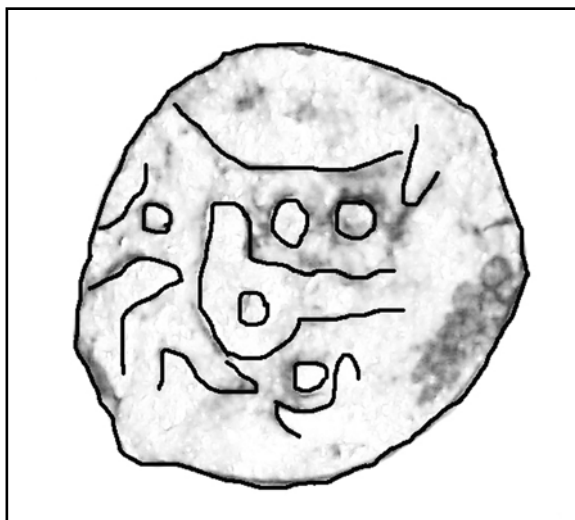

Рис. 2. Прорисовка монеты №2 л.с.

Fig. 2. Drawing of coin no. 2, obverse.

Где находился МД Болгар, чеканивший монеты в XV в.? Безусловно, в это время действовало несколько монетных дворов. Например, известны данги хана Пулада (809—812 гг.х.), выпущенные в Булгаре, Булгаре ал-Джадид, Сарае и Раджане. То же самое наблюдается и во второй четверти XV в.: в кладах встречаются обращавшиеся одновременно серебряные монеты с различным написанием МД Булгар: «Блгар», «Булгар» и «Буалгар», а вместе с ними — с различным начертанием «трёхногой» тамги вместо МД.

Ранее была сделана попытка локализовать тип монет с написанием МД «Зарб/Сикка/Булгар» (Тростьянский 2014; Степанов, Бугарчѐв 2015). По мнению авторов статей, моне-

ты с подобным написанием МД могли чеканиться на территории Камаевского городища («Иске-Казань»). Данное заключение строилось, в первую очередь, на топографии находок дирхемов «Зарб/Сикка/Булгар» (Степанов, Бугарчѐв 2015: 107).

Данную методику можно применить и для монет Шамовского клада. Для этого необходимо выделить типы, встречающиеся только в Билярской округе. Так как у большинства монет неудовлетворительное состояние (у 22-х монет не определяется эмитент, у 7 монет не определяется МД, а у 4-х экземпляров не определяется ни эмитент, ни МД), то удалось выделить только один тип, присущий для Билярской округи (см. прорисовку на рис. 2). Очень характерным является «вытянутое» написание слова «азам» («великий») с двумя точками на словом.

По наблюдению автора, данные монеты не встречаются в Заказанье (в том числе — в округе Иске-Казани). Нет их в Кожаевском комплексе (Бугарчѐв, Степанов 2011: 86). Однако они присутствуют в сборах с Торецкого поселения (Мухаметшин 2011: 73, №216, 233). Также они выявлены в Билярском кладае (Бугарчѐв, Степанов 2013: 95, №1—3, 5, 41). В представляемом Шамовском кладае есть 1 экземпляр (№2 по таблице). Расстояние между Торецким поселением, с. Биляр и с. Шама не более 4 километров. Все эти факты позволяют уверенно говорить о существовании в Билярской округе своего монетного двора, чеканившего, как минимум, один тип серебряных монет, который выпускался, скорее всего, после смерти Мухаммада Барака, то есть после 831/1427 года.

Бугарчѐв А. И., Степанов О. В. 2011. Комплекс монет из деревни Кожаевка (Татарстан). *Нумизматика Золотой Орды* 1. Казань, 85—88.

Бугарчѐв А. И., Степанов О. В. 2013. Клад серебряных монет первой половины XV века из окрестностей г. Билярска (Татарстан). *Нумизматика Золотой Орды* 3. Казань, 92—97.

Мухаметшин Д. Г. 2011. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском Улусе конца XIV — начала XV вв. *Нумизматика Золотой Орды* 1. Казань, 65—81.

Рева Р. Ю. 2015. Мухаммад-Бараки и его время. Обзор нумизматических и письменных источников. *Нумизматика Золотой Орды* 5. Казань, 80—104.

Степанов О. В., Бугарчѐв А. И. 2015. Об одной группе булгарских монет второй четверти XV в. *Нумизматическое чтение Государственного Исторического музея 2015 года*. Москва, 106—109.

Тростьянский О. В. 2014. Монеты Казанского ханства. Монетный комплекс XV века из окрестностей Камаевского городища. *Нумизматика Золотой Орды* 4. Казань, 148—152.

Oleg V. Stepanov. All-Tatar Society of Study of Local Lore. E-mail: vorchun_65@mail.ru

The Hoard of Juchid Coins (Second Quarter of the 15th Century) from Alexeyevsky District of Tatarstan: to the problem of the 15th-century Bolgar Ulus mints. The find of a new 15th-century hoard of coins from Bilyar area is discussed. Analogies to other numismatic complexes of the region are offered. The method of comparison of the finds of coins and their types makes it possible to draw a conclusion about the existence of a mint that had emitted silver coins in the second quarter of the 15th century.

Keywords: Middle Volga region, 15th century, Bulgar vilayet, Bilyar, Jochid numismatics, hoard.

References

- Bugarchev, A.I., Stepanov, O.V. 2011. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 1. Kazan, 85—88 (in Russian).
- Bugarchev, A.I., Stepanov, O.V. 2013. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 3. Kazan, 92—97 (in Russian).
- Mukhametshin, D.G. 2011. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 1. Kazan, 65—81 (in Russian).
- Reva, R. Yu. 2015. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 5. Kazan, 80—104 (in Russian).
- Stepanov, O.V., Bugarchev, A.I. 2015. In *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 2015 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum in 2015)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 106—109 (in Russian).
- Trost'ianskii, O.V. 2014. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 4. Kazan, 148—152 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 10 марта 2016 г.

З.Г. Шакиров, Ф.Ш. Хузин

*Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Проблемы изучения памятников золотоордынского времени на территории Билярского городища и в его округе

Ключевые слова: Центральное Закамье, бассейн р. Малый Черемшан, Золотая Орда, Биляр и его округа, средневековые города, история, археология.

Регион Центрального Закамья Республики Татарстан включает бассейн р. Малый Черемшан, в верхнем течении которого располагаются остатки одного из крупнейших средневековых городов Восточной Европы — Билярское городище (X в. — 1236 г.). Почти за два с половиной века археологических исследований Биляра и его 249 окрестных памятников накоплен значительный материал, свидетельствующий о богатой истории данного региона. В X—XV вв. округа Билярского городища являлась центром, вокруг которого группируется значительная часть памятников, характеризующих культуру столичного региона Волжской Булгарии, а затем периферию Золотой Орды (Хузин 2004; Шакиров 2012: 276—283).

При изучении археологических памятников ордынского времени на территории Билярского городища и в его округе выделяется ряд проблем, решение которых позволит раскрыть особенности развития Центрально-Закамского региона в эпоху средневековья.

Принципиально важным является вопрос о времени гибели домонгольского Биляра — Великого города русских летописей. Материалы археологических исследований, в том числе раскопок 2015 г., полностью согласующиеся с данными письменных источников (ПСРЛ 1972: стб. 460), с достаточной долей уверенности свидетельствуют о прекращении жизни города в статусе столичного центра Волжской Булгарии в 1236 г. (Халиков 1984: 82—98; Хузин 1988: 43—58; 2004: 119—127; Хузин, Шакиров, в печати). Данный факт, а также полное отсутствие джучидских монет на Билярском городище, кроме двух спорных мо-

нет с именем ан-Насир ли-д-Дин Аллаха, находка которых вызывает много вопросов, позволяет поддержать предположение ученых о чеканке этих монет в 1240-е годы (Федоров-Давыдов 2003: 10; Сингатуллина 2009: 295).

После жестокого разгрома монголо-татарами Биляр возрождается не на прежнем месте, а в 3 км к северо-западу от погибшего города — так называемый «Биляр золотоордынский», представленный сегодня обширным Билярским III селищем на левом берегу Малого Черемшана и Торецким поселением у горы Бальнгуз (Валиуллина 2001; Руденко 2011: 335—336). Наличие статусных вещей и монет второй половины XIII в., чеканенных с надписью «монета Биляра» (Сингатуллина 2009: 297—298), могут говорить о золотоордынском Биляре как некоем периферийном административном центре.

Население Волжской Булгарии, как и других оседлых регионов, войдя в состав нового государства, начало восстанавливать экономику и структуру поселений в новых исторических условиях.

На археологической карте округа Биляра зафиксировано 79 памятников археологии золотоордынского времени, из которых 59 продолжают функционировать с домонгольского времени (неукрепленные поселения — 44, городища — 4, погребальные памятники — 10, святилище — 1). Памятников, возникших и функционировавших только в ордынское время, — 20 (погребальные — 5, неукрепленные поселения — 11, клады — 4) (рис. 1) (Свод, 2007; Шакиров 2011). К сожалению, существующие разработки по хронологии керамики —

■ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X—XVI вв.)».

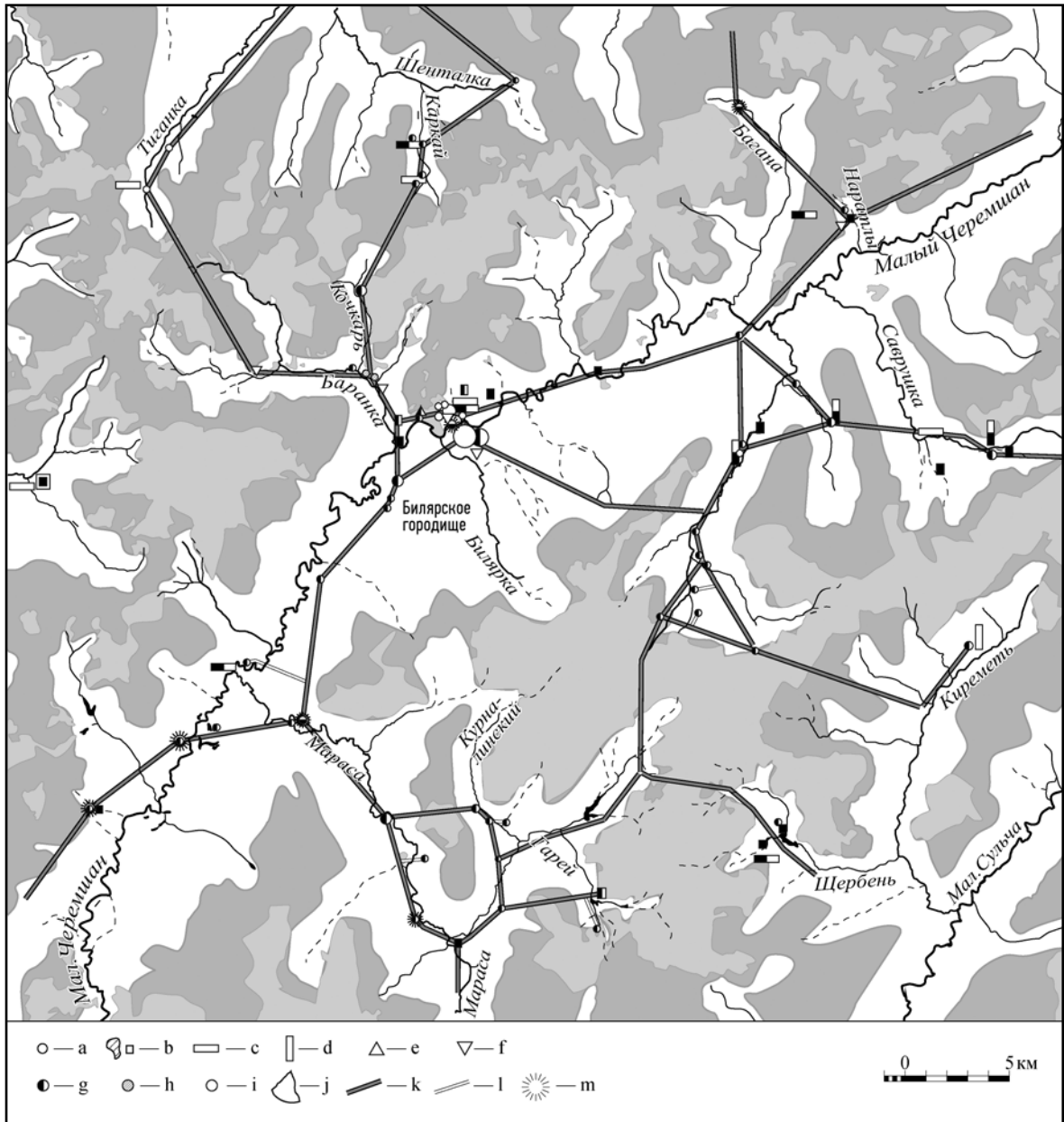

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников округи Билыра (вторая половина XIII—XV вв.). Условные обозначения: а — селища; б — городища; с — могильники; д — надгробия; е — святилище; ф — клады; г — памятники X—XV вв.; h — памятники X — начала XIII вв. с неизвестной площадью; и — памятники 2-й половины XIII — XV вв.; j — границы сельскохозяйственных зон поселений; k — предполагаемые основные дороги; l — дороги, тяготеющие к основным путям; m — поселения, известные по письменным источникам.

Fig. 1. Schematic map of the archaeological sites in Bilyar environs (second half of 13th—15th centuries). Legend: a — open settlements; b — hillforts; c — cemeteries; d — headstones; e — sanctuary; f — hoards; g — sites of 10th—15th centuries; h — sites of 10th—early 13th centuries with unknown area; i — sites of second half of 13th—15th centuries; j — boundaries of agricultural areas of the settlements; k — supposed main roads; l — roads, gravitating towards ways; m — settlements, known from written sources.

основного материала поселенческих памятников — не всегда позволяют узко датировать поселения, где не производились стационарные раскопки. Поэтому приходится принять в качестве допущения, что все анализируемые поселения Билырской округи функционировали

одновременно, на отрезке времени, датируемом второй третью XIII — XV вв. Для ряда поселений это можно утверждать с достаточной уверенностью, поскольку расположенные здесь кладбища с надгробиями функционировали в XIV—XV вв., может быть, захватывая XVI в.

Основным исследователем, изучающим в последние годы археологические памятники к северо-западу от Билярского городища, является С.И. Валиуллина. По ее достаточно аргументированному мнению, Билярское III селище и Торецкое «городское» поселение имеют довольно четкие хронологические рамки существования: вторая половина XIII — первая половина XIV вв. и XV в. соответственно (Валиуллина 2011: 119). Мы считаем уместным рассматривать их в единой системе ордынских памятников. Этому не противоречат и выводы Д.Г. Мухаметшина, который на основании нумизматического материала начало освоения территории Торецкого поселения датирует 30-ми годами XIV в., а расцвет его — 20—30-ми годами XV столетия (Мухаметшин 2011).

При анализе поселенческой структуры округа Биляра ряд памятников с учетом расстояний и построения «полигонов Тиссена» был объединен в единые поселения (Шакиров 2014: 40—41). Это позволило по топографическим признакам выделить всего три типа поселений (приречный, мысовой и прибрежно-овражный) в отличие от пяти в домонгольское время. В золотоордынское время, со смещением центра в город Болгар, поселенческая структура продолжает существовать в рамках сложившейся в предыдущий период дорожной системы. Однако хорошо видно, что при предположительно установленной численности населения, почти в 3 раза — до 8 человек на 1 кв. км — сокращается плотность населения в первой половине XIV в. (Шакиров 2012б). Изменение поселенческой структуры и материальной культуры населения Билярской округи, как и для прочих завоеванных территорий, является отражением процесса провинциализации бывших домонгольских центров.

При расчете общей площади хозяйственных зон с известными оговорками можно предположить, что в округе Биляра золотоордынского времени в период его расцвета в XIV в. проживало около 2—2,5 тыс. средних семей (6—7 человек), вовлеченных в сельскохозяйственную деятельность (Шакиров 2012а).

Монгольское нашествие, приведшее к разорению Великого города и многочисленных поселений его ближайшей округи, не могло не отразиться на дальнейшем их развитии. Имевшийся до разгрома огромный экономический потенциал и административно-политическое значение Биляра привели к появлению Биляра золотоордынского — неукрепленного поселения городского типа. Материалы археологических исследований последних лет, прежде всего, Билярского II селища, не исключают вероятности того, что здесь могла располагаться даже временная ставка представителей новой монгольской власти, наладивших на короткое время выпуск джучидских монет.

По нашему мнению, золотоордынский Биляр XIV в. являлся административно-территориальным центром сети стационарных сельских поселений в среднем течении р. Малый Черемшан. Во второй половине XV в. он постепенно превращается в небольшое поселение, обслуживающее сакральные объекты в районе горы Бальнгуз.

К XV в. в результате событий, происходивших в Улусе Джучи, произошло смещение экономических центров, вызвавших миграционные процессы в Предкамье, после распада Золотой Орды оседлое население сдвигается к северу, а эти земли могли стать летовьями татарских родов кочевой знати, а с конца XV в. — ногайских орд.

Валиуллина С.И. 2001. Золотоордынский Биляр: начало исследований. В: Усманов М.А. (отв. ред.). *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556*. Материалы международного семинара. Казань, 216—243.

Валиуллина С.И. 2011. Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. *РА* (4), 119—129.

Мухаметшин Д.Г. 2011. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском улусе конца XIV — начала XV вв. *Нумизматика Золотой Орды* 1. Казань, 65—81.

ПСРЛ 1962: *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*. 1962. Полное собрание русских летописей. Т. I. Москва: Издательство восточной литературы.

Руденко К.А. 2011. Развитие городской культуры булгарской области Золотой Орды XIII—XIV вв.

(по данным археологии). В: Миргалиев И.М. (отв. ред.). *Золотоордынское наследие* 2. Материалы Второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань: Фолиант; ИИ АН РТ, 333—340.

Свод 2007: Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. (отв. ред.). *Свод памятников археологии Республики Татарстан* 3. Казань: ИИ АН РТ.

Сингатуллина А.З. 2009. Денежное обращение и финансовая система. В: Усманов М.А. (ред.). *История татар с древнейших времен*. Т. III. *Улус Джучи (Золотая орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 295—309.

Федоров-Давыдов Г.А. 2003. *Денежное дело Золотой Орды*. Москва: Палеограф.

Халиков А.Х. 1984. Монгольское нашествие и судьба Великого города. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Археологические памятники Нижнего Прикамья*.

- Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 82—98.
- Хузин Ф.Ш. 1988. Великий город и монгольское нашествие. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и монгольское нашествие*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 43—58.
- Хузин Ф.Ш. 1995. *Великий город на Черемшане*. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана.
- Хузин Ф.Ш. 2004. *Древний Биляр и его окрестности*. Казань: Школа.
- Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. (в подгот.). Исследования во внутреннем городе Билярского городища в 2015 году: раскоп XLIV.
- Шакиров З.Г. 2012. История изучения археологических памятников в округе Билярского городища *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции VIII*. Пермь: ПГПУ, 276—283.
- Шакиров З.Г. 2011. О современном состоянии памятников булгаро-татарского времени округа Биляра. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Урало-Поволжье в древности и средневековье*. Материалы Международной научной конференции. V Халиковские чтения. Серия «Археология евразийских степей» (11). Казань: Фолиант; ИИ АН РТ, 276—283.
- Шакиров З.Г. 2014. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала. *Поволжская археология* (2), 37—48.
- Шакиров З.Г. 2012а. *Округа Биляра в X—XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань.
- Шакиров З.Г. 2012б. К вопросу о поселенческой структуре и ресурсном потенциале округа Биляра X—XV вв. В: Тишкин А.А. (отв. ред.). *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул: Алтайский государственный университет, 183—184.

Zufar G. Shakirov. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Kazan (Volga Region) Federal University. Addresses: Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: zufar_alchi@mail.ru

Fayaz Sh. Khuzin. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: khuzinfayaz@mail.ru

Problems of Studies of the Golden-Horde Period Sites in the Territory of the Bilyar Hillfort Site and Its Environs. In the vicinity of Bilyar ("Great City"), the capital of pre-Mongol Volga Bulgaria, there are 249 archaeological sites referring to the 10th — first half of the 15th century. Of these, 59 date back to the pre-Mongol and the Golden Horde periods, while 20 archaeological sites refer exclusively to the era of the Ulus Jochi. The collapse of the Great City occurred in 1236. This fact is established by both written and archaeological sources and serves as another argument in support of the view that the coins with the name of al-Nasir li-Din Allah were minted in the 1240s. Recent studies have made it possible to localize the restored "Golden-Horde Bilyar", where coins were minted in the second half of the 13th century, not on the site of the destroyed city, as was thought previously, but rather in the territory of the vast Bilyar III and the Toretskoye settlement sites located 3 km north-west of it. The number of settlements declined almost 3-fold — up to 8 persons per 1 sq. km, with a corresponding decrease in the population density. The changes in settlement patterns and material culture of the Bilyar area population, characteristic of the other conquered territories as well, reflects the process of provincialization of the former pre-Mongol centers.

Keywords: Central Trans-Kama region, basin of Maly Cheremshan river, Golden Horde, Bilyar and its environs, medieval towns.

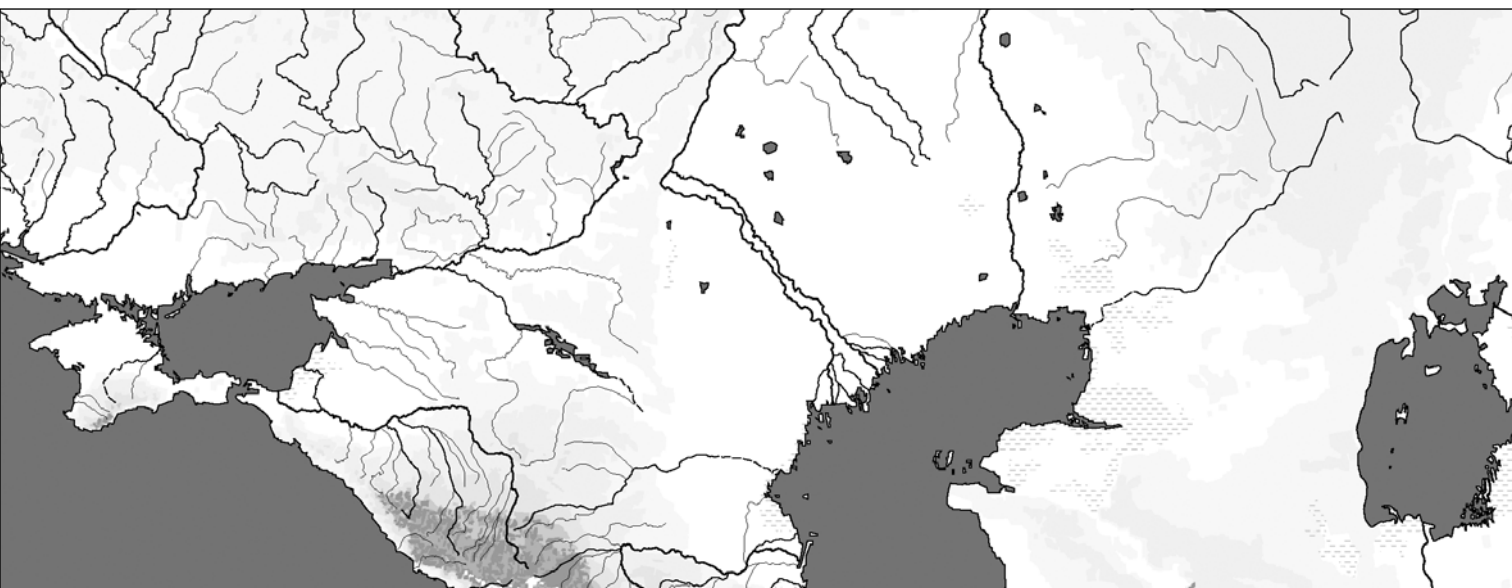
■ The study was carried out under the Grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation no. ИШ-7170.2016.6. "The processes of urbanization and urban development in the Volga region (10th—16th centuries)".

References

- Valiulina, S.I. 2001. In Usmanov, M.A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zoltoi Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223—1556 (Source Study of the Jochid Ulus (Golden Horde) History: from Kalka to Astrakhan. 1223—1556)*. Materialy mezhdunarodnogo seminaru. Kazan, 216—243 (in Russian).
- Valiullina, S.I. 2011. In *Rossiiskaia Arheologiya (Russian Archaeology)* (4), 119—129 (in Russian).
- Mukhametshin, D.G. 2011. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 1, 65—81 (in Russian).
- Lavrent'evskaia letopis' i Suzdal'skaia letopis' po akademicheskomu spisku (Laurentian Codex and Suzdal Codex by Academic Copy)*. 1962. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* I. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2011. In Mirgaliev, I.M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 333—340 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A.G. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Singatullina, A.Z. 2009. In Usmanov, M.A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th*

- Centuries). Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 295—309 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 82—98 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 43—58 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great Town on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Problems of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 2004. *Drevnii Biliar i ego okrestnosti (Ancient Bilyar and Its Suburbs)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. (in prep.). *Issledovaniia vo vnutrennem gorode Biliarskogo gorodishcha v 2015 godu: raskop XLIV (Research in the Inner Town of the Bilyar Hillfort in 2015: Excavation Area XLIV)* (in Russian).
- Shakirov, Z. G. 2012. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Pedagogical University, 276—283 (in Russian).
- Shakirov, Z. G. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 11. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 276—283 (in Russian).
- Shakirov, Z. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 37—48 (in Russian).
- Shakirov, Z. G. 2012. *Okruga Biliara v X—XV vv. (poselencheskaia struktura, resursnyi potentsial) (The Bilyar Surroundings in 10th—15th Centuries (Settlement Structure, Resource Potential))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
- Shakirov, Z. G. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 183—184 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Нижняя Волга

Д. В. Васильев

Астраханский государственный университет

Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте)

Ключевые слова: дельта Волги, Золотая Орда, область Саксин, Самосдельское городище, городище Мошаик, Красноярское городище, монгольское нашествие, население, история, археология.

Период монгольского нашествия и ранний золотоордынский период применительно к дельте Волги в настоящий момент изучаются, главным образом, на материалах Самосдельского городища, которое соотносится исследователями с остатками города Саксина, столицы одноименной полуоседлой области. В целом, к моменту монгольского нашествия в дельте Волги сложилась целая сеть поселений малого и среднего размеров, население которых вело комплексное животноводческо-рыболовецко-земледельческое хозяйство. Поселения эти, некоторое число которых обнаружено в начале XXI века в ходе археологических разведок, располагаются, главным образом, на речных островах в средней и верхней дельте Волги. Видимо, полукочевые племена и роды огузов, которые поделили между собой дельту Волги в предмонгольский период (Абу Хамид ал-Гарнати упоминает в своём сочинении «40 племён гузов» в Саксине), базировались на этих островах и пользовались их пастбищными угодьями и заливными лугами, постепенно всё более переходя к оседлости и вовлекаясь в рыночные отношения. На настоящий момент в дельте и зоне подстепных ильменей нами насчитывается 33 поселения, относящихся к периоду XII—XIII вв. (Васильев 2015: 201—204). Самым крупным и наиболее изученным из них является Самосдельское городище.

Городище Мошаик находится на восточной окраине города Астрахани, на правом берегу реки Болда. Первые раскопки здесь были проведены экспедицией под руководством Е. В. Шнайдштейн в 1978 году (Шнайдштейн 1992: 3). Позже городище исследовалось экспедицией под руководством Д. В. Рябичкина (Рябичкин 1999), в первое десятилетие XXI века — С. А. Пантелеевым (Пантелеев 2010: 92—106), а с 2010 года здесь начаты раскопки экспедицией Института исто-

рии АН Республики Татарстан. Городище возникает на рубеже XII—XIII веков, когда город и область Саксин достигают пика своего благополучия. Местоположение городища Мошаик в самой узкой части волжской дельты позволяет предположить, что оно обслуживало переправу. Если в предмонгольское время главным торговым пунктом области Саксин было Самосдельское городище, которое являлось перевалочным пунктом на морском и речном торговом пути, то в ранний золотоордынский период появилась потребность в обслуживании караванной торговли с Востока на Запад, что связано с увеличением масштабов и разнообразия форм торговли.

Городище Мошаик, по нашему мнению, является наиболее вероятным претендентом на то, чтобы локализовать на нем город Суммеркент. Описание города Суммеркента, приведенное Рубруком, вполне справедливо применительно к этому памятнику (Шнайдштейн 1992: 3). Городище, вероятно, окружалось водой во время половодий, так как располагается на бугре в прибрежной части. Многонациональность и многокомпонентность населения городища, судя по характеру находок, также является одной из характеристик данного памятника. Расположение городища, а также наличие на нем значительных слоев золотоордынского времени, изученных Е. В. Шнайдштейн и экспедицией под руководством А. Г. Ситдикова, позволяют нам сделать предположение о соотношении с Суммеркентом именно городища Мошаик.

Как предполагает Е. Ю. Гончаров, уже в 20-х годах XIII века в Низовьях Волги стали появляться эмигранты из Средней Азии, бежавшие от ужасов монгольского вторжения (Гончаров 2011: 149). К этому времени относятся четыре хорезмийские монеты, найденные на Самосдельском городище. Небольшое

количество монет и их явно случайное, не связанное с торговлей, появление в культурном слое, позволяют предположить, что монеты попали сюда, возможно, с переселенцами из Хорезма.

Г. А. Федоров-Давыдов пишет, что к 1229 г. относится сообщение Лаврентьевской летописи: «Саксини и половци взбегоша из низу к болгарам, и сторожеве болгарьскыи прибегоша бьени от татар близь реки еиже имя Яик» (Федоров-Давыдов 1966: 231). Эти слова мы можем расценить как свидетельство массовой эмиграции населения из Нижневолжского региона перед лицом надвигающейся монгольской угрозы. Скорее всего, в первую очередь частично эмигрировало болгарское и суварское население области Саксин, стремясь оказаться под защитой соплеменников. Масштабы этого бегства мы оценить не можем даже приблизительно.

Слой раннезолотоордынского времени на Самосдельском городище отделяется от «саксинского» мощной прослойкой пожара, который связывается с монгольским вторжением. В сооружениях предмонгольского времени обнаружены прокаленные изнутри сырцовые стены, мощные прослойки сгоревших и рухнувших перекрытий, состоящие из обуглившихся досок и прокаленной глины. Антропологические и археозоологические материалы позволяют говорить о том, что через некоторое время после пожара началась разборка завалов, санитарная уборка улиц от тел погибших людей и животных. Тела людей были собраны и захоронены (остались случайно небранными лишь отдельные разрозненные части человеческих скелетов). Останки животных были собраны, брошены в руины сооружений и завалены обломками стен. Среди костей животных, обнаруженных в слоях этого периода, встречается большое количество обгоревших в пожаре костей, встречаются полные скелеты животных — лошадей, осла, собак, кошек (Яворская 2011: 152—153). Таким образом, вырисовывается картина, характерная для внезапного пожара, охватившего большую часть города. В огне этого пожара погибли как люди, так и домашние животные, содержавшиеся в домах и во дворах.

Здесь уместно вспомнить слова Рубрука о городе Суммеркенте, что «раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет» (Рубрук 1957: 181). Общие обстоятельства падения Саксина и Суммеркента наверняка были схожими. Монголы «стояли под ним 8 лет» не потому, что не имели практической возможности его взять. Скорее всего, они ожидали сильных морозов,

которые позволили бы переправиться коннице по льду замерзших рек.

Тем не менее, население возвращается в город, и он частично возрождается. В течение всего XIII века происходит обживание руин зданий предмонгольского периода, они перестраиваются, приспособляются под нужды обедневшего населения. Во всем заметны следы хозяйственного упадка — руины не восстанавливаются, некоторые здания продолжают оставаться заброшенными, большие дома делятся перегородками на маленькие помещения и становятся жилищами сразу для нескольких семей.

Видимо, этот упадок был связан сразу с несколькими причинами. Во-первых, это ужасное разорение, последствия которого было тяжело преодолеть. Во-вторых, неожиданно изменились природные условия существования города. Как отмечает Л. В. Яворская, в золотоордынское время в мясном потреблении населения городища вырастает доля говядины, уменьшается доля баранины и растет доля верблюжатины (Яворская 2011: 154). Таким образом, уменьшается доля скота, нуждающегося в пастбищном разведении и возрастает доля скота, который может содержаться в стойлах.

Из исследований почвоведов видно, что произошли изменения в режиме обводнения местности: город оказался подтопленным с нескольких сторон. В XIV веке произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, носившее характер катастрофы. Район городища Самосделка оказался в прибрежной затопляемой зоне дельты. Природные катастрофы могли послужить причиной упадка и даже гибели поселения (Бронникова и др. 2001: 43—47).

Вполне вероятно, что подъем уровня воды начался еще в XIII веке. Территория пастбищных угодий в дельте Волги значительно сократилась и, по-видимому, изменился режим содержания животных в округе, которая поставляла мясо горожанам (Яворская 2011: 154). Частичное затопление дельты Волги к XIV веку действительно носило катастрофический характер. Население дельты Волги было вынуждено под влиянием быстро наступающей воды уходить на север, покидать дельтово-пойменные угодья области Саксин и вливаться в население недавно основанных золотоордынских городов.

Именно к этому периоду относится бурный расцвет городища Мошаик, а также возникает целая сеть небольших недавно открытых поселений в самой северной части дельты, на правом берегу реки Бузан. Лучше других на данный момент исследованы поселения «Алайское», «Орлиное гнездо», «Новоуровка» и «Бузан». Памятники располагаются на невысоких воз-

вышенностях вдоль русел рек и содержат строительные остатки золотоордынского периода. Здесь же обнаружен ряд монет, перечеканенных из пулов с именем Насир-лид-Дина. Такие монеты чеканились в Булгаре во времена правления Берке. Кроме того, тут выявлены анонимные пулы типа «Кутлуг булсун» вместе с серебром Менгу-Тимура и Токты (Скисов 2014: 69—75).

- Бронникова М. А., Зазовская Э. П., Аржанцева И. А. 2001. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований. В: Шнайдштейн Е. В. (ред.). *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Астрахань: АГПУ, 43—47.
- Васильев Д. В. 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии. *Поволжская археология* (2), 189—267.
- Гончаров Е. Ю. 2011. Очерк нумизматики Самосдельского городища. В: Васильев Д. В. (ред.). *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации*. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 146—150.
- Пантелеев С. А. 2010. Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик. *Научный Татарстан* (4), 92—106.
- Рубрук Г. 1957. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благодати 1253. В: Шастина Н. Р. (ред.). *Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Москва: Государственное

издательство географической литературы, 85—194.

Рябичкин Д. В. 2000. *Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 году*. Архив АГОИАМЗ. НВ 15499.

Скисов С. Ю. 2014. Золотоордынские памятники в северной части дельты Волги. Новые материалы. В: Курапов А. А. (ред.). *Астраханские краеведческие чтения VI*. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 69—75.

Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.

Шнайдштейн Е. В. 1992. Средневековый Мошаик. В: Маколов Г. С. (ред.). *Материалы четвертой краеведческой конференции*. Ч. II. Астрахань: АГПИ, 3—11.

Яворская Л. В. 2011. Основные результаты археозоологических исследований городища Самосделка (2005—2010 гг.). В: Васильев Д. В. (ред.). *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации*. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 151—154.

Dmitry V. Vasiliev. Candidate of Historical Sciences. Astrakhan State University. Address: Tatishchev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation. E-mail: hvdv@mail.ru

The Volga Estuary in the 13th Century (based on the materials of the Samosdelka hillfort site and newly-found sites in the area). The author characterizes sites of the Volga estuary, related to the Saqsın domain in the 13th century. The devastation of towns and villages during the Mongol invasion and the rise of the Caspian Sea water level resulted in population redistribution: the outflow of the estuary area inhabitants to its northern regions adjacent to the first capital of the Golden Horde. The period was marked by caravan trade development, which resulted in the rise of the Moshaik settlement that was located by the Volga estuary crossing.

Keywords: Volga estuary, Golden Horde, domain of Saqsın, Samosdelka hillfort, Moshaik hillfort, Krasny Yar hillfort, Mongol invasion, population.

References

- Bronnikova M. A., Zazovskaia, E. P., Arzhantseva, I. A. 2001. In Shnidshtein, E. V. (ed.). 2001. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 43—47 (in Russian).
- Vasiliev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189—267 (in Russian).
- Goncharov, E. Yu. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 146—150 (in Russian).
- Panteleev, S. A. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 92—106 (in Russian).
- Rubrouck, Guillaume de. 1957. In Shastina, N. R. (ed.). *Dzhiovanni del' Plano Karpini. Istoriia Mongalov; Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v Vostochnye strany (Plano Carpini, G. del. Ystoria Mongalorum; Guillaume de Rubrouck. The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ., 85—194 (in Russian).
- Riabichkin, D. V. 2000. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Astrakhanskoi oblasti v 1999 godu (Report on the Archaeological Investigations in the Astrakhan Oblast in 1999)*. Scientific Archive of the Astrakhan State United Historical and Archaeological Museum-Reserve. NV 15499 (in Russian).
- Skisov, S. Yu. 2014. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* VI. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 69—75 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Shnidshtein, E. V. 1992. In Makolov, G. S. (ed.). *Materialy Chetvertoi kraevedcheskoi konferentsii (Proceedings of the Fourth Conference for Regional Studies)* II. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 3—11 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 151—154 (in Russian).

Изображение бассейна Волги и Каспия на европейских картах XIV—XVI вв.

Ключевые слова: Волга, Каспийское море, карты Клавдия Птолемея, средневековые карты, каталонская и итальянская картографическая традиция, история, археология.

На картах Клавдия Птолемея Каспийское море изображалось в виде овала, вытянутого с запада на восток, со слегка волнистой береговой линией. Такой тип изображения в западноевропейской картографии был реанимирован только в XV в. Античная традиция изображения Каспия в исполнении Идриси и других мусульманских авторов была мало знакома европейским церковным картографам, что не существенно. Бассейн Каспийского моря и Волги (если не считать птолемеевских карт) получил оригинальное отображение приблизительно в то же время, когда появились первые морские карты, это был принципиально новый этап. Изображения Волги и Каспийского моря взаимосвязаны: от того, насколько было освоено и отображено море, зависело то, насколько точно была изображена Волга.

На картах мира Петро Весконтте, сопровождающих его атласы с точными морскими картами, Каспий имеет вид приблизительно прямоугольного треугольника с катетами, ориентированными широтно и меридионально, а гипотенузой — по направлению ЗСЗ-ВЮВ. Естественно, некоторые отличия на сохранившихся 9 экземплярах карты есть. Кроме того, здесь восточнее первого есть второе Каспийское море — округлое, окруженное изгибом горной цепи. Невозможно определить — это неправильно понятое Аральское море или результат компиляции, при которой изображение одного водоема в разных формах с разных карт были просто объединены на одном произведении. Волга на этих картах вообще не обозначена. Предельно близкое сходство с планисферами П. Весконтте в изображении мира обнаруживается на круглой карте мира, прилагающейся к трактату Фра Паолино «О карте мира» (*De Marra Mundi*) в рукописи около 1320 г. из Ватиканской библиотеки.

В сопроводительном тексте к карте только две фразы напрямую связаны с Золотой Ордой:

«Regnum *Corasmia*, ab Oriente, habet desertum quod per centum dietas extenditur; à Mtridie, regnum Turquesten; ab Occidente, mare *Caspium*: à Septentrione, regnum *Cumania*. Regnum *Cumania*, habet ab Oriente, regnum *Corasmia*; à Meridie flumen quo nullum maius; ab Occasu, Mare *Maius*, & *Tanay*; à Septentrione, regnum *Rusia*: maior in ea vrbs *Sara* est» (Царство Хорезма с востока имеет пустыню, которая простирается на сто дней, с юга — царство Туркестан, с запада — Каспийское море, с севера — царство Куманию. Царство Кумания имеет с востока царство Хорезма, с юга — реку, больше которой нет, с запада — Великое море и Танаи, с севера — царство Руссии; главный город в ней — Сара[й]). Показательно, что не только текст трактата М. Санудо не связан с картой, но и сопроводительный текст не полностью ей соответствует.

Краткий вариант «каталонского» стиля (в смысле особенного узнаваемого типа изображения Каспийского моря и Волги) обычно присутствует на круглых картах мира. Набор изобразительных средств внутри стиля может отличаться. На таких картах Каспий имеет форму «надутого» S-образного пятна, на котором в «овал» вдаются два выступа суши — полуострова Апшерон и Мангышлак. Самый ранний вариант такого изображения (рис. 1) приблизительно синхронен картам П. Весконтте, он также приложен к трактату Фра Паолино «Большая хронология» (Paris, Bibliothèque Nationale, MS. Lat. 4939, F.9r). Сопроводительный текст в интересующей нас части отличается незначительной деталью: «A m[er]idie flum[en] q[uo] uocatur maius» (С юга — река, которую называют Великая; вместо «реку, больше которой нет»). На карте Волга фигурирует под собственным именем Отиль (.fl'.otil.). Она впадает в Каспийское море с севера, а ее исток находится в горах Рифеи Сарматские, как и исток Танаи (Дона).

Рис. 1. Фрагмент карты из трактата Фра Паолоно «Большая хронология» 1320 г. (Paris, Bibliothèque Nationale, MS. Lat. 4939, F.9r).

Fig. 1. Fragment of a map from Fra Paolino's treaty *The Great Chronology*, 1320 (Paris, Bibliothèque Nationale, MS. Lat. 4939, F.9r).

Несколько надписей в Поволжье не поддаются однозначному чтению, в частности — подпись к Сарая, для которого оставлено место со слабыми следами «иконки» города. Окружает его пространная оригинальная подпись-легенда: «Istud dicitur mare de Sara propter civitatem in qua imperator moratur et dicitur etiam Caspium propter vicinitates ad montes Caspiae et Georgianie eadem causa. In eo erat vorago ubi descendebat aqua maris sed propter terremotum obturata fuit. Ideo mare tumescit per palmam omni anno et jam plures bone civitates destructe sunt. Tandem videtur quod debeat intrare mare Tane non absque moltorum periculo. Habet in circuitu MMD millia, et de Sara usque Nogacium ponunt millia. Sed circum mare est region arenosa (et inuia)? in magna parte» (Вот это называется море Сарая вследствие того города, в котором пребывает император, и называют также Каспийским вследствие соседства Каспийских гор и Георгианским по той же причине. В нем был омут, куда уходили воды моря, но вследствие землетрясения он закрылся. По этой причине море прибывает на одну ладонь ежегодно и уже многие хорошие города

разрушены. Наконец, по-видимому, оно должно соединиться с морем Таны [т.е. Азовским морем], но не без опасностей для многих. Оно имеет в окружности 2500 миль, а от Сарая до Ургенча (Nogacium) — кладут тысячу. Но вокруг моря находится страна песчаная и непроходимая в большей части).

Хотя эта легенда традиционно используется для иллюстрации трансгрессии Каспийского моря, следует помнить, что на этой карте также изображены два Каспийских моря, второе подписано и окружено Каспийскими горами. Поэтому интерпретация не может быть однозначной.

Возможно, Каспийское море в таком виде было на уничтоженной карте Джованни да Кариньяно, относимой к самому началу XIV в., во всяком случае Ургенч на Оксе и обрывки морского побережья на ней просматриваются (Fisher 1881a).

В более развитых вариантах Волга с треугольной дельтой течет почти строго с севера на юг, в верхней части — Т-образно раздваивается, у раздвоения — г. Кострома (Caterma).

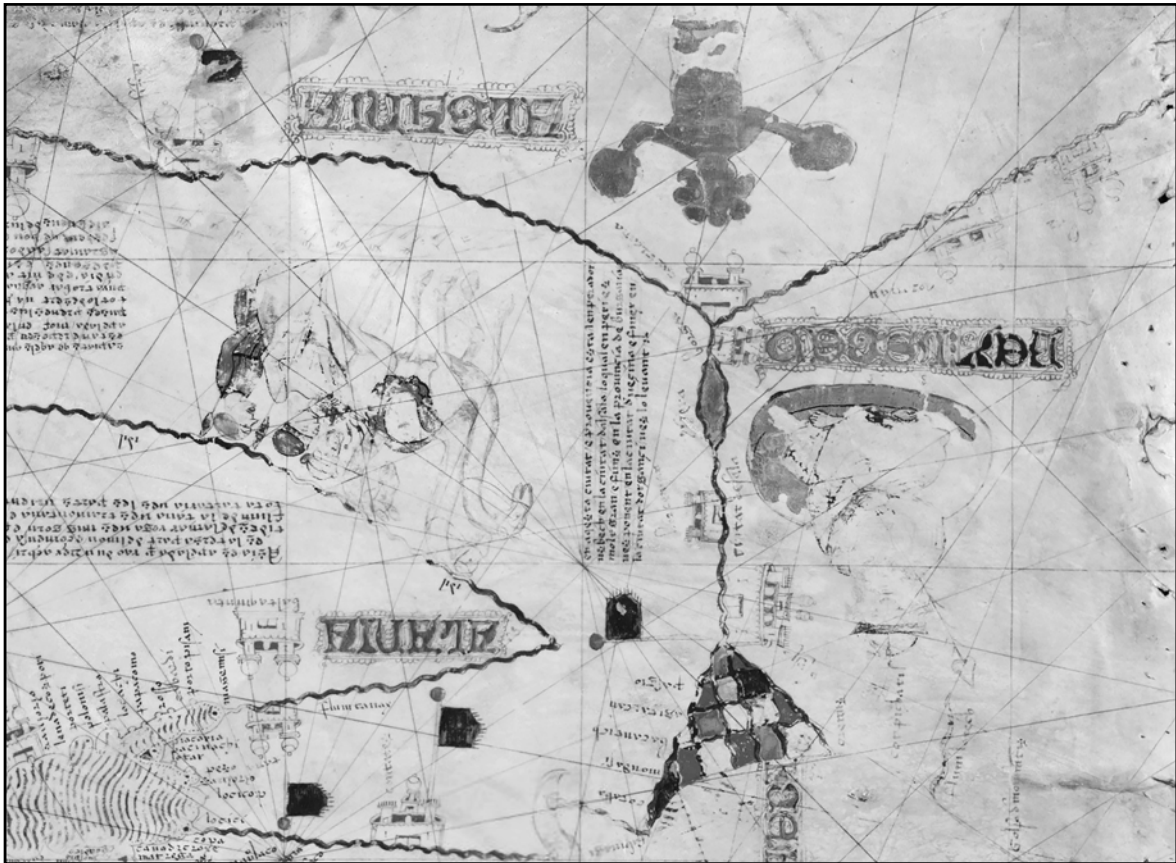

Рис. 2. Поволжье на карте каталонского стилиа М. де Виладесты 1413 г. (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge. AA 566).

Fig. 2. Volga Region on a Catalan-style map by M. de Viladesta, 1413 (Paris, Bibliothèque Nationale, Rés. Ge. AA 566).

На участке южнее располагали Болгар (Borgar), остров Çiçega, Бельджамен (Belçiman) у сближения с Доном (не обязателен), Сарай на левом берегу Волги, у вершины дельты. Произведений этого типа с изображением Каспия и Волги немного. Л. С. Багров отметил только 10 экземпляров каталонских карт обоих вариантов подробности для этого участка (Багров 2005: 45). Сейчас их известно больше, но это не меняет ситуацию принципиально.

Пространный каталонский вариант с добавлением серии пунктов по всему течению Волги. Он представлен только на карте Пицигани 1367 г. (Волков 2012: 39—40). Экземпляров с подробным и почти идентичным изображением Каспия (при сокращенной номенклатуре на Волге) больше: карта Анджемо Дульчерто (Дальорто) 1330—1335 г., лист с Каспием из Атласа Медичи 1351 г. (Nordenskiöld 1897: 21, fig. 8) и др. На портолане М. де Виладесты 1413 г. изображены 2 города в Нижнем Поволжье, но им соответствуют 3 подписи: 2 Сарая (Sala) и Bersonian (рис. 2).

Итальянский вариант правильной съемки Каспия, судя по контексту, создан около сере-

дины XIV в., но пункты вдоль Волги обозначены только до Переволоки (Волков 2000; 2001). Они дают наиболее подробную номенклатуру пунктов на морском побережье. Такие контуры представлены на двух картах итальянского стилиа, одной смешанного, одной каталонского (Fisher 1881b), на картах мира Веконте Маджоло 1504, 1527 и 1527 гг. (Baldacci 1997; Weise 1905).

Изображения, восходящие к протографу Фра Мауро, представлены в 4 вариантах. Каспий показан правильно, как на картах итальянского стилиа, но с сокращенной номенклатурой, Волга — близко в пространном каталонскому варианту, но с существенными отличиями: нижний участок до переволоки — ближе к итальянским портоланам Каспия. К сожалению, участок Волги выше Переволоки покрыт только на самой карте 1459 (1460) г. (Волков 2000: 326—334; 2012: 40—53).

Примечательно, что только на трех (не более) из рукописных карт Каспия с правильными контурами море ориентировано в меридиональном направлении, на остальных оно «завалено» против часовой стрелки прибли-

зительно на 45 градусов. Первоначальное объяснение этому заключалось в интерпретации ошибки, как попытки расположить море в птолемеевской традиции, то есть широтно, но поворот оказался неполным, поскольку тогда бы Каспий пересекался с Черным морем. Объяснение может быть и более простым. Хотя точное изображение бассейна Каспия восходит к съемкам XIV в., дошедшие до нас произведения составлены уже в XV—XVI вв., а с первой половины XV в. широко распространялся учебник по космографии — «Сфера» Гора Дати, поэма из 4 глав по 36 строф, каждая по 8 строк. Словесной информации о нашем регионе в поэме немного (в 3 и 4 главах) (Dati 1865: 33—34, 51):

20.

Da tramontana di quest'Asia grande
Tartari son sotto la fredda zona,
Genti bestial di legge e di vivande
Fin dove l'onda di Baccù risuona:
Per questa terra un gran fiume si spande,
Che d'altri due e d'Ile e Tir s'adona:
E 'l più del tempo il freddo lo 'ncristalla,
Ed evvi su la gran città di Salla.

21.

MARE DEL BACCÙ

Il detto fiume mette in un gran seno
D'acqua salata, chiuso d'ogni banda,
Di tanto giro, o poco più, o meno
Quanto ha il Mar maggior la sua grillanda:
Dall'uno all'altro mare ha di terreno
Otto giornate, e quasi a randa a randa
Sta da Levante dritto e di quaggiù
Dalla città si noma del Baccù.

35.

Lovaci e Fasso due fiumi più su
Fra terra vengon per la Carcassia,
E più a Levante sta il mar di Baccù:
E le città d'Organzi e Samacchia,
Ed a tornar pel detto lito ingiù
Savastopoli trovi in quella via,
E poi Pezonda, e poi trecento miglia
Dove il Canal della Tana si piglia.

(20. С севера этой Азии Большой/находятся татары ниже холодной зоны/люди зверские по закону и пище/вплоть до шума моря Баку./По этой земле протекает великая река,/которая из двух других, д'Иле и Тир объединяется./А в холодное время она замерзает,/и находится на ней большой город Сарай. 21. МОРЕ БАКУ. Упомянутая река впадает в большую полость/воды соленой, закрытую со всех сторон/с такой окружностью приблизительно,/сколько имеет в окружности Черное море./От одного до другого моря по суше/восемь дней, и почти от края до края,

находится с востока прямо здесь внизу/от города, который называется Баку. 35. Ловати и Фассо — две реки немного ниже/текут по земле Черкесии,/а немного восточнее находится море Баку./И города Ургенч и Шемаха,/и чтобы вернуться на упомянутый берег внизу,/Севастополь встречаешь на той дороге,/а затем Пицунду, а через триста миль —/место пролива [моря] Таны встречается).

Рукописи этой поэмы обычно проиллюстрированы схемами и «картами», предельно примитивными, не соответствующими тексту, поскольку на них нет Волги и ее притоков. Изображения в разных рукописях существенно отличаются, но Каспий вытянут в интервале направления ЗСЗ-ВЮВ — З-В. Допустимо, что именно опыт первого обучения мешал картографам правильно ориентировать лист с Каспийским морем при компилировании своих произведений.

В XV в. появляется серия церковных круглых карт мира, на которых Каспийско-Поволжский бассейн — это результат заимствования из разных источников, в том числе из Птолемея, но в существенно сокращенном из-за мелкого масштаба виде. Часто это существенно измененные вариации краткого каталонского варианта, но с отличиями в гидрографии: существенно отличается контур Каспийского моря, появляется «излом» русла Волги в районе переволоки, иначе разделяются ее притоки, обозначается река, соединяющая Черное и Каспийское моря, в образе которой смешиваются Кубань и Терек и т.п. (Волков 2011: 145—147). Тем не менее, на картах этой группы может содержаться информация, не сохранившаяся в других источниках.

Падение Константинополя резко ограничило возможности плавания итальянцев на Каспии и сохранения достоверной информации о море. Шанс оставить в широком обороте реальные изображения все же оставался: приблизительно в конце XV в. осуществилось по крайней мере одно печатное издание карты мира с правильными контурами и ориентировкой Каспия (Woldan 1954: 15—16, plate). Возможность изготовления многих ее копий не спасла изображение.

В XVI в. продолжали существовать изображения бассейна Каспия и в птолемеевской, и в каталонской, и в «правильной» итальянской традициях. В конце концов безоговорочную победу одержал Птолемей. Попытки европейцев улучшить русские чертежи не избавили картографов от принципиальных заблуждений вплоть до съемок, организованных Петром I.

- Багров Л. 2005. *История русской картографии*. Москва: Центрполиграф.
- Волков И.В. 2000. Столицы Золотой Орды во внешних источниках. В: Белоцерковская И.В. (отв. ред.). *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Материалы научной конференции. Труды ГИМ 122. Москва: ГИМ, 324—339.
- Волков И.В. 2001. О времени составления портоланов Азовского и Каспийского морей. В: Комедчиков Н.Н. (отв. ред.). *Картография XXI века: теория, методы, практика*. Доклады II Всероссийской научной конференции по картографии, посвященной памяти Александра Алексеевича Лютюго. Т. 2. Москва: Институт географии РАН, 600—607.
- Волков И.В. 2011. Два Сарая на карте Андреа Вальшпергера 1448 г. В: Васильев Д.В., Зеленева Ю.А., Ситдинов А.Г. (ред. колл.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Астрахань: ИИ АН РТ, 145—151.
- Волков И.В. 2012. Поволжье на средневековых европейских картах (в связи с попыткой пересмотра даты основания Самары). В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Среднее Поволжье в контексте средневековой Российской истории: на перекрестке культур (конец XIII — XVI в.)*. Материалы научно-практической конференции. Самара: Офорт, 24—79.
- Baldacci O. 1997. *Columbian atlas of the Great Discovery*. Transl. into engl. by L. Bertolazzi & L.F. Farina. Nuova Raccolta Colombiana IX. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato.
- Dati F.L. 1865. *La Sfera: Libri quattro in ottava rima scritti nel secolo XIV da F. Leonardo di Stagio Dati aggiuntivi due altri Libri e La Nuova Sfera pure in ottava rima di F. Gio. M. Tolosani da Colle. L'America di Raffaello Gualterotti con alter poesie del medesimo*. Milano: G. Daelli e comp. editori.
- Fischer T. 1881a. *Fac-simile del planisfero de Prete Giovanni da Carignano del XIV secolo*. Illustrata da T. Fischer. L'Originale si conserva nel R. Archivio di Stato di Firenze. Raccolta di mappamondi e carte nautiche del XIII. al XVI. secolo III. Venezia: Ferd. Ongania.
- Fischer T. 1881b. *Fac-simile del planisfero del Mondo conosciuto (in lingua catalana) del XV secolo*. Illustrata da T. Fischer. Raccolta di mappamondi e carte nautiche del XIII. al XVI. secolo XIII. Venezia: Fred. Ongania.
- Nordenskjöld A. E. 1897. *Periplus. An essay of the early history of charts and sailing directions*. Transl. from Swedish original by F.A. Bather. Stockholm.
- Woldan E. 1954. A circular, copper-engraved, medieval world map. *Imago Mundi* 11, 13—16.

Igor V. Volkov. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Address: Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation. E-mail: plany_2010@mail.ru

Representation of the Volga Basin and the Caspian Sea on 14—16th-century European Maps. The paper discusses how features of the Volga River, the Lower Volga region, the Caspian Sea, and the adjacent territories are represented on 14th—16th century medieval European maps executed according to different cartographic traditions. In the 14th—15th centuries the ancient tradition was succeeded by a fundamentally new step: the appearance of the first nautical charts associated with the actual exploration of the Volga and the Caspian Sea regions by the Europeans. In this respect, Italian- and Catalan-style maps stand out for the manner the Caspian Sea and its adjacent area were represented. However, all of them are characterized by significant inaccuracies, although Italian-style maps are seemingly closer to the reality. The Turkish conquests of the 15th century greatly limited the penetration of the Europeans to the East, which led to the revival of the cartographic tradition that had stemmed from Claudius Ptolemy, and to the emergence of various compilations.

Keywords: Volga River, Caspian Sea, maps by Claudius Ptolemy, medieval maps, Catalan and Italian cartographic tradition.

References

- Bagrow, L. 2005. *Istoriia russkoi kartografii (A History of the Cartography of Russia)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Volkov, I.V. 2000. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 122. Moscow: State Historical Museum, 324—339 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2001. In Komedchikov, N.N. (ed.). *Kartografija XXI veka: teoriia, metody, praktika (Cartography of 21st Century: Theory, Methods, Practice)* 2. Moscow: Institute for Geography, Russian Academy of Sciences, 600—607 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2011. In Vasilev, D.V., Zeleneva, Yu. A., Sitedinov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 145—151 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2012. In Stashenkov, D.A. (ed.). *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoi Rossiiskoi istorii: na perekrestke kul'tur (konec XIII—XVI v.) (Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (late 13th — 16th Centuries))*. Samara: "Ofort" Publ., 24—79 (in Russian).
- Baldacci, O. 1997. *Columbian atlas of the Great Discovery*. Transl. into engl. by L. Bertolazzi & L.F. Farina. Nuova Raccolta Colombiana IX. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato.
- Dati, F.L. 1865. *La Sfera: Libri quattro in ottava rima scritti nel secolo XIV da F. Leonardo di Stagio Dati aggiuntivi due altri Libri e La Nuova Sfera pure in ottava rima di F. Gio. M. Tolosani da Colle. L'America di Raffaello Gualterotti con alter poesie del medesimo*. Milano: G. Daelli e comp. editori.
- Fischer, T. 1881. *Fac-simile del planisfero de Prete Giovanni da Carignano del XIV secolo*. Illustrata da T. Fischer. L'Originale si conserva nel R. Archivio di Stato di Firenze. Raccolta di mappamondi e carte nautiche del XIII. al XVI. secolo III. Venezia: Ferd. Ongania.
- Fischer, T. 1881. *Fac-simile del planisfero del Mondo conosciuto (in lingua catalana) del XV secolo*. Illustrata da T. Fischer. Raccolta di mappamondi e carte nautiche del XIII. al XVI. secolo XIII. Venezia: Fred. Ongania.
- Nordenskjöld, A.E. 1897. *Periplus. An essay of the early history of charts and sailing directions*. Transl. from Swedish original by, F.A. Bather. Stockholm.
- Woldan, E. 1954. A circular, copper-engraved, medieval world map. *Imago Mundi* (11), 13—16.

З.В. Доде

Южный научный центр Российской Академии наук

Об одном половецком погребении и интерпретациях на тему ртути

Ключевые слова: Монгольская империя, Южное Приуралье, кочевники, погребальный обряд, ртуть, бальзамирование, археологический текстиль, история, археология.

В начале этого столетия (2000—2002 гг.) в результате исследования курганных могильников в окрестностях села Шумаево археологической экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета под руководством Н. Л. Моргуновой было выявлено уникальное захоронение средневекового кочевника (Шумаевский II, курган 7, погребение 5). Исключительность комплекса обуславливается присутствием в погребении ртути. Полученный материал был незамедлительно введен археологами в научный оборот в контексте опубликованного отчета о работах экспедиции (Моргунова и др. 2003: 107—117, 222—223). Несколько позже была уточнена дата погребения — XIII—XIV вв., и его принадлежность «тюркскому богатому и знатному воину-профессионалу» (Матюшко 2008: 147).

Особый случай применения ртути в погребальном обряде интерпретируется как свидетельство бальзамирования тела кочевника с целью доставки его в пункт, отдаленный от места смерти (Матюшко 2008: 147) и как проявление буддийской погребальной традиции в кочевой среде в период владычества монголов в евразийском пространстве (Костюков 2009: 227; Юрченко 2013: 266—269).

В то же время, оба предположения представляются спорными. Не останавливаясь здесь на пассаже о том, что применение ртути в погребальном обряде является примером «яркой манифестации элитарной имперской мифологии» (Юрченко 2013: 267), приведем аргументы, противоречащие предполагаемой процедуре снятия мягких тканей с костяка с целью бальзамирования останков (Матюшко 2008: 142) и утверждению об отсутствии в погребении одежды (Моргунова и др. 2003: 112).

Как известно, бальзамирование предполагает сохранение тела, а не костей умершего, поэтому предположение о процессе снятия с умершего мягких тканей вызывает сомне-

ние. Помимо этого, костяк погребенного имеет полную анатомическую сохранность, которая была бы невозможна при освобождении тела от мягких тканей. Следы на костях погребенного, неизбежные при подобной манипуляции, не отмечены. Несмотря на то, что И. В. Матюшко упоминает о проведенной экспертизе на присутствие ртути в глиняной обмазке (Матюшко 2008: 142), результаты этой экспертизы (структура, состав и процентное содержание химических элементов) не приводятся. Также необходим анализ костей погребенного на присутствие в них ртути.

Нельзя согласиться и с предположением И. В. Матюшко о цели бальзамирования, выванной «необходимостью доставки останков погребенного в другой, отдаленный от места смерти пункт» (Матюшко 2008: 142). Если отталкиваться от практики погребения кочевников на родовых кладбищах независимо от места смерти, идею переноса останков шумаевского воина не подтверждает археологическая ситуация на могильнике Шумаевский II. Только один курган в этом могильнике отнесен исследователями к развитому средневековью (к. 11). Остальные курганные насыпи, исследованные археологами в этом могильнике, были сооружены в период ранней бронзы или раннего железного века. Впускные погребения относились к разным периодам древности: средней бронзе, раннесарматскому времени и одно — к периоду раннего средневековья (к. 6, п. 5). Рассматриваемое средневековое погребение в кургане 7 также было впускным в насыпь, сооруженную в период ранней — начала средней бронзы. Таким образом, могильник Шумаевский II не являлся родовым кладбищем погребенного кочевника. Ситуативное совершение обряда в чужом погребальном памятнике отрицает необходимость перенесения тела погребенного «на большие расстояния».

Фрагменты тканей и череп из данного погребения были переданы Н.Л. Моргуновой для исследования в ГУП «Наследие» (г. Ставрополь)¹.

Сохранившиеся ткани вытканы в разных техниках со сложными орнаментами, выполненными разноцветным шелком и золотыми нитями, текстильные фрагменты имеют разные размеры и конфигурацию, а также соединительные швы. Именно наличие соединительных швов и не позволяет видеть в этих фрагментах пеленальный материал. «Шелковые ленты», принятые археологами за бинты или погребальный саван (Моргунова и др. 2003: 112), после их лабораторной обработки оказались фрагментами тканей от одежды, а «кожаные накладки сложной конструкции», обнаруженные «чуть выше колен» и на голених погребенного (Моргунова и др. 2003: 109) — остатками высоких кожаных сапог, украшенных металлическими бляхами.

В настоящий момент можно утверждать, что на погребенном было два платья, надетых одно на другое. Одежда выполнена из шелковых тканей, вытканых в технике самит. Верхнее платье посажено на подкладку из тонкого шелка полотняного переплетения. Шелковым самитом был отделан верхний край голенищ высоких сапог. В погребении также находилась одежда из шелковой ткани с изображением дракона, изготовленная в другой технике (*brocade*): узорный золотой уток во-

дился на ограниченных участках, обусловленных рисунком. Местоположение этой находки в погребении не зафиксировано. По аналогии с комплексами монгольского времени, содержащими текстильные находки, можно предположить, что одежда из ткани с драконами была положена в погребение дополнительно — обычай, известный по результатам раскопок в других могильниках (Власкин, Гармашев, Науменко 2006: 25; Доде 2009: 18—19).

Наличие ртути (при отсутствии визуальной фиксации данной находки в погребении *in situ*) подтверждается присутствием ртутных шариков в складках ткани от верхней шелковой одежды. Здесь же выявлены небольшие тонкие пластины кварцита (?) и фрагмент оплавленного предмета из металлоподобной массы темного, местами красного цвета (киноварь?), на поверхности и внутри которого также обнаружена ртуть. В нижних слоях шелковых тканей ртути не выявлена.

Присутствие ртути «под костями позвоночного столба» (Моргунова и др. 2003: 112) и на поверхности одежды погребенного не может свидетельствовать о ее применении для бальзамирования. В настоящий момент можно только констатировать факт использования ртути в погребальном обряде, но его интерпретации требуют дальнейшего исследования.

Интерес представляют сохранившиеся фрагменты тканей и их соотнесение с комплексом погребального инвентаря и обряда погребения.

Власкин М.В., Гармашев А.И., Науменко С.А. 2006. Погребальные комплексы золотоордынского времени в курганном могильнике Вербовый Лог VIII. В: Власкин М.В., Гармашев А.И., Доде З.В., Науменко С.А. *Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала*. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа VI. Москва: Памятники исторической мысли, 9—74.

Доде З.В. 2009. Женский костюм из золотоордынского захоронения у хутора Рябичев. Предварительные замечания. В: *Труды археологического научно-исследовательского бюро IV*. Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 18—19.

Костоков В.П. 2009. Буддизм в культуре Золотой Орды. В: *Тюркологический сборник 2007—2008. История и культура тюркских народов России*. Москва: Восточная литература, 189—236.

Матюшко И.В. 2008. Захоронение бальзамированного воина XIII—XIV веков на левобережье Иртека. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Ступи Европы в эпоху средневековья 6. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 141—156.

Моргунова и др. 2003: Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. 2003. *Шумаевские курганы*. Оренбург: ОГПУ.

Юрченко А.Г. 2013. *Элита монгольской империи: время праздников, время казней*. Санкт-Петербург: Евразия.

¹ Выражаю благодарность Н.Л. Моргуновой за предоставленный материал и готовность к обсуждению спорных моментов рассматриваемого комплекса.

Zvezdana V. Dode. Doctor of Historical Sciences. Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Address: Chehov St., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. E-mail: zvezdana.dode@gmail.com

On a Polovtsian Burial: Interpretations of Mercury Presence. The unique feature of the nomadic burial from the Shumaevski II burial ground is the presence of mercury. The paper deals with certain controversial conjectures and proposes counterarguments regarding the employment of mercury in the burial ritual. Special attention is paid to textile remains and their correspondence with the burial inventory and ritual complex.

Keywords: Mongol Empire, South Ural region, nomads, funerary rite, mercury, embalming, archaeological textiles.

References

- Vlaskin, M.V., Garmashov, A.I., Naumenko, S.A. 2006. In Vlaskin, M.V., Garmashov, A.I., Dode, Z.V., Naumenko, S.A. *Pogrebeniia znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala (Graves of the Golden Horde Time Aristocracy in the Don and Sal Interfluvial Zone)*. Series: *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* VI. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 9—74 (in Russian).
- Dode, Z.V. 2009. In *Trudy arkhelogicheskogo nauchno-issledovatel'skogo biuro (Proceedings of the Archaeological Research Bureau)* IV. Rostov-on-Don: Archaeological Research Bureau, 18—19 (in Russian).
- Kostiukov, V.P. 2009. In Klyashtorny, S.G., et al. (editorial board). *Tiurkologicheskii sbornik 2007—2008. Istoriia i kul'tura tiurkskikh narodov Rossii (Collected Papers on Turkic Studies 2007—2008: History and Culture of the Turkic Peoples of Russia)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 189—236 (in Russian).
- Matiushko, I.V. 2008. In Evglevskii, A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia 6. Zolotoordynskoe vremia (European Steppes in the Middle Ages 6. Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 141—156 (in Russian).
- Morgunova, N.L., Golyeva, A.A., Kraeva, L.A., Meshcheryakov, D.V., Turetsky, M.A., Khalyapin, M.V., Khokhlova, O.S. 2003. *Shumaevskie kurgany (Shumaev Barrows)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
- Yurchenko, A.G. 2013. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: the Time for Holidays, the Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 16 марта 2016 г.

Мордва Нижнего Поволжья в золотоордынское время

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, золотоордынский период, мордва, расселение, могильники, погребальный обряд, история, археология.

С середины XIII века начинается расселение мордвы в Нижнем Поволжье. Достоверных данных о том, было ли это насильственное переселение или самостоятельное движение мордвы в Нижнее Поволжье, нет. Заселялась в первую очередь лесостепная зона, но мордовские памятники появляются в это время и в степном Поволжье. Мордовские археологические памятники этого времени прилегают к Волге в основном на правобережье, но известны и на левом берегу, начиная от Самарской луки и до севера современной Волгоградской области.

Район Самарской луки был, видимо, достаточно сильно освоен мордвой со второй половины XIII века. Несколько сотен мордовских захоронений золотоордынского времени исследовал председатель Симбирской учёной архивной комиссии В. Н. Поливанов возле села Муранка (современный Шигонский район Самарской области) в 1890-х и 1900 гг. (Поливанов 1893; 1896). В 1950 году Куйбышевской археологической экспедицией здесь было вскрыто ещё 40 захоронений. Погребённые были ориентированы головой на юг и юго-запад, что говорит о мокшанской их принадлежности. Это подтверждается и инвентарём, в котором присутствуют наконечники-пулокеры, широколопастные сюльгамы. Исследовательница этого участка А. Е. Алихова отмечает наличие здесь мусульманских захоронений (Алихова 1950). В 1988 году на Самарской Луке раскопки проводились на мордовском 2-м Усинском грунтовом могильнике. Было вскрыто 18 погребений второй половины XIII — XIV вв. Некоторые захоронения определяются как мусульманские (Васильева 1989).

На левом берегу Волги известен Барбащинский мордовский могильник, который находится в черте современного города Самары. Он был осмотрен в 1921 г. А. С. Башкировым, а в 1935 году Б. А. Латынин раскопал здесь 62 погребения, которые по ордынским монетам, скорее всего, датируются XIV веком. Погребённые лежали головой на север, а в окра-

инной части могильника — головой на юг, что говорит о смешанном эрзянско-мокшанском населении, оставившем памятник. Остальные черты обряда также характерны для этого времени. Мужчины лежали вытянуто на спине, женщины в скорченном положении на левом боку (Латынин 1941). В XXI в. исследования этого могильника были продолжены.

Южнее Самарской луки, в 5 верстах от Хвалынска, на Черемшанском могильнике, сотрудниками Саратовской учёной архивной комиссии в 1913 году было вскрыто 37 мордовских погребений XIII—XIV веков. Большая часть костяков лежала в гробовищах и была ориентирована головой на юго-запад и запад юго-запад (Радищев, Орехов, Щеглов 1914). То есть, скорее всего, могильник оставлен мордвой-мокшей, а наличие западной ориентировки объясняется влиянием соседей. Впоследствии, в 1923 году, ещё 10 погребений на этом могильнике вскрыл П. С. Рыков (Рыков 1933: 56—57).

Поселения лесостепной и степной части Нижнего Поволжья изучены крайне слабо. Но, тем не менее, раскопки и разведки на них показывают наличие здесь 5—10% мордовской, чаще всего лепной, керамики. Так, мордовская керамика найдена на поселении Турчий взвоз при впадении Терешки в Волгу. Здесь же была найдена серебряная мордовская лопастная сюльгама (Моржерин 1999: 6—9). Мордовская керамика обнаружена на поселениях, исследованных Л. Ф. Недашковским в окрестностях Укека — Хмельёвском, Багаевском, Колотов Буерак, Широкий Буерак (Недашковский 1999; 2000; 2002).

Сейчас известны мордовский могильник и поселение XIV века на правом берегу Волги, на границе Саратовской и Волгоградской области.

Указанные археологические данные вместе с мордовской топонимикой показывают, что Нижнее Поволжье (в основном правобережье) в его самарско-саратовской части в конце XIII — XIV вв. имело вполне значимое для этого времени мордовское население.

- Алихова А. Е. 1950. *Отчёт о раскопках и разведках, проведённых в Куйбышевской области, Шигонском районе по реке Усе летом 1950 г.* Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 477.
- Васильева И. Н. 1989. Усинский II грунтовый могильник. *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Сыктывкар, 96—98.
- Латынин Б. А. 1941. «Поляна им. Фрунзе», 1935. *Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.* Москва; Ленинград, 148—151.
- Моржерин К. Ю. 2000. *Отчёт о разведках в Воскресенском районе и раскопках кургана в Балтайском районе Саратовской области в 1999 году.* Архив ИА РАН. Р-1. № 23592.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Отчёт о раскопках Хмелевского I селища в 1999 году.* Архив ИА РАН. Р-1. № 22979.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Отчёт об исследованиях Хмелевского I селища в 2000 году.* Архив ИА РАН. Р-1. № 23146.
- Недашковский Л. Ф. 2003. *Отчёт о работах на золотоордынских памятниках Саратовского района в 2002 году.* Архив ИА РАН. Р-1. № 22745.
- Поливанов В. Н. 1893. Муранский могильник: археологический очерк. *Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете*. Т. 11. Вып. 3. Казань, 213—226.
- Поливанов В. Н. 1896. *Муранский могильник*. Москва.
- Радищев М., Орехов В., Щеглов С. 1914. Черемшанский могильник (раскопки 1913 г.). *Труды Саратовской губернской учёной архивной комиссии* 31. Саратов, 149—155.
- Рыков П. С. 1933. *Очерк по истории мордвы: по археологическим материалам*. Москва: Учпедгиз.

Aleksey Yu. Zeleneev. Mari State University. Address: Lenin Sq., 1, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation. E-mail: zeleneev@marsu.ru

Yuriy A. Zeleneev. Doctor of Historical Sciences. Mari State University. Address: Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation. E-mail: y_zeleneev@mail.ru

The Mordvinians of the Lower Volga Region under the Golden Horde. The article examines settlement of the Mordvinians in the Lower Volga region in the Golden Horde period (second half of the 13th and 14th cc.). Mordvinian settlements and burial grounds are encountered mainly in the forest-steppe zone on the Volga right bank, but sites in the steppe zone and on the Volga left bank are also known. The materials of the burial grounds reveal both Mokshan and Erzyan ethno-cultural characteristic features. At present, there is no reliable data yet on whether it was a forced relocation or independent movement of Mordvinian population.

Keywords: Lower Volga region, Golden Horde period, Mordvins, resettlement, cemeteries, funerary rite.

References

- Alikhova, A.E. 1950. *Otchet o raskopkakh i razvedkakh, provedennykh v Kuibyshevskoi oblasti, Shigonskom raione po reke Use letom 1950 g.* (Report on the Archaeological Fieldworks and Field Surveys in the Shigonsky District, Kuibyshev Oblast, in the Usa River Basin, in Summer 1950). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 477 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1989. In *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia* (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region). Syktyvkar, 96—98 (in Russian).
- Latynin, B.A. 1941. In *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR. 1934—1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia* (Archaeological Research in the Russian Federation in 1934—1936: Brief Reports and Data). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 148—151 (in Russian).
- Morzherin, K. Yu. 2000. *Otchet o razvedkakh v Voskresenskom raione i raskopkakh kurgana v Baltaisom raione Saratovskoi oblasti v 1999 godu* (Report on the Field Survey in Voskresensky District and the Excavations of the Barrow in the Baltay District of Saratov Oblast in 1999). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 23592 (in Russian).
- Nedashkovskii, L.F. 2000. *Otchet o raskopkakh Khmelevskogo I selishcha v 1999 godu* (Report on the Excavations of the Khmelevskoye I Settlement in 1999). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 22979 (in Russian).
- Nedashkovskii, L.F. 2000. *Otchet ob issledovaniakh Khmelevskogo I selishcha v 2000 godu* (Report on the Excavations of the Khmelevskoye I Settlement in 2000). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 23146 (in Russian).
- Nedashkovskii, L.F. 2003. *Otchet o rabotakh na zolotoordynskikh pamiatnikakh Saratovskogo raiona v 2002 godu* (Report on the Fieldworks on the Golden Horde Sites of the Saratov District in 2002). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 22745 (in Russian).
- Polivanov, V.N. 1893. In *Izvestiia Obshchestva arkhologii, istorii, etnografii pri Kazanskom universitete* (Bulletin of the Society of Archaeology, History and Ethnography affiliated to the Kazan University). Vol. 11, issue 3. Kazan, 213—226 (in Russian).
- Polivanov, V.N. 1896. *Muranskii mogil'nik* (Muranka Burial Ground). Moscow (in Russian).
- Radishchev M., Orekhov V., Shcheglov S. 1914. In *Trudy Saratovskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of the Saratov Academic Archival Commission) 31. Saratov, 149—155 (in Russian).
- Rykov, P.S. 1933. *Ocherk po istorii mordvy: Po arkheologicheskim materialam* (Essay on the History of the Mordva People: by Archaeological Materials). Moscow: "Uchpedgiz" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 9 марта 2016 г.

К характеристике пространственной организации системы расселения в правобережье Самарского Поволжья в золотоордынский период

Ключевые слова: Приволжская возвышенность, Самарское Поволжье, Золотая Орда, система расселения, микрорайоны, опорный каркас, история, археология.

Исследование региональных аспектов археологии Золотой Орды способствует более глубокому пониманию сущности и роли конкретного региона в истории этого государства. Самарское Поволжье, под которым понимается участок среднего течения Волги в районе Самарской излучины, занимает южную часть Среднего Поволжья, является тем самым регионом, история которого в золотоордынскую эпоху еще не раскрыта в полной мере. В значительной степени это связано и с отсутствием прямых данных в письменных источниках, и со спорными свидетельствами на средневековых портоланах, и с недостаточностью собственно археологических материалов.

Изучение памятников середины XIII — XIV вв. Самарского Поволжья позволило И. Н. Васильевой выделить три основных района их компактного размещения (Васильева 2000: 300): 1) район Самарской Луки и побережья Волги; 2) район бассейна рр. Кондурчи, Сок, Большой и Малый Кинель (лесостепные территории); 3) бассейн р. Самары и степные земли междуречья Волги и Самары.

Больше половины известных памятников Самарского региона золотоордынской эпохи расположено в правобережье, что, безусловно, является показателем особой значимости этого участка в пространственно-территориальной организации средневожского региона Золотой Орды. В географическом отношении этот регион входит в провинцию Приволжской возвышенности и Самарской Луки, которые разделены на семь районов с индивидуальными характеристиками. Приволжская возвышенность представляет собой высокое плато, расчлененное речными долинами, балками, среди наиболее крупных рек — Уса, приток Волги (Захаров 1971: 28—30). Почвы — оподзоленные и выщелоченные черноземы — подверже-

ны эрозии. Самарская Лука более разнообразна в рельефе: от низкогорного района Жигулей до низменного-равнинного участков Усы и пойм Волги (Захаров 1971: 34).

Исторически сложилось так, что освоение западной территории правобережья отличалось от восточной. В первую очередь, такая ситуация была обусловлена природно-географическим фактором. Благоприятные условия Самарской Луки привлекали внимание человека с ранних эпох, и здесь наблюдается сравнительно плотное расположение археологических памятников, начиная с эпохи раннего средневековья. Кроме того, следует отметить определенное тяготение памятников к Волге. В период вхождения рассматриваемого участка Среднего Поволжья в состав Волжской Болгарии домонгольского периода Самарская Лука была плотно заселена волжскими болгарами (Кочкина 1999: 168—170), а территория западнее Луки была мало освоена, и в этом районе обнаружены немногочисленные болгарские памятники. Ситуация меняется в золотоордынскую эпоху, когда земли Самарского Поволжья из приграничных переходят в положение внутренних земель Улуса Джучи. Самарская Лука являлась важным стратегическим регионом новой империи, так как здесь сходились водные и сухопутные коммуникации, соединяющие Запад и Восток, завоеванные земли и метрополию. Через Самарскую Луку шел путь из Руси в столичные центры Улуса Джучи. Поэтому функциональное назначение поселений, располагавшихся на волжских берегах, в первую очередь было связано с обслуживанием Волжского пути, переправой судов и караванов.

Памятники нанесены на карту (рис. 1) по материалам Р. Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов 1975: карта), И. Н. Васильевой (Васильева 2000: 322), В. Л. Егорова (Егоров 1985: 107—108), В. Ю. Морозова (Морозов 1995: 319—326)

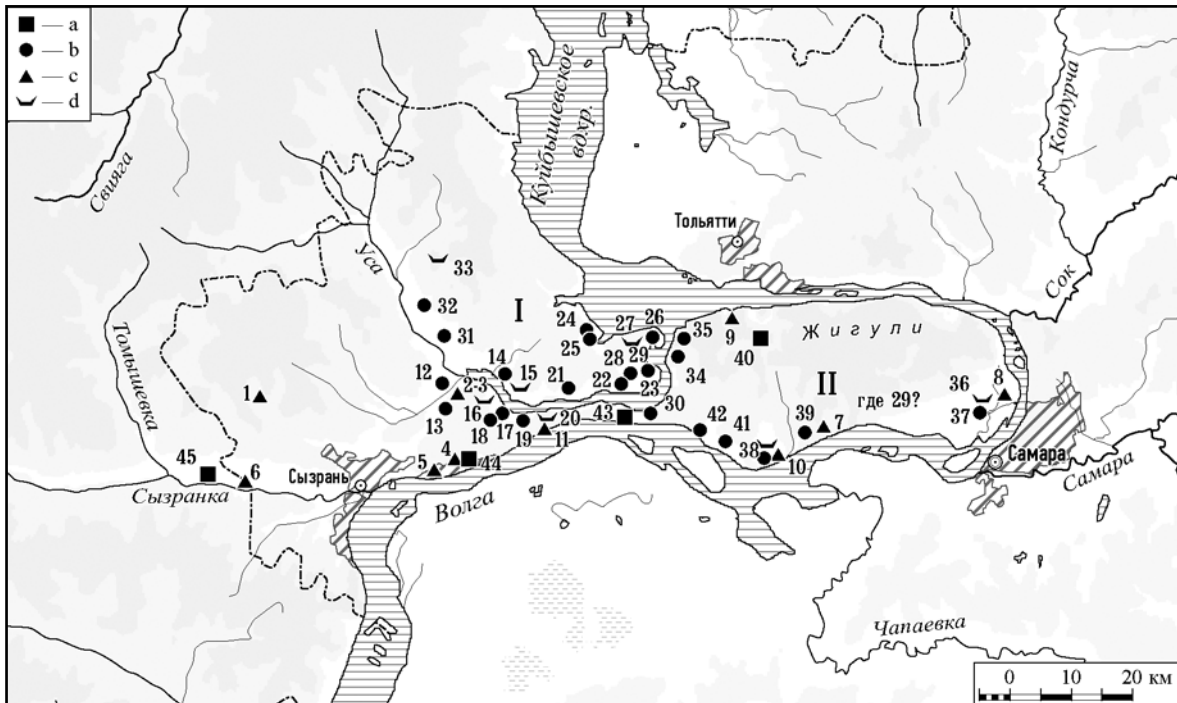

Рис. 1. Карта-схема золотоордынских памятников в правобережье Самарского Поволжья. Условные обозначения: а — городища; б — селища; с — клады и случайные находки; d — грунтовые могильники. 1 — Жемковка; 2—3 — Губино; 4 — Правая Волга; 5 — Ст. Костычи; 6 — Голодяевка (ныне Садовое Ульяновской области); 7 — Винновка; 8 — Подгоры; 9 — Яблоневый овраг; 10 — Лбиче; 11 — Печерское; 12 — Усинское I селище; 13 — Губинское селище; 14 — Муранское селище; 15 — Муранский могильник (на окраине селища); 16 — Муранский могильник; 17 — Воскресенское I селище; 18 — Воскресенское II селище; 19 — селище Печерские выселки; 20 — Печерский могильник; 22 — Комаровское I селище; 21 — Анновское селище; 23 — Комаровское II селище; 24 — Усольское IV селище; 25 — Усольское II селище; 26 — Березовское I селище; 27 — Березовское II селище; 28 — Березовский могильник; 29 — селище Рубленое озеро; 30 — м/н Услава; 31 — Шигонское I селище; 32 — Белоключинское м/н; 33 — Кузькинский могильник; 34 — селище Уркина Гора; 35 — селище Лепешка; 36 — Рождественское селище; 37 — Усинский II могильник; 38 — селище Лбиче III — Новый Путь, могильник Ман-тепе; 39 — Лбиченское II селище; 40 — Александровское городище; 41 — Брусаянское селище; 42 — Малорязанское II селище; 43 — Междуреченское городище; 44 — городище Костычи; 45 — городище Канадей.

Fig. 1. Map of Golden Horde Sites on the Right Bank of the Samara Volga Region. Legend: a — hillforts; b — settlements; c — hoards and stray finds; d — burial grounds. 1 — Zhemkovka; 2—3 — Gubino; 4 — Pravaya Volga; 5 — Starye Kostychi; 6 — Golodyaevka (now Sadovoe, Ulyanovsk region); 7 — Vinnovka; 8 — Podgory; 9 — Yablonevyy ovrag; 10 — Lbische; 11 — Pecherskoye; 12 — Usinsk I settlement; 13 — Gubinskoye settlement; 14 — Muranskoye settlement; 15 — Muransky burial ground (in the margin of settlement); 16 — Muransky burial ground; 17 — Voskresenskoye I settlement; 18 — Voskresenskoye II settlement; 19 — Pecherskiye Vyselki settlement; 20 — Pechersky burial ground; 22 — Komarovskoye I settlement; 21 — Annovskoye settlement; 23 — Komarovskoye settlement II; 24 — Usolskoye IV settlement; 25 — Usolskoye II settlement; 26 — Berezovskoye I settlement; 27 — Berezovskoye settlement II; 28 — Berezovsky burial ground; 29 — Rublenoe Ozero settlement; 30 — Uslada; 31 — I Shigonskoye settlement; 32 — Beloklyuchinskoye; 33 — Kuzkinsky burial ground; 34 — Urkina Gora settlement; 35 — Lepeshka settlement; 36 — Rozhdestvenskoye settlement; 37 — Usinsky II burial ground; 38 — Lbische III — Novyi Put' settlement, Man-Tepe burial ground; 39 — Lbischenskoye II settlement; 40 — Alexandrovskoye hillfort; 41 — Brusyanskoye settlement; 42 — Maloryazanskoye II settlement; 43 — Mezhdurechenskoye hillfort; 44 — Kostychi hillfort; 45 — Kanadey hillfort.

скорректированные с учетом современных данных и музейных коллекций.

Раскопками были исследованы не более десяти памятников, включая Муранский могильник (В.Н. Поливанов, конец XIX в.) и Муранское селище, Березовское селище (А.Е. Алихова, Куйбышевская экспедиция, 1950-е годы), Усинский II могильник (И.Н. Васильева, 1988 г.),

Междуреченское городище (С.И. Приказчиков, С.Э. Зубов, Г.И. Матвеева, И.Н. Васильева, 1989—1990 гг.). В последние годы экспедиция СОИМК им. П.В. Алабина провела раскопки на нескольких памятниках, что способствовало увеличению источниковой базы, в том числе на Кузькинском могильнике, Малорязанском II селище. Ряду памятников к настоящему вре-

мени нанесен существенный урон либо в процессе затопления Куйбышевским водохранилищем, либо в ходе хозяйственного освоения территорий. В 2010 г. в условиях значительного снижения уровня воды в Усинском заливе водохранилища было вновь обследовано Муранское селище, в ходе которого были получены представительные материалы, существенно дополнившие характеристику этого памятника.

Анализ взаиморасположения памятников рассматриваемого региона, даже без использования современных технологий, позволяет установить территориальную структуру системы расселения. Выделяются две зоны размещения памятников, или два микрорайона: 1) Усинский микрорайон, 2) микрорайон внутренней части излучины Самарской Луки. В первой зоне (микрорайоне) памятники локализуются по обоим берегам р. Усы практически от ее среднего течения до устья — места впадения в р. Волгу. Во второй зоне (микрорайоне) памятники расположены вдоль береговой линии р. Волги. Оценивая памятники каждого микрорайона, прежде всего, по размерам, определенным в основном по разведочным исследованиям (по отдельным памятникам имеются обобщенные данные в: Фахрутдинов 1975: 186—189),

следует подчеркнуть, что в первой зоне преобладают поселения небольших размеров, во второй зоне памятники имеют размеры преимущественно 20—50 га (например, Малорязанское II селище, селище Лбище-Новый Путь).

Для первого микрорайона выделяется поселение с доминирующим положением — Муранское селище, которое может рассматриваться как региональный центр, имевший связи со всеми или с большинством поселений всего правобережья. Для второго микрорайона характерно наличие нескольких узловых пунктов с линейной системой взаимосвязи (Междуреченское городище, Малорязанское II селище, Бруснянское селище, селище Лбище-Новый Путь и др.). Датировка многих поселений в последние годы была уточнена по нумизматическим материалам и укладывается в рамки второй половины XIII в. — 1360-е годы.

Для получения более полной картины заселения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды, определения характера и значимости каждого поселения в иерархии пространственной организации необходимо точно локализовать памятники, уточнить их размеры, охарактеризовать материальную культуру.

Васильева И.Н. 2000. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья. В: Васильева И.Н., Матвеева Г.И. (ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье*. Москва: Наука, 293—346.

Захаров А.С. 1971. *Рельеф Куйбышевской области (Пособие по краеведению)*. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Кочкина А.Ф. 1999. Муромский городок — региональный центр Волжской Болгарии домонгольско-

го периода на Самарской Луке. В: Матвеева Г.И. (ред.). *Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции*. Самара: Самарский университет, 165—173.

Морозов В.Ю. 1995. Топография кладов и случайных находок монет на территории Самарской области. В: Кабытов П.С. (ред.). *Краеведческие записки VII*. Самара: СамВен, 319—326.

Фахрутдинов Р.Г. 1975. *Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория*. Казань: Татарское книжное издательство.

Anna F. Kochkina. The Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Address: Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation. E-mail: archeo@list.ru

On Spatial Organization Characteristics of the Settlement System in the Right-Bank Volga Samara Region During the Golden Horde Period. The sites of the right bank of the Samara Volga region including the Samarskaya Luka (Bend) of the Volga River and the Usa River watershed constitute a special group of the Golden-Horde period sites of the Middle Volga region. An analysis of the sites topography in the context of geographical features of the area in question allowed defining its territorial structure. On the basis of settlements location features, a zonal model of regionalization is proposed. In the territory of the district, two micro-districts are distinguished: 1) the Usinsk micro-district, 2) a micro-district inside the Samara Bend. Each of them is characterized by an appropriate reference framework of settlement, which is associated with the peculiarities of functioning and settling. In the first case, the settlement occupies the dominant position (the Muranka settlement site), while the second district is characterized by the presence of several key points with the linear interconnection system (Mezhdurechensky hillfort, Malaya Ryazan 2 and Lbische — Novyi Put' settlements, etc.).

Keywords: Volga Upland, Samara Volga region, Golden Horde, settlement system, microdistricts, support frame.

References

- Vasil'eva, I.N. 2000. In Vasil'eva, I.N., Matveeva, G.I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e* (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Early Iron Age and the Middle Ages). Moscow: "Nauka" Publ., 293—346 (in Russian).
- Zakharov, A.S. 1971. *Rel'ef Kuibyshevskoi oblasti (Posobie po kraevedeniiu)* (Relief of the Kuybyshev Oblast: Local Lore Textbook). Kuybyshev: "Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv.* (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kochkina, A.F. 1999. In Matveeva, G.I. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia. K 30-letiiu Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Issues of Archaeology of the Ural and Volga River Regions: on the 30th Anniversary of the Middle Volga Archaeological Expedition). Samara: Samara State University, 165—173 (in Russian).
- Morozov, V. Yu. 1995. Topografiia kladov i sluchainykh nakhodok monet na territorii Samarskoi oblasti. In Kabytov, P.S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* VII. Samara: "SamVen" Publ., 319—326 (in Russian).
- Fakhrutdinov, R.G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii* (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory). Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

К вопросу о хронологии Укека и памятников его округи

Ключевые слова: Золотая Орда, Саратовская область, город Укек, нумизматика, заматня, Абдаллах, история, археология.

Время основания Укека точно не установлено. Возможно, поселок на его месте в 1253 г. посетил Г. де Рубрук (Рубрук 1997: 116). Самое раннее упоминание города Укека принадлежит Марко Поло. Он указывает, что братья Поло переправились здесь через Волгу, предположительно, в 1262—1263 гг. (Поло 1997: 193). Возникновение урбанистического центра происходило на месте переправы через Волгу, вероятно, в сторону одной из ханских ставок. Укек расположился не на типичной для золотоордынских городов равнине, а в оползневой зоне пересеченного рельефа с многочисленными холмами и оврагами.

Самые ранние монеты, обнаруженные на Увекском городище, принадлежат болгарскому чекану Мунке и датируются 1250-ми гг. (Недашковский 2000: 17). Медные и серебряные монеты Менгу-Тимура, чеканенные в 1270-е — в начале 1280-х гг., стабильно встречаются при раскопках в ранних слоях памятника (Кубанкин, Петров 2013: 56; Петров, Кубанкин 2015). В это время уже существуют поселения в округе: Хмелевское I селище — в 8 км к юго-востоку от Укека (Гумаюнов 2002: 58—59), Кондаковское селище — в 60 км вниз по течению от города (Гумаюнов 2004: 151), Белогорское — в 100 км к югу (Баринов 2015: 150). Захоронение с двумя серебряными монетами времени правления Менгу-Тимура и Туда-Менгу найдено в окрестностях пос. Улеша на территории современного Саратова, в 9 км к северу от Укека (Недашковский 2000: 134).

Среди общего числа нумизматических находок с Увекского городища вместе с монетами Туда-Менгу и Тула-Буги они составляют 10,6%, что является редким явлением для золотоордынских памятников (Недашковский 2000: 17). Это свидетельствует о развитии денежного обращения в Укеке в указанный период, ведется градостроительная деятельность. Металлургический горн христианского квартала датируется 1270-ми гг.; в 1280-е гг. здесь был построен храм на мощном каменном фундамен-

те с черепичной кровлей и фресковой росписью (Кубанкин 2014).

Наивысшего административного расцвета Укек достигает во времена правления Токты. Город чеканит собственные монеты, которые активно распространяются не только в Укеке, но и на территории Самарского Поволжья, Ульяновска, Сызрани и в пределах современной Пензенской области (Петров, Бургачев 2012: 153—159; Лебедев 2013: 19; Винничек, Лебедев 2004: 121, 145). Наибольший процент серебряных монет на Хмелевском и Кондаковском селищах приходится на первое десятилетие XIV в., т.е. на дореформенный период монет Токты (Гумаюнов 2002: 59; 2004: 151). Рубежом XIII—XIV вв. датируются элитарные вещи, найденные на городище: печать князя Михаила (Кубанкин 2008), печать Семенова (Крамаровский 1999) и пр. Во времена правления Токты в Укеке жили или посещали его представители монгольской элиты, погребения которой были обнаружены на южной окраине городища и датируются рубежом веков (Кубанкин 2006: 201—204). В фондах Саратовского музея краеведения хранится могильная плита Яхьи сына Мухаммеда, умершего в 1297—1298 гг. (Инв. №: СМК 75963). В этот период прослеживаются активные связи с западными территориями. Обнаружены медные монеты из Исакчи и Константинополя (Кубанкин, Петров 2013: 56; Петров, Кубанкин 2015: 63). В 1300-х гг. происходит разрушение христианского храма в результате пожара.

С приходом к власти Узбека Укек начинает терять свое административное влияние на окрестные территории, прекращается чеканка монет с названием города. Теперь уже мохшанский чекан распространяется по территории, где ранее ходила укекская монета, в том числе в самом Укеке. В материалах наших раскопок мохшанский чекан доминирует над остальными монетными дворами, за исключением Сараев и Гюлистана. Подобная картина отмечается в коллекции подъемного материала с Увекского городища (Недашковский 2000:

19) и на памятниках округа. На Хмелевском I селище в окрестностях Укека мохшанский чекан уверенно лидирует по количеству находок (Гумаюнов 2002: 60, 64). На Кондаковском селище, расположенном в 60 км к югу от Укека, доминирование Мохши среди других провинциальных монетных дворов сглаживается и уравнивается с другими (Гумаюнов 2004: 151).

Несмотря на утрату права чекана собственной монеты, общая тенденция расширения площади золотоордынских городов в правление Узбека и Джанибека справедлива и для Укека. В это время город достигает своих максимальных размеров. На южной окраине располагается ремесленный квартал, где обнаружены гончарные и металлургические горны (Кубанкин 2015: 156—159), на северо-западной окраине возводится гидротехническое сооружение для аккумуляции и последующей подачи в город технической воды (Кубанкин 2013). Вокруг Укека возникают крупные мусульманские некрополи, что свидетельствует о доминировании ислама в данный период. Вместе с тем продолжают захоронения элиты по языческим традициям: с северо-восточной ориентировкой и богатым погребальным инвентарем. В христианском квартале в 1330-е гг. сооружается новый храм.

Общая площадь городища в 1330—1350-е гг. вместе с прилегающими некрополями, по предварительным подсчетам, составляет не менее 180 га; с учетом условно выделенной затопленной части городища она расширяется до 270 га. В 1334 г. Укек посетил Ибн-Баттута, который назвал его городом «средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» (Тизенгаузен 1884: 303). В этот период активно развивается округа Укека. Монеты времени правления Узбека и Джанибека встречаются на большинстве поселений и в некоторых захоронениях как кочевого, так и оседлого населения.

В период замятни Укек начинает сокращаться в размерах. В это время продолжается монументальное строительство в центральной части города (Сингатулин 2008: 145—146). Монеты Хызра встречаются на всей площади городища. Монеты Мюрида и Абдаллаха выпадают в слой гораздо реже и являются самыми поздними на участках наших раскопов. Ко времени правления Хызра относятся самые поздние монеты в христианском квартале. Раскопанное нами жилище мастера-ювелира на северо-западной окраине городища, погибшее в результате пожара, датируется пулами Хызра и Абдаллаха (Кубанкин 2013: 182, 191). Вероятно, периодом замятни следует датировать строительство

вала и рва Увекского городища (Кубанкин 2015: 152—153).

Имеющийся нумизматический материал позволяет сделать вывод о резком сокращении монетного обращения к концу 1360-х гг., после хана Абдаллаха. В 1912 г. на Увекском городище был найден клад из 974 серебряных монет. Из них 134 — периода замятни. Самая поздняя монета принадлежит Абдаллаху, 764 г.х. (Федоров-Давыдов 1960: 136). В коллекции нумизматических находок с Увекского городища (Недашковский 2000: 209—210) к 1360-м гг. относятся 378 экземпляров, к 1370-м — 4, ко времени правления Токтамышша — 10.

Подобная картина наблюдается в округе Укека. Хмелевское I селище: из 1277 монет к периоду замятни на отрезке правления ханов от Кульпы до Абдаллаха относятся 135 монет. Позднее Абдаллаха монет не обнаружено (Гумаюнов 2002: 60—63). Клад у Пионерского пруда (Болдыревское селище, в 9 км к северо-западу от Укека) состоит из 74 серебряных монет, ко времени замятни относятся 12. Самые поздние — чекан Хызра 761 г.х. (Пырсов, Моржерин 2000). Клад был зарыт в период замятни и не ранее 1360 г. Поселение пережило гражданскую войну. Здесь были обнаружены 3 медные монеты Токтамышша (Недашковский 2000: 118). Поселение Подгорное, Энгельсский район (11 км к юго-востоку от Укека): 28 монет, из них 4 — периода замятни не позднее 764 г.х., 2 монеты чеканены при Токтамышше (Недашковский 2000: 124). Клад у с. Полчаниновка Татищевского р-на (55 км к СЗ от Укека): 297 монет периода замятни, из которых самая поздняя относится к чекану Мюрида, т. е. к 1364 г. (Недашковский 2000: 159). Кочевническое захоронение у пос. Вишневое в г. Саратове (15 км к северу от Укека): 11 дирхемов чекана Азака, самые поздние из которых (6 экз.) с именем Абдаллаха, 765 г.х. (Дремов 1985: 243).

Практически полное отсутствие монет 1370-х гг. в Укеке и его окрестностях может иметь разное объяснение. Г. А. Федоров-Давыдов полагал, что малое число кладов 1370-х гг. в Поволжье следует объяснять нежеланием использования новых, более легких серебряных монет (Федоров-Давыдов 1960: 110). Мы полагаем, что город и его округа подверглись мощному разграблению в ходе гражданской войны. В частично раскопанной Л. Л. Краснодубровским в 1891 г. и В. П. Юрьевым в 1895 г. общественной бане обнаружены следы побоища и не менее 22 полных скелетов (Кубанкин 2007: 204). По мнению авторов раскопок, здание погибло в результате пожара. Жилище ювелира

на северо-западной окраине городища, датированное монетами Хызра и Абдаллаха, также погибло в результате пожара. Примечательно, что в Азаке следы массового уничтожения городского населения сопровождаются монетами Абдаллаха. А.Н. Масловский датирует «резню» 1370 годом и связывает ее с расправой Мамай над своим ставленником Абдаллахом (Масловский, Фомичев 2004: 500). Не исключено, что схожему разграблению примерно в это время подвергся Укек и его округа.

Некоторый экономический подъем наблюдается при правлении Токтамышша. Хотя археологических комплексов, датированных этим временем, нам не известно, находки монет с именем Токтамышша на городище встречаются, а письменные источники упоминают о разорении города или округа Укека войсками Тамерлана в 1395 г. (Тизенгаузен 1941: 121, 185). Продолжалась жизнь на отдельных поселениях округа: на Болдыревском селище и поселении в Подгорном. В 1847 г. в Саратове был найден клад из 46 серебряных монет. Самая поздняя

принадлежит Токтамышшу (Федоров-Давыдов 1960: 157). Возле с. Рыбушка Саратовского района, в 40 км к юго-западу от Укека был обнаружен клад не менее чем из 111 серебряных монет, среди которых — дирхемы времен Токтамышша (Федоров-Давыдов 1960: 157).

После похода Тамерлана 1395 г. количество монет на памятниках резко сокращается, а точнее, стремительно приближается к нулю. На Увекском городище таких находок нам не известно. В 1995 г. под Саратовом на Волге (точное место находки неизвестно) был найден клад из 11 серебряных монет, датированных 1350—1420-ми гг. (Лебедев, Тростянский 1997). Полученные результаты свидетельствуют о существовании Укека с последней трети, а возможно, и с середины XIII в. до конца XIV в. Округа начала формироваться в последней трети XIII в., вместе с Укеком пережила серьезный упадок ко времени правления Абдаллаха и практически полностью перестала существовать после нашествия Тамерлана.

- Баринов Д. Г. 2015. Поселение и могильник XIII—XIV века у села Белогорское. *Археология Восточно-Европейской степи* 11. Саратов: СГУ, 149—159.
- Винничек В. А., Лебедев В. П. 2004. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным. *Древности Поволжья и других регионов V. Нумизматический сборник* 4. Москва; Нижний Новгород, 119—148.
- Гумаюнов С. В. 2002. Нумизматический материал XIII—XIV вв. Саратовская область. Ч. 1. Монетные сборы с Хмелевского I селища. *Древности Поволжья и других регионов IV. Нумизматический сборник* 3. Москва: Информэлектро, 56—72.
- Гумаюнов С. В. 2004. Нумизматический материал XIII—XIV вв. Саратовская область. Часть 2. Монетные сборы с Кондаковского I селища. *Древности Поволжья и других регионов V. Нумизматический сборник* 4. Москва; Нижний Новгород, 149—157.
- Дремов И. И. 1985. Погребение воина с джучидскими монетами. *СА* (4), 243—245.
- Крамаровский М. Г. 1999. Печать конца XIII—XIV в. с исламским вариантом христианской легенды об отроках из Эфеса. *Татарская археология* (1—2), 39—48.
- Кубанкин Д. А., 2006. Погребальные памятники Увекского городища. В: Лопатин В. А. (отв. ред.). *Археология Восточно-Европейской степи* 4. Саратов: Научная книга, 190—213.
- Кубанкин Д. А. 2007. Археологические раскопки на Увекском городище в конце XIX в. В: Лопатин В. А. (отв. ред.). *Археология Восточно-Европейской степи* 5. Саратов: Научная книга, 200—217.
- Кубанкин Д. А. 2008. Находка на Увекской печати «князя Михаила». *Археологическое наследие Саратовского края* 8. Саратов: Научная книга, 156—161.
- Кубанкин Д. А. 2013. Археологические раскопки на Увекском городище в 2008—2009 гг. *Археологическое наследие Саратовского края* 11. Саратов: Научная книга, 179—191.
- Кубанкин Д. А. 2014. Археологические раскопки на Увекском городище в 2012—2013 гг. (предварительное сообщение). *Археологическое наследие Саратовского края* 12. Саратов: ИППОЛит-XXI век, 144—154.
- Кубанкин Д. А. 2015. Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение). *Поволжская археология* 14 (4), 150—171.
- Кубанкин Д. А., Петров П. Н. 2013. Джучидские находки из материалов раскопок на Увекском городище в 2010—2012 гг. в контексте археологических находок. *Нумизматика Золотой Орды* 3, 55—60.
- Лебедев В. П., 2013. Монетный комплекс XI—XV вв. со средневекового поселения Шиловка Ульяновской области. *Нумизматика Золотой Орды* 3, 16—26.
- Лебедев В. П., Тростянский О. В. 1997. Небольшой клад джучидских монет XIV—XV вв. из-под Саратова. *Древности Нижегородского Поволжья II. Нумизматический сборник* 1. Нижний Новгород: Конвек, 78—86.
- Масловский А. Н., Фомичев Н. М. 2004. О дате побоища в Азаке времени «великой зямтани» в Орде. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г.* 20. Азов: Азовский музей-заповедник, 487—508.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Восточная литература.
- Петров П. Н., Бургачев А. И. 2012. Анализ нумизматических находок джучидских монет с территории Самарской Луки из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. *Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII—XVI в.)*. Самара: Офорт, 153—159.
- Петров П. Н., Кубанкин Д. А., 2015. Раскопки на Увекском городище в 2013 г. Нумизматический аспект. *Нумизматика Золотой Орды* 5, 61—66, 151—152.
- Поло М. 1997. Книга Марко Поло. *Путешествия в Восточные страны*. Москва: Мысль, 192—380.
- Пырсов Ю. Е., Моржерин К. Ю. 2000. Клад серебряных монет XIV века у пруда Пионерский. *Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы*. Материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений. Саратов: СГУ, 201—203.

- Рубрук Г. 1997. Путешествие в восточные страны. *Путешествия в Восточные страны*. Москва: Мысль, 88—189.
- Сингатулин Р.А. 2008. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. *Археологическое наследие Саратовского края* 8. Саратов: Научная литература, 139—155.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет. *Нумизматика и эпиграфика* I, 94—192.

Dmitriy A. Kubankin. Saratov Regional Museum of Local Lore. Address: Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation. E-mail: kubankin2008@yandex.ru

To the Problem of Ukek Chronology and Sites in Its Environs. Written sources, numismatic finds and the stratigraphy of the site are employed to retrace the chronology of Ukek. Stages associated with the ruling khans are revealed. Principal changes in the city development are demonstrated. The chronology of the urban center is compared with the data on the adjacent settlements. The intensive development of Ukek and individual sites in its vicinity in 1260-1270s, alongside with its growing administrative influence during the rule of Tokhta, a substantial increase of the city area and that of the number of settlement monuments in the Uzbek and Jani Beg periods are specified. An assumption is made as to the devastation of Ukek and some of the adjacent areas during the last years of Abdullah's rule and its subsequent decay in the 1370s. A brief recovery during the rule of Tokhtamysh, as well as a practically total absence of any materials related to the periods following Tamerlane's invasion in 1395 are noted.

Keywords: Golden Horde, Saratov Region, Ukek city, numismatics, civil discord, Abdullah.

References

- Barinov, D.G. 2015. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 11. Saratov: Saratov State University, 149—159 (in Russian).
- Vinnichuk, V.A., Lebedev, V.P. 2004. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov) V. Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 4. Moscow; Nizhny Novgorod, 119—148 (in Russian).
- Gumaiunov, S.V. 2002. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov) IV. Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 3. Moscow: "Informelektro" Publ., 56—72 (in Russian).
- Gumaiunov, S.V. 2004. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov) V. Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 4. Moscow; Nizhny Novgorod, 149—157 (in Russian).
- Dremov, I.I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (4), 243—245 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1999. In *Tatarskaia arkheologiiia (Tatar Archaeology)* (1—2), 39—48 (in Russian).
- Kubankin, D.A., 2006. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 190—213 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2007. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 200—217 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 156—161 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2013. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 179—191 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2014. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 12. Saratov: "IPPOLiT-XXI vek" Publ., 144—154 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 150—171 (in Russian).
- Kubankin, D.A., Petrov, P.N. 2013. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 3, 55—60 (in Russian).
- Lebedev, V.P. 2013. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 3, 16—26 (in Russian).
- Lebedev, V.P., Trostianskii, O.V. 1997. In *Drevnosti Nizhegorodskogo Povolzh'ia II. Numizmaticheskii sbornik* 1. Nizhny Novgorod: Konvek, 78—86 (in Russian).
- Maslovskii, A.N., Fomichev, N.M. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2003)* 20. Azov: Azov Museum Reserve, 487—508 (in Russian).
- Nedashkovskii, L.F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okrug (The Golden Horde City of Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Petrov, P.N., Burgachev, A.I. 2012. In *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoi Rossiiskoi istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII—XVI v.) (Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (late 13th — 16th Centuries))*. Samara: "Ofort" Publ., 153—159 (in Russian).
- Petrov, P.N., Kubankin, D.A., 2015. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 5, 61—66, 151—152 (in Russian).
- Polo, M. 1997. *Kniga Marko Polo (Book of Marco Polo)*. In Gornung M.B. (ed.). *Puteshestviia v Vostochnye strany (The Journeys to the Eastern Parts)*. Series: Puteshestviia i puteshestvenniki (Travels and Travelers). Moscow: "Mysl" Publ., 192—380 (in Russian).
- Pyrsov, Yu.E., Morzherin, K. Yu. 2000. In *Saratovskoe Povolzh'e v panorame vekov: istoriia, traditsii, problemy (Saratov Volga Region in the Panorama of Ages: History, Traditions, Problems)*. Saratov: Saratov State University, 201—203 (in Russian).
- Rubrouck, G. 1997. *Puteshestvie v vostochnye strany (The Journey to the Eastern Parts)*. In Gornung M.B. (ed.). *Puteshestviia v Vostochnye strany (The Journeys to the Eastern Parts)*. Series: Puteshestviia i puteshestvenniki (Travels and Travelers). Moscow: "Mysl" Publ., 88—189 (in Russian).
- Singatul'in, R.A. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 139—155 (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) I. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Typografiya of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) II. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I, 94—192 (in Russian).

Вопрос о границе между Мамаевой и Волжской Ордой

Ключевые слова: Волго-Донское междуречье, Золотая Орда, «великая замятня», Мамай, Водянское городище, нумизматика, история, археология.

Вопрос о прохождении границы между двумя политическими центрами — Сараем и Ордой Мамаю, неоднократно поднимался в отечественной историографии и до сих пор не потерял своей актуальности.

Так, В. Л. Егоров проводил эту границу по Волге, на основании монетного материала. Отмечается, что Кельдибек, был последним сарайским ханом, чеканившим в Сарае ал-Джедид и Азаке. После него, начиная с Мюрида, ханы чеканят свои монеты в городах, располагавшихся только на левом берегу Волги, как правило, имеются в виду Сарай ал-Джедид и Гюлистан (Егоров 1985). Это обстоятельство, вслед за В. Л. Егоровым, признается и другими исследователями, например, В. Г. Рудаковым (Рудаков 2000: 305–323).

Однако по этому вопросу было высказано и другое мнение. Ю. Е. Варваровский полагает, что граница владений Мамаю проходила по Дону, и территориально его власть распространялась на традиционное западное крыло Ак-Орды (Варваровский 2008: 94). Вместе с тем, этот же автор утверждает, что Мамай контролировал Волго-Донское междуречье в период правления Абдаллаха и в доказательство приводит монеты чекана Орды и Азака, большая часть которых

обнаружена в Приазовье (Варваровский 2008: 99). Однако приведенный монетный материал, бесспорно, указывает только на контроль Мамаю над территориями донского региона, а не междуречья.

Разделение сфер влияния по Дону между Ногаем и Токтой было отмечено еще Г. А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов 1973: 60). Характеризуя систему деления Золотой Орды на крылья, Е. П. Мыськов пишет, что границы их сформировались уже при Бату и на протяжении длительного времени сохранялись в неизменном виде (Мыськов 2003б: 47).

В подтверждение версии о прохождении границы по Дону можно отметить следующее: на территории Волго-Донского междуречья не представлены города, чеканившие монеты в данный период. Следовательно, для определения политической принадлежности данной территории больше подходит такой показатель, как употребление монет определенных типов в городах, расположенных между Волгой и Доном. Ярким примером здесь могут стать материалы Водянского городища.

Были рассмотрены медные монеты Водянского городища, найденные в результате работ экспедиций под руководством Г. А. Федорова-

Таблица 1.

Количество медных монет по типам. Водянское городище

Аверс	Реверс	Дата	Кол-во
В квадрате, вписанном в круг: «Султан справедливый Хайр-Пулад хан, да продлится правление его»	Чекан Сарая ал-Джедид, 764	1362—63	3
В шестилепестковом обрамлении с кружочками на стыках — барс, идущий влево, с виньеткой над спиной.	Чекан Гюлистана, 764	1362—63	32
В шестилепестковой розетке, вписанной в круг: «Хан Абдаллах, да продлится правление его»	Чекан Азака, 765	1363—64	2
Шестиосевая цветочная розетка	Чекан Джедид, 765	1363—64	5
Двуглавый орел в центре шестиконечной звезды	Чекан Гюлистана, 766 (прописью по кругу)	1364—65	4
Анонимный пул	Сарай ал-Джедид, 768	1366—67	1
Птица с изогнутым клювом вправо	Чекан Сарая ал-Джедид, 776	1374—75	6
Стилизованный цветочный орнамент	Чекан Мохши (?) 777 или 772	1370-е	1

Давыдова (Егоров, Полубояринова 1974: 39—79; Егоров, Федоров-Давыдов 1976: 108—167), Е.П. Мыськова (Мыськов 1993; 1997; 1998; 2000а; 2000б; 2001; 2003а; 2005; 2006); А.С. Лапшина (Лапшин 2011). Кроме того, учтены монеты, собранные В.Б. Клоковым (Клоков, Лебедев 2000: 64—147).

Нумизматические материалы свидетельствуют о принадлежности этого города к сарайскому региону: из 54 монет, относящихся к периоду «замятни», начиная с 764 г.х.

(1362—63 гг.) только 2 отчеканены в Азаке в 765 г.х. (1363—64 гг.).

Косвенным подтверждением может также служить небольшой эпизод, зафиксированный в русских летописях. Сообщается, что после того как «Мамай замыте всем царством его [Тимур-ходжи]», Тимур-ходжа «побеже за Волгу» (ПСРЛ 1859: 11). Такое поведение поверженного хана выглядит нелогичным, если считать территорию Заволжья теми землями, на которые распространялась власть Мамаю.

Варваровский Ю.Е. 2008. *Улус Джучи в 60—70-е годы XIV века*. Казань: ИИ АН РТ.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 39—79.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. 1976. Исследование мечети на Водянском городище. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Средневековые памятники Поволжья*. Москва: Наука, 108—167.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. 2000. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен. *Древности Поволжья и других регионов 3. Нумизматический сборник 2*, 64—147.

Лапшин А.С. 2011. *Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией на Водянском городище у г. Дубовки Волгоградской области в 2010 году*. Архив ВОКМ. № 278.

Мыськов Е.П. 1993. *Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1993 году*. Архив ВОКМ. № 92.

Мыськов Е.П. 1997. *Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1997 году*. Архив ВОКМ. № 141.

Мыськов Е.П. 1998. *Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1998 году*. Архив ВОКМ. № 142.

Мыськов Е.П. 2000а. *Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1999 году*. Архив ВОКМ. № 144.

Мыськов Е.П. 2000б. *Отчет об археологических исследованиях проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного*

педагогического университета на Водянском городище и могильнике Маляевка VI в 2000 году. Архив ВОКМ. № 148.

Мыськов Е.П. 2002. *Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, Северо-западном, Северо-восточном пригородах Царевского городища в 2001 году*. Архив ВОКМ. № 164.

Мыськов Е.П. 2003а. *Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, могильниках Жирновск III, Недоступов и кургане у села Линево в Дубовском и Жирновском районах Волгоградской области в 2003 году*. Архив ВОКМ. № 194.

Мыськов Е.П. 2003б. *Политическая история Золотой Орды (1236—1313 гг.)*. Волгоград: Волгоградский государственный университет.

Мыськов Е.П. 2005. *Отчет об археологических раскопках на Водянском городище в Дубовском районе Волгоградской области, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета в 2005 г.* Архив ВОКМ. № 218.

Мыськов Е.П. 2006. *Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета в Городищенском, Дубовском, Октябрьском и Клетском районах Волгоградской области в 2006 году*. Архив ВОКМ. № 226.

ПСРЛ 1859: *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*. 1859. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.

Рудаков В.Г. 2000. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана. *Труды ГИМ* 122, 305—323.

Федоров-Давыдов Г.А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.

Irina Yu. Lapshina. Candidate of Historical Sciences. Volgograd Regional Museum. Address: Lenin Ave., 7, Volgograd, 400131, Russian Federation. E-mail: ilapsh@inbox.ru

About the Border between the Mamai and the Volga Hordes. The established opinion of the Russian historiography runs that the border between the Mamai and the Volga Hordes was fixed along the Volga River. A collection of coins dating to the Great Internecine Strife (“*velikaya zamyatnya*”) period from the Vodyanskoe hillfort site was studied. These data made it possible to conclude that the town on the left-bank Volga area may be related to the Saray region (the Volga Horde domain). Besides, there is a number of indications as to earlier ulus borders along the Don and a minor annalistic evidence concerning an interesting episode in the course of the war between Timur-Khodja and Mamai. All this allows raising the problem of a possible location of the border between the Mamai and the Volga Hordes along the Don River.

Keywords: Volga-Don region, Golden Horde, Great Internecine Strife, Mamai, Vodyanskoe hillfort, numismatics.

References

- Varvarovskii, Yu.E. 2008. *Ulus Dzhuchi v 60—70-e gody XIV veka (Jochid Ulus in 1360s-1370s)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Egorov, V.L., Poluboiarinova, M.D. 1974. In Smirnov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 39—79 (in Russian).
- Egorov, V.L., Fyodorov-Davydov, G.A. Issledovanie mecheti na Vodianskom gorodishche. In Smirnov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (eds.). 1976. *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108—167 (in Russian).
- Klokov, V.B., Lebedev, V.P. 2000. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugih regionov (Antiquities of the Lower Volga River Region and Other Regions) 3. Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings) 2*, 64—147 (in Russian).
- Lapshin, A.S. 2011. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiah, provedennykh Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsiei na Vodianskom gorodishche u g. Dubovki Volgogradskoi oblasti v 2010 godu (Report on the Archaeological Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition on the Vodyanskoe Hillfort near the Dubovka Town, Volgograd Oblast, in 2010)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 278 (in Russian).
- Myskov, E.P. 1993. *Otchet o rabote Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsii Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 1993 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, in 1993)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 92 (in Russian).
- Myskov, E.P. 1997. *Otchet o rabote Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsii Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 1997 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, in 1997)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 141 (in Russian).
- Myskov, E.P. 1998. *Otchet o rabote Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsii Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 1998 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, in 1998)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 142 (in Russian).
- Myskov, E.P. 2000. *Otchet o rabote Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsii Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 1999 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, in 1999)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 144 (in Russian).
- Myskov, E.P. 2000. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiah provedennykh Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsiei Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta na Vodianskom gorodishche i mogil'nike Maliaevka VI v 2000 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, on the Vodyanskoe Hillfort and the Maliaevka VI Burial Ground in 2000)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 148 (in Russian).
- Myskov, E.P. 2002. *Otchet ob issledovaniiah, provedennykh Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsiei Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta na Vodianskom gorodishche, Severo-zapadnom, Severo-vostochnom prigorodakh Tsarevskogo gorodishcha v 2001 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, on the Vodyanskoe Hillfort, North-Western and North-Eastern Suburbs of the Tsarev Hillfort in 2001)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 164 (in Russian).
- Myskov, E.P. 2003. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiah, provedennykh Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsiei Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta na Vodianskom gorodishche, mogil'nikakh Zhirmovsk III, Nedostupov i kurgane u sela Linevo v Dubovskom i Zhirmovskom raionakh Volgogradskoi oblasti v 2003 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, on the Vodyanskoe Hillfort, Zhirmovsk III and Nedostupov Burial Grounds, and the Barrow near the Linevo Village, Dubovka and Zhirmovsk Districts, Volgograd Oblast, in 2003)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 194 (in Russian).
- Myskov, E.P. 2003. *Politicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (1236—1313 gg.)*. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).
- Myskov, E.P. 2005. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh na Vodianskom gorodishche v Dubovskom raione Volgogradskoi oblasti, provedennykh Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsiei Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 2005 g. (Report on the Fieldworks on the Vodyanskoe Hillfort, Dubovka District, Volgograd Oblast, Conducted by the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, in 2005)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 218 (in Russian).
- Myskov, E.P. 2006. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiah, provedennykh Volgo-Akhtubinskoj arkhelogicheskoi ekspeditsiei Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v Gorodishchenskom, Dubovskom, Oktyabr'skom i Kletskom raionakh Volgogradskoi oblasti v 2006 godu (Report on the Fieldworks of the Volga-Akhtuba Archaeological Expedition, Volgograd State Pedagogical University, in Gorodishchensky, Dubovskiy, Oktyabrskiy, and Kletskiy Districts, Volgograd Oblast, in 2006)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore, no. 226 (in Russian).
- Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku (Continuation of the Resurrection Version Chronicle)*. 1859. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 8. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).
- Rudakov, V.G. 2000. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 122*, 305—323 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social Order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

Серебряные дирхемы Золотой Орды в степном Приуралье

Ключевые слова: степное Приуралье, Золотая Орда, погребения кочевников, серебряные дирхемы, Сарай, Хорезм, история, археология.

Комплексное изучение погребального обряда кочевников степного Приуралья показывает, что случаев исследования памятников с находением монет не много (Бисембаев 2010; Гарустович и др. 2014; Матюшко 2015). В большом количестве монеты встречаются в крупном курганном могильнике Мокринский I, в погребениях под сырцовыми оградками (Марыксин 2009: 246—275). Микроклады монет на этом памятнике датируются временем правления ханов Узбека (1313—1341 гг.) и Джанибека (1342—1357 гг.) (Пачкалов 2009: 276—277). В других памятниках периода Золотой Орды на территории Западного Казахстана в монетно-вещевых кладах также, преобладают серебряные дирхемы Узбека и Джанибека нижневолжской чеканки (Пачкалов 2009: 279).

На территории Оренбургской области серебряные дирхемы Узбека и Джанибека найдены в курганах с каменными конструкциями: два серебряных дирхема были обнаружены в I Тлявгуловском курганном могильнике у г. Кувандыка в кургане 1, представляющим собой круглую каменную площадку. В погребении первая монета находилась между коленями, а вторая — под кистью левой руки. Учитывая, что рука была согнута на животе, можно предположить, что в процессе совершения захоронения она была вложена в левую руку. Первая монета, на лицевой стороне: «Султан справедливый Узбек-хан», на оборотной стороне: символ «Нет бога, кроме Аллаха и Мухаммед пророк его». На второй монете, на лицевой стороне: «Султан справедливый Джанибек-хан», на оборотной стороне: чекан в Гюлистане, год 752 г. х. (1349/1350) (Иванов 1984: 80).

Также во время раскопок II Новоорского могильника близ города Орск в кургане № 1, насыпь которого состояла из земли и камня, в погребении был найден серебряный дирхем, отчеканенный от имени хана Узбека в Сарае и еще обломки неопределенных монет (Заседателева 1988).

При раскопках I Андреевского курганного могильника в Саракташском районе Оренбургской области в кургане № 1, сооруженном из земли и камня, были обнаружены три серебряных дирхема, отчеканенные при Узбеке и Джанибеке в Хорезме (Матюшко 2015: 74).

Еще один серебряный дирхем хана Узбека был найден недавно в Оренбургском районе Оренбургской области в ходе проведения разведочных работ сотрудниками археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета (Купцова 2014). Грунтовое погребение у с. Чебеньки с дирхемом было обнаружено случайно в колее полевой дороги, на склоне I надпойменной террасы левого берега реки Сакмары в 2,5 км к северу от села Чебеньки. По сохранившимся контурам могильного пятна были установлены границы погребения. Могильная яма имела подпрямоугольную форму размерами 2,3×0,9 м. Глубина могильной ямы 0,1 м от уровня дороги, длинной осью она была ориентирована с запада на восток. На дне могилы, на материковом грунте, находился костяк в положении вытянуто на спине, головой на запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Возле кисти левой руки была зафиксирована серебряная монета (рис. 1: 1). Монета отреставрирована (рис. 1: 2, 3) и определена к.и.н. А.А. Гомзиным (г. Рязань): Джучиды, Узбек, Сарай, год не уместился на монетной пластине или обрзан, тип 739—740 г. х. (1338—1340 гг.). Размер

■ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1471.2014К. на выполнение научно-исследовательской работы «Археологические культуры кочевников степной зоны Волго-Уральского междуречья (IV тыс. до н.э. — XV в.)».

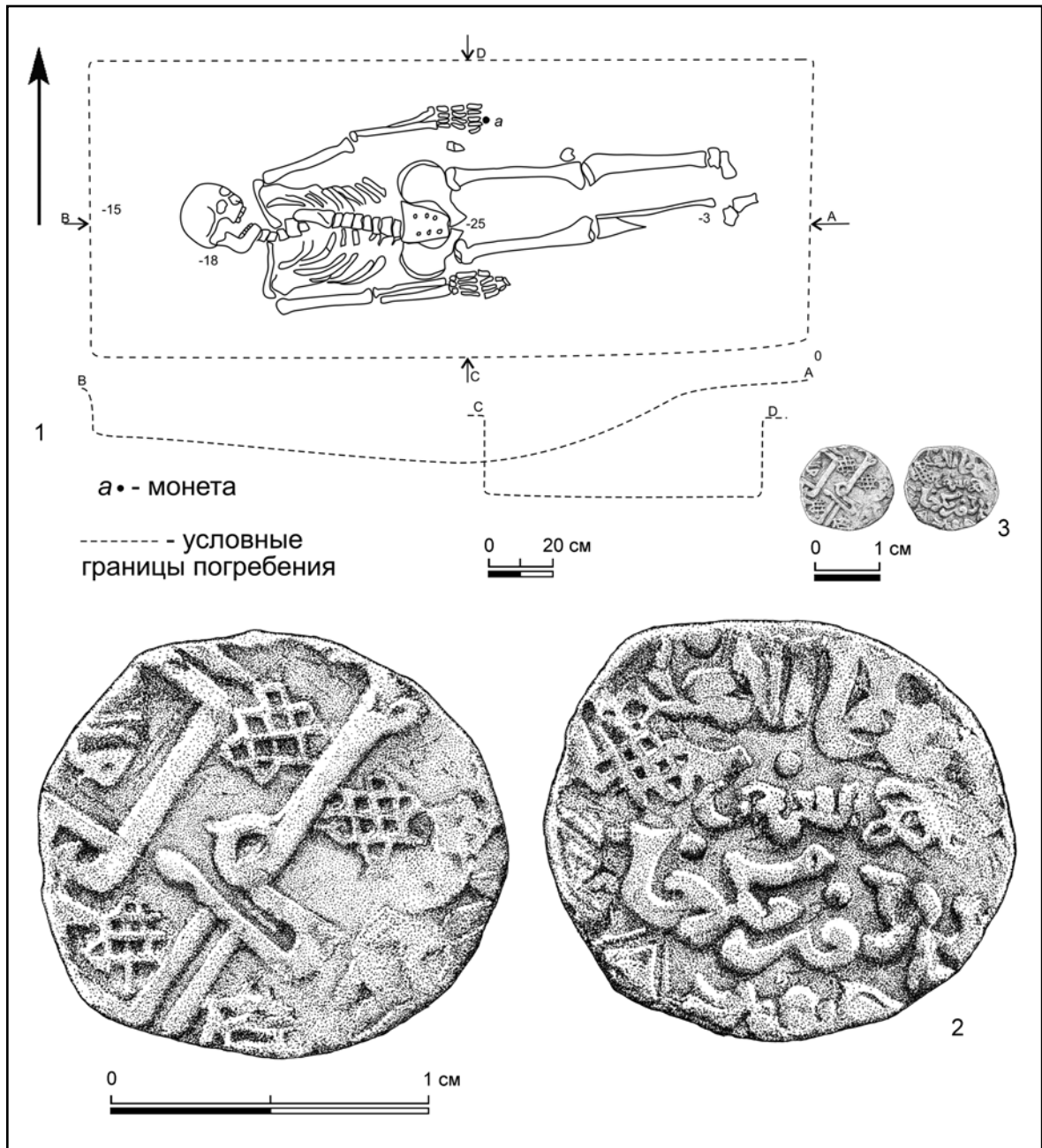

Рис. 1. Грунтовое погребение у с. Чебенки в Оренбургской области: 1 — план погребения; 2 — рисунок монеты в 5-кратном увеличении; 3 — рисунок монеты в натуральную величину.

Fig. 1. Ground burial at Chebenki village in the Orenburg region: 1 — plan of burial; 2 — drawing of a coin, 5× zoom; 3 — drawing of a coin, normal scale.

монеты 1,3×1,4 см, вес 1,2 г, серебро. Аналогии монете прослежены по классификации, составленной В.Б. Клоковым и В.П. Лебедевым, на Водянском городище (Клоков, Лебедев 2000: 306).

Таким образом, в результате изучения монет в погребениях на территории степного Приуралья подтверждаются тесные контакты региона с Нижним Поволжьем и Средней Азией в золотоордынское время.

- Бисембаев А. А. 2010. *Кочевники средневековья Западного Казахстана*. Актюбе: Издатель С. Т. Жанадилов.
- Гарустович В. Г., Иванов В. А. 2014. *Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX—XIV вв. н. э.)*. Уфа: БГПУ.
- Заседателева С. Н. 1988. *Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1988 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 13345.
- Иванов В. А. 1984. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал. *Памятники кочевников Южного Урала*. Уфа: БФ АН СССР, 75—97.
- Клоков В. Б., Лебедев В. П. 2000. Джучидские монеты с Водянского городища. В: Евглеvский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 1*. Донецк: ДонНУ, 303—344.
- Купцова Л. В. 2014. *Отчет о проведении археологических разведок в Илекском, Оренбургском, Саракташском районах Оренбургской области, на землях МО г. Оренбург в 2014 году по Открытому листу № 230*. Архив ИА РАН. Отчет в обработке.
- Марыксин Д. В. 2009. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I — по материалам работ 2008 года. *Вопросы истории и археологии западного Казахстана* 10 (1). Уральск, 246—275.
- Матюшко И. В. 2015. *Погребальный обряд кочевников IX—XIV вв. Степного Приуралья*. Оренбург.
- Пачкалов А. В. 2009. Нумизматические находки в могильнике I. *Вопросы истории и археологии западного Казахстана* 1. Уральск, 279—281.

Irina V. Matyushko. Candidate of Historical Sciences. Orenburg State Pedagogical University. Address: Sovetskaya St., 19, Orenburg, 460000, Russian Federation. E-mail: irina_dojnikova@mail.ru

Lyudmila A. Kraeva. Candidate of Historical Sciences. Orenburg State Pedagogical University. Address: Sovetskaya St., 19, Orenburg, 460000, Russian Federation. E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru

Lidiya V. Kuptsova. Orenburg State Pedagogical University. Address: Sovetskaya St., 19, Orenburg, 460000, Russian Federation. E-mail: orelin.84@mail.ru

Golden Horde Silver Dirhams on the Area of the Ural Steppe. The article is devoted to the introduction of a new finding: a silver dirham of the Golden Horde period from the burial near Cheben'ki village, Orenburg Oblast. The coin is dated to 739—740 AH (1338—1340) and is attributed to the reign of Uzbek Khan. The finding is compared to the existing analogies and is considered among other materials prepared for the mapping of dirhams found in burials located in the Cis-Ural steppes. The finds of coins in burials of this region confirm its close contacts with the Lower Volga area and Central Asia in the Golden Horde period.

Keywords: Ural Steppe, Golden Horde, burials of nomads, silver dirhams, Saray, Khwarezm.

■ Research was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project 33.1471.2014K “Archaeological Cultures of Nomads in the Steppes between the Volga and Ural Rivers (IV Millennium BC — Fifteenth Century AD)

References

- Bisembayev, A.A. 2010. *Kochevniky srednevekov'ia Zapadnogo Kazakhstana (Medieval Nomads of Western Kazakhstan)*. Aqtobe: Publisher S. T. Zhanadilov (in Russian).
- Garustovich, V.G., Ivanov, V.A. 2014. *Materialy po arkheologii srednevekovykh kochevnikov luzhnogo Urala (IX—XIV vv.n.e.) (Materials on the History of the Southern Ural Medieval Nomads, 9th—14th Centuries AD)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
- Zasedateleva, S.N. 1988. *Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1988 г. (Report on the Fieldworks of the Archaeological Expedition of the Museum of Local Lore in 1988)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 13345 (in Russian).
- Ivanov, V.A. 1984. In Ivanov, V.A. (ed.). *Pamiatniki kochevnikov luzhnogo Urala (Sites of Southern Ural Nomads)*. Ufa: Bashkiria Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 75—97 (in Russian).
- Klokov, V.B., Lebedev, V.P. 2000. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 303—344 (in Russian).
- Kuptsova, L.V. 2014. *Отчет о проведении археологических разведок в Илекском, Оренбургском, Саракташском районах Оренбургской области, на землях МО г. Оренбург в 2014 году по Открытому листу № 230 (Report on the Archaeological Field Survey in the Ileksky, Orenburgsky, Saraktashsky Districts, Orenburg Oblast, and the Municipal District “Orenburg City”, According to Excavation License no. 230)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Report is being prepared (in Russian).
- Maryksin, D.V. 2009. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Problems of History and Archaeology of the Western Kazakhstan)* 10 (1). Uralsk, 246—275 (in Russian).
- Matyushko, I.V. 2015. *Pogrebal'nyi obriad kochevnikov IX—XIV vv. Stepnogo Priural'ia (Burial Rite of the Nomads in the Steppe Cis-Urals Area in 9th—14th Centuries)*. Orenburg (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2009. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Problems of History and Archaeology of the Western Kazakhstan)* 1. Uralsk, 279—281 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Западные рубежи Ногайской Орды. К истории ногайско-крымских и ногайско-астраханских отношений XVI века

Ключевые слова: Волга, Ногайская Орда, Астраханское ханство, Крымское ханство, границы, политические отношения, военные конфликты, история, археология.

Общее представление о границах Ногайской Орды (Мангытского юрта) даёт содержательный очерк В. В. Трепавлова (Трепавлов 2002: 464—470). Важнейшим естественным рубежом на западе служила Волга, разграничение между ногаями и Астраханским ханством проходило по Бузану (Трепавлов 2002: 467). Впрочем, сами ногаи не считали эти границы непреодолимыми. Уже после краха Большой Орды в 1502 г. ногаи начали конфликтовать с крымцами за кочевья, расположенные на правом «крымском» берегу Волги. В 1514 г. начались боевые столкновения между астраханцами и ногаями. Хан Хаджи-Тархана Джанибек разгромил кочевья одного из ногайских династов Шейх-Мухаммеда. В следующем году ногаи осадили Хаджи-Тархан, но безуспешно (Моисеев 2015: 170—172). Постепенно ногайско-астраханский конфликт стих, но уже в 1519 г. астраханский хан вновь показал, что кто контролирует волжские перевозы, тот контролирует и степь.

В июле 1519 г. в Москве от посла в Турцию Б. Я. Голохвастого стало известно о затруднениях ногаев. Шейх-Мухаммед прислал посла к Мухаммад-Гирей-хану, который сообщил о вытеснении ногаев казахами. Крымский хан проявил озабоченность происшедшим. Он отправил к ногаям своего посла с предложением, если ногаи хотят переправиться на правый берег Волги, «беречися от недругов с одного». Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джанибек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев. Однако это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед

погиб в сражении, его улусы были захвачены. Саид-Ахмед-мирза жестоко отомстил астраханцам за их вероломство. Он убил Муззофар-султана и еще семь султанов, вернул захваченные улусы, а также захватил Астраханский улус, так, что в результате «только один город остался» (Трепавлов 2002: 159; Моисеев 2015: 173).

Итак, на рубеже XV—XVI века ногаи, вытеснив Большую Орду с ее кочевий, попытались распространить свой контроль и дальше, в дельту Волги и на ее правый берег. Однако здесь они встретили действенное сопротивление Крымского и Астраханского ханств. Поэтому вплоть до казахского нашествия 1519 г. естественным западным рубежом Мангытского юрта служила Волга. Нашествие спровоцировало миграцию ногаев на «крымскую» сторону великой реки, масштабы которой не известны. Последовавшие за тем стремительно сменявшиеся события (поход на Москву в 1521 г. крымского хана Мухаммед-Гирея, захват им Хаджи-Тархана (Астрахани) и последовавший за тем погром, устроенный крымцам ногаями), казалось бы, изменили расстановку сил. Однако ни ногайское вторжение на Крымский полуостров, ни осада ими же Хаджи-Тархана не привели к изменению границ. Волга продолжала служить западным рубежом для ногайских кочевий.

Напряжённость в ногайско-астраханских отношениях сохранялась и позднее. В 1534 г. Ислам-Гирей-султан объединился с астраханцами против Ногайской Орды. Ногаи не вполне поверили этому сообщению, но послали посольство в Астрахань и взяли аманатов («взяли с собою шертью»), которые весной 1535 г. прибыли на ногайскую сторону Волги.

■ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №15-31-10148 «Крымское ханство, Россия и постзолотоордынский мир от нашествия Мухаммед-Гирея и до битвы на Молодях (1521—1572)».

Впрочем, несмотря на дипломатический диалог, стороны не верили друг другу. В Астрахани опасались, что ногаи хотят захватить город обманом (ПКСРНО 1995: 128). К этому же времени относятся попытки обоснования «великодержавных» претензий ногайского бия Саид-Ахмеда тем, что ногаи захватили юрт Большой Орды (ПКСРНО 1995: 131). Конечно, такие притязания насторожили всех соседей. Резкую отповедь эти притязания получили из Москвы, ну а гораздо ближе расположенный Хаджи-Тархан начал готовиться к войне. В Хаджи-Тархан отъехали представители Ямгурчевичей: Алач б. Ямгурчи с сыном Айваном, Сары б. Агиш, Кольват-мирза, Сююнч-Али-мирза. Напряжения в ногайско-хаджитарханских отношениях не сняло даже прибытие к Саид-Ахмаду посла Танабай-дувана. По словам Д.И. Губина, бий всю весну и лето «от них бережетца». Опасения Саид-Ахмада подтвердились. 31 мая 1535 г. на Сарайчук напали «Агишевы дети» и два хаджитарханских султана. Город оказался пуст, так как население его покинуло ранее. Войско устремилось в погоню, но его встретил Шейх-Мамай-мирза (ПКСРНО 1995: 146). 17 июля 1535 г. Саид-Ахмад совершил ответный поход на Хаджи-Тархан (ПКСРНО 1995: 152). Астраханцы поспешили искать помощь в Крымском ханстве, отправив туда посольством двух мирз, сбежавших от Саид-Ахмеда (ПКСРНО 1995: 153). Ногайский правитель был настроен очень решительно, назначая общий удар на непокорную Астрахань на осень 1535 г. Однако большинство ногаев опасались, что в случае неудачи им и зимовать будет негде, так как они окажутся в кольце врагов. Эти опасения позволяют нам зафиксировать, что важнейшей целью ногайской «западной» политики в это время являлся контроль за Хаджи-Тарханом, его ханом и населением, а также, можно полагать, за волжскими перевозами. В 1537 г. ногаи захватили Хаджи-Тархан и возвели на престол свою креатуру — Дервиш-Али, но успех оказался кратким, и уже летом 1539 г. он был изгнан (Зайцев 2004: 128).

Интересно, что в 1530-е гг. ногаи стараются не только максимально расширить подконтрольные им территории, но и пытаются укрепиться и на подвластных землях. Так, к 1538 г. относится запрос к русскому правительству Хаджи-Мухаммеда о помощи в постройке города на «Бобекове селище». Он просил прислать к нему 100 «топорщиков», 10 пищальников и некоего доброго человека. Правительство Елены Глинской тактично отказало в помощи, сославшись на невозможность сейчас прислать

людей. Однако подчеркнуло свою готовность помочь в будущем (ПКСРНО 1995: 227).

1530-е гг. прошли под знаком доминирования в Нижнем Поволжье Ногайской Орды, но это не привело к коренному пересмотру границ, а позднее влияние ногаев начинает уменьшаться. В 1547 г. крымцы захватили Хаджи-Тархан. Сахиб-Гирей-хан первоначально планировал оставить этот юрт за собой, но потом покинул «что место недоброе». Население Хаджи-Тархана было угнано в Крым. Впрочем, Сахиб-Гирей не оставил вполне планов по присоединению ханства к своей державе (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 57—57 об.). Политика Сахиб-Гирея резко расстроила крымско-ногайские отношения. Ногайские мирзы негодовали из-за разорения Хаджи-Тархана. «Мы деи и преж тебе Астрохан взяли, да не розорили», — укоряли они хана. Впрочем, причина столь резкой реакции крылась не только в опасениях за будущность города. Ногайские мирзы настаивали на принадлежности кочевий по Днепру именно им, а не крымцам (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 53). В свою очередь, Сахиб-Гирей-хан после захвата Хаджи-Тархана объявил ногаев своими вассалами (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 57—57 об.). В целом противоречия двух держав в Нижнем Поволжье достигли высшей точки и грозили разразиться войной. Однако кардинальные изменения в Поволжье в 1552—1556 гг. создали в регионе новую реальность, в которой доминирующую роль играло уже Русское государство. Теперь ногайские династии были вынуждены искать новые способы для удовлетворения своих претензий на волжскую дельту. Поползновения же на обладание правым берегом Волги из-за глубокого политического кризиса и ногайскому бию Исмаилу пришлось забыть. Голод, междоусобица среди ногаев спровоцировали откочёвку некоторых элей, родов и даже отдельных семей и людей в соседние страны. Наиболее массовой стала откочёвка в Крымское ханство. Исмаил и его окружение в связи с этим просили русские власти перекрыть для беглецов волжские перевозки. Охрана речных перевозов была установлена в начале 1557 г. Отряд атамана Ляпуна Филимонова охранял волжскую Переволоку, а отряд стрелецкого сотника Степана Кобелева стоял на Иргизе. Основной задачей было «беречи Нагай от Русских казаков и от Крымских...» (ПСРЛ 2000: 279). Однако эта задача оказалась неожиданно трудно выполнимой. В мае 1557 г. казаки взбунтовались, убили Л. Филимонова. В ответ царское правительство было вынуждено начать борьбу с ними, что естественно ослабило контроль за перевозами

(ПСРЛ 2000: 283). Ко всему прочему ситуацию до крайности осложнило массовое бегство ногаев от голода в Крым (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 83 об.—84). Астраханские воеводы постепенно пошли на сворачивание охраны перевозов, что вызывало сопротивление ногайских династов, озабоченных сохранением в своем ведении своих подданных. Ногаи активно стали требовать от русских постройки крепостей по Волге для контроля за переправами (Дубман 2012: 30—35).

Таким образом, очевидно, что к концу 1550-х годов Ногайская Орда отказывается от своих притязаний на правый берег Волги. Впрочем, борьба за право обладания дельтой Волги, а точнее, Бузаном, достигла своего накала именно в это время. Исмаил и его окружение

старались, используя факты союзнических отношений с Москвой, добиться права обладания Бузаном по всему его течению. Однако царское правительство непреклонно отстаивало интересы своих новых подданных — астраханцев. «по своей стороне по за Бузану люди своих кочевати велел, а за Бузан бы к Астороханской стороне люди его не перелазили и в рыбные ловли у наших астороханских людей не вступались» — писалось в царском наказе воеводам (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 14—14 об.). Жёсткая позиция царского правительства и неспособность ногаев самостоятельно добиться пересмотра сложившейся ситуации привели к тому, что к 60-м гг. XVI века западная граница Ногайской Орды окончательно стабилизировалась.

Дубман Э.Л. 2012. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. *Вестник Самарского государственного университета* 93 (2/2), 30—35.

Зайцев И.В. 2004. *Астраханское ханство*. Москва: Восточная литература.

Моисеев М.В. 2015. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480—1522 гг.). *История военного дела: исследования и источники*. Специальный выпуск V. *Стояние на реке Угре 1480—2015*. Ч. I.,

151—186. [Электронный ресурс]. URL: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1.

ПКСРНО 1995: Буганов В.И., Вашари И., Кельдасов Б.А., Рогожин Н.М. (ред.). 1995. *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549 гг.* Махачкала: Дагестанское книжное издательство.

ПСРЛ 2000: *Никоновская летопись*. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Москва: Языки русской культуры.

Трепавлов В.В. 2002. *История Ногайской Орды*. Москва: Восточная литература РАН.

Maxim V. Moiseev. Candidate of Historical Sciences. Museum association “Museum of Moscow”. Address: Zubovsky Ave., 2, Moscow, 119021, Russian Federation. E-mail: maksi-moiseev@yandex.ru

The Nogai Horde Western Boundaries. On the History of Nogai Relations with Astrakhan and the Crimea in the 16th Century. In the early 16th century, the Nogai Horde reached its natural boundaries, limited from the west by the Volga River. However, this obstacle hampered their migrations, limiting the space required by the Manghits. So almost immediately they started a longed struggle for new territories with their neighbors — the Crimean and Astrakhan khanates. In 1530—1550, the struggle reached its peak, but neither of the parties at war managed to resolve the problem of ownership rights to the territories along the banks of the Volga River and its Delta distributaries in their favor. The problem of nomadic hordes delimitation was ultimately resolved after the conquest of the Volga region by the Russian State.

Keywords: Volga, Nogai Horde, Astrakhan Khanate, Crimean Khanate, boundaries, political relations, military conflicts.

■ Research is supported by the Russian Foundation for Humanities, project no. 15-31-10148 “The Crimean Khanate, Russia and post-Golden Horde world from Muhammad Giray’s campaign to the battle of Molody (1521—1572)”.

References

Dubman, E.L. 2012. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Samara State University)* 93 (2/2), 30—35 (in Russian).

Zaitsev, I.V. 2004. *Astrakhanskoe khanstvo (Astrakhan Khanate)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Moiseev, M.V. 2015. *Stepnye voyny ot Ugry do nogaiskogo pogroma Kryma (1480—1522 gg.)* [Electronic resource]. *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki (History of Warfare: Studies and Sources)*. Special issue V. *Stoianie na reke Ugre 1480—2015 (Great Stand on the Ugra River: 1480—2015)*. Part I, 151—186. Available at: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1

(in Russian).

Buganov V.I., Vashari I., Keldasov B.A., Rogozhin N.M. (eds.). *Posol’skie knigi po sviaziam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1489—1549 gg. (Diplomatic Books on Russia — Nohay Horde’s Relations: 1489—1549)*. 1995. Makhachkala: “Dagestanskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Nikon Chronicle. 2000. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 13. Moscow: “Iazyki russkoi kul’tury” Publ. (in Russian).

Trepavlov, V.V. 2002. *Istoriia Nogaiskoi Ordy (History of the Nohay Horde)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 10 марта 2016 г.

Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

Топография и застройка Багаевского селища

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Золотая Орда, XIII—XIV вв., поселения, материальная культура, история, археология.

Вопросы топографии и застройки золотоордынских поселений, которые возможно решить только на базе археологических источников, являются сравнительно малоисследованными. К ним, однако, обращались еще Ф. В. Баллод и Г. А. Федоров-Давыдов (см. Недашковский 2008: 23—24; Nedashkovsky 2012: 227). Работы по данной тематике принадлежат также Т. В. Гусевой (Гусева 1975), В. Г. Рудакову (Рудаков 2007), А. А. Глухову (Глухов 2015), О. А. Ильиной (Ильина 2015), Д. А. Кубанкину (Кубанкин 2015) и А. Н. Масловскому (Масловский 2015).

Багаевское селище расположено в округе золотоордынского города Укека, у с. Багаевка Саратовского р-на Саратовской обл., на первой надпойменной террасе. Размеры селища, обнаруженного Л. Ф. Недашковским в 1995 г. (Недашковский 1996: 281) на левом берегу р. Петровка, правого притока Волги, составляют 225×490 м; площадь памятника — 5,1 га. Это крупное сельское поселение, вытянутое вдоль берега реки. Площадка поселения ровная, покатая к югу, перепад высот на основной площади памятника составляет 2—6 м, а в северной части, где подъемный материал выявлен на крутом склоне водораздела, до 12 м. Селище датируется по найденным артефактам второй половиной XIII — XIV вв.

Археологические раскопки на селище проводились в 2002—2003, 2006—2012 и 2014—2015 гг. (см. Недашковский 2013). Основной раскоп I площадью 886,1 кв. м располагается в юго-западной части поселения вдоль оврага. Раскоп II площадью 64 кв. м был заложен в юго-восточной части селища, сооружений на нем не обнаружено. С нижним из двух выявленных горизонтов культурного слоя связаны дневные уровни всех сооружений (кроме позднего этапа существования ямы 12) — их на раскопе I зафиксировано 37 (рис. 1), все они датируются золотоордынским временем.

Ямы 1, 3, 6—8, 10, 28, 30, 33 и 37 являлись хозяйственными, а яма 2 — остатками овина.

Яма 31 представляла собой хозяйственную яму, соединенную с более глубоким погребом. Яма 4 была зерновой, соединенной с погребом; зерновыми являлись и ямы 5, 29, 32 и 36. На усадьбе удалось исследовать часть крупной полуземлянки (яма 9), в створе которой были изучены 2 очага (ямы 13 и 34), зерновые (11, 16) и хозяйственные (12, 14—15, 17—27 и 35) ямы.

Наибольшая концентрация керамики, а также индивидуальных находок наблюдается возле крупных ям, в их заполнении и над ними. В юго-восточной части раскопа расположено свободное от сооружений пространство площадью более 280 кв. м: возможно, что данная территория являлась внутренним двором усадьбы либо частью улицы, однако, нам представляется наиболее вероятным, что незастроенное пространство было оставлено намеренно, чтобы обезопасить деревянные сооружения усадьбы путем их максимального удаления от потенциально пожароопасного объекта — овина (яма 2) и близлежащих к нему двух ям. В ямах, как правило, зафиксировано большое количество керамики. Исключения составляют небольшие ямы, включая очаг, с не столь значительным числом находок — это ямы 1, 13, 17—21 и 23—28. В другом очаге (яма 34) находок вообще обнаружено не было.

Золотоордынская неполивная керамика массово встречается в культурном слое центральной части раскопа, преимущественно над ямами и в центральной части пустого пространства между овином (яма 2) и другими сооружениями; наибольшая ее концентрация зафиксирована над южной и восточной частями ямы 9 (над районом жилища). Можно сделать вывод, что на усадьбе мусор выбрасывали на задворки и во двор, расположенный к юго-востоку от основных сооружений. В заполнении ям также практически всегда встречена золотоордынская посуда (она не обнаружена лишь в яме 18), причем в ямах 2, 4—5, 9, 12, 29, 31 и 36—37 ее найдено более 100 фрагментов.

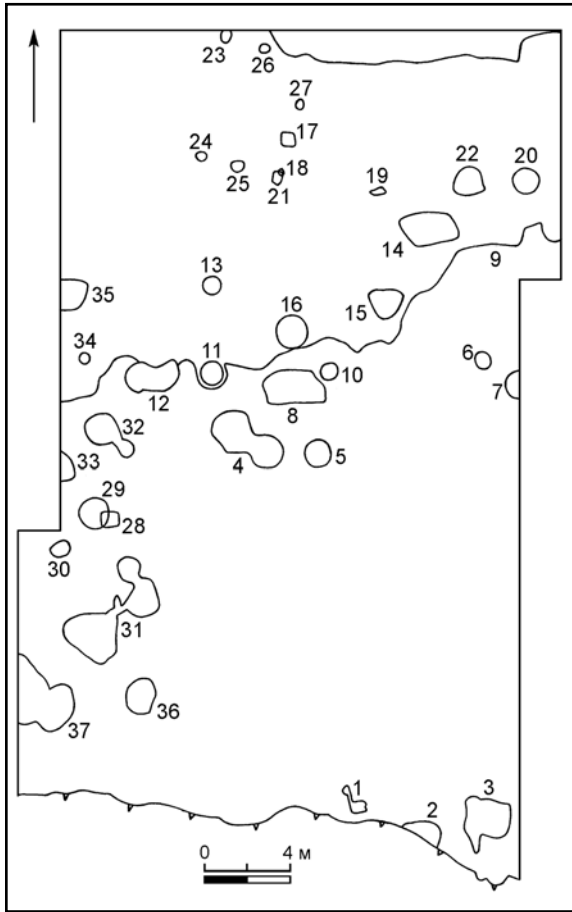

Рис. 1. Схема расположения ям раскопа I на Багаевском селище.

Fig. 1. Scheme of arrangement of pits of dig I on Bagaevka settlement.

Находки древнерусской керамики в культурном слое концентрируются в районе жилища и возле южной границы ямы 9. Встречена древнерусская посуда и в заполнении почти всех ям (кроме объектов 17, 23 и 25). В ямах 6, 8, 11—12, 14, 16, 18, 24, 26, 30 и 37, т.е. в 11 из 37 ям, древнерусская посуда даже количественно преобладает над золотоордынской. В заполнении крупных ям 4, 9, 12, 29, 31 и 37 найдено более 100 фрагментов древнерусской керамики. В северо-западной и юго-восточной частях раскопа древнерусская посуда встречается в слое в незначительных количествах.

Закономерности встречаемости мордовской керамики в культурном слое близки к закономерности встречаемости древнерусской, но мордовской посуды найдено значительно меньше, на большинстве участков раскопа она полностью отсутствует. Фрагменты мордовских сосудов отмечены в ямах 4—5, 7, 9, 12, 15—16, 22, 29, 31—32 и 36—37 (в яме 36 была найдена и мордовская лопастная сьюльгама), в незна-

чительных количествах относительно общего объема посуды.

В яме 9 найден серп, а в культурном слое — рыболовные принадлежности, представленные железным крючком и фрагментом керамического грузила. В ямах 4, 7, 9, 12, 31 и 37 встречены кости свиньи (определение Л.В. Яворской); из всех этих объектов происходит также и древнерусская, и мордовская керамика. Кости и чешуя рыб отмечены еще на большем количестве объектов — в ямах 4—9, 12—13, 16, 22 и 29—37, т.е. в 19 сооружениях (в более чем половине от числа исследованных); во всех из них найдена древнерусская посуда, а в 12 — мордовская. Эти данные свидетельствуют, что присутствие древнерусского и мордовского населения на селище могло оказать влияние на развитие земледелия, скотоводства и рыбной ловли.

Кашинной керамики на раскопе I найдено небольшое количество: она встречена на нескольких участках раскопа в слое, а также в заполнении ям 5, 9, 31 и 36. Красноглиняной поливной посуды в слое немного больше, она есть в ямах 4, 9, 30—31 и 37.

Фрагменты трапезундских амфор распространены в культурном слое по площади раскопа I довольно равномерно. Встречены трапезундские амфоры в ямах 8—9, 12, 16, 33 и 37. Кроме того, найдены 4 фрагмента трилийских амфор, две из них в заполнении ямы 9 и две в прилегающем слое.

Находки привозных вещей, представленных фрагментами ближневосточного расписного стеклянного сосуда, красноглиняного поливного сосуда с рельефным орнаментом из Восточного Крыма и раковины устрицы, сделаны в слое, прилегающем к яме 9 и в слое над ней; из ямы 9 происходят фрагменты иранской люстровой керамики и крымского поливного кувшинчика. Раковина каури со стеклянной бусиной внутри происходит из заполнения ямы 30.

Распределение монет в культурном слое раскопа относительно равномерное, найдены пулы 731—752 гг. х. Монеты обнаружены и в трех сооружениях: яма 4 — пулы 731 и 736 гг. х., яма 9 — фрагмент дореформенного дирхема Токты, пулы 726—762 гг. х., яма 37 — пул 1340-х гг.

С площадью и размерами селища связан вопрос о типе его застройки. Очертания поселения вытянуты вдоль берега реки, оно отходит от русла на 98—145 м, что позволяет сделать предположение, что застройка велась либо рядами вдоль берега, и было как минимум два ряда, либо была кучевой, состоявшей из усадеб, расположенных бессистемно; к подобным

выводам приходит В.В. Седов на материалах сходных по форме селищ Смоленской земли (Седов 1960: 26—29).

В южной части ямы 9 отмечены золистоглистые прослойки, являющиеся остатками сгоревших перекрытий и деревянной обшивки стен полуземлянки; не исключено, что в средневековье было использовано природное понижение (археологически зафиксированное как яма 9), в южной части которого было оборудовано жилище.

Между усадьбами и на них самих располагались участки плодородной земли, использовавшиеся под огороды. Такой участок, вероятнее всего, зафиксирован в юго-восточной части раскопа I.

Строительство жилищ и хозяйственных сооружений велось в основном из дерева, следы

которого в виде углистых прослоек, древесного тлена, найдены в сооружениях и слое. В процессе строительства применялись глиняная обмазка, камни и кирпичи. В хозяйстве использовались очаги и тандыры (найжены фрагменты тандырной обмазки, в том числе в ямах 2—3, 5, 9, 31 и 36).

Погребя имели ступеньки для удобства спуска в них. Вокруг хозяйственных построек не выявлено столбовых ям, возможно, они перекрывались легкими конструкциями без каркасов и столбов.

Судя по концентрации 7 зерновых ям, 2 погребов и 2 очагов (расположенных внутри жилища, ямы 9) на сравнительно ограниченной территории, мы можем полагать, что все эти сооружения относятся к одной, а не к нескольким усадьбам.

Глухов А. А. 2015. *Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология*. Волгоград: Волгоградское научное издательство.

Гусева Т. В. 1975. *Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (основные этапы развития, социальная топография)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Ильина О. А. 2015. Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum plus, 207—241.

Кубанкин Д. А. 2015. Историческая топография Увекского городища. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum plus, 243—254.

Масловский А. Н. 2015. Заметки по топографии золотоордынского города Азака. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 383—409.

Недашковский Л. Ф. 1996. Разведки в южной части Саратовского района. В: Седов В. В., Лопатин Н. В. (отв. ред.). *Археологические открытия 1995 года*. Москва: Фонд археологии, 280—281.

Недашковский Л. Ф. 2008. История развития взглядов на золотоордынские древности. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки* 150 (1), 22—30.

Недашковский Л. Ф. 2013. Исследования Багаевского селища. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 155 (3), ч. 1, 7—19.

Рудаков В. Г. 2007. *Селитренное городище: хронология и топография*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Седов В. В. 1960. *Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)*. Москва: АН СССР.

Nedashkovsky L. F. 2012. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas. *Acta Archaeologica* 83 (1), 225—255.

Leonard F. Nedashkovsky. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Address: Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Marat B. Shigapov. Institute of archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St., 30, Kazan 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: maratshigapov@gmail.com

Topography and Development of Bagaevka Settlement. The article characterizes topography of the Golden-Horde Bagaevka settlement situated in Saratov region of Saratov oblast. The settlement used to belong to the Golden-Horde Ukek city district and existed in the second half of the 13th — 14th cc. Special attention is paid to trench I, where the works were conducted in 2002—2003, 2007—2012 and 2014—2015. Problems related to the purpose of the discovered constructions, distribution of separate categories of finds in them, including the numismatic materials (dated in general starting the late 13th c. to 1360/1361 A.D.), the imports and artifacts connected with various ethnic groups' presence on the site are considered.

Keywords: Lower Volga region, Golden Horde, 13th—14th centuries, settlements, material culture.

References

- Glukhov, A. A. 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriia izucheniia, istoricheskaiia topografiia, khronologiia (Tsarev Hillfort: History of Study, Historical Topography, Chronology)*. Volgograd: "Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Guseva, T. V. 1975. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (osnovnye etapy razvitiia, sotsial'naia topografiia) (The Golden Horde Town of Sarai al-Jadid: Main Stages of Development, Social Topography)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Ilyina, O. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum plus, 207—241 (in Russian).
- Kubankin, D. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum plus, 243—254 (in Russian).
- Maslovskii, A. N. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum plus, 383—409 (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 1996. In Sedov, V. V., Lopatin, N. V. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiia 1995 goda (Archaeological Discoveries in 1995)*. Moscow: "Fond arheologii" Publ., 280—281 (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 2008. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)* 150 (1), 22—30 (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 2013. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)* 155 (3), part 1, 7—19 (in Russian).
- Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiia i topografiia (Selitrennoye Hillfort: Chronology and Topography)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Sedov, V. V. 1960. *Sel'skie poseleniia tsentral'nykh raionov Smolenskoii zemli (Rural Settlements in the Central Zone of the Smolensk Land)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 92. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 2012. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas. *Acta Archaeologica* 83 (1), 225—255.

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2016 г.

Дельта Волги в золотоордынский период

Ключевые слова: дельта Волги, Улус Джучи, Золотая Орда, городище, поселение, городская округа, микрорегион, природные зоны, история, археология.

На всем протяжении истории Улуса Джучи Нижнее Поволжье играло особую роль в его политической и экономической жизни. Появление здесь столичного центра государства сделало эту территорию крупнейшим торгово-производственным центром евразийского пространства. Нижневолжские степи являлись доменом золотоордынских ханов, где кочевали их ставки. Именно здесь пересекались основные международные торговые магистрали, и именно здесь находилось самое большое количество различных по величине и значению населенных пунктов Золотой Орды. К историческим особенностям золотоордынского города Нижнего Поволжья следует отнести отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений к городам, так как города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи, интенсивно строившей города во второй половине XIII — первой половине XIV в. (Недашковский 2010: 5). Описывая золотоордынскую столицу Г. А. Фёдоров-Давыдов говорит: «Сарай возник почти на “пустом месте” в степях, где до золотоордынских ханов были очень слабы традиции оседлости, имелось очень мало поселений. ...Плотного оседлого сельскохозяйственного и ремесленного населения в Нижнем Поволжье до монголов не было» (Фёдоров-Давыдов 1994: 10).

Рассматривая процессы освоения Нижнего Поволжья в золотоордынский период и принципы градостроительной деятельности, необходимо конкретизировать применяемые географические термины. Течение реки Волга делится на три части — Верхняя, Средняя и Нижняя. Нижняя Волга считается центральной частью Улуса Джучи, и все исторические процессы, проходившие здесь, рассматриваются по единой методологической схеме (см., например: Недашковский 2010)». Однако, географически Нижняя Волга начинается от впадения р. Кама.

После сооружения Куйбышевского водохранилища границей между Средней и Нижней Волгой считают Жигулёвскую ГЭС в районе города Тольятти (выше Самары). Бассейн Волги от Самары до Саратова находится в лесостепной зоне; от Саратова до Волгограда — в степной зоне; ниже Волгограда — в полупустыне; в Астраханской области Волга образует дельту. На границе 2987—2988 км от истока на правом берегу Волги находится с. Верхнелебязье, на левом берегу р. Ахтуба пос. Комсомольский — на этом уровне находится граница между Волго-Ахтубинской поймой и дельтой Волги. Расстояние между западным и восточным рукавами дельты составляет 170 км; в дельте насчитывается до 800 русел, протоков и мелких речек (Атлас 1997: 4; <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=Volga>). Таким образом, видно, что на территории, которую мы называем Нижним Поволжьем, расположены четыре резко отличающиеся друг от друга природные зоны. Каждая из них представлена своими климатическими, геоморфологическими, гидрологическими, ландшафтными характеристиками. Естественно, что народы, осваивавшие эти территории в средневековье, учитывали местные природные условия. Поэтому и мы, рассматривая процессы, происходившие в древности, для более точного понимания их, должны, не в последнюю очередь, учитывать природную составляющую, и выработать оценочные критерии для каждой экологической ниши отдельно.

На рубеже XX—XXI вв. в южной (дельтовой) части Астраханской области проводились планомерные археологические исследования, в результате которых было выявлено несколько десятков различных по размеру поселений и могильников, относящихся к предмонгольскому и золотоордынскому периодам.

Д. В. Васильев, рассматривая проблему локализации города и области Саксин, говорит о многочисленных средневековых поселениях в дельте Волги, датирующихся предмонголь-

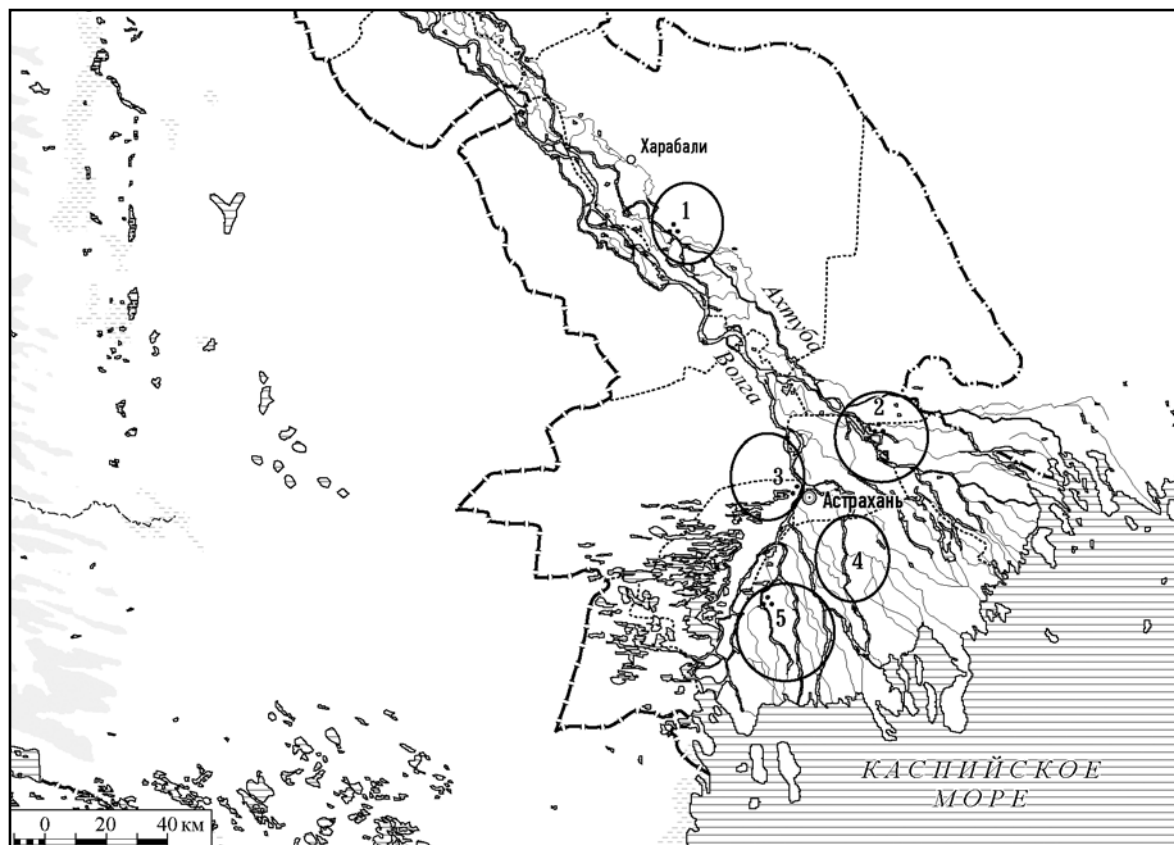

Рис. 1. Карта административных микрорегионов эпохи Золотой Орды в дельте Волги: 1 — город Сарай ал-Джедид (Селитренное городище); 2 — Красноярское городище; 3 — город Хаджи Тархан; 4 — городище Мошаик; 5 — городище Самосдельское.

Fig. 1. Map of administrative micro-regions of the Golden Horde in the Volga estuary: 1 — the city of Saray al-Djedid (Selitrennoe hillfort); 2 — Krasny Yar hillfort; 3 — Haji Tarkhan city, 4 — Moshaic hillfort; 5 — Samosdelka hillfort.

ским временем, среди которых выделяются два крупнейших — городища Самосдельское и Мошаик. Область Саксин им локализуется именно в природных границах дельты Волги «поскольку здесь природные условия более разнообразны: присутствуют естественные возвышенности — бэровские бугры, на которых можно спастись во время паводков; наличествует безграничная кормовая база для скота — заливные луга; имеется значительное количество удобных мест для организации стационарных населенных пунктов» (Васильев 2015: 191, 195, 201, 240).

В.Л. Егоров предложил периодизацию градостроительства в Золотой Орде, по ней первый этап (40-е годы XIII в.) соответствует восстановлению и использованию старых городов (Егоров 1985: 78). В дельте Волги происходили такие же процессы. Здесь с предмонгольских времен сохранилась целая сеть сельских поселений и городищ (Самосдельское и Мошаик), плавно вошедших в общую экономическую конструкцию Улуса Джучи (Васильев 2015:

202). Об этом свидетельствует и такой факт, что в XIV и даже XV в. бытовала традиция наименования центральных областей Улуса Джучи областью Саксин (Васильев 2015: 190). Это также говорит о стабильной зоне оседлости в Дельте и сохранении там экономического потенциала. Во втором и четвертом этапах (по периодизации В.Л. Егорова), время которых приходится на первую половину XIII — до начала второго десятилетия XIV в., в низовьях Волги появляются такие города, как Сарай (первая столица Улуса, местонахождения на данный момент не установлено), Хаджи Тархан, городище у пос. Комсомольский, Красноярское городище. На пятом этапе (со второго десятилетия XIV в.) происходит строительство новой столицы города Сарай ал-Джедид (Селитренное городище). Вокруг городских центров, как старых (городища Самосдельское и Мошаик), так и вновь построенных, оформляются округа, состоящие из многочисленных сельских поселений. Такие конгломерации превращались в экономические микрорегионы.

Проблеме развития золотоордынского города и формирования его округа посвящен ряд работ Л. Ф. Недашковского (Недашковский 2010), где автор выделяет округу крупных золотоордынских городов методом построения окружностей различного диаметра, символизирующих дальнюю и ближнюю периферию, экономически связанную с городским центром. Такой метод уже подвергался критике коллег (Блохин 2008: 296—303; Пигарев 2010: 346; Васильев 2015: 216).

Городская округа — это территория, формирование и развитие которой подчиняется интересам города. Эта территория выполняет важную функцию — снабжение городского населения сельскохозяйственной продукцией, одновременно являясь одним из основных потребителей товаров, производимых городскими ремесленниками. Кроме того, эта территория предоставляет налогооблагаемое население и людские ресурсы для трудовой или военной мобилизации. Город, таким образом, является административным центром для ряда сельских поселений, находящихся на определенной территории. Оформление границ этой территории происходит с учетом различных условий. И, в первую очередь, это транспортная (или пешеходная) доступность и экономическая целесообразность. На местности, чаще всего, границы таких территориальных образований проходят по видимым природным ориентирам, там, где возникало препятствие в виде географического объекта — лес, река. Географический объект становился препятствием на пути экономического развития территории.

Волжская дельта, на территории которой находятся практически все известные нам золотоордынские памятники Астраханской области, формируется рекой Волга и её крупными рука-

вами — реками Ахтуба, Бузан, Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Кигач. Главные рукава при своем движении к Каспийскому морю веерообразно разветвляются на многочисленные протоки и ерики, при впадении в Каспийское море Волга насчитывает порядка 800 устьев (Атлас 1997: 4). И именно между волжскими рукавами находится наибольшее количество археологических памятников золотоордынской эпохи.

Это также хорошо заметно на схемах потенциальных экономических зон поселений округи городища Шареного бугра, подготовленных Л. Ф. Недашковским (Недашковский 2010: 124, рис. 4, ил. 4: 15—19). На этих схемах мы наблюдаем минимум пять «скущенностей» различных золотоордынских объектов (микрорегионов), находящихся в разных местах дельты и разделенных между собой водными преградами. Такие микрорегионы образуются центральным населенным пунктом (город, крупное поселение) и тяготеющими к нему мелкими поселениями, могильниками, местонахождениями.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем иную модель административно-территориальной структуры дельтовой части низовьев Волги. Нами уже был опубликован свод археологических памятников эпохи Золотой Орды (Пигарев 2015: 181—196). Из представленного материала видно, что многочисленные сельские поселения и могильники группируются вокруг крупных городских центров, таких как Селитренное городище, Красноярское городище, Хаджи-Тархан, городище Мошаик, Самосдельское городище, образуя вокруг них зону сплошной оседлости (рис. 1). Каждая такая «группировка» образует микрорегион, входящий в общегосударственную административно-территориальную структуру.

Атлас Астраханской области. 1997. Москва: Роскартография.

Блохин В. Г. 2008. О нижневолжских золотоордынских городах. *НАВ* 9. Волгоград: ВолГУ, 296—303.

Васильев Д. В. 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии. *Поволжская археология* (2), 189—267.

Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Недашковский Л. Ф. 2010. *Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа.* Москва: Восточная литература.

Пигарев Е. М. 2010. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге. В: Васильев Д. В. (отв. ред.).

Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 346—351.

Пигарев Е. М. 2015. Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области. В: Бочаров С. Г., Ситдинов А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum plus, 181—196.

Фёдоров-Давыдов Г. А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья.* Москва: МГУ.

Волга. В: *Энциклопедия «Вокруг света».* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=Волга> (дата обращения 28.07.2016).

Evgeniy M. Pigarev. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Address: Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Russian Federation. E-mail: pigarev1967@mail.ru

The Estuary of the Volga River in the Golden Horde Period. The paper discusses peculiarities inherent in formation and development of the administrative-territorial structure of the Volga estuary in the Golden Horde period, singles out economic micro-regions included in the Khan's domain and offers geographical characteristics of the lower reaches of the Volga River, which had influenced the development of the Golden Horde cities and the formation of their suburbs..

Keywords: Ulus of Jochi, Golden Horde, Volga estuary, hillfort, settlement, suburban environs, micro-region, natural zones.

References

- Atlas Astrakhanskoi oblasti (Atlas of the Astrakhan Region)*. 1997. Moscow: "Roskartografiya" Publ. (in Russian).
- Blokhin, V.G. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9. Volgograd: Volgograd State University, 296—303 (in Russian).
- Vasiliev, D.V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189—267 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordyy XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nedashkovskii, L.F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2010. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga River Region: Problems, Research and Discoveries)*. Astrakhan: Astrakhan University, 346—351 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan: Simferopol; Kishinev: Stratum plus, 181—196 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Volga (Volga River). In: *Entsiklopediia «Vokrug sveta» (Encyclopaedia of the "Around the World" Journal)*. (Electronic Resource). Available at: <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=Volga> (accessed 28.07.2016) (in Russian).

Статья поступила в редакцию 10 марта 2016 г.

Стратификация игроков политической сцены Дешт-и Кипчака в начале XV века: случай приезда сыновей Тохтамыша в «земли Руси»

Ключевые слова: Золотая Орда, Московское великое княжество, Джучиды, татарские выезды, политические отношения, история, археология.

В начале XV века стало очевидно, что на территории Центральной Евразии начали происходить глубокие трансформационные процессы. Прежде единое государство — Улус Джучи, или Золотая Орда, как его принято называть в историографии, стало активно дезинтегрироваться. Этот процесс имел глубокие последствия для всех государственных образований данного региона, включая Московское великое княжество. Начало данного процесса можно отнести к концу 1350-х годов, когда политическая элита Степи была вовлечена в серию разрушительных столкновений в борьбе за джучидский трон, и власть начала постепенно переходить из Сарая в руки клановых лидеров, базирующихся в многочисленных провинциях распадающейся империи. Несмотря на неоднократные попытки воссоздания единого государства, джучидские ханы Сарая потерпели фиаско в восстановлении своего сюзеренитета. К 1450-м годам Сарая как единого центра империи более не существовало.

Упадок Сарая не означал конца джучидского правления в целом. Джучиды покидали бывшую столицу и переносили власть на периферию распадающейся державы, теперь уже в новом для бывших имперских структур статусе. Если ранее Джучиды назначались из Центра в провинции как наместники, то теперь они бежали из Центра в провинции как потерпевшие поражение в сарайских политических играх. Оказавшись в отдаленных районах, некоторые из Джучидов преуспели в восстановлении своих полномочий как правителей, хотя и на региональном уровне. При этом, по всей видимости, мыслили они себя все же как правителей единой империи, которые просто временно потеряли некоторые зоны своего прежнего влияния. Они образовали наследные Золотой Орде ханства (и орды). Однако степень их автономии друг от друга была весьма условна: некоторые

факты говорят нам о глубоких связях между этими политиями в течение всего XV века, а также и первой половины XVI века, которые ставят их независимость друг от друга под вопрос.

С течением времени система престолонаследия в Улусе Джучи стала меняться: лестничная система постепенно заменяется прямой системой наследования от отца к сыну (примерно со времени правления хана Узбека б. Тогрула (1312—1342 гг.)). При этом боковые линии Джучидов оказались отрезанными от прав на трон. Когда центр империи ослаб, появилось много «лишних» Джучидов, не желающих превращаться в уланов. Более того, четырехклановая система карачи-беков (иногда количество кланов было более четырех), распространенная в Улусе Джучи, предполагает возможность смены родовых элит. При этом определенные Джучиды были связаны с конкретными кланами. Соответственно, в случаях «перетасовки» кланов они «выдавливались» из властной структуры Улуса, вызывая «брожение», и были вынуждены идти на поиски новых мест для сохранения своего статуса (примером такого «выдавливания» может служить приход хана Тохтамыша к власти).

Поэтому возникновение джучидских ханств на периферии распадающейся империи было не единственным следствием неурядиц в Сарая. На каждого Джучида, преуспевшего в относительном восстановлении своей верховной власти в провинциях империи, приходилось много других, кому повезло намного меньше. Они стали изгнанниками, вынужденными искать соглашения с местными правителями бывших регионов империи. Среди таких правителей были и московские великие князья Северо-Востока Руси, которые, после двухвекового подчинения Сарая, обнаружили себя в совершенно новой ситуации: они были вы-

нуждены как-то реагировать на потоки хорошо вооруженных татарских беглецов из центральных районов Степи.

Первыми Джучидами, прибывшими в Московское княжество в поисках политического убежища, были сыновья покойного хана Тохтамышша б. Туй-Ходжи, который с 1380 до своей смерти в 1404 (по другим сведениям, в 1406 (Султанов 2006: 232)) году был политически активен во всем Дешт-и Кипчаке. Как известно, постоянным противником Тохтамышша был всемогущий беклербек Эдиге б. Балтычак (Идиге), который физически пережил Тохтамышша, сделав своими главными врагами сыновей хана. Когда «утвердилось дело Дештское за правителем Идику» и Эдиге в конце концов преуспел в интронизации своего марионеточного Джучида на сарайском троне в том же 1407 году, Тохтамышевичи решили спастись бегством из Степи. Согласно ибн Арабшаху, Джелал ад-Дин и Керим-Берди прибыли на «земли Руси», скорее всего, с территории Булгарского вилайета Золотой Орды: «Сыновья Тохтамышша разбрелись в стороны: Джалал-ад-дин и Керимберди в Россию, а Кубяк и остальные братья — в Сыгнал» (Храпачевский 2003: 213; Сафаргалиев 1960: 183—185; Греков 1975: 265).

Нам трудно понять, что понимал автор арабского текста под «Россией» («земли Руси»). Это могли быть как земли Северо-Восточной Руси (в том числе и Московское великое княжество), так и территория Великого княжества Литовского (как полагает В.В. Трепавлов¹, а также Д. Колодзейчик (Kołodziejczyk 2011: 450)). Я рассмотрю первую версию.

Вероятно, с целью захвата сыновей Тохтамышша Эдиге двинулся на Русь в 1408 году. Расположившись лагерем около Москвы, он выслал Василию I письмо², в котором объяснил причины своего прихода на Русь: «слышание нам учинилося таково, что Тахтамышшевы дети у тебя, и того ради пришли есмь ратию».

Русские источники не сохранили никаких следов пребывания султанов в Москве или других княжествах. Однако упоминание в русских источниках еще не является поводом для недоверия арабским. Не исключено, что пребывание Тохтамышевичей на Руси держалось в строжайшем секрете (Москва

отдавала себе отчет, что при данном фактическом правителе Орды это для нее большой минус). Так или иначе, сведения о поддержке Москвой оппозиции Эдиге могли послужить одной из причин похода.

В мотивации Василия по предоставлению приюта сыновьям хана инициатива, скорее всего, исходила не от него, а от самих Тохтамышевичей, которые не нуждались в разрешении на въезд на подвластные территории, как легитимные наследники трона. При таком раскладе роль Василия была незавидной, он оказывался как бы между молотом и наковальней — с одной стороны, сыновья хана, за которыми сила традиции и легитимация исходя из правовых норм той эпохи (и вероятность прихода к власти в ближайшем будущем), с другой — властный фактический правитель Орды (порождение новой позднезолотоордынской эпохи), который не станет церемониться с послушником в случае перевеса силы в его сторону. Однако, как это часто бывало во время ордынских походов (и не только на Русь), возникли проблемы в самой Орде, вынудившие Эдиге возвратиться в Сарай. Эдиге повернул назад, не успев взять у послушника обязательство выплатить выход за предыдущие годы.

Вероятно, сыновья Тохтамышша оставались в Московском княжестве около трех лет. В 814 году хиджры (1411/12 год от Рождества Христова), «когда сгущались мраки междоусобицы и перепутывались звезды между обеими партиями в сумраках Дештских, вдруг, в полном величии власти Джелалиевой, появился (один) из блестящих потомков Токтамышшевых» (это был Джелал ад-Дин) и выдвинул очередную претензию на трон «из стран Русских» (ЗО 2003: 214; Сафаргалиев 1960: 187). Источники хранят молчание, где были «расквартированы» Джучиды в течение этих трех лет, выделялся ли им какой-либо юрт³ (юрты) или они находились при дворе великого князя (при этом не стоит забывать, что они были не одни, а с многочисленными семьями (в исламе было принято многоженство, и как жен, так и сыновей и дочерей у султанов было достаточно) и военными (в том числе и высшего звена, беками и уланами, которые сами были

¹ Устное сообщение автору на конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды» (Казань, 29—30 марта 2011 г.).

² Релевантную репрезентацию текста письма см. в книге: (Горский 2000: 196—197).

³ Юрт (тюрк. «йорт») — территория кочевков улуса (народа, племени). В древнетюркском языке «юрт» означал: дом, владение, местожительство, страна, земля. В XIII—XIV вв. преобладает значение «территория расселения, кочевков». В XV—XVI вв. термины «улус» и «юрт» все чаще стали употреблять в значении государства, державы, но также употреблялись в значении «внутреннее княжество в составе государства».

со своим окружением)). Здесь трудно что-либо предположить, особенно учитывая тот факт, что в то время аристократия Степи еще не была кочевые традиции (как позже выходцы из оседлой Казани, например) и им попросту необходимо было пространство для вылазок на степные просторы. В то же время в более поздние периоды Москва опасалась селить выходцев из Степи близко к самой Степи, ожидая, вероятно, их измены и перехода на сторону единоверцев в случае маршей последних на Русь.

В течение 1412 года Тохтамышевичи преуспели в оттеснении Эдиге от властных позиций в Сарае — зимой 1412 года Джелал ад-Дин «сяде» в Сарае. Их бывший покровитель Василий I был вынужден в августе 1412 совершить поездку в Сарай к «Зелени-Салтану», как к законному наследнику трона Чингис-хана (ПСРЛ 1925: 412; ПСРЛ 1913: 161; Сафаргалиев 1960: 186—190). Однако по приезду он застал на престоле уже другого сына Тохтамышша, Керим-Берди, убившего брата (ПСРЛ 1965: 219). Тем не менее, временно стабильность общеимперских дел была восстановлена. Это было первым путешествием в Сарай для Василия за многие годы неподчинения Орде (ПСРЛ 1853: 139; ПСРЛ 1965: 219; ПСРЛ 2000: 486; Сафаргалиев 1960: 188—189). Василий был, несомненно, лично хорошо знаком с сыновьями Тохтамышша, так как в юности, как и другие русские князья-наследники трона, около трех лет проживал в Орде (Горский 2000: 135).

Политических фигур уровня Джелал ад-Дина и Керим-Берди, являвшихся сыновьями одного из последних могущественных ханов Улуса Джучи, мысливших себя как потенциальных правителей единой ордынской империи, мало интересовала жизнь в «русском улусе». Они обращались к московскому правителю лишь за помощью для решения своих кратковременных, тактических задач. В их умах московская часть Улуса еще не имела самостоятельного политического значения и ценности, которую она приобретет для последующих «постояльцев» из Степи. Их мысли были заняты восстановлением единого имперского государства. Невнимание позднейших историков к этим фигурам не говорит об их политической «мелкоте» и никчемности — это лишь свидетельство перенесения позднейших реалий на события далекого прошлого, предмет для изучения интеллектуальной истории.

Москва на данном этапе своего развития была включена в позднезолотоордынскую политику на позициях подчиненной стороны. Мнение ее правителей не интересовало представителей стороны-коллективного сюзерена. Ее влияние на политической сцене Дешт-и Кипчака в это время едва просматривалось и было минимальным; по масштабам оно было несопоставимым с влиянием Великого княжества Литовского. Возможно, последнее и задавало образцы отношений с Ордой, в дальнейшем заимствованные и видоизмененные Москвой.

- Горский А. А. 2000. *Москва и Орда*. Москва: Наука.
 Греков И. Б. 1975. *Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.)*. Москва: Наука.
 ЗО 2003: Храпачевский Р. П. (сост.). 2003. *Золотая Орда в источниках*. Т. 1. *Арабские и персидские сочинения*. Москва: Наука.
 ПСРЛ 1853: *Софийские летописи*. 1853. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.
 ПСРЛ 1913: *Летопись Симеоновская*. 1913. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова.
 ПСРЛ 1925: *Новгородская 4-я летопись*. 1925. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2.

- Ленинград.
 ПСРЛ 1965: *Никоновская летопись*. 1965. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Москва: Наука.
 ПСРЛ 2000: *Рогожский летописец, Тверской сборник*. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Москва: Языки русской культуры.
 Сафаргалиев М. Г. 1960. *Распад Золотой Орды*. Саранск: Мордовское книжное издательство.
 Султанов Т. И. 2006. *Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть*. Москва: АСТ.
 Kołodziejczyk D. 2011. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston: Brill.

Bulat R. Rakhimzianov. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardjani of the Tatarstan Academy of Sciences. Address: Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: bulatraim@mail.ru

Stratification of Political Actors of the Desht-i-Qipchaq in the Beginning of the Fifteenth Century: the Case of the Arrival of Tokhtamysh's Sons to Muscovy. This abstract analyses mutual political status of the Golden Horde and Muscovite Grand Principality in the beginning of the fifteenth century. The main goal of abstract is to delineate the real role of Muscovite principality in political history of Central Eurasia in the beginning of the fifteenth century. The author examines the arrival of Tokhtamysh khan's sons, namely Jelal ad-Din and Kerim-Berdi, to Muscovite principality. Among states that were members of the Golden Horde polity we find so called "Russian *ulus*" — an alliance of principalities of Northeast Russia, which were conquered by Batu khan. The Moscow Grand Principality became the strongest one among other Russian principalities. It took the leading position in contacts with Tatars. Nevertheless, how influential was the Moscow Grand Principality among other actors in political life of the Desht-i-Qipchaq in the beginning of the fifteenth century? The author concludes that the influence of Moscow was minimal and only began to be seen.

Keywords: Golden Horde, Grand Duchy of Moscow, Jochids, Tatars' aristocracy in the Muscovian military service, political relations.

References

- Gorskii, A.A. 2000. *Moskva i Orda (Moscow and the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Grekov, I.B. 1975. *Vostochnaia Evropa i upadok Zolotoi Ordy (na rubezhe XIV—XV vv.) (Eastern Europe and The Decline of the Golden Horde: at the Turn of 14th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khrapachevsky, R.P. (comp.). 2003. *Zolotaia Orda v istochnikakh (materialy dlia istorii Zolotoi Ordy ili Ulusa Dzhuchi)1. Arabskie i persidskie sochineniia (The Golden Horde in the Sources (materials for the history of the Golden Horde or Jochi's Ulus) 1. Arab and Persian Writings. Collected Works of Materials Related to the History of Golden Horde, translated by V.G. Tiesenhausen. 1884)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sofia Chronicles*. 1853. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles). Vol. 6. Saint Petersburg: Eduard Pratz Typography (in Russian).
- Simeonov Chronicle*. 1913. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles). Vol. 18. Saint Petersburg: M.A. Aleksandrov Typography (in Russian).
- Novgorod Fourth Chronicle*. 1925. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles). Vol. 4. Part 1. Issue 2. Leningrad (in Russian).
- Nikon Chronicle*. 1965. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles). Vol. 11. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rogozhsky Chronicle*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles). Vol. 15. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Safargaliev, M.G. 1960. *Raspad Zolotoi Ordy (Disintegration of the Golden Horde)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Sultanov, T.I. 2006. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' (Genghis Khan and Genghisids: Fate and Power)*. Moscow: "AST" Publ. (in Russian).
- Kołodziejczyk, D. 2011. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston: Brill.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

О наименовании некоторых городов на караванном пути Хорезм — Сарай в конце XIII — начале XIV вв.

Ключевые слова: Улус Джучи, Хорезм, Ургенч, Уйчик, Кутлугкенд, Сарайчик, Сарай, золотоордынская нумизматика, история, археология.

В 2007 году в Азове на VI Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков»¹ в докладе «Кутлугкенд — неизвестный золотоордынский монетный двор XIII в.»² мною были рассмотрены нумизматические и другие данные, позволившие высказать версию о существовании ещё одного, не известного ранее, эмиссионного центра XIII века в Джучидском государстве, где я предложил читать наименование этого монетного двора как *Кутлугкенд* и сделал предположение о локализации его на караванном пути между Сараем и Хорезмом. В 2013 году в «Эпиграфике Востока» увидела свет статья (Рева 2013: 266—287), в которой к чекану Кутлугкенда был добавлен ещё один тип монет, были рассмотрены синхронные эмиссии на других монетных дворах Золотой Орды, также были приведены некоторые новообнаруженные факты. Недавно автору стало известно ещё о двух экземплярах монет Кутлугкенда. Ниже приведено описание четырех, известных на сегодня, монет этого эмиссионного центра.

Описание нумизматического материала.

1. Кутлугкенд³ 672 г.х. AR. В = 1,57 г.; Д = 17,0 мм (рис. 1: 1).

2. Кутлугкенд 672 г.х. AR. В = 1,52 г.; Д = 17,5—18,5 мм (рис. 1: 2).

У обеих монет совпадают лицевые и оборотные штампы, однако на оборотной стороне второй монеты хорошо видно слово *هذا* = «этот», не попавшее на кружок первой монеты.

Av. Внутренний ободок — линейный, наружный — точечный.

В поле: Китайский иероглиф *цзи*, ниже тамга Менгу-Тимура в окружении арабского текста

العز الدائم والشرف القايم

«Слава вечная и честь продолжающаяся»⁴.

Rv. Тройной ободок (внешний и внутренний — линейные, средний — точечный). Сверху над рамкой *هذا* В поле в квадратной рамке из точек —

الدر هم ضرب قتلغ كندر

под рамкой: *٦٧٢*. Полностью легенда восстанавливается как: «Этот дирхам — чекан Кутлугкенда, 672».

В верхней строке лицевой стороны присутствует китайский иероглиф *𠬞* *цзи*, который имеет следующие значения (Ошанин 1984: 335, поз. 12150):

Запись; сочинение; документ, официальная бумага, доклад.

Записки; летопись, повесть.

Метка, отметка, помета; [условный] знак.

Марка (торговой фирмы); имени; под именем.

Печать.

Родимое пятно; клеймо, отметина.

В.А. Беляев и С.В. Сидорович в личной консультации⁵ предложили трактовать в этом случае иероглиф *цзи* как «печать, штамп». Как отмечено в одной из их работ, для обозначения

¹ Материалы МНК МДОМГ VI не публиковались.

² Соавтором доклада был С.В. Гумаюнов, предоставивший мне сведения «о необычной монете».

³ Как сообщалось ранее, топоним на монете мог бы быть прочитан и как *قتلغ بلد* *кутлуг балад* (или *белед*) — «Счастливая область». Однако для такого чтения пришлось бы утверждать, что вся легенда на монете написана горизонтально, а слово *балад* развернуто под прямым углом против часовой стрелки, что уже само по себе является большой натяжкой.

⁴ «Вечное могущество/величие, непреходящая слава» — вариант прочтения, предложенный В.Н. Настичем.

⁵ За что выражаю им свою глубочайшую признательность.

Рис. 1. 1, 2 — Кутлугкенд, 672 г.х.; 3, 4 — Кутлугкенд, 678 г.х.

Fig. 1. 1, 2 — Qutlughkend AH 672; 3, 4 — Qutlughkend AH 678.

Высочайшей власти применялся иероглиф 寶 бао, который в монгольский период обозначал «Императорская печать» т.е. печать самого Великого Каана. Лицам же более низкого ранга: высоким чиновникам и членам императорской семьи принадлежали печати с иероглифами 印 инь или 記 цзи (Беляев, Сидорович 2011: 50). Таким образом, появление иероглифа цзи на этом типе монет предлагалось понимать как повеление чеканить монету в Кутлугкенде неким высоким чиновником. Однако мне видится несколько иная трактовка.

По общепризнанной версии, после прихода к власти в Улусе Джучи в 665 г.х. Менгу-Тимур начинает проводить политику, направленную на выделение своего улуса в автономное государство. В Крыму начиная с 665 г.х. чеканятся монеты с легендой «Каан Правосудный Менгу-Тимур. Чекан Крыма», несущие на себе личную тамгу Менгу-Тимура⁶. В том же 665 г.х. начинается чеканка анонимных монет с тамгой Менгу-Тимура и в Хорезме (Петров 2010: 121—141). В Булгаре датированный чекан от имени Менгу-Тимура известен с 671 г.х., однако данному типу предшествуют анонимные выпуски с тамгой Менгу-Тимура, на одном из которых монеты несут на себе надпись

طمغای عالی «Высочайшая тамга» (Сингатуллина 2003: 131 № 11)⁷. Я далек от мысли, что Менгу-Тимур мог воспринимать себя равным по статусу Великому Каану. Однако он вполне осознавал свою автономию и полновластие как правитель отдельного государства. Таким образом, и «Высочайшая тамга», и титулы «Менгу-Тимур Высочайший», «Менгу-Тимур Правосудный», помещавшиеся на монетах этого правителя, подчеркивали его супремальное положение в собственном государстве. Возникает вопрос: не следует ли считать, что иероглиф на монете Кутлугкенда и легенда «Главная (Высочайшая) Тамга» несут в себе один и тот же смысл? Иероглиф 記 цзи также имеет значение «знак», «тамга». Следовательно, в данном случае он вполне мог обозначать «печать (хана)», «знак (хана)», «тамга хана», «верховная (главная) тамга хана». Хана, но не Великого Каана! Наличие иероглифа 寶 бао в данной позиции означало бы то, что чекан ведется по распоряжению Великого Каана, иероглиф же цзи определенно указывает, что чекан произведен по повелению другого лица, имевшего высокий статус в имперской иерархии, но не самого императора. Тамга же Менгу-Тимура подсказывает нам, кто именно мог отдать это повеление.

⁶ Принадлежал ли титул «Каан Правосудный» Великому Каану или самому Менгу Тимуру — вопрос достаточно дискуссионный и здесь рассматриваться не будет.

⁷ Ханская печать называлась по-тюркски «ал тамга». Обычно проставлялась на бумаге киноварью красного (алого) цвета.

Монета номер 2 была найдена в 2006 году в окрестностях Саратова. Обе монеты Кутлуккенда 672 г.х. находятся в частных коллекциях. Данный тип монеты, за исключением наличия иероглифа, соответствует сарайским выпускам 671—674 гг. х. и чекану города Булгара 672—673 г.х.

3. Кутлуккенд, 678 г.х. AR. В = 1,57 г.; Д = 18,5 x 19,0 мм (рис. 1: 3).

4. Кутлуккенд, 687 = 678 г.х.? Другая штемпельная пара. AR (рис. 1: 4).

Av. Тройной ободок (внешний и внутренний — линейные, средний — точечный).

В поле: Тамга Менгу Тимура, сверху и справа:

ضرب في / قتلغ / كند

«Чеканено в Кутлуккенде».

Внизу, вероятнее всего, неаккуратно исполненное هذا «этот» и дата цифрами ٢٧٨ (278 =? 678)⁸. Слева от тамги нечто напоминающее китайские иероглифы *дин нянь* 丁年, которые могли быть связаны с восточноазиатским «циклическим» календарным счетом.

Rv. Тройной ободок (внешний и внутренний — линейные, средний — точечный). В поле: الملك لله واحد القهار — «Власть [принадлежит] Аллаху единому, всемогущему»⁹.

Монета номер 3 была обнаружена в составе большого клада, найденного в 1990 или 1991 г. в Нижнем Поволжье, и впервые была опубликована В. П. Лебедевым по протирке, присланной ему Ю. Е. Пырсовым (Лебедев 1998: 65—68; 2000: 277—282). В искажённой дате «278» Валентин Петрович увидел 678 г.х., но прочесть наименование монетного двора не смог. В 2005 году И. В. Евстратов и С. В. Гумаюнов опубликовали фотографию этой монеты и ошибочно отнесли её к чекану Сарая 678 г.х. (Евстратов, Гумаюнов 2005: 196? №7)¹⁰. Монета номер 4 была найдена близ г. Наровчат Пензенской области в 2016 году.

Нумизматические данные свидетельствуют о том, что чекан Кутлуккенда очень близок сарайско-хорезмийскому кругу. Монеты 672 г.х. практически полностью повторяют синхрон-

ный чекан Сарая. Монета, отнесённая к 678 г.х., по стилю оформления и монетной легенде очень близка хорезмскому чекану (Рева 2013: 280). Наличие же китайских иероглифов на монетах Кутлуккенда явно указывает на то, что люди, принимавшие участие в выпуске монет, были каким-то образом сопричастны китайской культуре. Не исключено, что в этом населённом пункте часть управленческих функций осуществлялась выходцами из Поднебесной.

Счастливый город. До моих публикаций ни золотоордынский город, ни монетный двор с названием قتلغ كند *Кутлуг Кенд* не был известен нумизматической науке и не встречался в таком начертании в исторических сочинениях. Тюркский топоним *Кутлуккенд* означает «счастливый город» (или «крепость»). В поисках возможной локализации загадочного Кутлуккенда мне удалось обнаружить несколько упоминаний о «счастливых городах», появившихся в монгольское время. Это два города с названием Кутлуг-Балык (*балык* или *балыг* — по-монгольски «город»). Один из них — Зарнук (Зернук), укрепление на левом берегу Сырдарьи ниже Сюткенда, отождествляемое с развалинами около озера Каракуль, которое в то время служило последней станцией на берегу Сырдарьи по дороге из Самарканда в Отрар через Йилан-Утинское ущелье (Бартольд 1963: 475). Второй Кутлуг-Балык упомянут у Рашид ад-Дина в связи со следующими событиями: 2 джумада I 693 г.х. (31 марта 1294 г.) во время военных действий против Джучидов в Арране Гайхату-хан основал большой город на берегу Куры и положил ему имя Кутлуг-Балык (Рашид ад-Дин 1946: 134). По причинам географического положения, удаленного и от Сарая, и от Хорезма, мне пришлось отвергнуть оба вышеназванных Кутлуг-Балыка из числа претендентов на роль нашего «Счастливого города» (Рева 2013: 280—282). Куда плодотворнее вышло с третьим «кандидатом» на эту роль.

В обширном историко-географическом труде *Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар* «Пути взоров по владениям разных стран» Ибн Фадлаллаха ал-'Умари (ум. в 1348 г.) есть фраза, которую В. Г. Тизенгаузен перевёл следующим образом: «*Расстояние его (Сарая) от Хорезма — около одного с половиной месяца (пути); между ним (Хорезмом) и Сараем — города Хива и Кутлукент...*» (Тизенгаузен 1884: 242). Известно, что В. Г. Тизенгаузен делал перевод по Парижской рукописи (№583), в которой «город Кутлукент» передан как مدينة فطلو كنت. При подготовке перевода исследователь сверил его со вторым томом «хранящегося в Бодлеянской библиотеке (Оксфорд) сочинения *Субх ал-а'ша*

⁸ Последняя цифра не вполне ясна, это могла бы быть ° ٢٧°? = 675 г.х.), но по ряду соображений такое чтение представляется менее вероятным, чем 678 г.х.

⁹ Это религиозное изречение встречается на монетах Хорезма и Сарая второй половины XIII века.

¹⁰ В метрологической табличке указанной работы, приведенной на стр. 113, даны сведения о двух таких монетах, однако после получения фотографий этих монет от авторов упомянутой статьи стало понятно, что первая из них чеканена в Кутлуккенде, а вторая (другого штемпеля) — в Сараяе в 678 г.х.

фи китабат ал-инша “Рассвет для подслеповатого по части писания сочинений”» Шихаб ад-дина ал-Калкашанди (ум. в 821 г. х./1418 г.), в котором содержится множество дословных выписок из труда ал-‘Умари, и обнаружил там иной (явно ошибочный) вариант написания — مدينة قطلود: вполне очевидно, что перед конечным ۛ пропущены два знака — ۛ и ن (описка в оригинале, либо опечатка в издании). Поскольку топоним *Кутлуккенд* — тюркского происхождения, то можно предположить, что и резчик монеты, и ал-‘Умари, который приводит данные известия со слов «толмача Шуджа’ ад-дин ‘Абд ар-Рахмана ал-Хорезми» (Бартольд 1965: 55), передали арабской графикой тюркское звучание одного и того же топонима, но в различной орфографии¹¹.

В приведённом выше переводе из ал-‘Умари есть одно несоответствие. Очевидно, что под «городом Хорезмом» имеется в виду столица области Хорезм — Ургенч. Однако, хотя город Хива и находился на том же караванном пути, что связывал Сарай с Мавераннахром, но не между Сараем и Ургенчем, а дальше — между Ургенчем и Бухарой. Таким образом, ясно, что здесь вкралась ошибка, которая, впрочем, легко разрешается после ознакомления с арабским текстом, где в Парижской рукописи стоит مدينة وحق, в варианте ал-Калкашанди — مدينة وحق (мадинат Ваджик (вариант прочтения — «Учик»)), а в рукописи, принадлежавшей Азиатскому музею — مدينة وحى. Итак, В. Г. Тизенгаузен, предполагая ошибку переписчиков, переставлял первые буквы в названии города и читал: مدينة حيوق (мадинат Хивак). В. В. Бартольд, описывая путь из Сарая в Хорезм, также использовал арабский текст ал-‘Умари, однако, заметив, что вместо предложенной В. Г. Тизенгаузеном конъектуры حيوق в рукописях стоят وحى или даже وسق (Бартольд 1965: 55, сноска 28), он, по непонятным для меня причинам, повторяет ошибочный перевод Тизенгаузена, делая заключение, что, «по-видимому, (ал-‘Умари — Р. Р.) не вполне точно передаёт его (очевидца-толмача ал-Хорезми — Р. Р.) показания и примешива-

ет к ним книжные известия» (Бартольд 1965: 55). То есть, авторитет В. Г. Тизенгаузена был настолько велик, что даже великий учёный — академик В. В. Бартольд, заметивший несоответствие перевода арабскому тексту, в итоге присоединился к ошибочному мнению и поддержал замечательного востоковеда.

Предположив, что правильнее всё же использовать текст арабского «оригинала», вместо конъектуры, которая была явно неверна, я предложил тогда свой вариант перевода: «*между ним [Хорезмом] и Сараем — город Вачик и город Кутлу[з]кент*». Локализация Кутлуккенда на караванном пути между Сараем и Хорезмом идеально подтверждала выводы, к которым я пришел, изучая нумизматические свидетельства. Тогда же я сделал предположение, что под одним из этих названий скрывается город Сарайчик, который как раз находился на караванном пути из Сарая в Хорезм на правом берегу реки Яик (Рева 2013: 282—283).

«Город Уйшик и крепость Сарайчик». В сентябре 2015 года на Международной научно-практической конференции «МЭНГЛІК ЕЛ», проходившей в Астане, я обнаружил свидетельства того, что в сказаниях казахов, записанных в конце XIX столетия, город Гурьев Уральской области (современный Атырау, Республика Казахстан) именуется не иначе как «город Уйшик». В тех же легендах вместе с «городом Уйшик» упоминается, как видно из контекста, недалеко находящаяся от него «крепость Сарайчик» (Крафт 1897—1898: 112; Нәсенов 2012: 421). Здесь замечательно то обстоятельство, что топоним Уйшик-Уйчик-Учик практически полностью (с учётом возможного пропуска диакритики) соответствует арабскому написанию в вышеупомянутых рукописях¹²:

وحق — وحى — وسق.

Приняв во внимание вышеизложенные обстоятельства, связанные с текстом ал-‘Умари, заметив, что этот населенный пункт как раз находится на караванном пути между Сараем и Хорезмом, можно утверждать, что именно так на рубеже XIII—XIV веков и назывался город, находившийся в районе современного Атырау. По поводу локализации Кутлуккенда можно добавить, что либо это более раннее наименование Сарайчика, либо так назывался ещё один, не обнаруженный пока населенный пункт караванного пути. Помимо Сарайчика, на караванном пути от Сарая до Ургенча археологами найдены остатки нескольких горо-

¹¹ Разные начертания могли возникать при переписке под диктовку. О подобном виде преподавания и переписки сказано в фундаментальном труде «Мусульманский ренессанс» (Мец 1973). Можно привести немало примеров подобных ошибок и неточностей при передаче топонимов как в рукописях, так и на монетах: *Арран*, *Алан*, *Арраджан*, *Кухистан*, *Тохаристан* и др. Например, первый из них на монетах всегда пишется ۛراب, а в некоторых случаях встречается в форме ۛاران, то же можно сказать в отношении топонима *Тохаристан* — ۛارساتاب и ۛارساتاب и т. п. (Полосин 1979: 162—167).

¹² Первая графема ۛ может быть прочитана и как «ва», и как «у».

диц и караван-сараяев. Согласно В.Л. Егорову, город Сарайчик был основан во второй половине XIII в. (Егоров 1985: 124). По мнению К. Байпакова, «Сарайчик был гораздо старше, и что он существовал ещё в эпоху домонгольских завоеваний в X—XII вв. Как считал известный археолог С.П. Толстов, на этом месте уже в X—XI вв. существовала “хорезмская колония”, основанная купцами с берегов Амударьи» (Байпаков 2007: 294). Ибн Батута, побывавший в этом городе в 1334 году, показывает, что название этого города пишется, как «Сарайчук»¹³, т.е. Сарай Малый (Тизенгаузен

1884: 307). Здесь был похоронен хан Токта. Возможно, при его жизни или при правлении его приемника Узбека город Кутлуккент и был переименован в *Сарайчук* — «Малая Столица». Здесь следует добавить, что сам порядок перечисления населенных пунктов в отрывке из ал-'Умари, который теперь следует читать не иначе как: «*между ним (Хорезмом) и Сараем — города Учик (Уйшик — современный Атырау — Р.Р.) и Кутлуккент (Кутлуккент — Р.Р.)...*» — совпадает с реальным маршрутом: Ургенч-Атырау-Сарайчик-Сарай.

- Байпаков К. М. 2007. *Древние города Казахстана*. Алматы: Аруна.
- Бартольд В. В. 1963. *Сочинения*. Т. I. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Москва: Издательство восточной литературы.
- Бартольд В. В. 1965. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. III. *Работы по исторической географии*. Москва: Наука, 15—96.
- Беляев В. А., Сидорович С. В. 2011. Новая интерпретация иероглифа БАО на монетах монгольских улусов. *ЭВ XXIX*. Москва: Институт востоковедения РАН, 43—57.
- Евстратов И. В., Гумаюнов С. В. 2005. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII — нач. XIV века. *ТМНК МДОМГ II*. Москва: Нумизматическая литература, 103—129, 196—204.
- Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Крафт К. К. 1897—1898. Из Киргизской старины. Часть вторая. Киргизские легенды, сказания и басни. *Тургайская Газета*. 1897. № 131—136, 140; 1898. № 1, 14, 15, 25, 36.
- Лебедев В. П. 1998. Новые данные о раннем чекане Хорезма и Сарая. *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция*. Санкт-Петербург, 65—68.
- Лебедев В. П. 2000. Новые данные о раннеджучидском чекане Хорезма и Сарая. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 1*. Донецк: ДонНУ, 277—282.
- Мец А. 1973. *Мусульманский Ренессанс*. Москва: Наука.
- Нәсенов Б. 2012. *Төле Би, Қазыбек Би, Айтеке Би*. Т. XIX. Книга XXIV. Алматы; Новосибирск.
- Ошанин И. М. 1984. *Большой китайско-русский словарь*. Т. 4. Москва.
- Петров П. Н. 2010. Клад из Девкесен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе. *Золотоордынская цивилизация 3*. Казань, 121—141.
- Полосин В. В. 1979. Об арабском названии Кавказской Албании (Аррана). *ППВ 1973*. Москва: Наука, 162—167.
- Рашид ад-Дин 1946. *Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Рева Р. Ю., Гумаюнов С. В. 2007. Кутлуккент — неизвестный золотоордынский монетный двор XIII в. *ТМНК МДОМГ VI*. Не опубликованы.
- Рева Р. Ю. 2013. Новые данные о монетах Кутлуккента, Сарая, Хорезма и других монетных дворов 70-х годов XIII века. *ЭВ XXX*. Москва: Институт востоковедения РАН, 266—287.
- Сингатуллина А. З. 2003. *Джучидские монеты Поволжских городов*. Казань: Заман.
- Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Roman Yu. Reva. Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences. Address: Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation. E-mail: roman04@ngs.ru

On the Names of Some Towns along the Caravan Route from Khorezm to Saray in the Late 13th — Early 14th Century. Based on the comparison of recently discovered numismatic facts with the Arabic manuscript text of al-'Umari and Kazakh legends recorded in the 19th century, the names of two towns have been established — Uichik and Qutlughkent, which were located on the caravan route from Urgenj to Saray. Uichik is localized in the vicinity of modern Atyrau (Republic of Kazakhstan). “Qutlughkent” could possibly be the early name of the city of Saraijuk. A misinterpretation by V.G. Tiesenhausen in the Russian translation of al-'Umari's text has been corrected.

Keywords: Ulus Jochi, Khwarezm, Urgendzh, Uichik, Qutlughkent, Saraijuk, Saray, Golden Horde numismatics.

¹³ «Сарайчук» — именно так написано на монетах этого города, чеканенных в XIV—XV вв. в отличие от более позднего названия «Сарайчик».

References

- Baipakov, K.M. 2007. *Drevnie goroda Kazakhstana (Ancient Towns of Kazakhstan)*. Almaty: "Aruna" Publ. (in Russian).
- Bartol'd, V.V. 1963. *Sochineniia (Works)*. Vol. I. *Turkestan in the Epoch of the Mongol Invasion*. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ., 45—600 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. 1965. In Bartol'd, V.V. *Sochineniia (Works)* III. *Raboty po istoricheskoi geografii (Writings on the Historical Geography)*. Moscow: "Nauka" Publ., 15—96 (in Russian).
- Beliaev, V.A., Sidorovich, S.V. 2011. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XXIX. Moscow: Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 43—57 (in Russian).
- Evstratov, I.V., Gumaiunov, S.V. 2005. In *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th—15th Centuries)* II. Moscow: "Numizmaticheskaia Literatura" Publ., 103—129, 196—204 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kraft, K.K. 1897—1898. Iz Kirgizskoi stariny (From the Kirgizian (= Kazakh) Past). Part 2. Kirgizskie legendy, skazaniia i basni (Kirgiz Legends, Tales and Fables). *Turgaiskaia Gazeta (Turgay Bulletin)* 1897, no. 131—136, 140; 1898, no. 1, 14, 15, 25, 36, 109—158 (in Russian).
- Lebedev, V.P. 1998. In *Shestaia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (6th All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg, 65—68 (in Russian).
- Lebedev, V.P. 2000. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 277—282 (in Russian).
- Mez, A. A. 1973. *Musul'manskii Renessans (Die Renaissance des Islâms)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Näsenov, B. 2012. *Töle Bi, Qazıbek Bi, AYTEKE Bi (Töle Biy, Qazıbek Biy, Aıteke Biy)*. Vol. XIX, book XXIV. Almaty; Novosibirsk (in Kazakh).
- Oshanin, I.M. (ed.). 1984. *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' (Great Chinese-Russian Dictionary)* 4. Moscow (in Russian).
- Petrov, P.N. 2010. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 3. Kazan, 121—141 (in Russian).
- Polosin, V.V. 1979. In *Pis'mennye pamiatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniia 1973 (Written Monuments of the Orient: Historical and Philological Studies in 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 162—167 (in Russian).
- Rashid-al-Din 1946. *Sbornik letopisei (Collected Works of Chronicles)* III. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Reva, R. Yu., Gumaiunov, S.V. 2007. Kutlugkend — neizvestnyi zolotoordynskii monetnyi dvor XIII v. (Kutlugkend, the Unknown Mint of Golden Horde, 13th Century). In *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th—15th Centuries)* VI. No published (in Russian).
- Reva, R. Yu. 2013. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XXX. Moscow: Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 266—287 (in Russian).
- Singatullina, A.Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* 1. *Iz vlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Статья поступила в редакцию 6 марта 2016 г.

Д. А. Сташенков

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина

Кузькинский мордовский могильник конца XIII—XIV в.: новые материалы о населении Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Золотая Орда, мордва, грунтовой могильник, погребальный обряд, расселение, история, археология.

Осенью 2003 г. в Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина поступила информация о том, что карьером по добыче песка у с. Кузькино в Шигонском районе Самарской области разрушаются древние погребения. В 2004 г. сотрудники музея обнаружили в окрестностях с. Кузькино грунтовой могильник и исследовали одно погребение (Сташенков 2005). Раскопки могильника проводились в 2005—2006 гг. На краю карьера было заложено два раскопа: раскоп 1 площадью 36 кв. м и раскоп 2 площадью 104 кв. м. Общая площадь, исследованная на памятнике — 140 кв. м. Стратиграфическая ситуация на раскопах: под дерновым слоем, в некоторых местах перекрытым слоем отвала из карьера и грабительских шурфов, шел слой гумусированной супеси серого цвета мощностью до 40 см без находок. Погребения были совершены в материке, представлявшем собой плотный белый песок или желтый суглинок с вкраплениями плитняка.

Всего на двух раскопах исследовано 16 погребений: три мужских, четыре женских, семь детских. По набору погребального инвентаря и положению погребенных среди детских можно выделить два погребения мальчиков и три — девочек. Два погребения, зафиксированные как прямоугольные ямы малых размеров, костей и находок не содержали. Вероятно, они принадлежали младенцам.

Могильные ямы прямоугольной формы были ориентированы по линии С-Ю. Погребения были ориентированы головами на юг. В мужских погребениях костяки находились в вытянутом на спине положении и сопровождалась железными ножами, топорами, кресалом, пряжкой. Предметы конской упряжи и поясные наборы в погребениях не встречены. Женские погребения совершены в скорченном положении на левом или правом боку.

Погребальный инвентарь в них представлен стеклянными бусами, бронзовыми лопастными сьюльгамами. В двух женских погребениях были выявлены нагрудные украшения в виде прямоугольных пластин с основой из органических материалов, на которую шерстяными нитями нашивались бронзовые лопастные сьюльгамы. Среди характерных женских украшений можно отметить также наконечник пулокеря, который представляет собой деревянную палочку, вставленную в женскую косу, заключенную в лубяной футляр и обмотанную тонкой медной проволокой. В детских погребениях обнаружены бронзовые лопастные сьюльгамы, наконечник пулокеря. Немногочисленные стеклянные бусины не только использовались в составе ожерелья, но и служили украшениями головного убора.

Нужно отметить, что в погребениях найдены только лопастные сьюльгамы. Подобные сьюльгамы имеются во всех мордовских могильниках золотоордынского времени на территории Самарского Поволжья — Муранском (Алихова 1954: 272—274), Барбашинском (Ключникова 1995: рис. 4), Усинском (Васильева 1993: рис. 3; 4; 5). Считается, что лопастные сьюльгамы характерны для культуры мордвы-мокши (Васильева 1993: 64), а круглоламчатые — для мордвы-эрзи, но в погребениях Барбашинского могильника, например, в одном захоронении могли встречаться украшения обоих типов (Ключникова 1995: рис. 4).

Глиняная посуда зафиксирована в трех погребениях Кузькинского могильника — двух женских и в погребении мальчика-подростка. В мордовских погребальных комплексах глиняная посуда встречается сравнительно редко. Формовочная масса и характер обработки поверхности горшковидных сосудов из Кузькинского могильника типичны для мордовской керамики Среднего Поволжья (т.н. керамики «барбашинского типа»). Группу ке-

рамики барбашинского типа в 1920-х гг. на материалах Самарской Луки и Барбашинского могильника выделила В.В. Гольмстен (Гольмстен 1925). Однако выделенная ею группа включала разные в культурном и хронологическом отношении группы керамики. Правильнее будет соотносить данное название с группой керамики, происходящей только из мордовских памятников XIII—XIV вв. Эта керамика представлена преимущественно неорнаментированными горшками и банками светло-коричневого и красноватого цвета с темной прослойкой в изломе. Подробно мордовская керамика золотоордынского времени изучалась на основе технико-типологического анализа И.Н. Васильевой (Васильева 1993а: 124; 1995: 248).

На основании анализа погребального инвентаря и находки в мужском погребении 5 серебряного дирхема хана Узбека чекана города Болгар 1320-х гг. погребения датируются концом XIII — серединой XIV в. Исследованные захоронения могут быть связаны с мордовским населением, переселенным в Среднее Поволжье в золотоордынскую эпоху.

Остатки поселения, к которому относился могильник, пока не выявлены. Возможно, оно могло располагаться на месте современного села. Не локализовано также место находки серебряных изделий и золотоордынских монет, сведения о которой приводятся В.Н. Поливановым: «в селе Кузькине, в 20 верстах от реки Волги, в 1898 году были найдены два серебряные браслета, три подвески болгарского типа, тождественные с найденными в Муранском могильнике, и двадцать татарских монет XIV века» (Поливанов 1900: 23). Находка сразу двадцати монет позволяет сделать предположение, что это небольшой кладовый комплекс, связанный с поселением золотоордынской эпохи.

Погребения Кузькинского могильника находят аналогии в материалах мордовских могильников золотоордынского времени. На территории Самарского Поволжья исследованы три крупных мордовских могильника: Муранский, раскапывавшийся В.Н. Поливановым и А.Е. Алиховой в конце XIX и середине XX в. (Поливанов 1896; 1900; Алихова 1954), Барбашинский, исследованный в 1907—1908, 1916, 1918, 1935, 2011—2014 гг. В.Н. Глазовым, В.А. Миллером, К.П. Головкиным, Ф.Т. Яковлевым, Б.А. Латыниным, Д.А. Сташенковым (Ключникова 1995; Сташенков, Кочкина 2008; 2011; Сташенков 2012; 2014), и Усинский II, изучавшийся И.Н. Васильевой в 1988—1989 гг. (Васильева 1993).

В настоящее время на территории Самарской области известно более 70 археологических памятников, относящихся к золотоордынскому времени (Васильева 2000: табл. XIII). Материалы, соотносимые с мордовским населением, являвшимся одним из основных этнических компонентов населения Улуса Джучи, присутствуют, помимо указанных могильников, и на части из исследованных поселенческих памятников: Муранском, Усинском, Кануевском, Барбашинском селищах, Междуреченском городище (Васильева 1993; 1995; Кочкина 2003; Кочкина, Сташенков 2013). Судя по археологическим и нумизматическим материалам, освоение Самарского региона мордовским населением в рамках государственной политики Золотой Орды началось не ранее последней трети XIII в. Достоверных свидетельств существования мордовских памятников после 1360-х гг. — начала периода «Великой замятни» в Орде — в регионе не имеется.

- Алихова А.Е. 1954. Муранский могильник и селище. *МИА* 42, 259—301.
- Алихова А.Е. 1960. Русский поселок XIII—XIV вв. у с. Березовка. *МИА* 80, 195—209.
- Васильева И.Н. 1993. II Усинский грунтовый могильник XIII—XIV вв. на Самарской Луке. В: Ковалевская В.Б. (ред.). *Новое в средневековой археологии Евразии*. Самара: СамВен, 58—76.
- Васильева И.Н. 1993а. *Гончарство Волжской Болгарии в X—XIV вв.* Екатеринбург: Наука.
- Васильева И.Н. 1995. Болгарский керамический комплекс Междуреченского городища. В: Кабытов П.С. (ред.). *Краеведческие записки VII*. Самара: СамВен, 226—255.
- Васильева И.Н. 2000. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья. В: Васильева И.Н., Матвеева Г.И. (ред.). *История Самарского Поволжья. Ранний железный век и средневековье*. Москва: Наука, 293—346.
- Гольмстен В.В. 1925. Керамика древних мест поселений

- Самарской Луки. *Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии, естествознания* 3. Самара: Самарский университет, 5—15.
- Ключникова Р.М. 1995. Археологические изыскания К.П. Головкина. В: Кабытов П.С. (ред.). *Краеведческие записки VII*. Самара: СамВен, 199—207.
- Кочкина А.Ф. 2003. Новые материалы золотоордынского времени в Самарском Поволжье. В: Белорыбкин Г.Н., Ставицкий В.В. (ред.). *Археология восточноевропейской степи*. Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой (11—14 ноября 2002 г.). Пенза: ПГПУ, 494—507.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2013. Муранское селище — памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы). В: Богачев А.В. (ред.). *Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области)*: Научно-популярное издание. Самара: Альфа-Порте, 248—276.

- Поливанов В. Н. 1896. *Муранский могильник*. Москва.
- Поливанов В. Н. 1900. *Археологическая карта Симбирской губернии*. Симбирск.
- Сташенков Д. А. 2005. *Отчет о разведках в Шигонском районе Самарской области в 2004 г. по открытому листу №863 (форма 1)*. Самара. Архив ИА РАН. Р-1, № 31257
- Сташенков Д. А. 2012. *Новые археологические исследования на территории города Самары*. Самара: Ас Гард.
- Сташенков Д. А. 2014. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования. *Известия Самарского научного центра РАН* 16 (3), 326—329.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. 2008. *Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни*. Саратов: Новый ветер.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. (ред.). 2011. *Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В. Н. Глазова и В. А. Миллера на Барбашинском могильнике*. Самара: СНИЦ РАН.

Dmitry A. Stashenkov. Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Address: Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation. E-mail: archeo@list.ru

The Mordovian Kuzkinsky Burial Ground of the Late 13th — 14th Centuries: new materials about the population of the left-bank Volga Samara area in the Golden Horde era. A previously unknown burial ground of the Middle Ages in the Volga Samara region is studied. The analysis of the grave goods from 16 burials allowed their dating by the late 13th to mid-14th century. The funerary rite and the items from the burials find analogies with the Muransky, Barbashinsky, Usinsky burial ground sites excavated in the region, that are associated mainly with the Mordovian groups. The emergence of large Mordovian burial grounds in the Middle Volga region was conditioned by the economic development policy pursued by the Golden Horde administration in the Volga region. The chronological framework of the sites with the Mordva ethno-cultural component studied in the region encompasses the late 13th — mid-14th centuries. Reliable evidence of their existence in the region following the 1360s (the start of the internecine dissension wars known as the “Great Zamyatnya” in the Golden Horde) is absent.

Keywords: Lower Volga region, Golden Horde, archaeology, the Mordvins, burial ground, funerary rite, resettlement.

References

- Alikhova, A.E. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 42, 259—301 (in Russian).
- Alikhova, A.E. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 80, 195—209 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1993. In Kovalevskaia, V.B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: “SamVen” Publ., 58—76 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X—XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th — 14th Centuries)*. Yekaterinburg: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1995. In Kabytov, P.S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* VII. Samara: “SamVen” Publ., 226—255 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 2000. In Vasil'eva, I.N., Matveeva, G.I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Early Iron Age and the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 293—346 (in Russian).
- Gol'msten, V.V. 1925. In *Biulleten' Obshchestva arkheologii, istorii, etnografii, estestvoznaniia (Bulletin of the Society for Archaeology, History, Ethnography, and Natural Sciences)* 3. Samara: Samara University, 5—15 (in Russian).
- Kliuchnikova, R.M. 1995. In Kabytov, P.S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* VII. Samara: “SamVen” Publ., 199—207 (in Russian).
- Kochkina, A.F. 2003. In Belorybkin, G.N., Stavitskii, V.V. (eds.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 494—507 (in Russian).
- Kochkina, A.F., Stashenkov, D.A. 2013. Muranskoe selishche — pamiatnik zolotoordynskogo vremeni na reke Use (k istorii izucheniia i novye materialy). In Bogachev, A.V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region))*. Samara: “Al'fa-Porte” Publ., 248—276 (in Russian).
- Polivanov, V.N. 1896. *Muranskii mogil'nik (Muranka Burial Ground)*. Moscow (in Russian).
- Polivanov, V.N. 1900. *Arkheologicheskaiia karta Simbirskoi gubernii (Archaeological Map of the Simbirsk Province)*. Simbirsk (in Russian).
- Stashenkov, D.A. 2005. *Отчет о разведках в Шигонском районе Самарской области в 2004 г. по открытому листу №863 (форма 1) (Report on the Field Surveys in the Shigonsky District, Samara Oblast, in 2004 after Permission n.863, form 1)*. Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 31257 (in Russian).
- Stashenkov, D.A. 2012. *Novye arkheologicheskie issledovaniia na territorii goroda Samary (New Archaeological Investigations on the Territory of Samara City)*. Samara: “As Gard” Publ. (in Russian).
- Stashenkov, D.A. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 16 (3), 326—329 (in Russian).
- Stashenkov, D.A., Kochkina, A.F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskii period zhizni (Boris Aleksandrovich Latynin: the Samara Period of Life)*. Saratov: “Novyi veter” Publ. (in Russian).
- Stashenkov D. A., Kochkina, A.F. (eds.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millerana Barbashinskommogil'nike (Archaeological Investigations on the Territory of Samara City: Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller on the Barbashino Burial Ground)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Л. В. Яворская, Е. Е. Антипина

Институт археологии Российской Академии наук

География и особенности жизнеобеспечения городов Золотой Орды по археозоологическим данным

Ключевые слова: Поволжье, Золотая Орда, города, природные зоны, система жизнеобеспечения, археозоологические данные, история, археология.

Центральным и наиболее информативным звеном в изучении древней экономики является реконструкция структуры обеспечения населения продуктами питания по сохранившемуся в культурных слоях поселений бытовому мусору биологического происхождения, прежде всего костям животных и макроостаткам растений.

В этом направлении отдельной темой для средневековых социумов становится исследование системы жизнеобеспечения городов, как ремесленных, торговых и административных центров и, главное — потребителей сельскохозяйственной продукции. Особого внимания заслуживают вопросы, связанные с установлением размеров и удаленности сельской округи, которая производит и поставляет в город пищевые продукты, а также особенности и разнообразие задействованных при этом природных ресурсов и эффективность их эксплуатации.

Первым предпринятым нами шагом для решения этих задач стало изучение археозоологических материалов из средневековых городских и сельских поселений различных в культурно-этническом отношении сообществ. В рамках научного проекта РФФИ № 14-06-00427 проведена обработка остеологических коллекций, включающих десятки тысяч кухонных остатков, из раскопок семи золотоордынских городов. Локализация этих памятников по берегам Волги в ее среднем и нижнем течении охватывает три природные зоны: лесостепную (Болгар), степную (Укек, Водянское, Царевское, Селитренное) и полупустынную (подзона дельты; Мошайк, Самосдельское). Именно эти города оказались на центральной «оси» нового

государства, возникшего здесь после монгольских походов 1230—1240-х годов на территорию Восточной Европы, которое впоследствии именуют Золотая Орда. В данной работе обсуждается в сравнительном плане структура потребления мясных продуктов в городах Золотой Орды и Древней Руси, существовавших одновременно в XIII—XIV веках.

Остеологические коллекции каждого из указанных золотоордынских памятников исследованы по методологической схеме, разработанной и практикуемой в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина 2004; 2009). Спектры, полученные по костным кухонным остаткам, были пересчитаны в относительные объемы потребляемых мясных продуктов, которые анализировались последовательно по отдельным хронологическим периодам существования городов (Антипина 2005; Яворская 2012; 2013; 2014).

Фактологической базой для реконструкции структуры потребления мяса домашних копытных в древнерусских городах — Новгород, Псков, Москва, Старая Рязань, стали определения В. И. Цалкина (1956). По средневековому Киеву данные взяты из монографии Н. Г. Тимченко (1972). А остеологические коллекции из древнего Ярославля обработаны авторами.

Реконструкция структуры потребления мясных продуктов населением золотоордынских городов показывает несомненное доминирование говядины в диете горожан (от 50,3 до 63,7%). На втором месте, как правило, оказывается баранина (от 22,4 до 41,0%), далее следует конина (от 22,5 до 2,2%). Объемы по-

■ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 14-06-00427 «Археобиологические исследования на поселениях Золотой Орды».

Таблица 1.

Структура потребления мясных продуктов в золотоордынских и древнерусских городах

Городские поселения	Природная зона	мясные продукты (%)			
		говядина	конина	баранина	свинина
золотоордынские					
Болгар (XIV в.)	лесостепь	56,2	6,5	36,9	0,4
Болгар (XIII в.)	лесостепь	62,1	10,1	27,4	0,4
Укек (XIII в.)	степь	56,3	2,2	41,0	0,5
Водянское (XIV в.)	степь	63,7	12,8	22,8	0,7
Царевское (XIV в.)	степь	59,3	18,2	22,4	0,1
Селитренное (XIV в.)	степь	56,4	18,2	25,0	0,4
Мошаик (XIV в.)	полупустыня (дельта)	57,4	9,2	33,1	0,3
Мошаик (XIII в.)	полупустыня (дельта)	50,5	22,5	26,8	0,2
Самосдельское (XIV в.)	полупустыня (дельта)	61,3	14,2	24,2	0,3
Самосдельское (XIII в.)	полупустыня (дельта)	56,7	20,1	23,0	0,2
по всем городам: максимальные значения		63,7	22,5	41,0	0,7
минимальные значения		50,3	2,2	22,4	0,1
средние значения		58,0	13,4	28,3	0,4
древнерусские					
Новгород (XIV в.)	лес	86,0	9,7	1,0	3,3
Новгород (XIII в.)	лес	88,3	8,2	0,8	2,7
Псков (XI—XII вв.)	лес	82,6	11,0	1,4	5,0
Ярославль (XIII в.)	лес	82,7	11,7	2,3	3,3
Москва (XII—XIII вв.)	лес	85,8	6,2	1,7	6,3
Старая Рязань (XI—XIII вв.)	лес/лесостепь	73,2	18,7	2,5	5,6
Киев (XI—XIII вв.)	лес/лесостепь	84,2	12,4	1,6	1,8
по всем городам: максимальные значения		88,3	18,7	2,5	6,3
минимальные значения		73,2	6,2	0,8	1,8
средние значения		83,3	11,1	1,6	4,0

* Спектры для древнерусских городов рассчитаны по: (Антипина 2005).

требления свинины во всех городах не превышают доли процента (от 0,1 до 0,7%; табл. 1). Такая структура сохраняется вне зависимости от локализации памятника в той или иной природной зоне. Вместе с тем, если по всем городам объемы потребления говядины мало отличается, то значение конины и баранины в диете горожан существенно варьирует. Оно оказывается достаточно сходным в степных городах Водянское, Царевское и Селитренное, тогда как в наиболее северных (Болгар, Укек) и южных памятниках (Мошаик и Самосдельское) различается в значительной степени (табл. 1). Для расшифровки такой картины нами проведен сравнительный анализ данных по золотоордынским городам и информации о мясной диете древнерусского городского населения.

Результаты археобиологических исследований на средневековых памятниках Восточной Европы и письменные источники этого перио-

да раскрывают специфику общей структуры экономики древнерусского населения лесных и лесостепных территорий, которая определялась исключительно земледельческой отраслью, а придомное, главным образом, стойловое скотоводство выступало зависимым и вспомогательным сектором. В такой структуре сельского хозяйства наиболее эффективным было разведение крупного рогатого скота. Поэтому главным компонентом в мясной диете средневекового населения Восточной Европы выступала говядина (Антипина 2005). Именно эта закономерность прослеживается в структуре потребления у жителей древнерусских городов. Она же выступает той единственной характеристикой, которая сближает белковую диету населения золотоордынских и древнерусских городов (табл. 1).

Учитывая эту специфику древнерусской сельскохозяйственной системы и биологиче-

ские основы разведения и содержания крупного и мелкого рогатого скота, можно предположить в системе обеспечения золотоордынских городов две составляющие: соотнести поставки говядины с функционированием близлежащей аграрной округи, а поставки баранины, и отчасти конины, с кочевым хозяйством скотоводов обширных степных регионов. Изотопный анализ костей золотоордынского крупного рогатого скота из Болгара указывает, вероятнее, на их местное происхождение. А состав тяжелых изотопов углерода и азота в костях болгарских овец подтверждает происхождение этих животных из степных и полупустынных южных регионов (Яворская и др. 2015). Более того, рассмотрение динамики мясной диеты жителей Болгара от домонгольского периода к концу золотоордынского на фоне археологического и исторического контекстов выявило, что возросшие объемы потребления баранины в середине XIV века оказались «побочным эффектом» торговой активности городского населения и рыночного увеличения

спроса на овечьи шкуры и кожу (Яворская 2015).

В итоге мы приходим к выводу, что система жизнеобеспечения золотоордынских городов и ее устойчивость в значительной мере связаны с оседлой сельской округой, которая и составляла такой важный мясной ресурс, как говядина. Эффективность же аграрной отрасли во все времена зависела от таких природных факторов, как температурный режим и количество осадков, которые в значительной мере меняются по меридиональному вектору с севера на юг. В этом отношении следует подчеркнуть, что в Поволжье благоприятные для земледелия условия соотносятся с распространением здесь аazonальных ландшафтов, которые тянутся в виде узкой полосы вдоль речной поймы вплоть до полупустынной зоны. Потребление горожанами Золотой Орды мяса остальных сельскохозяйственных видов — лошадей, овец и свиней, обусловлено экономическими, социальными, этническими и в меньшей степени природными факторами (Яворская 2012).

- Антипина Е.Е. 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В: Черных Е.Н., Антипина Е.Е. (ред.). *Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина*. Москва: Языки славянской культуры, 7—33.
- Антипина Е.Е. 2005. Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление? В: Черных Е.Н., Завьялов В.И. (ред.). *Археология и естественнонаучные методы*. Москва: Языки славянской культуры, 181—190.
- Антипина Е.Е. 2009. Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002—2006 годов. В: Черных Е.Н. (отв. ред.). *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов 1*. Москва: ИА РАН, 146—171.
- Тимченко Н.Г. 1972. *К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье)*. Киев: Наукова думка.
- Цалкин В.И. 1956. *Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси*. МИА 51. Москва: Наука.
- Яворская Л.В. 2012. Костные останки животных из раскопа СLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов. *Поволжская археология* (1), 216—237.
- Яворская Л.В. 2013. Особенности заполнения культурных напластований золотоордынского города Укек по археозоологическим материалам из раскопок 2008—2012 годов. *Археология Восточно-Европейской степи* 10, 569—579.
- Яворская Л.В. 2014. Исторические особенности мясной диеты городов золотоордынского Поволжья (по археозоологическим материалам). В: Байтанаев Б.А. (гл. ред.). *Восхождение к вершинам археологии*. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 614—625.
- Яворская Л.В. 2015. Процессы урбанизации и динамика потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам). В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Кишинев: Stratum plus, 197—207.
- Яворская и др. 2015: Яворская Л.В., Антипина Е.Е., Энговатова А.В., Зайцева Г.И. 2015. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов Европейской части России: первые результаты и интерпретации. *Вестник Волгоградского государственного университета* 4 (1), 54—64.

Liliya V. Yavorskaya. Candidate of Historical Sciences. Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: lv.yavorskaya@gmail.com

Ekaterina Ye. Antipina. Candidate of Biological Sciences. Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: bikanty@mail.ru

The Geography and Peculiarities of the Life-Support System of the Golden Horde Towns (based upon archaeozoological data). Archaeozoological data are used to reveal two component features of the life-support system characteristic to the Golden Horde Volga region towns: the supply of products from the nearby agricultural area, and from the nomads migrating throughout vast steppe regions. Sustainability of food deliveries to the Golden Horde urban dwellers had been largely associated with a settled rural neighborhood supplying beef, the major meat resource. Its efficiency had been connected mainly with the natural conditions. The consumption of horse, sheep and pig meat had been determined by economic, social and ethnic factors.

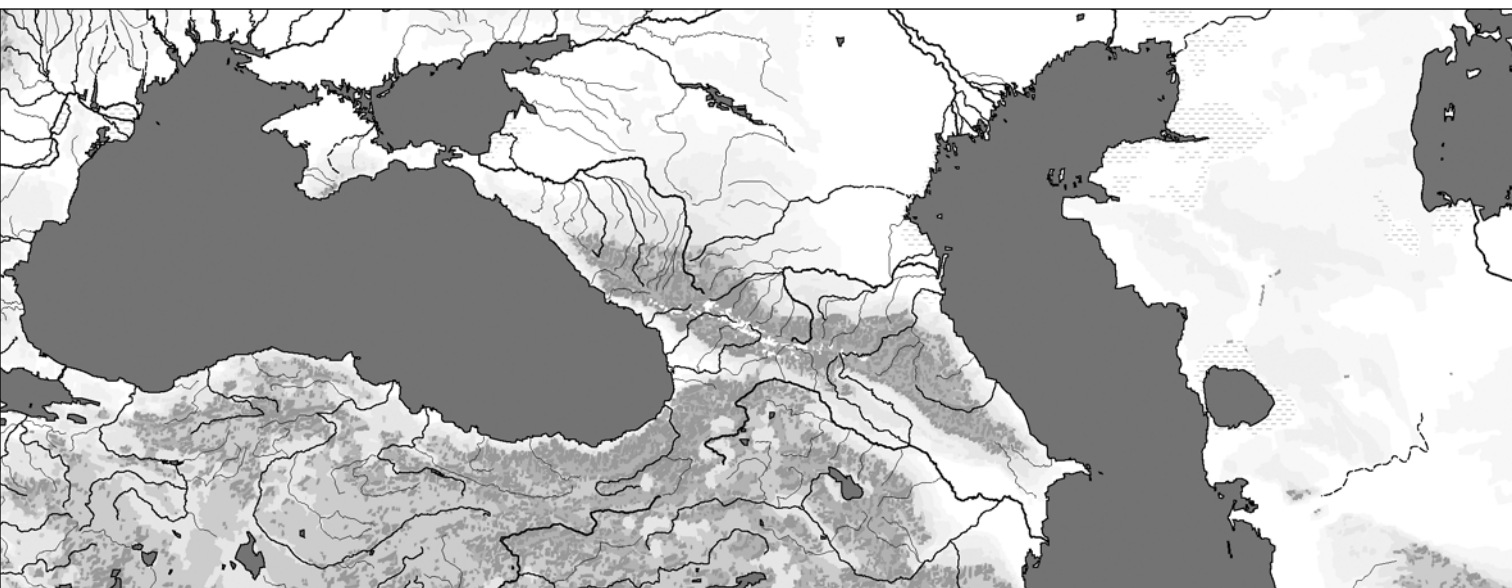
Keywords: Volga region, Golden Horde, towns, natural zones, life-support system, archaeozoological data.

■ Supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project on “Archaeobiological research of the Golden Horde settlements”, grant no. 14-06-00427.

References

- Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N., Antipina, E. E. (eds.). *Noveishie arkheozoologicheskie issledovaniia v Rossii. K stoletiiu so dnia rozhdeniia V.I. Tsalkina (Recent Archaeozoological Studies in Russia: towards the 100th anniversary of V.I. Tsalkin)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 7—33 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'ialov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Natural-Science Methods)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 181—190 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2009. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 146—171 (in Russian).
- Timchenko, N. G. 1972. *K istorii okhoty i zhitovnovodstva v Kievskoi Rusi (Srednee Podneprov'e) (On the History of Hunting and Cattle-Breeding in Kievan Rus: the Middle Dnieper Area)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Tsalkin, V. I. 1956. *Materialy dlia istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi (Materials for the History of Cattle-Breeding and Hunting in Ancient Russia)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 51. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 216—237 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2013. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10, 569—579 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2014. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Voskhozhdenie k ver-shinam arkheologii (Towards the Apex of Archaeology)*. Almaty: Institute for Archaeology named after A. Kh. Margulan, 614—625 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum plus, 197—207 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E., Engovatova, A. V., Zaitseva, G. I. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4 (Bulletin of the Volgograd State University, Series 4)* (1), 54—64 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

**Северный Кавказ
и Закавказье**

В. А. Бабенко

ООО «Наследие»

Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ставропольская возвышенность, золотоордынский период, поясной набор, поясная чаша, улус, история, археология.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в окрестностях сел Здвиженское (Воздвиженское), Киевское (Киевка) и Рогули (Рагули) Ставропольской губернии было обнаружено значительное количество случайных находок золотоордынской эпохи. С конца 1990-х гг. в ходе охранных раскопок на территориях Апанасенковского, Ипатовского и Туркменского районов были изучены новые комплексы. Все они локализуются на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности, примыкающих к Восточному Маньчу. Районы Приманьчья отличаются более высокой концентрацией позднекочевнических погребений, чем остальные районы Центрального Предкавказья. Большинство элитных погребений в регионе происходит из окрестностей с. Рагули (Крамаровский 2001: 84—88, кат. 44; Доде 2001: рис. 39). Среди ставропольских находок наиболее известен комплекс золотых предметов (поясная чаша и поясной набор) из урочища Гашун-Уста, среди которых был обнаружен брелок с тамгой дома Бату. По мнению М. Г. Крамаровского, комплекс связан с «воинской ветвью багыевой семьи», верхняя дата пояса определяется серединой 70-х гг. XIII в. (Крамаровский 2001: 49). Комплекс до сих пор не локализован.

Я. И. Смирнов привел сведения об обнаружении комплекса на территории Трухменского приставства (Смирнов 1909: 10). А. А. Спицын уточнил, что его нашли крестьяне с. Рагули на землях кочевых туркмен в Новогригорьевском уезде (Спицын 1906: 261). Ранее мы высказывали предположение о локализации этого урочища в окрестностях с. Киевка и с. Малая Джалга Апанасенковского района, где протекает ручей Гашун (Бабенко 2008: 728), но оно нуждается в пересмотре. Этимология названия урочища имеет калмыцкое происхождение («гашун» означает «горький») (Кичикова 2008:

70). Названия рек и балок с подобным корнем распространены на смежных территориях Калмыкии, Ставрополя и Ростовской области, где мелкие речки летом пересыхают, а вода в них имеет горько-соленый вкус.

Версия А. А. Спицына обязывает еще раз обратить внимание на окрестности с. Рагули. В трудах Кумо-Маньчской экспедиции по состоянию на 1861 г. отдельно упоминается р. Чограй и ее левые притоки: «Началом ее в кавказских предгорьях (территория Ставропольской возвышенности — В. Б.) служит балка Арзагар (Арзгир — В. Б.), которая, расширяясь с приближением к северу и принимая в себя балки Гашун-Уста, Амта-Уста, Хара-Булук и множество мелких побочных оврагов, образует довольно глубокое русло р. Чогры» (Костенков 1868: 54). В работе Л. Прасолова, с указанием на отмеченный выше труд, в той же последовательности приводятся новые названия левых притоков р. Чограй: балка Башанта, две Кондрашкины балки и балка Антуста (Прасолов 1909: 7—8). Балка Башанта является левым притоком р. Чограй и расположена к западу от аула Башанта Арзгирского района и к северо-востоку от Кумо-Маньчского водораздела. Балки, начинающиеся к юго-востоку от Кумо-Маньчского водораздела, ведут в Среднее Прикумье, к городищу Маджары и его округе. Комплекс из Гашун-Уста является связующим звеном между золотоордынскими памятниками Приманьчья и Прикумья. Уточнение его локализации позволяет поставить вопрос о его соотношении с другими позднекочевническими комплексами Центрального Предкавказья, выделении здесь кочевых владений.

С учетом предложенных М. Г. Крамаровским атрибуции брелока и верхней даты пояса из Гашун-Уста, можно предположить, что район к северу и к северо-западу от Маджара в период правления Менгу-Тимура входил

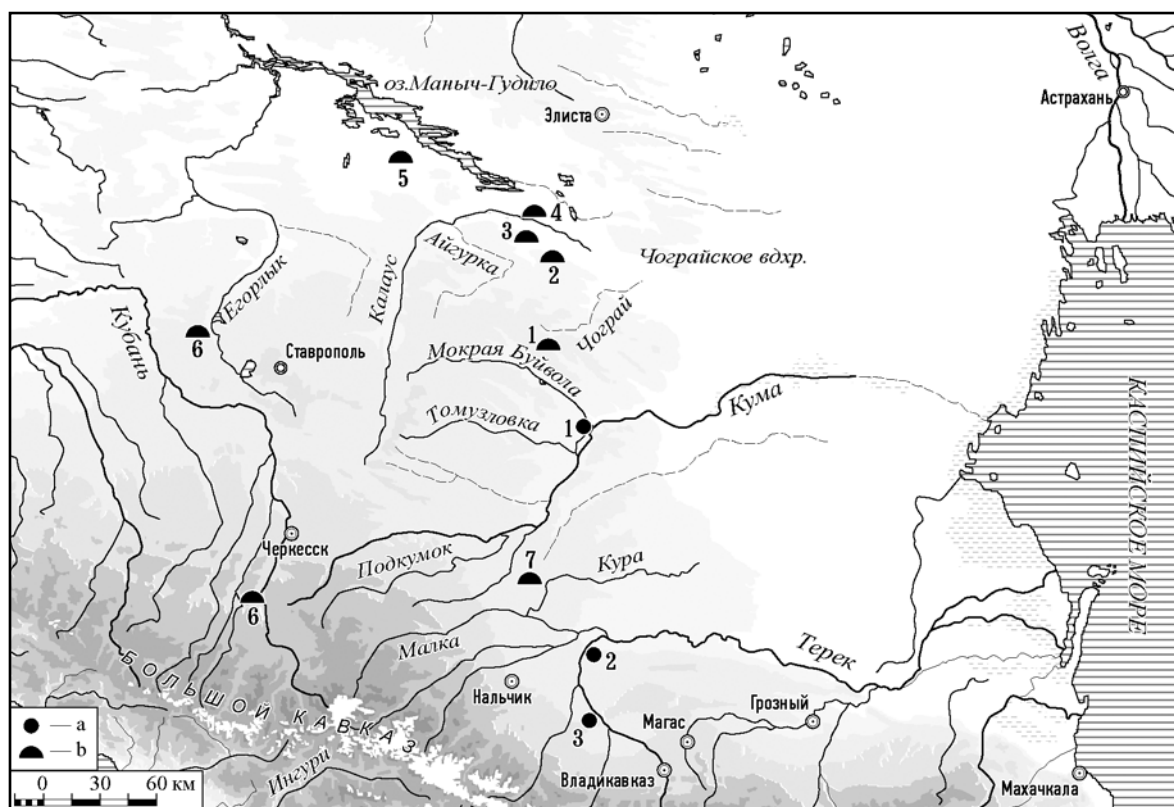

Рис. 1. Элитные погребения XIII—XIV вв. в Центральном Предкавказье. а — города: 1 — Маджар; 2 — Нижний Джулат; 3 — Верхний Джулат; б — элитные погребения: 1 — Гашун-Уста; 2 — Рагули; 3 — Джухта 2; 4 — Воздвиженское; 5 — Киевка; 6 — «Семеновод»; 7 — Новопавловск.

Fig. 1. Elite burials of the 13th and 14th centuries in Central Ciscaucasia. а — towns: 1 — Madjar; 2 — Lower Djulat; 3 — Upper Djulat; б — elite burials: 1 — Gashun-Usta; 2 — Raguli; 3 — Dzhukhta 2; 4 — Vozdvizhenskoye; 5 — Kievka; 6 — "Semenovod"; 7 — Novopavlovsk.

в состав владений одного из представителей рода Бату, который мог контролировать выход из района Прикалаусских высот к Восточному Маньчу и низовьям Калауса по правым притокам Восточного Маньча (реки Чограй, Рагули, Голубь, ряд балок) и правому притоку р. Калаус р. Айгурке. Археологически оно маркируется элитными комплексами, локализуемыми в окрестностях с. Рагули (рис. 1).

Это владение располагалось на территории с разнообразными природными условиями. Согласно архивным данным, в Новое время здесь располагались летние и зимние кочевья. В 1854 г. туркмены кочевали в летний период по левой стороне Кумы, по рекам Маньч и Калаус, по урочищам Арзгир, Кок-Айгур (долина р. Айгурки — В.Б.), Маштак-Кулак, Кучерли, Юзунь-Джалга (Джалга — В.Б.), Маки и Кеста (Киста — В.Б.) (Курбанов 1995: 54). Отмеченные реки и балки начинаются на северных и северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности и ведут в районы Приманьчья. На северо-востоке Ставропольской возвышенности выделяет-

ся плодородием почв и наличием источников пресной воды южный берег маньчской долины на участке устья р. Калаус и его стока в долину Восточного Маньча урочище Шара-Хулсун (Шарахалсун — В.Б.). Его калмыцкое название означает «желтый камыш». Это сухое русло наполнялось водой только во время весенних разливов Калауса и зарастало камышом (Костенков 1868: 52—53). Урочище Типки, занимающее участок между устьями р. Рагули на южном берегу Маньчской долины и р. Хар-Зуха и Улан-Зуха на противоположном берегу, представляет собой большой полуостров на участке разделения устья Калауса на бассейны Западного и Восточного Маньчей. Он является наиболее возвышенным участком маньчской долины и отличается исключительно благоприятными природными условиями (Назаров, Цуцкин 2008: 376—379). Примерно в этой зоне могла проходить граница летних и зимних пастбищ. Вероятно, летние кочевья эпох средневековья и Нового времени могли располагаться в верховьях рек и балок на территории Прикалаусских высот

Ставропольской возвышенности. Зоной преиму- щественного расположения зимних пастбищ следует считать территорию Кумо-Маньчской впадины.

Армия Тимура провела зиму 1396/1397 г. перед походом против нижневолжских городов Золотой Орды в местности Бугаз-Кум. Шереф- ад-дин Йезди называет эту местность зимовьем (Тизенгаузен 1941: 184); туда Тимур вернулся из похода на Нижнюю Волгу и оттуда им был совершен поход в район Дербенда (Тизенгаузен 1941: 184—185). Вероятно, здесь упомянута тер- ритории Кумо-Маньчской впадины. В Новое время здесь располагались кочевья туркмен. В долине Кумы, в камышовых зарослях в зим- нее время укрывался скот. В весенне-летний пе- риод эти районы были непригодны для прожи- вания из-за обилия насекомых (Курбанов 1995: 87—88).

Выделенную выше территорию Приманьчья можно сопоставить с кочевыми владениями Берке до 1253 г., упоминаемыми Г. де Рубруком. Проезжая в 1253 г. по владениям Сартаха и на- ходясь в Волго-Донском междуречье, пример- но в трех днях пути (трети всего пути — В.Б.)

от Волги (Рубрук 1997: 109), он упомина- ет пастбища Берке: «У Бату есть еще брат по имени Берка (Jerra), пастбища которого нахо- дятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и Турции...» (Рубрук 1997: 115). Кочевья Берке остались в стороне от его маршрута как на пути в Каракорум, так и на обратном пути в 1254 г. из Каракорума на Ближний Восток через Нижнее Поволжье и Железные ворота. Покинув Сарай, он за 2 недели поездки по безводным районам достиг горы алан, еще не покоренных. От этого места, проделав 2 дневных перехода, он достиг Железных ворот (Рубрук 1997: 181). Вероятно, под безводными районами следует понимать именно территорию Кумо-Маньчской впади- ны. Маршрут поездки Г. де Рубрука нуждается в отдельном рассмотрении.

Предложенная версия локализации на тер- ритории Приманьчья крупного кочевого владе- ния может быть уточнена на основании анализа письменных источников, введенных в научный оборот в последнее время. Несомненно, что на протяжении XIII—XIV вв. принадлежность этой территории неоднократно менялась.

- Бабенко В.А. 2008. Золотоордынские памятники Се- верного Ставрополя. В: Белинский А.Б. (гл. ред.). *Материалы по изучению историко-культурного на- следия Северного Кавказа VIII. Крупновские чтения 1971—2006*. Москва: Памятники исторической мысли 665—666.
- Доде З.В. 2001. *Средневековый костюм народов Северного Кавказа*. Москва: Восточная литература РАН.
- Кичикова Н.А. 2008. Оронимия Республики Калмыкия. *Вестник Калмыцкого Института гуманитарных ис- следований РАН* (4), 69—72.
- Костенков К.И. 1868. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи. В: *Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо- Маньчской экспедиции*. Санкт-Петербург: Издание Министерства государственных имуществ, 1—177.
- Крамаровский М.Г. 2001. *Золото Чингисидов: куль- турное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Курбанов А.В. 1995. *Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки*. Санкт-Петербург: Языковой центр СПбГУ.
- Назаров А.Г., Цуцкин Е.В. 2008. *Карл Максимович Бэр (1792—1876)*. Москва: Наука.
- Прасолов Л. 1909. Трухменская степь Ставропольской гу-

бернии. Естественно-исторический очерк 1908 года. *Сборник сведений о Северном Кавказе (материалы исторические и естественно-исторические)* III, 1—74.

Рубрук Г. 1997. Путешествие в восточные страны. В: *Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло*. Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. Москва: Мысль, 88—192.

Смирнов Я.А. 1909. *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного про- исхождения, найденной преимущественно в преде- лах Российской империи*. Издание Императорской Археологической Комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности. Санкт-Петербург: Императорская Археологическая комиссия.

Спицын А.А. 1906. *Из коллекции Императорского Эрмитажа*. Записки Отделения славяно-русской ар- хеологии Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. I. Санкт-Петербург: Русское археологическое общество.

Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящих- ся к истории Золотой Орды*. Т. II. *Извлечения из пер- сидских сочинений*. Москва; Ленинград: Институт вос- токоведения АН СССР.

Vitaly A. Babenko. “Heritage” LTD. Ordzhonikidze St., 75, Stavropol, 355008, Russian Federation. E-mail: vit-babenko@yandex.ru

Localization of the Gashun-Usta Stow Complex (Stavropol Province, 1890) and Distinction of the Golden Horde Possessions in Central Ciscaucasia. The article examines proceedings of the 1860—1861 Kuma-Manych expedition that allow specifying the localization of the Gashun-Usta stow in the territory of Stavropol province (guberniya). In 1890, a belt bowl and a belt set were found in the area, dating to the time of Mengu-Timur.

The Gashun-Usta site is localized in the vicinity of Basanta village, Arzgirsky district, Stavropol Krai, in the basin of the Chogray River on the north-eastern slopes of the Stavropol Upland.

This zone yields plenty of Golden Horde burials. Summer and winter pastures of medieval nomads were located there. Evidence by G. de Rubruk on Berke’s encampments can be linked with this territory.

Keywords: North Caucasus, The Stavropol Upland, Golden Horde period, stow, belt set, belt bowl, ulus.

References

- Babenko, V.A. 2008. In Belinskii, A.B. (ed.). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza VIII. Krupnovskie chteniia 1971—2006 (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of Northern Caucasus: Krupnov Readings of 1971—2006)*. Moscow: “Pamiatniki istoricheskoi mysli” Publ., 665—666 (in Russian).
- Dode, Z.V. 2001. *Srednevekovyi kostium narodov Severnogo Kavkaza (Medieval Costume of the Peoples of the Northern Caucasus)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
- Kichikova, N.A. 2008. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* (4), 69—72 (in Russian).
- Kostenkov, K.I. 1868. In *Kalmytskaia step' Astrakhanskoi gubernii po issledovaniiam Kumo-Manychskoi ekspeditsii (The Kalmyk Steppe in the Astrakhan Province in the Studies of the Kuma-Manych Expedition)*. Saint Petersburg: Typography of the Ministry of State Property, 1—177 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Kurbanov, A.V. 1995. *Stavropol'skie turkmeny: Istoriko-etnograficheskie ocherki (Stavropol Turkmens: Historical and Ethnographical Sketches)*. Saint Petersburg: Linguistic Center of the Saint Petersburg State University (in Russian).
- Nazarov, A.G., Tsutskin, E.V. 2008. *Karl Maksimovich Ber (1792—1876) (Karl Ernst von Baer (1792—1876))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Prasolov, L. 1909. In *Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze (materialy istoricheskie i estestvenno-istoricheskie) (Collection of Facts About the Northern Caucasus: Historical and Naturalistic Materials)* III, 1—74 (in Russian).
- Rubrouck G. 1997. In: *Plano Carpini, G. del. Istoriia mongalov. 3-e izd.; Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany. 3-e izd.; Kniga Marco Polo. 4-e izd. (Plano Carpini, G. del. Ystoria Mongalorum; Guillaume de Rubrouck. The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts; Book of Marco Polo)*. Moscow: “Mysl” Publ., 88—192 (in Russian).
- Smirnov, Ya.A. 1909. *Vostochnoe srebro. Atlas drevnei serebrianoi i zolotoi posudy vostochnogo proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi imperii (Oriental Silver: Atlas of the Ancient Golden and Silver Tableware of Oriental Origin Found Mainly on the Territory of the Russian Empire)*. Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission (in Russian).
- Spitsyn, A.A. 1906. *Iz kolektsii Imperatorskogo Ermitazha (From the Emperor's Hermitage Collection)*. Series: Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society) VIII (I). Saint Petersburg (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, odnosiaschchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)*. T. II. *Izvlacheniiia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad; Institute for Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

И. А. Дружинина

Институт археологии Российской академии наук

Нижнее Закубанье в XIII—XIV вв.: на границе культур и природных зон

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Золотая Орда, полиэтничное население, оседлые племена, кочевники, история, археология.

В ряде существующих научных концепций этнокультурного развития Северного Кавказа в эпоху средневековья (Ковалевская 1988; Чеченов 1987; Кузнецов 1997) две крупнейшие реки — Терек и Кубань — рассматриваются как естественные рубежи, разделившие регион на три самобытные историко-культурные зоны: Затеречье, Закубанье и предгорную равнину терско-кубанского междуречья, и при воздействии одних и тех же внешних вызовов Степи во многом определившие сложение уникальных этнических анклавов.

Открытый с севера субрегион терско-кубанского междуречья был легкодоступен для проникновения степняков. Особенности естественно-географической среды Центрального Кавказа, ставшего ареалом формирования осетин, балкарцев и карачаевцев, детерминировали сложные процессы этнокультурного взаимодействия автохтонных горских племен и представителей древнеиранского и древнетюркского миров. По интенсивности эти процессы превосходили этнокультурные взаимодействия в западнокавказском и восточнокавказском субрегионах, где Кубань и Терек препятствовали широкому притоку степного населения и способствовали сохранению диахронной исторической устойчивости развития адыго-абхазских и вайнахо-дагестанских племен (Кузнецов 1997: 163—164, 171).

Научная обоснованность этих выводов в целом проверяется и подтверждается археологическими источниками, данными лингвистики и топонимики, краниологическими материалами. Однако при более близком изучении особенностей и закономерностей исторического развития Кубанского субрегиона многие вопросы культурно- и этногенеза населявших эту территорию племен и народов в настоящее время могут быть рассмотрены лишь в теории. В первую очередь это касается тезиса о «диахронной исторической устойчивости развития

адыго-абхазских племен». Причина тому — многочисленные лакуны на археологической карте Северо-Западного Кавказа. Так, чрезвычайно слабая изученность памятников предгорных районов междуречья Кубани и Псекупса хазарского и печенежско-половецкого времени препятствует решению вопроса об этническом происхождении касогов, которые наряду с причерноморскими племенами зихов рассматриваются в качестве прямых предков современных адыгов. Требуют целенаправленного выявления и комплексного исследования памятники полиэтничного населения Прикубанья половецкого пред- и золотоордынского периодов, которое, безусловно, приняло участие в формировании того населения Северо-Западного Кавказа, которое получило в источниках название черкесы и т. д.

Тем не менее, накопление археологических источников и комплексный анализ археологических и антропологических материалов позволяют уже сегодня получать качественно новые результаты при исследовании широкого спектра проблем межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе в эпоху Золотой Орды.

Одна из таких проблем связана с изучением этнокультурного состава населения равнинной зоны нижнего Закубанья после завоевания монголами Северного Кавказа и вытеснения ими половцев из южнорусских степей.

Прежде всего, необходимо уточнить, каким было население Прикубанья накануне монгольского завоевания. Согласно сообщению грузинского автора конца XI в. Джуаншера, кратко, но ёмко описавшего последствия появления половцев в прикубанских степях, «печенеги и джики (под которыми понимаются зихи — И.Д.) во множестве бежали от тюрок и ушли печенеги на запад». В историографии Прикубанье в половецкое время традиционно рассматривается как часть «Дешт-и-Кыпчака»,

а Кубань — как естественная граница между половцами и оседлыми племенами Закубанья: «В результате вторжения кыпчаков адыгские земли в Прикубанье значительно сократились. После того, как определилась граница между кыпчаками, адыгами, аланами и вайнахами по течению Кубани, Нижней Малке и Тереку (очевидно, в первой половине XII в.), установилось политическое равновесие и началось взаимное сближение» (История... 1988: 149).

Однако этнокультурный состав населения Прикубанья в XI—XII вв. вряд ли может быть ограничен только упомянутыми Джуаншером половецкими и зихскими племенами. Прежде всего, на этой территории должны были оставаться потомки алан и болгар, составлявших основную часть населения Азово-Черноморских степей в хазарское время и хорошо известных по археологическим памятникам Прикубанья (Каминский 1984: 27).

В ходе исторических событий, приведших в сумме к развалу Хазарского каганата (для нашей темы, прежде всего, важно упомянуть появление в X в. в южнорусских степях печенегов и гузов) состав населения кубанского правобережья, безусловно, изменялся. В том числе эти события могли способствовать усилению позиций зихов, которые к середине X в. заметно отодвинули свою северную границу (Константин Багрянородный проводит ее по р. Укрух — старому руслу Кубани) по сравнению с сообщениями источников предшествующего времени, фиксирующих ее в районе Геленджика (Виноградов 2013: 172). Хотя в источниках нет указаний на то, что во второй половине X в. зихи проживали в Прикубанье, или, тем более, что они составляли там оседлое большинство, логично допустить, что в условиях ослабления Хазарского каганата происходило продвижение зихских племен и на правый берег, откуда в XI в., по сообщению Джуаншера, их изгнали половцы.

Интересно, что почти тот же самый состав оседлого населения (аланы, болгары, зихи), с которым столкнулись в Прикубанье половецкие орды, был зафиксирован в результате анализа антропологических материалов одного из памятников, расположенных на левобережье нижней Кубани, — грунтового могильника Жукова XIII—XIV вв. (Крымский р-н Краснодарского края) (Нечипорук 2012).

Исследовавшая краниологические материалы памятника Е. Ф. Батиева обнаружила, что среди мужского населения преобладали долихокраны с узким хорошо профилированным лицом, а среди женского — мезобрахи-

краны со среднешироким или широким лицом, немного уплощенным на уровне орбит. Сравнение жуковских материалов по методу Пенроуза проводилось с выборками из могильников Дуба-Юрт, Мощевая Балка и Гамовское ущелье, Змейская, а также с материалами трех групп «адыгских» могильников — причерноморской, черкесской и пятигорской. Е. Ф. Батиева резюмировала: «Обе серии, и мужская и женская, при всем своеобразии, наибольшее сходство обнаруживают с черепами из курганов, определенно связанных с адыгским этносом (серии из “черкесских курганов” XIV—XVI вв. н. э.)» (Батиева 2013: 330).

Однако итоговый вывод статьи не отражает всех наблюдений, полученных исследовательницей при изучении краниологических материалов могильника Жукова. Так, согласно табл. 6 (Батиева 2013: 330) мужская серия наиболее близка черепамам из аланских могильников — прежде всего Дуба-Юрт, а также Гамовского ущелья, Мощевая Балка. При сравнении жуковских материалов с краниологией из «адыгских» курганов оказалось, что первые значительно дальше отстоят от *пятигорской* и особенно *черкесской групп*. И только *причерноморская группа* обнаруживает столь же близкое сходство с жуковскими материалами, что и памятники аланского круга из Чечни и верховий Кубани. Женская серия, напротив, очень заметно отличается от материалов из Дуба-Юрта, Гамовского ущелья, в меньшей степени от серии из Мощевой Балки и *черкесской группы «адыгских» курганов*. Самые близкие аналогии находит с материалами погребений *причерноморской группы*.

Итак, результаты проведенного Е. Ф. Батиевой анализа позволяют говорить о том, что могильник Жукова оставило сложное по этническому составу европеоидное население, компонентами которого в том числе были представители населения Причерноморья и аланы. Другие компоненты еще ждут своего определения. Представляется весьма важным проведение сравнительного анализа краниологических материалов могильника Жукова с сериями из болгарских памятников.

Если мы обратимся к источникам археологическим, то и они продемонстрируют многокомпонентность этнокультурного состава рассматриваемого населения. Могильник Жукова грунтовой, что отличает его от подавляющего большинства адыгских средневековых курганных могильников. Погребения совершались в каменных ящиках и в грунтовых ямах (не исключено наличие в них деревянных конструк-

ций), фиксируется практика дозахоронения умерших в одном ящике. Преобладающая ориентировка — 3, ЗЮЗ, положение умерших — вытянуто на спине, ноги протянуты, руки были вытянуты либо кисти находились на тазовых костях.

Важно, что в непосредственной близости от могильника Жукова располагался аналогичный по обряду памятник — могильник у станицы Гостагаевская (Алексеева, Шавырин 1979).

Родственен и очень выразителен инвентарь погребений этих двух некрополей, в состав которого входит керамика, не характерная для памятников Северо-Западного Кавказа XIII—XIV вв., обилие предметов-маркеров кочевнической культуры (фрагменты котла, серьги с напускной биконической бусиной, дутые височные кольца, бубенчики, звериноголовый браслет, лазуритовая подвеска, ножи с «горбатой спинкой», огромное количество алычиков, кабаньих клыков и разнообразных изделий из кости). При этом следует отметить «мирный» облик погребального инвентаря — оружие представлено минимально, присутствует большое количество предметов косторезного ремесла.

Археологические и краниологические материалы убеждают, что население, оставившее эти могильники, по меньшей мере, включало и выходцев из местных зихских племен, и этнический компонент, антропологически близкий аланскому населению, оставившему могильники Чечни и верховий Кубани и, по-видимому, осевших на землю кочевников (см.: Чхаидзе 2009: 421—422).

Материалы могильников Жукова и у ст. Гостагаевская демонстрируют в Нижнем Закубанье, одной из многочисленных «контактных зон» на территории огромного мозаичного государства — Улуса Джучи, формирование новой полиэтничной по своей природе общности, связанной единством материальной культуры и обряда. Помимо представителей различных оседлых народов, эта общность включала также и перешедших к оседло-земледельческому укладу с сохранением развитого скотоводческого хозяйства бывших кочевников полонецкого племенного союза. Эта многоликая общность стала частью населения Северо-Западного Кавказа, объединенного полиэтним «черкесы».

Алексеева Е. М., Шавырин А. С. 1979. *Отчет о работе Анапской экспедиции в 1979 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №9485.

Батиева Е. Ф. 2013. Антропологические материалы из могильника XIII—XIV вв. поселения «Жукова» (Краснодарский край). В: Кашуба М. Т., Скаков А. Ю. (отв. ред.). *Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа.* Материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Г. К. Шамба. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия АН Абхазии, 324—331.

Виноградов А. Ю. 2013. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.). *Древности Западного Кавказа I.* Краснодар: КГИАМЗ, 156—176.

История... 1988: Пиотровский Б. Б. (отв. ред.). *История народов Северного Кавказа. Т. 1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* Москва: Наука.

Каминский В. Н. 1984. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани. *Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии.* Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 11—28.

Ковалевская В. Б. 1988. *Центральное Предкавказье*

в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.

Кузнецов В. А. 1997. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона. В: Мунчаев Р. М., Ольховский В. С. (ред.). *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы.* Материалы и исследования по археологии России I. Москва: ИА РАН, 153—178.

Нечипорук А. А. 2012. *Отчет о проведении археологических полевых работ на объектах археологического наследия «Поселение «Жукова», «Поселение «Псиф 3» и «Поселение «Фурожан 2» в зоне строительства ВЛ 220 КВ по титулу «ВЛ 220 КВ Крымская — Вышестеблиевская» в Крымском районе Краснодарского края в 2010 году.* Т. II, VII. Архив ИА РАН. Р-1. №31161; 31166.

Чеченов И. М. 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа. В: Кузнецов В. А. (ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии III.* Нальчик: Эльбрус, 40—169.

Чхаидзе В. Н. 2009. Кочевники XI—XIV вв. в Степном Предкавказье: вопросы терминологии и этнической принадлежности. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция.* Материалы конференции. Краснодар: КубГУ, 419—423.

Inga A. Druzhinina. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: inga_druzh@mail.ru

Lower Trans-Kuban in the 13th—14th Centuries: on the border of cultures and natural zones. The paper presents a summary of the anthropological and archaeological materials from cemeteries investigated on the Lower Kuban River. The author concludes that a multiethnic population emerged there in the 13th—14th cc. AD. Its core was apparently formed by the Alans, Bulgars, Zygiens, with participation of the settled Polovtsians. The anthropological material points to metisation of population, which is confirmed by the archaeological data, namely, mixed and unified character of the material and spiritual culture formed on the basis of different ethnic groups.

Keywords: North-Western Caucasus, Golden Horde, multiethnic population, settled tribes, nomads.

References

- Alekseeva, E.M., Shavyrin, A.S. 1979. *Otchet o rabote Anapskoi ekspeditsii v 1979 g. (Report on the Fieldworks of the Anapa Expedition in 1979)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 9485 (in Russian).
- Batieva, E.F. 2013. In Kashuba, M.T., Skakov, A. Yu. (eds.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza (Problems of Ancient and Medieval History of Caucasus)*. Sukhumi: The Abkhazian Academy of Sciences, the D.I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, 324—331 (in Russian).
- Vinogradov, A. Yu. 2013. In *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza (Antiquities of the Western Caucasus)* I. Krasnodar: Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, 156—176 (in Russian).
- Piotrovskii, V.B. (ed.). 1988. *Istoriia narodov Severnogo Kavkaza I. Istoriia narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka (History of the North-Caucasian Peoples I. History of the North-Caucasian Peoples from Antiquity to the End of 18th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kaminskii, V.N. 1984. In Kuznetsov, V.A. (ed.). *Voprosy arkheologii i etnografii Severnoi Osetii (Issues of Archaeology and Ethnography of North Ossetia)*. Ordzhonikidze: North Ossetian Institute for History, Philology and Economy at the Council of Ministers of the North Ossetian Republic, 11—28 (in Russian).
- Kovalevskaia, V.B. 1988. *Tsentrāl'noe Predkavkaz'e v drevnosti i ran-nem srednevekov'e (kavkazskii substrat i peredvizheniia iranoi-azychnykh plemen) (Central Ciscaucasia in Antiquity and Early Middle Ages: Caucasian Substratum and Migrations of the Iranic-Speaking Tribes)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 1997. In Munchaev, R.M., Olkhovskiy, V.S. (eds.). *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy. Series: Materials and Research on the Archaeology of Russia 1*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 153—178 (in Russian).
- Nechiporuk, A.A. 2012. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh polevykh работ na ob"ektakh arkheologicheskogo naslediiia «Poselenii «Zhukova», «Poselenii «Psif 3», i «Poselenii «Furozhan 2» v zone stroitel'stva VL 220 KV po titulu «VL 220 KV Krymskaia — Vyshesteblevskaia» v Krymskom raione Krasnodarskogo kraia v 2010 godu (Report on the Fieldworks on the Archaeological Heritage Objects: "Zhukova Settlement", "Psif 3 Settlement", and "Furozhan 2 Settlement" in the Area of Construction of the High-Voltage 220 kW Line "Krymskaia — Vyshesteblevskaia" in the Krymsk District, Krasnodar Region, in 2010)*. Vol. II, VII. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 31161; 31166 (in Russian).
- Chechenov, I.M. 1987. In Kuznetsov, V.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972—1979 gg. (Salvage Archaeological Investigations in Kabardino-Balkaria in 1972—1979)* 3. *Pamiatniki srednevekov'ia (IV—XVIII vv.) (Medieval Sites (4th — 18th Centuries))*. Nalchik: "El'brus" Publ., 40—169 (in Russian).
- Chkhaidze V.N. 2009. In Marchenko I.I. (ed.). *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (5th Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 419—423 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 14 марта 2016 г.

Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья

Ключевые слова: Кубань, половцы, средневековье, скульптуры, музей, коллекция, источник, история, археология.

Находки половецких каменных изваяний и картографирование этих находок являются ценным источником по изучению географии половецких кочевий южнорусских степей, в том числе степного Прикубанья и Восточного Закубанья.

До революции находки половецких каменных изваяний на территории Кубанской области были частыми. Но при этом не всегда отмечены места их находок. В большинстве случаев просто сообщалось, из каких станиц привозились изваяния в Кубанский войсковой этнографический и естественноисторический музей. Большинство этих станиц располагалось в Верхнем и Среднем Прикубанье и на территории степного Ставрополя.

В 20-е — 40-е гг. XX в. находки изваяний в степном Прикубанье и Восточном Закубанье не зафиксированы. Немногочисленные находки изваяний были зафиксированы в 50-х — 80-х гг. XX в.

Два изваяния были найдены недалеко от станиц Старо-Леушковская и Ново-Леушковская (Белоруцкий 1956: 257). Эти станицы находятся на территории так называемого Центрального степного района. Находки каменных изваяний в этом районе свидетельствуют о кочевании здесь половцев. Данные изваяния были доставлены в Краснодарский краеведческий музей (сейчас Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник). В эти же годы половецкие каменные изваяния были обнаружены около станиц Березанской (также расположена в Центральном степном районе) и около станиц Ловлинская и Ново-Владимирская в Среднем Прикубанье. Позже у станиц Березанская были обнаружены ещё изваяния, что свидетельствует о пребывании здесь половцев. Эти изваяния также были доставлены в Краснодарский краеведческий музей. Находки изваяний на территории Среднего

Прикубанья свидетельствуют о пребывании половцев в этом районе.

Половецкое изваяние, изображающее мужчину-воина, было найдено у станицы Новомалороссийская (Ждановский 1977: 289—292). Эта станица также расположена в Центральном степном районе. Изваяние было доставлено в Краснодарский краеведческий музей.

При раскопках курганов у станицы Раздольная Кореновского района в Среднем Прикубанье в насыпях курганов были найдены половецкие каменные изваяния (Нехаев, Голубев, Чхаидзе 2009: 145—156). Следует отметить тот факт, что в курганах у станицы Раздольная и хутора Верхний Краснодарского края были раскопаны половецкие погребения.

На территории Восточного Закубанья половецкие каменные изваяния были зафиксированы в окрестностях хуторов Горькая Балка и Камышеваха в бассейне р. Горькая (Навротский 1995: 157—163) и в окрестностях станицы Прочноокопской. Статуи были доставлены в Армавирский краеведческий музей.

В последние годы в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына были привезены несколько половецких каменных изваяний. Они были найдены в разных районах Краснодарского края.

Первое изваяние было найдено у села Новодонецкое в Выселковском районе Краснодарского края на территории Центрального степного района. В этом же месте было найдено ещё одно изваяние, которое хранится в музее в посёлке Бейсужек.

Второе изваяние было обнаружено в окрестностях станицы Ильинской Новопокровского района. Третье было найдено у хутора Мирный Усть-Лабинского района в Среднем Прикубанье. В окрестностях хутора Большие Челбасы Каневского района в Центральном

степном районе была найдена голова мужского половецкого изваяния.

Несколько изваяний было найдено в северных районах Краснодарского края — Тихорецком и Ленинградском. Эти изваяния поступили в Тихорецкий краеведческий музей и в музей станицы Ленинградской. Находки статуй в этих районах свидетельствуют о кочевании здесь половцев.

Половецкие каменные изваяния были также найдены на территории Приморско-Ахтарского района в Восточном Приазовье и Ейского района. Эти находки свидетельствуют о кочевании здесь половцев.

Мы видим, что многочисленные находки половецких каменных изваяний на территории степного Прикубанья и Восточного Закубанья свидетельствуют о пребывании здесь половцев.

Белоруцкий Н.Л. 1956. Находка каменного изваяния в Краснодарском крае. *СА* (3), 257.

Ждановский А.М. 1977. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской. *СА* (1), 289—292.

Навроцкий Н.И. 1995. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея. *Историко-*

археологический альманах 1. Армавир; Москва, 157—164.

Нехаев А.А., Голубев Л.Э., Чхайдзе В.Н. 2009. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из хут. Верхний и ст. Раздольная Краснодарского края. *МИАСК* 10. Армавир, 145—156.

Yuriy V. Zelenskiy. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn. E-mail: yuriy_zelenskiy@mail.ru

Findings of Polovtsian Stone Sculptures as a Source for the Study of the Geography of Polovtsian Encampments in the Kuban Steppes. The author considers the problem of localization of the Polovtsian stone sculptures on the territory of the Kuban River and eastern Kuban area steppes. The statues have been delivered to the museum starting from the late 19th century and are still delivered today. Before the revolution, the findings were not always localized. In the 1950s to the early 21st century, the statues were delivered from villages located in the territory of the Central steppe area, from the Middle Kuban area, and Eastern Kuban area. The findings of the Polovtsian stone sculptures are a valuable source on the geography of the Polovtsian nomad encampments of the Kuban area.

Keywords: Kuban area, Cumans, Middle Ages, sculptures, museum, collection, source.

References

Belorutskii, N.L. 1956. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 257 (in Russian).

Zhdanovskii, A.M. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 289—292 (in Russian).

Navrotskii, N.I. 1995. In *Istoriko-arkheologicheskii almanah (Historical-Archaeological Almanac)* 1. Armavir; Moscow: Armavir Regional

Museum; Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 157—164 (in Russian).

Nekhaev, A.A., Golubev, L.E., Chkhaidze, V.N. 2009. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 10. Armavir, 145—156 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2016 г.

О внутренней топографии поселения XIII—XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края): предварительные наблюдения

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, золотоордынские поселения, сельскохозяйственная округа, грунтовые могильники, Причерноморье, итальянская торговля, вывоз зерна с Кубани, история, археология.

Поселение «Железнодорожное-1» входит в «куст» из четырех синхронных бытовых памятников и одного грунтового могильника (еще два компактных могильника входят во внутреннюю структуру этого поселения); рядом с поселениями был выявлен курганный могильник.

Охранно-спасательные археологические исследования, затронувшие три из четырех поселений, грунтовый и курганный могильники, позволили установить следующее.

Курганный могильник, изучавшийся силами КубГУ, оказался курганным некрополем протомеотского времени (Бочковой и др. 2013: 40—49; Лимберис, Марченко 2014: 165—182). Поселение «Железнодорожное», открытое еще в конце 1970-х гг. как памятник «XIII—XVIII вв.», ныне отнесен к периоду XII—XIV вв. (Соловьёв и др. 2013: 223—232). Поселения «Железнодорожное-1» и «Железнодорожное-2», как и грунтовый могильник, выявленный между ними (Нарожный и др. 2014: 374—376), отнесены к золотоордынскому времени (Василиненко и др. 2014а: 329—330; 2014б: 326—328). Раскопанные территории на последних двух поселениях составляют площади в 14 тыс. кв. м. и 19979 кв. м. соответственно.

Поселение «Железнодорожное-1» частично перекрывало другое, подстилающее его поселение открытого типа раннего железного века (предварительно датированное в пределах V—IV вв. до н. э.), занимая обширный участок слабовыпуклой возвышенности, едва заметно господствующей над окружающей территорией. Средняя мощность культурного слоя — 1,1 м. На всей исследованной площади не встречены остатки жилых строений, раскопано большое количество хозяйственных ям с разной степенью их насыщенности. На наиболее возвышенных участках прослежены ямы-колодцы (?)

до 4 м глубиной (Нарожный, Соков 2016: 290—297), интенсивно наполнявшиеся водой и в момент их исследования. Как правило, колодцы соединяются между собой посредством длинных и неглубоких канав. Культурный слой насыщен разнотипными предметами быта, деталей вооружения, керамическим боем, включая и фрагменты поливной керамики. Неполивная керамика содержит находки амфор с клеймами (Майко и др. 2014: 329—343). Интерес представляют и индивидуальные находки сельскохозяйственного инвентаря — железные серпы и насошник, находящие прямые аналогии на территории других археологических памятников Золотой Орды (Гарустович 2012: приложение, рис. 12: 1—2; 28: 1—7; 29: 1—10; 36; 37: 6—9; 39: 1, 6; Бырня, Рябой 2000: 11—70 и сл.). Они наглядно демонстрируют, что население этих памятников занималось преимущественно сельским хозяйством.

На двух участках поселения, занимая пространство, свободное от хозяйственных ям, были устроены два компактных могильника (Нарожный, Соков 2014а: 138—177; 2014б: 407—410), стратиграфически относящихся к заключительным этапам жизнедеятельности поселения. Коллективный характер нескольких погребенных на могильнике №1, а также слабо скорченный характер труположения, как на аланских и салтово-маяцких ранне-средневековых памятниках (Нарожный, Соков 1998: 26—28), дает некоторые основания для его этнокультурной атрибуции. Находки в нижних слоях памятника лепной керамики, тождественной такой же керамике, например, из погребений кочевников «Молокановой щели» под Геленджиком, специфичный характер захоронения лошади на боку (могильник №2), как в кочевнических захоронениях Причерноморья (Нарожный 2012: 138—142), дает основания и для учета в составе населения аналогич-

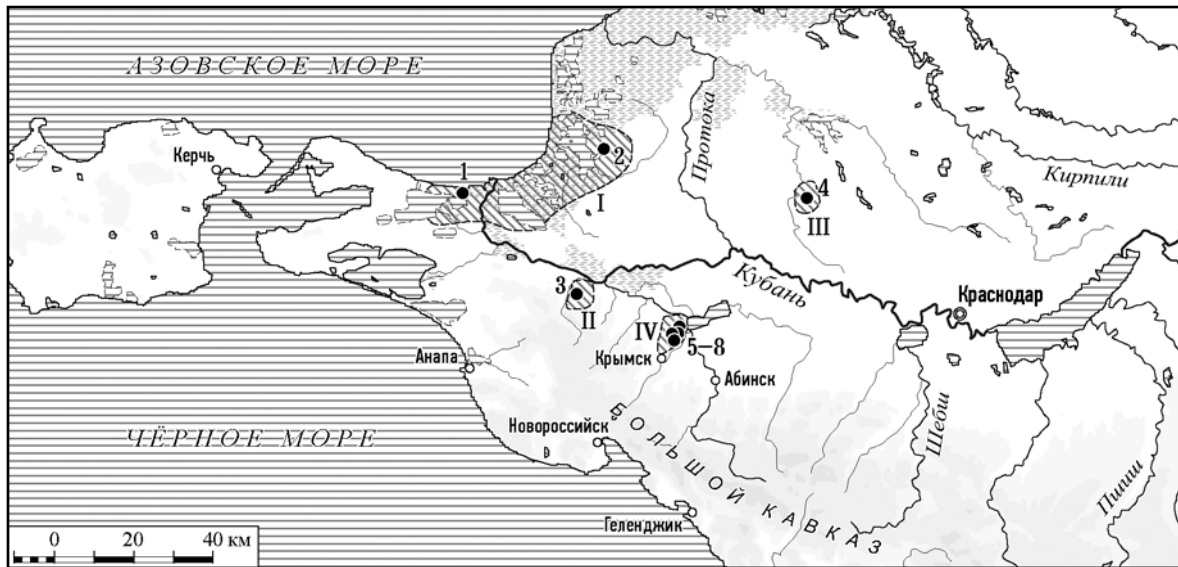

Рис. 1. Карта-схема расположения бытовых памятников XIII—XV вв. на территории Краснодарского края. Условные обозначения: 1 — Большеголубицкое городище; 2 — поселение и курганный могильник у хут. Черный Ерик; 3 — хут. Кубанская колонка, поселение и могильник «Жукова»; 4 — «поселение» или «городище» Ангелинский Ерик (по И.В. Волкову и О.В. Лопан — золотоордынский «город Шакрак»); 5 — поселение «Железнодорожное-1»; 6 — поселение «Железнодорожное-2»; 7 — поселение «Железнодорожное»; 8 — поселение «Усенков»; I—IV — округа бытовых памятников XIII—XV вв.

Fig. 1. Schematic map of 13th—15th-century domestic monuments in the territory of Krasnodar Krai. Legend: 1 — Bolshegolubitskoe hillfort; 2 — settlement and burial mound near Chyorny Yerik farmstead; 3 — Kubanskaya Kolonka farmstead, settlement and "Zhukova" burial ground; 4 — "settlement" or "hillfort" Anghelinskii Yerik (after I.V. Volkov and O. V. Lopan — the Golden Horde "Shakhrak city"); 5 — "Zheleznodorozhnoe-1" settlement; 6 — "Zheleznodorozhnoe-2" settlement; 7 — "Zheleznodorozhnoe settlement"; 8 — "Usenkov" settlement; I—IV — area of 13th—15th-century domestic monuments.

ного этнокомпонента. К тому же, следы возможной инфильтрации части этого населения из Причерноморья, ныне фиксируются не только здесь, но и на Средней Кубани (Нарожный 2010: 266—267), а также и на территории Ставрополя (Бабенко, Калмыков 2007: 231, рис. 4: 1).

Доминирующий характер сельскохозяйственной направленности поселения «Железнодорожное-1», впрочем, как и трех остальных, синхронных объектов, расположенных рядом, заставляет акцентировать внимание на следующем. По итогам разведочных работ, общая, хотя, в основном, предполагаемая площадь этих поселений составляет примерно 11 га. Не меньшую площадь занимает и находящееся у хут. Кубанская колонка поселение «Жукова» (Ларенок, Нечипорук 2012: 347—348; Нечипорук, Ларенок 2013: 167—187). От «80 до 100 га» — предполагаемая площадь поселения (или «городища») Ангелинский Ерик (Волков 2005: 371, рис. 1), позиционируемого сегодня как «г. Шакрак» (Волков 2009: 85—93; Волков, Лопан 2009: 45—48). В любом случае,

указанные объекты тяготеют к нескольким бытовым памятникам у ст. Голубицкой и у хут. Черный Ерик, предположительно, ограничивающими пределы «области Ло-Копя, Копарио» письменных источников (Волков 2007: 26—33; Волков 1998: 14—42). Потребность в дальнейшем изучении археологического материала, полученного в ходе полевого сезона 2012 г. с территории поселений «Железнодорожное», «Железнодорожное-1 и 2», становится не только очевидным, но и перспективным. Средоточие данных памятников в указанном районе, чего нельзя исключать, вполне реально может стать археологической «иллюстрацией» к свидетельству письменных источников, связывающих «с последней четвертью XIII в.» поставки генуэзцами зерновых. В числе таких поставок «шел в Византию и в Италию хлеб из южнорусских степей и с Кубани» (После Марко 1968: 42). Вполне реально, что тяготеющие к упомянутой «области Копарио» прикубанские поселения Золотой Орды и являлись одними из поставщиков такого зерна для международной торговли.

- Бабенко В. А., Калмыков А. А. 2007. Позднекочевнические погребения из курганных могильников «Золотаревка 6» и «Золотаревка 7». *МИИХНСК VII*, 225—244.
- Бочковой и др. 2013: Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2013. Протомеотские погребения из курганов могильника «Железнодорожный-2». В: Марченко И. И. (ред.). *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Экоинвест, 40—49.
- Бырия П. П., Рябой Т. Ф. 2000. *Два клада из Старого Ореха*. Кишинёв: Высшая антропологическая школа.
- Василиненко и др. 2014а: Василиненко Д. Э., Жеребилов С. Е., Тищенко И. Б. 2014. Археологические исследования средневекового поселения «Железнодорожное 2» в Крымском районе Краснодарского края (предварительное сообщение). В: Коробов Д. С. (ред.). *Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения»*. Материалы международной научной конференции (Москва, 21—25 апреля 2014 г.). Москва: ИА РАН, 329—330.
- Василиненко и др. 2014б: Василиненко Д. Э., Нарожный Е. И., Соков П. В. 2014. Предварительные итоги охранно-спасательных работ на поселении золотоордынского времени «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края). В: Коробов Д. С. (ред.). *Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения»*. Материалы международной научной конференции (Москва, 21—25 апреля 2014 г.). Москва: ИА РАН, 326—328.
- Волков И. В. 1998. О возможностях локализации Копы (Копарио-Ло Копта). *Древности Кубани* 12, 14—42.
- Волков И. В. 2005. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предварительное сообщение). *МИАК* 5, 349—379.
- Волков И. В. 2007. Поливная керамика могильника Черный Ерик-1. В: Бочаров С. Г. (ред.). *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.* II международная научная конференция (Ялта, 23—29 ноября 2007 г.). Тезисы конференции. Ялта: Крымский филиал ИА НАНУ; ИА РАН, 26—33.
- Волков И. В. 2009. Возможности локализации золотоордынского города Шакрак. В: Яблонский Л. Т., Горбенко А. А. (ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. Г. А. Федорова-Давыдова (20 сентября — 3 октября 2008 г.). *Донские древности* 10. Азов: Азовский музей-заповедник, 85—93.
- Волков И. В., Лопан О. В. 2009. Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак. В: Марченко И. И. (ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: КубГУ, 45—48.
- Гарустович Г. Н. 2012. *След «Великой зямтани». Местонахождение XIV века у деревни Бриг-Алга*. Уфа: Гилем.
- Ларенок П. А., Нечипорук А. А. 2012. Средневековое поселение и грунтовый могильник «Жукова». В: Гаджиев М. С. (ред.). *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретация. XXVII «Крупновские чтения»*. Материалы международной научной конференции. Махачкала: Мавраевъ, 347—348.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2014. Новые протомеотские комплексы Закубанья (могильник «Железнодорожный-2»). *Археологические вести* 20, 165—182.
- Майко и др. 2014: Майко В. В., Василенко Д. Э., Соков П. В., Тищенко И. Б. 2014. Материалы к типологии, хронологии и клейменно некоторых типов византийских амфор XIII—XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья). *Боспорские исследования XXX*, 329—343.
- Нарожный Е. И. 2010. Позднекочевническое захоронение из-под г. Новокубанска (Новокубанский район Краснодарского края): некоторые аспекты датировки и культурной атрибуции. В: Мужухов М. Б. (ред.). *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа*. Тезисы докладов международной научной конференции. Магас: Пилигрим, 266—267.
- Нарожный Е. И. 2012. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья. В: Дроздов Н. И. (ред.). *Кочевье цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние проблемы*. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Красноярск; Кызыл: ИПК КГПУ, 138—142.
- Нарожный и др. 2014: Нарожный Е. И., Соков П. В., Тищенко И. Б. 2014. Охранно-спасательные исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края). В: Коробов Д. С. (ред.). *Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения»*. Москва: ИА РАН, 374—376.
- Нарожный Е. И., Соков П. В. 1998. Об аланском этнокомпоненте населения горькобалковского могильника. В: Виноградов В. Б. (ред.). *Пятые чтения по археологии Средней Кубани*. Материалы конференции. Армавир: АГПИ, 26—28.
- Нарожный Е. И., Соков П. В. 2014а. Могильник №1 золотоордынского поселения «Железнодорожное-1» (предварительная публикация материалов). *МИАСК* 14, 138—177.
- Нарожный Е. И., Соков П. В. 2014б. Могильники №1 и №2 золотоордынского времени поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края). В: Ситдинов А. Г., Макаров Н. А., Дервянко А. П. (отв. ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в г. Казани III*. Казань: Отечество, 407—410.
- Нарожный Е. И., Соков П. В. 2016. Колодцы и остатки оросительной системы поселения «Железнодорожное-1». *Золотоордынская цивилизация* 9. Казань, 290—297.
- Нечипорук А. А., Ларенок В. А. 2013. Поливная керамика поселения Жукова. *МИАСК* 13, 167—187.
- После Марко 1968: *После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий*. Перевод с латинского и староитальянского языков, введение и примечания Я. М. Света. Москва: Наука.
- Соловьёв и др. 2013: Соловьёв С. Л., Городилов А. Ю., Садыков Т. Р. 2013. Охранные археологические раскопки на поселении «Железнодорожное» (Крымский район Краснодарского края). *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН* 3, 223—232.

Vladimir P. Mokrushin. «Nasledie Kubani» (“The Kuban Heritage”) Public Corporation. Address: Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation. E-mail: zai_ein@mail.ru

Evgeniy I. Narozhny. Doctor of Historical Sciences. «Nasledie Kubani» (“The Kuban Heritage”) Public Corporation. Address: Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation. E-mail: zai_ein@mail.ru

Pavel V. Sokov. Candidate of Historical Sciences. «Nasledie Kubani» (“The Kuban Heritage”) Public Corporation. Address: Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation. E-mail: pvs_arm@mail.ru

On the Internal Topography of the 13th—15th-Century Settlement “Zhelezodorozhnoye-1” (Krymsk District, Krasnodar Krai): preliminary observations. This work is focused on the internal specificity of the “Zhelezodorozhnoye-1” settlement in the Krymsk District of Krasnodar Krai. Together with two other synchronous Golden Horde sites, it is considered a consolidated economic center. Compared to the other large-scale sites, such as “Zhukova” settlement and Angelinsky Yerik, or “Shakhrak city”, after I.V. Volkov, these objects adjoin the periphery of the large “Copario area” (after I.V. Volkov, located in the area ranging from Golubitskaya village to Chyornyy Yerik farmstead). In the context of the sources, these facts allow raising the problem related to the possibility of participation of the settlements in question in the exports of grain to Caffa, where from it was reexported to Europe.

Keywords: North-Western Caucasus, Golden Horde settlements, agricultural environs, burial grounds, Black Sea region, Italian trade, export of grain from the Kuban region.

References

- Babenko, V.A., Kalmykov, A.A. 2007. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledia Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* VII, 225—244 (in Russian).
- Bochkovoi, V.V., Limberis, N. Yu., Marchenko, I.I. 2013. In Marchenko, I.I. (ed.). *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arheologicheskaja konferentsiia (Materials of the Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: “Ekoinvest” Publ., 40—49 (in Russian).
- Bârnea, P.P., Reaboi, T.F. 2000. *Dva klada iz Starogo Orkheia (Two Hoards from Old Orhei)*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Vasilinenko, D.E., Zherebilov, S.E., Tishchenko, I.B. 2014. In Korobov, D.S. (ed.). *E.I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniia» (E.I. Krupnov and the Development of the Northern Caucasus Archaeology: 28th Krupnov Readings)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 329—330 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E., Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2014. In Korobov, D.S. (ed.). *E.I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniia» (E.I. Krupnov and the Development of the Northern Caucasus Archaeology: 28th Krupnov Readings)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 326—328 (in Russian).
- Volkov, I.V. 1998. In *Drevnosti Kubani (Kuban Antiquities)* 12, 14—42 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 5, 349—379 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2007. In Bocharov, S.G. (ed.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X—XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, Northern Black Sea and Mediterranean Sea in 10th — 18th Centuries)*. Yalta: Crimean Branch of the Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 26—33 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2009. In Yablonsky, L.T., Gorbenko, A.A. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 10. Azov: Azov Museum-Reserve, 85—93 (in Russian).
- Volkov, I.V., Lopan, O.V. 2009. In Marchenko, I.I. (rel.). *Piataia Kubanskaia arheologicheskaja konferentsiia (5th Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 45—48 (in Russian).
- Garustovich, G.N. 2012. *Sled «Velikoi ziamiatni». Mestonakhozhenie XIV veka u derevni Brig-Alga (The Trace of the “Great Troubles”: the 14th Century Site near the Brig-Alga Village)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
- Larenok, P.A., Nechiporuk, A.A. 2012. In Gadzhiev, M.S. (ed.). *Noveishie otkrytiia u arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniia i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Newest Discoveries in the Archaeology of North Caucasus: Investigations and Interpretations. Materials of the International Conference)*. Makhachkala: “Mavraev” Publ., 347—348 (in Russian).
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I.I. 2014. In *Arheologicheskie vesti (Archaeological News)* 20, 165—182 (in Russian).
- Maiko, V.V., Vasilinenko, D.E., Sokov, P.V., Tishchenko, I.B. 2014. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XXX, 329—343 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2010. In Muzhukhoviev, M.B. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arheologicheskikh pamiatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza (Problems of Chronology and Periodization of the Archaeological Sites and Cultures of Northern Caucasus. The 26th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus)*. Magas: “Pilgrim” Publ., 266—267 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2012. In Drozdov, N.I. (ed.). *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noi Azii: istoriia, sostoianie problemy (Nomadic Civilizations of the Central Asian Peoples: History, State of Problem)*. Krasnoyarsk; Kyzyl: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 138—142 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V., Tishchenko, I.B. 2014. In Korobov, D.S. (ed.). *E.I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniia» (E.I. Krupnov and the Development of the Northern Caucasus Archaeology: 28th Krupnov Readings)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 374—376 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 1998. In Vinogradov, V.B. (ed.). *Piatye chteniia po arkheologii Srednei Kubani (Fifth Readings on the Archaeology of the Middle Kuban River Area)*. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 26—28 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2014. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 14, 138—177 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevianko, A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Meeting in Kazan)* III. Kazan: “Otechestvo” Publ., 407—410 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2016. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 9. Kazan, 290—297 (in Russian).
- Nechiporuk, A.A., Larenok, V.A. 2013. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 13, 167—187 (in Russian).
- Svet, Ya.M. (ed.). 1968. *Posle Marko Polo. Puteshestviia zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indii (After Marco Polo: Travels of the Occidental Strangers in the Lands of Three Indias)*. Series: Puteshestviia po stranam Vostoka (Travels to the Lands of Orient). Moscow: “Nauka” Publ. (“Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury” Publ.) (in Russian).
- Solov'ev, S.L., Gorodilov, A. Yu., Sadykov, T.R. 2013. *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 3, 223—232 (in Russian).

О локализации «Трехстенного городка» на Нижнем Тереке: некоторые вопросы исторической географии XIII—XVII вв.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Нижний Терек, протоки Терека, река Тюменка, Терский город 1588 года, фортификация, «Кавказская Тюмень», Золотая Орда, история, археология.

В нескольких документальных источниках XVIII—XIX вв., без конкретных географических привязок, встречается упоминание «Трехстенного городка» и связанных с ним групп вольного терского казачества. Определяющим фактором в интересе к проблеме локализации его возможного местонахождения стали результаты археологических разведок, проведенных Е. И. Крупновым (1930 г.) на Нижнем Тереке (Крупнов 1935: 124—133)¹. Выявленная им между рукавами Терека крепость в виде трех земляных валов имела подтрапециевидную планиграфию (рис. 1: 1—2). Отсутствие у нее четвертой, самой длинной (северной) стены (рис. 1: 1, 3) исследователь объяснял ссылкой на местных старожилов, утверждавших, что здесь «некогда было русло Терека», по которому можно было «добраться к Каспийскому морю». По этой причине, предполагал кавказовед, указанная сторона городища, якобы, в дополнительном укреплении не нуждалась (Крупнов 1935: 124). Опираясь на упоминания в источниках некоего «Трехстенного городка», Е. И. Крупнов и отождествил это упоминание с открытым им укреплением.

Л. Н. Гумилев, осматривавший тот же объект после Е. И. Крупнова, во многом не согласился с точкой зрения предшественника. Главное внимание он обратил на скопления створок морских моллюсков и находки керамики, аналогичной керамике на территории золотоордынского Поволжья (Гумилев 1966: 130—131), находившихся прямо на дневной поверхности осмотренных им валов. По его мнению, наличие створок моллюсков — свидетельство того, что они «размножились здесь в то время, когда волны Каспийского моря чуть-чуть покрывали верхушку валов, абсолютная отметка вершин

которых составляла около 19 м над уровнем моря», а этого уровня, подчеркивал исследователь, «Каспийское море достигало лишь во второй половине XIII в.». Следовательно, строительство крепости можно отнести, — считал он, — «ко второй четверти XIII века, между образованием Золотой Орды и максимальным подъемом Каспийского моря» (Гумилев 1996: 130—131). Отсутствие самой длинной стены крепости, полагал Л. Н. Гумилев, могло свидетельствовать лишь о том, что крепость оказалась просто недостроенной (Гумилев 2004: 40—41, 168—169). Тем не менее, вплоть до недавнего времени в литературе наибольшее распространение получила версия Е. И. Крупнова, неоднократно повторявшаяся другими исследователями (Гаджиев 1979: 29; Карпов 2002: 388—389, прим. 22). Уже в начале 1990-х гг. появились и определенные сомнения в такой трактовке интересующей нас проблемы, основанием для чего послужило выявление на одной из генштабовских карт XIX в. обозначения «Трехстенного городка» в виде равностороннего треугольника. Но в отличие от открытой Е. И. Крупновым крепости, этот значок-треугольник находился на самой кромке береговой полосы Каспия, у места впадения в него одного из рукавов Терека (Нарожный 1992: 7—8). В 1991 г. была собрана и выразительная коллекция подъемного материала, связанная с неглубокими траншеями у валов укрепления, открытого Е. И. Крупновым (Голованова, Нарожный 2005: 253—270). В результате появились веские основания считать: крепость, обнаруженная Е. И. Крупновым и осмотренная Л. Н. Гумилевым, не являлась «Трехстенным городком». Остатки эти, скорее всего, от первого русского города на Северном Кавказе, чаще именовавшиеся «Терками», построенными здесь в 1588 году. Что же касается искомого «Трехстенного городка», который, помимо собранных Е. И. Крупновым документальных свидетельств, знал, к при-

¹ Н. Н. Гарунова ошибочно указывает на публикацию данной статьи в журнале «Советская археология» (Garunova 2015: 53).

меру, и И. Гильденштедт, на что мы уже обращали внимание (Голованова, Нарожный 2005: 256). Он, по свидетельству российского академика, находился «приблизительно в 2 верстах выше устья» Терека и земляных «валов Терка» (т. е. — «Терского города» 1588 г., валы которого и открыл Е. И. Крупнов). Руины крепости, упоминаемой Гильденштедтом, ему были известны под местным названием «Бохчала», которую, как подчеркивал исследователь, «русские называют Трехстенный город». Ее он упоминает «в самом море при впадении Копая» — одного из нескольких рукавов Терека (Гильденштедт 2002: 47). Именно этот «Трехстенный городок» в виде значка-треугольника обозначен на упоминавшейся выше генштабовской карте XIX в.

Недавний выход в свет сразу двух новых статей, посвященных проблеме локализации интересующего «Трехстенного городка» (Garunova 2015: 48—54; Тхамокова 2015: 352—362), определяет потребность в новом обращении к проблеме. Тем более, что указанные статьи 2015 г., к сожалению, не только не учитывают опубликованных в 2005 г. наблюдений и корректив, но и не предлагают собой каких-либо альтернативных суждений.

Развивая выводы 2005 г., следует учесть и наблюдения геоморфологов, еще в 1970-х гг. активно исследовавших трансгрессии Каспия в исторической динамике. Анализ картографических данных с отображением береговой полосы по отношению к интересующему нас укреплению заставил исследователей пробурить здесь несколько стратиграфических скважин, в т. ч. и через среднюю часть этого укрепления (рис. 1: 3—4). Анализ полученной тогда стратиграфии надежно продемонстрировал не только изначальное наличие у крепости четвертой (северной) стены, к моменту разведок Е. И. Крупнова уже не существовавшей. Подтвердили они и изначальную планиграфию крепости в виде трапеции. Тем самым опровергается не только тезис Е. И. Крупнова о «плановом» отсутствии этой стены и «трехстенном» характере укрепления, но и мнение Л. Н. Гумилева о, якобы, незавершенном (недостроенном) характере этой крепости. Стратиграфически было установлено: отсутствие у укрепления четвертой стены объяснимо тем, что она была просто смыта высокой волной, сразу же затопившей и все внутреннее пространство городища (Леонтьев, Чекалина 1979: 7). Однако затопление это, все же, не достигло тех абсолютных отметок, о которых писал Л. Н. Гумилев, хотя оно, практически, погубило город. Наблюдения О. К. Леонтьева и Т. И. Чекалиной вполне согласуются с документальным свидетельством

о том, что «в 1668 году случился такой сильный шторм, что вышедшая из берегов вода затопила (Терский — Е. Н.) город, полностью смыв его восточную² стену, и причинила другие разрушения» (Васильев 1996: 41).

Сопоставление укрепления, выявленно-го Е. И. Крупновым, с Терками 1588 года ныне не вызывает никаких сомнений, вполне объясняет и датировку, предложенную Е. И. Крупновым для керамики из заложеного им шурфа внутри крепости, близ восточного угла данного укрепления (рис. 1: 1, шурф). Керамические находки из него Е. И. Крупновым были датированы временем не позднее XVI—XVII вв. К этому же времени он отнес и находку на городище металлического креста (Крупнов 1935: 123), а не «иконь», как утверждает И. Х. Тхамокова (Тхамокова 2015: 354). Таким образом, сегодня есть все основания считать: открытое Е. И. Крупновым городище — это не казачий «Трехстенный городок», располагавшийся на берегу Каспия, а русские Терки 1588 г. («Терский город»), отстроенный здесь «ратными людьми» из Астрахани во главе с воеводами Михаилом Бурцевым и Келарем Протасьевым. Город этот был поставлен в виде земляных валов с деревянными стенами и башнями, планиграфически представляя трапецию (Васильев 1996: 32). Именно такими Терки 1588 г. были описаны и в позднем источнике — у А. Олеария, оставившего, к тому же и рисунок этого города (Олеарий 2003: 363). После стихийного бедствия 1668 г. город Терки (Терский город) был перенесен на новое место и отстроен в период с 1669 по 1670 гг. Возведением фортификационных сооружений, но уже в новых Терках, к тому же имевших совершенно иную планиграфию, руководил английский полковник Томас Бейли (Кушева 1963: 292).

Остается сожалеть: все «документы о городе (Терках 1588 г. — Е. Н.) впоследствии были утрачены. Был уничтожен и архив казанского дворца, где находились материалы по Терскому городу. В документах Посольского приказа сохранились «Терские столбцы», однако они не могут восполнить архив Терского города». (Суздальцева 2008: 25), что, действительно, «осложняет написание подробной истории Терского города» (Гриценко 1984: 26).

Между тем, среди подъемного археологического материала у валов Терского города 1588 г. есть фрагменты стекла и керамики (рис. 1: 5—7)

² Д. С. Васильев ошибочно называет утраченную в результате этого шторма стену восточной, поскольку смыта была северная сторона укрепления — Терок (рис. 1).

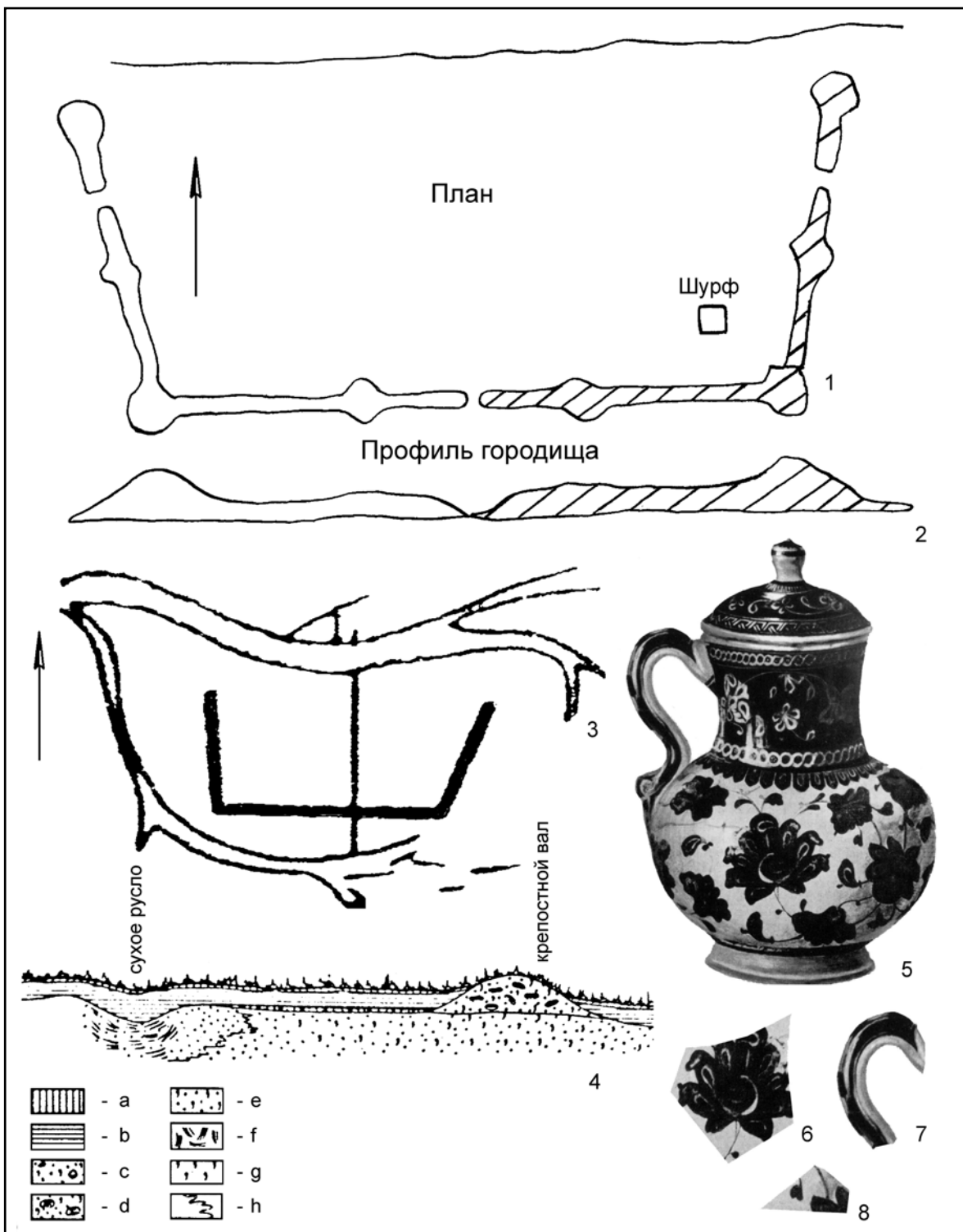

Рис. 1. 1—4 — планы и разрезы валов «Трехстенного городка» — Терского города (1, 2 — по Крупнов 1946: рис. 1; 3, 4 — по Леонтьев, Чекалина 1979: рис. 1); 5 — фаянсовый сосуд из осетинского селения Махческ (по Уварова 1900); 6—8 — находки из фаянса из окрестностей Терского города (по Голованова, Нарожный 2005). 1—8 — без масштаба. Условные обозначения: а — тяжелые суглинки; b — морские глины; c — культурный слой; d — бесструктурная толщина валов; e — морские пески; f — аллювиальные пески; g — раковины морских моллюсков и их обломки; h — предположительная граница фаций.

Fig. 1. 1—4 — plans and cross-sections of the “Trehstenny Gorodok” — Terek city ramparts (1, 2 — after Крупнов 1946: рис. 1; 3—4 — after Леонтьев, Чекалина 1979: рис. 1); 5 — faience vessels from the Ossetian village Mahchesk (after Уварова 1900); 6—8 — faience finds from the neighborhoods of the Terek city (after Голованова, Нарожный 2005). 1 to 8 — no scale. Legend: a — heavy loams; b — sea clays; c — cultural horizon; d — thickness of ramparts, unstructured; e — sea sands; f — alluvial sands; g — shells of sea mollusks and their fragments; h — estimated limits of facies.

(Голованова, Нарожный 2005: 272, рис. 9: 1—4). Эти находки имеют прямые аналоги, к примеру, из Махчешского могильника в Северной Осетии (Уварова 1900: 264, табл. СХIV, 13.). М.З. Кетбиева и В.А. Кузнецов, датируя махчешские материалы XV в., полагают: их распространение в северокавказском регионе было связано с посреднической ролью золотоордынского Маджара (Кузнецов 2010: 100—106, 107, рис. 1). Фрагменты такой стеклянной посуды, помимо Махчешка, ныне известны гораздо шире (Нарожный 2011: 70—72), нежели это представляет В.А. Кузнецов; кавказовед вполне справедливо сопоставляет их производство с округой крымской Каффы. Именно там, по мнению М.Г. Крамаровского, с 1463 г. и, видимо, вплоть до 1475 г. работала мастерская, производившая такие стеклянные сосуды (Крамаровский 1995: 54—56).

Фрагменты другого сосуда из окрестностей Терского города (рис. 1: 6—8), также тождественные другому сосуду из Махчешка (рис. 1: 5), отнюдь не «китайского происхождения» (Кузнецов 2012: 100—106), а являются одним из образцов османской художественной посуды «первой пол. XVI в.» (Миллер 1972: 139—140), на что уже тоже указывалось (Голованова, Нарожный 2005: 261—262). Уточнения важны тем, что затрагиваемая часть находок из окрестностей Терского города 1588 года документирует наличие здесь активной жизнедеятельности населения, пользовавшегося данной керамикой задолго до появления Терского города 1588 г.

Заслуживает внимание и другое: среди документально засвидетельствованных упоминаний Терок (Терского города) нередко встречается и его название как «Тюменского нового города», или «Тюменского острога». Производную этого топонима справедливо связывают с более ранним названием одной из протоков Терека — «р. Тюменкой» (Алиев, Умаханов 1999: 114). В связи с предположением необходимо учитывать и всю ныне известную подборку свидетельств о «Кавказской Тюмени» (Лавров 1970: 163—175). Среди них — одна из карт атласа 1577 г., с «городом Тюмень» на ней, подтверждающая не только существование «тюменского» топонима, но и определенной части населения, как минимум, за 11 лет до начала строительства Терок (Лавров 1970: 165). Известны и свидетельства 1490—1559 гг., документирующие еще более раннее бытование здесь «Кавказской Тюмени», позволяя считать, что эпизодически упоминаемое в источниках «княжество» возникло гораздо ранее указывавшихся выше упоминаний. В.В. Трепавлов справедливо считает «неясной этническую принадлежность

населения Тюменского улуса». Не менее справедливо опровергая мнение тех, кто отождествляет «тюменцев» с ногайцами, но при этом исследователь совсем не исключает и того, что «данный улус мог быть кипчакским... анклавом, территориально и этнически близким кумыкам» (Трепавлов 2002: 62, прим.; Идрисов 2015: 80—81). Не оспаривая предположения о возможно кипчакском, или же ином, но тюркском генезисе населения «Кавказской Тюмени», следует учитывать наличный археологический материал отсюда (Голованова, Нарожный 2005: 258—260). На его основе складывается стойкое убеждение в максимальной активности жизни здесь именно в золотоордынский период, когда между рукавами Терека, т.е. там, где в 1588 г. и были построены русские Терки (рис. 1: 3—4), «перекрывшие» центр «Кавказской Тюмени», скорее всего, находилось крупное поселение эпохи Золотой Орды. Если следовать описаниям маршрутов передвижений войск эмира Тимура по золотоордынской территории Северного Кавказа в изложении Шами и Йезди, заманчиво предполагать: упоминание ими о вторичном спуске войск Тимура вниз по Тереку³, по его течению, как известно,

³ Речь идет о переходе войск эмира Тимура от Верхнего Притеречья (Восточное Придарьялье) до нижнего течения этой же реки (Нарожный 2010), на отрезке терского побережья от двух городищ, в литературе ныне называемых Верхним и Нижним Джулатами, до устья Терека. Несмотря на устойчивость традиции, названия «Верхний» и «Нижний Джулаты» — искусственные. Несмотря на перманентно возникающий интерес к данным объектам (Кузнецов 2003; 2014; Зиливинская, Чеченов 2015: 109—177) и их названиям (Пачкалов 2004: 142—144; 2011: 174—175), проблема продолжает оставаться дискуссионной. Как представляется, поводом для появления указанных названий этих двух притерских городищ стала давняя гипотеза Х.М. Френа, прочитавшего на одной из золотоордынских монет название выпущившего ее монетного двора — «Джюллад», и предложившего его локализацию где-то на Тереке. В XIX в. эту версию Х.М. Френа «подхватил» И. Бларамберг. Пожалуй, впервые именно он, для разъединения сведений о двух, близко расположенных городищах на Тереке, использовал названия «Верхний» и «Нижний Джулат», указывавшие лишь на их расположение между собой по отношению к Тереку. Несмотря на то, что гипотеза Х.М. Френа ничем не подтверждается (Нарожный, Нарожная 2004: 322—330), а «джулатский монетный двор может быть включен в существующий список “мифических монетных дворов” Золотой Орды (Нарожный, Нарожная 2004: 322—330; Пачкалов 2005: 134—143). Тем не менее, версия о двух городских «Джулатах», помимо одноименной «области Джулат» на Северном Кавказе, прочно вошла в исследовательский обиход и используется как реальная. Однако, если мы не знаем настоящего названия аланского, а затем и золотоордынского городища, ныне называемого «Нижним Джулатом», то городище «Верхний Джулат» — по письменным источникам домонгольский

приводит Тимура в богатую и обширную «область Джулат». Насколько это позволяет судить имеющийся историко-археологический материал, центр золотоордынской «области Джулат» следует локализовать в низовьях Терека. В постзолотоордынское время пережившее погромы Тимура население и формируется в самостоятельное «Тюменское княжество» —

«Кавказскую Тюмень», после запустения которого, на его месте, но уже в 1588 году были построены русские Терки, просуществовавшие вплоть до 1668 года. После шторма и затопления 1668 г. город был восстановлен, но уже на другом месте, и был отстроен в иной планиграфии. Но затем и он был перенесен, став, таким образом, предтечей уже крепости и г. Кизляру.

- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. 1999. *Историческая география Дагестана (XVII — нач. XIX в.)*. Кн. 1. Махачкала: ДНЦ РАН.
- Васильев Д.С. 1996. *Очерки истории низовий Терека. Досоветский период*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство.
- Гаджиев В.Г. 1979. *Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа*. Москва: Наука.
- Гильденштедт И.А. 2002. *Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Голованова С.А., Нарожный Е.И. 2015. Городище «Трехстенный городок» (XIII в. — 1668 г.). *МИАСК* 5, 253—270.
- Гриценко Н.П. 1984. *Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края (V — середина XIX вв.)*. Ростов-на-Дону: РГУ.
- Гумилев Л.Н. 1996. *Открытие Хазарии*. Сочинения 6. Москва: ДИ-ДИК.
- Гумилев Л.Н. 2004. *Открытие Хазарии*. Москва: Айрис-Пресс.
- Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. 2015. Нижний Джулат. В: Зиливинская Э.Д. (авт. проекта). *Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа*. Нальчик: КБИГИ РАН, 109—177.
- Идрисов Ю.И. 2014. Тюменское владение между Волгой и Кавказом: рождение и гибель государства. *Средневековые тюрко-татарские государства* 6. Казань, 80—83.
- Карпов Ю.Ю. 2002. Комментарий. В: Гильденштедт И.А. *Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг.* Санкт-Петербург: Возрождение.
- Крамаровский М.Г. 1995. Лигурия — Крым — Северный Кавказ. В: Пиотровский Б.Б. (ред.). *Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В.Г. Луконина (21.01.1932—10.9.1984 гг.)*. Материалы конференций. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 52—56.
- Крупнов Е.И. 1935. Городище «Трехстенный городок». *СЭ* (2), 124—133.
- Кузнецов В.А. 2003. *Эльхотовские ворота в X—XIV веках*. Владикавказ: Кавказская здравница.
- Кузнецов В.А. 2012. Археологические данные о происхождении дигорских Баделят. *Археология и этнология Северного Кавказа* 1, 99—109.
- Кузнецов В.А. 2014. *Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа*. Нальчик: КБИГИ РАН.
- Кушева Е.Н. 1963. *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVIII в.* Москва: Наука.
- Лавров Л.И. 1970. Кавказская Тюмень. В: Гаджиев В.Г. (отв. ред.). *Из истории дореволюционного Дагестана*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 163—175.
- Леонтьев О.К., Чекалина Т.И. 1979. Новокаспийская трансгрессия и перестройка морского края Терской дельты. *Комплексные исследования Каспийского моря* 6, 3—11.
- Миллер Ю.А. 1972. *Художественная керамика Турции*. Ленинград: Аврора.
- Нарожный Е.И. 1992. К исторической географии низовьев Терека. В: Виноградов В.Б. (ред.). *Пути возрождения терского казачества*. Тезисы докладов региональной конференции. Кизляр: Кизлярский краеведческий музей им. П.И. Багратиона, 7—8.
- Нарожный Е.И. 2010. Северный Кавказ в XIII—XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ: СОГУ.
- Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2004. О монетных дворах Северного Кавказа XIII—XV веков. *МИАСК* 4, 322—330.
- Нарожный Е.И. 2011. Крымские импорты XV века с Северного Кавказа. В: Глузман А.В. (ред.). *III международная научно-практическая конференция: «Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме»*. Тезисы докладов и сообщений конференции (Ялта. 27—30 апреля 2011 г.). Ялта: Крымский гуманитарный университет, 70—72.
- Олеарий А. 2003. *Описание путешествия в Московию*. Смоленск: Русич.
- Пачкалов А.В. 2004. Нумизматика Джулата. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Древний Кавказ: ретроспекция культур*. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Москва: ИА РАН; РГНФ, 142—144.
- Пачкалов А.В. 2005. «Мифические» и недостоверные монетные дворы Джучидов. В: *Нумизматический сборник ГИМ XVII. Труды ГИМ* 151, 134—143.
- Пачкалов А.В. 2011. О монетном обращении на Верхнем и Нижнем Джулате. В: Макаров А.Н., Носов Е.Н. (ред.). *Труды III (XIX) Археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса в Суздале II*. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИИМК РАН, 174—175.

и раннеджучидский «Дедаков», в фольклорно-бытовой версии северокавказских обитателей более известный как «Татаргуп» (в «Дербент-наме» приводится арабоязычный эквивалент данного топонима — «Шехри-Татар», т.е. — «город татар»). Название «Татаргуп» более исторично и имеет вполне объяснимую историю происхождения, возникнув, вероятно, в середине 90-х годов XIII в. (Нарожный 2010). Недавние попытки связать название летописного «Дедакова»-«Тютякова», как производного от имени ордынского баскака Титяка (Кузнецов 2003), мягко говоря, не соответствует реалиям.

- Суздальцева И. А. 2008. Внешний облик, социальная организация и население Терского горда в XVII — начале XVIII веков. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки* 5 (4), 24—30.
- Трепавлов В. В. 2002. *История Ногайской Орды*. Москва: Восточная литература РАН.
- Тхамокова И. Х. 2015. «Трехстенный городок» и его место в истории Северного Кавказа. *Научный диалог* 48 (12), 352—362.
- Уварова П. С. 1900. Могильники Северного Кавказа. МАК VIII. Москва: Типография Императорской Академии наук.
- Garunova N. N. 2015. Tryokhstennyi Gorodok' in the Context of the History of Lower Reaches of the Terek till XVIII Centure. *Vlye gody* 35 (1), 48—54.

Evgeniy I. Narozhny. Doctor of Historical Sciences. «Nasledie Kubani» (“The Kuban Heritage”) Public Corporation. Address: Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation. E-mail: zai_ein@mail.ru

On Localization of the “Trekhtenny Gorodok” site on the Lower Terek: issues of 13th—17th-century historical geography. In this work, an attempt is made to verify the information about the fortification discovered in 1930 by E. M. Krupnov, who connected it with the “Trekhtennyi gorodok” site from documentary sources. A comparison of the fortress remains with the ramparts of Terek (Terki) city of 1588 made it possible to identify the “Trekhtennyi gorodok” site with the place of inflow of the Terek and its distributaries into the Caspian Sea (I. Gildenstedt). Explanations are offered to the reasons of Terek city construction in the center of the former “Tyumen Principality” (“Caucasian Tyumen”), which had been established within the “Djulut area”, devastated by Timur.

Keywords: Northern Caucasus, Lower Terek River, the Terek mouths, Tyumenka River, Terek city of 1588, fortifications, “Caucasian Tyumen”, Golden Horde.

References

- Aliiev, B.G., Umakhanov, M.-S.K. 1999. *Istoricheskaia geografija Dagestana (XVII — nachalo XIX v.) (Historical Geography of Dagestan: 17th — Early 19th Centuries)* 1. Makhachkala: Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Vasil'ev, D.S. 1996. *Ocherki istorii nizovii Tereka. Dosovetskii period (Essays on the History of the Lower Terek Area: Pre-Soviet Period)*. Makhachkala: “Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
- Gadzhiev, V.G. 1979. *Sochinenie I. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdru Astrakhan'iu i rekoj Kuroi nakhodiashchikhsia» kak istoricheskii istochnik po istorii narodov Kavkaza (J.G. Gaerber's Work: “Description of Lands and Peoples between Astrakhan and the Kura River” as the Historical Source for the History of Peoples of the Caucasus)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Güldenstädt, J.A. 2002. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770—1773 gg. (Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürg von P.-S. Pallas)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).
- Golovanova, S.A., Narozhnyi, E.I. 2015. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 5, 253—270 (in Russian).
- Gritsenko, N.P. 1984. *Goroda Severo-Vostochnogo Kavkaza i proizvoditel'nye sily kraia (V — seredina XIX vv.) (Cities of the North-Eastern Caucasus and Productive Forces of this Land: 5th — Middle 19th Centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University (in Russian).
- Gumilev, L.N. 2004. *Otkrytie Khazarii (Discovering Khazaria)*. Moscow: “Airis-Press” Publ. (in Russian).
- Gumilev, L.N. 1996. *Otkrytie Khazarii (Discovering Khazaria)*. Series: Sochineniia (Works) 6. Moscow: “DI-DIK” Publ. (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D., Chechenov, I.M. 2015. Nizhnii Dzhulat. In *Zilivinskaia, E.D. (avt. proekta). Madzhar i Nizhnii Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Majar and Lower Julat: From the History of Golden Horde Towns in the Northern Caucasus)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, Russian Academy of Sciences, 109—177 (in Russian).
- Idrisov, Yu.I. 2014. In *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 6, 80—83 (in Russian).
- Karpov, Yu. Yu. 2002. In *Güldenstädt, J.A. Puteshestvie po Kavkazu v 1770—1773 gg. (Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürg von P.-S. Pallas)*. Sankt-Peterburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ., 386—412 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1995. In *Piotrovskii, B.B. (ed.). Ermitazhnye chteniia 1986—1994 gg. pamiati V.G. Lukonina (21.I.1932—10. IX.1984) (Hermitage Readings of 1986—1994 in Memory of V.G. Lukonin (21.01.1932—10.09.1984))*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 52—56 (in Russian).
- Krupnov, E.I. 1935. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (2), 124—133 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 2003. *El'khotovskie vorota v X—XV vekakh (Elhot Gates in 10th — 15th Centuries)*. Vladikavkaz: “Kavkazskaia zdavnitsa” Publ. (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 2012. In *Arkheologiia i etnologiia Severnogo Kavkaza (Archaeology and Ethnology of Northern Caucasus)* 1, 99—109 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 2014. *Verkhni Dzhulat. K istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Verkhny Dzhulat: On the History of Golden Horde Towns in the Northern Caucasus)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kusheva, E.N. 1963. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh sviazi s Rossiei. Vtoraia polovina XVI — 30-e gody XVIII v. (Peoples of the Northern Caucasus and Their Relations with Russia: Second Half of 16th Century — 1730s)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Lavrov, L.I. 1970. In *Gadzhiev, V.G. (ed.). Iz istorii dorevoliutsionnogo Dagestana (From History of Pre-Revolutionary Dagestan)*. Makhachkala: “Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 163—175 (in Russian).
- Leont'ev, O.K., Chekalina, T.I. 1979. In *Kompleksnye issledovaniia Kaspiiskogo moria (Caspian Sea Complex Studies)* 6, 3—11 (in Russian).
- Miller, Yu.A. 1972. *Khudozhestvennaia keramika Turtsii (Artistic Ceramics of Turkey)*. Leningrad: “Aurora” Publ. (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 1992. In *Vinogradov, V.B. (ed.). Puti vozrozhdeniia terskogo kazachestva (The Ways for the Terek Cossacs Revival)*. Kizlyar: Kizlyar Museum of Local Lore named after P.I. Bagrator, 7—8 (in Russian).

- Narozhnyi, E.I. 2010. *Severnyi Kavkaz v XIII—XV vekakh: problemy politicheskoi istorii i etnokul'turnogo vzaimovozdeistviia (The Northern Caucasus in 13th—15th Centuries: Issues of Political History and Ethnic-Cultural Mutual Influences)*. Doct. Diss. Thesis. Vladikavkaz: North Ossetian State University (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Narozhnaia, F.B. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 4, 322—330 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2011. In Gluzman, A.V. (ed.). *III mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia: «Istoriko-kul'turnoe nasledie Prichernomor'ia: izuchenie i ispol'zovanie v obrazovanii i turizme» (Historical and Cultural Heritage of the Black Sea Area: Studying and Use in Education and Tourism. 3rd International Scientific-Practical Conference)*. Yalta: Crimean University for the Humanities, 70—72 (in Russian).
- Olearius, A. 2003. *Opisanie puteshestviia v Moskoviiu (Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise)*. Smolensk: "Rusich" Publ. (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2004. In Yablonsky, L.T. (ed.). *Drevnii Kavkaz: Retrospektiia kul'tur: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia E.I. Krupnova (XXIV Krupnovskie chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza) (Ancient Caucasus: Retrospective of Cultures: Proceedings of the International Conference Devoted to the 100th Anniversary of E.I. Krupnov (The 24th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Russian Foundation for Humanities, 142—144 (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2005. In *Numizmaticheskii sbornik Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Numismatical Collected Papers of the State Historical Museum)* XVII. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 151, 134—143 (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2011. In Makarov, N.A., Nosov, E.I. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod — Staraia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* II. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 174—175 (in Russian).
- Suzdal'tseva, I.A. 2008. In *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki (Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University: Social Sciences and Humanities)* (4 (5)), 24—30 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. 2002. *Istoriia Nogaiskoi Ordy (History of the Nohay Horde)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Tkhamokova, I. Kh. 2015. In *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)* 48 (12), 352—362 (in Russian).
- Uvarova, P.S. 1900. In *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the Archaeology of the Caucasus)* VIII. Moscow: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Garunova, N.N. 2015. Tryokhstennyi Gorodok' in the Context of the History of Lower Reaches of the Terek till XVIII Century. *Bylye gody* 35 (1), 48—54.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

География события 1222 года на Северном Кавказе

Ключевые слова: Северный Кавказ, события 1222 года, поход Джебе и Субудая, алано-половецкий альянс, разгром половцев, история, археология.

Данная проблема базируется на лаконичном и чуть ли не единственном повествовании Ибн ал-Асира (О первом нашествии... 1834: 1—20; Тизенгаузен 1884: 25—27). Не являясь очевидцем тех событий, Ибн ал-Асир черпал сведения о них из «вторых рук». Тем не менее, комментарии этих свидетельств стали составной частью практически всех, ныне существующих «Очерков историй...» и «Историй...» всех современных республик, краев и областей региона (Нарожный 2008б: 70—75). Выйдя на Северный Кавказ в 1222 году, «перевравшись через Ширванское ущелье», войска Джебе и Субудая несколько раз сразились здесь с алано-половецким военным альянсом. Не сумев добиться победы, монголо-татары смогли разъединить вчерашних союзников, затем разбили отряды аланов и, в погоне за половцами, в конечном итоге вышли к Калке.

С последствиями событий 1222 года одни исследователи связывают не только вторжение, но и значительное опустошение и запустение городищ и поселений на Верхней Кубани, что сопровождалось там и появлением множества могильников (Иессен 1941: 29—50). Другие «направляют» поход Джебе и Субудая вглубь северокавказской Алании, связывая с тамошними погромами начало «феодалных смут» и «политической раздробленности» в Алании, ставшими «началом катастрофы Алании», но завершившейся уже после событий конца 1230-х гг. (Кузнецов 1971: 76—77; 2003: 121; Федоров, Федоров 1978: 223—234 и др.). «Освободившиеся» в результате таких погромов территории Верхней Кубани, «заполняются» бежавшими, якобы туда, половцами, ставшими затем основным ядром в процессе формирования здесь тюркоязычных предков современных балкарцев и карачаевцев (О происхождении 1960: 10—110; Батчаев 1980: 79—95)¹. По мнению других: «хотя монголы

победили алан в сражении, продвинуться им вглубь Алании не удалось» (Коновалова 2009: 47, прим. 8)². Высказаны и предположения, рассматривающие события 1222 г. только как «рекогносцировочно-разведывательный рейд» (Цулая 1980: 220—227; Джиев 1982), затронувший только часть степной зоны региона (Нарожный 2010а). Подобный разницей в оценках, вне всякого сомнения, нуждается в объективной оценке, в т.ч. требует реконструкции возможных маршрутов передвижений монголо-татарских войск через Северный Кавказ на их пути к Калке.

Учитывая границы Алании в пределах, установленных специалистами (Кузнецов 1971: 20—40; Каминский, Каминская 1993: 24—30; Джиев 1982), следует согласиться и с местом возможной локализации сражений алано-половецких войск с отрядами Джебе и Субудая на правом берегу р. Сунжи (рис. 1) (Виноградов 1974: 120). Находилось оно на отрезке от места впадения реки Сунжа в Терек до современного г. Гудермеса (рис. 1). Гипотеза подкрепляется и многочисленными случайными находками здесь, в основном, предметов

К тому же, в процессе тюркизации части местного населения более реально прослеживаются этноформирующие влияния, фиксирующиеся еще с хазарского времени (Нарожный 2007б: 14—28; 2010б: 175—194). Среди аргументов, например, преобладание здесь каменных изваяний (Соснина 2000: 71—76), явно не половецкого, а «древнетюркского облика» (Нарожный 2002: 131—143; Нарожный, Соков 2008: 17—39; Березин и др. 2003: 4—5; Пьянков 2006: 283—301 и др.), в т.ч. и с явными признаками их эволюционного развития вплоть до постзолотоордынского времени (Нарожный 1999: 58—62).

² Справедливость утверждения подтверждает, например, описание растянувшейся на целых 1,5 месяца, хотя заранее спланированной и подготовленной (конец 1230-х гг.) осады столицы Алании — г. Магаса. Вне зависимости от возможной локализации местонахождения этого города на Северном Кавказе (обзор см.: Minorsky 1952: 221—238; Виноградов 2003: 99—105 и ср.: Фоменко 2014: 170—173), войска Чингисидов «застряли» здесь надолго. Представляется, что в планы монголо-татар в 1222 году подобные затяжные действия не входили.

¹ Сегодня гипотеза выглядит недостаточно убедительной (Нарожный 2007а: 85—90; 2008а: 80—89).

вооружения (Чахкиев 1987: 67—78; Нарожный 2003: 260—261, рис. 9)³. Несколько сложнее выглядит проблема локализации развития дальнейших событий.

В сопоставлении наблюдений и выводов К. В. Кудряшова, Г. А. Федорова-Давыдова, С. А. Плетневой, Т. М. Минаевой, Я. А. и Г. С. Федоровых, В. М. Батчаева, В. А. Кузнецова, Ю. В. Зеленского, Я. В. Пилипчука о границах расселения «предкавказских половцев», все же, ареал их обитания в регионе нам представляется несколько шире (Навротский, Нарожный 1992: 14—15). Наиболее реалистично его очертили А. Г. Атавин и М. В. Андреева (Атавин, Андреева 1998: 231—237). Для уточнения представлений следует опереться на картографическую сводку известных находок половецких каменных изваяний на Северном Кавказе. Все известные сведения о таковых находках, мы почерпнули из «Археологической карты Кубанской области» (Фелицын 1882: карта)⁴, и известной сводки Т. М. Минаевой (Минаева 1964: 157—168, рис. 4), дополнив их и сведениями об изваяниях, появившихся в последние десятилетия⁵. При этом нами учитывается не только разнородность в датировке таких памятников, определяемых ныне во временном размахе от «XI—XII вв.» (Ю. В. Зеленский, Е. А. Армарчук, Я. В. Пилипчук, М. Б. Гимботова и др.) до XIV в. включительно (Нарожный 2003: 245—274; Евглевский 2014: 263—282). При этом мы учитываем и полярный характер мнений относительно функционального и статусного характера самих изваяний (Г. А. Федоров-Давыдов, С. А. Плетнева, Т. М. Минаева, Я. А. и Г. С. Федоровы, В. А. Кузнецов, В. М. Батчаев, Ю. В. Зеленский, С. Н. Малахов, Ю. Б. Полидович, Л. С. Герась-

кова, С. В. Гуркин, К. И. Красильников, Г. С. Гусейнов (Федоров), Я. В. Пилипчук и др.). Новая, совмещенная картографическая ситуация с географией распространения таких изваяний (рис. 1) показательна. Она наглядно демонстрирует, как минимум, относительно реальные местонахождения известных статуй в регионе, позволяя, тем самым, сориентироваться в локализации не только зоны обитания предкавказских половцев, но и в возможных направлениях маршрутов передвижений войск Джеббе и Субедея, после разгрома ими аланов, как известно, погнавших за половцами.

Согласно источнику, «Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторглись в землю их. Тут стали они (татары) нападать на них раз за разом и отобрали у них вдвое против того, что (сами) им принесли» (Тизенгаузен 1884: 25). «Жившие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом с множеством пастбищ и (есть в ней) места теплые зимой (также) со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря» (Тизенгаузен 1884: 26). Далее в источнике речь идет уже о прибытии в Судак.

Реконструируя возможные направления движения войск Джеббе и Субедея против кипчаков от места слияния р. Сунжи и Терека (рис. 1), можно предполагать следующее. Начавшаяся погоня за отошедшими половцами могла осуществляться несколькими отрядами, что косвенно иллюстрируется Ибн ал-Асиром, когда он рассказывает о том, что: «стали они (татары) нападать на них раз за разом». В качестве еще одних маркеров, уточняющих направления подобных нападений, можно учитывать и известные ныне в регионе находки предметов чжурчженского происхождения (Нарожный 2007в: 60—64; Narozhny 2007: 60—64), а также и китайских монет (Нарожный, Нарожная 2009: 53—64; Narozhny, Naroznaya 2009: 53—64; Нарожный 2015: 64—68)⁶. Судя по всему, та-

³ Хотя на этом же участке побережья ныне локализируют и другие военные столкновения XIII—XIV вв. (Виноградов, Нарожный, Савенко 2003: 95—98).

⁴ В. А. Тарабанов, а затем и Ю. В. Зеленский, считают: учтенные Е. Д. Фелицыным половецкие изваяния были перевезены в Краснодар (Екатеринодар) и составили основу коллекции Краснодарского музея-заповедника. Ныне эта точка зрения требует уточнений.

⁵ Складывающаяся картина (рис. 1), тем не менее, в перспективе будет уточнена, т. к. на ней отображены все известные находки, без учета того, что несколько находок впоследствии В. С. Ольховским были отнесены к изваяниям скифского времени. Еще несколько статуй Т. М. Минаева справедливо отнесла к раннесредневековым, тюркским. Число последних, вероятно, увеличится за счет группы изваяний, сгруппированных Е. Д. Фелицыным в предгорьях региона (рис. 1). Однако подобные «потери» общей картины распространения половецких статуй в регионе не изменят.

⁶ Несмотря на критические замечания по поводу находок китайских монет на территории Северного Кавказа, недавно высказанные В. А. Бабенко и Ю. Д. Обуховым (Бабенко, Обухов 2010: 227; 2013: 300—301, прим. 14), определяющими здесь являются уточнения в определении данных монет, сделанные П. Н. Петровым (Петров 2013: 197, прим. 2), что не только исправляет неточности,

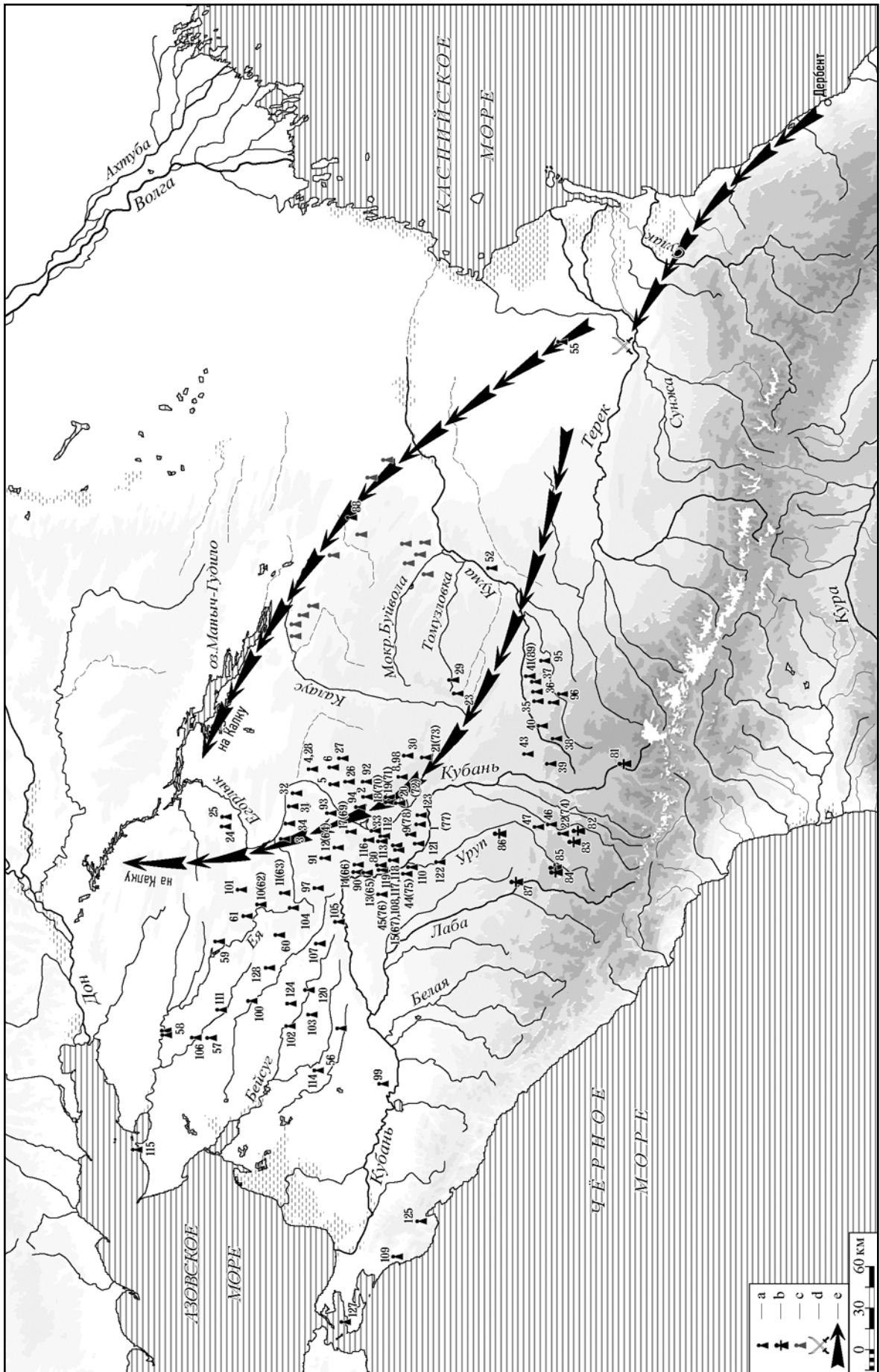

Рис. 1. Карта-схема реконструкции направлений и маршрутов передвижения войск Джебе и Субудея в 1222 году через Северный Кавказ: а — местонахождения изваяний (1—55 — по Минаева 1964: рис. 4; 56—87 — по Фелицын 1882: карта; 88—128 — находки изваяний последних десятилетий); б — условные местонахождения изваяний (по Минаева 1964: рис. 4); с — «верхнекубанские» изваяния (81—87 — по Е.Д. Фелицыну); д — место столкновения алано-половецких войск с отрядами Джебе и Субудея; е — маршрут вероятного продвижения монголо-татар.

Fig. 1. Schematic map reconstructing the direction and routes of Jebe's and Subutai's troops movement across the North Caucasus in 1222: a — location of stone sculptures (1—55 — after Минаева 1964: рис. 4; 56—87 — after Фелицын 1882: карта; 88—128 — finds of stone sculptures of the last decades); б — alleged locations of stone sculptures (after Минаева 1964: рис. 4); с — "Upper Kuban" stone sculptures (81—87 — after Фелицын 1882: карта); д — the place of battle of the Kuman troops with the troops of Jebe and Subutai; е — possible route of movement of the Mongol-Tatars.

кие привнесения распространились по территории региона в связи с рассматриваемыми событиями (Нарожный 2015: 64—68). Вероятнее всего, войска Джебе и Субудея разгромили далеко не все основные территории половецкого обитания на Северном Кавказе (рис. 1). Что же касается «живших вдали кипчаков», без боя укrywшихся в горах и болотах, то локализация этих мест только в верховьях Кубани, сомнительна. Заманчиво видеть эти территории в горных районах черноморского побережья, как это ранее предполагал А. В. Дмитриев, но не только

в окрестностях современного Новороссийска, но и вплоть до Геленджика (Прасковеевская), где концентрировалась и заметная группировка тюркоязычных кочевников, обитающая здесь, вероятно, еще с хазарского времени. «Болота» того же источника заманчиво сопоставлять с многочисленными заливами на Таманском полуострове и на подступах к нему. А эти территории, впрочем, как и основная часть северокавказской Алании, не была затронута событиями 1222 г. Их «очередь» наступила уже в конце 1230-х гг.

Атавин А. Г., Андреева М. В. 1998. Половецкое святилище из Ставрополя. *МИИНСК* 1, 231—237.

Бабенко В. А., Обухов Ю. Д. 2010. Монеты в погребениях Маджара и его окружи. В: Васильев Д. В. (ред.). *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия*. Материалы III международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18—21 октября 2010 года). Астрахань: Астраханский университет, 225—229.

Бабенко В. А., Обухов Ю. Д. 2013. Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья. *МИИНСК* XI, 291—308.

Батчаев В. М. 1980. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии. *Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии* 1, 79—95.

Березин С. Я. и др. 2003: Березин С. Я., Нарожный Е. И., Иванченко К. С. 2003. О каменных статуях Верхнего Прикубанья (по сведениям Ф. Жилия и Г. Н. Прозрителева). В: Шаповалов А. И. (ред.). *Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани* 9. Сборник тезисов. Армавир: АГПИ, 4—5.

Виноградов В. Б. 1974. Аланы в Европе. *Вопросы истории* (8), 112—121.

Виноградов В. Б. 2003. Военно-фортификационные аргументы Алхан-Калинского Магаса (актуальный контекст). *МИАСК* 2, 99—105.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Савенко С. Н. 2003.

допущенные В. А. Бабенко и Ю. Д. Обуховым, но и открывает перспективу для увязки подобных монет с событиями 1222 года (Нарожный 2015: 64—58). Данное обстоятельство делает сомнительной и попытку использования находки китайской монеты с Маджара в качестве повода для датировки времени возможного основания золотоордынского города Маджара.

О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке. *МИАСК* 1, 89—115.

Джиоев М. К. 1982. Алания в XIII—XIV вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва: МГУ.

Евглевский А. В. 2014. Изваяния и корчага из кургана у ст. Кременская на Нижнем Дону. К проблеме завершающего этапа изготовления половецкой скульптуры. *СЕЭС* 13, 263—282.

Иессен А. А. 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. В: Артамонов М. И. (отв. ред.). *МИА* 3, 7—50.

Каминский В. Н., Каминская И. В. 1993. Аланы на Кубани. В: Ратушняк В. Н. (ред.). *По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки*. Краснодар: Советская Кубань, 24—44.

Коновалова И. Г. 2009. *Восточная Европа в сочинениях арабских авторов XIII—XIV вв.: текст, перевод, комментарий*. Москва: Восточная литература РАН.

Кузнецов В. А. 1971. *Алания в X—XIII вв.* Орджоникидзе: Ир.

Кузнецов В. А. 2003. *Эльхотовские ворота в X—XIV вв.* Владикавказ: Северо-Осетинское книжное издательство.

Минаева Т. М. 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. *МИСК* 11, 157—168.

Навротский Н. И., Нарожный Е. И. 1992. Половецкие каменные изваяния Среднего Прикубанья. В: Виноградов В. Б. (ред.). *К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья*. Тезисы докладов научно-практической конференции. Армавир: АГПИ, 14—15.

Нарожный Е. И. 1999. О каменной статуе из Черкесского музея (по поводу историко-культурной атрибуции Т. М. Минаевой и Х. Х. Биджиева). В: Кудрявцев А. А. (ред.). *III «Минаевские чтения»*. Материалы научной конференции. Ставрополь: СГКМ, 58—62.

Нарожный Е. И. 2002. О верхнекубанских средневековых изваяниях. *МИАК* 2, 131—143.

- Нарожный Е. И. 2003. О половецких изваяниях и святилищах XIII—XIV вв. Северного Кавказа и Дона. *СЕЭС* 3, 245—274.
- Нарожный Е. И. 2007а. Об одном типе височных украшений из погребения «половчанки» с Нижнего Архыза (Карачаево-Черкессия). *Археологический журнал* (1), 85—90.
- Нарожный Е. И. 2007б. Новый вариант версии тюркизации предков современных балкарцев (по поводу двух публикаций В. М. Батчаева). *История и культура народов Северного Кавказа* 8, 14—28.
- Нарожный Е. И. 2007в. Чжурчженьские предметы эпохи средневековья на Северном Кавказе. *АЭАЕ* (4), 60—64.
- Нарожный Е. И. 2008а. Погребение 1 кургана 7 Кардоникского могильника в Зеленчукском районе Карачаево-Черкессии. *Археологический журнал* (2), 80—89.
- Нарожный Е. И. 2008б. О событиях 1222 года на Северном Кавказе (листая страницы «Историй...» различных регионов Юга России). *КЖЮР* (3), 70—75.
- Нарожный Е. И. 2010а. *Северный Кавказ в XIII—XV вв.: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия*. Дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ: СОГУ.
- Нарожный Е. И. 2010б. Этапы тюркизации Северного Кавказа (некоторые итоги и перспективы изучения). В: Бегеулов Р. И. (ред.). *Аланы и ясы в этнической истории регионов Евразии*. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Карачаевск, 24—25 июня 2010 г.). Карачаевск: КЧГУ, 175—194.
- Нарожный Е. И. 2015. Вновь о находках китайских монет XIII в. с территории Северного Кавказа. *ВАН ЧР* 29 (4), 64—68.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б. 2009. Евразийские монеты XIII века с территории Северного Кавказа (Историко-археологические этюды). *АЭАЕ* (1), 53—64.
- Нарожный Е. И., Соков П. В. 2008. Горькобалковский археологический комплекс VIII—IX вв. Некоторые итоги и перспективы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований). В: Илюшин А. М. (отв. ред.). *Археология степной Евразии*. Международный сборник научных трудов. Кемерово; Алматы: КГТУ, 17—39.
- Обухов Ю. Д. 2001. Китайская монета с городища Маджары. *МИИКНСК* II, 128—130.
- О первом нашествии... 1834: О первом нашествии татар на кыпчакские и черноморские страны. 1834. Перевод проф. И. И. Ивановского. *УЗ АН по 1 и 3 отделениям* 2, 1—20.
- О происхождении 1960: Кумыков Т. Х. (ред.). *О происхождении балкарцев и карачаевцев*. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22—26 июня 1959 г.). Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство.
- Петров П. Н. 2013. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики — исторического источника (2). *Золотоордынское обозрение* (2), 191—216.
- Пьянков А. В. 2006. Загадки средневековой скульптуры Северо-Западного Кавказа. *Кубанский сборник* 22 (1), 283—301.
- Соснина Е. 2000. *Край этот причудлив... Малоизвестные страницы истории Кавминвод*. Минводды: Кавказская здравница.
- Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург: Издание графа С. Г. Строганова.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С. 1978. *Ранние тюрки на Северном Кавказе*. Москва: МГУ.
- Фелицын Е. Д. 1882. *Археологическая карта Кубанской области*. Москва.
- Фоменко В. А. 2014. К вопросу о локализации средневекового Магаса. *Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 2 (11), 170—173.
- Цулая Г. В. 1980. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа. В: Гарданов В. К. (отв. ред.). *КЭС* 8. Москва: Наука, 193—229.
- Чахкиев Д. Ю. 1987. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов. В: Виноградов В. Б. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии*. Грозный: ЧИНИИСФ, 67—78.
- Minorsky V. 1952. The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns. *BSOAS* XIV (2), 221—238.
- Narozhny E. I. 2007. Jurchen artifacts from the Northern Caucasus. *AEAE* (4), 60—64.
- Narozhny E. I., Naroznaya F. B. 2009. Eurasian coins of the 13th century from the northern Caucasus. *AEAE* (1), 53—64.

Evgeniy I. Narozhny. Doctor of Historical Sciences. «Nasledie Kubani» (“The Kuban Heritage”) Public Corporation. Address: Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation. E-mail: zai_ein@mail.ru

Pavel V. Sokov. Candidate of Historical Sciences. «Nasledie Kubani» (“The Kuban Heritage”) Public Corporation. Address: Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation. E-mail: pvs_arm@mail.ru

The Geography of 1222 Events in the North Caucasus. Taking into account the polarity of assessments and reconstructions of the 1222 events in the Northern Caucasus, the authors consider both the information of Ali ibn al-Asir and the cartography of prevalence of the Cuman stone sculptures in the region, developed on the basis of works by predecessors (E. D. Felitsyn, T. M. Minaeva). Comparing these data with the list of the latest similar finds, the authors suggest their version of reconstruction of the routes of Mongol-Tatars movement from Derbent across the region, which had eventually brought them to the Kalka River in 1223.

Keywords: Northern Caucasus, events of 1222, Jebe and Subutai conquests, the Alanian-Cuman alliance, the defeat of the Cumans.

References

- Atavin, A. G., Andreeva, M. V. 1998. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* 1, 231—237 (in Russian).
- Babenko, V. A., Obukhov, Yu. D. 2010. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries)*. Astrakhan: Astrakhan University, 225—229 (in Russian).
- Babenko, V. A., Obukhov, Yu. D. 2013. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* XI, 291—308 (in Russian).
- Batchaev, V. M. 1980. In *Arkheologiya i voprosy drevnei istorii Kabardino-Balkarii (Archaeology and Problems of Ancient History of Kabardino-Balkaria)* 1, 79—95 (in Russian).
- Berezin, S. Ya., Narozhnyi, E. I., Ivanchenko, K. S. 2003. In Shapovalov, A. I. (ed.). *Razvitie nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniia v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviakh na Kubani (Development of Continuous Pedagogical Education under New Social-Economic Conditions in Kuban)* 9. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 4—5 (in Russian).
- Vinogradov, V. B. 1974. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (8), 112—121 (in Russian).
- Vinogradov, V. B. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 2, 99—105 (in Russian).
- Vinogradov, V. B., Narozhnyi, E. I., Savenko, S. N. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 1, 89—115 (in Russian).
- Dzhioev, M. K. 1982. *Alaniia v XIII—XIV vv. (Alania in 13th — 14th Centuries)*. PhD Diss. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Evglevskii, A. V. 2014. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 13, 263—282 (in Russian).
- O prebyvanii (On Sojourn). 1834. O pervom nashestvii tatar na kypchakskie i chernomorskie strany (On First Tatar Intrusion in Kipchak and Black Sea Lands). Ivanovsky, I. I. (trad.). In *Uchenye zapiski Akademii nauk po 1 i 3 otdeleniiam (Scientific Bulletin of the Academy of Sciences, First and Third Departments)* 2, 1—20 (in Russian).
- Iessen, A. A. 1941. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 3, 7—50 (in Russian).
- Kaminskii, V. N., Kaminskaia, I. V. 1993. In Ratushniak, V. N. (ed.). *Po stranitsam istorii Kubani. Kraevedcheskie ocherki (Through the Pages of the Kuban History: Notes on Local Studies)*. Krasnodar: "Sovetskaia Kuban" Publ., 24—44 (in Russian).
- Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh avtorov XIII—XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii (Eastern Europe in the Writings of Arab Authors: Text, Translation, Comments)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kuznetsov, V. A. 1971. *Alaniia v X—XIII vv. (Alania in 10th — 13th Centuries)*. Ordzhonikidze: "Ir" Publ. (in Russian).
- Kuznetsov, V. A. 2003. *El'khotovskie vorota v X—XIV vv. (Elhot Gates in 10th — 14th Centuries)*. Vladikavkaz: "Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Minaeva, T. M. 1964. In *Materialy po istorii Stavropol'skogo kraia (Materials on the History of the Stavropol Krai)* 11, 157—168 (in Russian).
- Navrotskii, N. I., Narozhnyi, E. I. 1992. In Vinogradov, V. B. (ed.). *K izucheniiu istoriko-kul'turnogo proshlogo naseleniia Prikuban'ia (On the Study of the Historical and Cultural Past of the Population of Kuban River Basin)*. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 14—15 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 1999. In Kudriavtsev, A. A. (ed.). *III Minaevskie chteniia (3rd Minaev Readings)*. Stavropol: Stavropol State Museum of Local Lore, 58—62 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2002. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 2, 131—143 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3, 245—274 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2007. In *Arkheologicheskii zhurnal (Archaeological Journal)* (1), 85—90 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2007. In *Istoriia i kul'tura narodov Severnogo Kavkaza (History and Culture of the Peoples of the Northern Caucasus)* 8, 14—28 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2007. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 60—64 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2008. In *Arkheologicheskii zhurnal (Archaeological Journal)* (2), 80—89 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2008b. In *Kul'turnaia zhizn' luga Rossii (Cultural Life of the Russian South)* (3), 70—75 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2010. *Severnyi Kavkaz v XIII—XV vekakh: problemy politicheskoi istorii i etnokul'turnogo vzaimovozdeistviia (The Northern Caucasus in 13th—15th Centuries: Issues of Political History and Ethnic-Cultural Mutual Influences)*. Doct. Diss. Thesis. Vladikavkaz: North Ossetian State University (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2010. In Begeulov, R. I. (ed.). *Alany i iazy v etnicheskoi istorii regionov Evrazii (Alans and Jasz People in the Ethnic History of the Eurasian Regions)*. Karachaevs: Karachay-Circassian State University, 175—194 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2015. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 29 (4), 64—68 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I., Narozhnaia, F. B. 2009. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (1), 53—64 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I., Sokov, P. V. 2008. In Iliushin, A. M. (ed.). *Arkheologiya stepnoi Evrazii (Archaeology of the Steppe Eurasia)*. Kemerovo: Kemerovo State Technological University, 17—39 (in Russian).
- Obukhov, Yu. D. 2001. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of Northern Caucasus)* II, 128—130 (in Russian).
- Kumykov, T. Kh. (ed.). 1960. *O proiskhozhdenii balkartsev i karachaevtsev (On the Origins of Balkars and Karachays)*. Nalchik: "Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Petrov, P. N. 2013. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (2), 191—216 (in Russian).
- P'iankov, A. V. 2006. In *Kubanskii sbornik (Kuban Collected Papers)* 22 (1), 283—301 (in Russian).
- Sosnina, E. 2000. *Krai etot prichudliv... Malozvestnye stranitsy istorii Kavminvod (This Land is Fanciful... Little-known Pages of the History of the Caucasian Mineral Waters)*. Minvody: "Kavkazskaia zdavnitsa" Publ. (in Russian).
- Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1—45 (in Russian).
- Fedorov, Ya. A., Fedorov, G. S. 1978. *Rannie tiurki na Severnom Kavkaze (Early Turkic Peoples in the Northern Caucasus)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Felitsyn, E. D. 1882. *Arkheologicheskaiia karta Kubanskoii oblasti (Archaeological Map of the Kuban Oblast)*. Moscow (in Russian).
- Fomenko, V. A. 2014. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, Philosophical, Political Sciences, Culturology and Art Studies: Issues of Theory and Practice)* 2 (11), 170—173 (in Russian).
- Tsulaia, G. V. 1980. In Gardanov, V. K. (ed.). *Kavkazskii etnograficheskii sbornik (Caucasian Ethnographical Collected Works)* 8. Moscow: "Nauka" Publ., 193—229 (in Russian).
- Chakhkiev, D. Yu. 1987. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Novye materialy po arkheologii i etnografii Checheno-Ingushetii (New Materials on the Archaeology and Ethnography of Chechnya-Ingushetia)*. Grozny: Chechnya-Ingushetia Research Institute for History, Social Sciences and Philology, 67—78.
- Minorsky, V. 1952. *The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns*. BSOAS XIV (2), 221—238.
- Narozhnyi, E. I. 2007. *Jurchen artifacts from the Northern Caucasus*. AEAE (4), 60—64.
- Narozhnyi, E. I., Naroznaya, F. B. 2009. *Eurasian coins of the 13th century from the northern Caucasus*. AEAE (1), 53—64.

Л. М. Носкова

Государственный музей Востока

Адыгская керамика золотоордынского времени в фондах Государственного музея Востока

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, Адыгея, золотоордынское время, XIV—XV века, могильник, курган, керамика, гончарство, история, археология.

Коллекция позднесредневековой адыгской керамики сформировалась в ГМВ в результате раскопок, проводившихся Кавказской археологической экспедицией ГМВ в Адыгее и Краснодарском крае. Коллекция небольшая, насчитывает чуть больше 30 сосудов.

Весь керамический комплекс можно разделить на две части — сосуды, найденные в центральном Закубанье и на побережье Черного моря. Закубанская керамика происходит из Шенджийского курганного могильника, расположенного около г. Адыгейска (быв. Теучежск), и с южного берега Краснодарского водохранилища, где было исследовано несколько позднесредневековых памятников. В шенджийских курганах было найдено шесть сосудов — три красноглиняных гончарных кувшина, две кружки и лепной горшок во фрагментированном состоянии (рис. 1: 1—4).

Сосуды с Краснодарского водохранилища — это случайные находки из размытого берегового слоя, но имеют довольно четкие привязки и связаны с раскопанными позднесредневековыми могильниками. Два кувшина и небольшая корчага найдены на территории могильника на р. Пшиш, два кувшина с трубчатыми сливами происходят из Ленинохальского могильника, двуручный сосуд обнаружен в устье р. Псекупс и, по всей видимости, имеет отношение к Псекупскому могильнику №5 (рис. 1: 5—8).

Вся керамика красноглиняная, гончарная. Тонко отмученное тесто содержит небольшое количество минеральных примесей. Большая часть сосудов изготовлена при помощи формовки на гончарном круге медленного вращения. Все три кувшина с трубчатыми сливами и шенджийский кувшин с высоким цилиндрическим горлом сделаны на двухдисковом круге. Поверхность покрыта сплошным лощением. Единственный горшок баночной формы вылеплен обычным ручным способом и имеет рых-

лый плохо пропеченный черепок с большим количеством минеральных примесей.

Вторая группа керамики происходит из курганного могильника в пос. Кабардинка (Геленджикский район Краснодарского края), из захоронений в каменных ящиках (рис. 1: 9—15). В 26 гробницах (19 насыпей) было найдено 39 сосудов: 33 из них красноглиняные гончарные, 4 — лепные, сохранившиеся во фрагментах. Большая часть материала, в том числе и керамического, в настоящее время хранится в Геленджикском краеведческом музее. В музее Востока представлена часть — 19 сосудов (18 красноглиняных гончарных и один лепной). Все кувшины со сливом, у некоторых венчик ойнохоэвидный. Судя по количеству найденных на могильнике кувшинов, в погребальной практике они занимали основное место, другие керамические формы встречаются в единичных экземплярах. Так, кувшин с трубчатым сливом найден лишь в единственном экземпляре. Интересен керамический комплекс из кургана 37, где наряду с традиционными кувшинами представлены: двуручная кружка, двуручный сосуд с четырехлепестковым сливом и миниатюрный кувшинчик. В каменном ящике найдено несколько костяков; видимо, при каждом новом подзахоронении в могилу ставили новый сосуд, но уже иной формы.

Технология производства мало чем отличается от керамики закубанской группы. Сосуды изготовлены на однодисковом гончарном круге, из тонко отмученной глины с малым количеством примесей. Поверхность покрыта лощением, сплошным или вертикальным полосчатым. Из общей массы выделяются два кувшина со сплошным рифлением поверхности тулова и вертикальными расчесами на горле и под нижним концом ручки, проведенными гребенчатым штампом.

Несмотря на достаточно большое количество исследованных в степном Закубанье и на чер-

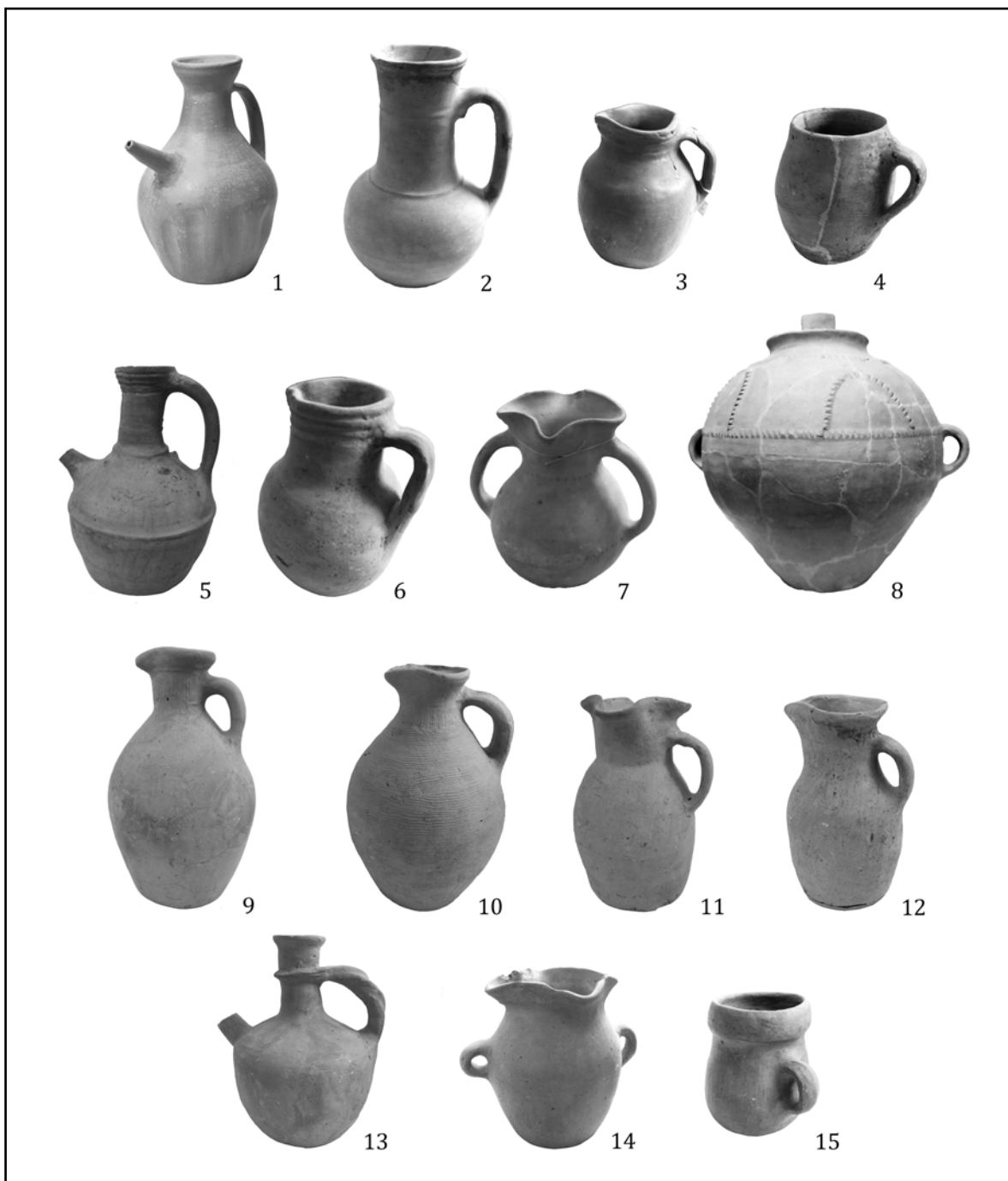

Рис. 1. Основные типы адыгской керамики XIV—XV вв. из фондов Государственного музея Востока: 1—4 — Шендзийский курганный могильник; 5—8 — берег Краснодарского водохранилища; 9—15 — курганный могильник у пос. Кабардинка.

Fig. 1. Basic varieties of 14th—15th-century Adygeyan pottery from the State Museum of Oriental Art: 1—4 — Shendziy barrow necropolis; 5—8 — coast of the Krasnodar dam lake; 9—15 — barrow necropolis at Kabardinka village.

номорском побережье Кавказа позднесредневековых памятников, керамический материал из них практически не опубликован. Изучением адыгской керамики занимался Н. Г. Ловпаче. В его монографии «Художественная керамика средневековой Адыгеи» (Ловпаче 1995) дана

довольно представительная выборка керамических форм и типов сосудов из Убинского могильника (хранятся в фондах КИАМЗ), отдельные находки с берега Краснодарского водохранилища и из других разрушенных археологических объектов из разных районов Адыгеи

и Краснодарского края. Большой массив составляет керамика из причерноморской зоны (западный вариант по Н.Г. Ловпаче). Музейная коллекция может служить дополнением к уже собранному и представленному в таблицах материалу.

Основной категорией являются кувшины. Закубанская группа значительно отличается от причерноморской. Сосуды с широким почти цилиндрическим горлом имеют слабо выраженный слив, расположенный напротив ручки. Такой же слив и у небольшого кувшина из Шенджийского могильника, хотя форма его иная. К другому типу относится шенджийский кувшин с высоким цилиндрическим горлом, изготовленный на круге быстрого вращения, он отличается формой, пропорциями и высоким качеством обработки. Вполне, возможно, что это изделие имеет привозной характер. У кувшинов закубанской группы, хотя они относятся к разным типам и найдены на разных памятниках, можно выделить один общий признак — оформление венчика тремя валиками в процессе формовки сосуда. Кувшины из пос. Кабардинка опубликованы в статье, посвященной раскопкам могильника (Носкова 2010: 167—200). Кувшины разных типов, но все имеют сливы или ойнохоэвидный венчик. Сливы двух видов: боковые или расположены напротив ручки. Близкие по форме сосуды довольно часто встречаются в керамических комплексах Восточного Причерноморья (Ловпаче 1995: Приложение: №257, 258, 268—270, 278—282), в Закубанье они не выходят за пределы XIII века.

К особой категории, может быть, следует отнести кувшины с трубчатым сливом (т.н. кумганы). У всех трех закубанских изделий узкое цилиндрическое горло, заканчивающееся чашевидным венчиком; различаются сосуды в основном формой тулова и способом декорирования. Шенджийский экземпляр имеет широкие каннелюры в нижней части тулова. Один сосуд с Краснодарского водохранилища украшен двумя горизонтальными налепными валиками, узкими пролощенными вертикальными полосами и четырьмя небольшими коническими налепами, расположенными на плечиках тулова. У другого кувшина на валиках — частые косые насечки, нанесенные зубчатым штампом. Пояс из таких же насечек расположен горизонтальной полосой в верхней части тулова. У кабардинского варианта — витая ручка с валиком-перехватом на горле в месте крепления верхнего конца ручки — явные признаки подражания металлическим сосудам этого типа. Кувшины такой формы известны только в позднесредневековых керамических комплексах. Н.Г. Ловпаче

в сводной таблице отмечает 9 находок подобных кувшинов на территории Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Ловпаче 1995: 153, табл. XXXII и приложение).

Двуручные сосуды из коллекции резко отличаются по форме друг от друга. Псекупский экземпляр — это устоявшийся тип с выдержанными пропорциями, сосуд из Кабардинки представляет собой некое эклектическое изделие, в котором соединены разные керамические формы.

Кружки довольно часто встречаются в погребальных комплексах. Музейные экземпляры дополняют уже известные. Две кружки, найденные в шенджийском могильнике, почти цилиндрические, слегка расширяющиеся в средней части тулова; украшены врезным линейным орнаментом. Оба экземпляра идентичны, возможно, изготовлены одним мастером или в одной гончарной мастерской. Кружка из кабардинского могильника двуручная (одна ручка утрачена в процессе использования, и место крепления тщательно обработано), с цилиндрическим слегка скругленным в придонной части туловом и массивным в виде широкого воротничка венчиком. Форма редкая и, возможно, генетически каким-то образом связана с двуручными сосудами более раннего времени.

Красноглиняная корчага с Краснодарского водохранилища типологически близка сосудам, использовавшимся в кремационных захоронениях в качестве урны для захоронения праха. Почти идентичная урна найдена в кургане №8 в Кабардинке (Носкова 2010: рис. 6: 13), отличаются оба изделия лишь способом орнаментации. Кубанский экземпляр украшен налепными с равномерной глубокой насечкой валиками — один горизонтальный, опоясывающий тулово, и четыре дуговидные, оформляющие верхнюю половину сосуда. Поверхность кабардинской урны покрыта сплошным сетчатым лощением, а под валиком, разделяющим орнаментированную плоскость на две зоны, по всей окружности проведена глубокая лощеная зигзагообразная полоса. Дуговидные арочные композиции, украшавшие крупные керамические формы и кувшины, известны по материалам Чернокленовского, Абинского 4, Убинского и Гатлукаевского (поздняя группа) могильников, датировка которых не выходит за пределы XIII в. Возможно, к этому же времени следует отнести корчагу с Пшиша и связывать ее не с позднесредневековыми ингумационными захоронениями некрополя, на территории которого она была найдена, а с поселенческим слоем. Сосуд имел чисто хозяйственное назначение, о чем свидетель-

стывает тщательно подогнанная по размеру венчика дисковидная крышка. В кремационных захоронениях урны закрывали простым обломком сосуда или плоской каменной плиткой.

В заключение можно сказать, что адыгская керамика позднего средневековья отличается многообразием форм и различных вариаций, и небольшая коллекция ГМВ достаточно органично вписывается в этот круг.

Ловпаче Н.Г. 1995. *Художественная керамика средневековой Адыгеи*. Майкоп: Меоты.
Носкова Л.М. 2010. Средневековый могильник в поселке

Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года). *Материальная культура Востока* (5). Москва: ГМВ, 167—200.

Ludmila M. Noskova. Candidate of Historical Sciences. The State Museum of Oriental Art of the Ministry of Culture of the Russian Federation. Address: Nikitsky Bd., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation. E-mail: lmnoskova@rambler.ru

The Adygeyan Pottery of the Golden Horde Period from the Collections of the State Museum of Oriental Art (Moscow). The paper discusses a small collection of 14th—15th-century ceramics from the excavations by the Caucasian archaeological expedition of the State Museum of Oriental Art in Adygeya and the Eastern Black Sea coast of the Caucasus is discussed. Most of the pottery comes from the Shendjiy kurgan cemetery (Adygea) and late medieval burial ground in the village of Kabardinka (near Gelendzhik). Several of the vessels were found on the banks of the Krasnodar Reservoir, where the late medieval funerary sites are situated. The material is divided into two groups: those from the left bank of the Kuban River and from the Black Sea region. The vessels are represented in different forms of jugs and mugs predominantly. All the vessels are made of red clay, which is typical for the Adygeyan ceramics of the Golden Horde period, and are produced on slow rotation potter's wheel. Most of the jars of the second group have a side drain — a rim in the shape of oenochoe ("towards yourself"), which is a typical feature of the vessels from the Black Sea region. These forms of vessels disappear in the left-bank Kuban region. At the same time, the jugs with tubular drain appear in the ceramic complexes as metal jugs imitations. In general, the ceramic forms represented in the collections of the Museum of the Oriental Art complement the main types of kitchenware, common in the North-Western Caucasus in the 14th—15th centuries.

Keywords: North-Eastern Black Sea region, Adygeya, the Golden Horde period, 14th—15th centuries, cemetery, kurgan, ceramics, pottery.

References

Lovpache, N.G. 1995. *Khudozhestvennaia keramika srednevekovoi Adygei (Artistic Pottery of Medieval Adygea)*. Майкоп: "Meoty" Publ. (in Russian).

Noskova, L.M. 2010. In *Material'naia kul'tura Vostoka (Material Culture of the East)* (5). Moscow: The State Museum of Oriental Art, 167—200 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Ю. Д. Обухов

Краеведческий музей села Прасковья

Город Золотой Орды Маджар по письменным и картографическим источникам

Ключевые слова: Северный Кавказ, золотоордынский период, Маджар, план местности, картографический источник, рисунок, история, археология.

Маджар — город Золотой Орды на Северном Кавказе, известный по письменным источникам, повествующих о жизни города, оставленные современниками, а также описание его руин путешественниками и исследователями XVIII—XIX вв.

Едва ли не первые упоминания о Маджаре мы встречаем в русских летописях, и связаны они с гибелью в Орде князя Михаила Ярославича Тверского в 1318 г. (ПСРЛ 1885: 186).

Подробное описание жизни города оставил арабский путешественник Ибн-Баттута, посетивший Маджар в 1334 г. (Тизенгаузен 1884: 278—294).

Сведений о жизни в городе в XV—XVII веках на сегодняшний день не обнаружено, что даёт основание считать о прекращении существования города в этот период.

Устойчивый интерес исследователей к Маджару начинает проявляться в начале XVIII в. и не прекращается по сегодняшний день. Многие вопросы остаются открытыми. Описание и зарисовки развалин города, оставленные такими известными исследователями и путешественниками XVIII в., посетившими Северный Кавказ, как И. Г. Гербер (1723), И. Я. Лерх (1747), С. Г. Гмелин (1772), И. А. Гильденштедт (1773), И. П. Фальк (1773), П. С. Паллас (1793), Я. Н. Потоцкий (1797), и их последователями XIX—XX веков, являются как источниковой, так и дискуссионной базой для современных исследователей, причём озвученные однажды ошибки тиражируются на страницах научных изданий, всё более запутывая действительность. Данная ситуация обусловлена отсутствием современных переводов изданий XVIII—XIX веков, выполненных на французском, немецком и др. языках, труднодоступностью оригинальных изданий, а также ограниченным числом специалистов интересующихся данной темой. На фоне вновь открываемых имён и источников, в частно-

сти, рисунков мавзолеев Маджара, выполненных художником М. М. Ивановым из собрания Русского музея (Зиливинская 2014: 371—372), остаётся без внимания деятельность ряда исследователей того времени.

Тщательный анализ источников XVIII века является перспективным. Оставаясь не изданными на русском языке, свидетельства исследователей ставят актуальные вопросы. Какими материалами Лерха (1708—1780), по версии члена Русского Географического общества Р. Е. Аджимамедова (Аджимамедов 1992: 59), пользовался Антон Фридрих Бюшинг (1724—1793) (Büfching 1771), публикуя планы «Маджарских мавзолеев» и являются ли они маджарскими? Почему Антон Иоган Гильденштедт (1745—1781), осматривавший Маджар 4 июля 1773 г., нашёл 50 зданий из кирпича и начертил карту местности, а посетивший его в этом же 1773 году между августом и ноябрём Иоган Петрович Фальк (1727—1774) застал в Маджаре только семь (!) сохранившихся построек (Аджимамедов 1992: 51).

Бесспорным является первенство выдающегося русского историка и политического деятеля В. Н. Татищева (1686—1745) в организации первой исследовательской экспедиции отправленной в 1742 году в Прикумские степи (Пальмов 1925; 1928; Аджимамедов 1992: 43—47). В состав экспедиции входили «живописного дела ученик» Михаил Некрасов, имевший от Академии наук подмастерский аттестат, кондуктор Андрей Голохвостов и 20 казаков. В результате Некрасовым был выполнен рисунок Маджара, оригинал которого был обнаружен в 1983 году в рукописном отделе Библиотеки Академии наук Р. Е. Аджимамедовым (Аджимамедов 1992: 46) и план местности составленный Голохвостовым (Зиливинская 2011: 149—155).

Следует отметить, что документальное подтверждение появления Маджара на картах

относится к XVII веку. В «Книге Большому Чертежу» (Сербина 1950: 91) находим следующие свидетельства: «От Терека же реки, от острогу, до Пятигорских че[р]кас 90 верст; а против острогу и Пятигорских черкас, до реки Кумы 90 верст. А по реке по Куме, с правые стороны, 7 мечетей тотарских Можаров Юрт да мечеть по другои стороне реки Кумы Арак Кешень».

Обозначение *Madshar ruina* помещено на карте И.Г. Гербера, показывающей Западное побережье Каспия между устьями Волги и Куры по состоянию на 1727 г. На наличие нескольких групп развалин по реке Куме указывал С.Г. Гмелин (1744—1774), посетивший Маджар 21 сентября 1772 г., называя их «Первые Маджары», «Средние Маджары» и «Верхние Маджары» (Аджимамедов 1992: 47—50). Это единственный источник, упоминающий о трёх Маджарах. В конце 80-х г. XVIII в. на картах появляются Большие и Малые Маджары (Волков 2001: 199—207).

Петр Симон Паллас (1741—1811) свою последнюю экспедицию совершил на собственные средства. Кроме жены и дочери, его сопровождал молодой художник из Лейпцига Христиан Готфрид-Генрих Гейслер, который должен был изображать «ландшафты, народные типы и произведения естества». В Маджар экспедиция прибыла в начале сентября 1793 г. Паллас подробно описал развалины и сделал несколько рисунков сохранившихся мавзолеев, в том числе составил карту местности с указанием развалин Маджар, обозначив их как Большие Маджары, также отметил населённый пункт Прасковья, что даёт нам точную привязку к местности. На карте Кавказа Паллас также указывает *Malye Madshary* и *Polhye Madshary*.

Ян Потоцкий (1761—1815) был на Кавказе в 1797 г. и посещал Маджар. В статье, опубликованной на французском языке после его смерти в 1829 году, приводится рисунок (Potoski 1829) одного из упомянутых Палласом мавзолея. Авторство данного рисунка некоторыми исследователями, приписывается экспедиции Палласа.

Посетивший Маджарское городище осенью 1808 года Г.Ю. Клапрот (1783—1835) застал его в разрушаемом состоянии: «Развалины совершенно уничтожены окрестными поселенцами, ломавшими в них кирпич для своих строений. Граф П.С. Потемкин был виновником разрушения: он велел решительно ломать все, для извлечения кирпичей, употребленных им на постройку города и крепости Екатеринограда, некогда назначенного Губернским городом. Крестьяне из Покойной

и Прасковьиной брали также много, и все, что я застал, состояло из двух, но почти разрушенных строений» (Клапрот 1825: №9—10). В дальнейшем исследователи XIX в. лишь фиксировали постепенное полное исчезновение следов некогда величественного города, используя при этом работы своих предшественников и то, что смогли найти при беглом визуальном осмотре на поверхности и у жителей окрестных населённых пунктов.

Карл Максимович Бэр (1792—1876) с 1840 года начинает издавать, вместе с Г.П. Гельмерсеном, журнал при Академии наук под названием «Материалы к познанию Российской империи», в котором опубликовал на немецком языке статью под названием «Старинное изображение руин Маджара» (Ваег 1841), сделав обстоятельный обзор материалов предыдущих исследований городища. В своей статье К. Бэр поместил гравированный и существенно дополненный рисунок маджарских развалин, выполненный Некрасовым, разместив в нижней его части рисунки планов и разрезов маджарских мавзолеев, опубликованных Бюшингом по материалам Лерха (?) (Аджимамедов 1992: 59).

Особо следует отметить заслугу Ставропольского губернского землемера, члена-сотрудника Русского географического общества А.П. Архипова (1821—1876), который в течение 1842—1856 гг. неоднократно бывал на городище и произвёл инструментальную съёмку развалин, составил план местности и описание к нему (Архипов 1856: №12—20). К сожалению, план Архипова пока не обнаружен.

Следующий этап активного изучения Маджар связан с деятельностью Г.Н. Прозрителева (1849—1933). Занимавшийся работами в области археологии, истории, этнографии, статистики и архивоведения Северного Кавказа, Григорий Николаевич положил начало археологическим исследованиям Маджарского городища и до конца своей жизни был активным пропагандистом создания Маджарского музея.

В 1907 г. Прозрителев сделал доклад в Московском археологическом обществе, результатом которого явилась последующая командировка В.А. Городцова (1860—1945) на место нахождения Маджара и производство археологических исследований. Член Московского археологического общества, ученый, которого называют патриархом советской археологии, в июне 1907 г. произвел археологические исследования в районе развалин Маджарского городища. В своем докладе XIV археологическому съезду в Чернигове

в 1909 году «О результатах археологических исследований в 1907 г на месте развалин г. Маджар» (Городцов 1911: 162—208). Городцов дал обстоятельное описание хода, состава и результатов этих работ, составил план, обозначив границы памятника на время проведения работ. Это была первая за всю историю изучения памятника организованная археологическая экспедиция, произведшая целенаправленные планомерные раскопки памятника, по своему масштабу и организации не повторённая до сегодняшнего дня.

Детальный анализ картографических источников в совокупности с изобразительными и письменными может дать положительный результат в деле археологического изучения памятника и его совсем не исследованной округи. На сегодняшний день данный метод археологического исследования, является не самым распространённым и, соответственно, раскрытым. В то же время, в совокупности с современными геоинформационными технологиями, он обладает большим потенциалом и ждёт своих исследователей.

- Аджимамедов Р.Е. 1992. *Страницы истории Прикумья с древнейших времён*. Будённовск.
- Архипов А.П. 1856. Очерки исследований древнего города Маджара. *Ставропольские губернские ведомости* 12—20. Ставрополь.
- Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям с приложенною при том Генеральною картою Великия сия Империи, стараниями и трудами Императорской академии наук в С.-Петербурге*. 1745. Санкт-Петербург.
- Волков И.В. 2001. Два городища Маджары на старых картах. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа II. Археология, антропология, палеоклиматология*. Москва: Памятники исторической мысли, 199—208.
- Гербер И.Г. 1728. *Карта Западного побережья Каспия между устьями Волги и Куры по состоянию на 1727 г*. Санкт-Петербург: РАН.
- Городцов В.А. 1911. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. В: Уварова П.С. (ред.). *Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 год III*. Москва, 162—208.
- Зиливинская Э.Д. 2011. Ещё раз о мавзолеях Маджар. В: Попова Е.А., Канторович А.Л. (ред. колл.). *От палеолита до средневековья*. Сборник научных статей. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Москва: МГУ, 149—155.
- Зиливинская Э.Д. 2014. *Архитектура Золотой орды. Ч. I. Культурное зодчество*. Казань: Отечество.
- Клапрот Г.Ю. 1825. Исследование о развалинах Маджарских на реке Куме. *Московский телеграф* 9—10.
- Пальмов Н.Н. 1925. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева. *Известия Российской Академии наук. VI серия*, 6—8. Москва, 201—216.
- ПСРЛ 1885: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. 1885. Полное собрание русских летописей 10. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел.
- Сербина К.Н. (подг. и ред.). 1950. *Книга Большому Чертежу*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Том I. *Извлечение из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Baer K. 1841. *Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches angränzenden Länder Asiens*. Bd. 4. *Auf Kosten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften herausgegeben von K.E.v. Baer und Gr.v. Gelmersen*. St. Petersburg: Verlage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Büsching A.F. 1771. Einige historische Anmerkungen von der verwüsteten Stadt Madschar. *Magazin für die neue Historie und Geographie*, angelegt von D. Anton Frederich Büsching, Königl. Preussischen Oberconsistorialrath, Direktor des Gymnasii im grauen Kloster zu Berlin, und der davon abhängenden beiden Schulen. Fünfter Teil. Hamburg: im Verlag Johann Nicolaus Karl Buchenröders und Ritters, 531—536.
- Potocki 1829: *Potocki Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase*. Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contres. Nouveau périple du Pont-Euxin. Par le comte Jean Potocki. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et de tables par M. Klapproth, membre des Sociétés Asiatiques de Paris, de Londres et de Bombay. Avec 7 planches et 2 cartes. Tome premier. Paris: Merlin, Libraire, Quai des Augustins, № 7.
- Pallas P.S. 1803. *Travels through the Southern provinces of the Russian empire in the years 1793 and 1794*. Vol. II. London: Printed for John Stockdale, Piccadilly.

Yury D. Obukhov. Museum of Local History of the Praskoveya Village. Address: Lenin St., 50, Praskoveya village, 356817, Budyonnovsk District, Stavropol Kray, Russian Federation. E-mail: myzeypraskoveya@yandex.ru

Madjar, a City of the Golden Horde, by Written, Cartographic and Visual Sources. The researchers' interest in Madjar, a Golden Horde city in the North Caucasus, has become obvious since the 18th century and still exists nowadays. In spite of the existing seemingly extensive historical evidence of the 14th through to 20th centuries, related to the description of the city existence and exploration, there remain quite a number of questions, which attest to the fact that the sources available have not been extensively processed. The combined analysis (not ventured before) of all available written, cartographic and illustrative sources without exception, with the involvement of newly identified ones, alongside with the application of modern GIS technologies, will have a positive effect on the study of the Madjary hillfort site and its practically unstudied environs.

Keywords: North Caucasus, Golden Horde period, Madjar, cartographic sources, visual sources.

References

- Adzhimamedov, R.E. 1992. *Stranitsy istorii Prikum'ia s drevneishikh vremen (Pages of the Kuma River Area History from the Earliest Past)*. Budennovsk (in Russian).
- Arkhipov, A.P. 1856. *Ocherki issledovaniu drevnego goroda Madzhara (Essays on the History of the Medieval Majar Town)*. Stavropol: Stavropol'skie Gubernskie vedomosti (Stavropol Provincial Bulletin), no. 12—20 (in Russian).
- Atlas Rossiiskii, sostoiashchii iz deviatnadsati spetsial'nykh kart predstavliaiushchikh Vserossiiskuiu Imperiiu s pogranichnymi zemliami, sochinennyi po pravilam geograficheskim i noveishim observatsiam s prilozheniui pri tom General'noiui kartoiu Velikiia siia Imperii, staraniiami i trudami Imperatorskoi akademii nauk v S.-Peterburge (Russian Atlas, consisting of nineteen special maps representing the whole of the Russian Empire, with adjacent lands, following the rules of geography and most recent observations, with attached hereto General Map of this Grand Empire, compiled by endeavor and effort of the Imperial Academy of Sciences in Saint Petersburg). 1745 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2001. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediiia Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of Northern Caucasus)* II. Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya (Archaeology, Anthropology, Paleoclimatology). Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 199—208 (in Russian).
- Gerber, I.G. 1728. *Karta Zapadnogo poberezh'ia Kaspiia mezhdu ust'iami Volgi i Kury po sostoianiiu na 1727 g. (Map of the Western Shore of the Caspian Sea between the Volga and Kura Mouths, as of 1727)*. Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Gorodtsov, V.A. 1911. In Uvarova, P.S. (ed.). *Trudy chetyrmdatsatogo arkhelogicheskogo s'ezda v Chernigove, 1909 god (Proceedings of 14th Archaeological Congress in Chernigov in 1909)* III. Moscow, 162—208 (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D. 2011. In Popova, E.A., Kantorovich, A.L. (eds.). *Ot paleolita do srednevekov'ia (From Palaeolithic to the Middle Ages)*. Moscow: Moscow State University, 149—155 (in Russian).
- Klaproth, G. Yu. 1825. In *Moskovskii telegraf (Moscow Telegraph)*, no. 9—10 (in Russian).
- Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiui letopis'iu (Collected Works of Chronicles, named Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 1885. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 10. Saint Petersburg: Typography of the Interior Ministry (reprint: Moscow, 1965) (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, odnosiaschichksia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* I. *Izvlechenie iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* I. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
- Pal'mov, N.N. 1925. In *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk. VI seriia (Bulletin of the Russian Academy of Sciences, Series VI)* 6—8. Moscow, 201—216 (in Russian).
- Serbina, K.N. (ed.). 1950. *Kniga Bol'shomu Chertezhu (Book of Great Sketch)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Büsching, A.F. 1771. Einige historische Anmerkungen von der verwüsteten Stadt Madschar. *Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Frederich Büsching, Königl. Preussischen Oberconsistorialrath, Direktor des Gymnasii im grauen Kloster zu Berlin, und der davon abhängenden beiden Schulen. Fünfter Teil.* Hamburg: im Verlag Johann Nicolaus Karl Buchenröders und Ritters, 531—536.
- Baer, K. 1841. *Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches angränzenden Länder Asiens*. Bd.4. Auf Kosten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften herausgegeben von K.E. v. Baer und Gr.v. Gelmersen. St. Petersburg: Verlage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Potocki 1829: *Potocki Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase*. Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contres. Nouveau périple du Pont-Euxin. Par le comte Jean Potocki. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et de tables par M. Klaproth, membre des Sociétés Asiatiques de Paris, de Londres et de Bombay. Avec 7 planches et 2 cartes. Tome premier. Paris: Merlin, Libraire, Quai des Augustins, N° 7.
- Pallas, P.S. 1803. *Travels through the Southern provinces of the Russian empire in the years 1793 and 1794*. Volume II. London: Printed for John Stockdale, Piccadilly.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

К исторической топографии Нижнего и Верхнего Джулатов золотоордынского времени (историографические аспекты)

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терек, Золотая Орда, города, Джулаты, история изучения, историческая топография, история, археология.

Два крупных археологических объекта в центральной части Северного Кавказа называются Джулатами: Нижний Джулат — на территории нынешней Кабардино-Балкарской республики на расстоянии 1,5—2 км от юго-восточной границы г. Майский; Верхний Джулат — в республике Северная Осетия — Алания в 0,5—1 км к юго-западу и югу от сел. Эльхотово, Оба они связаны с р. Терек в среднем ее течении. Расстояние между памятниками по линии север-юг с небольшим отклонением к востоку составляет около 35 км.

Нижний Джулат располагается в равнинной зоне на возвышенной гряде правого берега р. Терек и прилегающей к ней пониженной части долины. Возле него с юга и, частично, на нем в 1929 г. возник поселок работников головного сооружения Малокабардинской оросительной системы, сейчас — сельское поселение Джулат Терского района КБР с числом жителей ок. 300 человек. Верхний Джулат, известный также как Татартуп, занимает участок нижней левобережной террасы в западной части межгорного сужения «Эльхотовские ворота» (название 2-й пол. XIX в.), ограничивающего с запада передовой (или, как на картах XVIII в. — «Передний») по отношению к Предкавказской равнине Терский хребет Терско-Сунженской возвышенности, и с востока — Кабардинский хребет.

Наименование «Джулат» исторично. «Область Джулат» на Северном Кавказе указана в персидских произведениях XV в. — «Книгах побед» Низам ад-дина Шами и Шерефа ад-дина Йезди в связи с походами 1395—1396 гг. среднеазиатского эмира Тамерлана на Северный Кавказ (Тизенгаузен 1941: 119, 175). Она также описана немецким дворянином Иоганном Шильтбергером, который в 1410 г. посетил «гористую страну Джулат (setzulat), населенную большим числом христиан», имевших епископство и священников, принадлежащих

к ордену кармелитов (beyerfussen-Ordens), но не владевших латынью, а молившихся по-татарски. Путешественник упомянул также город Zulat (Шильтбергер 1867: 31—32, 56).

Обследовавший Джулаты в 1807—1808 гг. академик Императорской РАН Г.Ю. Клапрот (Klaproth 1812—1814, I: 430—459; II: 359—362) первым связал городище Джулат на Тереке с «областью Джулат» персидских источников. Ему же, вероятно, принадлежала идея трактовки упомянутых в дагестанском позднесредневековом историческом сочинении «Дербенд-Наме» хазарских укреплений, названных автором источника Кичи-Маджар и Уллу-Маджар как Джулата и Татара (Татартупа), воспринятая и другими переводчиками (Тарихи Дербенд-Наме 2007: 41, 92).

В публикациях кавказоведов XX в., реконструировавших маршруты продвижения Тимура по Предкавказью (Л.И. Лавров, Г.И. Ионе, О.Л. Опрышко, И.М. Мизиев, В.А. Кучкин, Э.В. Ртвеладзе, Х.А. Хизриев и др.), Нижний Джулат фигурировал в качестве одного из возможных районов, у которого могло состояться генеральное сражение Тамерлана с ордынским ханом Тохтамышем 15 апреля 1395 г.

Термин «Джулат» отразился и в фольклорной традиции местных народов региона. По словам кабардинского просветителя Ш.Б. Ногмова (1794—1844), «жулатом» назывались «большое число башен и минаретов» на берегу Терека выше его слияния с р. Малкой. Фольклорист предложил этимологию слова: «жулат» — «жоришла-Ант», т.е. «часовня для подаяния добротных дателей». По преданию, эти объекты были построены в древности и посещались «для очищения и принесения жертв». У Татартупа (Верхнего Джулата) совершался обряд примирения с клятвой на стрелах (Ногмов 1891: 23). «Татар-тупом» осетины называли очень почитаемое святилище в пещере на одноименной горе возле городища (Миллер

1998: 393). В ногайской поэме «Музза-Эдыге» терский краевед конца XIX в. Н. С. Семенов отметил известия о султанине Алтын Берды-хане — «обладателе золотого лука» и властелине над Татартупом и Джулатом (Семенов 1895: 50). Отражен Татар-туп и в горногрузинском фольклоре области Рачи как «дальняя крепость» (Кузнецов 2014: 11), а также в абазинских и абхазских легендах (Уарзиати 1990: 20).

Верхний Джулат, по-осетински «Дзлат», «Дзлаты масыг», и район его местонахождения имели и другие наименования: «Бекхан» (Омельченко 1991: 106; Кузнецов 2003: 5); «Арджи нараг» — «Теснина Арга» (Кокиев 1929: 209—210). Начиная с П. Г. Буткова (Бутков б. д.: 246, прим. 10), а в советское время с Л. И. Лаврова (Лавров 1946: 169), большая группа кавказоведов отождествляет Верхний Джулат со «славным яским городом Дедаковым» русских летописей (Л. И. Лавров, М. Г. Сафаргалиев, Е. И. Крупнов, Б. В. Скитский, В. А. Кучкин, В. Б. Виноградов, В. А. Кузнецов). Однако, и до и после времени выхода в свет этих работ высказывались и иные варианты местонахождения города Дедакова (Е. Г. Пчелина, В. И. Марковин, Х. Д. Ошаев и др.). Р. Ф. Фидаров соотносит с Татартупом — Верхним Джулатом также столицу Алании арабских и китайских («Юань-ши») источников город «Магас» (Маас, Май-гэ-сы), «древний город Ирак-и Дадиан» из описания турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби и центр страны «Ихран-Ирхан» Дербенд-Наме (Фидаров 2011: 12—16).

В истории изучения рассматриваемых памятников можно выделить несколько этапов: 1) XVIII — начало XX вв. — выявление и накопление начальных знаний, включая первые полевые археологические материалы; 2) 1920-е — середина 1950-х гг. — обобщение и пополнение накопленных данных, локальные археологические работы на объектах; 3) конец 1950-х — 1960-е гг. — масштабные раскопки памятников и первичная публикация полевых материалов; 4) 1970-е — середина 1990-х гг. — введение данных о памятниках в обобщающие работы по истории золотоордынской эпохи на Северном Кавказе; 5) конец 1990-х — 2015 г. — детальная публикация объектов на городищах, монографическое издание материалов и развитие их интерпретации.

Этап 1. Первые известия о Нижнем Джулате отмечены в официальных документах 2-й пол. XVIII в. («урочище Джулат») и на картах 1760-х — начала 1780-х гг. (первый рисунок сохранившейся части джулатского минарета — 1782 г. Л. Штедер; «запу-

стелой гор. Юлат» — 1783 г., Дж. Трескот). В. А. Кузнецов приводит европейскую карту Кавказа 1774 г. Георга Трайтеля, где представлен разоренный город Susat, трактуемый кавказоведом как Джулат (Кузнецов 2014: 11). Член ИРАН И. А. Гильденштедт упоминал «местность Джулат» в связи с ногайской ордой Касаи аул, кочевавшей по ней «50 лет тому назад», т. е. в 1720-е гг. Примечательно и указание ученого на татарские надписи Джулата (Гильденштедт 2002: 279).

Татартуп стал известен раньше Джулата. В 1730-х гг. существовало «Татартупское владение» малокабардинского князя Альдигиря Гиляксанова. Князь распространял сведения о том, что на этой территории имелись старинные церкви, минареты и иные почитаемые святыни. Они были получены в 1742 г. участниками экспедиций по Кавказу, организованных В. Н. Татищевым. Астраханский губернатор и историк называл Татартуп «градом на Тереке», отмечал, что он «имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокой круглою...» (Гурвич 1956: 160). Тогда в Татартупе побывал кизлярский дворянин Алексей Тузов, отметивший там церковь с обвалившимся сводом и расписными стенами, а рядом была «часовня каменная во всякой целости» (Кокиев 1929: 209). По приглашению Альдигиря церкви Татартупа посетили в 1745 г. и православные миссионеры будущей Осетинской Духовной комиссии (Блиев 1976: 73). В 1771 г. на объекте побывал И. А. Гильденштедт, описавший ряд кирпичных строений (минареты, развалины мечетей и церквей). Сохранившиеся остатки назывались городом, как учеными, так и должностными лицами региональной администрации.

С конца 1870-х гг. у станции Змиевской (Змейской) и с. Эльхотово стали раскапываться курганы (Н. Г. Керцели, В. Б. Антонович и др.). На Татартупе и в районе Змейской в 1910-е гг. вел обследование и раскопки казачий офицер археолог-любитель Ф. С. Панкратов (Гребенец). Он также изучал архивные документы, собирал фольклорные сюжеты о памятнике и пришел к выводу, что «Татар-Туп — это древняя столица Кавказа, пользовавшаяся мировой известностью из самого далекого прошлого, но под другими названиями» (Панкратов 1913: 1—18).

К области исторической топографии рассматриваемых памятников на этапе 1 относятся следующие положения: объекты определены как «города» на основании масштабности фиксируемых развалин, наличии важных строений (мечети с минаретами, церкви), обилия находок; допущена возможность их отношения к «области Джулат» письменных источников; установ-

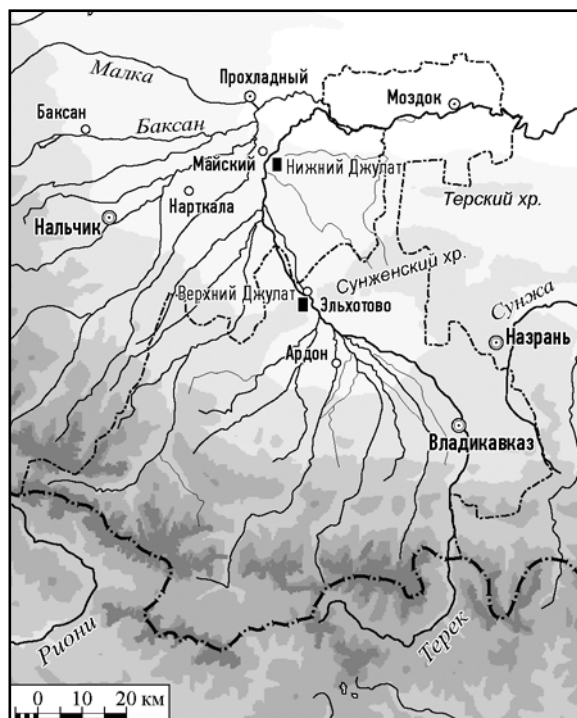

Рис. 1. Местоположение городищ Нижний и Верхний Джуглат.

Fig. 1. Location of the Nizhny Djulat and Verkhny Djulat hillforts.

лена их связь с периодом и правителями Золотой Орды; высказано замечание о том, что хан Узбек «исправил галлу Татартуп», т. е. отстроил город Верхний Джуглат; выявлен «Тамерланов вал» у с. Эльхотово; зафиксированы поздние (вплоть до начала XVIII в.) могильники на развалинах (ногайские на Нижнем Джуглате и кабардинские на Татартупе).

На **этапе 2** было издано несколько обобщающих статей по изучению памятников. Г.А. Кокиев и Л.П. Семенов (Кокиев 1929: 205—206, 212—213; Семенов 1947: 18—22) провели сравнительный анализ Джуглатов, расширили объем свидетельств об особом социальном и священном статусе Татартупа у народов Северного Кавказа, предприняли не всегда удачные попытки датировки объектов (например, Кокиев отнес церкви Татартупа ко времени Ивана Грозного и последующему периоду). В начале 1930-х гг. Джуглат и Татартуп привлекали внимание кавминводского музейного работника (в 1924—1931 гг. заведующего Пятигорского краеведческого музея), краеведа и археолога Н.М. Егорова, о чем свидетельствуют материалы его архива, хранящиеся в ПКМ (Егоров 1933). А.А. Иессен в статье 1941 г. назвал городище Нижний Джуглат крупнейшим средневековым памятником республики, являющимся остатками древнего города Джуглата,

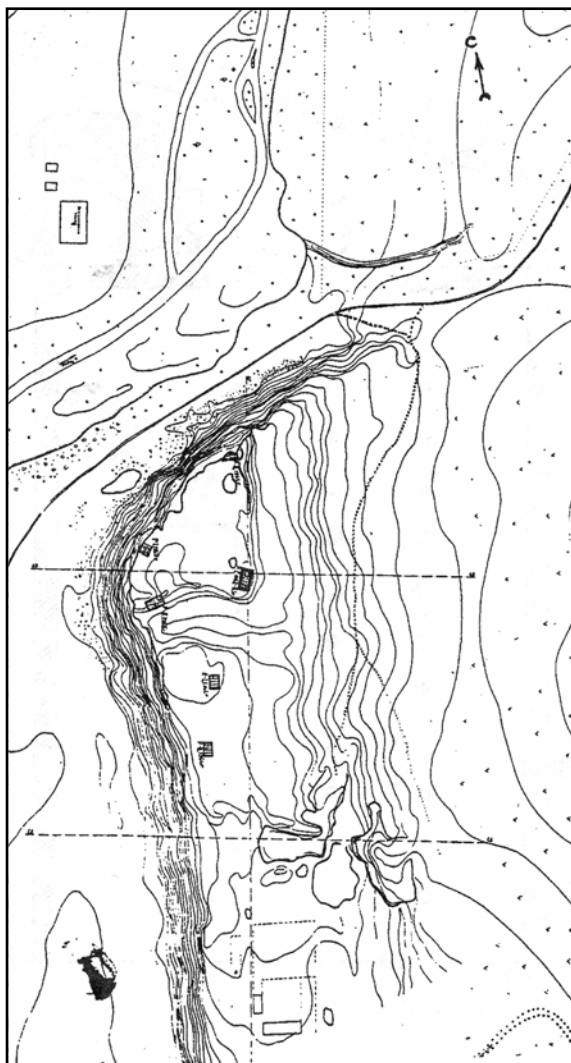

Рис. 2. План городища Нижний Джуглат, 1967 г. (по И.М. Чеченову).

Fig. 2. Plan of the Nizhny Djulat hillfort, 1967 (after I.M. Chechenov).

известного в связи с победой Тимура над Тохтамышем в 1397 г. (Иессен 1941: 30). В 1947 г. памятник впервые научно раскапывался СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова. Площадь Джуглата определялась в 10 га. В стратиграфическом раскопе на городище найдены квадратные кирпичи, неполивная и поливная керамика, керамическая водопроводная труба, фрагмент известковой плиты с арабской надписью, много более ранних предметов, показавших, что жизнь на памятники продолжалась длительное время и, по мнению кавказоведа, непрерывно. Вскрыто и основание минарета, трактованного как «руины кирпичной башни для оборонно-дозорных функций, позже переделанной в минарет» (Крупнов 1948: 329).

Этап 3. Начало ознаменовалось организацией масштабных полевых работ СКАЭ под руко-

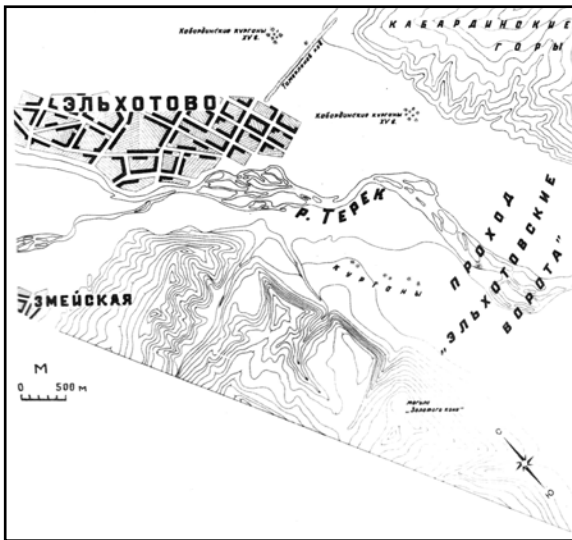

Рис. 3. «Эльхотовские ворота», топографическая ситуация. Съемка топографа А.В. Сашина (по Кузнецов 2003).

Fig. 3. "Elkhotovo gates", topographical situation (by topographer A. V. Sashin, after Кузнецов 2005).

водством Е.И. Крупнова на Верхнем Джулате. В ходе разведок и раскопок в 1957 — начале 1960-х гг. были изучены: Татартупский минарет, остатки двух мечетей и второго минарета, четыре христианских храма и церкви (одна на правом берегу Терека раскопана в 1977 г.), участки культурного слоя, остатки жилого дома с каменными основаниями стен (Кузнецов, Милорадович 1961а: 103—112; 1961б: 92—100; Милорадович 1963а: 66—86 и др.), вымощенной площади (150 м к югу от Татартупского минарета в раскопе 400 кв. м.) с могильником (28 погребений) под ней (Кузнецов 1964: 109—113), части других могильников с христианскими (Милорадович 1963б: 87—106) и мусульманскими погребениями, склеп на правом берегу Терека (Кузнецов 2003: 143—146). Определено, что в 6 км вверх по Тереку стоял еще один минарет, подобный Татартупскому, и мавзолей (Кузнецов 2014: 27).

Стационарные раскопки Нижнего Джулата начаты немного позднее — в 1960-е гг. экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Раскопки 1962—1963 гг. под руководством Г.И. Йоне осуществлялись на цитадели городища, в основном, на поздних его слоях. Тогда исследованы остатки крупнейшей на Северном Кавказе соборной мечети, подземный склеп-мавзолей и часть позднего грунтового могильника на месте разрушенной мечети. Раскопки были продолжены в 1966—1967 гг. экспедицией во главе с И. М. Чеченовым (библиографию см: Чеченов

1969: 46). Раскопки, заложенные в цитадели, средней, укрепленной части городища, в районе рва и вала дали обильный и разнообразный материал, свидетельствующий о функционировании городища с I в. до н.э. до XIV в. Тогда же развернулось исследование могильника I в. до н.э. — VII в. н.э., с более ранними захоронениями эпохи бронзы и скифского периода, перекрытого золотоордынским слоем (Абрамова 1972: 3—5).

В результате этих работ и в первых публикациях полевых материалов была предложена хронология памятников и периоды их существования, общая структура и масштабы распространения культурных напластований, характеристика и предварительная культурно-хронологическая оценка отдельных объектов. Тогда сложилось мнение о том, что оба золотоордынских городских центра сложились на основе крупных аланских городищ предмонгольского времени. К этому периоду и древнерусскому влиянию первоначально даже относился один из храмов Верхнего Джулата (Крупнов 1963: 48—65 и др.). Позже все церкви датировались в пределах XIV—XV вв. Протяженность культурного слоя в Нижнем Джулате устанавливалась до 2—3 км по гряде; в Татартупе 1—2 км от минарета вдоль левого берега Терека с отдельными строениями на расстоянии до 6 км к югу (минарет и мавзолей) и на правом берегу (церковь, склеп). Мусульманские объекты датировались преимущественно первой половиной — серединой XIV в. Христианские и мусульманские могильники, перекрывающие разрушенные ордынские строения, доводились до XV в. и более позднего времени.

Этап 4. В данный период отдельные материалы золотоордынского времени из раскопок рассматриваемых городищ включались в монографии В.А. Кузнецова (Кузнецов 1971; 1984 и др.). Особенно обстоятельный сюжет об Алании, Татартупе, походах Тамерлана, «области Джулат» и других аспектах темы содержались во 2-м издании его «Очерков по истории алан» (Кузнецов 1992: 340—348). Фигурировали они также в главе VIII первого тома обобщающего труда советского времени по истории Северного Кавказа, подготовленной коллективом авторов З.В. Анчабадзе, Л.И. Лавровым, Э.В. Ртвеладзе, А.Р. Шихсаидовым (История народов 1988: 188—222). Но суждения об исторической топографии данных памятников в них почти не высказывались.

Этап 5. Этот этап мы начинаем с защиты диссертации Е.И. Нарожного по теме «Восточные и западные инновации золото-

ордынского времени населения Верхнего и Среднего Притеречья» (Нарожный 1998) и выхода статьи И. М. Чеченова и Э. Д. Зиливинской о Нижне-Джулатской мечети (Чеченов, Зиливинская 1999: 201—206), в которой содержалась и обобщающая характеристика всего комплекса. В 2000—2010-е гг. опубликованы 2 монографии В. А. Кузнецова (2003; 2014) о Верхнем Джулате (Татартупе), книга Э. Д. Зиливинской и И. М. Чеченова о Нижнем Джулате (2015), обобщающая статья о золотоордынских городах Северного Кавказа (Зиливинская 2010: 63—68) и 2 монографии Э. Д. Зиливинской (2011; 2014), включающие очерки об объектах мусульманской культовой и гражданской архитектуры Джулатов, защищены докторские диссертации Е. И. Нарожного (2010) и Э. Д. Зиливинской (2012), включавшие в себя определенные суждения о Джулатах и ордынских памятниках на них. Для темы исторической топографии комплексов особенно важны обобщающие монографии В. А. Кузнецова (Кузнецов 2014) и Э. Д. Зиливинской с И. М. Чеченовым (Маджар и Нижний Джулат 2015).

На Нижнем Джулате уточнены размеры частей городища, зона распространения культурных напластований и стратиграфия, скорректированы датировки строительства мечети с остатками минарета (нач. — сер. XIV в.), подземного склепа (конец XIV—XV в. — Зиливинская 2012: 51), проанализирована структура вала в соотношении с саманной стеной, определено примерное время строительных периодов и разрушений в рамках золотоордынской эпохи, прослежены некоторые особенности бытовой архитектуры, определены направления и интенсивность хозяйственной жизни на городище, конкретизировано соотношение строений и синхронных и поздних могильников и др. Сомнительным остается положение о том, что ордынский город возник на месте крупного аланского городища X—XII вв. Предмонгольский слой плохо фиксируется даже на цитадели,

а на остальных частях памятника фактически отсутствует. Малоизвестной остается и внутренняя структура комплекса, т.к. раскопками и детальными исследованиями пока охвачены незначительные фрагменты общей территории городища.

Об исторической топографии Верхнего Джулата (Татартупа) нам также известно на основании обобщенных оценок всего комплекса и отдельных объектов (мечетей, храмов и церквей, гражданских бытовых строений и объектов, могильников, внутрицерковных захоронений и склепов). Уточнены датировки мечетей (сер. — 2-я пол. XIV в.), храмов (сер. XIV — нач. XV в.).

Общий объем источников и мнения специалистов заставляют нас думать о том, что и данный полиэтничный и поликонфессиональный ордынский город сложился на базе крупного аланского центра городского типа предмонгольского времени. Примечательно выявление в последние десятилетия на Змейском катакомбном могильнике XI—XII вв. вблизи городища мусульманских захоронений XIII — 1-й пол. XIV в. н. э. (Фидаров 2004: 16—30). Однако и здесь мы сталкиваемся с тем, что слой X — начала XIII вв., распространявшийся, по мнению О. В. Милорадович, по левому берегу Терека на расстояние не менее 1 км, плохо фиксируется. Один из основных исследователей комплекса — В. А. Кузнецов в последней монографии 2014 г. указал на то, что мы не можем однозначно судить о том, каким было поселение на месте Верхнего Джулата до середины XIII в. (Кузнецов 2014: 105). Т.е., один из важнейших вопросов о том, на какой основе и при каких исторических обстоятельствах зародились золотоордынские крупные поселения на Нижнем и Верхнем Джулатах, остается недостаточно проясненным. Требуется дальнейшего изучения внутренняя структура этих городов, динамика их территориального изменения и развития на различных этапах истории середины XIII — начала XV вв.

Абрамова М. П. 1972. *Нижне-Джулатский могильник*. Нальчик: Эльбрус.

Блиев М. М. (сост.). 1976. *Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сб. документов в 2-х т. Т. I (1742—1762)*. Орджоникидзе.

Бутков П. Г., б. г. *Опыт древней истории Осетии*. Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Рукописный отдел. П. № 7.

Гильденштедт И. А. 2002. *Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Гурвич Д. М. 1956. В. Н. Татищев и русская археологическая наука. СА XXVI, 153—164.

Егоров Н. М. 1933. *Архив Н. М. Егорова*. Фонды научной библиотеки ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Папка 10.

Зиливинская Э. Д. 2010. Золотоордынские города Северного Кавказа по данным археологических исследований. *Научные ведомости Белгородского университета. Серия: история, политология, экономика, информатика* 78 (7). Вып. 14. Белгород: Институт этнологии и антропологии РАН, 63—68.

- Зиливинская Э.Д. 2011. Золотоордынские склепы-мавзолеи Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. *Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов*. Сборник материалов межрегиональной научной конференции 11—12.11. 2011 г. Пятигорск: Вестник Кавказа, 49—53.
- Зиливинская Э.Д. 2012. *Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва: ИА РАН.
- Зиливинская Э.Д. 2014. *Архитектура Золотой Орды I. Культовое зодчество*. Москва; Казань: Институт этнологии и антропологии РАН; Институт археологии АН Республики Татарстан.
- Иессен А. А. 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. *МИА СССР* 3. Москва; Ленинград, 7—50.
- История народов... 1988: Пиотровский В.Б. (отв. ред.). *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* Москва: Наука.
- Коклев Г. 1929. Некоторые исторические сведения о городищах Тагартупи Дзулата. *Записки Северо-Кавказского краеведческого научно-исследовательского института*. II. Ростов на-Дону, 205—214.
- Крупнов Е.И. 1948. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. *Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института* IV. Нальчик.
- Крупнов Е.И. 1963. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат. *Средневековые памятники Северной Осетии*. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958—1960 гг. II. Материалы и исследования по археологии СССР 114. Москва: АН СССР, 48—65.
- Кузнецов В.А., Милорадович О.В. 1961а. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 году. *КСИА АН СССР* 84. Москва, 103—112.
- Кузнецов В.А., Милорадович О.В. 1961б. Археологические раскопки в Северной Осетии в 1959 г. *КСИА АН СССР* 86. Москва, 92—100.
- Кузнецов В. А. 1964. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. *КСИА АН СССР* 98. Москва, 107—115.
- Кузнецов В.А. 1992. *Очерки истории алан*. 2-е изд., дополненное. Владикавказ: Ир.
- Кузнецов В.А. 2003. *Эльхотовские ворота в X—XV веках*. Владикавказ: Институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
- Кузнецов В.А. 2014. *Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа*. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
- Маджар и Нижний Джулат 2015: Зиливинская Э.Д. (авт. науч. проекта). *Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа*. Нальчик: КБИГИ.
- Милорадович О.В. 1963а. Христианский могильник на городище Верхний Джулат. *Средневековые памятники Северной Осетии*. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958—1960 гг. II. МИА СССР 114. Москва: АН СССР, 66—86.
- Милорадович О.В. 1963б. Средневековые мечети городища Верхний Джулат. *Средневековые памятники Северной Осетии*. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958—1960 гг. II. МИА СССР 114. Москва: АН СССР, 87—106.
- Нарожный Е.И. 1998. *Восточные и западные инновации золотоордынского времени населения Верхнего и Среднего Притеречья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ.
- Нарожный Е.И. 2010. *Северный Кавказ в XIII—XV веках: вопросы политической истории и этнокультурного взаимодействия*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ: СОГУ.
- Ногмов Ш.Б. 1891. *История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым*. Пятигорск.
- Панкратов Ф.С. 1913. *Отчет о раскопках, произведенных 10 апреля 1913 года в окрестностях Татар-Туна и ст. Змейской*. Архив СОГОМИАЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
- Семенов Л.П. 1947. *Татартупский минарет*. Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР.
- Семенов Н.С. 1895. *Туземцы Северо-Восточного Кавказа*. Санкт-Петербург.
- Тарихи Дербенд-Наме 2007: Алиханов-Аварский М., Шихсаидов А.Р. (ред.). *Дербенд-наме: историческая хроника*. Махачкала: Эпоха.
- Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. *Извлечения из персидских сочинений*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Уарзиати В.С. 1990. *Культура осетин: связи с народами Кавказа*. Орджоникидзе: Ир.
- Фидаров Р.Ф. 2004. Мусульманские погребения алан XIII—XIV вв. с могильников Верхнего Джулата. *Историко-филологический архив* 1. Владикавказ, 16—45.
- Фидаров Р.Ф. 2011. Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании X—XIII веков. *Историко-филологический архив* 7, 4—25.
- Чеченов И.М. 1969. *Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археологической карте)*. Нальчик: Эльбрус.
- Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. 1999. Мечеть городища Нижний Джулат. *Древности Северного Кавказа*. Москва: ИА РАН, 201—206.
- Шильтбергер И. 1867. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. *Записки Новороссийского университета*. Т. I. Вып. 1—2. Одесса.
- Klaproth J. 1812—1814. *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808*. Bd. I—II. Berlin; Halle: Waisenhau.

Sergey N. Savenko. Candidate of Historical Sciences. Pyatigorsk Museum of Local History. Address: Brothers Bernardazzi St., 2, Pyatigorsk, 357501, Russian Federation. E-mail: sovos57@mail.ru

Historical topography of the Lower and Upper Djulat cities in the Golden Horde time (aspects of historiography). The report is devoted to consideration of the 5 stages (from the 18th century to the present) in the history of the study of Lower and Upper Djulat, the Golden Horde cities in the central part of the Northern Caucasus, located in the middle course of the Terek River, with a primary emphasis on their historic topography. The features of the source base accumulation, including archaeological materials, are discussed. At all stages, the researchers have commented on the extent, importance and chronological development peculiarities of the Djulat cities. The most extensive data on the historical topography is provided in the monographs by V.A. Kuznetsov (2003, 2014), E.D. Zilivinskaya and I.M. Chechenov (2015). Alongside with the specification of the settlements dimensions and structural elements, stratigraphy determination, characteristics clarification, and dating of the objects (mosques, temples, fortification elements, welfare facilities, burials, private burial vaults, etc.), there still remain unsolved problems related to the basis and historical circumstances of the emergence of major Golden Horde settlements on the Lower and Upper Djulats. The internal structure of these cities, the dynamics of their territorial expansion and development at various historical stages in the mid-13th — early 15th centuries require further research.

Keywords: North Caucasus, the Terek River, Golden Horde, cities, the Djulats, study history, historical topography.

References

- Abramova, M.P. 1972. *Nizhne-Dzhulatskii mogil'nik (Nizhny Dzhulat Burial Ground)*. Nalchik: "El'brus" Publ. (in Russian).
- Bliev, M.M. (comp.). 1976. *Russko-osetinskie otnosheniia v XVIII veke: Sbornik dokumentov v 2-kh t. (Russian-Ossetian Relations in 18th Century: Collection of Documents in Two Volumes)* I. 1742—1762. Ordzhonikidze (in Russian).
- Butkov, P.G., s.a. *Opyt drevnei istorii Osetii (Essay of the Ancient History of Ossetia)*. Archive of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg Branch. Manuscripts Department. P. no.7 (in Russian).
- Güldenstädt, J.A. 2002. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770—1773 gg. (Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürg von P.-S. Pallas)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Gurvich, D.M. 1956. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XXVI, 153—164 (in Russian).
- Egorov, N.M. 1933. *Arkhiv N.M. Egorova (Archive of N.M. Egorov)*. Funds of the Scientific Library of the Pyatigorsk Museum of Local Lore. Dossier 10 (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D. 2010. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiia, ekonomika, informatika (Scientific Bulletin of the Belgorod State University. History, Political Sciences, Economics, Informatics Series)* 78 (8). Issue 14. Belgorod: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 63—68 (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D. 2011. *Zolotoordynskie sklepy-mavzolei Severnogo Kavkaza i Nizhnego Povolzh'ia. Arkheologiia i kraevedenie Kavminvod v kontekste mezhtseional'nykh svyazei i kontaktov (Archaeology and Local Studies of the Caucasian Mineral Waters Region in the Context of Interregional Relations and Contacts)*. Pyatigorsk: "Vestnik Kavkaza" Publ., 49—53 (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D. 2012. *Vzaimodeistvie kul'turnykh traditsii v zodchestve Zolotoi Ordy po dannym arkheologii (Interaction of Cultural Traditions in the Golden Horde Architecture by Archaeological Data)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* I. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Kazan: Institute for Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
- Iessen, A.A. 1941. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 3. Moscow; Leningrad, 7—50 (in Russian).
- Piotrovskii, V.B. (ed.). 1988. *Istoriia narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka (History of the North-Caucasian Peoples from Antiquity to the End of 18th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kokiev, G. 1929. In *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevedcheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Bulletin of the North Caucasian Research Institute of Local Lore)*. II. Rostov-on-Don, 205—214 (in Russian).
- Krupnov, E.I. 1948. In *Uchenye zapiski Kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Scientific Notes of the Kabarda Research Institute)* IV. Nalchik (in Russian).
- Krupnov, E.I. 1963. In *Srednevekovye pamiatniki Severnoi Osetii (Medieval Sites of Northern Ossetia)*. Series: Trudy Severo-Kavkazskoi ekspeditsii 1958—1960 gg. (Proceedings of the North Caucasian Expedition in 1958—1960) II; Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 114. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 48—65 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A., Miloradovich, O.V. 1961. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)* 84. Moscow, 103—112 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A., Miloradovich, O.V. 1961. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)* 86. Moscow, 92—100 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)* 98. Moscow, 107—115 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 1992. *Ocherki istorii alan (Essays on Alan History)*. Vladikavkaz: "Iz" Publ. (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 2003. *El'khotovskie vorota v X—XV vekakh (Elhot Gates in 10th — 15th Centuries)*. Vladikavkaz: Institute for Humanities and Social Studies named after V.I. Abaev (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 2014. *Verkhni Dzhulat. K istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Verkhny Dzhulat: on History of the North Caucasian Golden Horde Towns)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Research Institute for Humanities, Kabardino-Balkarian Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Madzhar i Nizhnii Dzhulat 2015: Zilivinskaia, E.D. (authors of the project). 2015. *Madzhar i Nizhnii Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Madzhar and Nizhny*

- Dzhulat: From the History of the North Caucasian Golden Horde Towns*). Nalchik: Kabardino-Balkarian Research Institute for Humanities (in Russian).
- Miloradovich, O.V. 1963. In *Srednevekovye pamiatniki Severnoi Osetii (Medieval Sites of Northern Ossetia)*. Series: Trudy Severo-Kavkazskoi ekspeditsii 1958—1960 gg. (Proceedings of the North Caucasian Expedition in 1958—1960) II; Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 114. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 66—86 (in Russian).
- Miloradovich, O.V. 1963. In *Srednevekovye pamiatniki Severnoi Osetii (Medieval Sites of Northern Ossetia)*. Series: Trudy Severo-Kavkazskoi ekspeditsii 1958—1960 gg. (Proceedings of the North Caucasian Expedition in 1958—1960) II; Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 114. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 87—106 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 1998. *Vostochnye i zapadnye innovatsii zolotoordynskogo vremeni naseleniia Verkhnego i Srednego Priterech'ia (Oriental and Occidental Innovations of the Golden Horde Time of the Population of the Upper and Middle Terek Basin)*. PhD Thesis. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2010. *Severnyi Kavkaz v XIII—XV vekakh: voprosy politicheskoi istorii i etnokul'turnogo vzaimodeistviia (The Northern Caucasus in 13th—15th Centuries: Issues of Political History and Ethnic-Cultural Mutual Influences)*. Doct. Diss. Thesis. Vladikavkaz: North Ossetian State University (in Russian).
- Nogmov, Sh.B. 1891. *Istoriia adykeiskogo naroda, sostavlennaia po predaniiam kabardintsev Shora-Bekmurzin-Nogmovym (The History of the Adygean People Compiled by Shora-Bekmurzin-Nogmov According to the Kabardinian Legends)*. Pyatigorsk (in Russian).
- Pankratov, F.S. 1913. *Otchet o raskopkakh, proizvedennykh 10 apreliia 1913 goda v okrestnostiakh Tatar-Tupa i st. Zmeiskoi (Report on the Excavations in the Tatar-Tupa and Zmeyskaya Stanitsa Outskirts, 10 April 1913)*. Archive of the North Ossetian United Museum of History, Architecture and Literature. Fund 1. Inv. 1, dossier 1 (in Russian).
- Semenov, L.P. 1947. *Tatartupskii minaret (The Minaret of Tatar-Tupa)*. Dzaudzhikau: North Ossetian Republic State Publishing House (in Russian).
- Semenov, N.S. 1895. *Tuzemtsy Severo-Vostochnogo Kavkaza (Indigenes of the North-Eastern Caucasus)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Alikhanov-Avarskii M., Shikhsaidov, A.R. (eds.). 2007. *Derbend-name: istoricheskaia khronika (Derbend-name: Historical Chronicle)*. Makhachkala: "Epokha" Publ. (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiaschichksia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) II. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Uarziati, V.S. 1990. *Kul'tura osetin: sviazi s narodami Kavkaza (Culture of Ossetians: Relations with the Caucasian Peoples)*. Ordzhonikidze: "Ir" Publ. (in Russian).
- Fidarov, R.F. 2004. In *Istoriko-filologicheskii arkhiv (Historical and Philological Archive) 1. Vladikavkaz*, 16—45 (in Russian).
- Fidarov, R.F. 2011. In *Istoriko-filologicheskii arkhiv (Historical and Philological Archive) 7*, 4—25 (in Russian).
- Chechenov, I.M. 1969. *Drevnosti Kabardino-Balkarii (materialy k arkheologicheskoi karte) (Antiquities of Kabardino-Balkaria: Materials to the Archaeological Map)*. Nalchik: "El'brus" Publ. (in Russian).
- Chechenov, I.M., Zilivinskaia, E.D. 1999. In *Drevnosti Severnogo Kavkaza (Antiquities of the Northern Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 201—206 (in Russian).
- Schiltberger, J. 1867. In *Zapiski Novorossiiskogo universiteta (Bulletin of the Novorossia University)*. Vol. I., issues 1—2. Odessa (in Russian).
- Klaproth, J. 1812—1814. *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808*. Bd. I—II. Berlin; Halle: Waisenhaus.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2016 г.

Франкоязычные путешественники прошлого о памятниках золотоордынской эпохи на Кавказе (городище Маджары)

Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова

Ключевые слова: Северный Кавказ, золотоордынский период, Маджары, письменные и изобразительные источники, архитектура, история, археология.

Крупным историко-археологическим объектом, описанным франкоязычными путешественниками по Кавказу, является городище Маджары на реке Куме (ныне город Будённовск). Маджары — крупнейший золотоордынский город Северного Кавказа, его экономический центр, имевший широкие связи, в том числе со Средней Азией. Город Маджары процветал в XIV веке и был разрушен Тамерланом в 1395 году. Этот древний город не нуждается в представлении, особенно после исследований Т. М. Минаевой (Минаева 1953).

Одно из первых сообщений об этом выдающемся памятнике прошлого дал венгр Ш. Туркай, эмигрировавший из Трансильвании в Россию в 1716 г. О развалинах города Маджары, который Туркай считал венгерским, он написал в письме из Астрахани в 1725 г. Эти сведения были опубликованы отдельным оттиском И. Эрдели в 1961 г. на венгерском языке и не переводились на русский. Современными исследователями они не используются и, видимо, остаются им малоизвестными.

В наше время исторические источники о Маджарах включают в себя разнообразные по своему характеру материалы: письменные, археологические, нумизматические, эпиграфические, изобразительные. Интересные сведения о Маджарах мы находим в описаниях франкоязычных путешественников прошлого. Так, например, Маджары упоминаются одним из организаторов иезуитской католической пропаганды на Кавказе Ферраном (родился около 1670 г. — умер после 1713 г.). Ферран — французский врач, оставивший мемуары о своих путешествиях. Известно, что он был лекарем при крымском хане Селим-Гирее. В 1702 г. хан послал в Черкесию своего сына Казы-Гирея для усмирения другого сына, бежавшего к черкесам. Ферран сопровождал эту карательную экспедицию. Такие походы были частым явлением в XVII—XVIII вв., когда черкесам приходи-

лось вести почти непрерывающуюся борьбу с крымской агрессией. Ферран воспользовался этим походом, чтобы ближе ознакомиться с народами Северного Кавказа — черкесами, ногайцами, калмыками. В стране ногайцев Ферран упоминает развалины древнего города, описание которого составлено им, по-видимому, около 1707 г. Скорее всего, это — Маджары (нынешний Будённовск). Описание Маджар впоследствии неоднократно встретится в путевых заметках французских путешественников по Кавказу.

Упоминание маджарских руин можно найти и в труде о Кавказе другого французского путешественника — Обри де ла Мотре (1674—1743). Этот французский дворянин в 1698 г. переселился в Константинополь, по-видимому, испытывая у себя на родине притеснения как протестант. В это время начинаются его многочисленные и длительные путешествия на Кавказ по Европе, Ближней Азии и Северу Африки. Известно, что Обри де ла Мотре состоял на дипломатической службе в Швеции, Голландии, Англии, в 1711 г. посетил Крым и Северный Кавказ. Упоминания о Маджарах можно также найти у Гмелина, Гюльденштедта и Палласа. После них в Маджарах в 1798 г. побывал граф Ян Потоцкий.

Самые ценные описания городища были сделаны одним из крупнейших исследователей Кавказа, которого принято считать основателем современного кавказоведения, Яном (Иваном Осиповичем) Потоцким — франкоязычным исследователем, потомком польских магнатов, членом Российской Академии наук.

Побывав в Георгиевске, он отправился во Владимировку — село на реке Куме (сегодня Левокумский район). Полвека спустя это имение будет принадлежать известному шелководу и виноградарю — Алексею Фёдоровичу Реброву. В то время, когда Потоцкий побывал здесь, Владимировка принадлежала генералу

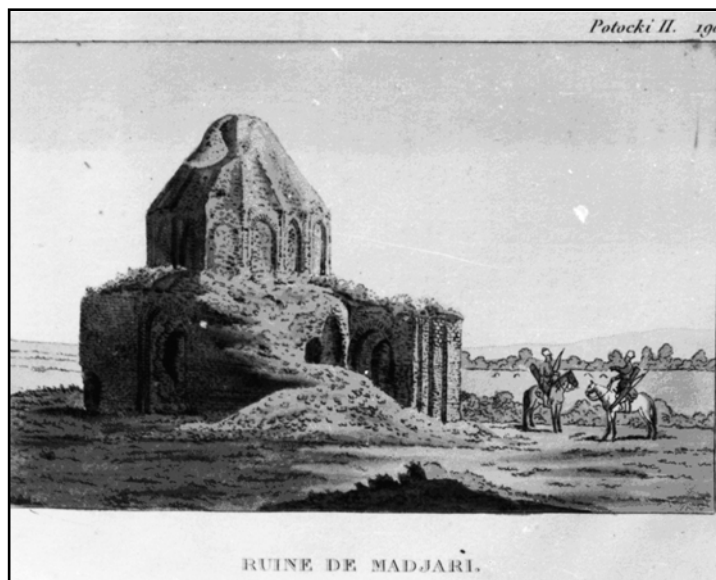

Рис. 1. Маджарский мавзолей
(рис. Я. Потоцкого (?))

Fig. 1. The Mausoleum in Madjary (drawing
by Count Jan Potocki (?)).

Савельеву и находилась, по его собственному выражению, «в процветающем состоянии».

Неподалёку от Владимировки было расположено селение Бургун-Маджары, а около него находились развалины древнего города Маджары, которые зарисовал путешественник. Вот, что он пишет о Маджарах на страницах своей книги: «Руины Маджар занимают территорию примерно до двух миль в диаметре; осталось только четыре мавзолея, о которых я говорил вчера. Они квадратные, в основании от 16 до 20 футов, увенчанные куполами и украшены фронтонами с остроконечными арками. Пропорции выдержаны в лучшем арабском стиле. Кирпичи квадратные в девять английских дюймов с обеих сторон. Кирпичи построек плохого качества и скреплены между собой глиной, смешанной с соломой. Но облицовка зданий сделана из хорошо обожженных кирпичей, скрепленных цементом. На одном из фронтонов часть арки опирается на доски, которые не очень стары по виду, и у моего хозяина я нашел фрагмент карниза с арабской надписью, характер которой не куфический, но похожий на тот алфавит, которым пользуются сегодня. Наконец удалось найти среди руин кирпичи, покрытые глазурью, похожие на те, что находят в развалинах Сарая и Джид Хаджи. Все это не относится к далекой древности.

Внутри мавзолеев я нашел множество мух, уже очень активных и докучливых; погода становилась очень жаркой, из-за дневной жары повысилось число больших пожаров в деревне. Только что горел тростник на протяжении более одного лье. Фон пейзажа, что я рисовал, был затянут обширной завесой черного дыма, с языками пламени темно-красного цвета. Руины прекрасно вырисовывались на нем, я хотел раз-

местить их все на моем рисунке, но не знаю, можно ли их изобразить, пользуясь лишь карандашом и коричневой краской. Я сделал два рисунка, на одном изображен лишь один мавзолей, на другом — все четыре».

Потоцкий, действительно, был неплохим рисовальщиком. Однако многие его графические работы пропали, или же нам сегодня неизвестно, где они находятся. О них лишь есть упоминания в тексте книги, рассказывающей о его кавказском путешествии. Потоцкий пишет о том, что, кроме двух рисунков мавзолеев древнего золотоордынского города, он также выполнил рисунок Дука-бека — каменного изваяния, увиденного им на кургане в районе реки Этоко (сегодня сохранился лишь рисунок статуи, выполненный И. Гюльденштедтом). Но все эти работы не были приложены к тексту его рукописи о путешествии по Кавказу, изданной учеником учёного — известным востоковедом Г. Ю. Клапротом в Париже в 1829 г.

Далее Потоцкий снова возвращается к вопросу о Маджарах и пишет: «**10 марта, во Владимировке.** Малые Маджары отстоят от Больших. Так называют группу могильных холмов, среди которых находились шесть мавзолеев, от них остался лишь фундамент. Насколько я могу судить, они совсем не имели фронтонов и были меньше, чем мавзолеи Больших Маджар, за исключением одного — он должен был быть больше.

Руины находятся в двух верстах от Бургун-Маджар, прекрасного селения, основанного генералом Скаржинским, до этого губернатором Астрахани. Он дал это название как счастливое предзнаменование для процветания виноградников, которые он собирался тут посадить, и они оправдали его надежды. Его вино

стоит не меньше, чем иные вина Бургундии, и уже очевидно, что оно превосходит вина Астрахани и Кизляра. За последний год запасы этого вина были почти полностью израсходованы Дербентскими калмыками, зимовавшими в окрестностях; они настолько пристрастились к нему, что трудно было сохранить резерв, предназначенный на другой год. Я надеялся, что найду в Бургун-Маджарах надписи, но отыскал лишь могильные камни с изображенными на них арабесками. Вокруг Бургун-Маджар полыхали пожары. Они перекидывались с одной стороны на другую, образуя кулисы и декорации из огня. Ветер дул с нашей стороны, без чего мы бы не осмелились приблизиться к его обширным объятиям, столь опасным для путешественников. Мне рассказывали о том, что в них однажды погиб целый полк».

Потоцким упоминается имение Владимировка, которое впоследствии будет приобретено одним из первых историков Кавказа А. Ф. Ребровым. В те времена, когда Ян Потоцкий путешествовал по Кавказу, владельцем этого имения был генерал Савельев: «Владимировка, колония, принадлежащая генералу Савельеву, находится в процветающем состоянии. Вино, которое делают тут, обещает многое. Здесь я нашел своих

попутчиков, и мы начали наши методические чтения реляций Рейнеггса». Традиции виноделия, зародившиеся на Кавказе в далёком прошлом, о которых упоминает путешественник, позднее будут продолжены А. Ф. Ребровым, и уже другие западноевропейцы (А. Оммер де Гелль) будут рассказывать об этом.

Интересно также упоминание А. Оммер де Гелль, путешествовавшей по Кавказу в 1840-х годах, развалин древнего города Маджары, все постройки которого шли по высокому берегу реки Кумы. Адель Оммер де Гелль побывала на этом месте примерно через 50 лет после Я. Потоцкого. «Лошади Реброва, — пишет она, — отвезли нас в Бургун-Маджары, имение, принадлежавшее генералу Скаржинскому...

Покинув Бургун-Маджары, мы пересекли местность, где в былые времена находились знаменитые Маджары, прошлое которых до сих пор — загадка для историков. От них осталось только несколько кирпичей — свидетелей их существования. Русские привезли их сюда, чтобы построить свою деревню...».

Таким образом, описание, сделанное А. Оммер де Гелль, помогает представить историю разрушения древнего памятника в динамике.

Лавров Л. И. 1966. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.* Ч. I. Москва: Наука.

Минаева Т. М. 1953. Золотоордынский город Маджар. *МИСК* 5. Ставрополь, 131—157.

Ртвеладзе Э. В. 1975. *Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII—XIV вв. и её связей*

со Средней Азией. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Соснина Е. Л. 1998. Материалы Яна Потоцкого о Маджарах (К 200-летию посещения Маджар Я. Потоцким). *XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.* Ставрополь, 120—122.

Ekaterina L. Sosnina. Candidate of Historical Sciences. State Museum-Reserve M. Yu. Lermontov. Address: Lermontov St., 4, Pyatigorsk, 357501, Russian Federation. E-mail: esosnina@mail.ru

French-speaking Travelers of the Past about the Golden Horde Sites in the Caucasus (Madjary Hillfort). The article offers information about the Madjary hillfort — the remains of the largest Golden Horde city in the North Caucasus, which is contained in the travel notes, letters, memoirs and other kind of records and drawings by foreign travelers of the 18th—19th centuries. They were: S. Turkey, an emigrant from Hungary; Ferrand, a French doctor; nobleman Aubrey de la Motret, a French traveler; Jan Potocky, researcher of the Caucasus, a descendant of the Polish magnates, member of the Russian Academy of Sciences; Adele Hommaire de Hell, a French writer and traveler, member of the French Geographical Society. These sources have not been translated into Russian and remain little known to researchers.

Keywords: North Caucasus, Golden Horde period, Madjary, written and visual sources, architecture.

References

Lavrov, L. I. 1966. *Epigraficheskie pamiatniki Severnogo Kavkaza X—XVII v. (Epigraphic Monuments of the Northern Caucasus of 10th—17th Centuries)* I. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Minaeva, T. M. 1953. In *Materialy po istorii Stavropol'skogo kraia (Materials on the History of the Stavropol Krai)* 5. Stavropol, 131—157 (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1975. *Iz istorii gorodskoi kul'tury na Severnom Kavka-*

ze v XIII—XIV vv. i ee sviazei so Srednei Aziei (From the History of the Urban Culture in the Northern Caucasus in 13th—14th Centuries and its Relations with Central Asia). PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

Sosnina, E. L. 1998. In *XX iubileinye mezhdunarodnye Krupnovskie chteniia po arkhologii Severnogo Kavkaza (The Twentieth International Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus).* Stavropol, 120—122 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 9 марта 2016 г.

**Северное Причерноморье
и Крым**

L. Bejenaru, L. Bacumenco-Pîrnău

Alexandru Ioan Cuza University of Iasi,
Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova

Animals for Food in the Golden Horde City of Old Orhei (Republic of Moldova): Topography and Archaeozoological Data

General context

During the Middle Ages, food practices were different in cultural and religious dimensions, according to some mechanisms especially applied to meat consumption (Flandrin, Montanari 1996: 321). Based on these realities, in this paper we propose discerning some issues of food history and culture. To what extent emerge the influences of the ethnic/religious factor, in the Old Orhei urban settlement founded during the Mongol domination, known in the literature as the Sehr al-Djedid City (= *New Town*) (Янина 1977; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Spinei 1994; 2006; Постикэ 2005; Postică 2006).

The archaeological complex Old Orhei (14th—17th centuries) is situated in the Raut River Valley (a tributary of the Dniester River), in the district of Orhei, at 60 km to the North-East of Chişinău (Republic of Moldova); it includes many cultural levels, from Prehistory to the late Middle Ages, including also Golden Horde period (Postică 2009).

The Sehr al-Djedid City, placed on a dominant height and surrounded on three sides by the meandering Raut River, was an important political and economic center in the region mid 14th century, especially during the 1363—1365 years when it was the residence of Abdallah, Khan of the Golden Horde (Spinei 1994; 2006; Постикэ 2005). The topography of the city was determined by the influence of Mongol civilization, the central perimeter of the settlement being dominated by three monumental buildings: a mosque and two Caravanserais. Citadel, commercial areas, workshops, three oriental bathrooms, the district of the urban patriciate, homes of simple city residents, two cemeteries, etc., were identified in the archaeological campaigns (Смирнов 1960; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Бырня 1991; 1997; Рябой 1991; Gorodenco 2000; Postică 2006; 2009).

In the present paper, the archaeological level of the Golden Horde period is analysed, and this assemblage is compared to level of 15th—17th centu-

ries in order to account for a diachronical variability among the food resources of animal origin in the site of Old Orhei.

This study, concerning the Medieval Old Orhei, is mainly focus on the diversity of the food resources as reflected by the archaeozoological analyses. Previous archaeozoological studies for the medieval period in Old Orhei (Давид 1982; Bejenaru et al. 2003) discussed aspects related to animal species identified in the site, proportion of wild and domestic species.

Assemblage variability

Among the animal resources, domestic and wild mammals constitute the majority. A small number of remains attributed to birds and fish were also included in this study (Table 1).

Domestic animals. The percentage of domestic mammals is slightly higher in assemblage of the Golden Horde period (90.82%) compared to the next period of 15th—17th centuries (88.27%). The domestic mammals, identified in the archaeological complex Old Orhei, consist of cattle, goat, pig, horse, dog and cat; their frequencies based on NISP (number of identified specimens) vary between the two archaeological levels (Table 1; Fig. 1). Sheep/goat dominates in the assemblage of the Golden Horde period with 32.85%; cattle come on the second place (22.98%), while horse on the third (15.46%). We have to note that the horse remains show butchery traces and they come mostly from adult individuals, that would indicate a concern for a troop of horses mainly used for riding. Concerning sheep/goat and cattle, the percentage of slaughtered immature specimens is higher, over 30%, these providing basic food of animal origin. The frequency of the dog is overvalued by the presence of 12 remains that belong to a single individual.

In the assemblage of 15th—17th centuries, the order of species is different: cattle dominate (57.37%), pig comes on the second place (17.23%), while

Table 1.

Quantification of archaeozoological assemblage

Taxon		14 th Century (Golden Horde)		15 th —17 th Centuries	
		NISP *	%	NISP	%
<i>Bos taurus</i>	Cattle	91	22.98	1242	57.37
<i>Ovis aries/Capra hircus</i>	Sheep/Goat	136	32.85	222	10.25
<i>Sus domesticus</i>	Pig	3	0.72	373	17.23
<i>Equus caballus</i>	Horse	64	15.46	32	1.48
<i>Canis familiaris</i>	Dog	56	13.53	22	1.02
<i>Felis domestica</i>	Cat	1	0.24	3	0.14
<i>Bos/Equus</i>	Cattle/Horse	25	6.04	17	0.79
Total domestics		376	90.82	1911	88.27
<i>Cervus elaphus</i>	Red deer	0	0	73	3.37
<i>Capreolus capreolus</i>	Roe deer	1	0.24	16	0.74
<i>Dama dama</i>	Fallow deer	0	0	3	0.14
<i>Sus scrofa</i>	Wild boar	0	0	12	0.55
<i>Bos primigenius</i>	Aurochs	0	0	3	0.14
<i>Ursus arctos</i>	Bear	0	0	1	0.05
<i>Lepus europaeus</i>	Hare	0	0	1	0.05
Total wilds		1	0.24	109	5.03
<i>Bos/Cervus</i>	Cattle/Red deer	0	0	6	0.28
Mammalia	Mammal	35	8.45	128	5.91
Aves	Bird	1	0.24	6	0.28
Pisces	Fish	1	0.24	5	0.23
Total		414	100	2165	100

* NISP = number of identified specimens.

sheep/goat on the third (10.25%). The remains of horse, dog and cat are less frequent.

Hunted animals. Wild mammals show a low percentage (0.24%) in the assemblage of the Golden Horde period, compared to the period of 15th—17th centuries (5.03%). Infrequency of wildlife recorded for the Mongol period surprise, whereas it is known from contemporary documents that hunting was quite significant for these people — hunting was practiced for food needs, procurement of fur and leather, and as a way of training for battle (Spinei 1996). Further, the Orhei region was well forested and rich in game.

Fish. Only few fish skeletal remains have been identified, representing 0.24% in the context of Golden Horde period, and 0.23% in the level of 15th—17th centuries (Table 1). The low percentage of this remains must be considered undervalued given the recovery technique without sieving of the sediments. However, we can assume that the hydrological regime of the Orhei region, represented by rivers, lakes, ponds, was better exploited by fishing in the medieval period.

Analogies and conclusions

Meat consumption varied over time in the Mongolian cities situated on the Volga River, as it is proven by the studies concerning the Bolgar city. Thus, Yavorskaya (2013) indicates for this settlement a decline in beef and horse consumption in 13th—14th centuries compared to the previous period. During the domination of Golden Horde, within the Bolgar city, inhabitants consumed more sheep/goat meat supplied from the steppes of nomads (Яворская 2013; 2015).

In the same context, the analysis of archaeozoological material found in the settlement Dzhuketau indicates preferences of Tatar-Mongolian people, of Golden Horde period, for beef cattle, horse and sheep/goat meat (Петренко 2007). Considering the quantity of meat used in the food of the people from Dzhuketau, cattle is dominant, followed by horse and then by sheep/goat; but according to the minimum number of individuals, sheep/goat exceed horse, as common situation in all stages of the city development of the city (during pre-Mongolian pe-

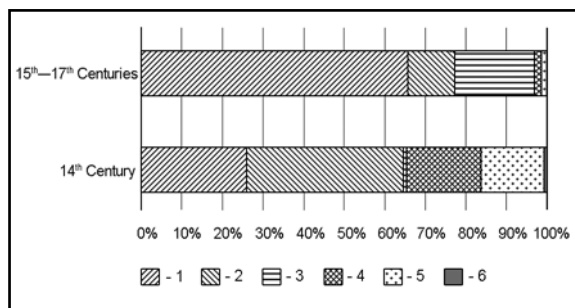

Fig. 1. Relative importance of domestic species (NISP): 1 — cattle; 2 — sheep/goat; 3 — pig; 4 — horse; 5 — dog; 6 — cat.

Рис. 1. Процентное соотношение видов домашних животных (NISP): 1 — крупный рогатый скот; 2 — мелкий рогатый скот; 3 — свинья; 4 — лошадь; 5 — собака; 6 — кошка.

riod and Golden Horde domination). Estimating the age at death (Петренко 2007), cattle bred for meat were slaughtered until two years old, and others surpassing this age (but very old individuals were not identified) were bred especially for milk; sheep/goat show the same pattern — the individuals bred for meat were slaughtered until one-year-old or around one-two years old, and others surpassing two years old were bred for wool and maybe milk. The horse bones belonging to young individuals, as the city was supplied with

meat of superior quality; the meat of older horses was consummated in rural settlements.

In the capital of the Golden Horde, Sarai Berke city, the archaeozoological assemblage is dominated by domestic species, and only 0.2% of wild animals. Among domestic animals, two-thirds belong to sheep/goat; cattle were in second place, followed by horse, while pig is almost absent (Петренко 2007).

The archaeological and archaeozoological studies concerning the medieval levels of Old Orhei show a diversity of animal resources exploited there mainly through animal husbandry and hunting. The archaeozoological samples pertaining to the 14th—17th centuries comprise about 90% NISP (number of identified specimens) of domestic animal remains. The consumers of animal products varied by their ethnicity especially. Thus, in the period of Mongolian occupation (Golden Horde) the main domestic species used in alimentation were sheep/goat (*Ovis aries/Capra hircus*), cattle (*Bos taurus*) and horse (*Equus caballus*), similar to other contemporary Mongolian settlements. Later, after Mongolian retreating, the livestock of the local economy was changed, being mainly represented by cattle (*Bos taurus*) and pig (*Sus domesticus*).

The hunting records a very low rate during the Golden Horde period, this is probably a characteristic of Mongolian big cities.

Bejenaru L., Bacumenco L., Stanc S. 2003. Date arheozoologice privind complexul Orheiul Vechi. *Tyragetia* XII, 85—91.

Flandrin J.-L., Montanari M. 1996. *Histoire de l'alimentation*. Paris: Fayard.

Gorodenco A. 2000. *Ceramica locală de la Orheiul Vechi*. Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros.

Postică Gh. 2006. *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice (1996—2001)*. Iași.

Postică Gh. 2009. Istorical cercetării arheologice în zona Orheiului Vechi. In: Sîrbu V., Luca Cr. (eds.). *Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Professoris Ionel Cîdea*. Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros, 209—247.

Spinei V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitas.

Spinei V. 1996. Ultimile valuri migratoare de la nordul Mării Negre și al Dunării de Jos. Iași: Helios.

Spinei V. 2006. Comerțul și geneza orașelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII—XIV). *Universa Valachica: Români în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău: Cartdidact, 693—780.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1981. *Древности Старого Орхея (золотоордынский период)*. Кишинев: Штиинца.

Бырня П.П. 1991. Из истории исследования Старого Орхея (1946—1958). *Археологические исследования в Старом Орхее*. Кишинев: Штиинца, 5—43.

Бырня П.П. 1997. Топография золотоордынского города в Старом Орхее. *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău: AȘ RM, 267—282.

Давид А.И. 1982. *Формирование териофауны Молдавии в антропогене*. Кишинев: Штиинца.

Петренко А.Г. 2007. *Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам)*. Казань: ИИ АН РТ.

Постикэ Г. 2005. Цитадель золотоордынского города Шехр ал-Джедид (Старый Орхей, Молдова). *РА* (2), 151—155.

Рябой Т.Ф. 1991. Жилища золотоордынского времени из Старого Орхея. *Археологические исследования в Старом Орхее*. Кишинев: Штиинца, 72—91.

Смирнов Г.Д. 1954. Археологические исследования Старого Орхея. *КСИИМК* 56, 24—39.

Смирнов Г.Д. 1960. Из истории Старого Орхея. *Известия МФ АН СССР* 70 (4), 77—87.

Яворская Л.В. 2013. Специфика заполнения культурных слоев и динамика мясного потребления в городе Болгар (по археозоологическим материалам раскопа CLXXIX). *Поволжская археология* 5 (3), 91—97.

Яворская Л.В. 2015. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам). В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum plus, 197—206.

Янина С.А. 1977. «Новый город» (Янги-шехр=Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местонахождение. *Труды ГИМ* 49. Нумизматический сборник ГИМ V, 193—213.

Luminița Bejenaru. Doctor of Biological Sciences. Alexandru Ioan Cuza University of Iași. Address: Bulevardul Carol I 11, Iași 700506, Romania. E-mail: lumib@uaic.ro

Ludmila V. Bacumenco-Pîrnău. Doctor of Historical Sciences. Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova. Address: Bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău MD 2001, Republic of Moldova. E-mail: ludmila.pirnaeu@gmail.com

Animals for Food in the Golden Horde City of Old Orhei (Republic of Moldova): Topography and Archaeozoological Data. The archaeological level of the Golden Horde period is analyzed, and this assemblage is compared to the level of the 15th—17th centuries in order to account for a diachronical variability of food resources of animal origin on the Old Orhei site.

The study of medieval Old Orhei is mainly focused on the diversity of food resources as reflected by the archaeozoological analysis. Previous archaeozoological studies on the medieval period in Old Orhei discussed aspects related to animal species identified on the site and the proportion of wild and domestic species. The consumers of animal products especially differed by their ethnic belonging. Thus, in the period of Mongol (the Golden Horde) occupation, the main domestic species used in alimentation were the sheep/goat (*Ovis aries/Capra hircus*), the cattle (*Bos taurus*) and the horse (*Equus caballus*), while later — after Mongol retreat, the livestock of the local economy was mainly represented by the cattle (*Bos taurus*) and the pig (*Sus domesticus*).

The hunting records a very low rate (0.24% NISP) during the Golden Horde period; the low occurrence frequency of wild animals' remains in this cultural level is quite surprising, since the documents of the time contain information emphasizing that the Mongols used to greatly rely on hunting, which was practiced for different purposes: to compensate a food shortage, to secure furs and hides, to keep fit for future battles, etc.

Keywords: Golden Horde, Old Orhei, food, archaeozoological data, topography.

References

- Bejenaru, L., Bacumenco, L., Stanc, S. 2003. Date arheozoologice privind complexul Orheiul Vechi. *Tyragetia* XII, 85—91.
- Flandrin, J.-L., Montanari, M. 1996. *Histoire de l'alimentation*. Paris: Fayard.
- Gorodenco, A. 2000. *Ceramica locală de la Orheiul Vechi*. Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros.
- Postică, Gh. 2006. *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice (1996—2001)*. Iași.
- Postică, Gh. 2009. Istoricul cercetării arheologice în zona Orheiului Vechi. In Sîrbu, V., Luca, Cr. (eds.). *Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Professoris Ionel Căndea*. Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros, 209—247.
- Spinei, V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitas.
- Spinei, V. 1996. Ultimile valuri migratoare de la nordul Mării Negre și al Dunării de Jos. Iași: Helios.
- Spinei, V. 2006. Comerțul și geneza orașelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII—XIV). *Universa Valachica: Românii în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău: Cartdidact, 693—780.
- Abyzova, E. N., Bârnea, P.P., Nudelman, A.A. 1981. *Drevnosti Starogo Orheia. Zolotoordynski period (Antiquities of Old Orhei (Golden Horde Period))*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Bârnea, P.P. 1991. In Bârnea, P.P. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniia v Starom Orkhee (Archaeological Investigations in the Old Orhei)*. Kishinev: "Știința" Publ., 5—43 (in Russian).
- Bârnea, P.P. 1997. In *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău: Academia de Științe a Republicii Moldova, 267—282 (in Russian).
- David, A.I. 1982. *Formirovanie teriofauny Moldavii v antropogene (Forming of the Theriofauna of Moldova in the Anthropogene)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Petrenko, A.G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arheozoologicheskim materialam) (Formation and Development of Animal Husbandry in History of Peoples of the Middle Volga Area and Cis-Urals (by archaeozoological materials))*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences.
- Postică, Gh. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 151—155.
- Reaboi, T.F. 1991. In Bârnea, P.P. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniia v Starom Orkhee (Archaeological Investigation s in the Old Orhei)*. Kishinev: "Știința" Publ., 72—91 (in Russian).
- Smirnov, G.D. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 56, 24—39 (in Russian).
- Smirnov, G.D. 1960. In *Izvestiia Moldavskogo Filiala Akademii Nauk SSSR (Transactions of the Moldavian Branch of the Academy of Sciences of the USSR)* 4 (70), 77—87 (in Russian).
- Yavorskaya, L.V. 2013. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)*. Kazan, 3 (5), 91—97.
- Yavorskaya, L.V. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum plus, 197—206.
- Yanina, S.A. 1977. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 49. Numismatic Collected Papers of the State Historical Museum V. Moscow, 193—213 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 9 марта 2016 г.

Историческая география Генуэзской Газарии 1275—1475 гг.

Ключевые слова: Крым, Генуэзская Газария, Каффа, кампанья Каффы, Солдаия, Чембало, Воспоро, консульство, историческая география, история, археология.

Под термином «Генуэзская Газария» в докладе понимаются все владения Генуэзской республики на Крымском полуострове. В политическом отношении — это государственное образование в Северном Причерноморье, подчинённое Генуе. В своём завершённом виде к концу XIV в. эта система состояла из четырёх укрепленных городов (Каффы, Солдаия, Чембало, Воспоро) и их сельских округ, селений и замков Южного берега Крыма, приморских территорий Тарханкутского и Керченского полуостровов с поселениями и соляными разработками (рис. 1). Столицей Генуэзской Газарии был город Каффа, глава которого — консул — был верховным правителем для всей этой территории (Карпов 2000: 12).

Каффа и сельская округа города (сапранія)

Каффа (совр. Феодосия, Юго-Восточный Крым; 1275—1475 гг.) — административный и экономический центр генуэзского присутствия в Северном Причерноморье. В «Византийской хронике» Никифора Григоры 1266 г. приводится как дата возникновения генуэзской Каффы. Однако французский историк Мишель Балар считает эту дату неверной и относит основание города ко времени между 1268 и 1275 гг., причём более вероятным, по его мнению, выглядит именно 1275 г. Постепенно фактория разрастается, оформляется административно, и в 1281 г. впервые упоминается консул — глава городского управления. После 1285 г. упоминание Каффы в нотариальных генуэзских актах становится частым. О раннем периоде городской жизни известно из документов каффинского нотариуса Ламберто ди Самбучето (1289—1290 гг.). В текстах описывается разделённый на кварталы (контрадо) небольшой город, обнесённый рвом и валом с деревянным частоколом. Несколько домов располагались и за пределами изгороди (Balard 1973: 45).

После осады города войсками золотоордынского хана Тохты в 1308 г. Каффа была оставлена жителями. После смерти хана коммуна Генуи 9 августа 1312 г. направляет посольство к его преемнику — хану Узбеку. Посланцам удалось добиться разрешения на восстановление города, и 18 марта 1316 г. принимается план восстановления фактории (Ordo de Caffa). В соответствии с этим планом начинается строительство новой оборонительной стены, которое значительно изменит внешний облик и статус города. Со времени её возведения в средневековой Каффе появляются две основных градообразующих части: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели, и городские кварталы, расположенные за её пределами — бург (burg) (Balard 1978: 118). Площадь укрепленной городской территории составила 11,3 га. Фортификационные работы были продолжены в 1383—1389 гг. строительством внешнего оборонительного кольца вокруг бурга (площадь вновь укрепленной территории 82,0 га). После этого городской пейзаж Каффы приобретает свой законченный вид: квартальная застройка внутри цитадели, кварталы внутри оборонительного кольца (burg) и неукрепленное предместье — антибург (antiburg) (Бочаров 2015б: 315).

В Каффе XIV в. в городских кварталах проживали представители разных народов и нескольких религиозных групп. В этот период в городском пейзаже доминировали христианские храмы трёх основных конфессий — католической, православной (византийской) и армянской. Также были два иудаистских храма и одна мечеть.

К концу XIV в. город достигает наивысшего расцвета, общая площадь города к этому времени составляла 120 га. На протяжении второй половины XIV — первой половины XV вв. Каффа играла ведущую роль не только в торго-

■ Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма Российской Академии наук «Кросс-культурные связи населения Таврики и прилегающих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005-2015-0007).

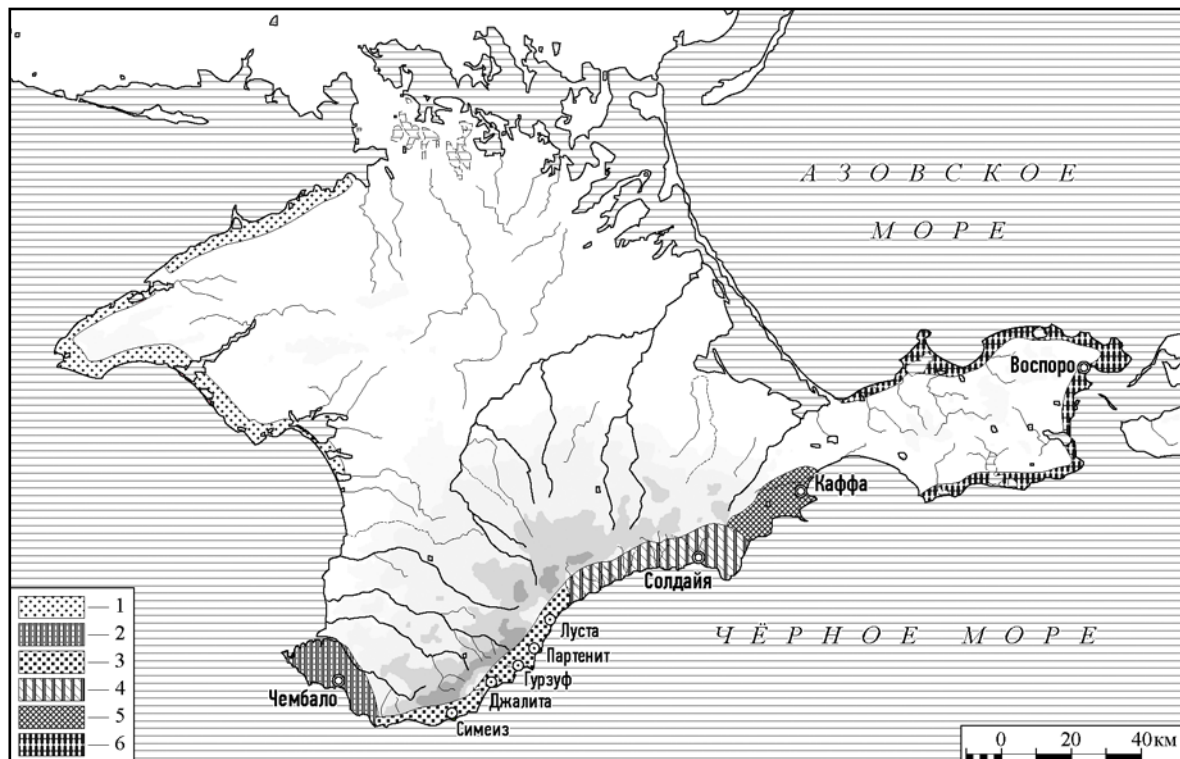

Рис. 1. Карта генуэзских владений на Крымском полуострове в последней четверти XIV в.: 1 — генуэзские владения на Тарханкутском полуострове; 2 — консульство Чембальское; 3 — генуэзские владения на Южном берегу Крыма; 4 — консульство Солдайское; 5 — кампания Каффы; 6 — консульство Воспорское.

Fig. 1. Map of the Genoese territories in the Crimean Peninsula in the last quarter of the 14th century: 1 — Genoese possession on the Tarkhankut Peninsula; 2 — Consulate of Cembalo; 3 — Genoese possessions on the the South coast of the Crimea; 4 — Consulate of Soldaia; 5 — Campagna of Kaffa; 6 — Consulate of Vostporo.

вой, но и в политической жизни Черноморского региона. Однако, после захвата турками Константинополя в 1453 г. сообщение между колониями и Лигурией стало затруднительным, в связи с чем начинается постепенный спад городской жизни и отток населения. В ноябре 1453 г. коммуна Генуи за сумму в 5500 ливров передала свои владения в Северном Причерноморье Банку Св. Георгия. А уже в следующем 1454 г. турецкий флот подошёл к стенам Каффы, но военного столкновения удалось избежать — город вынужденно признал свою зависимость от османского султана и обязывался ежегодно выплачивать дань.

В середине XIV в. складывается сельская округа города (сапрана). Кампания Каффы занимала территорию вдоль восточного побережья Крыма протяженностью 30 км в длину и 3,0—9,0 км в ширину (рис. 1). В современном географическом описании эта территория представляет собой восточную оконечность Главной гряды Крымских гор с тремя основными долинами: Двужорной, Коктебельской и Отузской (первую и вторую разделяет хребет Биюк-Яншар, вторую и третью — гор-

ный массив Карадаг) и бухтами: Двужорной, Провато, Тихой (Ениширской), Коктебельской и Отузской. Кампания состояла из семи селений, три из которых (Калиера, Поссидима, Провато) возникли еще в предыдущий византийский период, одно — в золотоордынский (Отуз), а еще три появились при генуэзцах (Тепе-Оба, Тихая бухта, Падилкой). Кроме того, в сельской округе находились два греческих монастыря (св. Петра и св. Георгия) и один армянский (св. Иоанна Предтечи), а так же один замок (Калиера), с возведением которого генуэзская администрация Каффы окончательно закрепляет свой контроль над Отузской долиной и гаванью (Бочаров 2011: 138—145).

Солдайя и консульство Солдайское

Солдайя (совр. Судак, Юго-Восточный Крым; 1365—1475 гг.) — второй по величине и значению генуэзский город на Крымском полуострове. С конца XIII в. до третьей четверти XIV в. этот город был главным торговым конкурентом Каффы в Северном Причерноморье. Ликвидировать противостояние удалось в результате столкновения с Золотой Ордой в 1365 г., когда генуэзцами была захвачена Солдайя

и 18 селений её округа (Pistarono 1988: 214). Этот инцидент в течение двадцати последующих лет осложнял их отношения с золотоордынскими властями, которые на крымском полуострове располагались в городе Солхат (совр. Старый Крым). В этом же году генуэзцы начали строительство земляных укреплений в Солдаёе, под прикрытием которых в 1371 г. началось возведение каменных стен. В 1375 году эмир Мамай вернул 18 селений дистрики Солдаёи под протекторат золотоордынских властей полуострова, но захватить сам город не смог (Balard 1978: 161). В первой половине XV в. городская территория включала цитадель (*castrum Sancti Elie*) площадью около 0,21 га; кварталы площадью 12,9 га, защищённые внешней оборонительной линией (*castrum Sancti Cristi* 1385—1414 гг.), протяжённость которой составляла 925 м (Bocharov 2015: 449—450); портовый район площадью 5,7 га огороженный отдельной каменной стеной протяжённостью 255 м, а также неукреплённый пригород площадью 3,6 га (Боcharов, Масловский 2015: 40—41).

Администрация Каффы не использовала Солдаёю в качестве международного морского порта, роль города скорее сводилась к региональному центру значительной сельскохозяйственной территории.

Сельская округа города сформировалась ещё в византийский период (XI—XIII вв.) и перешла к генуэзцам уже в сложившемся виде. Она состояла из восемнадцати селений: *Sohii* (Козы — Солнечная Долина), *Sancti Johannis* (Куру-Узень — Солнечногорское), *Tarataxii* (долина Ай-Ван), *Louolli* (Ворон), *Sille* (Шелень — Громовка), *Sdaffo* (Сотера), *Canecha* (Канака), *Sagrati* (Арпат — Зеленогорье), *Scuto* (Ускут — Приветное), *Bazalega* (Кучук-Узень — Малореченское), *Vuzult* (Туак — Рыбачье), *Sara ihoclas* (Кутлак — Весёлое), *Diauollo* (Копсель), *Carlo* (Капсихор — Морское), *Sancti Eignii* (Улу-Узень — Генеральское), *Saragaili* (Карагач), *Paradixii* (Токлук — Богатовка), *Cheder* (Ай-Серез — Междуречье). Солдаёе консульство занимала приморскую территорию южного склона восточной части Главной гряды Крымских гор на протяжении 50 км (рис. 1). Полосу земли «от Козио до Осдафума» и граничившую на севере с землями Золотой Орды, на северо-востоке в окрестностях села Солнечная Долина (*Cosio*) с кампанией Каффы и на юго-западе за территорией урочища Сотера (*Sdaffo*) с генуэзским Алуштинским консульством (Боcharов 2005: 282—294).

Чембало и консульство Чембальское

Чембало (совр. Балаклава, Юго-Западный Крым; 40-е гг. XIV в. — 1475 г.). Первое упоминание

о генуэзском консуле в Чембало относится к 1347—1349 гг. В 40-х гг. XIV в. город был укреплен земляными рвом и валом с деревянным палисадом, а в 1357 г. началось строительство каменной цитадели на горе Кастрон (площадь 0,16 га). В 1386—1388 гг. у входа в бухту генуэзцы возвели вторую цитадель площадью 0,18 га (замок Св. Николая). Во время войны с крымской поствизантийской сеньорией Феодоро в 20—30-х гг. XV в. (Papacostea 2006: 259—276) городской пейзаж претерпевает значительные изменения: земляные оборонительные сооружения заменяются каменной крепостной стеной (*castrum Sancti Cristi*), протяжённостью 1080 м, а общая площадь укреплённой городской территории увеличилась до 3,3 га. На восточном берегу бухты находился неукреплённый пригород площадью 2,8 га (Адаксина, Мыц 2015: 12—18). Чембало был административным центром значительной территории Южного Крыма с греческим (византийским) населением, играл важную роль в снабжении Каффы продовольствием и обороне западных границ Генуэзской Газарии. Видимо, граница между генуэзцами и поствизантийскими территориями Горного Крыма первоначально проходила по Чёрной речке, далее западнее Байдарской и далее между селениями Ласпи и Форос. Гипотетически в Чембальское консульство входили селения Карань (Флотское), Кадыкой, Камара (Оборонное), Кучук-Мускомья (Резервное), Варнаутка (Гончарное), Кайту (Тыловое), Батилиман, Ласпи, остатки византийского Херсона. После 40-х гг. XV в. генуэзцы уступают часть своей территории, и приморская граница обозначена как от мыса Херсонес (*Fanario*) до Ласпинской бухты (*loco Caiton*) (рис. 1).

Воспоро и селения

Керченского полуострова

Воспоро (совр. Керчь, Восточный Крым; 1365 (?) — 1475 гг.). Точная дата основания генуэзского консульства в Воспоро неизвестна. Письменные источники не сообщают ни о дате возведения крепости в целом, ни о появлении её отдельных оборонительных и городских составляющих. На основании аналогий из генуэзской фортификации других крымских городов и анализа крепостного ансамбля самого Воспоро крепостные сооружения этого города возводились в два этапа. Цитадель была построена во второй половине 60-х гг. XIV в., а в середине 1380—90-х гг. она была усилена оборонительной линией и рвом. Одновременно возводятся внешнее оборонительное кольцо, внешняя крепостная линия и городской ров. В результате площадь укреплённой городской территории составила 3,52 га. Западнее

крепости располагался неукреплённый пригород (площадь 2,4 га) (Бочаров 2015а: 143). Необходимость строительства беспрецедентно мощного крепостного ансамбля для защиты столь малого города можно объяснить его стратегическим положением на берегу Керченского пролива. Крепость Воспоро контролировала основную морскую торговую магистраль в Азовское море и Тану на Нижнем Дону, а также и все торговые пути с полуострова на Северный Кавказ.

В результате археологических разведок на Керченском полуострове удалось выяснить, что на портоланах отмечены поселения XIII—XV вв., в определённой степени зависящие от города Воспоро (рис. 1). Определено точно местоположение пунктов: Zavida, Conestaxe, Ciprico, Cavalari, Vosporo, Pondico, Zucolai. Все эти пункты оказались возможным соотнести с археологическими памятниками, в той или иной степени исследованными археологически. Завида, Конестассе, Чиприко размещались на южном берегу Керченского полуострова, Кавалари, Аспромити, Воспоро, Пондико — на его восточном побережье, Дзукалаи и Каркавони — на северном (азовском) побережье (Бочаров 2001: 157—161; 2013: 37—40).

Селения Тарханкутского полуострова

На черноморском побережье Западного Крыма на компасных картах — портоланах отмечены 10 пунктов: Мега Глосида (Mega Glosida), Гросида (Grosida), Варанголимен (Varangolimena), Рософар (Rosofar), Калолимена (Calolimena), Салине Триничи (Saline Trinici), Триничи (Trinici), Салине (Saline), Рофлекам (Roflecam), Фети (Feti). Первые 3 из них размещались на северном берегу Тарханкута; Рософар, вероятно, располагался на западной оконечности полуострова; Калолимену можно отождествлять с поселением на месте античного городища Кульчук, Салина Триничи — с посе-

лением на месте античного городища «Чайка», Триничи мог находиться на месте современной Евпатории, пункты Салине, Рофлекам и Фети размещались близ соленых озер Сасык и Сакское (рис. 1). Навигация и, как следствие, морская торговля вдоль берегов Западного Крыма обеспечивалась целой сетью прибрежных поселений, экономически тесно связанных с итальянскими владениями в Северном Причерноморье (Бочаров, Коваль 2009: 45—46).

Генуэзские владения на Южном берегу Крыма

В 1380 г. территории Южного берега Крыма выводятся из протектората Золотой Орды и официально переходят под власть Генуи, что было закреплено договорами от 27 ноября 1380 г. и 24 февраля 1381 г. (Бочаров 2009: 109). Кафийским властям были переданы селения (casalii): Fori (Форос), Chinicheo (Кикенеиз — Оползневое), Lupico (Алупка), Muzacori (Мисхор), Orianda (Ореанда), Jallita (Ялта), Sikita (Никита), Gorzouium (Гурзуф), Partenite (Партенит), Lambadie (Кучук — Ламбат), Lusta (Алушта) (Бочаров 2012: 109). Это прибрежная территория, протянувшаяся на 100 км с запада на восток от мыса Сарыч до долины реки Сотера. Административное деление Южнобережья не понятно. По нашему мнению, оно состояло из пяти консульств с центрами в Алуште, Партените, Гурзуфе, Ялте и Симеизе (рис. 1). В конце XIV — начале XV вв. генуэзцами в этих пяти селениях строятся замки, возможно, в качестве резиденций консулов (Бочаров 2004: 186—201).

В 1475 г. заканчивается эпоха генуэзского присутствия в Крыму — армия и флот османского султана Мехмета II под руководством великого визиря Гедик Ахмед-паши при поддержке татар захватывает Каффу и все генуэзские владения на Крымском полуострове, которые вплоть до 1774 г. входят в качестве отдельной провинции в состав Османской империи.

- Адаксина С.Б., Мыц В.Л. 2015. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345—1476 гг.). *Таврические студии. Исторические науки* 7. Симферополь, 12—18.
- Бочаров С.Г. 2001. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV веков II. В: Иваненко П.И. (ред.). *175 лет Керченскому музею древностей*. Материалы международной конференции. Керчь: Рэг-Тайм, 157—161.
- Бочаров С.Г. 2004. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. Южный берег Крыма. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»*. Сборник научных трудов по материалам конференции в честь

210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. Киев: Стилюс, 186—205.

- Бочаров С.Г. 2005. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV. Консульство Солдайское. *АДСВ* 36, 282—294.
- Бочаров С.Г. 2009. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар. В: Бочаров С.Г., Кожокару В. (ред.). *Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье*. Симферополь: Издательство А.Э. Барановского, 108—114.
- Бочаров С.Г. 2011. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV веков (Кампанья Каффы). В: Васильев Д.В., Зеленев Ю.А., Ситдииков А.Г. (ред.

- колл.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Казань: ИИ АН РТ, 137—145.
- Боcharov С.Г. 2012. Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году. В: *Актуальные вопросы археологии Поволжья*. К 65-летию студенческого археологического кружка Казанского университета. Казань: ИИ АН РТ, 109—121.
- Боcharov С.Г. 2013. Поселения XIII—XV вв. на побережье Керченского полуострова — связи с регионом Кубани. В: Марченко И.И. (гл. ред.). *Материалы Шестой Кубанской Международной археологической конференции*. Краснодар: Экоинвест, 37—40.
- Боcharov С.Г. 2015а. Фортификационные сооружения генуэзского Веспоро. В: Карпов С.П. (гл. ред.). *Причерноморье в средние века* 9. Санкт-Петербург, 127—148.
- Боcharov С.Г. 2015б. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. *Былые годы* 38 (1), 808—824.
- Боcharov С.Г., Коваль В.Ю. 2009. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. (Западный Крым). В: Хузин Ф.Ш., Стидииков А.Г. (ред.). *Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей*. Казань: ИИ АН РТ, 45—46.
- Боcharov С.Г., Масловский А.Н. 2015. Солхатская война и её отражение в генуэзской фортификации Восточного Крыма. В: Матишов Г.Г. (отв. ред.). *Крым в войнах России*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 38—45.
- Карпов С.П. 2000. *Латинская Романья*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Bocharov S. 2015. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th—15th centuries. In: Zugravu N. (fond.). *Classica et Christiana* 10. Yassi: Universitatea Alexandru Ioan Cuza, 443—459.
- Balard M. 1973. *Gênes et l'Outre-Mer*. T.1. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris: La Haye.
- Balard M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècle)* I. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.
- Papacostea Ş. 2006. *La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204—1453*. Bucureşti: Biblioteca de istorie, Institutul Cultural Român.
- Pistarino G. 1988. *I Gin dell'Oltremare*. Studi e Testi — Serie Storica 11. Genova: Civico Istituto Colombiano.

Sergei G. Bocharov. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Address: Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Crimea. E-mail: sgbotcharov@mail.ru

The Historical Geography of the Genoese Gazaria 1275—1475. In the second half of the 14th century, the property of the Genoese Republic in the Crimea covered the whole of the Crimean coastal line and was named the Genoese Gazaria. The historical geography of the various administrative units of the Genoese Gazaria is considered: rural district of Caffa, Soldaia, Cembalo and Vosporo Consulates, domains on the Southern Coast of Crimea, and on Kerch and Tarkhankut Peninsulas. Results of historical topography studies of four fortified Genoese cities — Caffa, Soldaia, Cembalo and Vosporo — are provided.

Keywords: Crimea, Genoese Gazaria, Caffa, Campagna of Caffa, Soldaia, Cembalo, Vosporo, Consulate, historical geography.

■ Prepared in the framework of realization of the planned theme “Cross-Cultural Ties of the Population of Taurica and the Adjacent Territories in the Middle Ages” (State registration No. 1005-2015-0007) at the Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences.

References

- Adakina, S.B., Myts, V.L. 2015. In *Tavrisheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies: Historical Sciences)* 7. Simferopol, 12—18 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2001. In Ivanenko, P.I. (ed.). *175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei (175th Anniversary of the Kerch Museum of Antiquities)*. Kerch: “Reg Taim” Publ., 157—161 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2004. In Myts, V.L. (ed.). «*O drevnostiakh luzhnogo berega Kryma i gor Tavrisheskikh*»: *Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letii so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena)* („On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica”: *Proceedings of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen*). Kiev: “Stilos” Publ., 186—205 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2005. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 36. Yekaterinburg, 282—294 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2009. In Bocharov, S.G., Cojocaru, V. (eds.). *Vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v period antichnosti i srednie veka (Interrelations between Northern and Western Pontic Areas in Antiquity and Middle Ages)*. Simferopol: “A.E. Baranovskii” Publ., 108—114 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2011. In Vasilev, D.V., Zelenev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan: “Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan” Publ., 137—145 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2012. In *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studentcheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 109—121 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2013. In Marchenko, I.I. (ed.). *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Materials of the Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: “Ekoinvest” Publ., 37—40 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In Karpov, S.P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 9. Saint Petersburg, 127—148 (in Russian).

- Bocharov, S.G. 2015. In *Bylye gody (Bylye Gody)* 38 (1). 808—824 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Koval', V. Yu. 2009. In Khuzin, F.Sh., Sitdikov, A.G. (eds.). *Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa po arkhologii Evraziiskikh stepei (Proceedings of the 1st International Congress on the Archaeology of Eurasian Steppes)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 45—46 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Maslovskii, A.N. 2015. In Matiashov, G.G. (ed.). *Krym v voynakh Rossii (Crimea in the Wars of Russia)*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 38—45 (in Russian).
- Karpov, S.P. 2000. *Latinskaia Romaniia (Latin Empire)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
- Bocharov, S. 2015. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th—15th centuries. In Zugravu, N. (fond.). *Classica et Christiana* 10. Yassi: Universitatea Alexandru Ioan Cuza, 443—459.
- Balard, M. 1973. *Gênes et l'Outre-Mer*. T.1. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris; La Haye.
- Balard, M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècle)*. I. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.
- Papacostea, Ș. 2006. *La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204—1453*. București: Biblioteca de istorie, Institutul Cultural Român.
- Pistarino, G. 1988. *I Cin dell'Oltremare*. Studi e Testi — Serie Storica 11. Genova: Civico Istituto Colombiano.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2016 г.

А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования*

К исторической топографии Кырк-Ера: мнимая гробница Айдар-хана

Ключевые слова: Крымское ханство, Чуфут-кале, Бахчисарай, дюрбе, Гирей, Айдар-хан, Джанике-ханым, история, археология.

В 1786 г., через три года после присоединения Крымского полуострова к Российской империи, в компании П. А. Строганова и А. Н. Воронихина его посетил Шарль Жильбер Ромм. Результатом этой экспедиции стало сочинение «Путешествие в Крым в 1786 году», представляющее собой незавершенную рукопись, впервые изданное в русском переводе в 1941 г. В числе прочих крымских достопримечательностей Ромм описывает и городище Чуфут-Кале (средневековый Кырк-Ер): «24-го мы побывали в еврейском городке Джуфут-Кале, расположенном на возвышении, в 3 или 4 в. от Бахчисарая. Он укреплен и построен отлично, большинство домов из плитняка. Их насчитывается свыше 200; город населен евреями, занимающимися кое-какими ремеслами и торговлей. Мы видели их синагогу, где хранятся книги Моисея, очень чисто переплетенные на больших пергаментных свитках, вложенных в футляры цилиндрической формы, покрытые бархатом и чеканным серебром. В центре города посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего 300 лет назад. Архитектура ее хороша, хотя и в восточном вкусе» (Петрова, Прохорова 2011: 119). Как видим, на Чуфут-Кальском плато особое внимание автора привлекло только убранство караимской кенассы и «гробница» некоего Гайдар-хана. Последнее выглядит странным, так как ни один иной источник ни о каком Гайдар-хане, захороненном в Кырк-Ере, не сообщает. Другие авторы фиксируют здесь только мавзолей Джанике-ханым. Вероятнее всего, любознательный француз сам ничего не придумывал, а пользовался информацией проводника. Он раскрывает и имя своего информатора. При описании Тепе-Кермена, на который путешественники отправились именно из Чуфут-Кале, можно прочитать: «Проводником нам служил ученый-татарин Махмет-ага. ...Этот Махмет-

ага — шестидесятилетний старик — считается очень сведущим в древней истории Тавриды» (Петрова, Прохорова 2011: 121).

В нашей монографии, изданной в 1993 г., мы писали по этому поводу следующее: «Возникает вопрос, где находилось место первоначального захоронения основателя династии Гиреев? Не исключено, что это был Кырк-Ор, поскольку там хоронили и других правителей. Вот свидетельство французского путешественника Жильбера Ромма... Автор ошибся, речь, конечно, шла о гробнице Джанике-ханым, но, видимо, память о погребении в Кырк-Оре Гейдар-хана, сына Хаджи-Гирея, сместившего с трона отца и правившего несколько месяцев в 1456 г., сохранялась. Это может быть объяснено существованием гробницы с соответствующей надписью, не дошедшей до нашего времени. На рисунках мавзолея Джанике-ханым, относящихся к середине XIX в., хорошо видны мусульманские надгробия, расположенные рядом с ним» (Герцен, Могаричев 1993: 64).

Московский востоковед И. В. Зайцев развил данную точку зрения: «Жильбер Ромм, посетивший крепость в 1786 г., отметил в своих записках, что Айдар (сын Хаджи-Гирея), занявший на короткое время крымский трон в 1456 г., похоронен был именно там... Там же была похоронена и знаменитая Джанике-ханум, умершая в 1437 г., чей мавзолей до сих пор возвышается на плато, причем рядом с ним еще в начале XIX в., безусловно, существовали и другие захоронения... Таким образом, Кырк-Йер почти сразу же превратился в священный родовой некрополь» (Зайцев 2012: 98—99; 2013: 496).

Была ли на городище гробница некоего Гайдар-хана?

Через семь лет после путешествия Ж. Ромма, 30 октября 1793 г., в Крым приехал академик П. С. Паллас. Ознакомившись с полуостровом,

в марте 1794 г. он начинает работу по всестороннему его описанию, которую заканчивает к 18 июня того же года. А уже 14 октября отчет о поездке был представлен Екатерине II, послужив основой впервые изданных в 1799 г. «Наблюдений, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства». Не обошел вниманием академик и Чуфут-Кале: «Жидовский город, начинающийся на самой узкой части выдвинутой горы, защищен частью стенами, а частью каменными жильными домами столь же старательно с узкой стороны, как и с расширенного склона сзади города. В нем — двое внешних ворот, по одним с каждой стороны, старательно запираемых на ночь. Его улицы узки, извилисты и очень чисты, состоя из скалы; на главной улице уложены большие камни для удобства пешеходов. Посередине города находятся еще и третьи ворота, указывающие его древнюю величину и современное расширение. Подле этих ворот виднеется мавзолей дочери хана Тохтамышша, состоящий из двух усыпальниц, одна над другой; с западной стороны он украшен изящным сводчатым портиком. Могила или мавзолей должен был быть построен для дочери Тохтамышша, похищенной одним мурзой при помощи хитрости и бежавшим в эту крепость, в то время находившуюся во владении генуэзцев. Со времени этого происшествия прошло приблизительно 350 лет» (Паллас 1999: 32—33). Как видим, Паллас, в отличие от Ромма, занимавшийся сбором исключительно научных материалов, фиксирует на Чуфут-Кальском плато только гробницу Джанике-ханым. Вряд ли стоит сомневаться, что педантичный академик не упомянул бы и о погребальном сооружении Гайдар-хана, если бы имел о ней хоть какие-то достоверные сведения.

Предположение, что в 1786 г. гробница Гайдар-хана еще стояла, а в 1793—1794 гг. о ней исчезли всякие воспоминания, не выдерживает критики, и самое главное, не объясняет, почему Ж. Ромм не сообщает о мавзолее Джанике-ханым.

К сожалению, не позволяют внести ясность в рассматриваемую проблему «дороммовские» описания памятника. Так, Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666—1667 гг. и оставивший подробное описание Кырк-Ера, детально опи-

сывает оборонительные сооружения крепости, уже не функционировавшую тогда мечеть, ханскую тюрьму, сообщает подробности о его жителях, но совсем умалчивает о наличии в ней каких-либо погребальных сооружений (Челеби 2008: 81—83).

Мало информативно в данном плане «Крымское ханство» И.Э. Тунманна (1764 г.) (Тунманн 1990: 32—33) и путеводитель, подготовленный к путешествию Екатерины II в Крым (Путешествие 1786: 70—73).

Ничего не знают о «гробнице Гайдар-хана» последующие путешественники. Например, Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Крым в начале 30-х гг. XIX в., подробно описывает дюрбе Джанике-ханым, анализирует различные легенды, связанные с ней, проявляет блестящее знание историографии, но даже вскользь не упоминает об иных погребальных памятниках (Дюбуа де Монпере 2009: 278—281).

Не фигурирует данный объект и в трудах исследователей, например, П.И. Кеппена и А.Л. Бертье-Делагарда. Последний посвятил городищу и его памятникам обстоятельную работу. В ней он отмечает следы мусульманского кладбища вокруг руин мечети, дюрбе Джанике-ханым и иные объекты, относящиеся к татарскому периоду истории (Бертье-Делагард 2011: 109—110).

Не сохранилось на городище и эпиграфических свидетельств могилы Гайдар-хана. Более того, методичное обследование мусульманских памятников поселения, проводившееся в 20-х гг. XX в., не выявило никаких следов данного погребального сооружения (Акчокраклы 1928; Боданинский 1927; Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы 1929).

Таким образом, следует признать, что «гробница Гайдар-хана» — историографический миф. То ли Жильбер Ромм не так понял своего гида, то ли учёность Махмет-аги была сильно преувеличена французским путешественником. Учитывая, что татарское население не проживало на Чуфут-Кальском плато, по крайней мере, с середины XVII в., то представления об истории городища и его памятниках даже среди образованных татар, очевидно, не выходили за пределы пересказа различных, не всегда имеющих историческую основу легенд. Что и продемонстрировал путешественникам Махмет-ага.

- Акчокраклы О. 1928. Новое из истории Чуфут-кале. *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии* 2, 158—172.
- Бертье-Делагард А.Л. 2011. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. В: Бертье-Делагард А.Л. *Избранные труды по истории христианства в Крыму* II. Симферополь: Доля, 7—138.
- Боданинский У.А. 1927. Татарские «Дурбе» — мавзолеи в Крыму. *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии* 1, 195—201.
- Боданинский У.А., Засыпкин Б.П., Акчокраклы О. 1929. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928—29 гг.). *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии* 3, 170—187.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1993. *Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале*. Симферополь: Таврия.
- Дюбуа де Монпере Ф. 2009. *Путешествие в Крым*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Зайцев И.В. 2012. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства. В: Мельникова Е.А. (отв. ред.). *Миграции, расселение, война как факторы политогенеза*. Восточная Европа в древности и средневековье XXIV. Москва: ИВИ РАН, 97—102.
- Зайцев И.В. 2013. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства. В: Степаненко В.П., Юрченко А.Г. (ред.). *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи*. К 70-летию М.Г. Крамаровского. Москва: Издательский дом «Марджани», 494—505.
- Паллас П.С. 1998. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах*. Научное наследство 27. Москва.
- Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. 2011. *Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году»*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Путешествие 1786: *Путешествие ее императорского величества в полуденный край России предприемлемое в 1787 г. 1786*. Санкт-Петербург.
- Тунманн И. 1990. *Крымское ханство*. Симферополь: Таврия.
- Эвлия Челеби. 2008. *Книга путешествия. Крым и сопредельные области*. Пер. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля.

Aleksandr G. Gertsen. Candidate of Historical Sciences. V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Address: Academician Vernadsky Ave., 4, Simferopol, 295007, Crimea. E-mail: gertsenag@yandex.ua

Yuriy M. Mogarychev. Doctor of Historical Sciences. Crimean In-Service Teacher Training Institute. Address: Lenin St., 15, Simferopol, 295001, Crimea. E-mail: mogara@rambler.ru

On Historical Topography of Qırq Yer: a delusory tomb of Hayder Khan. G. Romme in his “The Travelogue in Crimea” mentioned a tomb of a certain Hayder-Khan on Chufut-Kale. The authors have analyzed a number of 17th to 19th-century descriptions of the fortress and arrived at the conclusion that the French traveler had apparently been misled by his guide. There had never been any tomb of Khan Haydar (Aidar) on Chufut-Kale. The only known mausoleum on the plateau is the dürbe (mausoleum) of Canike (Janike)-Hanyim who died in 1437.

Keywords: Crimean Khanate, Chufut-Kale, Bakhchisaray, dürbe, Girays, Haydar Khan, Canike-Hanim.

References

- Akchokrakly, O. 1928. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* (2), 158—172 (in Russian).
- Bertier de la Garde, A.L. 2011. In Bertier de la Garde, A.L. *Izbrannye trudy po istorii khristianstva v Krymu (Selected Works on the History of Christianity in Crimea)* II. Simferopol: “Dolya” Publ., 7—138 (in Russian).
- Bodaninskii, U.A. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* (1), 195—201 (in Russian).
- Bodaninskii, U.A., Zasyupkin, B.P., Akchokrakly, O. 1929. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* (3), 170—187 (in Russian).
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu.M. 1993. *Krepost’ dragotsennostei. Kyrk-or. Chufut-kale (The Fortress of the Valuables. Kyrk-or. Chufut-Kale)*. Simferopol: “Tavriia” Publ. (in Russian).
- Dubois de Montpéroux, F. 2009. *Puteshestvie v Krym (Travel to Crimea)*. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).
- Zaitsev, I.V. 2012. In Melnikova E.A. (ed.). *Migratsii, rasselenie, voina kak faktory politogenezisa (Migrations, Peopling, War as the Factors of Politogenesis)*. Series: Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov’e (Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages) XXIV. Moscow: Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences, 97—102 (in Russian).
- Zaitsev, I.V. 2013. In Stepanenko, V.P., Yurchenko, A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi (From the Onon to the Thames: Genghisids and their Western Neighbours)*. Moscow: “Mardzhani” Publ., 494—505 (in Russian).
- Pallas, P.S. 1998. *Nabliudeniia, sdellanye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godakh (Observations Made during the Travel through the Southern Viceregency of Russian State in 1793—1794)*. Series: Nauchnoe nasledstvo (Scientific Heritage) 27. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Petrova, E.B., Prokhorova, T.A. 2011. *Sharl’ Zhil’ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu» (Charles-Gilbert Romme: “Travel to Crimea in 1786”)*. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).
- Puteshestvie ee imperatorskogo velichestva v poludennyi kraj Rossii predpriemlemoe v 1787 g. (Travel of Her Imperial Majesty to the Southern Part of Russia in 1787)*. 1786. Saint Petersburg (in Russian).
- Tunmann, I. 1990. *Krymskoe khanstvo (The Crimean Khanate)*. Simferopol: “Tavria” Publ. (in Russian).
- Evlia Çelebi. 2008. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel’nye oblasti (The Book of Travels: Crimea and Neighbouring Lands)*. Simferopol: “Dolya” Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 27 декабря 2015 г.

О золотоордынском периоде в истории Мангупского городища: к постановке научной проблемы

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, княжество Феодоро, Мангуп, золотоордынский период, Крымский улус, политическая история, археологические и эпиграфические данные, история, археология.

В истории Мангупа особое место занимает **период княжества Феодоро** (XIV в. — 1475 г.). В это время возведенная еще в середине VI в. крепость на вершине обширного плато приобрела городские черты и превратилось в столицу независимого политического образования на территории всего Юго-Западного Крымского нагорья, игравшего важную роль в политике региона, о чем свидетельствуют династические союзы и дипломатические контакты княжества с Трапезундом, Молдавией и Москвой. Справедливости ради, следует заметить, что большая часть сказанного находит надежное подтверждение в источниках для периода расцвета княжества (около 1425—1475 гг.). Менее известна и поэтому является предметом дискуссии ранняя история Феодоро, от начала его образования в первой половине — середине XIV в. и до разрушительного похода Тимура, очевидно, не позднее середины 90-х гг. этого столетия.

На сегодняшний день главная проблема изучения ранней истории Феодоро заключается в отсутствии культурного слоя этого времени на Мангупском плато, что связано, очевидно, с масштабным строительством в 20—30-е XV в., когда предшествующий культурный горизонт был фактически уничтожен. В стратиграфии городища явно доминируют комплексы 1425—1475 гг., периода расцвета княжества. находки XIV в. есть, но они, как правило, встречаются лишь в переотложенном состоянии. В настоящем докладе представлен обзор таких артефактов, позволяющий связать историю Феодоро XIV в. с золотоордынской экспансией на территории Крыма и поставить в целом вопрос о его политико-административном статусе и характере внешних связей.

Как показывают археологические исследования городища, после почти 300-летней паузы, вызванной до конца не ясной катастрофой середины XI в., жизнь на плато окончательно возрождается в первой половине — середине XIV в. В это время на значительной части крепостного полигона начинает формироваться поселение городского типа. Не позднее 60-х гг. XIV в. строится цитадель на мысе Тешклибурун. В центральной части плато функционирует в своих максимальных размерах Большая трехнефная базилика. Вероятно, в это же время начинает складываться крупный общественный комплекс, переросший к 20-м гг. XV в. в дворец правителей княжества Феодоро.

Опираясь на сведения эпиграфики, есть основания полагать, что в политическом отношении княжество XIV в. находилось под протекторатом золотоордынской администрации в Крыму. В то же время основным языком коммуникации оставался греческий. В городе находилась резиденция иерарха, управлявшего Готской митрополией от имени Константинопольской патриархии. Связь Феодоро с Трапезундом и с возрожденной «Романией» сохранялась в основном в области церковных отношений.

Для понимания особенностей формирования комплекса материальной культуры, присутствующего на вершине княжества, важное значение имеют два эпиграфических памятника, оба вторичного использования, с территории Мангупского городища. Первым из них является хорошо известная греческая надпись 1361—1362 гг., обнаруженная еще в 1913 г. во время раскопок базилики. Она сообщает о работах по восстановлению Феодоро (это первое достоверное употребление топонима в источниках) и стро-

■ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта №15-06-04670 «Историческая топография “страны Дори” в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования».

ительству некоей «Пойки», произведенных сотником (гекатонтархом) Хуйгани. Вторым эпиграфическим источником является фрагмент мраморной плиты, извлеченной в 1890 г. из кладки башни османского времени в верховьях ущелья Табана-дере. Сохранилась правая половина надписи, смысл текста которой, в интерпретации Н.В. Малицкого, сводился к сообщению о возведении (реконструкции?) при хане Тохтамыше (1376—1395) сотником Чичикием, вероятно, еще одной крепостной башни.

Анализ текстов указанных эпиграфических памятников проводился неоднократно. Наиболее обстоятельно их содержание, с точки зрения известных фактов истории Мангупа золотоордынского времени, рассмотрены в работах Н.В. Малицкого, А.А. Васильева и Г.-Х. Байера. Мы лишь констатируем, что обе надписи относятся к первому периоду жизни Мангупа, уже в качестве административной резиденции княжества Феодоро. Следуя буквально содержанию надписи 1361—1362 гг., можно сделать вывод о том, что она сообщает об активном строительстве на плато, выразившемся в восстановлении города Феодоро и строительстве «Пойки». Речь в данном случае идет, как кажется, во-первых, о ремонтных работах на Главной линии обороны крепости, во-вторых, о возведении нового фортификационного комплекса — цитадели на мысе Тешклибурун, которая имела отличное от города название. Практически все комментаторы надписи отмечали, что титулатура лиц, руководивших строительными работами, соответствует традиционной золотоордынской системе деления населения на десятки, сотни и т.д., что свидетельствовало об управлении городом администрацией, назначаемой властями Крымского улуса Золотой Орды.

Влияние Золотой Орды сказывается на распространении среди христианского населения Юго-Западного Крыма, в данном случае Мангупа, вещей золотоордынского культурного круга. Вряд ли это явление было массовым, скорее, оно затрагивало лишь правящую верхушку, включенную в улусную управленческую структуру. Увлечение предметами «золотоордынской моды» как выразительных сословных индикаторов демонстрирует найденный в 2005 г. в одном из погребений в центральном нефе базилики серебряный пояс 30—50-х гг. XIV в., изданный М.Г. Крамаровским. Автор публикации отмечает «статусный» характер поясного набора, владелец которого занимал определенное место в улусной иерархии, возможно, соответствующее позиции «сотника».

О некоей «татаризации» вкусов правящей в XIV в. христианской элиты Мангупа выразительно свидетельствует также находка типично «золотоордынского» зеркала с изображением двух драконов из раскопок княжеского дворца 2008 г. Состояние артефакта свидетельствует о его долгом хранении в стабильных бытовых условиях и передаче по наследству в пределах одной семьи. Типологически зеркало датируется второй половиной XIV в., то есть ранним периодом истории княжества Феодоро. В культурный же слой дворца оно попало значительно позднее, в 1450—1475 гг.

Говоря о массовых или, скорее, типичных археологических находках, связанных с золотоордынским импортом на Мангупе, следует обратить внимание на две группы материалов, происходящих, главным образом, из раскопок последних лет дворцового комплекса. Прежде всего, на данные нумизматики. Из 434 монет, обнаруженных в ходе исследований памятника в 2006—2010 гг. около 20% (83 монеты) составляют номиналы Золотой Орды, датированные временем от правления хана Токты (1289—1313) до Тохтамышша (1376—1395). Вероятно, именно они обеспечивали денежное обращение княжества в XIV в.

Еще одной категорией импортных вещественных находок, важных в контексте взаимоотношений Золотой Орды и Мангупа, являются фрагменты кашинной полихромной керамики и сосудов из селадона под монохромной светло-зеленой (либо сине-зеленой) глазурью. Если в отношении золотоордынского происхождения кашинной керамики сомневаться не приходится, и можно лишь сожалеть о крайней фрагментарности находок на городище, не позволяющей уверенно восстановить их полный облик, то вопросы точной атрибуции и датировки поступления изделий из селадона на Мангуп требуют обсуждения.

Находки селадона на памятниках золотоордынского времени в Восточной Европе хорошо известны по раскопкам, главным образом, городских центров Поволжья и Северо-Западного Причерноморья, хотя они там и не являются массовым археологическим материалом. В это же время, как считается, в Золотой Орде появляются местные подражания китайским селадонам, так называемые псевдо-селадоны. Отличить их между собой на практике довольно трудно. К примеру, псевдо-селадоны имеют, по сути, кашинную подоснову, в остальном же (морфологически и по своему внешнему виду) ничем не отличаются от своих китайских прототипов. Недавно В.Ю. Ковалем опубликована небольшая коллекция образцов селадонов,

найденных на городищах Руси. За пределами региона они редко встречаются на памятниках Закавказья, Болгарии и Крыма. В этой связи многочисленность коллекции изделий из селадона на Мангупе (более 100 образцов), уступающей количественно в Восточной Европе лишь собранию из Булгара, не может не обращать на себя внимания в контексте темы нашей работы.

Несмотря на то, что большая часть мангупских находок селадона происходит из комплексов 1425—1475 гг., мы не исключаем отнесение начального этапа их поступления на городище и к золотоордынскому времени. Об этом, как кажется, свидетельствуют два момента. Во-первых, большинство сосудов, в том числе почти все археологически целые формы, близки по кашинной подоснове, качеству и цвету глазури псевдо-селадонам Золотой Орды. Во-вторых, еще раз отметим относительную массовость на-

ходок этой группы археологического материала на Мангупе, сравнимую пока только с золотоордынскими крупными городскими центрами в Восточной Европе, что делает крайне гипотетичным представление о селадонах на городище как категории импортных изделий исключительно китайского происхождения.

В заключение важно отметить, что ранняя история столицы княжества Феодоро оставляет пока больше вопросов, чем определенных ответов. Тем не менее, постоянно растущее на Мангупе число находок, связанных с изделиями золотоордынского культурного круга, в том числе статусного характера, делает гипотезу о некоем особом золотоордынском периоде в истории городища заслуживающей пристального внимания. Настоящий доклад в этом контексте может рассматриваться как постановка научной проблемы, требующей серьезного специального рассмотрения.

Aleksandr G. Gertsen. Candidate of Historical Sciences. Crimean Federal University. Address: Academician Vernadsky Ave., 20, Simferopol, 295007, Crimea. E-mail: gertsenag@yandex.ua

Valery E. Naumenko. Candidate of Historical Sciences. Crimean Federal University. Address: Academician Vernadsky Ave., 20, Simferopol, 295007, Crimea. E-mail: byzance@rambler.ru

On the Golden Horde Period in the History of Mangup Settlement: the Formulation of a Scientific Problem. The early history of the Principality of Theodoro and its capital city — Mangup, is relatively little known and serves as a subject of debate. The main problem is the lack of the Mangup cultural layer related to the period, as it was destroyed by a large-scale construction in the 20—30s of the 15th century. Finds dated to the 14th century are met in redeposited state only. However, there are artifacts, and epigraphy data making it possible to suggest that in the 14th century the Principality was under the protectorate of the Golden Horde, Mangup being managed by the administration, appointed by the Golden Horde Crimean Ulus authorities. The report may be considered as the formulation of the scientific problem requiring serious special consideration.

Keywords: South-Western Crimea, Principality of Theodoro, Mangup, Golden Horde period, Crimean Ulus, political history, archaeological and epigraphic data.

■ Carried out with financial support from Russian Foundation for Basic Research, research project No. 15-06-04670 “Historical topography of the ‘Country of Dori’ in the South-Western Crimea. Integrated archaeological and geophysical investigations”.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

С. В. Дьячков

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

«Новые» объекты на топографической карте генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам раскопок 1999—2013 гг.)

Ключевые слова: Генуэзская Газария, крепость Чембало, крепостные сооружения, башни, цистерны, требюше, история, археология.

Объединенная археологическая экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (руководители экспедиции Н. А. Алексеенко и С. В. Дьячков) в 1999—2013 гг. осуществляла раскопки объектов, расположенных преимущественно на территории консульского замка Чембало и т. н. «города Св. Николая». Источники позволяют выделить два периода в истории крепости: генуэзский (середина XIV — третья четверть XV вв.) и османский (последняя четверть XV — конец XVII вв.), после которого в крепости постепенно наступило полное запустение. Результаты раскопок уточнили функциональное назначение и размеры сохранившихся сооружений крепости, нанесенных на топографические карты XIX и XX вв.

Консульская церковь возведена среди других построек консульского замка на крутом западном склоне горы Кастрон (отм. 45 м), непосредственно над входом в бухту (рис. 1). Церковь зальная, прямоугольная в плане, с алтарной частью в виде полукруглой апсиды. Размеры церкви по ее внутренней части составили 6,1 × 11,5 м. Сохранившаяся высота стен — от 0,3 до 2,8 м; толщина — 0,65—0,75 м. Церкви аналогичной архитектуры являются типичными для провинциальных византийских храмов XII—XV вв.

В археологических напластованиях храма были вскрыты многочисленные погребения в домовинах и без них, а также скопления человеческих костей, возникшие после неоднократных дозахоронений, когда кости предыдущего покойника сдвигались в сторону. Человеческие кости преобладали над другими категориями находок. Останки детей (до 14 лет) составили 73% от исследованных индивидов.

Среди находок в могилах консульской церкви обнаружен богатый комплекс фрагментов поливной керамики, а также бронзовые и серебря-

ные пуговицы (в некоторых случаях с золотым напылением), нательные кресты, стеклянная иконка, браслеты, остатки золотого и серебряного шитья, серьги, кольца и перстни из меди, серебра и золота (Дьячков 2005: 221—222). Более 60 серебряных и бронзовых монет свидетельствуют о контактах обитателей крепости с Византией, Трапезундом, Золотой Ордой, странами Европы и Средней Азии (Алексеенко 2004).

Таким образом, уже во второй половине XIV в. церковь была местом погребения жителей консульского замка, представлявших привилегированные слои генуэзской колониальной администрации. После турецкого завоевания церковь использовалась местной христианской общиной.

Башня №8 возведена на массивном скальном выступе северного склона горы (отм. 57 м), нависающим над территорией средневекового города и проходящей внизу дорогой. Башня контролировала излучину бухты, а также подход к главному входу в замок. Она сложена из грубо обработанного, местного камня прямоугольной и квадратной формы средних размеров на растворе, основу которого составляли известь, песок и мелкий морской камень. Толщина стен башни 0,9—1,1 м, а ее площадь с учетом толщины стен составила 45 кв. м. Фрагментарно сохранился плотный известковый пол мощностью до 5 см, а также нижняя часть большого плоскодонного пифоса, датируемого XIII—XIV вв.

Вдоль юго-восточной стены башни №8 обнаружен каменный желоб — канал водостока, который самотеком отводил грязную воду за пределы замка. С внешней стороны восточного угла башни над водостоком был сооружен ватерклозет, оборудованный сливом и сифоном для сброса воды.

После захвата Чембало турками-османами башня №5 подверглась перестройке в жилое помещение. Вблизи башни соорудили большую

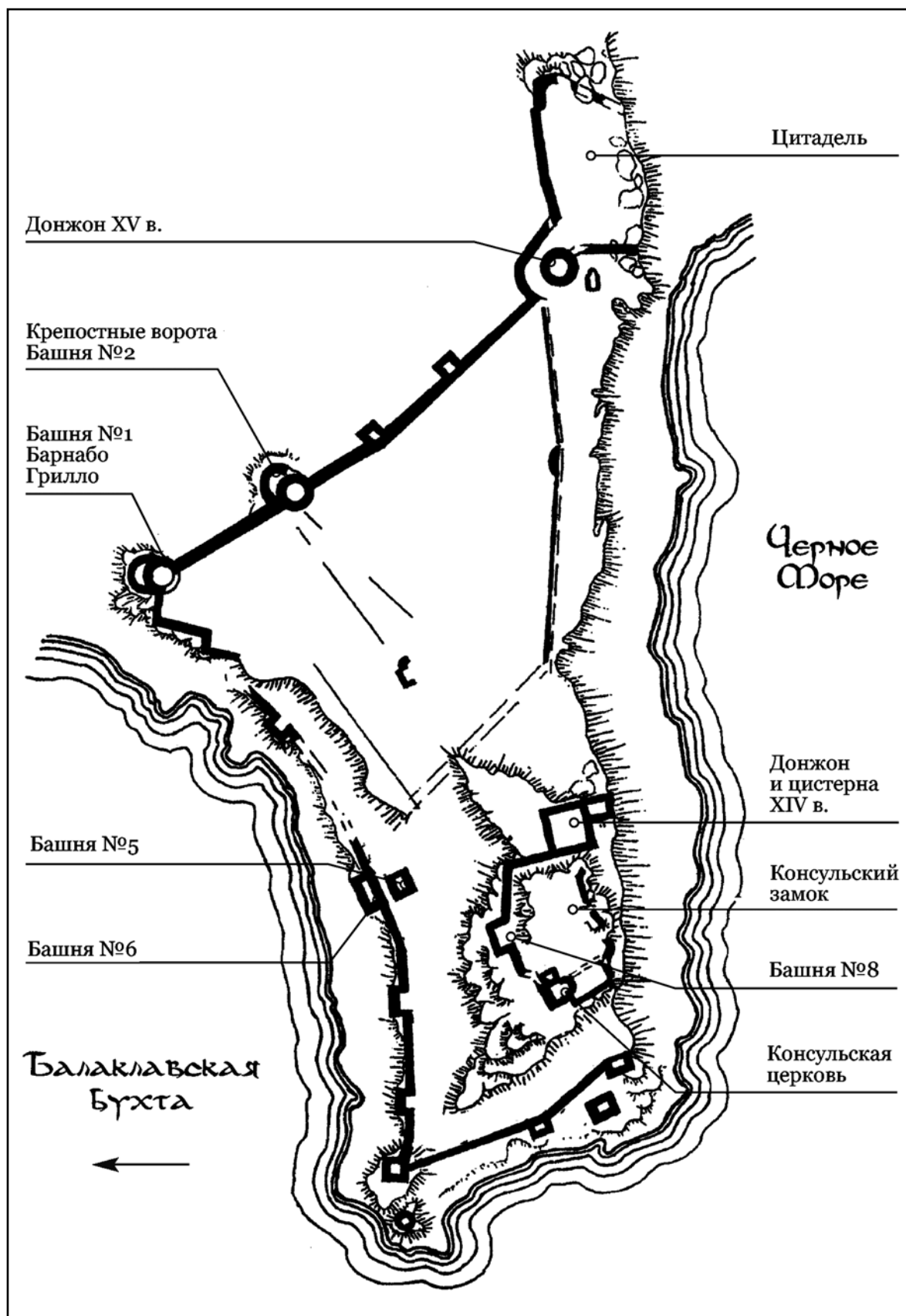

Рис. 1. Генуэзская крепость Чембало. План.

Fig. 1. Plan of the Genoese Cembalo Fortress.

печь (внутр. диаметр 1,3 м), которую использовали для бытовых нужд жителей. О постройках такого рода на территории крепости сообщает Эвлия Челеби в XVII в. (Эвлия Челеби 2008: 70—73).

На участке Б у восточного угла башни №8 в кладке стен хозяйственной постройки с очагом выявлено 208 каменных снарядов. Преобладали снаряды весом от 20—70 кг с диаметром 25—40 см. Общий вес ядер превысил 7,5 тонн. Этот «арсенал» свидетельствует, что генуэзцы использовали метательные машины типа требюше (trebuchet), предназначенные для борьбы с кораблями противника.

Боевая площадка для требюше (более 25 м²) открыта под остатками построек османского периода. С северной и восточной стороны площадку прикрывала куртина оборонительной стены замка (толщина 1,05 м), а с юга выступ скалы. Метание производилось в сторону входа в бухту. Площадка имела соответствующую «подушку» из утрамбованного грунта и мелко-го камня (1,1 м). Траншея, заполненная крупным необработанным камнем, предохраняла куртину от вибрации в момент «выстрела». Следы интенсивного горения указывают, что во время захвата Чембало турками защитники крепости, вероятно, сожгли требюше (Дьячков 2008).

Башня №6 расположена в нижней части северного склона г. Кастрон (отм. 15 м). Во второй половине XIV в. башня входила в систему приморской оборонительной линии. Башня №6 — прямоугольное в плане оборонительное и гидротехническое сооружение. Толщина стен башни №6 колеблется от 2,1 до 3 м, внешние размеры 15,4×10,6 м, а внутреннее пространство 10,4×7,1 м.

Южная половина башни №6 практически вытесана в скале, что значительно повышало устойчивость башни и позволяло использовать ее в качестве водосборной цистерны. Водопровод был подведен к верхней части южной стены и уложен в ее кладку. Внутренние плоскости стен местами сохранили гидрофобную штукатурку розового и бежевого цвета.

Мощный свод (в его кладке оказались монолитные необработанные камни весом до 300 кг) скреплял стены башни между собой. На центральной продольной оси цистерны у западной стены обнаружено основание квадратной в плане колонны (0,67×0,66 м). Стены и три колонны поддерживали свод башни, состоявший из шести куполов.

Пол (дно) цистерны покрыт штукатуркой и слоем зеленой глины 5—8 см. Высота цистерны (от зенита купольного свода до пола) со-

ставляла около 7 м. Максимальное наполнение цистерны, вероятно, достигало 550 м³, что позволяло обеспечивать водой порт и значительную часть населения города.

Верхняя плоскость башни №6 имела ровную горизонтальную поверхность, сложенную из мелкого и среднего скрепленного раствором камня и использовалась как боевая площадка для установки метательных машин. На это указывают многочисленные каменные ядра разного калибра, найденные в заполнении внутреннего пространства башни.

Башня №5 расположена на склоне горы между башнями №8 и №6 (отм. 36.5) и, очевидно, составляла с ними единый оборонительный комплекс второй половины XIV — первой трети XV вв. После строительства новой линии крепостных стен и цитадели на вершине г. Кастрон башня №5 оказалась во внутренней части крепости. Ее также перестроили, и в нижнем ярусе соорудили водосборную цистерну.

Раскопками установлено, что площадь цистерны в башне №5 составляет более 35 м² (6,75×5,25 м). Здесь впритык к внутренней стороне каменных стен уложена кирпичная кладка, скрепленная известковым раствором. Кирпичная кладка перекрыла проемы арбалетных бойниц первого строительного периода. В кирпичной кладке использовали красноглиняную, покрытую светлым ангобом плитку местного производства (0,25×0,15×0,03; 0,22×0,14×0,04 м и т.п.). Поверх кирпича уложена гидрофобная штукатурка.

Использование кирпичной кладки для возведения стен емкости — важная конструктивная особенность цистерны. Аналогичная строительная техника на других сооружениях крепости Чембало неизвестна. Возможно, соорудившие цистерну артельщики, использовали опыт византийских строителей, которые часто в своих постройках чередовали каменную и кирпичную кладку. Каменный пол цистерны выложен плоскими полигональными плитами песчаника, скрепленными известковым раствором.

Внутреннее пространство башни было заполнено строительными остатками перекрытия и рухнувших стен верхнего яруса башни. В башне №5 найдено более 2,5 тысяч железных арбалетных болтов трех типов (Дьячков 2014: 248—250). Известно, что арбалетчики составляли основу местного гарнизона. Среди находок выделим также более 450 фрагментов железных пластин доспеха типа «бригандина», принадлежавших воинам гарнизона (Dyachkov 2011). Здесь же обнаружены фрагменты железных полос, вероятно, скреплявших бочки или ящики, в которых в то время хранили боезапас (Кузь

2011: 205). Таким образом, башня-цистерна обслуживала потребности жителей города и была составной частью системы крепостного водоснабжения. Второй ярус башни №5, очевидно, использовали в качестве склада-арсенала.

Исследования экспедиции свидетельствуют, что крепость Чембало в XIV—XV вв. соответствовала высоким требованиям средневековой фортификации и была важным форпостом Генуэзской Газарии.

- Алексеенко Н.А. 2004. Монетный комплекс «консульской церкви» генуэзской крепости Чембало. В: *XII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. Москва: ГИМ, 110—111.
- Дьячков С.В. 2005. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000—2005 гг. В: *Древности-2005. Харьковский историко-археологический ежегодник* 6. Харьков: НМЦ «МД», 212—227.
- Дьячков С.В. 2008. «Арсенал» метательных снарядов генуэзской крепости Чембало в Крыму. *РА* (2), 96—112.
- Дьячков С.В. 2014. Арбалет, баллиста, требюше на вооружении гарнизона генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам раскопок 1999—2013 гг.)

- В: Ситдииков А.Г., Макаров Н.А., Деревянко А.П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани* III. Казань: Отечество, 246—250.
- Кузь А. 2011. “Inuentarium rerum armorum et munitionum...” (Опис військового озброєння Кафи 1474 р.). В: *Питання історії України* 14. Збірник наукових праць. Чернівці, 204—211.
- Эвлия Челеби. 2008. *Книга путешествия. Крым и сопредельные области*. Пер. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля.
- Dyachkov S.V. 2011. The 15th Century Brigandine of a Crossbowman from the Genoese Fortress of Cembalo. In: *Acta Militaria Mediaevalia* VII. Kraków; Rzeszów; Sanok, 175—190.

Sergey V. Dyachkov. Candidate of Historical Sciences. V.N. Karazin Kharkiv National University. Address: Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine. E-mail: dyachkov_sv@mail.ru

“New” Objects on the Topographic Map of the Genoese Fortress Cembalo, 14th—15th Centuries (by materials of the digs in 1999—2013). The 1999—2013 excavations allowed revealing the functional purpose of the well-known fortifications of Cembalo and marking a few new objects on the map.

The church in the territory of the Consular Castle used to serve as a burial-vault of its inhabitants. Tower No. 8 protected the entrance to the territory of the castle. On a special ground next to Tower No. 8, there was a big missile machine of Trebuchet type designed to fight enemy ships. Tower No. 6 was located in the port area of the town. A huge cistern for keeping more than 550 cub. m of water was placed on the lower tier of the tower. The upper tier was used as a battle ground for mounting missile machines.

In the 14th century, Tower No. 5 was part of the town fortification system. In the 15th century, Tower No. 5 was equipped with a cistern, and a weapon and armor depot was also placed there.

Keywords: Genoese Gazaria, Cembalo fortress, fortifications, towers, cisterns, trebuchet.

References

- Alekseenko, N.A. 2004. In *XII Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii (12th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: State Historical Museum, 110—111 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2005. In *Drevnosti-2005. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities. 2005. Kharkov Historical and Archaeological Yearbook)* 6. Kharkov: “NMTs «MD»” Publ., 212—227 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 96—112 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2014. In Sitdikov A.G., Makarov N.A., Derevianko A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Meeting in Kazan)* III. Kazan: “Otechestvo” Publ., 246—250 (in Russian).
- Kuz' A. 2011. In *Pytannya istorii Ukrainy (Problems of the History of Ukraine)* 14. Chernivtsi, 204—211 (in Ukrainian).
- Evliya Çelebi. 2008. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (The Book of Travels: Crimea and Neighbouring Lands)*. Simferopol: “Dolya” Publ. (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2011. The 15th Century Brigandine of a Crossbowman from the Genoese Fortress of Cembalo. In *Acta Militaria Mediaevalia* VII. Kraków; Rzeszów; Sanok, 175—190.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2016 г.

В. П. Кирилло

Институт археологии Крыма Российской Академии наук

Крымский контекст золотоордынской архитектуры в научных трудах современных исследователей

Ключевые слова: Улус Джучи, Крым, архитектура Золотой Орды, культовое зодчество, солхатское медресе, историография, история, археология.

Монументальные архитектурные объекты, связанные с ордынской оседлостью в пределах полуострова, сосредоточены в двух чётко выраженных зонах региона — юго-восточной (Солхат, Судак, Отузы) и юго-западной (Эски-Юрт, Салачик, Кырк-Ер). Земли, соединявшие эти территории, пока представлены единичными памятниками мусульманского зодчества, соотносимыми с эпохой Улуса Джучи (Шейх-Кой).

История изучения золотоордынской архитектуры Крыма насчитывает почти два с половиной века и, будучи неотъемлемой составной частью всей совокупности знаний, накопленных в результате исследования местного культурного наследия, имеет периодизацию во многом тождественную той, что получила своё отражение и научное обоснование в специальных изысканиях на примере старокрымских древностей (Ломакин 2014: 14—16), которые для региона являются ключевыми.

Первый этап: последняя четверть XVIII — начало XX вв. — предпринимаются небезуспешные попытки идентификации и описания уцелевших памятников мусульманской архитектуры (труды В. Д. Смирнова, А. И. Маркевича, А. Л. Бертье-Делагарда и др.), осуществляется графическая фиксация отдельных сооружений (рисунки М. М. Иванова и Жака Бальтазара де Траверса, запечатлевшие руины солхатского медресе, а также вычерченный И. Лютовым план, на котором обозначены все постройки г. Старый Крым; фотоснимки А. Л. Бертье-Делагарда, И. Ф. Барцевского).

Второй этап: 20-е годы XX в. — начато повсеместное архитектурно-археологическое изучение основных памятников региона, сопровождаемое тщательными обмерами, зарисовками

и фотосъёмкой (раскопки И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова, П. И. Голландского, О. А. Акчокраклы, У. А. Боданинского, Б. Н. Засыпкина, Н. Л. Эрнста). Графические материалы всех без исключения экспедиций, в большинстве своём, остались неизданными, а местонахождение многих из них не установлено (Ломакин 2015: 524—525). Наряду с публикацией отдельных сведений информационного и искусствоведческого характера о самих сооружениях, в научный оборот впервые был введён обобщающий, частично затрагивающий также постройки XIV—XV вв., обзор архитектуры крымских татар (Засыпкин 1927), который не утратил свою значимость до сих пор.

Третий этап: вторая половина 40-х годов XX в. — настоящее время — происходит постепенное возрождение интереса к золотоордынским памятникам региона и становление отрасли, в 1978 г. возобновляются археологические раскопки (экспедиции М. Г. Крамаровского, М. А. Фронджуло, В. В. Майко), осуществляется целенаправленное архитектурное изучение строительных остатков отдельных сооружений (реставрационные проекты В. Ф. Маркузона, В. П. Кирилло), выборочно публикуются полученные результаты. Материалы полевых исследований в большинстве своём в научный оборот не введены, а доступ специалистов к ним ограничен.

Наряду с единичными изданиями, посвящёнными непосредственно архитектуре Крыма, в которых золотоордынская составляющая обычно рассматривается фрагментарно и с использованием устаревшей, нередко ошибочной информации (Крикун 1998; Кирилло 2001: 1088—1090; Годованюк, Трегубова 2010: 51—52, 71—81), появляются также обобщаю-

■ Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма Российской Академии наук «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005-2015-0007).

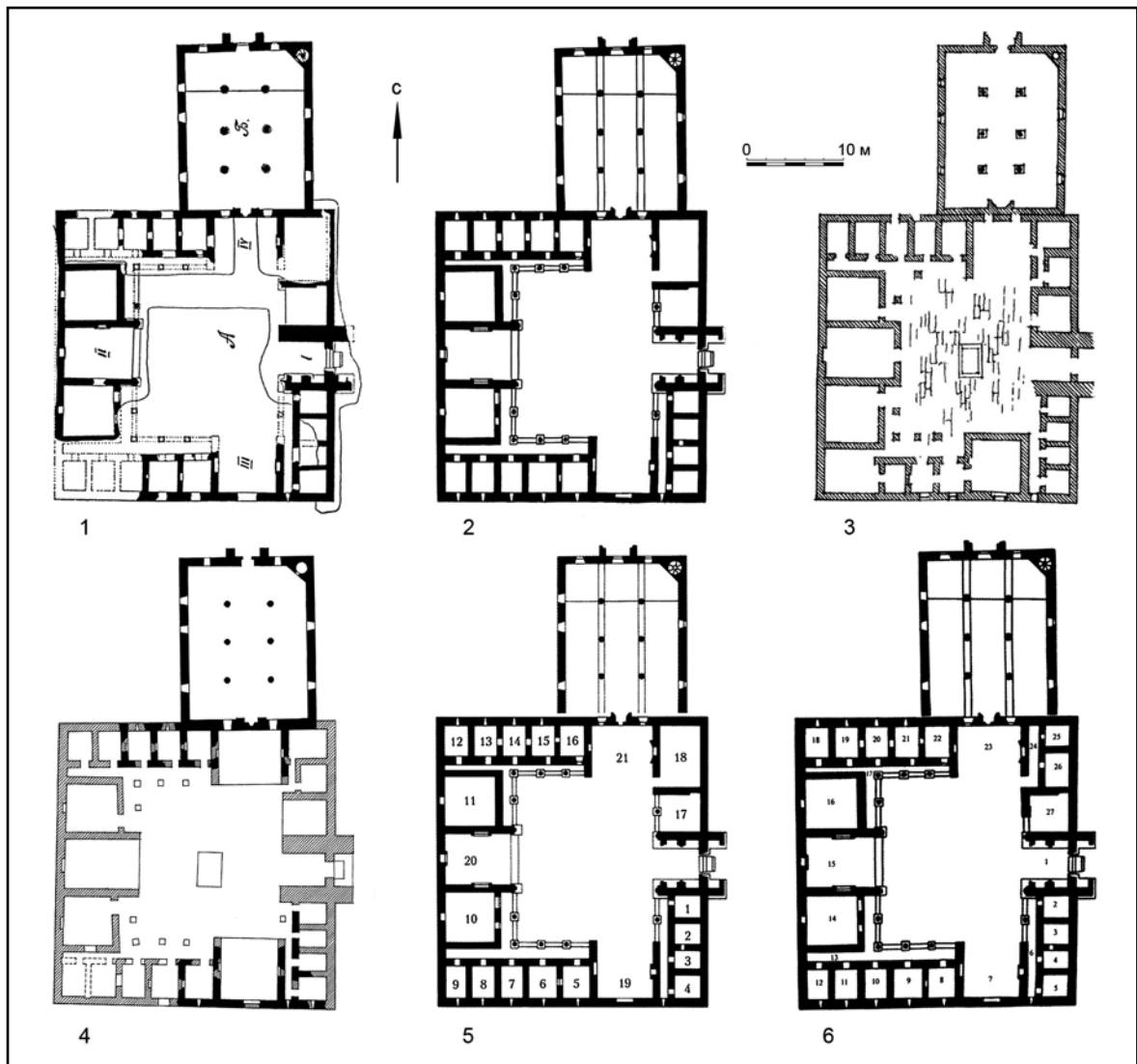

Рис. 1. План солхатского медресе в научных трудах исследователей памятника (1 — по Башкиров 1927: рис. 1; 2 — по Якобсон 1964: рис. 40; 3 — по Крикун 1998: рис. 1; 4 — по Кирилко 2011: рис. 50; 5 — по Крамаровский 2012: рис. 53; 6 — по Зиливинская 2014: рис. 70: 1).

Fig. 1. Plans of Solkhat madrasah by researchers of this site (1 — after Башкиров 1927: рис. 1; 2 — after Якобсон 1964: рис. 40; 3 — after Крикун 1998: рис. 1; 4 — after Кирилко 2011: рис. 50; 5 — after Крамаровский 2012: рис. 53; 6 — after Зиливинская 2014: рис. 70: 1).

щие труды, где данный компонент, отличаясь разной степенью проработки, присутствует уже в качестве неотъемлемой части строительной культуры всего Улуса Джучи (Измайлов, Саттарова 2009; Кирилко 2013; Зиливинская 2014).

Знаковым событием стало введение в научный оборот книги «Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культурное зодчество» (Зиливинская 2014), которая, помимо всего прочего, даёт наглядное представление о современном состоянии изученности темы. Источниковая база крымского контекста монографии скудная, образована преимущественно материалом, основной частью которого автора «снабдил»

М. Г. Крамаровский, а также «помогли со сбором» В. Е. Науменко и В. В. Майко. При этом, судя по содержанию самой работы и списку использованной литературы, создаётся впечатление, что санкционированный доступ к отчётам о раскопках Э. Д. Зиливинская не получила, более того, ей в большинстве своём остались неизвестными даже ключевые публикации непосредственных исследователей памятников, причём одну из них, посвящённую как раз золотоордынской архитектуре Крыма (Кирилко 2013), и о существовании которой исследовательница вряд ли могла не знать, она, по-видимому, просто не заметила. Слабая обеспеченность её труда полноценной на-

учной информацией в сочетании с довольно поверхностным, не без предвзятости, отношением автора к достоверным свидетельствам и несколько бесцеремонным обращением с источниками, в конечном итоге обусловили появление там многочисленных лакун, искажённых сведений и ложных выводов, способствуя, в частности, распространению чужих ошибок.

Симптоматичным для основной массы накопившихся в отрасли проблем является пример изучения солхатского медресе, начало которому было положено ещё в 1925 г., а «в основном закончено» раскопками 1983 г. (Полевой сезон 1986: 73), правда, недавно археологические работы на нём опять возобновились, но ведутся преимущественно вне здания. Самое раннее опубликованное изображение плана постройки датировано 1926 г. и принадлежит А. Л. Якобсону, в то время студенту-практиканту (Бороздин 1927: рис. 1). Параллельно он создал ещё одну версию иллюстрации (рис. 1: 1), предположительно обозначив на первоначальном чертеже скрытые культурным слоем кладки (Башкиров 1927: рис. 1). Позднее — в 1964 г., уже став маститым учёным, А. Л. Якобсон, теперь самостоятельно, ввёл в научный оборот уточнённый план сооружения (рис. 1: 2), который представляет собой, не оговоренную в аннотации, авторскую реконструкцию, причём, местами не имеющую соответствующего подтверждения — в частности, малый айван наделяется вымышленной колонной и искажается конфигурация северо-восточной худжры (Якобсон 1964: рис. 40). Дальнейшая судьба данной иллюстрации, которая без особых изменений, более того, без ссылки на источник, используется до настоящего времени практически всеми специалистами, в том числе и автором последних раскопок, не поддаётся никакому логическому объяснению (Кирилко 2011: 135, 151, рис. 49). Парадоксально, но результаты архитектурно-археологического изучения памятника в 70—80-х годах прошлого века, почти полностью выяснившего архитектуру здания, по сути, остались невостребованными. Определённым прорывом можно считать лишь публикацию Е. В. Крикуна, в 1998 г. издавшего собственный план медресе (Крикун 1998: рис. 1), относительно соответствующий реальным остаткам сооружения, хотя при этом ощутимо искажается информация о трёх айванах, особенно южном, изображённом в виде целиком ограждённого стенами помещения с боковым входом, а одна из худжр показана без дверного проёма (рис. 1: 3). В 2009 г. в научный оборот был введён наиболее точный в настоящее

время схематичный план комплекса (рис. 1: 4), разработанный на основе обмерных чертежей 1985 г., а спустя два года стали общедоступными и сами материалы графической фиксации руин здания (Кирилко 2011: рис. 50—54). Но даже после этого проблем, связанных с достоверностью и качеством публикуемой научной информации, не поубавилось. Так, по состоянию изучения памятника на 2010 г. Е. М. Годованюк и Т. А. Трегубова отдали предпочтение плану Е. В. Крикуна, происхождение которого в подписи не указали (Годованюк, Трегубова 2010: 79). В 2012 г. М. Г. Крамаровский проиллюстрировал результаты своих археологических исследований весьма неточным планом (рис. 1: 5), который, по сути, в первоначальном виде взят (без соответствующего пояснения) у А. Л. Якобсона, и различается лишь одной деталью — швом между сооружениями комплекса (Крамаровский 2012: 210—213, рис. 53). Примечательно, что данная иллюстрация им уже использовалась прежде, в 2005 г., а обусловленные ею тогда серьёзные ошибки в тексте научного труда беспрепятственно перекочевали и в новую публикацию (Кирилко 2011: прим. 17). По прошествии ещё двух лет А. В. Гаврилов и В. В. Майко репродуцировали план 2009 г., причём без ссылки на источник и, более того, трактовали его как «чертёж 70-х гг. XX века» (Гаврилов, Майко 2014: 127). В том же 2014 г. Э. Д. Зиливинская поместила в монографии два разных плана, оба устаревших, но со ссылкой на одного и того же исследователя — «по М. Г. Крамаровскому» (Зиливинская 2014: рис. 29: 1; 70: 1). Однако первый публикуемый ею чертёж был выполнен А. Л. Якобсоном, а не М. Г. Крамаровским (Якобсон 1964: рис. 40). Второй из них действительно мог принадлежать М. Г. Крамаровскому, поскольку там показан характерный для его работ шов между стенами мечети и медресе. При этом на самой иллюстрации абсолютно неверно изображены пом. 24—27 (рис. 1: 6), чего не наблюдается на других опубликованных планах М. Г. Крамаровского, что, в свою очередь, из-за отсутствия полноценной ссылки на источник вызывает недоумение по поводу происхождения данной, вводящей в заблуждение, информации.

Представленная в качестве примера эволюция иллюстрации с планом солхатского медресе даёт основание для неутешительного вывода — если на начальном этапе археологического изучения памятника исследователи старались достаточно оперативно обновлять архитектурные чертежи и просто не успели их ввести в научный оборот (Кирилко 2011: рис. 8; Ломакин 2015: рис. 1—7), то нынешние специалисты,

за редкими исключениями, особо не спешат издавать графические материалы собственных, давно завершившихся, раскопок, предпочитая множить морально устаревшие чужие сведения, зачастую недостоверные и уже опубликован-

ные. Реальное улучшение ситуации в отрасли способны обеспечить лишь доступность источников и увеличение их количества, а также ответственность исследователей за предлагаемую сообществу научную продукцию.

- Башкиров А. С. 1927. Художественные памятники Солхата. *Крым* 3 (1). Москва, 122—144.
- Бороздин И. Н. 1927. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму. (Работы археологической экспедиции 1926 года). *Новый Восток* 16—17. Москва, 256—274.
- Гаврилов А. В., Майко В. В. 2014. *Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым)*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Годованок О., Треугова Т. 2010. Містобудування та архітектура (XIII — перша половина XVI ст.). В: Ганзенко Л., Забашта Р., Треугова Т., Коренюк Ю. (ред.). *Історія українського мистецтва*. Т. 2. *Мистецтво середніх віків*. Київ: ІМФЕ НАНУ, 44—86.
- Засыпкин Б. Н. 1927. Памятники архитектуры крымских татар. *Крым* 4 (2). Москва; Ленинград: Госиздат, 113—168.
- Зилвинская Э. Д. 2014. *Архитектура Золотой Орды*. Ч. I. *Культовое зодчество*. Казань: Отечество.
- Измайлов И., Саттарова Л. 2009. Архитектура и декоративно-прикладное искусство. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен в семи томах*. Т. III. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 618—643.
- Кирилло В. П. 2001. Архітектура, мозаїки та монументальний живопис. В: Толочко П. П. (гол. ред.). *Історія української культури у п'яти томах*. Т. 1. *Історія культури давнього населення України*. Київ: Наукова думка, 1078—1099.
- Кирилло В. П. 2011. Солхатское медресе. *Stratum plus* (6), 125—210.
- Кирилло В. П. 2013. Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное). В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи*. Казань: Отечество, 84—99.
- Крамаровский М. Г. 2012. *Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Крикун Е. В. 1998. *Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII—XX вв.)*. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство.
- Ломакин Д. А. 2014. *Мусульманські пам'ятки Старого Криму XIII—XV століття: історія вивчення, сучасний стан, перспективи дослідження*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Луцьк.
- Ломакин Д. А. 2015. Источники по истории изучения комплекса золотоордынских памятников г. Старый Крым (последняя четверть XVIII — начало XXI вв.). *МАИЭТ XX*, 509—566.
- Полевой сезон 1986: Полевой сезон 1983 года. Золотоордынская экспедиция. СГЭ LI. Ленинград, 73.
- Якобсон А. Л. 1964. *Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры*. Москва; Ленинград: Наука.

Vladimir P. Kirilko. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences. Address: Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea. E-mail: kir.vlad33@gmail.com

The Crimean Context of Golden Horde Architecture in Scientific Works by Modern Researchers. The chronological scope of the study encompasses the years 1946–2016. The period is characterized by a gradual revival of interest in the Golden Horde sites present in the region and consolidation of this field of studies. In 1978, archaeological excavations were resumed, alongside with a purposeful architectural study of construction remains of individual structures and selective publication of results. Besides sporadic publications on the architecture of the Crimea, where the Golden Horde component was usually fragmentarily treated on the basis of outdated and often erroneous information, there also appear works of generalizing character, where this component, despite the differing degree of elaboration, is already present as an integral part of the building culture of the Ulus of Jochi as a whole. The majority of field research materials have not been involved in scientific circulation, the access to them being restricted for experts. A significant event of the period was the publication of the monograph “Architecture of the Golden Horde. Part I. Cult architecture” (Zilivinskaya 2014), which provides a clear understanding as regards the current state of the topic elaboration.

Keywords: Ulus of Jochi, Crimea, Golden Horde architecture, religious architecture, Solkhat madrasah, historiography.

References

- Bashkirov, A.S. 1927. In *Krym (Crimea)* 3 (1). Moscow, 122—144 (in Russian).
- Borozdin, I.N. 1927. In *Novyi Vostok (New Orient)* 16—17. Moscow, 256—274 (in Russian).
- Gavrilov, A.V., Maiko, V.V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym)* (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Stary Krym Town). Simferopol: “Biznes-Infom” Publ. (in Russian).
- Hodovananyuk, O., Trehubova, T. 2010. In Hanzenko, L., Zabashata, R., Trehubova, T., Korenyuk, Yu. (eds.). *Istoriya ukrains'koho mystetstva (History of Ukrainian Art)* 2. *Mystetstvo serednikh vikiv*

- (Medieval Art). Kiev: Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 44—86 (in Ukrainian).
- Zasyupkin, B.N. 1927. In *Krym (Crimea)* 4 (2). Moscow; Leningrad: "Gosizdat" Publ., 113—168 (in Russian).
- Zilivinskaia, E.D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* I. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
- Izmailov, I., Sattarova, L. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda)*. XIII — seredina XV v. (*Jochi Ulus (Golden Horde)*). 13th — middle 15th Centuries). Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 618—643 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2001. In Tolochko, P.P. (ed.). *Istoriya ukrains'koï kul'tury u p'iaty tomakh (History of Ukrainian Art, in Five Volumes)* 1. *Istoriya kul'tury davn'oho naselennya Ukraïny (History of Culture of the Early Population of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 1078—1099 (in Ukrainian).
- Kirilko, V.P. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 125—210 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2013. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Cities and Steppe)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 84—99 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2012. *Chelovek srednevekovoï ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia. Italiia (Man in the Medieval Street. Golden Horde, Byzantium, Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Krikun, E.V. 1998. *Pamiatniki krymskotatarskoi arkitektury (XIII—XX vv.) (Monuments of Crimean Tatar Architecture (13th—20th Centuries))*. Simferopol: "Krymchpedgiz" Publ. (in Russian).
- Lomakin, D.A. 2014. *Musul'mans'ki pam'yatky Staroho Krymu XIII—XV stolittya: istoriya vyvchennya, suchasnyj stan, perspektyvy doslidzhennya (Muslim Monuments of 13th—15th Centuries in the Sary Krym Town: History of Study, Current Situation, Research Perspectives)*. PhD Thesis. Luts'k (in Ukrainian).
- Lomakin, D.A. 2015. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XX, 509—566 (in Russian).
- Polevoi sezon 1983 goda. Zolotoordynskaia ekspeditsiia (Field Season of 1983: Golden Horde Expedition). 1986. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* LI. Leningrad, 73 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1964. *Srednevekovi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury (Medieval Crimea. Essays on History and History of Material Culture)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2016 г.

Топография гончарного производства Азака

Ключевые слова: Золотая Орда, Азак, гончарная мастерская, локализация, горн, полуфабрикат, история, археология.

Гончарное производство является одним из самых развитых в золотоордынском Азаке. Первая гончарная мастерская была обнаружена в 1961 году экспедицией под руководством Л. М. Казаковой при обследовании траншеи по ул. Калинина 51/19. За все время раскопок, включая полевой сезон 2015 года, было исследовано 15 гончарных мастерских с 22 печами. Кроме того, были зафиксированы разбросанные по городу отдельные следы керамического производства.

Литература, посвященная топографии гончарного ремесла в Азаке, включает только две работы (Перевозчиков 2001; Масловский 2015). Остальные публикации не относятся напрямую к обозначенной теме. Часть из них дает обобщенную информацию о керамическом комплексе Азака (Масловский 2006), часть содержит информацию о конкретных гончарных мастерских и посвящена описанию найденного в них материала (Галкин 1972; 1975; Казакова 1993; Перевозчиков 1987; 1989; 1990; 1993; 2001).

На сегодняшний день в Азове выделяют несколько районов с гончарными мастерскими.

1. В центральной части города, ближе к востоку, в районе перекрестка современных улиц Социалистическая и Ленина, были исследованы три мастерские с четырьмя горнами, по ул. Измайлова 38/82 (2000 г.), по пер. Социалистический 61А (2006 г.) и Социалистический 53 (2015 г.). Среди них датировать по монетам можно только мастерскую, располагавшуюся по ул. Измайлова (1315—1316 гг.), являющуюся наиболее ранним из изученных гончарных комплексов. Материалы других раскопок ещё не разобраны, но известно, что мастерская по ул. Социалистической 53 была перекрыта более поздней мостовой и прекратила свое существование, как и мастерская по ул. Измайлова, уже в 1330-х гг. Таким образом, судя по стратиграфии и нумизматическим данным, этот гончарный район функционировал в первой трети XIV в.

2. В центральной части города, немного южнее Азовского музея-заповедника, исследована мастерская и один гончарный горн, а также несколько сопутствующих комплексов, свидетельствующих о работе гончарной артели по ул. Ленинградской 62 (1982—1984 г.); на раскопе по Петровскому бульвару 7 (2013 г.) были обнаружены бракованные керамические изделия. Мастерская по ул. Ленинградской 62 датирована монетами 1321—1353 гг., а материалы по Петровскому бульвару 7 ещё не разобраны, их датировку ещё предстоит выяснить.

3. В северо-западной части города, в районе перекрестка современных улиц Ленинградской и Щорса, исследованы две мастерские с двумя горнами: по ул. Ленинградской, в траншее под проезжей частью (1992 г.), и по ул. Ленинградской 18/20 (2015 г.). По-видимому, этот ремесленный квартал возник на южной окраине Азака рубежа XIII—XIV вв. В 2015 году по ул. Ленинградской 18/20 был исследован, пока единственный в Азаке, гончарный горн архаической конструкции с дымоходными каналами, аналогичный меотским гончарным печам. Материалы данного комплекса также ждут обработки и более точной датировки.

4. Гончарный квартал, возникший на юго-западной окраине Азака в начале XIV века и отделенный от города одним из самых ранних городских кладбищ, функционировавшим ещё в конце XIII века, простирается к юго-западу от перекрестка современных улиц Чехова и Ленина. Здесь исследовано восемь комплексов с тринадцатью гончарными печами. Данный квартал занимал большую площадь, и, по-видимому, делился на несколько более мелких районов, которые на данном этапе исследований отделить друг от друга пока невозможно, но по территориальной близости разумно объединить исследованные мастерские в три группы: 1) по ул. Калинина 59 (1961 г.), ул. Чехова (в котловане под дом быта «Юбилейный»), (1975 г.), ул. Калинина 73 (2004 г.); 2) по ул. Макаровского 5 (1971 г.), ул. Макаровского 29Б (1983 г.);

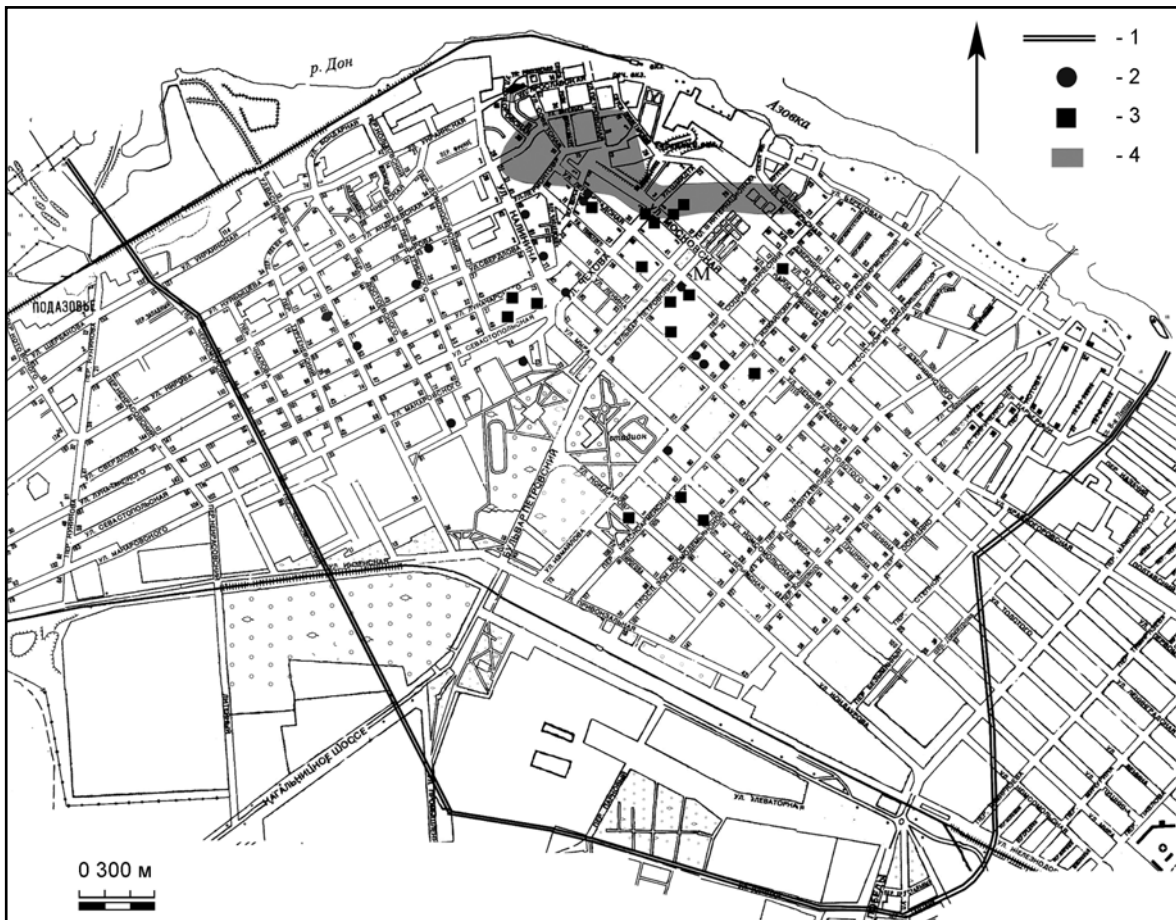

Рис. 1. Карта-схема г. Азова с границами городища Азак-Тана и расположением гончарных мастерских. Условные обозначения: 1 — границы городища Азак-Тана с некрополем; 2 — гончарные мастерские с горнами; 3 — локализация гончарных мастерских по находкам полуфабрикатов, брака и печного припаса; 4 — границы Азака до 1305 г.

Fig. 1. Schematic map of Azak-Tana borders with location of pottery production districts. Legend: 1 — borders of Azak-Tana city and necropolis; 2 — potters' workshops with kilns; 3 — localization of potters' workshops by the finds of semifinished products, manufacturing defects and kiln furniture; 4 — borders of Azak before 1305.

3) по ул. Кирова (1978 г.), ул. Газеты «Известия» (нынешняя ул. Васильева), (1988 г.), ул. Урицкого 40 (2003 г.).

Судя по нумизматическим данным, весь юго-западный район функционировал с 1320-х гг. до конца XIV в.

5. На юго-восточной окраине города была зафиксирована одна мастерская с двумя горнами (по ул. Комсомольской 1) (1989 г.), а также несколько комплексов, содержащих находки полуфабрикатов и гончарного брака по ул. Красноармейской у пожарной части, по ул. Крымская 7 (1992 г.), по ул. Кондаурова 10А (2015 г.). Мастерская по ул. Комсомольской 1, судя по монетам, датируется 20-ми гг. XIV в.

Большинство мастерских, сосредоточенных в обозначенных районах, принадлежат мастерам первой группы, изготавливавшим неполивную керамику довольно низкого технологического уровня, связанную с гончарными традициями салтово-маяцкой культуры.

Мастерские гончаров второй группы, изготавливавших высокотехнологичную неполивную и поливную керамику, связанную с пришлыми традициями, рассредоточены в разных частях города и не образуют отдельного квартала. Они входили в те же районы, что и мастерские первой группы, или могли находиться по соседству друг с другом, либо стоять особняком. К мастерским второй группы относятся комплексы, исследованные по ул. Газеты «Известия» (Васильева) (1988 г.) и по ул. Чехова (дом быта «Юбилейный») (1975 г.). По находкам сепав, полуфабрикатов поливных чаш и бракованных изделий локализуются еще несколько районов, указывающих на наличие мастерских второй группы: в северо-западном районе — по ул. Московской у кинотеатра «Родина» (1975 г.), по ул. Чехова 3 (1990 г.), по ул. Московской 7 (1995 г.), по ул. Ленинградской 18/20 (2015 г.); в юго-западном районе — в траншее по ул.

Севастопольской (1978 г.), в траншее по ул. Луначарского (1986 г.), по ул. Севастопольской 20—22 (2015 г.); в центральных районах — по ул. Ленинградской 62 (1984 г.), по ул. Толстого 41 (2000 г.), по Петровскому бульвару 7 (2013 г.), по ул. Ленина 33/43 (1980 г.); в юго-восточной части города — по ул. Крымской 7 (1992 г.), по ул. Красноармейской у пожарной части, по ул. Кондаурова 10А (2015 г.); в северной части города — зафиксированы единичные находки полуфабриката под поливную керамику на перекрёстке улиц Карла Либкнехта и Социалистической (1985 г.).

Монет в мастерских второй группы не было обнаружено, однако комплексы, содержащие сепай, полуфабрикаты и керамический брак, датируются не ранее 1320-х гг. и до 90-х гг. XIV в.

- Галкин Л.Л. 1972. Золотоордынские керамические мастерские г. Азака (Азова). *АО 1971 г.*, 168—169.
- Галкин Л.Л. 1975. Керамические горны золотоордынского города Азака. *СА* (1), 252—259.
- Казаква Л.М. 1993. Гончарные горны по материалам спасательных археологических работ в городе Азове в 1961 году. *ИИАИАНД 1991 г.* 11, 155—159.
- Масловский А.Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. *ИИАИАНД 21*, 309—472.
- Масловский А.Н. 2015. Заметки по топографии золотоордынского Азака. В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (отв. ред). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 383—410.
- Перевозчиков В.И. 1987. Новые данные о гончарном производстве золотоордынского Азака XIV в. В: *Итоги*

В результате непрерывных археологических исследований в г. Азове, за последние 15 лет были получены новые сведения о гончарстве Азака. Были изучены мастерские, сопутствующие им комплексы и находки, внесшие существенные коррективы в топографическую карту города. Новые данные позволили локализовать несколько гончарных кварталов в разных частях Азака, очертить их примерные границы, установить предварительные датировки. По сравнению с предыдущими исследованиями, в этом направлении был сделан большой шаг вперёд. На сегодняшний день в распоряжении исследователей имеется огромная база керамического материала из гончарных мастерских, требующая обработки. Её детальное изучение, а также данные будущих раскопок, возможно, смогут изменить наши представления о гончарном производстве Азака и его топографии.

- исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году (тезисы докладов к областному семинару)*. Азов, 23—24.
- Перевозчиков В.И. 1989. Гончарная печь в траншее по улице Газеты «Известия» В: *Археология и краеведение вузу и школе*. Грозный, 75—77.
- Перевозчиков В.И. 1990. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской. *ИИАИАНД 9*, 117—135.
- Перевозчиков В.И. 1993. Гончарный комплекс XIV века в котловане под дом быта «Юбилейный». *ИИАИАНД 11*, 160—223.
- Перевозчиков В.И. 2001. История археологического изучения гончарного ремесла Азака-Таны (предварительные данные по топографии и хронологии). *Донская археология* (1—2), 95—108.

Svetlana A. Kravchenko. Azov historical archaeological and paleontological museum-reserve. Address: Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Rostov region, Russian Federation. E-mail: kravchenkoviolin@rambler.ru

Topography of Azak Pottery Production. The article offers data on pottery production topography, based on the results of archaeological excavations of the Golden Horde city of Azak in 1961—2015. The material studied made it possible to single out several pottery production districts located in the north-eastern, south-western, central and south-eastern parts of the city; to establish their approximate borders and preliminary dating, as well as to reveal location peculiarities of the workshops that had belonged to 1st and 2nd group potters, who differed according to technological production level and their genetic origins.

Keywords: Golden Horde, Azak, potter's workshop, localization, kiln, semifinished items.

References

- Galkin, L.L. 1972. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 g.* (Archaeological Discoveries in 1971), 168—169 (in Russian).
- Galkin, L.L. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia* (Soviet Archaeology) (1), 252—259 (in Russian).
- Kazakova, L.M. 1993. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 g.* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1991) 11, 155—159 (in Russian).
- Maslovsky, A.N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 gg.* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004) 21, 309—472 (in Russian).
- Maslovsky, A.N. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda* (The Genoese Gazaria and the Golden Horde). Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum Plus, 383—410 (in Russian).
- Pervezchikov, V. I. 1987. In *Itogi issledovaniia Azovo-Donetskoj ekspeditsii v 1986 godu* (Research Results of the Azov-Donets Expedition in 1986). Azov, 23—24.
- Pervezchikov, V. I. 1989. In *Arkheologiia i kraevedenie vuzu i shkole* (Archaeology and Local History for Higher and Secondary School). Grozny, 75—77.
- Pervezchikov, V. I. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1990 g.* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1990) 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 117—135.
- Pervezchikov, V. I. 1993. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 g.* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1991) 11. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 160—223.
- Pervezchikov, V. I. 2001. In *Donskaia arkheologiia* (Archaeology of Don) (1—2), 95—108 (in Russian).

Э.Е. Кравченко

Донецкий республиканский краеведческий музей

Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII—XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории)

Ключевые слова: Приазовье, Донец, золотоордынский период, кочевья, городища, дороги, природные зоны, история, археология.

Обширные пространства между Днестром и Доном, в состав которых входят и Донецкие степи, в археологическом отношении изучены относительно хорошо. Раскопки курганов и поселений разных эпох велись на этой территории с дореволюционного времени. В результате исследований последней четверти XX — нач. XXI вв. здесь были открыты многочисленные археологические объекты, относящиеся к золотоордынскому периоду. Они отличаются значительным типологическим разнообразием, что связано со спецификой региона, разделенного с севера на юг на три природно-климатических пояса, каждый из которых имеет свои особенности.

Южная часть региона — Приазовская низменность представляла собой пересеченный глубокими балками, практически полностью лишенный леса, участок степи. Эта территория издревле являлась местом обитания кочевников, что обусловило характер значительной части ее памятников, представленных курганными захоронениями и небольшими мысовыми поселениями — кочевьями. Тем не менее, именно здесь пролегал путь, соединявший Низовья Днестра и Крым с Азаком, расположенным в устье Дона. Наличие моря и этого пути обусловило присутствие на этой территории памятников оседлого населения — небольших поселений, сопровождавшихся грунтовыми могильниками, а также отдельных находок типа головы каменной скульптуры европейского облика и надгробной плиты, находящей параллели в древностях Крыма золотоордынского времени. Вне сомнений, путь пролегал достаточно далеко от морского побережья, что было связано с сильной изрезанностью местности глубокими балками, сложными погодными условиями и сильными гололедами в зимнее время. Где-то на этой дороге, идущей от Хортицы, происходило известное сражение на р. Калка в 1223 и встреча войск Мамай и Токтамыш в 1380 г. По наше-

му мнению, данный путь пролегал на расстоянии не менее 10—15 км от морского побережья у южной границы Кряжа. Приморские поселения отстояли от него на значительном расстоянии и, наиболее вероятно, соединялись с ним дорогами, ответвляющимися к югу от основной магистрали.

Центральная часть региона — Донецкий Кряж — также являлась исконным местом обитания кочевников. Это обусловило характер памятников этой территории, представленных курганными захоронениями и многочисленными мысовыми поселениями. Основная часть их группируется в южной части Кряжа. В некоторых балках такие поселения встречаются десятками, что свидетельствует о том, что здесь, в течение длительного периода, находились места зимовки. Северная часть Кряжа (по линии Донецк — Дружковка) практически лишена таких зимовников. Находки здесь представлены курганными захоронениями и небольшими скоплениями тарной керамики, маркирующей маршруты перекочевков. Наличие на этой территории памятников иного типа связано с крупными степными шляхами, пересекающими степь с юга на север. Так, в районе Кальмиусского шляха был выявлен алтарный подсвечник западноевропейской работы. Особый интерес представляют находки на этой же широте в западной части региона. Здесь, на р. Волчья (с. Зеленый Кут) было выявлено поселение, на котором подобрано значительное количество монет (около 150 экз.), датированных 70—80-ми гг. XIV века. Т.к. памятник не подвергался раскопкам, говорить о его функциональном назначении (стационарное поселение, кочевье, торжище) сложно. Где-то поблизости от места его расположения Книга Большому чертежу упоминает «мечеть каменную татарскую». Так или иначе, и это поселение и мечеть, несомненно, имели отношение к Муравскому шляху, одной из крупнейших

средневековых магистралей, пролегающих по этой территории.

В северной части региона (среднее течение Северского Донца) присутствуют древности как кочевого, так и оседлого населения. Известны и отдельные находки: каменное надгробие сер. XIV в., водoley западноевропейской работы и бронзовая чашечка с изображениями фигур иранского производства.

Кочевья, ярким примером которых является местонахождение Казачья Пристань, расположенное посреди обширных заливных лугов, близ брода, представлены, в основном, стойбищами в местах выпаса скота в весенне-летнее время. Классических мысовых поселений, характерных для степного региона, здесь пока не найдено.

Относительно малое количество памятников, оставленных кочевым населением, связано с тем, что участок, прилегающий к среднему течению Северского Донца, по своим природным условиям отличался от окружавшей его степи. Данная территория издревле являлась местом проживания оседлого населения, чему способствовало наличие большой реки, присутствие древних лесных массивов, а также легких для обработки супесчаных почв. Ко времени монгольских завоеваний здесь существовала группа поселений, на которых проживало полиэтничное (алано-булгаро-славянское) население, ведущее свои истоки от жителей памятников салтово-маяцкой культуры. Указанные поселения продолжают функционировать в продолжение всего рассматриваемого нами периода. Позже рядом с ними вырастают крупные золотоордынские центры со своей, отличной от этого населения, культурой.

Особый интерес представляет наличие на этой территории крупных населенных пунктов. Один из них располагался у пос. Райгородок Славянского р-на, неподалеку от брода, находящегося у места впадения Казенного Торца в Северский Донец. Судя по описаниям, здесь присутствовали остатки кирпичных построек и мечети или мазара, украшенного поливными изразцами. Еще один крупный пункт появляется на месте Царина городища у с. Маяки Славянского р-на. Он вырастает рядом с поселением, существовавшим на этом месте с X в. На памятнике зафиксированы следы активной ремесленной деятельности, в том числе и чугунолитейного производства. Рядом с городищем и выявлен мусульманский грунтовый могильник. Остатки третьего крупного населенного пункта недавно были найдены ниже по течению Северского Донца, неподалеку от г. Лисичанска Луганской

области, у с. Шипиловка. С этого памятника происходит представительная подборка монет (около 3000 экз.). Более или менее серьезные раскопки на нем не производились.

По всем своим признакам (следы развитой торгово-ремесленной деятельности, наличие общественных построек, употребление жженого кирпича в жилом строительстве) указанные населенные пункты являлись центрами, игравшими ведущую роль в ремесленной и торговой жизни края. В них же размещалась и администрация. Определение указанных пунктов, как «кочевий» или «кочевых ставок» (Хромов, Санжаров 2015), в силу вышеперечисленного, представляется неверным. Если даже некоторые из этих населенных пунктов и возникли раньше, в нач. XIV в., время их расцвета падает на 2-ю половину этого столетия, и связано с деятельностью Мамаи и его ставленников — ханов Абдаллаха и Мухаммед-Булака. Вполне вероятно, именно с тем, что эти поселения активно функционировали непродолжительный промежуток времени (в пределах трех десятилетий), все они не имеют мощных культурных напластований. Уже в конце XIV в. центры прекращают свое существование, после чего наблюдается запустение рассматриваемой нами территории, вплоть до нового ее заселения в XVII веке.

Практически все более или менее значительные населенные пункты привязаны к крупнейшим степным путям. Судя по находкам на поселениях, основные торговые связи региона были направлены на Крым. Согласно «Книге Большому чертежу», через эту территорию пролегали три крупных степных шляха (Муравский, Изюмский и Кальмиусский). Реально же дорог было намного больше. В пределах рассматриваемой нами территории от Изюмского шляха ответвлялась Новая Посольская дорога. Место, где она начиналась, определяется по топонимам и результатам осмотра участка, где следы указанной дороги фиксируются на пахотных полях, имея вид канавообразного углубления (шириной до 30 м) с плоским дном, выбитого в грунте, вплоть до плотного суглинка. По всей длине в канаве встречались находки подков, гвоздей, пряжек и прочих сломанных или утерянных металлических предметов. Таким образом, Новая Посольская дорога представляла собой реальную, набитую грунтовую дорогу, пролегающую через степь. Вероятно, такой вид имели и прочие степные шляхи.

Кроме этого, был еще ряд дорог, пересекающих степь в разных направлениях. Только в пределах Донецкой области на Северском

Донец имеет не менее шести бродов, которые, несомненно, использовались в средневековье. Рядом с ними находятся расположенные в регионе городища. Так, к упоминаемому в «Книге Большому чертежу» «Малому перелазу» привязано городище золотоордынского времени у пгт. Райгородок. Неподалеку от Изюмского шляха располагалось и Царино городище, возле которого находилась еще одна переправа, никакого отношения к Изюмскому шляху не имеющая. Еще один брод (также не относящийся к Изюмскому шляху) присутствует в 7 км выше по течению реки, между двумя крупными городищами хазарского времени (Сидоровским и Новоселовским), расположенными на противоположных ее берегах. Как видим, просторы Донецких степей в эпоху средневековья была прорезаны дорогами, которые функционировали издревле. Причем, в разные периоды истории, в силу политических, торговых и прочих приоритетов, какие-то пути

становились основными, иные же превращались в дороги второстепенного значения.

Таким образом, в формировании памятников золотоордынского времени в рассматриваемом нами регионе значительную роль играл природный фактор, культурно-хозяйственные традиции населения и наличие торговых коммуникаций. Наиболее развитыми были области, где ранее имелись долговременные традиции оседлости. Здесь, кроме существовавших ранее небольших поселений, создаются крупные населенные пункты, расцветает оседлая жизнь и именно на этих территориях находится администрация, которая руководит и кочевой степью. Обширные степные территории продолжают оставаться оплотом кочевого образа жизни. И лишь на отдельных участках, близ крупных степных дорог, которые являлись основными военными и торговыми коммуникациями, появляются поселения иного типа, характерные для оседлого населения.

Eduard E. Kravchenko. Donetsk Republican Museum of Local Studies. Address: Chelyuskintsev St., 189a, Donetsk, 83048, Ukraine. E-mail: sidae@mail.ru

North-Eastern Azov Sea Region and Middle Reaches of the Seversky Donets River in the 13—14th Centuries (the impact of natural and geographical factors on the peopling of the territory). A study of the Golden Horde sites in Donbass territory revealed that they had been formed in close connection with the natural and geographical situation in some parts of the region. The steppe region used to serve as the nomadic pastoralism domain. In the middle reaches of the Seversky Donets River, peopled by sedentary population since ancient times, large settlements had been established which served as trade, craft, and administrative centers.

Keywords: Azov Sea region, Seversky Donets River, Golden Horde period, nomadic camps, hillforts, routes, natural zones.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку

Ключевые слова: Азак, Золотая Орда, могильники, топография, планировка, история, археология.

На настоящий момент на территории золотоордынского Азака археологические исследования проводились более чем в 300 местах. Раскопками, хотя и неравномерно, затронуты все городские районы. Это позволяет рассмотреть многие вопросы планировки города. Один из интереснейших вопросов — топография кладбищ. Могильники Азака по сравнению с другими городами Золотой Орды изучены наиболее полно. Число выявленных некрополей приближается к сорока. По мере накопления информации вырисовывается достаточно сложная система в их распределении по территории города.

Почти все могильники Азака располагаются на территории ранее не занятой жилыми постройками. В поздний период существования города некоторые из них, разрастаясь, занимали заброшенные жилые кварталы. В данной работе я не рассматриваю экстраординарные (санитарные) погребения, а также погребения в заброшенных жилищах и одиночные погребения, совершенные на территории жилых усадеб, поскольку их размещение не было связано с городскими могильниками.

Могильник №1 находится на Петровском спуске выше ул. Ярославской, обнаружен в 1890 г. при раскопках В. Н. Ястребова. С ним связана известная надгробная плита венецианского консула Якобо Корнаро. Могильник располагался на территории венецианской Таны рядом с церковью.

Могильник №2 отмечен в районе участка по ул. Лермонтова 6 и известен по одному целевшему погребению с инвентарем. Погребение может быть датировано XIII в.

Могильник №3 занимал обширный участок, вытянутый с севера на юг от пересечения улиц Чапаевской — Щорса до Петровского бульвара. Этот некрополь существовал дольше всего, начиная с XIII в., и продолжал функционировать после гибели золотоордынского города, вплоть до кон. XVII в. разрастаясь в северном направ-

лении. Рядом с ним находилась главная городская мечеть. Только здесь встречены кирпичные и каменные склепы.

Могильник №4 находился к юго-западу от перекрестка ул. Мира и Чехова. К кон. XIV в. он слился с могильником №3, поглотив жилые кварталы, располагавшиеся между ними.

Могильник №5 находился в районе участка по ул. Дзержинского 17. Возможно, к нему следует отнести погребения с участка по ул. Дзержинского 5, если только это не самостоятельный могильник. Он расположен на краю плато коренного берега р. Дон на территории античного Крепостного городища, заселенного в XIV в. очень слабо.

Могильник №6 находился в районе участка по ул. Октябрьской 9, как и предыдущий могильник, он расположен на краю плато коренного берега Дона.

Могильник №7 располагался в районе участка по пер. Социалистический 12. От предыдущего могильника он отделен глубокой балкой.

Могильник №8 находился на ул. К. Либкнехта в районе школы №15.

Могильник №9 располагался в районе участка по ул. Измайлова 22 в непосредственной близости от жилых усадеб.

Могильник №10 находился в районе участков №73—75 по ул. Ленинградской, от предыдущего могильника отделен жилым кварталом. Его северной границей являлась улица с ливнесточной траншеей.

Могильник №11 располагался в районе перекрестка ул. Ленинградской и пер. Красноармейский, от предыдущего могильника отделен пустырем. Только здесь отмечено широкое использование кирпичных конструкций.

Могильник №12 располагался в районе участка по ул. Ленина №68, возможно, к нему следует отнести погребения на территории заброшенных усадеб на участке по ул. Ленина 77.

на надпойменной террасе у основания берегового обрыва Дона. Не раскопано ни одного погребения, однако в ходе наблюдений неоднократно фиксировались костяки, расположенные на небольшой глубине.

Могильник №23 находится в районе участка по пер. Красноармейский 34.

Могильник №24 расположен в районе участка по ул. Октябрьская 64. Данный участок средневекового города был заселен слабо.

Могильник №25 располагался в районе перекрестка ул. Московской и пер. Коллонтаевского на скате Кирсановой балки. Отличается необычностью погребального обряда.

Могильник №26 находился у кургана №1 группы Азовская, известен по единственному уцелевшему погребению на участке по ул. Московской 107. Судя по инвентарю и расположению его рядом с усадьбой сер. XIII в., некрополь можно датировать XIII в. По рассказам местных жителей, они много раз в ходе проведения земляных работ поблизости от курганной насыпи находили человеческие костяки.

Могильник №27 зафиксирован в районе участка по ул. Толстого 125, со всех сторон окружен пустырями и, видимо, имел очень небольшие размеры.

Могильник №28 располагался на ул. Ленинградская рядом со школой №2. Ни одно погребение не было раскопано. Он известен по наблюдениям за прокладкой здесь траншей в 1990-е гг.

Могильник №29 зафиксирован на перекрестке ул. Кошевого и Ленина в котловане под прокладку коммуникаций по единственному погребению.

Могильник №30 обнаружен в районе участка по ул. Пушкина 62, со всех сторон окружен пустырями и расположен на значительном удалении от жилых кварталов. Несмотря на это, с одной стороны могильник ограничен ливневосточной траншеей.

Могильник №31 является самым большим по площади могильником среди известных на настоящее время. Он простирается от пер. Коллонтаевский до ул. Осипенко и от ул. Мира до ул. Крымской. Известно о существовании на данном некрополе кирпичных мавзолеев.

Могильник №32 зафиксирован на участке по ул. Маяковского 79, известен по одному погребению из шурфа.

Могильник №33 располагался в районе пересечения пер. Парковый и ул. Кооперативной на месте расположенных здесь элеваторов и гаражей рядом с современным кладбищем. Некрополь ни разу не исследовался, из-

вестен по рассказам местных жителей о сотнях погребений в строительных котлованах. Из погребения этого могильника происходит амулет с изображением магического квадрата.

Могильник №34 находился у перекрестка улиц Севастопольской и Васильева. Здесь был изучен единственный в Азаке мавзолей. Известно каменное надгробие.

Могильник №35 обнаружен на участке по ул. Луначарского 67.

Могильник №36 расположен у перекрестка улиц Куйбышева и Васильева, занимает большую площадь, но известен по немногочисленным исследованным погребениям.

Могильник №37 исследовался на участке по ул. 50-летия Октября (Измайлова). Это единственный некрополь, без сомнения возникший на территории заброшенного квартала.

Могильник №38, расположенный на ул. Ростовской, может быть отнесен к Азаку пока условно, поскольку находится на большом удалении от жилых кварталов и известен всего по нескольким погребениям.

Историю могильников Азака можно реконструировать следующим образом. Наиболее древним некрополем является могильник №2, относящийся ещё к сер. XIII в. и быстро заброшенный и застроенный. Так же недолго существовал расположенный на значительном удалении могильник №26. Следующими возникли, вероятно последовательно, могильники №3 и 4. Могильник №3 первоначально располагался неподалеку от южной границы городской застройки. Время его возникновения — последняя четв. XIII в. Неясно время появления могильника №4.

При картографировании легко заметить, что могильники №5—21 образуют цепочку вокруг центральных районов города, далеко вытянутую в южном направлении. Предполагаю, что эти могильники возникли одновременно, как результат решения городской администрации. Эта дуга первоначально включала в себя большие незаселенные площади. Загадка, почему дуга оказалась вытянута на юг. Возникла эта группа некрополей не позднее первого десятилетия XIV в., поскольку в это время уже существовали жилые усадьбы с внешней стороны этой дуги. Городские районы с плотной застройкой за пределы этой дуги не вышли.

Вторую дугу образуют могильники №22—25, 27—36, отделенные от первой дуги полосой жилой застройки. Эта цепочка, однако, не столь правильна, как первая. Она тоже, вероятно, возникла как результат административного решения и включала в себя участки,

которые остались незаселенными. Её возникновение можно датировать временем не позднее 1330-х гг. За пределы этой дуги город не вышел. Этим же временем датируется появление могильника №1 и ещё неизвестного нам генуэзского кладбища. К более позднему времени относятся могильники, возникшие на месте заброшенных жилых кварталов. Из них нам достоверно известен могильник №37.

Подчеркну, что большая часть перечисленных могильников, без сомнения, является отдельными единицами. Они принадлежали группам населения, резко отличным друг от друга в различных отношениях, в т.ч. по численности, достатку, антропологическому облику. Отмечены случаи, когда могильники занимали заброшенные усадьбы, но не пустыри, разделявшие соседние могильники.

Andrey N. Maslovski. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve. Address: Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation. E-mail: maslovskiazak@mail.ru

The Topography of Burial Grounds of Golden Horde Azak and their Impact on the Urban Planning. Excavations of Azak are held in every district of the city. That's why now it is possible to study some questions of planigraphy of big city of the Golden Horde. The paper contains information about 38 discovered burial sites of 13th—14th cc. Short data about these sites origin is also given. Mapping of the objects shows certain logic in their location. Burial sites appear nearly at the same time. Each of two arc-like burial zones appears as a result of an administrative policy, which ordered to place graves outside from the habitable districts. But soon sites of an earlier period became surrounded by residential estates. The second arc-like zone of burials appeared as a result of this process.

Keywords: Azak, Golden Horde, cemeteries, topography, planigraphy.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Симболон — Чембало — Балаклава: семантика топонимов и особенности топографии средневекового города

Ключевые слова: Симболон, Чембало, Балаклава, Кастрон, Кефало-Вриси, Рипагуля, замок Св. Николая, бурги, наструм, нижний город, история, археология.

Современный город Балаклава расположился по берегам хорошо защищённой извилистой бухты протяжённостью около 1 км, в узкой долине и на склонах окружающих её гор. Ширина залива на входе составляет около 200 м, при глубине 38 м, в средней части он расширяется до 450—480 м, а затем сужается до 120—130 м (здесь средний показатель глубины — 17 м).

Инфраструктура средневекового города формировалась на протяжении VI—XVII вв. и исторически связана с византийским, золотоордынским, генуэзским и османским периодами существования Симболон-Чембало-Балаклав. Однако видимые в настоящее время стены и башни внешней линии обороны относятся к 1420—1460-м гг., т. е. связаны с поздней фазой генуэзского обладания данной территорией. Они ограждали с востока и северо-востока территорию примерно в 3,4 га. Лигурийский город и крепость (1345—1475 гг.) развивался по традиционной схеме: первоначально пригород (бурги) был отделён от укреплённой части рвом и валом с деревянным палисадом. В дальнейшем осуществлялись многочисленные перестройки и перепланировки оборонительной системы Чембало, состоявшей из каменных стен и башен. Со временем (1388—1455 гг.) в планировочной структуре укрепления выделяются две структурно-планировочных доминанты: 1) цитадель на вершине г. Кастрон и 2) консульский замок Св. Николая у входа в бухту. Особое место занимала портовая часть (в ней размещались верфи, арсенал и цистерна с пресной водой) с примыкающим к ней латинским кварталом.

В настоящее время известны (представлены в различных огласовках и интерпретациях) три исторических названия местности и древнего укреплённого города: 1) *Симболон*; 2) *Чембало*; 3) *Балаклава*. В данной работе предлагается краткое и ретроспективное рассмотрение эти-

мологии топонимов в их историко-культурном контексте, т. к. этому вопросу пока не уделялось должного внимания. Впервые эта тема была затронута в совместной публикации исследователей средневекового Чембало (Адаксина, Мыц, Ушаков 2012: 60—66).

1. Уникальная для Черноморского побережья гавань, напоминающая фьорд, получила известность ещё в античную эпоху (Plin. NH, IV, 86; Apt., PPE, 30 (19H); Ptol., III, 6, 2; Annon., PPE, 55). Наиболее популярным в литературе является сообщение Страбона (64/63 г. до н. э. 23/24 г. н. э.), который в своей «Географии» лаконично замечает: «гавань с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Симболон Лимен (Symbolon portus, Συμβόλων λιμῆν)...» (Страбон 1994: 308—309).

Локализации и этно-исторической характеристике обитателей «Гавани Символон» («Порта Символон», «Порта Символа») — посвящена обширная литература (Муравьёв-Апостол 1823: 71; Kulb 1840: 448; Аркас 1848: 144—145, 148, прим. 11; Брун 1879: 63; Кулаковский 1899: 25; Minns 1913: 496; Жебелёв 1953: 220—240; Раевский 1968: 125 и др.). У античных авторов данный топоним представлен в следующих конструкциях: «Залив Символ(ов)», «Символон», «Символон-Лимен», «Стеностома»: “Symbolon limin” (Strabo), “Symbolon limena” (Arrian), “Symbolon limin” (Ptol.), “eis Symbolon limena”, “itōi Symbolon legomenon” (Anonim.), “Symbolum portus” (Plin.). А. К. Шапошников выводит их этимологию «из греческого — *συμβολή* (*symboli*)», где «ожидался бы Gen. plur. — *συμβόλων* (*symbolon*) — «место слияния рек, соединение, слияние рек». Иное место ударения, по его мнению, «может быть объяснено либо греческой диалектной просодией (дорический диалект херсонеситов), либо отражением туземного субстратного сло-

ва аналогичного происхождения и значения» (Шапошников 2007: 284).

Раскопки и археологические разведки, проводившиеся в окрестностях города Балаклавы и на его территории в конце XX в., позволили выявить значительное число позднеантичных памятников (Sarnowski, Savelja 1998: 15—54; Сарновски, Савеля 2000: 25, рис. 3 и др.). К числу наиболее ранних (начала греческой колонизации Гераклеяского полуострова) объектов, традиционно относится поселение «Мраморное» (расположено у въезда в Балаклаву со стороны Севастополя) таврского периода кизил-кобинской культуры (VI—V вв. до н. э.) (Кравченко 2010: 54, рис. 2, №11).

2. В средневековых латинских источниках греческое *Συμβόλον* (*Symbolon*), не исчезая окончательно в местной грекоязычной среде, трансформируется в *Cembalo* — *Чембало* (лигурийский диалект с ударением на первом слоге). Торговая и военно-стратегическая значимость залива и порта в XIII—XVII вв. отмечена тем, что он (при изменяющихся огласовках) обозначен более чем на двух десятках известных западноевропейских компасных картах и в письменных портоланах: 1) *Capo de Cembali* (письменный портолан «Компассо да навигаре» 1250—1256 гг.) (Motzo 1947); 2) *Sinbano* (анонимный малый атлас «Тамар Луксоро» начала XIV в.) (Nordenskjöld 1897; Kretschmer 1909); 3) *Cendaie* (малая карта Пьетро Веконте 1311 г.) (Nordenskjöld 1897: Tav. V; Димитров 1984); 4) *Cenbano* (малый атлас Пьетро Веконте 1318 г.) (Periplus Ponti Euxini 1837: 38—41); 5) *Sinbalo* (малая карта Франческо Пиццигано 1367 г.) (Димитров 1984); 6) *Cenbaro* (Каталанский атлас Абрахама Креска 1375 г.) (Voies Ocenfnes 1992); 7) *Zinbano* (анонимный малый атлас «Пинелли-Уолкнер» 1384—1410 гг.) (Kretschmer 1909: 641—651); 8) *Zinbano* (малый атлас Николо Пасквилини 1408 г.) (Periplus Ponti Euxini 1837: 38—41); 9) *Zinbano* (малая карта Джакомо де Джиролиди 1426 г.) (Nordenskjöld 1897: 25—32); 10) *Cenballona* (малый атлас Андреа Бьянко 1436 г.) (Мурзаевич 1837); 11) *Cenbano* (малые атласы Грациозо Бенинказа 1453 и 1471 гг.) (Потоцкий 1850: 11—77); 12) *Cembano* (малый атлас Грациозо Бенинказа 1480 г.) (Димитров 1984); 13) *Cembano* (малая карта Андреа Бенинказа 1490 г.) (Kretschmer 1909: 641—651); 14) *Cenbaro* (малая карта Конте Оттомани Фредуччи 1497 г.) (Nordenskjöld 1897: Pl. 22); 15) *Cenbaro* (анонимная малая карта XV в. из Берлинского музея) (Kretschmer 1909: 641—651); 16) *Cenbaro* (анонимная малая карта 1530—1550 гг.); 17) *Zenbaro* (малая карта Диогу Хомема 1561 г.); 18) *Cenbaro*

(малая карта Хуана Мартинеса 1570 г.) (Periplus Ponti Euxini 1837: 38—41); 19) *Cembaro* (малый атлас Винсента Деметрия Вольтия 1593 г.) (Nordenskjöld 1897: 25—32); 20) *Canbara* (малый атлас Франциско Олива 1614 г.) (Periplus Ponti Euxini 1837: 38—41; Фоменко 2011: 283—335) и др.

3. О семантике ойконима *Балаклава* (ударение на последнем слоге) в литературе представлены различные противоречивые суждения. Наиболее раннее из известных тюркских названий города — *Балаклава* — встречается под 1472 г. у Афанасия Никитина. При описании плавания по Чёрному морю из Синопа в Каффу путешественник чрезвычайно лаконично замечает: «занесло нас к Балаклаве...» (Никитин 2009: 58). В XIX в. рядом учёных также высказывалось ничем не подтверждённое мнение о происхождении Балаклавы от позднескифской крепости Палакион.

Одним из первых к исследованию данного топонима обратился И. Э. Тунманн (1746—1778). В своём очерке «Крымское ханство» (1777 г.), помещённом в «Большом землеописании Бюшинга» (1784—1787) он пришёл к однозначному выводу: «название Балуклава означает рыбный пруд» (Тунманн 1991: 38). Поэтому в дальнейшем многие исследователи полагали, что название приморского городка Балаклава происходит от средневекового тюркского — «*балык-лава*» (**baluk*, **lava*), где *baluk* является основой, а *lava* — представляет собой ойконимический компонент — «рыбный садок», «пруд, где содержится живая рыба». Некоторые авторы *балак* и *лава* выводят из крымско-татарского, где, по их мнению, *балак* (*балакъ*) может означать «штанина», а *балык* (*балыкъ*) — «рыба» (Белянский, Усеинов 2010: 176).

Видимо, поэтому данная этимология столь популярна у современных писателей. Например, И. К. Фоменко в своём монографическом исследовании «Образ мира на старинных портоланах» отмечает: в «портолане Эмидио Дортелли д'Асколи (1634 г.) и на глобусе Винченцо Мария Коронелли (1693 г.) название «Чембало» заменено на топоним «Балаклава» — изменились приоритеты в оценке роли этого порта: от «бухты в форме кимвала» до «рыбного места». В примечании к данному заключению автор указывает, что «Балаклава: «балык» с тюркского языка — рыба, а «лава» — с греческого — «ловля». Далее И. К. Фоменко заключает: «Такая контаминация греческих и турецких слов в топонимике Османской империи очень распространена» (Фоменко 2011: 142, прим. 47).

К числу народных этимологий можно отнести и высказывание по данному поводу

Н. А. Алексеенко, который в одной из своих работ пишет: «После падения генуэзских колоний в Крыму летом 1475 г. турки дали Чембало новое название — Балык-юве (“рыбное гнездо”) или Балык-айя (“рыбная скала”») (Алексеенко 2008: 9).

Однако, в отличие от уже ставшей традиционной трактовки этимологии данного тюркского топонима, существует и иная интерпретация. Например, Э. М. Мурзаев отмечает наличие топонимов *балык*, *балыг* — в значении — «город». При этом он обращает внимание на то, что некоторые авторы склонны связывать его с *бальчик* — «глина», т. к. жилища строили из глины: «город из глиняных домов» (существуют и другие тюркские лексические формы: *балик*, *балук*, *палык*, *палук*) (Мурзаев 1996: 213—214).

В. В. Бартольд, описывая местоположение Каракорума, отмечал, что ниже него «находились руины древней (VIII—IX вв.) уйгурской столицы *Ордубалык* (“Город двора”), руины его назывались в то время *Мобалык* (“Плохой город”), ныне Хара-Балгасун (“Чёрный город”). Город, основанный монгольским императором Угедеем (1229—1241), первоначально также назывался *Ордубалык*; название Карокарум было распространено в народе» (Бартольд 1965: 443).

Э. В. Сервосян в этимологическом словаре тюркских языков, не давая однозначного ответа на вопрос сопоставимости тюркских и монгольских слов, указывает на значение *балык/балыг*, как «стена, крепость, загородь» (Севортян 1978: 59).

Т. Нафасов считает, что термин *балык* уже потерял свою ономастическую функцию. По его мнению, первоначально он имел значение «стена, крепость, укрепление», а позже — «город», что, в общем, имеет место во многих языках (Нафасов 1992: 89—90).

Представленный материал показывает, что за истекшие примерно 2500 лет до нас дошли два названия местности, известные под именами *Симболон* и *Балаклава*. К наиболее ранним, предшествовавшим даже началу греческой колонизации Юго-Западного Крыма в VI—V вв.

до н.э., относится *Симболон*, которое, по мнению А. К. Шапошникова, является греческой калькой туземного («таврского») и означает «место слияния рек, соединение, слияние рек». Поэтому приписываемые ему определения типа «Порта» или «Залива Символов» следует отнести к числу народных этимологий, практиковавшихся в грекоязычной среде.

Тюрко-монгольский ойконим *Балык/Балыг* в значении «стена, крепость, город» появляется, вероятно, после завоевания в последней трети XIII в. византийской Таврики монголами и включения Юго-Западного Крыма в состав улуса Золотой Орды. Следует отметить, что и расположенный в 12 км от Балаклавы византийский город Херсон, получает тюркское название Сары-Кермен, т. е. «Жёлтая крепость». Со временем (в XIV—XV вв.) *Балык/Балыг* трансформируется в близкое к современному (тюркизированное) название *Балыклея*. В то же время латиняне используют наименование порта и города в форме *Сембало* (Чембало) — являющееся сильно искажённым греческим $\Sigma\mu\beta\omicron\lambda\acute{\eta}$.

К числу особенностей топографии древней крепости и города относится необычайно малое число дошедших до нас микропонимов и урбанимов, формировавшихся в условиях совместного проживания населения говорившего на трёх языках (греческом, татарском и лигурийском). Например, сама гора, на которой сохранились руины, по-гречески называется *Кастрон* (*Κάστρον*) — «крепость». Балка, из её верховий вода по керамическим водопроводам поступала в город, до сих пор называется *Кефало врисси* (*Κεφάλο βρίςσι*) — «Голова источника». Латинские документы периода владения Чембало генуэзцами содержат упоминания (начиная с 1388 г.) «*замка Св. Николая*» (*castrum S. Nicolai*) (Balard 1978: 157), членение города на «верхнюю» и «нижнюю крепость» (*castrum inferioris*), в которой размещаются городские кварталы (*burgi*), а узкий вход в бухту именуется ими — «*Рипагуля*» (*Ripagula*) (Balletto 2000: 53, doc. 42; Мыц 2009: 94, 108—110, 161).

Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. 2012. Некоторые итоги изучения крепости Чембало (по материалам археологических раскопок 2002—2011 гг.). *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г.* Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции Х. Санкт-Петербург; Симферополь, 58—98.

Алексеенко Н. А. 2008. Взаимоотношения Крыма с Северо-Западным Причерноморьем в XV в. по нумизматиче-

ским данным: молдавские монеты на территории генуэзской крепости Чембало. В: Немченко И. В. и др. (ред.). *Древнее Причерноморье VIII*. Одесса: ФОР «Фридман А. С.», 9—15.

Аркас З. 1848. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсонеса. ЗООИД II, 245—271.

Бартольд В. В. 1965. *Сочинения 3. Работы по исторической географии*. Москва: Восточная литература.

- Белянский И.Л., Усеинов С.М. 2010. Словарь ойконимов Крыма. В: Суперанская А.В. и др. (ред. кол.). Топонимика Крыма 2010. Сборник статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 151—300.
- Брун Ф.К. 1879. *Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России*. Ч. 1. Одесса: Типография Г. Ульриха.
- Димитров Б. 1984. *България в средновековната морска картография XIV—XVII вв.* София: Наука и изкуство.
- Жебелёв С.А. 1953. *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кравченко Е.А. 2010. Таври і Херсонес. *Древняя и средневековая Таврика* 22. Археологический альманах. Донецк: Донбасс, 51—70.
- Кулаковский Ю.А. 1899. *Карта Европейской Сарматии по Птолемею.* Киев.
- Муравьев-Апостол И.М. 1823. *Путешествие по Тавриде в 1820 году.* Санкт-Петербург.
- Мурзаев Э.М. 1996. *Тюркские географические названия.* Москва: Восточная литература РАН.
- Мыц В.Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты.* Симферополь: Универсум.
- Нафасов Т. 1992. Азиатско-Поволжский ойконимический ареал балик-балык. *Ономастика Поволжья.* Москва, 87—94.
- Никитин А. 2009. *Хождение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в средние века.* Москва: Эксмо, 9—59.
- Потоцкий Я. 1850. Записка о новом перипле Понта Евксинского, составленная графом Иваном Потоцким. *Археолого-нумизматический сборник.* Санкт-Петербург, 11—77.
- Раевский Д.С. 1968. О местонахождении древнегреческого Евпатория. *ВДИ* (3), 127—133.
- Сарновски Т., Савеля О. 2000. *Балаклава. Римская военная база и святылице Юпитера Долхена.* Варшава.
- Севортян Э.В. 1978. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. 2. Москва: Наука.
- Страбон. 1994. *География в 17 книгах.* Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского; под общей ред. С.Л. Утченко. Москва: Ладомир (репринтное воспроизведение: Москва: Наука, 1964).
- Тунманн И.Э. 1991. *Крымское ханство.* Пер. с нем. по изд. 1787 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Прим., предисл. и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь: Таврия.
- Фоменко И.К. 2011. *Образ мира на старинных портланах. Причерноморье. Конец XIII—XVII в.* 2-е изд. Москва: Индрик.
- Шапошников А.К. 2007. К вопросу об ономастике Таврической Готии. В: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. *Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода».* Симферополь: АнтикВА, 274—303.
- Balard M. 1978. *La Romanie génoise (XII — debut du XV siècle).* Vol. 1, 2. Gènes; Rome.
- Baletto L. 2000. *Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424—1428).* Universita degli studi di Genova sede di acqui terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino. №6. Genova.
- Kretschmer K. 1909. *Die italienischen Portolane des Mittelalters.* Berlin: E. S. Mittler und Sohn.
- Kulb Ph. 1840. *Plinius Secundus Naturgeschichte.* Bd. 1. Stuttgart: Verlag der J. V. Metzler'schen Buchhandlung.
- Minns E.N. 1913. *Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Motzo B. 1947. *Il compasso da navigare: Opera italiana della metà del secolo XIII.* Cagliari: Ed. dell'Università.
- Nordenskjöld A.E. 1897. *Periplus.* An Essay on the Early History of Charts and Sailing Directions. Stockholm.
- Periplus Ponti Euxini.* 1837. Octopobus ad fidem tabularum mss. Bib. Caesareae Vindobonensis.
- Sarnowski T., Savelja O.Ja. 1998. Das Dolichenum von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim. *Archeologia* 49, 15—54.
- Voies Ocenfnes. 1992. *Par Mireille Pastoureaun (Cartes marines et grandes decouvertes).* Paris.

Victor L. Mytz. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum. Address: Zausadebnaya St., 37, Saint Petersburg, 197183, Russian Federation. E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Symbolon — Cembalo — Balaklava: Toponymy Semantics and Peculiarities of the Medieval Town Topography. Modern Balaklava is located on the banks of a well-protected winding bay. The infrastructure of the medieval town formed during the 6th—17th centuries and was historically linked with the Byzantine, Golden Horde, Genoese and Ottoman periods of its existence, changing its name from Symbolon to Cembalo to Balaklava. The paper offers a brief retrospective consideration of the etymology of these toponyms in their historical and cultural context. It is also noted that the topography of the ancient fortress and the town is characterized by an unusually low number of preserved microtoponyms and urbonyms that had formed in conditions of cohabitation of the population speaking three languages: Greek, Tatar and Ligurian.

Keywords: Symbolon, Cembalo, Balaklava, Castron, Chefalo-Visri, Repiola, St. Nicholas castle, burgs, castrum, lower town.

References

- Adaksina, S.B., Myts, V.L., Ushakov, S.V. 2012. In *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 godu (Report on Archaeological Research on the Medieval Fortress Cembalo (Balaklava) in 2011)*. Series: Materialy luzhno-krymskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii (Materials of South-Crimean Archaeological Expedition) X. Saint Petersburg; Simferopol, 58—98 (in Russian).
- Alekseenko, N.A. 2008. In Nemchenko, I.V. i dr. (ed.). *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region)* VIII. Odessa: "Fridman A.S." Publ., 9—15 (in Russian).
- Arkas, Z. 1848. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* II, 245—271 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. 1965. *Sochineniia (Works)* III. *Raboty po istoricheskoi geografii (Writings on the Historical Geography)*. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
- Belianskii, I.L., Useinov, S.M. 2010. In Superanskaia, A.V., et al.

- (eds.). *Toponimika Kryma 2010 (Toponymy of Crimea 2010)*. Simferopol: "Universum" Publ., 151—300 (in Russian).
- Brun, F.K. 1879. *Chernomor'e. Sbornik issledovaniy po istoricheskoi geografii luzhnoi Rossii (Black Sea Area: A Book of Studies on Historical Geography of the Southern Russia)* 1. Odessa: "G. Ulrich" Publ. (in Russian).
- Dimitrov, B. 1984. *Bălgariya v srednovekovnata morska kartografiya XIV—XVII vek (Bulgaria in the Medieval Marine Cartography of 14th — 17th Centuries)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Russian).
- Zhebelev, S.A. 1953. *Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniia i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ia antichnoi epokhi (Northern Pontic Region. Research and Articles on the History of Northern Pontic Region in Antiquity)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kravchenko, E.A. 2010. In *Drevniaia i srednevekovnaia Tavrika (Ancient and Medieval Taurica)* 22. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)*. Donetsk: "Donbass" Publ., 51—70 (in Ukrainian).
- Kulakovskii, Yu.A. 1899. *Karta Evropeiskoi Sarmatii po Ptolemeiu (Map of European Sarmatia by Ptolemy)*. Kiev (in Russian).
- Murav'ev-Apostol, I.M. 1823. *Puteshestvie po Tavride v 1820 godu (Journey in Taurida in 1820)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Murzaev, E.M. 1996. *Tiurskie geograficheskie nazvaniia (Turkic Geographic Names)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
- Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Nafasov, T. 1992. In *Onomastika Povolzh'ia (Onomastics of the Volga Area)*. Moscow, 87—94 (in Russian).
- Nikitin, A. 2009. *Khozhdenie za tri moria: s prilozheniem opisaniia puteshestvii drugikh kuptsov i promyshlennykh liudei v srednie veka (The Journey of Afanasiy Nikitin Beyond the Three Seas: with attached descriptions of other medieval merchants' and manufacturers' travels)*. Moscow: "Eksmo" Publ., 9—59 (in Russian).
- [Potocki, J.] 1850. *Zapiska o novom periple Ponta Evksinskogo, sostavlennaia grafom Ivanom Pototskim (Note on the New Periple of Pontus Euxinus by Count Jan Potocki)*. In *Arkheologo-numizmaticheskii sbornik (Archaeological and Numismatical Collected Papers)*. Saint Petersburg, 11—77 (in Russian).
- Raevskii, D.S. 1968. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 127—133 (in Russian).
- Sarnowski, T., Savelya, O. 2000. *Balaklava. Rimskaia voennaia baza i sviatilishche Iupitera Dolikhena (Balaklava: Roman Military Base and the Sanctuary of Jupiter Dolichenes)*. Warsaw (in Russian).
- Sevortian, E.V. 1978. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages)* 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Strabo. 1994. *Geografiia v 17 knigakh (The Geography of Strabo, in 17 Books)*. Moscow: "Nauka" Publ., 1964 (reprinted: Moscow: "Ladomir" Publ.) (in Russian).
- Tunmann, I.E. 1991. *Krymskoe khanstvo (The Crimean Khanate)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
- Fomenko, I.K. 2011. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII—XVII vv. (How the World Looked on the Ancient Portolanos. Pontic Area. Late 13th — 17th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Shaposhnikov, A.K. 2007. In Mogarichev, Yu.M., Sazanov, A.V., Shaposhnikov, A.K. *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «khazarskogo perioda» (Life of St. John of Gothia in the Context of the History of Crimea in "Khazar" Time)*. Simferopol: "AntikvA" Publ., 274—314 (in Russian).
- Balard, M. 1978. *La Romanie génoise (XII — debut du XV siècle)*. In 2 Vol. Gênes; Rome.
- Baletto, L. 2000. *Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424—1428)*. Università degli studi di Genova sede di acqui terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino. N°6. Genova.
- Kretschmer, K. 1909. *Die italienischen Portolane des Mittelalters*. Berlin: E.S. Mittler und Sohn.
- Kulb, Ph. 1840. *Plinius Secundus Naturgeschichte*. Bd.1. Stuttgart: Verlag der J.V. Metzler'schen Buchhandlung.
- Minns, E.N. 1913. *Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Motzo, B. 1947. *Il compasso da navigare: Opera italiana della metà del secolo XIII*. Cagliari: Ed. dell'Università.
- Nordenskjöld, A.E. 1897. *Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing Directions*. Stockholm.
- Periplus Ponti Euxini*. 1837. Octopobus ad fidem tabularum mss. Bib. Caesareae Vindobonensis, 1837.
- Sarnowski, T., Savelja, O. Ja. 1998. *Das Dolichenum von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim*. *Archeologia* 49, 15—54.
- Voies Ocenfnes. 1992. *Par Mireille Pastoureaux (Cartes marines et grandes découvertes)*. Paris.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Некоторые вопросы исторической географии Среднего Подонья в эпоху Золотой Орды

Ключевые слова: Среднее Подонье, Золотая Орда, русские поселения, погребения кочевников, мавзолей, история, археология.

Район Среднего Подонья (от впадения р. Воронеж до впадения р. Иловли в Дон) являлся периферией Золотой Орды. В исторической географии этого района важной точкой являлось устье р. Воронеж, неоднократно упоминавшееся в письменных источниках (события Куликовской битвы («Сказание о Мамаевом побоище»), путешествие митрополита Пимена в Константинополь («Пименово хождение в Царьград»); река Воронеж упомянута в «Повести о разорении Рязани Батыем»). Выше устья реки Воронеж — в Верхнем Подонье — в настоящее время известны только поселения с типичной русской культурой, хорошо изученные на Куликовом поле, в округе Ельца, по течению Дона и его притоков. Несмотря на наличие степных языков, идущих через Верхнее Подонье в северном направлении, погребения кочевников выше устья реки Воронеж не выявлены. Представляется не случайным и выбор места строительства крепости Воронеж в 1586 г., а также линии Белгородской черты.

Среднее Подонье в эпоху Золотой Орды — это своего рода «буферная зона», в которой известны разнотипные археологические памятники (рис. 1). Русские поселения зафиксированы в четырех районах: нижнее течение р. Воронеж и Костенковско-Боршевское Подонье; павловский участок Дона в Донском Белогорье; Побитюжье; Прихоперье (реки Хопер, Савала, Карачан, Ворона). Сейчас известно более шестидесяти поселений.

Для рассматриваемой территории был характерен долинный (приречный) тип заселения. Русские поселения тяготели к районам, где в XVI—XVII вв. располагались лесные массивы. По особенностям топографического расположения поселения подразделяются на три группы: находящиеся на местности пойменного типа (на днах и гривах в пойме рек, на ровных участках центральной и приустьевой части пойм); расположенные на местности

надпойменно-террасового типа (на языках первой надпойменной террасы или на ее ровных участках и склонах); находящиеся на местности приречного (склонового) типа (на мысе или ровном участке коренного берега, на дне или террасе склона балки). Поселения второй группы составляют около 40%, поселений первой и второй групп — примерно по 30%.

Площадь поселений, исследованных раскопками, не превышает 0,3—0,4 га. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что в Среднем Подонье доминировал мало-дворный тип застройки. Кроме того, значительная часть поселений могла иметь временный (сезонный) характер по типу сезонных поселков XVI—XVII вв. в этом районе на территории ухобаев — участках, которые брались в аренду для охоты, рыбной ловли и других промыслов (например, Битюцкий, Серецкий ухобаи).

Привлекает внимание группа русских поселений в Прихоперье. Этот район (р. Хопер с притоками Савалой, Карачаном, Вороной, Караем) географически может соответствовать Червленому Яру, еще одной заметной точке на историко-географической карте Среднего Подонья эпохи Золотой Орды. Сохранились списки двух грамот митрополита Феогноста (датируется ок. 1343—1352 гг.) и митрополита Алексея (ок. 1356 г.) властям, духовенству и православным жителям Червленого Яра о принадлежности этой области Рязанской епархии. Археологические памятники Прихоперья (в том числе и погребения кочевников) — своего рода «археологический комментарий» к этим источникам.

Еще одна группа археологических памятников в Среднем Подонье — погребения кочевников. В этой группе есть как захоронения кочевой аристократии (Олень-Колодезь, Высокая Гора, Власовка), так и погребения рядового населения (например, могильник Третьяки). Общие контуры расположения погребений кочевников согласуются с сообщением Рубрука, который

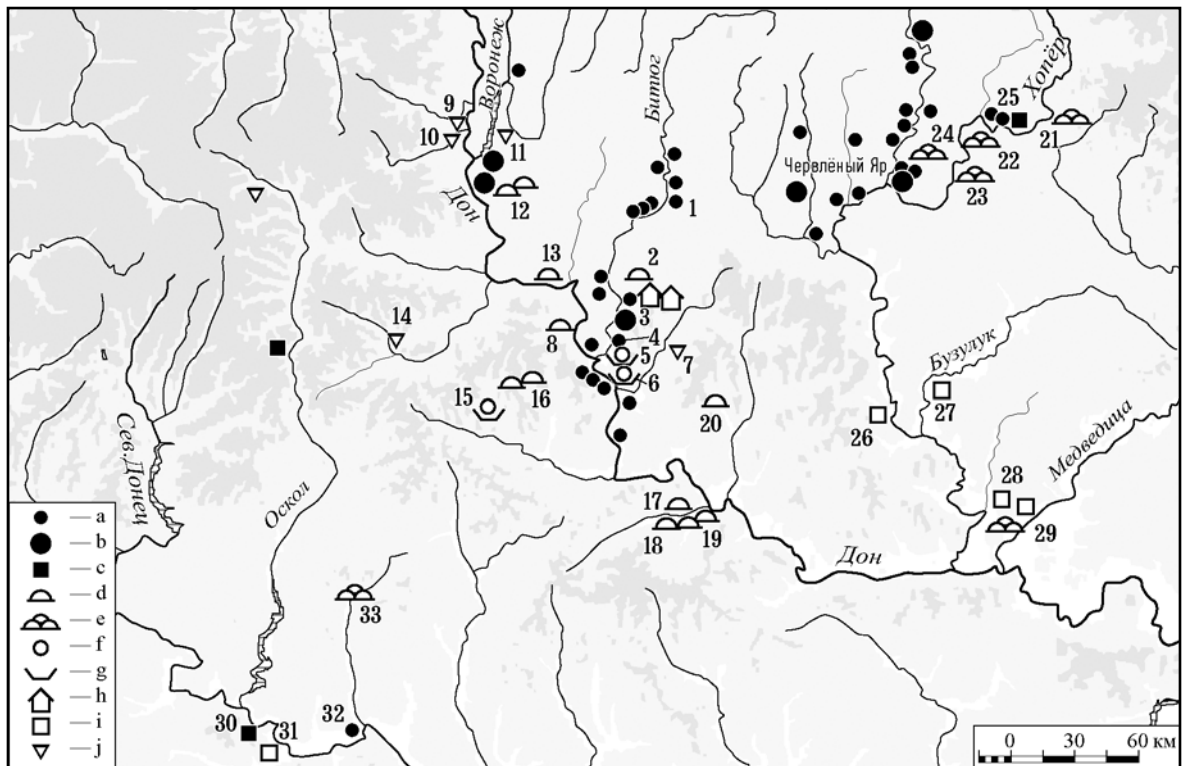

Рис. 1. Среднее Подонье в эпоху Золотой Орды: а — селище с русской керамикой; б — группа селищ с русской керамикой; с — поселение с русской керамикой (керамикой «древнерусского облика») на городищах предшествующего времени; d — подкурганное кочевническое погребение; е — курганный кочевнический могильник; f — поселение «золотоордынского круга»; g — грунтовой могильник «золотоордынского круга»; h — золотоордынский мавзолей; i — золотоордынское поселение с постройками из кирпича; j — клад золотоордынских монет. 1 — Дрониha; 2 — Новый Буравль (Сафоновка); 3 — Красный; 4 — Антиповка; 5 — Таганский; 6 — Затон 1; 7 — Воронцовка; 8 — Марки; 9 — с. Семилуки; 10 — Девица; 11 — г. Воронеж; Отрожки; 12 — Олень-Колодезь; 13 — Лиски; 14 — Нижнепокровское; 15 — Новохарьковка; 16 — Караяшник; 17 — Вerveковка (III Богучарский могильник); 18 — Лофицкое; 19 — Дьяченково (Высокая гора); 20 — Новомеловатка; 21 — Ключи; 22 — Лесное (Свинуха); 23 — Третьяки; 24 — Власовский; 25 — Инясево; 26 — Тишанское; 27 — Дурновское; 28 — Кумылженское; 29 — Глазуновская; 30 — Царино; 31 — Казачья Пристань (Райгородок); 32 — Зливки; 33 — Нижняя Дуванка.

Fig. 1. Middle Don area in the Golden Horde time: a — a non-fortified settlement with Russian ceramics; b — a group of non-fortified settlements with Russian ceramics; c — a settlement with Russian ceramics ("early Russian" ceramics) on hillforts of previous time; d — a nomadic grave under barrow; e — nomadic barrow necropolis; f — a settlement of "the Golden Horde circle"; g — a burial ground of "the Golden Horde circle"; h — Golden Horde mausoleum; i — Golden Horde settlement with brick structures; j — a hoard of Golden Horde coins. 1 — Dronikha; 2 — Novy Buravl (Safonovka); 3 — Krasny; 4 — Antipovka; 5 — Tagansky; 6 — Zaton 1; 7 — Vorontsovka; 8 — Marki; 9 — Semiluki village; 10 — Devitsa; 11 — Voronezh City; Otrozhki; 12 — Olen-Kolodez; 13 — Liski; 14 — Nizhnepokrovskoye; 15 — Novokharkovka; 16 — Karayashnik; 17 — Vervekovka (III Bogucharsky necropolis); 18 — Lofitskoye; 19 — Dyachenkovo (Vysokaya gora); 20 — Novomelovatka; 21 — Klyuchi; 22 — Lesnoye (Svinukha); 23 — Tretyaki; 24 — Vlasovskiy; 25 — Inyasevo; 26 — Tishanskoye; 27 — Durnovskoye; 28 — Kumylzhenskoye; 29 — Glazunovskaya; 30 — Tsarino; 31 — Kazachya Pristan (Raygorodok); 32 — Zlivki; 33 — Nizhnyaya Duvanka.

был в Среднем Подонье в 1253 г., о северной границе летних перекочевков в этом районе.

Обращает на себя внимание факт различий в погребальном обряде кочевников в Среднем Подонье. Прежде всего, это касается ориентировки погребенных. Погребения отличаются по особенностям могильных ям и внутримогильных конструкций, наличию или отсутствию частей скелета лошади, кострища в площади кургана. Возможно, это объясняется этническими различиями кочевых групп населения в рассматриваемом районе.

Важным ориентиром на историко-географической карте Среднего Подонья является река Битюг, упомянутая в «Пименовом хождении в Царьград». В ее бассейне изучались собственно золотоордынские памятники: два мавзолея у пос. Красный на р. Мечеть. Были полностью изучены остатки одного из них. Общие размеры здания составляли примерно $21,5 \times 10,5$ м. Вход, видимо, перекрывался аркой, которая вместе с пилонами образовывала портал, украшенный мозаикой на кашине. Внутри мавзолея сохранилось неразрушенным лишь

одно погребение. За пределами мавзолея выявлены три погребения в узких могильных ямах с западной ориентировкой. По заключению А.А. Казарницкого, погребенные в мавзолее и около него характеризуются чертами, свойственными южносибирским популяциям, составившим основу кочевого и значительную часть городского населения Золотой Орды. В одном из погребений найдены пять дирхемов, четыре из которых относятся к 80—90-м гг. XIV в. (Токтамыш; определение В.Ю. Гончарова).

В округе мавзолеев не выявлены свидетельства наличия крупного стационарного поселения городского типа. Найдено лишь синхронное им поселение с русской и золотоордынской керамикой. Мавзолеи маркировали периферийный кочевой улус, принадлежавший, судя по их размерам и богатству архитектурного декора, одному из знатных Чингизидов. Следует подчеркнуть, что данный комплекс собственно золотоордынских памятников является самым северным по течению Дона. Ближайшие поселения с кирпичными постройками фиксируются к юго-востоку в низовьях Хопра и Медведицы. Эти реки также упомянуты в «Пименовом хождении в Царьград».

Еще одна категория памятников, выявленных в Среднем Подонье — грунтовые могильники (Новохарьковский, Таганский) и сопутствующие им поселения. Для них мною предложено условное название — памятники «золотоордынского круга». Термин, заключенный в кавычки, отражает, с одной стороны, наличие такого рода памятников на территории Орды, а, с другой, показывает, что они не являются своего рода «визитной карточкой» последней.

Сходство Новохарьковского и Таганского могильников проявляется в их топографическом расположении (на всхолмлениях в пойме), в погребальном обряде, в наличии рядом с могильниками синхронных поселений, в керамическом комплексе которых представлена золотоордынская и русская керамика. Оба могильника относятся к XIV в. Антропологические материалы Новохарьковского могильника имеют наиболь-

шее сходство с материалами Дмитриевского аланского могильника салтово-маяцкой культуры (р. Короча, Шебекинский район Белгородской области) (заключение Т.И. Алексеевой, М.В. Козловской). Морфология мужского и двух женских черепов из Таганского могильника, по заключению А.А. Казарницкого, находит аналогии среди субстратных европеоидных популяций Восточной Европы, при этом для женских черепов отмечена небольшая монголоидная примесь.

Для уточнения хронологии памятников «золотоордынского круга» важна находка в грунтовом погребении на поселении Затон-1 трех монет Токтамышша, одна из которых датирована 786 г.х. (1384/1385 г.) (определение В.Ю. Гончарова).

С достаточным основанием можно говорить о сосуществовании групп населения, оставивших перечисленные выше группы памятников в XIV в. Показательным в этом плане является район Побитюжья, в котором изучались русские поселения (Дрониха), погребения кочевников (Новый Буравль), золотоордынские мавзолеи у пос. Красный, Таганский грунтовой могильник и поселение «золотоордынского круга». Примечательно, что в XVII в. русские люди знали о «татарской мечети каменной» на реке Мечеть (экспедиция Ивана Жолобова 1685 г.).

После событий «великой замятни» в Орде, Куликовской битвы бассейн Среднего Дона полностью не запустел. Здесь в период плавания Пимена существовали русские поселки, золотоордынские поселения и мавзолеи, поселки населения, оставившего грунтовые могильники «золотоордынского круга». Продолжали вести хозяйственную деятельность в этом районе кочевые группы населения. Картина «запустения» Верхнего и Среднего Подонья, описанная в «Пименовом хождении в Царьград», не соответствует данным археологических исследований. Но ситуация в Среднем Подонье в конце XIV — начале XV вв. была нестабильной, о чем свидетельствуют клады золотоордынских монет этого периода (Отрожки, Девицы).

Mikhail V. Tsybin. Candidate of Historical Sciences. Voronezh State University. Address: Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394006, Russian Federation. E-mail: mvcidin@yandex.ru

Some Questions of Historical Geography of the Middle Don Region in the Era of the Golden Horde. Are characterized monuments of the Middle Don region in the the Golden Horde period. They relate to different groups of population: are settlements with Russian ceramics and nomadic graves, mausoleums, burial grounds and settlements. New data of anthropological researches are provided. Comparison of data of archeology and written sources is carried out.

Keywords: Middle Don region, Golden Horde, Russian settlements, nomadic burials, mausoleum.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Военная организация кочевников Крыма в XII—XIV веках

Ключевые слова: Крым, средневековые кочевники, погребения, военная организация, половцы, история, археология.

На территории Крымского полуострова на сегодняшний день исследовано 62 курганных, грунтовых и склеповых могильника (рис. 1), в которых открыто 95 средневековых кочевнических погребений, датирующихся XII—XIV вв.

Краткая характеристика погребений из 26 могильников ранее была представлена

А. И. Айбабиным (Айбабин 2003а: 74—77, рис. 6, табл. 49—51; 2003б: 277—278, рис. 1, табл. 1—2). Э. И. Сейдалиеву известно 23 кочевнических могильника (Сейдалиев 2009: 378, рис. 1). В целом можно констатировать, что комплексный анализ кочевнических погребений Крыма XII—XIV вв. до сих пор не принимался.

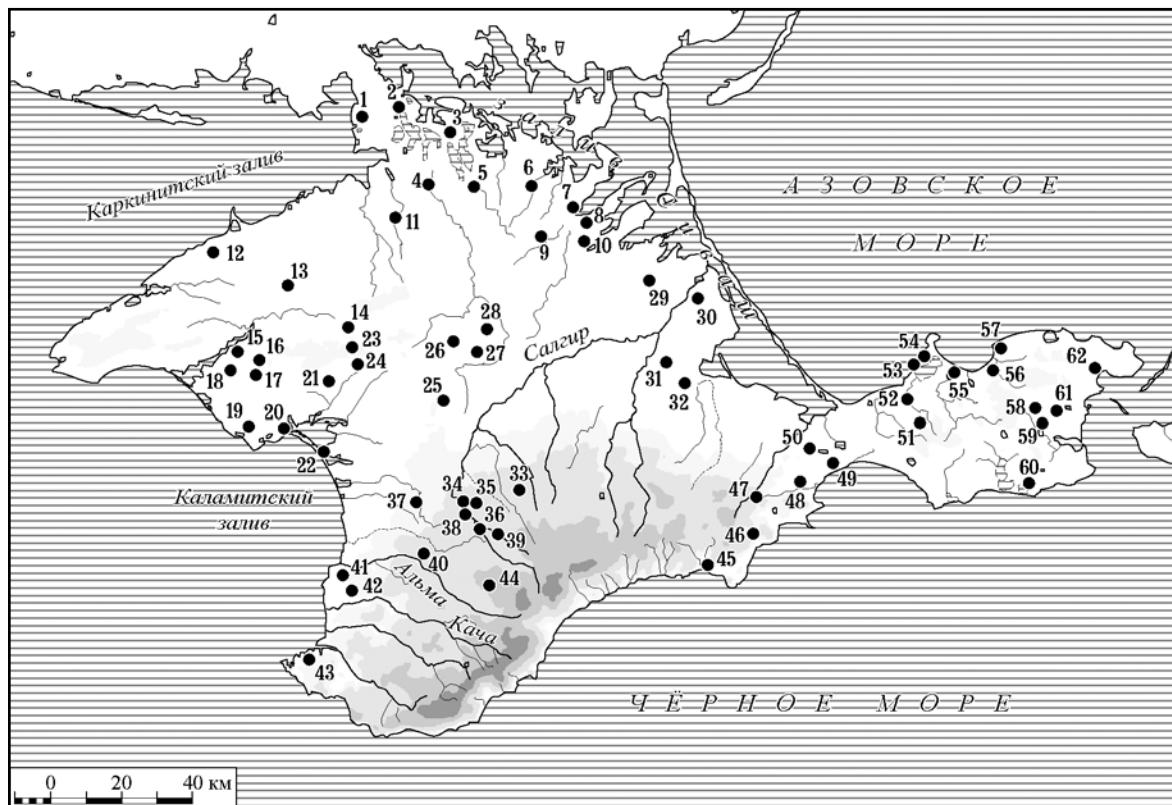

Рис. 1. Погребальные памятники средневековых кочевников XII—XIV вв. в Крыму: 1 — Рисовое; 2 — Филатовка; 3 — Танковое; 4 — Чагарлык; 5 — Богачевка; 6 — Мартыновка; 7 — Столбовое; 8 — Раздольное (Шалфейное); 9 — Джанкой; 10 — Перепелкино; 11 — Матвеевка; 12 — Далекое; 13 — Березовка; 14 — Сусаннино; 15 — Веселовка; 16 — Солдатово; 17 — Наташино; 18 — Наумовка; 19 — Ромашкино; 20 — Евпатория; 21 — Мамай; 22 — Кара-Тобе; 23 — Луговое; 24 — Журавлевка; 25 — Краснознаменка; 26 — Дальнее; 27 — Котельниково; 28 — Григорьевка; 29 — Нежинское; 30 — Заливное; 31 — Черноземное; 32 — Раздольное; 33 — Белое; 34 — Красный; 35 — Битумное; 36 — Бахчи-Эли; 37 — Булганак; 38 — Симферополь; 39 — Чокурча (Луговое); 40 — Казанки; 41 — Вилино; 42 — Альма-Кача; 43 — Херсонес; 44 — Тавельский; 45 — Сугдея; 46 — Арматлук; 47 — Коклюк; 48 — Ближнее Боевое; 49 — Приморский; 50 — Владиславовка; 51 — Луговое; 52 — Ильичево; 53 — Семеновка; 54 — Ақ-Таш; 55 — Останино; 56 — Белинское; 57 — Золотое; 58 — Михайловка; 59 — Илурат; 60 — Элькен; 61 — Васильевка; 62 — Боспор.

Fig. 1. Funerary sites of the medieval nomads of the 12th — 14th centuries in the Crimea: 1 — Risovoye; 2 — Filatovka; 3 — Tankovoye; 4 — Chagarlyk; 5 — Bogachevka; 6 — Martynovka; 7 — Stolbovoye; 8 — Razdolnoye (Shalfeynoye); 9 — Dzhankoy; 10 — Perepelkino; 11 — Matveevka; 12 — Dalekoye; 13 — Berezovka; 14 — Susannino; 15 — Veselovka; 16 — Soldatovo; 17 — Natashino; 18 — Naumovka; 19 — Romashkino; 20 — Eupatoria; 21 — Mamay; 22 — Kara-Tobe; 23 — Lugovoye; 24 — Zhuravlevka; 25 — Krasnoznamenka; 26 — Dalnee; 27 — Kotelnikovo; 28 — Grigoryevka; 29 — Nezhinskoye; 30 — Zalivnoye; 31 — Chernozemnoye; 32 — Razdolnoye; 33 — Beloye; 34 — Krasny; 35 — Bitumnoye; 36 — Bakhchi-Eli; 37 — Bulganak; 38 — Simferopol; 39 — Chokurcha (Lugovoye); 40 — Kazanki; 41 — Vilino; 42 — Alma-Kacha; 43 — Khersones; 44 — Tavel'sky; 45 — Sugdeya; 46 — Armatluk; 47 — Koklyuk; 48 — Blizhnee Boyevoye; 49 — Primorsky; 50 — Vladislavovka; 51 — Lugovoye; 52 — Ilyichevo; 53 — Semenovka; 54 — Ak-Tash; 55 — Ostanino; 56 — Belinskoye; 57 — Zolotoye; 58 — Mikhaylovka; 59 — Ilurat; 60 — Elken; 61 — Vasilyevka; 62 — Bospor.

Из рассматриваемых нами 81 погребения (остальные — разрушены при ограблении), 56 являются мужскими, с различным комплексом вооружения, 25 — женских.

Мужские погребения возможно дифференцировать по степени вооружения. Такая классификация 156 воинских погребальных комплексов с территории Волго-Донского междуречья была проведена А.Г. Атавиным (Атавин 2008: 93—96, табл. 17—22), а впоследствии скорректирована на материалах 92 кочевнических погребений Предкавказья (Чхаидзе, Дружинина 2011: 128—129).

На основе анализа материалов 56 крымских мужских погребений (не всегда сопровождающихся захоронением лошади) выделяются три группы воинских кочевнических погребений:

I. Тяжеловооруженная конница с металлическим защитным вооружением (кольчуги, часто шлемы) и полным набором оружия ближнего и дальнего боя (сабли, реже копья, луки со стрелами). Иногда встречаются украшения. Группа состоит из 9 погребений (16%): Березовка — 1/1; Битумное; Григорьевка — 10/2; Журавлевка — 3/1; Котельниково — 1/3; Красный — 6; Приморский (Дальние

Камыши) — 9/1; Солдатово — 5/2; Столбовое — 1/3.

II. Конница без защитного вооружения или же с неметаллическими доспехами, также с полным набором рубящего оружия (сабли) и оружия дальнего боя (луки со стрелами) — 28 погребений (50%).

III. Легкая конница, вооруженная только луками и стрелами, редко саблями — 19 погребений (34%).

Как видно, аналогично материалам из Волго-Донского региона, в Крыму также выделяются три группы погребений с примерно равным процентным соотношением (в Предкавказье, правда, отмечена высокая концентрация кочевников I группы). Помимо этого, крымские материалы не подтверждают высказанный С.А. Плетневой (а вслед за ней А.Г. Атавиным) тезис о существовании у половцев института «амазонства» (ср.: Чхаидзе, Дружинина 2011: 129).

Представленная картина отражает военную, причем, социально стратифицированную организацию кочевого общества в Крыму (ср.: Чхаидзе, Дружинина 2013: 173—174), просуществовавшую вплоть до включения половцев в состав войска Золотой Орды.

Айбабин А.И. 2003а. Степь и Юго-Западный Крым. Крым в X — первой половине XIII века. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века. Археология*. Москва: Наука, 74—81.

Айбабин А.И. 2003б. Города и степи Крыма в XIII—XIV вв. по археологическим свидетельствам. *МАИЭТ X*, 277—306.

Атавин А.Г. 2008. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX — первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы). В: Афанасьев Г.Е. (отв. ред.). *Древности юга России*. Памяти А.Г. Атавина. Москва: ИА РАН; Таус, 71—105.

Сейдалиев Э.И. 2009. Средневековое погребение из Та-

вельского кургана №5 у с. Красноселье. *МАИЭТ XV*, 378—388.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2011. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII—XIV веках. В: Васильев Д.В., Зеленева Ю.А., Ситдииков А.Г. (ред. колл.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2—6 октября 2011 г.). Казань: ИИ АН РТ, 127—129.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2013. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии. *Поволжская археология* 4 (2). Казань, 171—178.

Victor N. Chkhaidze. Candidate of Historical Sciences. Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences. Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

The Military Organization of the Nomads of the Crimea in 12th—14th Centuries. The report presents differentiated according to the degree of arms 49 male burials of medieval (12th—14th centuries), which were identified in 56 cemeteries in the Crimea. Based on the analysis of materials, three groups of military burials of nomads: 1. Heavily armed cavalry with metal protective arms and a full set of weapons and melee; 2. Cavalry without defensive arms, or with a non-metallic armor, also with a full set of chopping weapons and ranged weapons; 3. Light cavalry armed only with bows and arrows, swords rarely. The picture presented of the military organization of the Polovtsian society in Crimea, which existed until the inclusion in the composition of the Polovtsian troops of the Golden Horde.

Keywords: the Crimea, medieval nomads, burials, military organization, Cumans.

References

- Aibabin, A.I. 2003. In Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (ed.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. Arkheologiya (The Crimea, North-Eastern Black Sea Region, and Transcaucasia in the Middle Ages; the 4th—13th Centuries: Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 74—81 (in Russian).
- Aibabin, A.I. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X. Simferopol, 277—306 (in Russian).
- Atavin, A.G. 2008. In Afanas'ev, G.E. (ed.). *Drevnosti Iuga Rossii: pamiaty A.G. Atavina (Antiquities of the South of Russia: in Memory of A.G. Atavin)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Taus, 71—105 (in Russian).
- Seidaliev, E.I. 2009. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XV. Simferopol, 378—388 (in Russian).
- Chkhaidze, V.N., Druzhinina, I.A. 2011. In Vasil'ev, D.V., Zeleneev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 127—129 (in Russian).
- Chkhaidze, V.N., Druzhinina, I.A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (4). Kazan: "Fän" Publ., Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, 171—178 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 10 марта 2016 г.

Н. И. Юдин, А. П. Минаев

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья

Ключевые слова: Нижнее Подонье, Северо-Восточное Приазовье, Золотая Орда, Средневековье, историческая география, поселение, малые города, сельское поселение, история, археология.

Историческая география Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья в эпоху Золотой Орды — не новая тема для исследований. На настоящий момент опубликовано несколько научных работ, освещающих вопросы, связанные с золотоордынским Азаком и его округой. В публикациях, связанных с темой настоящей статьи, фигурируют более семи десятков памятников.

В настоящее время, на многих уже известных памятниках, расположенных в пределах указанного региона, проводятся археологические обследования — сборы подъемного материала, с последующей фиксацией находок прибором GPS, шурфовочные работы. Итогом данных мероприятий становится определение и уточнение границ уже обследованных поселений, что позволяет представить картину заселения Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья более отчетливо.

Полученные данные с отдельно взятых памятников дают возможность поставить вопрос об их статусе — являются ли они малыми городами или сельскими поселениями.

Для ряда объектов, таких как Платоно-Петровка I, Донской 1, группа поселений Пешково I—V, Кагальницкое поселение, поселение Ново-Николаевка, Новомаргаритовское поселение предложено решение этого вопроса. Они, вероятно, являются *малыми городами*, т. е. объектами, на которых зафиксированы признаки наличия в них развитой экономической жизни — наличие организованного ремесла и торговли, подтверждающееся находками производственных комплексов, орудий труда, полуфабрикатов, привозных вещей, деталей весов, монет и денежных слитков; земледелия, скотоводства, промыслов; военного дела — находок оружия и доспехов. В отдельных случаях имеются данные о наличии монументальных

построек, свойственных только городам. Кроме того, вышеперечисленные памятники можно отнести к городам из-за их размера. Недавно в качестве нижней отметки для отделения малого города от сельского поселения была предложена цифра в 30 га. Все названные поселения соответствуют этому критерию, занимая площадь в среднем в 40—50 га, за исключением Платоно-Петровки I (свыше 91 га) и Донской 1 (на настоящий момент менее 10 га, но известно, что большая часть поселения размыта рекой Дон).

Абсолютное большинство известных в настоящее время памятников указанного региона известно только по сборам подъемного материала. Тем не менее, на основании имеющихся данных можно определить примерную площадь большинства исследованных объектов. Исходя из разницы в площади поселений, они делятся на условные группы. Также на основании площади можно предположить их статус.

Крупные сельские поселения с площадью 10—30 га. Сюда относятся такие поселения, как Прорвин бутор I (15 га), Дугино X (15 га), Павловка IV (30 га), группа поселений Зеленый I—II (17 га), поселение Мило-Яковлевка VIII (16 га), поселение Узьяк IV (14 га), поселение Еремеевка I (25 га).

Мелкие сельские поселения с площадью 1—10 га. В их числе находятся группа поселений Узьяк I—III, V (0,4—2,7 га), поселения Петровский I—II (0,5—0,7 га), группа поселений Азовка I—V (1,8—3,7 га), Новоалександровка III (7,6 га).

Кроме того, археологические разведки 2014—2015 гг. позволили выявить несколько неизвестных ранее памятников. К их числу относятся поселения, расположенные по берегам реки Мокрая Чубурка, памятники на пойменных островах реки Кагальник (Платоно-Петровка II,

VI, VII, X), и в дельте Дона (Дугино XII), поселение Азовская свалка I и др.

Разбор полученных с поселений материалов также говорит о том, что не всегда их статус свя-

зан с площадью. В некоторых случаях большие памятники представлены невыразительными находками, не дающими право определить их как малые города или крупные села.

Nikita I. Yudin. Master in History. Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve. Address: Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation. E-mail: istoricus@mail.ru

Alexandr P. Minaev. Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve. Address: Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation. E-mail: vallet-dre@mail.ru

New Data on the Historical Geography of the Golden Horde Settlements in the Lower Don and North-Eastern Azov Regions. The authors present new data, obtained by collecting stray finds and their fixation with the GPS device, as well as by means of trial excavations, which allows clarifying the boundaries of the Lower Don and North-Eastern Azov region settlements and raising the question about their either urban or rural status. A classification of the examined sites into three major categories — small cities, large and small rural settlements — is proposed. The main criterion is the dimension of the area occupied by the latter, while the finds attesting to the predominance of certain types of economic activity are also taken into account.

Keywords: Lower Don, North-East Azov region, Golden Horde, Middle Ages, historical geography, settlement, small towns, rural settlement.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Список сокращений

АГОИАМЗ	— Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник. Астрахань.
АГПИ	— Армавирский государственный педагогический институт. Армавир.
АГПУ	— Астраханский государственный педагогический университет. Астрахань.
АГУ	— Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова. Атырау.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Москва.
АП	— Археология Приаралья.
АССР	— Автономная советская социалистическая республика (в составе СССР).
АТР	— Азиатско-Тихоокеанский регион.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БГПУ	— Башкирский государственный педагогический университет. Уфа.
БФ АН СССР	— Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
ВАН ЧР	— Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва; Ленинград.
ВНК	— Всероссийские нумизматические конференции. Тезисы докладов и сообщений. Москва; Санкт-Петербург.
ВОКМ	— Волгоградский областной краеведческий музей. Волгоград.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории Российской Академии наук. Москва.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань.
ИПК КГПУ	— Институт повышения квалификации Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Красноярск.
ИРАН	— Императорская Российская Академия наук. Санкт-Петербург.
ИрГУ	— Иркутский государственный университет. Иркутск.
ІМФЕ НАНУ	— Институт мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАНУ. Київ.
Кавминводы	— Кавказские минеральные воды (город Минводы).
КБИГИ РАН	— Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований Российской Академии наук. Нальчик.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. Краснодар.
КГТУ	— Кемеровский государственный технологический университет. Кемерово.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Красноярск.
КЖЮР	— Культурная жизнь Юга России. Краснодар.
К(П)ФУ	— Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР / Российской Академии наук. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КЧГУ	— Карачаево-Черкесский государственный университет. Черкесск.
КЭС	— Кавказский этнографический сборник. Москва.
МарНИИЯЛИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАН	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИИНСК	— Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
МИСК	— Материалы по истории Ставропольского края. Ставрополь.
МФ АН СССР	— Молдавский филиал Академии наук СССР. Кишинёв.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАРТ	— Национальный архив Республики Татарстан. Казань.
ОАИЭ	— Общество археологии, истории и этнографии. Казань.
ОАО	— Открытое акционерное общество.

ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ПГТУ	— Пятигорский государственный технологический университет. Пятигорск.
ППВ	— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Москва.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
ПТ	— Памятники Туркменистана. Ашхабад.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
СГКМ	— Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ставрополь.
СЕЭС	— Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
СКАЭ	— Северо-Кавказская археологическая экспедиция Института археологии РАН. Москва.
СОГОМИАЛ	— Северо-Осетинский государственный объединенный музей истории, архитектуры и литературы. Владикавказ.
СОГУ	— Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТМНК МДОМГ	— Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков». Москва.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
УЗ АН	— Ученые записки Академии наук.
ЧГИГН	— Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.
ЧИНИИСФ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Грозный.
ЧНИИЯЛИЭ	— Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии. Чебоксары.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. Москва.
АЕАЕ	— Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. Novosibirsk.
АŞ RM	— Academia de Ştiinţe a Republicii Moldova. Chişinău.
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
Stratum plus	— Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест.

Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов
(17 июля 1931 — 23 апреля 2000)

Российский историк и археолог, специалист по археологии, истории, нумизматике Золотой Орды и средневековой Восточной Европы, один из основателей и руководитель Поволжской археологической экспедиции. Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, член-корреспондент Германского археологического общества с 1983 года, действительный член РАЕН, лауреат Ломоносовской премии I степени (1998 г.), координатор секции археологии Экспертного совета по истории, археологии, этнографии Российского гуманитарного научного фонда